ЭН

ЭН

ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ АН СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ АН СССР

Редакционная коллегия серии «Экономическое наследие»: академик АН СССР *Л. И. Абалкин* (председатель); академик АН СССР *А. Г. Аганбегян*; д. э. н. *А. А. Баранов*; чл.-корр. АН СССР *П. В. Волобуев*; чл.-корр. АН СССР *Л. М. Гатовский*; д. э. н. *В. А. Жамин* (зам. председателя); д. э. н. *Н. А. Климов*; д. э. н. *А. А. Куликов*; к. э. н. *Я. И. Кувьминов* (ученый секретарь); к. э. н. *В. А. Мау* (ученый секретарь); академик АН СССР *А. Г. Милейковский*; к. э. н. *Б. А. Мясоедов* (зам. председателя); чл.-корр. АН СССР *Н. Я. Петраков*; академик АН СССР *А. М. Румянцев*; д. э. н. *Н. К. Фигуровская* (зам. председателя)

ЭН экономическое наследие

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ АН СССР
ВАСХНИЛ

А. В. ЧАЯНОВ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Редакционная коллегия: академик *А. А. Никонов* (ответственный редактор); академик *Л. И. Абалкин* (зам. ответственного редактора); академик ВАСХНИЛ *Б. И. Пошкус*; кандидат технических наук *В. А. Чаянов*; член-корреспондент ВАСХНИЛ *Г. И. Шмелев*; кандидат экономических наук *В. А. Белянов*.

МОСКВА «ЭКОНОМИКА» 1989

ББК 65.02
Ч323

Издание подготовили: докт. экон. наук **Н. К. Фигуровская** (руководитель), канд. экон. наук **А. И. Глаголев** (ученый секретарь)

Краткий биографический очерк: канд. ист. наук **В. В. Кабанов**

Вступительная статья: докт. экон. наук **Н. К. Фигуровская**, канд. экон. наук **А. И. Глаголев**

Комментарии: канд. экон. наук **А. И. Глаголев, Л. А. Овчинцева**

Указатель имен: **Л. А. Овчинцева, С. С. Сальников**

Библиография: **А. Ю. Мельников, А. М. Никулин**

Научно-вспомогательная работа: **Ю. В. Кочетыгова, А. В. Верижников**

Редакторы **А. И. Калмыкова, Е. А. Рязанцева**

© А В Чаянов, 1989
© Составление и вступительная статья: Н. К. Фигуровская, А. И. Глаголев; краткий биографический очерк: В. В. Кабанов; комментарии: А И Глаголев, Л. А. Овчинцева; указатель имен. Л. А. Овчинцева; С. С. Сальников; библиография: А. Ю Мельников, А. М. Никулин, 1989

Ч $\frac{0602000000-146}{011(01)-89}$ КБ—51—7—88

ISBN 5—282—00835—1

ЭН

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В данный выпуск серии «Экономическое наследие» включены труды видного представителя организационно-производственной школы русского советского экономиста Александра Васильевича Чаянова (1888—1937).

Из обширного литературного наследия А. В. Чаянова (библиография насчитывает более 200 названий) составители тома предложили издательству ряд работ по теории крестьянского хозяйства. Статьи и книга «Организация крестьянского хозяйства» (1925) — это научные разработки центральной проблемы творчества ученого, аграрной политики, интерес к которым сохраняется и поныне.

Публикации в связи со 100-летием со дня рождения А. В. Чаянова приковали внимание читателей к его трудам, среди которых имеются и литературные произведения, тесно связанные с аграрными идеями. Именно поэтому издательство считает важной проблему развития и утверждения чаяновской концепции, нашедшей отражение в данном издании. Выходящее в одной серии с книгой избранных трудов Н. Д. Кондратьева, оно обогащает современное представление об уровне развития русской аграрной мысли и экономической науки первого послереволюционного десятилетия.

Научная реабилитация А. В. Чаянова важна для формирования высоких нравственных начал советской экономической теории, объективного раскрытия научного потенциала страны, показа реальной картины того, что потеряли последующие поколения, допустив гибельный для науки процесс перехода от плюрализма к единомыслию, от развития научных начал — к экономическому конформизму.

ЭН

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК[1]

Александр Васильевич Чаянов, сын купца Василия Ивановича Чаянова и Елены Константиновны Клепиковой (из мещан), родился в Москве 17 января 1888 г.

Окончив частное реальное училище Воскресенского, юноша в 1906 г. поступил в Московский сельскохозяйственный институт (так тогда называлась Петровская сельскохозяйственная академия) скорее всего под влиянием родственников: его мать была одной из первых женщин, окончивших «Петровку», ее выпускником был и двоюродный брат Александра — известный опытник Сократ Константинович Чаянов.

С учебным заведением А. В. Чаянову повезло. Это были годы расцвета Петровской академии. Среди преподавательского состава выделялись профессора Н. Н. Худяков, А. Ф. Фортунатов, Д. Н. Прянишников, которые оказали самое благотворное влияние на юношу. А из студентов он сошелся со своим однокурсником Н. И. Вавиловым.

Вспоминая эти годы, Николай Иванович Вавилов писал: «Это была пора, когда в академии было 300 студентов, знавших друг друга, когда вся академия от профессоров до студентов была большой дружной семьей. То была пора кружков любителей естествознания, общественной агрономии, дополнявших и без того прекрасную школу. Студент ловил идеи у профессуры и сам быстро превращался в исследователя»[2].

А. В. Чаянов подготавливает много докладов в семинарах А. Ф. Фортунатова, В. Я. Железнова и др., с увлечением работает в лаборатории физиологии растений Н. Н. Худякова (только чудом не становится физиологом!), посещает наиболее популярные студенческие научные кружки любителей естествознания и по общественной агрономии.

Достаточно назвать несколько из множества его докладов, чтобы судить о широте и разнообразии его интересов: «Теория предельной полезности по К. Менгеру», «Графический метод исследования функций двух переменных», «К вопросу о догме и критике технических методов статистического анализа», «Сравнение статистического метода с методами естественных наук», «Факторы, обусловливающие пестропольную систему полевого хозяйства на юге России», «Значение изучения организационных планов крестьянского хозяйства для деятелей агрономической помощи населению», «Сущность и пределы науки», «Дарвинизм и социология», «Существует ли принципиальное различие между опытами и методами статистического исследования», «Общественные мероприятия в сельском хозяйстве Италии», «История сельского хозяйства в Бельгии»[3].

В этом многообразии все же выделяется то главное, что впоследствии приобретает более четкие очертания. Первое — это попытка целостного, глобального восприятия и осмысления задач науки (с позиций и философии, и естествознания, и социологии, и политэкономии). Второе — это выбор основных направлений будущих исследований: крестьянское трудовое хозяйство, кооперация, общественная агрономия. Третье — это отработка инструментария, методики исследовательской работы, отсюда интерес к статистике и счетному методу.

Обращает на себя внимание интерес молодого студента, уже на 1-м курсе, к трудам К. Менгера, основателя австрийской школы теории предельной полезности, а в дальнейшем и Э. Лаура, которые оказали влияние на ранние работы А. В. Чаянова.

Если принять во внимание живейший интерес молодого человека к истории, особенно истории Москвы, искусству, литературе, книге, причем интерес не дилетанта, а человека, профессионально постигающего суть предмета, то перед нами возникает формирующийся тип ученого эрудированного, разностороннего, словом, из тех, кого назовут последними энциклопедистами.

Во время каникул А. В. Чаянов посещает в 1908 г. Италию, а в 1909 г. — Бельгию. Он знакомится с этими странами не столько как турист, сколько как ученый. Молодой человек, которому едва исполнилось двадцать, в 1909 г. составляет настоящую программу ознакомления с постановкой в этих стра-

[1] Дополнительные биографические данные см.: Белых Г. Подвижничество //Тимирязевец (органа ТСХА). 1988. 15 января; Зараев М. Читая Чаянова //Сельская жизнь. 1988. 16 января; Мясоедов Б. Кто такой Чаянов //Книжное обозрение. 1988. 22 января; Коновалов В. Открытие Чаянова //Комсомольская правда. 1988. 29 января; Гавричкин В. Александр Чаянов — гражданин и ученый //Известия. 1988. 29 января; Балязин В. Возвращение. К 100-летию со дня рождения А. В. Чаянова //Октябрь. 1988. № 1; Пэнэжко П. Как ударили по «чаяновщине» //Огонек. 1988. № 10.

[2] Вавилов Н. И. Из воспоминаний о Н. Н. Худякове //Известия сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. 1928. № 3. С. 172.

[3] ЦГИАМ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 189. Л. 10.

нах агрономического образования и кооперативной работы. Его доклады по возвращении на родину о своих впечатлениях пользуются популярностью не только в студенческой аудитории, но и среди кооператоров и агрономов.

Именно поэтому в 1908 г. появляется его первая печатная работа о кооперации в Италии. В последующие годы их число увеличивается, и в год окончания института (в 1911 г.) А. В. Чаянов уже был автором 18 печатных работ, которые были по достоинству оценены не только в институте, но и в кооперативно-агрономических кругах[4]. Он был оставлен для подготовки к научной и преподавательской работе при кафедре сельскохозяйственной экономии (летом 1910 г., еще до официального получения диплома об окончании института[5]). Одновременно он привлекается к работе над бюджетными обследованиями, которая ему поручается агрономическим съездом Московской губернии, состоявшимся в 1911 г. А вскоре последуют приглашения для чтения различных экономических курсов в МСХИ, коммерческом институте, университете им. А. Л. Шанявского.

Но прежде, сдав магистрский экзамен в 1912 г., А. В. Чаянов совершил годичную командировку в Западную Европу, куда он был направлен на стажировку. Там он работает под руководством профессора В. О. Борткевича в Берлине и Д. Золла в Париже, где завершает «Очерки теории трудового хозяйства». Этим трудом он вносит важный вклад в формирование нового организационно-производственного направления русской экономической мысли.

А. В. Чаянов и его единомышленники А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников ставили своей целью улучшение крестьянского трудового хозяйства на основе рациональной организации производства, его интенсификации за счет передовой технологии, кооперирования сбыта и переработки сельскохозяйственных продуктов и т. д.

Новая организация крестьянского хозяйства мыслилась организационно-производственным направлением вне ломки существующего политического и экономического строя России.

В основе понимания природы крестьянского трудового хозяйства представителями организационно-производственного направления лежала семейно-трудовая теория, с помощью которой доказывались исключительная выживаемость и устойчивость крестьянского хозяйства. Эта устойчивость многократно усиливалась посредством кооперации. Отсюда самое пристальное внимание уделялось теории и практике кооперативной работы.

[4] В СССР библиография трудов А. В. Чаянова была опубликована: Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев Указатель литературы М.: ИНИОН, 1988.

[5] Дипломная работа А. В. Чаянова «Южная граница распространения трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России» была выполнена под руководством А. Ф. Фортунатова и одобрена Д. Н. Прянишниковым (ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д 6657. Л. 11).

Практическая работа А. В. Чаянова сосредоточивается в области крестьянского льноводства и льноводческой кооперации. Созданное А. В. Чаяновым, С. Л. Масловым, А. А. Рыбниковым, В. И. Анисимовым и др. в 1915 г. Центральное товарищество льноводов уверенно и поразительно быстро завоевывает внутренний и мировой рынок.

Успешная деятельность русской кооперации во многом зависела от наличия хорошо подготовленных кадров. Поэтому много внимания А. В. Чаянов отдает работе на различных кооперативных курсах. Наиболее широко, систематически и квалифицированно постановку кооперативного образования удалось наладить Московскому народному университету им. А. Л. Шанявского. Здесь сосредоточиваются лучшие кооперативные силы: А. Е. Кулыжный, П. А. Садырин, С. Н. Прокопович, В. Н. Зельгейм, М. И. Туган-Барановский и др.

В этой среде прочно утверждается молодой Чаянов, который, помимо чтения лекций по ряду экономических дисциплин, выполнял еще и обязанности секретаря кооперативного отдела Московского народного университета. Эта организационная работа, связанная с постановкой учебного плана, приглашением преподавателей, организацией экскурсий для слушателей, проведением собеседований с ними и т. д., хотя и способствовала завязыванию многочисленных знакомств в научной и кооперативной среде, была очень хлопотной и отнимала много времени и сил. А ведь он не прекращал своей основной работы в МСХИ. В 1915 г. Чаянов согласно формулярному списку значился преподавателем кафедры сельскохозяйственной экономии с годовым содержанием в 2100 руб.; он высочайше удостоен по ведомству Министерства земледелия чина коллежского секретаря[6].

А. В. Чаянов прекрасно владеет аудиторией. Его лекции интересны и собирают много слушателей. Очень скоро ему будут поручать ответственные вводные лекции для молодых слушателей.

Петровка оставалась главной «средой обитания» А. В. Чаянова, но оживленным участком работы была кооперативная деятельность.

В 1915—1916 гг. кооперативный отдел университета им. А. Л. Шанявского — это по существу мозговой центр русской кооперации. Именно здесь формируется то ядро, которое в июле 1915 г. организует Всероссийский центральный коопера-

[6] ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 2. Д. 317. Л. 207—208.

тивный комитет, оформившийся в 1917 г. во Всероссийский Совет кооперативных съездов — высший орган кооперации. Именно это ядро решится выдвинуть в 1917 г. кооперацию в качестве самостоятельной общественной организации на политическое поприще.

Непременным участником всех кооперативных инициатив станет А. В. Чаянов. Его избирают в члены Всероссийского Совета кооперативных съездов, который выдвигает А. В. Чаянова в качестве представителя от кооперации в учреждения Временного правительства (Государственный комитет по народному образованию, Министерство земледелия, Предпарламент) и общественные организации (Лига аграрных реформ и др.).

Каковы были политические позиции А. В. Чаянова в период революции? Прежде всего надо подчеркнуть, что он никогда не состоял в какой-либо политической партии. Активизация его общественно-политической деятельности связана с общим национальным подъемом, с пробуждением «кооперативного самосознания», расширением сферы деятельности кооперации, ее распространением на культуру, просвещение, политику. В области кооперативной работы ранее всего и прочнее утвердил себя Чаянов как личность. Поэтому его общественно-политические позиции правомернее всего рассматривать в контексте с судьбами русской кооперации.

А кооператоры, претендуя на политической арене на роль «надклассовой» третьей силы и добившись некоторого успеха на этом поприще, были преисполнены самомнения и самоуверенности. Они даже выдвинули кооперативную группу в качестве особой, имеющей самостоятельную платформу на выборах в учредительное собрание, но потерпели неудачу.

Кооператорам, как и многим русским интеллигентам, пришлось пройти через наивную веру в очистительную силу Февральской революции (и, следовательно, во Временное правительство). И лишь немногие понимали, что она, не решив и сотой части своих задач, уже сходила с исторической арены.

Одним из нерешенных был аграрный вопрос. А. В. Чаянов выступил в Лиге аграрных реформ со своим пониманием предстоящей земельной реформы. Он был против раздела земли, ратовал за ее национализацию. Первыми шагами на этом пути должны стать: изъятие земли из торгового оборота, регулирование перехода земли из рук в руки через земельные комитеты, введение прогрессивного дифференцированного налога. Крупные хозяйства подлежали принудительному отчуждению (за выкуп), леса и специальные виды хозяйства (племенные, селекционные) национализировались. Государство должно было проводить мелиорационные и землестроительные мероприятия, организовать переселенческий фонд и проводить аг-

рарную политику, облегчавшую развитие трудового хозяйства.

Однако (и в этом главное) любая программа, в том числе и чаяновская, предлагавшаяся без учета вопроса о власти, без учета стремительно нарастающего могучего крестьянского восстания, была утопичной и обреченной на неудачу.

То, что делали А. В. Чаянов и его коллеги в Лиге аграрных реформ, Главном земельном комитете, Министерстве земледелия и других организациях по учету земельного фонда, проведению переписей, тщательной проработке земельной реформы и различных подготовительных мер к ее проведению, было, безусловно, нужно. Но события нарастали катастрофически быстро. Требовалась немедленная передача земли крестьянам. Эсерствующие и беспартийные аграрники-специалисты так и не смогли решить противоречия между экономической гармонией и политической целесообразностью. Для них было ближе сохранение порядка, нежели его нарушение, даже во имя справедливости. (Хотя о каком порядке могла идти речь? Но даже тот относительный, который существовал, был бы неизбежно сметен «самым свирепым», по выражению В. И. Ленина, крестьянским восстанием.)

Венцом политической карьеры А. В. Чаянова в период буржуазно-демократической революции было выдвижение его на пост товарища министра земледелия в последнем составе правительства. И хотя двадцатидевятилетний Чаянов пробыл всего около двух недель на этом посту и фактически мало что мог сделать (возможно, он помогал своему старому товарищу С. Л. Маслову готовить тот печально знаменитый проект земельной реформы, который сурово раскритиковал В. И. Ленин), морально он должен разделить с Временным правительством ответственность за то, что крестьяне не получили землю.

Кооператоры встретили Октябрьскую революцию настороженно, а некоторые враждебно. Эти настроения отразил состоявшийся в феврале 1918 г. в Москве I Всероссийский кооперативный съезд, который по существу выразил недоверие Советской власти. В числе выступавших на съезде был и А. В. Чаянов. Однако вскоре позиции кооперативных лидеров меняются в сторону установления контактов с Советской властью. В марте 1918 г. был заключен взаимовыгодный компромисс, закрепленный декретом от 12 апреля 1918 г.

Однако деловое, сравнительно бесконфликтное сотрудничество кооперации с Советской властью продолжалось недолго. Особенно напряженно проходил комбедовский период. Тенденция огосударствления кооперации и изменения принципов ее работы стала проявляться особенно ярко.

Важнейшим шагом на пути ликвидации самостоятельности кооперации явилась национализация Московского народного (кооперативного) банка. Переговоры делегации кооператоров чрезвычайного съезда акционеров банка с В. И. Лениным по поводу этой акции проходили в конце ноября 1918 г. В составе делегации был и А. В. Чаянов. На его вопрос, нельзя ли оставить МНБ как кредитный центр кооперации, который «сохранял бы свою самостоятельность», В. И. Ленин ответил, что он видит в этом выгоду. В. И. Ленин подчеркнул, что отношение Советской власти к Центросоюзу всегда было благожелательным, она всегда входила с ним в соглашение и такое же отношение возможно с МНБ[7].

В резолюции ни слова не говорилось о слиянии кооперативного банка с государственным. Поэтому В. И. Ленин через два дня писал: «Представители съезда тогда заменили свою резолюцию другой, провели через съезд другую резолюцию, в которой вычеркнули все, что говорилось против слияния, *но... но* выдвинули план *особого* «кредитного союза» кооператоров, ничем на деле не отличающегося от особого баика!»[8]

2 декабря 1918 г. был принят декрет Совнаркома «О национализации Московского народного банка и кредитования кооперации»[9]. На балансе учреждений Народного банка РСФСР был открыт счет бывшего кооперативного банка[10].

История национализации МНБ показала, что взаимопонимания договаривающихся сторон не произошло. Переговоры шли на «разных языках»: кооператоры стояли на «кооперативных» принципах независимости кооперации от государства, В. И. Ленин полагал, что в новом обществе и кооперация должна строиться на новых принципах, которые вскоре и были изложены в ряде документов, особенно в декрете «О потребительской коммуне» от 20 марта 1919 г. Суть их — полный отказ от традиционных принципов кооператива — добровольности объединений, паев и т. д., принятие обязательного членства и пр. В результате ликвидации кредитного центра кооперация в сущности лишилась возможности свободного финансирования. Она получала от государства субсидии лишь под определенные торговые операции, проводившиеся по заданиям государства.

Все попытки получения иных источников (и форм) кредитования (в частности, из так называемого миллиардного фонда) не увенчались успехом.

Вопросы о сотрудничестве с Советской властью, о характере отношений с правительственными органами, об участии

[7] Ленин В И. Полн собр. соч. Т. 37. С. 196—197; Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация. М., 1973. С. 205.
[8] Ленин В И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 196.
[9] Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1968 Т. 4. С. 119—120.
[10] ЦГАНХ СССР. Ф. 2324. Оп. 4. Д. 1. Л. 12.

в них кооператоров и др. оживленно обсуждались с конца 1918 г. в кооперативных центрах, и прежде всего в идейном центре сельскохозяйственной кооперации — Сельскосовете.

Под председательством С. Л. Маслова здесь собирался весь цвет русской сельскохозяйственной кооперации: Н. В. Крылов, С. В. Бернштейн-Коган, А. Н. Минин, Н. П. Гибнер, Д. Г. Лихоносов, И. П. Матвеев, А. В. Чаянов. Эти члены Совета имели решающий голос. С правом совещательного голоса присутствовали: Н. И. Любимов, Н. Д. Кондратьев, Н. В. Воленс, Д. Г. Цвейтов, В. Н. Бреславец и др. На заседаниях часто присутствовали представители местных кооперативных союзов.

На этих заседаниях часто, иногда по нескольку раз, брал слово А. В. Чаянов. В архивном фонде Сельскосовета сохранились протоколы заседаний Совета, в которых зафиксированы все выступления А. В. Чаянова.

Так, на заседании 26 мая 1919 г. он выступил с докладом о схеме строительства сельскохозяйственной закупочной кооперации. Судя по тому, что на протяжении 1918 г. кооперация активно привлекалась правительством к распределительной и заготовительной работе, постановка подобного доклада была своевременной и актуальной.

Большинство рассматриваемых в Сельскосовете вопросов было так или иначе связано с вопросом о взаимоотношениях с органами Советской власти. При Наркомземе образуется кооперативный комитет, куда входит и А. В. Чаянов. Однако деятельность комитета не дала ощутимых результатов.

Начиная с февраля 1919 г. А. В. Чаянов, Н. В. Крылов и др. пытаются активизировать деятельность кооператоров. Однако это делать становилось все труднее из-за общего курса государства на интенсивное свертывание деятельности сельскохозяйственной кооперации. Многие кооператоры оставляют работу в кооперации.

С болью в сердце они пишут письмо В. И. Ленину, в котором указывают на разрушение крестьянских хозяйств, на развал кооперации. Критика кооператорами аграрной и продовольственной политики Советской власти была резкой, но не контрреволюционной, ибо иная политика, предлагавшаяся кооператорами, конструировалась ими в рамках советской системы. И, стало быть, это не означало отхода кооператоров от Советской власти. Правда, кое-кто эмигрировал, но многие продолжали трудиться в народном хозяйстве.

А. В. Чаянов с 1919 г. сосредоточивает свою работу в Народном комиссариате земледелия. Одновременно он продолжает преподавательскую работу в МСХИ, университете им. А. Л. Шанявского. Он много размышляет и пишет о народном образовании, о постановке высшего образования. Его волнуют вопросы музейного дела. Он участвует в работе Всерос-

сийского съезда по вопросам культурно-просветительной деятельности кооперации. Наконец, он пишет свою первую повесть, которая выходит в 1918 г. Год ее выхода автор на обложке помечает необычно: «1 год республики». Эта маленькая деталь подчеркивает его причастность к происходившему.

Сопричастность к великим свершениям революции он подтверждает серьезной работой в Наркомземе по землеустройству.

По заданию Наркомзема он разрабатывает сложнейшие теоретические вопросы землеустройства, которые имели большое практическое значение. К своей работе он привлекает лучшие агрономические силы, а также экономистов, статистиков (Н. Д. Кондратьев, А. Г. Дояренко и др.). Организованный им в 1919 г. семинарий по сельскохозяйственной экономии и политике вплотную занят актуальными проблемами землеустройства.

Порученная работа была выполнена довольно скоро. 21 марта 1921 г. в государственное издательство было направлено письмо, подписанное руководством Наркомзема (И. А. Теодоровичем и Н. Осинским), в котором говорилось: «По поручению Наркомзема Высшим семинарием сельскохозяйственной экономии и политики при Петровской сельскохозяйственной академии под руководством профессора А. В. Чаянова была предпринята научная разработка некоторых основных проблем землеустройства, доныне совершенно не освещенных в русской экономической литературе. В настоящее время уже закончены разработкой две чрезвычайно важные для научной постановки современных землеустроительных работ проблемы: 1) Оптимальные размеры площади сельскохозяйственного предприятия; 2) Методы определения количественного эффекта землеустроительных работ»[11]. Наркомзем ходатайствовал перед Госиздатом о срочном издании этих работ, каковые и вышли спустя некоторое время, выдержав несколько изданий.

Активная работа А. В. Чаянова в Наркомземе не была случайной. Страна испытывала острый недостаток в специалистах. И лучшие из них работали и в науке, и в высшей школе, и в кооперации, и в высших государственных учреждениях. Это имело несомненные плюсы: наука четко знала, что требуется практике, а вузы были осведомлены о ее потребностях, что способствовало целенаправленной подготовке будущих специалистов. Такое положение соответствовало и разносторонним интересам А. В. Чаянова, постоянно стремившегося глубоко вникнуть в суть дела, довести его до конца и осуществить в жизни. И в этом еще одна его характерная черта: и стремление, и умение сочетать теорию с практикой.

[11] ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1838. Л. 48—48 об.

Весной 1921 г., в переломный момент перехода к нэпу, А. В. Чаянов работает в очень ответственной комиссии по продналогу при Наркомземе (вместе с И. А. Теодоровичем, Б. Н. Книповичем, А. К. Берзиным, Н. Д. Кондратьевым и др.). Комиссия разработала и приняла 31 марта «Основные принципы построения продналога». В основу перехода от продразверстки к продналогу были положены учет интереса крестьянина, стимулирование его к хозяйственной деятельности.

Глубокие знания крестьянского хозяйства, правильное понимание экономической и политической ситуации, высокий профессионализм, наконец, успешные выполнения заданий руководства Наркомзема способствовали росту авторитета А. В. Чаянова не только в научной и кооперативной среде, но и среди советских и партийных работников. И не случайно в феврале 1921 г. он утверждается членом коллегии Наркомзема (с совещательным голосом)[12]. Тогда же, в феврале, В. И. Ленин предложил включить А. В. Чаянова в состав только что образованного Госплана[13]. А в апреле в связи с учреждением экономического совещания при плановой комиссии Наркомзема его назначают заместителем председателя этого совещания[14], призванного начать разработку мероприятий по подъему производительных сил сельского хозяйства.

Являясь весьма авторитетным членом коллегии Наркомзема, полное уважение и доверие к которому проявило тогдашнее руководство наркомата, А. В. Чаянов принимал самое непосредственное участие в подготовке важных документов комиссариата. С его участием подготавливались такие документы, как проекты постановлений о нормах обложения продналогом картофелеводческих хозяйств, об упорядочении крестьянской трудгужповинности, об улучшении постановки сельскохозяйственного образования, о концессиях и арендах в сельском хозяйстве, о концессиях на производство сельскохозяйственных машин и др.

А. В. Чаянов жил жизнью страны и искал приемлемые формы и способы возрождения народного хозяйства. Самым, пожалуй, главным в его работе этого периода была подготовка первого плана восстановления сельского хозяйства.

23 ноября 1921 г. на объединенном заседании президиума Госплана с сельскохозяйственной секцией Госплана и представителями Наркомзема был заслушан доклад А. В. Чаянова «Генеральный план Наркомзема на 1921—1922 гг.» Под председа-

[12] ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 1. Д. 473. Л. 47.

[13] Однако по каким-то причинам А. В. Чаянов не стал членом Госплана. Просмотр протоколов сельскохозяйственной секции и Президиума Госплана показал, что среди присутствовавших на заседаниях в течение 1921—1922 гг. его не было. Но он осуществлял представительство Наркомзема в Госплане.

[14] ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 1. Д. 473. Л. 86.

тельством Г. М. Кржижановского здесь собрались ученые, специалисты сельского хозяйства, статистики: В. Л. Вильямс, Д. Н. Прянишников, А. Е. Лисицкий, А. И. Хрящева, П. И. Попов, Н. Д. Кондратьев, А. В. Тейтель, Н. П. Огановский и др. Обсудив доклад, Госплан постановил: «Заслушав генеральный план НКЗ на 1921—1922 гг., Госплан признал его в основе построенным правильно и рассматривает его как программу первого реалистического подхода к построению единого сельскохозяйственного плана»[15]. В дальнейшем А. В. Чаянов отходит от работы по планированию.

1922 г. вносит много перемен в жизнь А. В. Чаянова. На базе семинария по сельскохозяйственной экономии и политике создается научно-исследовательский институт под тем же названием. Его директором становится А. В. Чаянов. Происходят изменения в личной жизни: он женится на Ольге Эммануиловие Гуревич. В том же году А. В. Чаянов получает длительную заграничную командировку.

Поездка предстояла весьма ответственная и преследовала несколько целей. Прежде всего это посещение международного конгресса по маслоделию, который состоялся в США. Далее необходимо было помочь наладить внешнеторговые связи Советского государства с помощью кооперации. Большую роль здесь должен был сыграть нарком внешней торговли Л. Б. Красин, введенный в состав правления Центросоюза и выступавший за рубежом в качестве его представителя. В распоряжение Красина и направлялся А. В. Чаянов. Кроме того, ему поручалось содействовать возвращению на родину Н. П. Макарова и А. Н. Челинцева. И наконец, предстояла обширная программа научиых работ, связанных с изучением мирового сельского хозяйства в научных и практических целях.

Отправившись за рубеж весной 1922 г., А. В. Чаянов и его жена пробыли там полтора года.

За рубежом, в мае 1923 г., рождается их первенец — сын Никита. В конце мая А. В. Чаянов в письме Г. А. Студенскому сообщает: «У меня все по-прежнему благополучно. Сын ведет себя великолепно и работать не мешает»[16].

Летом 1923 г. они живут в маленьком немецком городке Гейдельберге, что расположен между Франкфуртом-на-Майне и Штутгартом, недалеко от Мангейма. Отсюда в июне он буквально бомбардирует Наркомзем и экономистов-аграрников письмами с весьма интересными предложениями.

Дело в том, что среди экономистов Запада, немецких прежде всего (профессор Зеринг), зарождается замысел грандиозного труда «Положение мирового сельского хозяйства

[15] ЦГАНХ СССР. Ф. 478 Оп. 1. Д. 773. Л. 67, 113, 210, 212 и др.
[16] Там же. Оп. 2. Д. 1239. Л. 36.

9748

и торговля сельскохозяйственными продуктами после войны». Приглашались и русские ученые, авторский коллектив которых стал формировать А. В. Чаянов. Как ответственный редактор русского отдела серии, он пытается привлечь к работе Н. П. Макарова, Н. П. Огановского, А. Н. Челинцева, А. И. Хрящеву, Б. Н. Книповича, Г. А. Студенского, А. Е. Лосицкого, Н. Д. Кондратьева, И. М. Жирковича, П. И. Лященко и др. Наркомзем весьма положительно отнесся к этой инициативе.

За рубежом А. В. Чаянов вновь берется за разработку своей теории крестьянского хозяйства. Несколько статей он публикует в немецких журналах, а главный свой труд по этой проблеме — «Учение о крестьянском хозяйстве» — выпускает в Берлине в 1923 г. На родиие он выйдет в 1925 г. под названием «Организация крестьянского хозяйства», а в 1927 г. с немецкого издания осуществится перевод на японский язык.

За границей А. В. Чаянов пишет третью романтическую повесть «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» и издает ее в Берлине (вторая повесть «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» вышла в Москве в 1922 г.). Все повести вышли под псевдонимом «Ботаник Х»[17].

Помимо всего прочего, А. В. Чаянов занимается очень нужной для всех работой — закупает в счет выделенных специально средств книги. Эти книги предназначены для Наркомзема и для института, которым он руководит.

В письме из Гейдельберга от 15 июня 1923 г. он сообщает о том, что весьма прилежно занимается поручением коллегии Наркомзема. И здесь проявляются удивительная реалистичность, хладнокровие, выдержка, в конечном счете умение торговать. Он пишет: «Закупка затруднялась необходимостью самого тщательного отбора книг и выжиданием конъюнктуры рынка. Куплены книги в большинстве дешево в момент падения курса марки»[18].

Играли свою роль, конечно, и старые связи, авторитет А. В. Чаянова как ученого. Он подчеркивал: «Закупки продолжаются. Должен отметить исключительное внимание и содействие ряда заграничных ученых: немцев, англичан и русских»[19].

[17] Характеристику художественных произведеиий А. В Чаянова см Смиренский Б. Перо и меч. М., 1967; Ласунский О. Чаяновские издания// Подъем. 1968. № 3; Он же. Власть книги. М., 1980; Вулис А Что может отразиться в зеркале?// Вопросы литературы. 1987 № 1 и др.
[18] ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1185. Л. 19.
[19] Там же. Колнчество книг, закупленииых за границей А. В Чаяновым, было, видимо, достаточно велико. По данным Центральной сельскохозяйственной библнотеки за 1923—1925 гг., нз иностранных издательств получено около 4000 книг (ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2780 Л. 48).

Результаты поездки за рубеж оказались положительными. Советская кооперация уверенно выходила на мировой рынок, возможности которого для России заметно расширялись благодаря установлению дипломатических отношений с рядом стран. И здесь А. В. Чаянов внес свою лепту: он участвовал в подготовке материалов для Генуэзской конференции. Были установлены полезные контакты с иностранными учеными. Русская наука активно выходит из изоляции. Начинается тесное сотрудничество с английскими, немецкими, французскими, американскими и другими учеными. Русская наука утверждает свой авторитет на самых передовых рубежах.

По возвращении в Россию в конце 1923 г. А. В. Чаянов основное внимание сосредоточивает на научной и преподавательской работе, хотя некоторые обязанности (координация с кооперативными центрами) остаются за ним в Наркомземе.

В 1923—1924 гг. заметное влияние в аграрной среде, среди ученых-экономистов, в высших учебных заведениях получает организационно-производственное направление. Главные силы «организационников» группируются в ТСХА, где они возглавляют важнейшие кафедры экономического факультета: кафедрой «Организация сельского хозяйства» руководит профессор А. В. Чаянов, кафедрой «Планирование сельского хозяйства» — профессор Н. П. Макаров, кафедрой «Районирование сельского хозяйства» — профессор А. Н. Челинцев, кафедрой «Экономическая география» — профессор А. А. Рыбников. Все они в расцвете сил. К середине 20-х годов А. В. Чаянову и Н. П. Макарову нет и 40 лет, а А. А. Рыбникову и А. Н. Челинцеву — еще нет и 50.

Завоевывают авторитет и чаяновские ученики А. Л. Вайнштейн, Г. А. Студенский, И. М. Жиркович и др.

Плодотворно работает руководимый А. В. Чаяновым институт сельскохозяйственной экономии. За 10 лет работы институт издал около 50 томов своих трудов. Направление работы института было и теоретическим, и практическим. В теоретическом плане работа сосредоточилась на развитии теории крестьянского хозяйства, на разработке теории размещения (наподобие теории Вебера для промышленности). В практическом отношении исследуются проблемы кредита, ирригации, оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий. Здесь как бы заказчиком является Наркомзем, по поручению которого и ведется разработка названных тем. Тем самым институт выступает в некотором отношении научно-исследовательским центром Наркомзема.

Институт А. В. Чаянова стремительно разрастался. Отпочковывались в самостоятельные научные организации коллективы, разрабатывающие комплексы отдельных программ. Так, направление по изучению цен на сельскохозяйственную продукцию, возглавляемое Н. Д. Кондратьевым, оформилось в качестве самостоятельного Конъюнктурного института, предметом исследования которого стала вся мировая экономика.

Не прекращает А. В. Чаянов и литературных занятий. В 1924 г. выходит в свет его четвертая повесть «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина».

А. В. Чаянов любил свой город и не только населял его «домашними дьяволами». У него есть странички истории Москвы, например, истории Миусской площади. Предмет его специальных изысканий — топография древней Москвы. Своими находками и гипотезами А. В. Чаянов охотно делился с такими же, как и он сам, энтузиастами. Долгие годы А. В. Чаянов состоял членом общества «Старая Москва», куда входили ученые, художники, театральные работники, писатели. А. В. Чаянов в «Старой Москве» сделал несколько докладов об опыте построения топографии Москвы XIII—XVII вв., которые вызвали восторженный отзыв А. М. Васнецова.

Проблематика докладов «Старой Москвы» смыкалась с интересами Русского общества друзей книги, одним из учредителей которого был А. В. Чаянов (1920 г.). Здесь можно было услышать увлекательные рассказы о графическом орнаменте древнепечатных книг, о старой книжной Москве, о книжной торговле, о встречах в книжном мире и, конечно же, о поисках библиотеки Ивана Грозного. Вообще здесь были доклады, которые не могли оставить равнодушными любителей московской старины: о московских легендах, о подземных ходах под Москвой, о создании исторического плана подземной Москвы и пр.

И наконец, бесконечные беседы единомышленников о русской старине, о книгах. О библиофильской страсти А. В. Чаянова помнят старые москвичи. По свидетельству старых библиофилов, он собрал уникальную библиотеку, которая насчитывала более 5 тыс. томов (на 1925 г.). На нее была выдана государственная охранная грамота.

В середине 20-х годов А. В. Чаянов выпускает последнюю работу по теории крестьянского хозяйства [20].

Практические рекомендации А. В. Чаянова, как и в целом представителей организационного направления, в плане устройства крестьянского хозяйства, организации ему агрономической помощи (в 1924 г. выходит 3-м изданием его книга «Основные идеи и методы работы общественной агрономии»), его кооперирования (в 1925 г. 4-м и 5-м изданиями выходит его «Краткий курс кооперации») имели важное значение. Эти рекомендации уже давно выходили за рамки индивидуального хозяйства и касались проблем развития такого крестьянского

[20] См Настоящее издание. С. 193—442.

хозяйства, которое в той или иной форме втягивалось в систему общественных отношений. В этом плане очень плодотворной была идея создания местных агрокомбинатов[21].

Главной формой втягивания крестьян в обобществленное производство была кооперация. В 1927 г. выходит 2-е издание книги А. В. Чаянова «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации», в которой систематизирована его кооперативная теория. Кооперация — это путь и формы облегчения труда крестьянина и улучшения его жизни путем постепенного кооперирования тех производственных процессов, которые ему выгодны. А. В. Чаянов полагал, что с помощью кооперации можно избавить крестьян от нищеты и закабаления. В сущности в этом стремлении — безболезненном и эволюционном переходе к социальным улучшениям и совершенствованию — А. В. Чаянов не отличался от своих предшественников — социалистов-утопистов. Но как все принципиально меняется после Октябрьской революции, с переходом власти в руки пролетариата. «В мечтаниях старых кооператоров,— писал В. И. Ленин в статье «О кооперации»,— много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью»[22].

Взгляды А. В. Чаянова на кооперацию не оставались неизменными. Социально-экономические сдвиги, происходившие в стране, ленинские оценки сущности кооперации при социализме, естественно, вносили уточнения в его позиции. Имея в виду статью В. И. Ленина «О кооперации», А. В. Чаянов писал: «Процесс перерождения внутреннего социально-экономического содержания кооперативного движения, при замене политического господства капитализма властью трудящихся масс, с особенной ясностью был освещен в предсмертных статьях В. И. Ленина о кооперации»[23].

Жизнь приблизила сроки, возможности и необходимость социалистического переустройства деревни. Отсюда возникает чаяновский план «кооперативной коллективизации». Суть его — внесение в сравнительно медленный эволюционный процесс постепенного кооперирования несколько большего акцента на создании производственных форм. «Единственно возможный в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана,— писал А. В. Чаянов,— это путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий»[24].

Теория кооперативной коллективизации опиралась на реальные процессы развития кооперации в деревне 20-х годов и не противоречила ленинскому кооперативному плану. Но если у В. И. Ленина на первом месте, на переднем плане был социально-политический аспект преобразования производственных отношений, то у А. В. Чаянова — скорее технологический. В отношении срока перехода «к крупному производству на началах добровольного объединеиия» В. И. Ленин писал, что таковое на основе кооперативной политики может произойти «в неопределенный срок»[25]. А. В. Чаянов, судя по всему, стоял на таких же позициях.

Кооперативный план В. И. Ленина вобрал лучшие достижения теории и практики кооперативного движения. Известно, что перед тем, как продиктовать статью «О кооперации», В. И. Ленин заказал в библиотеке литературу по кооперац и, в числе прочих была и книга А. В. Чаянова «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (М., 1919). И в ленинской библиотеке в Кремле имелось семь работ А. В. Чаянова.

А. В. Чаянов высоко оценил статью В. И. Ленина «О кооперации». Он считал, что после этой ленинской работы «кооперация делается одной из основ нашей экономической политики»[26].

Однако если взгляды А. В. Чаянова на кооперацию не противоречили ленинскому кооперативному плану, то они стали противоречить той политике в деревне, которая стала проводиться после XV съезда партии. Чем дальше, тем больше кооперативная коллективизация не вписывалась во все ускоряющийся темп преобразования деревни. А сам А. В. Чаянов все чаще называется буржуазным или мелкобуржуазным профессором. Его взгляды квалифицируются как «неонароднические», естественно, далекие от понимания задач социалистического строительства.

---

[21] Чаянов А. В. Местные комбинаты по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов//Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925.

[22] Ленин В. И. Полн. собр соч. Т. 45. С. 369.

[23] Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927. С. 25.

[24] Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927. С. 25.

[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 227.

[26] Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. С. 25.

Роковую роль для А. В. Чаянова и его соратников сыграла дискуссия 1927 г. о дифференциации крестьянства. Объективно вопрос о классовом расслоении назрел. Куда оно идет? Интенсивно ли происходит расслоение? Происходит ли вымывание середняка? Представляет ли опасность кулак? Все эти вопросы имели важное практическое значение для судеб крестьянства, для страны в целом.

Однако объективная научная полемика была подменена избиением несогласных с точкой зрения так называемых аграрников-марксистов, т. е. тех, кто группировался вокруг Л. Н. Крицмана и его окружения из Комакадемии.

А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева и других обвиняли в стремлении увековечить индивидуальное хозяйство. Но критики не замечали, насколько крестьянство уже втянуто кооперацией в систему социалистических отношений, что это уже было не то крестьянство, что в начале революции. Кооперация сочетала в себе такую степень личной заинтересованности населения и государственного интереса, которая давала возможность безболезненно и без ломки, медленно, но верно вводить крестьянина в социализм.

В 1928 г. последовали «оргвыводы»: А. В. Чаянов покинул пост директора основанного им института сельскохозяйственной экономии, а сам институт был преобразован в НИИ крупного социалистического хозяйства, членом коллегии которого А. В. Чаянов был все же оставлен. «Грешников» вынудили к публичному признанию своих ошибок. Покатилась волна покаяний. С самокритикой выступили Н. П. Макаров, Н. Д. Кондратьев, А. Н. Челинцев, А. В. Чаянов.

Нет, жизнь на этом не кончалась. Авторитет А. В. Чаянова был высок. Он продолжал преподавать. Привлекался к хозяйственной работе: был консультантом правления Зернотреста, выбирался в научно-технический совет Главного хлопкового комитета ВСНХ[27] и другие организации и учреждения. Его продолжали публиковать, но чаще, правда, в сопровождении отмежевывающихся редакционных оговорок.

В 1928 г. выходит в свет последняя, пятая его повесть «Юлия, или Встречи под Новодевичем». А. В. Чаянов пишет киносценарий, который принимают, и в 1928 г. выходит фильм «Альбидиум».

Он по-прежнему остается блестящим лектором и одним из популярнейших и любимых профессоров ТСХА.

Но все же что-то незаметно меняется. Нагнетается обстановка. Начинается цепь судебных политических процессов. Все с большим недоверием относятся к старым специалистам. И не замечают новых интересных идей, которые у них возникают.

[27] ЦГАНХ СССР. Ф. 3429. Оп 7. Д 1346. Л. 23.

Знакомство с практикой работы совхозов и личное участие в разработке проектов организации совхозов (Пахта—Арал и др.), а также первого в стране агроиндустриального комбината (Дигорского в Осетии) давали богатый материал для размышления о перспективах крупных социалистических предприятий. Своими размышлениями о принципах организации совхозов А. В. Чаянов делится на страницах ряда журналов[28], готовит к печати большую монографию «Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия», которая, однако, так и не вышла в свет.

Резкий поворот к такой новой, неожиданной проблеме, прямо противоположной тому, чем до сих пор занимался А. В. Чаянов, объясним. Он прекрасно понимал, что в складывающихся условиях с крестьянским хозяйством было покончено. Оно разрушалось на глазах. Коллективизация, с помощью которой создавался класс колхозного крестьянства, не соответствовала его представлениям о втягивании крестьян в социализм посредством естественного кооперирования. Он органически не мог участвовать в этой работе. Единственная область, где ему еще оставалась возможность применить свои знания и опыт на практике,— это совхозное строительство. Но несмотря на прекрасно отработанную систему определения оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, страну захлестнула волна гигантомании.

1929 г. стал поистине годом «великого перелома». Переломили и переломали многое. Покаянные речи, а главное — практика их появления в новом свете представляют нам атмосферу того времени — напряженно-противоречивую, из которой в 1937 г. оставался шаг-другой.

Тревожное сгущение общественной атмосферы ощущалось повсюду. Осень 1929 г. стала тяжелым временем для М. А. Булгакова, Е. И. Замятина, Б. А. Пильняка. В печати, на собраниях Всероссийского союза писателей осуждались их произведения. Неотвратимо надвигалась трагедия В. Маяковского. С 1929 г. начались гонения на генетиков. Резко меняется курс в кадровой политике, которая окрашивается в своеобразные пролеткультовские тона. Меняются ритм и методы социалистического строительства: на смену научно обоснованному плано-

[28] Чаянов А. В. Методы составления организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий в условиях советской экономики//Бюллетень НИИ сельскохозяйственной экономии. 1928. № 1—4; Он же. Эволюция идеи о совхозах//Совхоз. 1928. № 9—10; Он же. Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия//Экономическая жизнь. 1929. № 9; Он же Техническая организация зерновой фабрики//Экономическое обозрение. 1929. № 12; Он же. Организация крупных льнотравопольных совхозов//Совхоз. 1929. № 6; Он же. К вопросу о проектировании крупных совхозов//Совхоз. 1930. № 11; Он же. Технико-экономические вопросы строительства социалистического земледелия//Научное слово. 1930. № 4.

мерному созиданию врывается форсированное продвижение с помощью административно-командного метода. Модными становятся слова «бешеный темп», «бешеная энергия». И ярче всего эта бешеная гонка проявилась в коллективизации.

В этих условиях ученые становятся лишними. Впрочем, на них удобно свалить всю вину за издержки, неудачи, просчеты и ошибки, которых становилось все больше.

В такой обстановке логично завершался 1929 г. В конце декабря состоялась знаменитая конференция аграрников-марксистов. С речью выступил И. В. Сталин, который отметил отставание работы на идеологическом фронте от задач классовой борьбы, подверг резкой критике так называемые мелкобуржуазные теории в аграрном вопросе.

Он упрощал теорию до примитивизма. Представлял очевидным то, что требовало доказательств. Раздел доклада «Теория «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства» — наглядный пример тому. «В самом деле, что привязывало, привязывает и будет еще привязывать мелкого крестьянина в Западной Европе к его мелкому товарному хозяйству?» — спрашивал он и отвечал: «Прежде всего и главным образом наличие своего собственного клочка земли, наличие частной собственности на землю... Можно ли сказать, что этот фактор в таком его виде продолжает действовать и у нас, в условиях советских порядков? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать, так как у нас нет частной собственности на землю. И именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к клочку земли, которая имеется на Западе. И это обстоятельство не может не облегчить перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов»[29].

Одна псевдолегкость моментально рождает следующую и далее в таком же духе по цепочке.

В вышеизложенном Сталин видел одну из причин того, что «крупным хозяйствам в деревне, колхозам в деревне удается так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое превосходство над мелким крестьянским хозяйством».

«Вот где,— продолжал он,— великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту, отменивших частную собственность на землю и установивших национализацию земли. Но из этого следует, что мы имеем в своем распоряжении новый аргумент против буржуазных экономистов, провозглашающих устойчивость мелкокрестьянского хозяйства в его борьбе с крупным хозяйством»[30].

---

[29] Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 150—151.
[30] Там же. С. 151.

Здесь все лживо, начиная с самой посылки. Главная и роковая ошибка — в том мнении, что у нашего крестьянина нет привязанности к своему клочку земли.

Сталин произнес имя А. В. Чаяиова во множественном числе. Это послужило как бы сигналом для так называемых аграрников-марксистов, многие из которых еще недавно признавали авторитет А. В. Чаянова, а некоторые были его учениками.

Обрушившиеся на А. В. Чаянова обвинения позволили им торжествовать победу над инакомыслящими. Но пройдет еще немного времени — и победители по закономерности складывавшейся административной системы разделят судьбу побежденных (и, стало быть, тоже окажутся немарксистами?).

Признание научной несостоятельности организационно-производственного направления, равно как и иных направлений, было тем самым обеспечено. Это облегчало в свою очередь следующий шаг — обвинить их представителей во вредительстве и убрать из жизни.

И еще одно обстоятельство следует принять во внимание. Позиции А. В. Чаянова были близки Н. И. Бухарину. Поход против А. В. Чаянова и его последствия стали платформой для обвинения «правых».

Таким образом, здесь завязалась сложная игра, из которой А. В. Чаянова пора было уже выводить. 21 июля 1930 г. он был арестован. Ему было предъявлено обвинение в принадлежиости к мифической «Трудовой крестьянской партии», о которой он не имел ни малейшего представления. Затевался новый громкий судебный процесс.

В ожидании его А. В. Чаянов, находясь в Бутырской тюрьме (конец 1930 г.— начало 1931 г.), в свободное от допросов время продолжает работать. Он пишет работу по истории западноевропейской гравюры и экономическое исследование «Внутрихозяйственный транспорт. Материалы к пятилетке 1933—1937 гг.» Он продолжает жить жизнью страны, как будто ничего не случилось.

Открытый процесс над «Трудовой крестьянской партией» не состоялся. Но А. В. Чаянов отсидел четыре года в тюрьме и был сослан в Алма-Ату. Здесь он какое-то время работал в республиканском комиссариате земледелия.

В 1937 г. А. В. Чаянову было предъявлено новое нелепое обвинение. 3 октября 1937 г. он был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в этот же день. Он погиб в возрасте 49 лет.

Как много он мог бы еще сделать. Говорят, что и там, в тюрьме, он писал свой последний роман «Юрий Суздальский»...

ЭН

А. В. ЧАЯНОВ И ЕГО ТЕОРИЯ СЕМЕЙНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Система А. В. Чаянова и метод ее изучения

Творчество выдающегося русского экономиста-аграрника Александра Васильевича Чаянова отличается исключительным богатством и разнообразием. Нет ни одной отрасли аграрно-экономической науки, где ученый не оставил бы свой след. Оттачивая свои концепции, он развивал и дополнял их на протяжении двух десятилетий: характерно то, что А. В. Чаянов имел обыкновение работать над несколькими проблемами сразу, последовательно публикуя различные редакции одних и тех же работ. Не удивительно, что его современники не могли охватить одним взглядом эту систему гипотез и теорий автора. Тем более сложен А. В. Чаянов для сегодняшнего читателя.

Между тем путеводная нить, выводящая из лабиринта чаяновских построений, существует: это логико-исторический метод анализа, позволяющий установить тесную связь хронологии и логики системы А. В. Чаянова. С точки зрения хронологии в его творчестве легко выделить четыре периода: 1908 г.— октябрь 1917 г. (внутри него самостоятельное значение имеет этап февраля—октября 1917 г.), октябрь 1917 г.— март 1921 г., апрель 1921—1926 гг., 1927—1930 гг. Легко заметить, что такая периодизация близка к важнейшим этапам преобразований сельского хозяйства страны в первой трети нашего века. Узловым для А. В. Чаянова явился, конечно, период нэпа: именно тогда и была им опубликована последняя редакция книги «Организация крестьянского хозяйства», которая легла в основу настоящего издания.

Что же касается логического развития его теории, то здесь можно выявить три генеральных уровня анализа, соответствующих трем ступеням обобществления сельскохозяйственного производства: крестьянское семейное хозяйство, кооперативы, отрасль сельского хозяйства в целом. Над этими проблемами он трудился всю жизнь, проведя их через все свои сочинения.

Настоящее издание знакомит современного читателя с исходным пунктом чаяновской системы — семейным крестьянским хозяйством. Книга состоит из двух частей. Она открывается работами, заложившими методологические принципы концепции семейно-трудового хозяйства. Именно они дают ключ к пониманию изменения его взглядов на природу трудового крестьянского хозяйства. Первая часть книги завершается воспроизведением разделов из монографии «Себестоимость сахарной свеклы» (1928 г.), дающей представление об эволюции взглядов А. В. Чаянова к концу 20-х годов. Впервые публикуется на русском языке статья «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства», представляющая опыт построения концепций трудового хозяйства, не имеющий аналогов в мировой экономической литературе. Во второй части книги переиздан главный труд автора о семейном хозяйстве — «Организация крестьянского хозяйства».

Истоки семейно-трудовой теории

Появление новой аграрно-экономической концепции было обусловлено как историческими, так и идейными условиями общественной жизни России конца XIX — начала XX в.

Важнейшую роль в появлении нового аграрного мышления сыграл, безусловно, коренной перелом в экономическом развитии сельского хозяйства начала века, выразившийся, с одной стороны, в кризисе помещичьего хозяйства, с другой — в бурном развитии крестьянских хозяйств. Известно, что сельскохозяйственный кризис 80—90-х годов ознаменовался значительной убылью помещичьего землевладения, самоликвидацией помещичьих имений. За 1887—1905 гг., т. е. за 18 лет, помещики утратили 11,7 млн. дес. земли. Начавшийся сельскохозяйственный подъем не остановил этого падения. Новый фактор — революция 1905—1907 гг.— способствовал дальнейшему усилению мобилизации помещичьей земли другими сословиями. За последующие шесть лет помещики потеряли 6,6 млн. дес. земли [1].

К 1916 г., по подсчетам А. В. Чаянова, было ликвидировано 59 % прежней помещичьей площади, а из оставшейся — почти половина земли находилась в аренде у крестьян [2]. По подсчетам С. М. Дубровского, у дворян к 1917 г. оставалось 56,6 % (т. е. 44 млн. дес.) земли от дореформенного (1861 г.) уровня, причем примерно половину — 20 млн. дес.— они сдавали в аренду [3].

[1] Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1964. С. 38.

[2] Чаянов А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века// Крцнмовский Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927. С. 234.

[3] Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 95.

Дворянские земли скупали купцы, крестьяне, различные предприниматели. Новые землевладельцы частично использовали купленные ими земли для той же полукрепостнической эксплуатации крестьян, которую применяли помещики-дворяне. Определенная часть земель использовалась для ведения хозяйства преимущественно капиталистическими методами. Таким образом, за счет покупки и аренды земли крепла деревенская буржуазия при одновременном разорении и раскрестьянивании деревенских низов. И все же на этом фоне в мобилизацию и освоение помещичьих земель вовлекались и средние слои, которые медленно обретали черты товарного хозяйства.

И хотя помещичьи и новые частновладельческие хозяйства оставались ведущими в производстве товарной сельскохозяйственной продукции, выявилась тенденция к перемещению центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйства крестьянские, среди которых немаловажное значение приобретали мелкотоварные хозяйства, заметно прогрессирующие. В чем выражался этот прогресс? В конце первого десятилетия XX в. крестьянское хозяйство, изживавшее старые формы трехпольного земледелия, приступало к созданию новых хозяйственных систем: быстро развивается травосеяние, неуклонно увеличивается площадь под техническими культурами, происходит повсеместная замена старого инвентаря улучшенным, крепнут кооперативные формы маслоделия и льноводства. Благодаря развитию индустрии углубляется внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства, изменяется мировая рыночная конъюнктура в сторону, благоприятную для российского земледелия, безудержно растет кооперация, проникающая в Европу и Америку, множится число новых организаций содействующих сельскому хозяйству, в особенности организаций агрономической помощи[4]. Накануне первой мировой войны Россия значительно увеличивает объемы зерна на экспорт, отдельные отечественные компании и кооперативы становятся крупными поставщиками на мировом рынке льна, маслопродуктов и т. д.

Статистика неопровержимо свидетельствует в пользу того, что крестьянское хозяйство преобладало над помещичьим по объему производства хлеба. Так, по подсчетам В. С. Немчинова, в производстве всех хлебов накануне первой мировой войны (1909—1913 гг.) крестьянское хозяйство давало 88 % всего хлеба и 78,4 % — товарного. Помещики производили только 21,6 % всего хлеба[5]. Еще выше была доля крестьянских хозяйств в производстве картофеля, продукции животноводства. Если взять совокупный продукт земледелия и животноводства, то крестьяне производили 92,6 % (по стоимости), а помещики — только 7,4 %[6].

Разумеется, роль различных слоев крестьянства в производстве сельскохозяйственной продукции была неодинаковой. Середняки и бедняки производили чуть больше хлеба, чем зажиточные крестьяне, но этот хлеб почти весь шел на внутреннее потребление, и лишь седьмая часть подлежала реализации, главным образом из середняцких хозяйств. Зажиточные же крестьяне давали около половины товарного хлеба страны и две трети крестьянского товарного хлеба.

Обе отмеченные тенденции — кризис помещичьего хозяйства и развитие крестьянских подворий — развивались весьма противоречиво. Именно они обусловили углубление аграрного кризиса в России начала XX в. Столыпинская аграрная реформа не разрешила этот кризис, но ускорила его созревание, поскольку стимулировала образование хуторских хозяйств за счет общины, а не за счет помещичьих угодий, которые остались в неприкосновенности. В конечном счете именно неразрешенные проблемы крестьянского хозяйства первых двух десятилетий XX в. и дали толчок появлению теории семейно-трудового хозяйства.

Вопрос об идейных предшественниках А. В. Чаянова чрезвычайно сложен. Недобрую роль сыграла здесь легенда о нем как о неонароднике, появившаяся в 20-х годах в нашей стране[7], а затем перекочевавшая на Запад[8]. Между тем вопрос этот не столь прост, как казался большинству критиков. А. В. Чаянов никогда не апеллировал к Н. К. Михайловскому, В. П. Воронцову, С. Н. Южакову и другим народникам. И не случайно. Народники резко преувеличивали обобществление производства и его формы — общину, артель и т. д. А. В. Чаянов же, напротив, доказывал, что наиболее эффективные формы ведения сельского хозяйства достигались в небольших семейно-трудовых хозяйствах, которые обобществляли не сферу производства, как в общине или в артели, а сферу обращения, где экономические отношения регулировались торговой, сбытовой и кредит-

[4] См. об этом подробнее: Чаянов А. В. Бюджетные исследования. История и методы. М., 1929. С. 49.

[5] Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами теории. М., 1945. С. 34.

[6] Анфимов А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве// В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 81.

[7] Кантор М. Неонародничество в тисках противоречий//Большевик. 1927. № 9. С. 28—40; Верменичев И. Д. Об одной вылазке новонародника//На аграрном фронте. 1928. № 9. С. 45—55; Сулковский М. В. Эволюция и распад неонародничества//Там же. 1929. № 11—12. С. 76—96.

[8] Thorner D. Une Théorie néo-populiste de l'économie paysanne: l'Ecole de A. V. Čajanov//Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. P., 1966. A. 21. N°° 6. P. 1232—1244; Wortman R. The Crisis of Russian Populism. Camb., 1967; Patnaik U. Neopopulism and Marxism: the Chayanovian View of the agrarian question and its fundamental fallacy//Journal of Peasant Studies. 1979. Vol. 6. N°° 4. P. 375—420.

ной кооперацией. Это был большой шаг вперед по сравнению с народниками. Вместе с тем нельзя не признать и некоторого влияния народников на А. В. Чаянова: однако это влияние ограничивалось признанием крестьянина ключевой фигурой экономики России начала века и выдвижением аграрного вопроса как важнейшего для судеб страны этого периода.

Где же на самом деле таятся корни семейно-трудовой теории? Ответ на этот вопрос дает сам А. В. Чаянов. Идею семейного хозяйства, семейной экономики он считал коренной чертой русской аграрно-экономической мысли, восходящей к «Домострою» Сильвестра (XVI в.). Именно «Домострой» дал картину сельского «домостроительства» — практической деятельности большой семьи, двора. Именно в этом произведении семья рассматривается как целостный хозяйственный организм, во всем богатстве его экономических, демографических и социокультурных проявлений. Впоследствии линия анализа семьи, хозяйствующей на земле, была продолжена видными русскими аграрниками А. Т. Болотовым, Д. П. Шелеховым, А. С. Ермоловым и др. А. В. Чаянов многое воспринял у них[9].

Но главное влияние оказали на него, бесспорно, традиции родной ему Петровской (впоследствии Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Любимый ученик известного статистика и агронома А. Ф. Фортунатова, А. В. Чаянов продолжал дело своего учителя по изучению особой мотивации крестьянского хозяйства, поискам факторов роста урожайности и доходности крестьянских наделов, принципов районирования сельскохозяйственной России. Через Фортунатова большое влияние на Чаянова оказывало и старшее поколение профессуры Петровской академии — учителя А. Ф. Фортунатова И. А. Стебут, А. П. Людоговский и др. А. В. Чаянов досконально знал учебник по сельскохозяйственной экономии А. П. Людоговского, «Настольную книгу», в составлении которой приняли участие И. А. Стебут и А. П. Людоговский, другие сочинения этих маститых ученых[10].

Проблемы хозяйствующей крестьянской семьи рассматривались в начале XX в. не только экономистами-аграрниками, но и политэкономами, преимущественно из среды профессуры высших учебных заведений Москвы, Киева, Одессы: так, С. Н. Булгаков обосновывал устойчивость мелкого хозяйства, В. А. Косинский выдвигал гипотезу «раскапитализации» сельской экономики, Н. П. Огановский разрабатывал теорию аграр-

[9] Чаянов А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века. С. 199—201.

[10] Людоговский А. П. Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства. Спб., 1875; Стебут И. А., Людоговский А. П., Чернопятов И. Н., Фадеев А. А. Настольная книга для русских сельских хозяев. Т. 1—3. М., 1875—1880.

ной эволюции, А. И. Чупров поднимал вопрос о нуждах мелкого земледелия[11]. А. В. Чаянов хорошо знал этих авторов и часто ссылался на них, но их идеи были для него скорее поводом для размышления, чем теоретическим руководством.

Важнейшими статистическими источниками по крестьянскому хозяйству послужили для А. В. Чаянова работы статистиков: Н. Н. Черненкова, Б. Н. Книповича, Г. А. Кущенко, А. И. Хрящевой, П. А. Вихляева, С. Н. Прокоповича[12] и др. Работы этих ученых впервые вовлекли в научный оборот материалы так называемых динамических переписей. Эти переписи фиксировали изменения в хозяйстве региона за ряд лет, давая возможность выявлять эволюцию крестьянских хозяйств отдельных губерний, уездов и волостей.

Но наибольшее влияние на А. В. Чаянова оказали, бесспорно, труды его коллег по организационно-производственной школе. Он широко пользовался данными воронежских и костромских бюджетов, обработанных Н. П. Макаровым, идеями А. Н. Челинцева о сельскохозяйственном районировании и о влиянии плотности населения на размеры доходов крестьянских семей, работами А. А. Рыбникова по промышленному льноводству и т. д.[13]

А. В. Чаянов творчески развивал достижения зарубежной, в первую очередь немецкой экономической мысли. Особый интерес вызывали у него учение о сельскохозяйственном предприятии и теория размещения производства. Учение о сельскохозяйственном предприятии обосновывалось в трудах немецких экономистов Т. Гольца и Ф. Эребо (Аэребоэ), швейцарского аграрника Э. Лаура[14], разработавших сложную систему счетоводства и управления крупным капиталистическим сельскохозяйственным предприятием, основанным на наемной рабочей силе. А. В. Чаянов переработал систему счетоводства капиталистического предприятия применительно к семейно-

[11] Булгаков С. Н. Капитализм и земледелие. Т. I—II. Спб., 1900; Косинский В. А. К аграрному вопросу. Вып. 1. Одесса, 1906; Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1—3. Саратов — М., 1909—1914, Чупров А. И. Мелкое земледелие и его основные нужды. М., 1913.

[12] Черненков Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Вып. II. М., 1905; Книпович Б. Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. Спб., 1912; Вихляев П. А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып. 1—10. М., 1912—1917 и др.

[13] Макаров Н. П. Крестьянские бюджеты по Костромской губернии. Вып. 1. Кострома, 1924; Он же. Зерновое хозяйство Северной Америки. М., 1924; Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии. Спб, 1910; Рыбников А. А. Промышленное льноводство, условия и формы его развития. М., 1914.

[14] Гольц Т. Сельскохозяйственное счетоводство/Под ред. и с прим. А. Ф. Фортунатова. М., 1925; Аэребоэ Ф. Основы сельскохозяйственной экономии: Пер. с нем./Под ред. Б. Д. Бруцкуса. Спб., 1912; Лаур Е. Введение в экономию сельского хозяйства. Предисл. С. С. Базыкина. М., 1925.

трудовому хозяйству, предложив оригинальный вариант организационного плана крестьянского хозяйства, учитывающий достижения немецкой таксации. Что же касается теории размещения производства, истоки которой восходят к И. Тюнену и А. Веберу, то она позволила русскому экономисту сформулировать задачу оптимального размещения хозяйства по отношению к городу-рынку и поиска дифференциальной ренты по местоположению.

Весьма сложен вопрос об отношении А. В. Чаянова к «австрийскому дому» — школе предельной полезности. В своих ранних очерках русский ученый находился под большим влиянием Бем-Баверка, Менгера и других столпов маржинализма. Так, его «Очерки по теории трудового хозяйства» (1912—1913 гг.) построены на сопоставлении предельных издержек и предельной полезности крестьянского труда, на категориях «предельной тягостности», «предельной выработки» и пр. Впоследствии он, однако, убедился, что сопоставление издержек и полезности в одних и тех же единицах невозможно. Правда, и в 20-х годах он использовал графики, отчасти из соображений большей наглядности выводов. Но с 1923 г. он почти полностью переходит на методы корреляционного анализа факторов крестьянского хозяйства. Помимо того, А. В. Чаянов своеобразно интерпретирует теорию предельной полезности, считая ее применимой лишь к трудовому хозяйству в качестве одного из методов его анализа.

Критики 20-х годов часто ставили А. В. Чаянову в вину антимарксистскую направленность его воззрений. А. В. Чаянов, конечно, не был марксистом, но его теория своеобразно перекликается с высказываниями К. Маркса о некапиталистической природе хозяйства крестьян и ремесленников, о двойственной природе крестьянина как хозяина и работника [15]. А. В. Чаянов любил цитировать пятый параграф главы 37 III тома «Капитала», в котором говорится об особой мотивации крестьянского хозяйства, где «производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли» [16].

Такова идейная почва, на которой сформировалась теория А. В. Чаянова. Опираясь на работы своих предшественников и современников, он последовательно выработал основные принципы трудового хозяйствования на земле, нашел методы его оптимизации, обосновал теорию организации крестьянских хозяйств, наметил пути изучения их дифференциации.

[15] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 417—418.
[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 375.

Принципы семейно-трудового хозяйствования

Школу А. В. Чаянова обычно называют «организационно-производственной». Это верно лишь отчасти, поскольку фиксирует лишь одно из направлений, один из пластов в исследовании крестьянской экономики. Правильнее было бы, наверное, определить центральной проблемой в исследованиях экономистов этого направления теорию семейного трудового крестьянского хозяйства. Именно личный труд крестьянина и членов его семьи ставился А. В. Чаяновым во главу угла. Так, уже в 1911 г. он дает классическое определение цели крестьянского хозяйства: «Задачей крестьянского трудового хозяйства является доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы» [17]. Такое хозяйствование противопоставлялось А. В. Чаяновым капиталистическому предпринимательству, основанному на наемной рабочей силе.

Здесь перед исследователем вставала задача найти принципы строения крестьянского хозяйства. Изучив бюджеты крестьянских хозяйств Старобельского уезда Харьковской губернии, знаменитые воронежские бюджетные работы под руководством Ф. А. Щербины, описания крестьянских хозяйств Козельского уезда Калужской губернии А. В. Пешехонова, бюджеты крестьянских хозяйств Вологодской губернии, Волоколамского уезда Московской губернии [18] и различных других районов России, подробно ознакомившись с русской и немецкой специальной литературой, А. В. Чаянов пришел к выводу, что конституирующим ядром крестьянского хозяйства является его организационный план [19].

Организационный план раскрывал внутреннюю структуру хозяйства, взаимосвязи различных отраслей хозяйства, сочетание сельского хозяйства и промыслов, денежный бюджет хозяйства, оборот денежных средств и продуктов, распределение трудовых затрат крестьянской семьи во времени и по различным отраслям и видам деятельности. Он отражал изменения, которые происходили в крестьянском хозяйстве под воз-

[17] См. Настоящее издание. С. 62.
[18] Бюджеты крестьян Старобельского уезда/Под ред. А. В. Чаянова. Харьков, 1915; Чаянов А. В. Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии. М., 1915; Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. М., 1900; Чаянов А. В. К вопросу о значении льна в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной полосы России. М., 1911; Он же. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Т. 1. Вып. 1. М., 1912 и др.
[19] См. Настоящее издание. С. 61—69.

действием местного рынка, общей экономической конъюнктуры.

Важнейшими пунктами этого плана были: баланс труда (земледелие — промыслы), баланс средств производства (скот — инвентарь), денежный бюджет (доходы — расходы). Концепция организационного плана помогла ответить на вопрос, поставленный агрономом Д. И. Кирсановым еще в 1900 г.: почему крестьяне неохотно применяют выгодные молотилки? Ответ А. В. Чаянова гласил: крестьяне были больше озабочены облегчением наиболее тяжелых («предельных») нагрузок в период пиковых нагрузок и равномерным распределением трудовых затрат в течение года, особенно в зимний период, нежели частными выгодами от применения молотилок, облегчавших одну из многих, далеко не самых важных, операций и не в особо напряженные периоды.

Дальнейшая проработка вопроса требовала более строгих методов решения, в первую очередь математических. Прибегая к советам экономиста В. Я. Железнова, экономиста-статистика С. А. Первушина, экономистов-математиков В. К. Дмитриева и В. И. Борткевича, А. В. Чаянов разработал модель трудопотребительского баланса крестьянского хозяйства: «...всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»[20]. Строились кривые «тягостности» затрат AB и «полезности» продукта CD. Каждая из этих функций носила, подчеркивал автор, «вполне субъективный характер». Тем не менее он проделывал с ними математические операции и приходил к выводу, что «скорость нарастания бюджета должна отставать от скорости нарастания производительности». Далее он вводил коэффициент «едоки/работники» («е/р»)[21] и приходил к выводу, что с ростом К личный бюджет на одного едока должен понижаться. Бюджетные данные, однако, не полностью подтверждали этот вывод: если швейцарские бюджеты (по Э. Лауру) работали на модель, то русские бюджеты не показывали такой зависимости[22].

Давая оценку работам дореволюционного периода, следует отметить два бесспорных теоретических завоевания

[20] Чаянов А. В. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. I М., 1912. С. 1—2.

[21] В комментаторской литературе введение этого коэффициента приписывается А. В. Чаянову. На самом деле его использовал уже князь Васильчиков (Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство России. М., 1881. С. 37—39).

[22] С помощью В. К. Дмитриева А. В. Чаянов пытался объяснить этот факт «разрывом» кривой CD. Однако это было почти равнозначно отсутствию функциональной зависимости.

А. В. Чаянова: идею организационного плана и концепцию трудопотребительского баланса. Они составили в сущности ядро теории некапиталистического предприятия, планирующего свою работу в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей своих членов. Эта задача является весьма актуальной и поныне, заставляя нас внимательно изучать высказывания А. В. Чаянова по вопросу равновесия затрат труда и потребления.

Вместе с тем первый период творчества обнажил острые противоречия его учения. Становилось ясно, что ни о каком реальном соизмерении затрат и результатов крестьянского труда не могло быть и речи: ведь «полезности» определялись чисто субъективно. Серьезным изъяном теории становилась и «взаимосвязь» коэффициента «е/р» с личным бюджетом крестьянина. Впоследствии С. Н. Прокопович отнесет эту «связь» к ложным корреляционным зависимостям, а сам автор объяснит размер бюджета действием производственных факторов — труда, земли, скота, средств производства. Но это произойдет в середине 20-х годов, а пока А. В. Чаянов будет искать выход из тупика в рамках своей концепции. Последняя страдала между прочим и другим недостатком: в ней игнорировались важнейшие для сельскохозяйственного предприятия внешние и внутренние факторы — объем рынков сбыта, местоположение и пр. Эти проблемы встали перед А. В. Чаяновым уже после революции.

Организация крестьянского хозяйства

В 1922—1925 гг. А. В. Чаянову удалось построить целостную теорию организации крестьянского хозяйства. В годы нэпа вышли первое издание его книги об организации крестьянского хозяйства[23], сборник ранних работ по экономике крестьянского хозяйства[24], руководство по организации крестьянских хозяйств Нечерноземья[25]. Эту серию работ завершала капитальная монография об организации крестьянского хозяйства[26].

Свою книгу А. В. Чаянов начинал с обобщения фактов, эмпирически установленных Д. И. Кирсановым, П. П. Масловым, Н. П. Никитиным, В. А. Косинским, другими аграрниками, занимавшимися крестьянским хозяйством. Почему

[23] Первоначальио эта книга была издана в Германии: Tschajanoff A. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Berlin: P. Parey, 1923.

[24] Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924.

[25] Чаянов А. В. Как организовать крестьянское хозяйство в нечерноземной полосе. М., 1926.

[26] См. Настоящее издание. С. 193—442.

крестьяне не хотят внедрять выгодные молотилки, платят «голодные аренды», превышающие капиталистическую цену земли, разводят трудоемкие и малорентабельные культуры типа картофеля или льна, отвлекаются на отхожие промыслы, подрывая и без того слабое земледелие, почему возникает обратная зависимость цен и «зарплаты» в хозяйстве? Классическая экономическая теория не давала ответа на эти вопросы. Требовался новый подход.

Изложение новой методологии исследования крестьянского хозяйства А. В. Чаянов приводит в дискуссионной форме как ответы критикам[27]. Л. Н. Крицман, Г. Е. Меерсон и другие экономисты обвиняли его в статичности анализа, в игнорировании марксизма и переходе на позиции австрийской школы, в преувеличении значения сельского хозяйства в экономике России 20-х годов, в изучении его вне всякой связи с народным хозяйством, в идеализации патриархальных форм производства, абсолютизации демографической дифференциации.*

Отвечая оппонентам, А. В. Чаянов сумел кратко изложить основы своей методологии. Прежде всего он обосновал сочетание статического и динамического подходов в анализе: необходимость статического анализа диктовалась исходным абстрактно-логическим рассмотрением объекта, динамический анализ охватывал его во взаимосвязях с народнохозяйственной средой. Такой подход не противоречил марксистскому методу восхождения от абстрактного к конкретному, предполагавшему сочетание статических и динамических исследований объекта. Что же касается австрийской школы, то А. В. Чаянов действительно пользовался категориями «предельных издержек» и «предельной полезности», чертил графики соответствующих кривых, однако в отличие от экономистов австрийской школы не делал народнохозяйственных выводов из теории полезности, всегда оставался на уровне предприятия, семьи, небольших коллективов. Бил мимо цели и аргумент его идейных противников о быстром исчезновении семейно-трудовых хозяйств и о ненужности связанной с ними теории: в 1927—1928 гг. трудовые крестьянские хозяйства занимали 97,3 % посевных площадей, имели 90 % средств производства, причем лишь каждое пятое хозяйство пользовалось наемной силой[28]. Семейно-трудовое хозяйство рассматривалось им отнюдь не обособленно, а сквозь призму народнохозяйственных категорий — цен, ренты, процента, доходов и т. д. Наконец, автор был весьма далек от изображения радужных

[27] Крицман Л. Н. Три отзыва о работах представителей современной мелкобуржуазной политической экономии. М., 1924; Меерсон Г. Е. Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства в России. М., 1926 и др.

[28] Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 124—128, 138—141, 204—212, 280.

перспектив обособленного крестьянского хозяйства; напротив, в работах он показал необходимость кооперирования и включения в народное хозяйство.

Уже в первой главе монографии «Организация крестьянского хозяйства» А. В. Чаянов ставит важнейший вопрос о трудовом потенциале крестьянской семьи и волнообразном процессе ее роста — распада[29]. Здесь он отчасти учел критику С. Н. Прокоповича, высказанную по поводу немецкого издания его книги, а также привлек данные динамических переписей, собранные Н. Н. Черненковым, А. И. Хрящевой, П. А. Вихляевым, Г. А. Кущенко. Новые материалы показывали сложный, противоречивый процесс роста малосеющих хозяйств, с одной стороны, и распада многосеющих хозяйств — с другой.

А. В. Чаянов подробно останавливается на факторах доходности крестьянских хозяйств, которые он делит на две группы: внутрихозяйственные и народнохозяйственные. Главными внутрихозяйственными факторами были, по его мнению, трудовые ресурсы семьи и интенсивность труда. Отметим, что при этом автор не абсолютизирует коэффициент «е/р»: ведь, помимо настоятельности потребления, на интенсивность труда влияли земельная обеспеченность, наличность средств производства, оплата одного рабочего дня. Обосновывается очень важный вывод об отсутствии в некапиталистическом хозяйстве категории зарплаты и о превращении ее в чистый доход (личный бюджет) членов семьи[30]. В зародышевой форме здесь высказана идея хозрасчетного дохода, распределяемого между членами трудового коллектива, и, что важно, показаны устойчивость и «выживаемость» такого коллектива.

Принципиальной можно считать постановку вопроса о корреляционной связи элементов крестьянского хозяйства: пашни, рабочей силы, доходов, скота, инвентаря и пр. Эта проблема не была разрешена А. В. Чаяновым, однако он обобщил результаты работ А. А. Котова, Г. А. Студенского, Д. И. Опарина и других сотрудников Высшего семинария при ТСХА, статистические исследования В. Ф. Арнольда и С. Н. Прокоповича. Недостатком всех этих работ, включая и выкладки самого А. В. Чаянова, можно считать явное преувеличение функциональных, корреляционных связей в ущерб

[29] Подробнее анализ хозяйственного значения состава и развития крестьянской семьи см.: Чаянов А. В. Влияние состава и величины крестьянской семьи на ее хозяйственную деятельность//Труды Вольного экономического общества. 1912. Т. I Кн. 1—2. С. 1—12; Он же. Бюджет крестьянского хозяйства//Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924. С. 76—93.

[30] Эти идеи выдвигаются уже в ранних работах (Чаянов А. В. К вопросу об организации счетоводства в крестьянском хозяйстве//Вестник сельского хозяйства. 1912. № 25. С. 3, 4).

содержательным, причинно-следственным. Однако в то время еще не существовало мощных методов факторного анализа, и поэтому саму постановку вопроса можно считать важным научным завоеванием.

Ядром рассматриваемой книги стала концепция организационного плана. Он ушел далеко вперед по сравнению со статьей 1911 г. и другими ранними работами. Четкий вид приобрела структура плана: от выбора направления хозяйства — к планированию его отдельных отраслей и факторов, наконец, к подготовке балансов труда и денежных средств. Автору впервые удалось связать воедино все аспекты внутрихозяйственного планирования мелких сельскохозяйственных предприятий. Чуть позже он модифицирует эту схему в применении к крупным сельскохозяйственным предприятиям, создаваемым в засушливых и целинных районах.

Специфика крестьянского хозяйства, лишенного категории зарплаты, ставила задачу «погружения» его в систему народнохозяйственных категорий. А. В. Чаянов успешно справился с этой задачей, указав на превращение форм цен, процента и ренты в крестьянском хозяйстве и воздействие их на внутренний строй некапиталистической формы производства. Особенно интересен анализ рентных отношений[31]: рента, по мнению автора, теряла свою эксплуататорскую сущность в крестьянском хозяйстве, выражаясь там в виде избыточного дохода, полученного крестьянином в силу более плодородных земель, выгодного местоположения по отношению к рынку, плотности населения, строения его доходов, рыночных цен[32]. Как мы видим, А. В. Чаянов развивает здесь классическую теорию ренты, выделяя в качестве рентообразующих факторов характер спроса и уровень рыночных цен. Последний фактор кажется необъяснимым с традиционной точки зрения, однако надо понять, что здесь автор ведет речь о пространственной локализации сельскохозяйственных рынков, городов, вокруг которых создавались особые «зоны тяготения» крестьянских хозяйств различных почвенно-климатических зон.

Выяснив меру «погруженности» семейно-трудового производства в народное хозяйство, А. В. Чаянов нащупывает динамику вовлечения крестьянских хозяйств в общий оборот. Им оказывается, по мнению автора, механизм «кооперативной коллективизации», осуществляемой на строго добровольной, постепенной основе и строго стимулируемой государством. Моменты перерастания обособленных хозяйствующих семей в систему «общественно-кооперативного хозяйства» намечены им пунктирно, но достаточно отчетливо, чтобы указать на дальнейшие судьбы крестьянской экономики[33].

[31] Следует учесть, что коллеги А. В. Чаянова не были единодушны в вопросе о ренте: А. Н. Челинцев отрицал ее в крестьянском хозяйстве, а Г. А. Студенский отождествлял ее с капиталистической рентой.

[32] Здесь А. В. Чаянов развивал известную концепцию А. Н. Челинцева о влиянии плотности населения и структуры его доходов на строение крестьянских хозяйств.

Дифференциация крестьянских хозяйств

Последний период творчества А. В. Чаянова охватывает 1927—1930 гг. В это время ученый наряду с многими другими проблемами изучал процессы дифференциации крестьянства. И не случайно: по заданию Наркомзема в НИИСХЭ развернулись острые дискуссии по этому вопросу. А. В. Чаянов не мог остаться в стороне от этих споров — к этому обязывало и положение директора НИИСХЭ.

К тому времени в дискуссии о дифференциации сложились два основных направления. Сторонники семейно-трудовой школы и примыкающие к ней экономисты, опиравшиеся на традиции земской статистики, искали в первую очередь признаки производственно-демографической дифференциации хозяйств по числу душ в семье, числу работников, площади посевов, поголовью скота, стоимости основного капитала и пр. При этом они не давали однозначного ответа, в каком направлении идет дифференциация, обращали внимание на разные тенденции социального развития деревни, обнаруживали противоречия в этом процессе. Так, Г. И. Баскин утверждал, что шла не дифференциация, а измельчание хозяйств, вызванное долговременными последствиями страшного голода 1921 г.[34] А. Н. Челинцев указывал, что дифференциация происходила в южных районах экстенсивных зерновых хозяйств, тогда как в центральных и черноземных районах интенсивного земледелия имело место выравнивание[35]. Н. Д. Кондратьев взвешивал факторы, способствующие дифференциации (рынок, техника, аренда, наем), и факторы, ее тормозящие (малоземелье, аграрное перенаселение)[36].

Иную позицию заняли статистики, ставившие во главу угла социально-классовое расслоение деревни. Первые попытки В. Г. Громана и А. И. Хрящевой решить эту проблему были

[33] Более подробно план «кооперативной коллективизации» будет разработан им во втором издании его главного труда о кооперации (Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927).

[34] Баскин Г. И. Влияние урожаев на дифференциацию крестьянского хозяйства//Пути сельского хозяйства. 1927. № 4. С. 96—102.

[35] Челинцев А. Н. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства// Там же. С. 114—132.

[36] Кондратьев Н. Д. К вопросу о дифференциации деревни//Пути сельского хозяйства, 1927. № 5. С. 123—148.

неудачными: схемы были слишком громоздкими и неудобными для применения[37]. В 1925 г. Л. Н. Крицман предложил делить крестьянские хозяйства на три группы: предпринимательские (свои средства производства и чужая рабочая сила), самостоятельные (свои средства производства и своя рабочая сила), зависимые (своя рабочая сила и чужие средства производства)[38]. Эта схема была воспринята В. С. Немчиновым, который даже вывел количественный критерий этих групп — отношение предпринимательских и зависимых элементов к собственным в крестьянском хозяйстве[39]. Аналогичный метод разрабатывали Я. А. Анисимов, И. Д. Верменичев, К. Н. Наумов[40].

В этом споре А. В. Чаянов сумел выработать собственный подход. Опираясь на достижения динамических переписей и производственно-демографический анализ дифференциации, сделанный земскими статистиками и организационно-производственной школой, он показал, что дифференциация крестьянства в 20-е годы радикально отличалась от дореволюционной[41]. В условиях когда исчезли крупные помещичьи и капиталистические хозяйства, дифференциация, по мнению А. В. Чаянова, возникла вследствие дисгармонии двух видов хозяйств: натуральных, скопившихся в наиболее плодородных центрально-черноземных районах, и простых товарных, тяготевших к рынкам морских портов, крупнейших городов и неземледельческих районов Туркестана[42]. Перестраиваясь из натурального в товарное, российское крестьянство испытывало аграрную перенаселенность, начинало мигрировать, следовательно, дифференцировалось. У А. В. Чаянова расслоение выступало, таким образом, не как социально-классовый процесс среди крестьянства, а как отщепление от основного массива

[37] Обзор их концепций см.: Немчинов В. С. О социально-экономических группировках крестьянских хозяйств//Избранные произведения в шести томах. Т. 1. Теория и практика статистики. М., 1967. С. 63—84; Чаянов А. В. Бюджетные исследования. История и методы. М., 1929. С. 300—321.

[38] Крицман Л. Н. К вопросу о классовом расслоении современной деревни//На аграрном фронте. 1925. № 7—8. С. 11—17; Он же. Классовое расслоение советской деревни. М., 1926.

[39] Немчинов В. С. О статистическом изучении классового расслоения деревни//Избранные произведения в шести томах. Т. 1. С. 44—62.

[40] Анисимов Я. А., Верменичев И. Д., Наумов К. Н. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп// Под общим руководством и редакцией проф. А. В. Чаянова. Т 1. М.—Л., 1927. С. 33—41.

[41] См. Настоящее издание. С. 144—159.

[42] Размещение товарных хозяйств по изоценам ближайших рынков было показано им в работе: Чаянов А. В. Изоцены ржи 1909—1913, 1917 и 1920 гг.; Он же. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924. С. 150—152.

семейно-трудовых хозяйств четырех видов самостоятельных предприятий: фермерских, кредитно-ростовщических, промысловых, вспомогательных. Здесь получили дальнейшее развитие его концепции об организационном плане крестьянских хозяйств и их дифференциальных оптимумах, а главное — его взгляд на демографическую дифференциацию, которая в 1927 г. стала им рассматриваться лишь как фон для социально-экономической дифференциации.

Одновременно он выступил против концепции Л. Н. Крицмана. А. В. Чаянов противопоставил схеме Л. Н. Крицмана «кулак — середняк — бедняк» свою классификацию, состоящую из шести типов хозяйств: 1) капиталистические, 2) полутрудовые, 3) зажиточные семейно-трудовые, 4) бедняцкие семейно-трудовые, 5) полупролетарские и 6) пролетарские. Выдвигался и план разрешения противоречий такой дифференциации — кооперативная коллективизация 2—5-го типов хозяйств, с последующим экономическим вытеснением кулака и постепенным вовлечением деревенского пролетария в семейно-трудовое хозяйствование через систему кооперативного кредита[43]. Ученый подчеркивал при этом существенную разницу между эксплуататорским применением наемного труда в целях наживы, кабальной аренды, ростовщичества и работой крестьян по договору с хозяйствами, лишившимися кормильцев, испытывающими нужду в дополнительных рабочих руках в период сезонных нагрузок и т. д.[44] Это был новый подход к выделению социальных слоев среди крестьянских хозяйств, и эту классификацию историкам-экономистам еще предстоит оценить.

А. В. Чаянов ставит проблему исследования «процесса перерождения семейного крестьянского хозяйства в фермерские формы» и обоснованно показывает существенный изъян предложенного Л. Н. Крицманом, В. С. Немчиновым, И. Д. Верменичевым, Я. А. Анисимовым и К. Н. Наумовым синтетического коэффициента «пролетаристичности» и «капиталистичности» хозяйства, выводимого на основе суммарного учета отношений найма рабочей силы, а также найма и сдачи живого и мертвого инвентаря. А. В. Чаянова беспокоило, что эти коэффициенты ставили в один ряд фермера-предпринимателя и ростовщика, лавочника и прасола, владельца быка-производителя и мельника. Чтобы избежать этих ошибок, А. В. Чаянов предлагал расчленить коэффициент В. С. Немчинова на три самостоятельных показателя, которые должны были учитывать, помимо найма рабочей силы, и другие факторы — наем

[43] Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1927. С. 28—33.

[44] См. Настоящее издание. С. 426—427.

и сдачу скота и инвентаря, кредит и аренду, отщепление обслуживающих отраслей сельскохозяйственного производства. Более того, А. В. Чаянов понимал, что применение трехзвенной схемы «кулак — середняк — бедняк» сводило в одну группу как капиталистические, так и полутрудовые крепкие семейные крестьянские хозяйства. А. В. Чаянов обращает внимание на то, что группировки на основе данного коэффициента не выявляют различий между процессом образования фермерских хозяйств и процессом развития кабальных форм эксплуатации и ведут к существенному преувеличению степени капиталистического расслоения советской деревни, что и имело место во многих работах аграрников марксистского направления в 20-е годы, а позже негативно отразилось в практике преобразований советской деревни.

Наибольшее внимание, как считал А. В. Чаянов, следует обратить на процесс прямой перестройки трудовых семейных хозяйств в фермерские хозяйства, основанные на применении наемного труда в целях получения прибавочной стоимости. Именно этот «тип дифференциации», считал А. В. Чаянов, «представляет собой центр проблемы» [45].

Следует вспомнить, что и В. И. Ленин подчеркивал необходимость различать в мелком товарном производстве простое товарное производство и полукапиталистические его формы. При характеристике мелкотоварного производства и капиталистического он считал необходимым учитывать не только применение наемного труда, но и величину денежного дохода. «Величина этого капитала, — писал он, — определяет форму личного участия хозяина в предприятии: является ли он сам рабочим... или отказывается от личного труда и специализируется на коммерческо-предпринимательских функциях» [46].

Несмотря на то что процесс формирования сельской буржуазии, несомненно, вел к росту сельскохозяйственного производства, А. В. Чаянов полагал, что он «затрудняет развитие кооперативных форм концентрации сельского хозяйства — этого основного русла нашей экономической политики в земледелии» [47].

А. В. Чаянов выдвинул многофакторную схему дифференциации крестьянства по производственным и социальным признакам, обосновал путь кооперативной коллективизации, разрешавшей противоречия в деревне мирными экономическими методами. В своих исканиях, отметим особо, А. В. Чаянов был не одинок [48].

[45] См. Настоящее издание. С. 159.

[46] Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 355.

В работах советских экономистов при исследовании мелкого товарного производства выделяются три группы: 1) использующие семейный труд, 2) использующие семейные труд в большей степени, чем наемный, 3) использующие наемный труд в большей степени, чем семейный (см., например: Рамзес В. Б. Мелкие и средние предприятия в Японии. М., 1965. С. 29).

[47] Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С. 120—121.

Себестоимость и цены на продукцию крестьянских хозяйств

В 1928—1929 гг. А. В. Чаянов и его коллеги по НИИСХЭ выпустили труды, подводящие итоги изучения проблем себестоимости и ценообразования в сельском хозяйстве. Эти итоговые исследования появились не случайно в сложный период развития деревни накануне коллективизации. В эти годы происходили драматические изменения в экономической политике государства — переход от нэпа к командно-административной системе управления экономикой. В сельском хозяйстве всеобщее распространение получила контрактация, применявшаяся для хлопка, свеклы и табака еще в годы восстановительного периода, а в 1926—1928 гг. охватившая лен, подсолнечник и зерновые культуры; жестко централизовались заготовки; заключались конвенциальные соглашения между государственными заготовителями, т. е. происходил монопольный раздел рынка сбыта крестьянских продуктов; через контрактацию крестьян вынуждали брать обязательства по созданию колхозов; сокращалось государственное кредитование заготовок, особенно для индивидуальных хозяев; уменьшался сельскохозяйственный экспорт, вводились лимитные (декретные), цены, определяемые из условий рентабельности промышленности [49].

[48] Хлебофуражный баланс ЦСУ (1925 г.) исходил из наличия в деревне четырех социальных групп крестьянских хозяйств: «маломощные», «средние», «зажиточные», «богатые», взяв за основу посевные группировки. Специальная комиссия, созданная для анализа хлебофуражного баланса, в которую входили А. А. Рыбников, А. Н. Челинцев, для характеристики осиовных социально-экоиомических групп крестьянства разработала следующие признаки: мощность хозяйств определялась по площади посева, стоимости средств производства, социальные отношения — по наличию аренды, найма рабочей силы; учитывались также занятия промыслами, доходы от промышленных и торговых предприятий (см. Яковлев Я. А. Об ошибках хлебофуражного балаиса ЦСУ и его истолкователей. М., 1926).

Н. И. Бухарин в 1925 г. выделил пять типов крестьянских хозяйств, что почти в точности воспроизводило классификацию А. В Чаяиова. Тогда же Н. И. Бухарин разработал и свой план кооперативиого развития деревии, во многом перекликающийся со статьей В. И. Ленина «О кооперации» (1923 г.) и книгой А. В. Чаянова о крестьянской кооперации (1919 г.)// Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянскнй союз. М., 1925. С. 13 и далее.

[49] Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917—1963) М., 1964. С. 112—132; Моисеев М. И. Экономические основы государствеиных заготовок сельскохозяйствеиных продуктов. М., 1955. С. 75.

Нарушение рыночного равновесия в связи с переходом к форсированной индустриализации, ошибки в ценообразовании привели к тому, что в 1927/28 г. разразился кризис хлебозаготовок, валовой сбор зерна в 1927—1929 гг. упал на 5—8 % по сравнению с уровнем 1926 г.[50] Сократились посевы зерновых, возник дефицит сырья для легкой промышленности. С 1929 г. была введена карточная система в Москве и Ленинграде[51], затем в других городах.

А. В. Чаянов и его единомышленники хорошо понимали последствия сталинской сельскохозяйственной политики. Ученый отмечал, что «целый ряд заготовок по чрезвычайно низким ценам привел для многих культур к весьма тягостному сокращению сырьевых посевов, к сужению общей сырьевой базы, что неизбежно подтачивало и саму перерабатывающую сырье промышленность»[52]. Кризис ставил в повестку дня разработку принципиально новых концепций ценообразования. И А. В. Чаянов принял вызов времени. На базе бюджетных обследований, организованных НИИСХЭ в 1923—1927 гг. по заданию Сахаротреста и других организаций, он выявил уровни себестоимости важнейших технических культур — хлопка, сахарной свеклы, льна[53]. Обобщив этот материал, он вплотную подошел к теории себестоимости и цены регулируемого крестьянского рынка. В чем же суть его концепции?

В понимании А. В. Чаянова главная проблема здесь заключалась в том, чтобы найти внутренний базис цены, которая удовлетворяла бы двум требованиям: давала бы дешевый продукт промышленности и в то же время обеспечивала бы устойчивость развития крестьянских хозяйств, поставляющих это сырье. Выдвигалась гипотеза: единой цене противопоставить некую «единую модальную контрольную себестоимость»[54], определяемую из нормативных величин каждого элемента издержек совокупности хозяйств. Решая эту сложнейшую задачу, А. В. Чаянов обосновал применение методики так называемой двойной итальянской бухгалтерии, применявшейся для анализа крестьянских хозяйств Э. Лауром в Швейцарии и Н. И. Костровым в России[55]. Элементы себестоимости по этой методике распадались на три большие группы: общие расходы (амортизация и ремонт), прямые расходы (труд, тяга и т. д.), начисления (контрактация[56], налоги, процент). Сумма первых двух групп расходов указывала на производственную себестоимость, а присоединение к ней последовательно указанных начислений давало соответственно техническую, народнохозяйственную и частнохозяйственную себестоимость.

Наиболее сложным был учет расходов на труд. Традиционный метод калькуляции поденных и сдельных зарплат был лишь отчасти приемлем: наемный труд в крестьянских хозяйствах применялся в очень незначительных размерах, к тому же подобный счет скрадывал влияние рентного фактора. А. В. Чаянов пошел по другому пути (и в этом состояла «изюминка» его метода): в качестве показателя оплаты труда он брал семейный бюджет крестьянина за вычетом доходов от промыслов. Таким образом, труд оценивался по стоимости воспроизводства рабочей силы крестьянина, с учетом рентной составляющей себестоимости.

Дифференцируя себестоимость по районам заготовок[57], ученый убедился в большом разбросе значений признака[58]. Это заставило его отказаться от гипотезы единой для всех районов средней модальной себестоимости и натолкнуло на мысль о поиске более сложных зависимостей. Ожидания его не обманули: статистическая обработка показала, что доли хозяйств по уровню себестоимости «ложатся» по кривым Пирсона третьего порядка[59]. А. В. Чаянов зафиксировал устойчивый характер этой закономерности, хотя и не смог дать ему объяснение.

Выявленные закономерности формирования себестоимости позволяли ответить на исходный вопрос о цене: какому уровню себестоимости она должна соответствовать? И

---

[50] Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник. М., 1960. С. 79, 199—200; СССР в цифрах. М., 1935. С. 97—98.

[51] История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977. С. 327—328, 421—425.

[52] Чаянов А. В. Себестоимость сырьевых культур// Себестоимость продуктов сельского хозяйства. М., 1929. С. 118—119.

[53] Чаянов А. В. К вопросу о себестоимости хлопка-сырца в хозяйствах Средней Азии// Вопросы хлопковой экономики. М.— Л., 1927. С. 5—31; Он же. Себестоимость сахарной свеклы. М., 1928; Он же. Крестьянское свеклосеяние Центрально-Черноземной области. М., 1929. С. VII—XXVII.

[54] См. Настоящее издание. С. 165—172, а также: Чаянов А. В. Себестоимость сырьевых культур. С. 118—121.

[55] По этой методике движение сумм в крестьянских бюджетах отмечалось дважды: с кредита одного счета на дебет другого. Благодаря этому возникала условная внутрихозяйственная самостоятельность отдельных участков крестьянского хозяйства (Чаянов А. В. Значение счетоводного анализа в работе местного агронома// Гонтарева И. И. Счетоводный анализ крестьянского хозяйства. М., 1928. С. 3—14).

[56] Расходы крестьянских хозяйств на контрактацию были связаны с заключением договоров (контрактов) на поставку сырья, техники и получение авансов.

[57] По свекле, например, искались себестоимости отдельно для каждого из шести отделений Сахаротреста, внутри отделений — по заводам-изготовителям, охватывая весь массив 400 хозяйств.

[58] По хлопку и льну он достигал десятикратной величины.

[59] Чаянов А. В. К вопросу о себестоимости хлопка-сырца в хозяйствах Средней Азии. С. 13, 25—26.

А. В. Чаянов отвечал: «...мы...должны будем принять декретную цену выше средней себестоимости и довести ее до такого уровня, который бы оплачивал издержки и капиталовосстановление наихудших по себестоимости хозяйств в пределах того объема производства, который гарантирует выработку установленного нами общественно необходимого количества сырья» [60].

Таковы вкратце «опорные сигналы» концепции А. В. Чаянова в области издержек и ценообразования в крестьянском хозяйстве. Эта теория, несмотря на ее незавершенность, эскизность и проблематичность, имеет, по нашему мнению, большое значение для современной экономической науки вообще, и аграрно-экономических исследований в частности. Она ставит прежде всего вопрос о регулируемой цене равновесия на сельскохозяйственные продукты. При этом А. В. Чаянов искусно применял воспроизводственный, народнохозяйственный подход, согласующий интересы как сырьевой базы, так и промышленности, как нужды деревни, так и запросы города. Теория А. В. Чаянова предлагала реальную научную альтернативу левацким лозунгам об индустриализации и перекачке средств из деревни в город, сталинской политике конкретного воплощения ценового демпинга, перехода к обязательным заготовкам по символическим ценам в несколько раз меньше себестоимости [61].

Одним из первых в экономической литературе А. В. Чаянов поставил проблему модальностей как категорий, выражающих соотношение субъекта и объекта экономической действительности. По сути дела, это было предвосхищением нормативного подхода в теории себестоимости и цены, попыткой найти экономические методы управления сложным организмом крестьянских хозяйств посредством рынка и цен [62]. К научным достижениям А. В. Чаянова следует отнести то, что он отказался от гипотезы единой модальной себестоимости в условиях «разорванного», локализованного рынка крестьянских производителей. Вместо нее он ввел целую систему показателей затрат, дифференцированных по виду продукта и региону,

[60] См. Настоящее издание. С. 189.

[61] Исчисления себестоимости сельскохозяйственной продукции и других стоимостных показателей были вообще прекращены в ходе коллективизации; эти категории были объявлены недействительными для колхозной экономики. Расчеты себестоимости сельскохозяйственной продукции возобновились лишь в 50-е годы.

[62] В 60—70-е годы некоторые экономисты начали склоняться к тому, что модальность в экономической теории можно понимать и в более общем смысле — как использование некоторых положений так называемой модальной логики. Это ставило вопрос об экономической семантике, логике экономических терминов — проблемах, которыми занимался А. В. Чаянов в приложении к семейно-трудовому хозяйству.

подойдя, таким образом, к современным понятиям зональных себестоимостей, территориальной и поясной дифференциации закупочных цен. Сегодня этот метод был бы хорошим подспорьем для колхозов и совхозов, решивших передать землю в аренду крестьянским семьям и ставших вследствие этого заготовителями их продукции.

«Изюминка» метода А. В. Чаянова, как мы уже говорили, — это учет рентного фактора в себестоимости через оценку труда по стоимости воспроизводства рабочей силы крестьянина. Здесь особенно важным становится территориальное выравнивание уровней себестоимости. Так, если по традиционному методу калькуляции себестоимости последняя отклонялась от фактических цен на 40—60 %, то по методу, предложенному А. В. Чаяновым, расхождение не превышало 5—7 % [63].

Любопытен и анализ устойчивости распределения хозяйств по себестоимости. А. В. Чаянов и помогавшие ему математики впервые ввели в науку о сельском хозяйстве так называемые асимметричные распределения Пирсона [64]. Хотя объяснений этой «скошенности» они не дают, но отмечают, что это связано с взаимными зависимостями значений признака [65]: вполне вероятно, что «скошенность» свидетельствует о выживаемости семейно-трудовых хозяйств и о перемещении части их из правой половины кривой (себестоимость выше средней) в левую (себестоимость ниже средней). Возможны и другие объяснения; во всяком случае графики А. В. Чаянова ставят сложные и интересные проблемы перед современной аграрно-экономической наукой.

Судьбы учения о семейном крестьянском хозяйстве

Сложная судьба постигла учение А. В. Чаянова в 20-е годы. Почти все его постулаты, в особенности тезис об устойчивости крестьянского семейного хозяйства, были встречены в штыки официальной экономической наукой. Особенно усердствовал в этом отношении известный экономист Л. Н. Крицман. Будучи организатором аграрной секции Комакадемии и ответственным редактором журнала «На аграрном фронте», Л. Н. Крицман вел хорошо организованную атаку на теорию А. В. Чаянова. В 1924 г. его критика сохраняла научную

[63] См. данные табл. № 28 и № 29, составленных на основе табл. № 25 (настоящее издание. С. 177, 185—186).

[64] Подробнее об этих кривых см.: Юл Дж. и Кендал М. Теория статистики. М., 1960. С. 115—120, 230—232; Хальд А. Математическая статистика с техническими приложениями. М., 1956. С. 140—141, 163.

[65] Вспомним, что нормальное, симметричное распределение характеризует распределение случайных величин.

объективность, хотя уже тогда он предъявлял А. В. Чаянову прямые обвинения в «мелкобуржуазности», «реакционности» и т. д.[66] С 1926 г., с началом широких дискуссий о дифференциации, под его эгидой стали выходить работы, отвергающие теорию семейного хозяйства, значительно преувеличивающие степень социально-экономической дифференциации крестьянства, тем самым идейно подготовившие политику «раскулачивания» (точнее раскрестьянивания) деревни[67]. В руководимом им журнале появились «разоблачительные» статьи, направленные против концепции А. В. Чаянова[68].

В конце 20-х годов критика теории семейно-трудового хозяйства постепенно переросла в широкую политическую кампанию. С обвинениями в адрес А. В. Чаянова в принадлежности к кулацкой партии и контрреволюционном вредительстве выступили Г. Е. Зиновьев[69], Е. М. Ярославский[70], Н. И. Ежов[71], В. П. Милютин[72]. Последнюю точку поставила Всесоюзная конференция аграрников-марксистов в декабре 1929 г., на которой выступил И. В. Сталин, задавший зловещий вопрос: «Непонятно только, почему антинаучные теории „советских" экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати...?»[73]

Через несколько месяцев после этого выступления научная деятельность А. В. Чаянова прекратилась, а его имя было предано забвению. Однако его теория крестьянского хозяйства продолжала жить. В 1988 г., в канун столетия со дня

[66] Крицман Л. Н. Современная мелкобуржуазная политэкономия//Три отзыва о работах представителей современной мелкобуржуазной политической экономии. М., 1924. С. 24—57.

[67] Гайстер А. И. Расслоение советской деревни. Предисловие Л. Н. Крицмана. М., 1928; Кубании М. И. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств (экоиомическое исследование). Вступительная статья Л. Н. Крицмаиа. М., 1929; Сулковскнй М. В. Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств. Предисловие Л. Н. Крицмана. М., 1930 и др.

[68] Верменичев И. Д. Классовое расслоение крестьянства и классовые позиции буржуазиых и мелкобуржуазных теоретиков//На аграрном фронте. 1927. № 4. С. 78—87; Он же. Об одной вылазке новоиародиика//Там же. 1928. № 9. С. 45—55.

[69] Зиновьев Г. Е. Манифест кулацкой партии//Большевик. 1927. № 13. С. 33—34.

[70] Ярославский Е. М. Мечты Чаяновых и советская действительность// Против коидратьевщины. Классовая борьба в экономической теории. М., 1931. С. 39—60.

[71] Ежов Н. И. Кондратьевщина в борьбе за кадры//Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 9—10. С. 1—12.

[72] Милютин В. П. Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве//На аграрием фронте. 1930. № 9. С. 3—14.

[73] Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.//Соч. Т. 12. С. 152.

рождения ученого, появились новые серьезные научные публикации о его творчестве[74].

Почему же сегодня растет интерес к теоретическому наследию А. В. Чаянова? По нашему мнению, главным подтверждением жизненности его учения о крестьянском хозяйстве стала выживаемость семейных и личных форм ведения сельского хозяйства в нашей стране и во всем мире. Конечно, современное личное подсобное хозяйство (ЛПХ) радикально отличается от крестьянских подворий 20-х годов XX в., однако есть у них и общая черта — семейная самоорганизация ведения сельского хозяйства, основанная иа личном труде членов коллектива. Послевоенный период развития экономики СССР доказал тезис А. В. Чаянова о значительной устойчивости этой формы ведения сельского хозяйства. Вдумаемся в такой факт. Занимая в послевоенный период 1,2—1,3 % угодий, имея крайне низкий уровень технической оснащенности и постоянно преодолевая мощные административные препоны, крестьянский двор давал 30—40 % производимого в стране мяса, 60—65 % картофеля, 30—45 % молока и овощей, 30—60 % яиц, 22—26 % шерсти и многое другое![75] Таким образом, вклад ЛПХ в производство главных продуктов питания в десятки раз превосходил обеспеченность средствами производства и землей. Весьма высока роль семейных хозяйств в социалистических странах — Венгрии, Польше, Югославии. Китайская Народная Республика перешла в 80-е годы на систему «подворной» ответственности, добившись солидной прибавки к урожаю.

Возрождается сегодня и другая форма «самоорганизации» — так называемые безнарядные звенья, бригады, работающие по единому наряду, семейный подряд, коллективы интенсивного труда (КИТы). Все они ведут свою родословную от безнарядных звеньев, впервые опробованных экономистом И. Н. Худенко в совхозе «Акчи» в Казахстане[76]. В 80-е годы в опытных хозяйствах «Кочковское» и «Батуринское» начинали работу коллективы интенсивного труда (братьев Кожуховых и др.), модель которых исследовалась научной группой академика ВАСХНИЛ Н. В. Краснощекова[77]. Результаты оказались впечатляющими. Как отмечалось в постановлении

[74] Никонов А. А. Ответственность науки и за науку: беседа с президентом ВАСХНИЛ//Коммунист, 1988. № 1. С. 54—63; Он же. Александр Васильевич Чаянов: к 100-летию со дня рождения//Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 1. С. 7; Кабанов В. В. Александр Васильевич Чаянов//Вопросы истории. 1988. № 6. С. 146—167 и другие работы.

[75] Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 185, 202.

[76] Лит. газ. 1987. 7 октября.

[77] Анализ этого опыта давался на выездном заседании сессии ВАСХНИЛ// Вестник сельскохозяйственной науки. 1987. № 5. С. 8—33.

ЦК КПСС «О неотложных мерах по повышению производительности труда в сельском хозяйстве на основе внедрения рациональных форм его организации и хозяйственного расчета» (декабрь 1986 г.) и в Материалах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, КИТы дали в среднем на работника 700—800 т зерна, 70—100 тыс. руб. продукции: это в 1,5 раза выше среднеамериканских показателей и в 10—15 раз — среднего по СССР[78]. В современных условиях семейные и подрядные звенья и КИТы приобретают не только экономическое, но и нравственное значение: как подчеркивают их участники, в подсобные коллективы их влечет «самостоятельность, понимание своей человеческой значимости, гордость за то, что они делают очень нужное дело»[79]. В семейных коллективах улучшается трудовое воспитание детей, укрепляется семья, развивается чувство хозяина и т. д.[80] Все это подтверждает отдельные положения семейно-трудовой теории А. В. Чаянова.

Концепция А. В. Чаянова об оптимальности небольших семейно-трудовых коллективов получила подтверждение лишь в последние годы. Еще в 1963—1965 гг. разрабатывались методики, дававшие чрезвычайно большие значения «оптимумов»[81]. Только в 80-е годы стали раздаваться голоса о необходимости отказа от догмы абсолютных превосходств крупных предприятий в сельском хозяйстве и более тщательной проверки преимуществ небольших коллективов. Академик Н. В. Краснощеков и его коллеги модифицировали чаяновский метод кривых предельных издержек и на его основе показали, что оптимальный размер КИТов не должен превышать 8—10 человек[82].

Признание мартовским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС равноправия различных экономических форм в сельском хозяйстве, в том числе и крестьянских семейных хозяйств, также предполагает творческое обращение к наследию ученого.

---

[78] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 24. В печати иазывалась более высокая оценка выработки КИТов — 130 тыс. руб., что почти в 20 раз превышало средний уровень по стране (Никонов В. П. Полнее задействовать потенциал агропромышлениого комплекса//Коммунист. 1987. № 5. С. 15—29).

[79] Материалы Плеиума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. С. 24.

[80] Как подчеркивал заведующий сектором семейного подряда ВНИИЭСХ В. Ф. Вершинин, имении семейные и товарищеские коллективы в 2—5 человек «в перспективе и должиы стать хозяевами» (Советская культура. 1987. 1 октября).

[81] Устаиовление оптимального размера совхоза и его внутрихозяйствеиных подразделений. М., 1963; Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1965. Любопытно, что в последией методике подтверждается приоритет А. В. Чаянова в этой области, хотя в целом его концепции дается критическая оценка.

[82] Вестиик сельскохозяйствеиной науки. 1987. № 5. С. 8—33.

Сегодняшнее развитие экономики нашей страны заставляет все чаще вспоминать работы А. В. Чаянова в поисках ответов на вопрос об эффективной организации сельскохозяйственного производства. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что теория семейной экономики была лишь частью системы А. В. Чаянова и потому может быть понята вкупе с его взглядами на сельскохозяйственную кооперацию и аграрную политику государства. Труды А. В. Чаянова, посвященные этим вопросам, ждут своего опубликования.

А. В. Чаянов принадлежал к той плеяде русских ученых, которые упорно искали пути развития страны, ее обновления, разрабатывая общие закономерности, глубоко проникали в специфику сельского хозяйства. А. В. Чаянову был присущ глубочайший патриотизм. Его научные концепции вытекали из жизни и были направлены на поиск путей органичного развития хозяйственных форм и социальных процессов.

Сплошная коллективизация — бюрократическая альтернатива этому широкому поиску — прервала и экономический подъем и духовное развитие общества, и нам сейчас очень важно восстановить связь времен. Речь идет о познании богатства нашей истории и общественной мысли. Мы находимся лишь в начале этого пути.

В работах А. В. Чаянова, представленных в книге, были сделаны лишь исправления, необходимые для приведения их в соответствие с современными издательскими правилами, устранены явные опечатки, уточнены ссылки на литературные и статистические источники.

Рабочая группа выражает большую благодарность доктору экономических наук В. Е. Маневичу за научную консультацию, кандидату философских наук В. М. Звереву, профессору Р. Мерлю (ФРГ), профессору Садаму Кодзима (Япония) за ценные советы при составлении комментария и именного указателя, О. И. Кобленц, Т. Н. Камзоловой и Г. В. Швецовой за библиографическую помощь и содействие в подборке и обработке первоисточников данной публикации.

Рабочая группа будет призиательна читателям за любые замечания и дополнения конструктивного характера.

ЭН

УЧАСТКОВАЯ АГРОНОМИЯ и ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Десять лет тому назад в своей приветственной речи I съезду деятелей агрономической помощи местному хозяйству* А. Ф. Фортунатов, говоря о своем убеждении в необходимости мелкого размера территории агрономического участка, сказал, что он «хотел бы дожить до того времени, когда, например, агроном Московского уездного земства объявит, что на предстоящий год его деятельность приурочивается преимущественно к Ростокинской и Всесвятской волостям».*

Прошло всего только десять лет, как сказаны эти слова, и в настоящее время 5-й агрономический участок Московского уездного земства, обслуживаемый постоянным участковым агрономом, включает в себя 53 селения, что соответствует двум средним волостям.

Идея участковой агрономии выполнила таким образом задачу, поставленную на I съезде, и надо полагать, что эта идея и есть наиболее важное приобретение в агрономической жизни истекшего десятилетия.

К сожалению мы, современники этого события, отлично чувствуя и зная на практике всю важность идеи участковой агрономии, еще далеко не в силах ясно понять сущность и действительное значение совершенного переворота в организации агрономической работы.

И не наша в этом вина.

Дело в том, что в пределах агрономии, т. е. науки о сельскохозяйственной деятельности человека, наименьшую разработанность и полную отсталось являет собою отдел, посвященный методам агрономической помощи населению.

В настоящее время опытные поля и лаборатории всего мира дали в руки агронома если не знание, то умение получать знание о любом техническом процессе сельскохозяйственной жизни, умение сопоставить его с явлениями окружающего мира, и, как

кажется, безвозвратно канули в вечность времена, когда основные идеи сельскохозяйственной техники были не более как рецептурные «секреты» хозяев-практиков.

Иное — в деле изучения методов агрономической помощи населению.

Человечество за 30-летний период широкого развития институтов общественной агрономии скопило подавляющий по количеству и разнообразию опыт.

Но этот колоссальный опыт Запада и России до сих пор остается необобщенным, до сих пор в этой области царят навыки, практика и в лучшем случае рецептурное заимствование удачно испытанных программ и их комбинаций, преломленных в местном опыте.

Это особенно заметно в условиях русской действительности, где благодаря частому скитанию агрономов из губернии в губернию и ряду других условий весь местный опыт как-то остается на местах и, распыляясь, пропадает для работников будущего.

Могут возразить, что работа агронома в конечном итоге — искусство, что нельзя научиться быть агрономом, но в ответ на это можно перефразировать известную фразу И. А. Стебута и сказать, что наука не может *сделать* человека агрономом, но она может сильно помочь ему *сделаться* агрономом*.

Теперь же этой помощи не существует, ибо общественная агрономия не только не обобщила свой опыт, но даже не делала попыток воспользоваться обобщением родственных дисциплин: педагогики, коллективной психологии и пр.

Благодаря этому не только новые работники общественной агрономии часто бродят впотьмах, но даже вся русская агрономия не может, в частности, точно определить и выразить в конечных обобщениях весь смысл перехода от уездной агрономии к участковому типу.

Правда, за последнее время в агрономической литературе появился ряд работ в этой области (А. В. Тейтель, К. Г. Маньковский, Л. П. Сокальский и др.) *, но характер этих работ говорит о том, что перед нами не обобщения коллективного опыта, а только более или менее удачные мысли и сопоставления *по поводу* некоторых вопросов момента.

Наш доклад явится не более как попыткой, принадлежащей к этой же категории.

Года два назад, обобщая впечатления от истории бельгийской общественной агрономии, нам пришлось попытаться дать общее определение задач агрономической помощи населению*, которое и формулировалось в трех следующих пунктах:

1) *ввести в народное хозяйство страны усовершенствованные методы техники земледелия и скотоводства;*

2) *изменить организационный план хозяйств в сторону большего соответствия текущим условиям экономической действительности страны и*

3) *организовать местное население в союзы и группы, которые, с одной стороны, путем кооперативного обобщения отдельных сторон производства увеличили бы силу хозяйств; а с другой стороны, взяли бы на себя закрепление и дальнейшее углубление реформы народного хозяйства.*

Эти предложения в силу своей общности могут быть приложены к агрономической работе любой страны.

Однако хотелось бы теперь дополнить это определение, оттенив то, что, по нашему мнению, и делает агрономию общественной,— *ту конечную социальную цель,* которую преследует этот институт.

Это тем более важно, что именно в настоящее время вопрос этот был очень остро поставлен на Екатеринославском съезде 1910 г. в докладе г. Л. П. Сокальского * и др.

Вопрос старый, относящийся, быть может, к категории вопросов «Како веруешь?», но вечно новый и являющий свой лик в новых и новых формах.

Вопрос в том, является ли общественная агрономия агрономической помощью местному хозяйству или же она есть агрономическая помощь местному населению.

Для агронома «не существует населения, а есть только земледелие»,— восклицает г. Сокальский, автор одного из интересных докладов Екатеринославского съезда *.

Да, скажем мы, для какого-нибудь *отдельного члена* агрономической организации это, может быть, и так, но для всей общественной агрономии в целом прежде всего существует население, а потом уже земледелие как одна из главных сторон жизни этого населения.

Говоря иначе, мы не придаем земледелию самодовлеющего значения и полагаем, что объектом агрономической помощи населению является хозяйственная деятельность местного сельского населения в той же самой мере, как другие стороны его быта являются объектом медицинской помощи, учебного дела, юридической консультации и пр.

Для общественной агрономии органов местного самоуправления сие наиболее логично следует из самого духа этих институтов, представляющих собою в идее организацию местного населения, с помощью которой само местное население удовлетворяет свои многочисленные нужды.

Никто не будет утверждать, что самодовлеюще важны знания, которые вкладываются в головы крестьянских ребятишек земскими школами, но всякий признает, что важно в конечном счете то пользование этими знаниями и то умение получать знания, которое дает школа для крестьянской жизни.

Никто не будет утверждать, что конечная цель общественной юридической консультации заключается в том, чтобы обыватель знал сенатские решения по поводу разных казусов, и все согласятся, что целью является применение этих знаний обывателем и та польза, которая от сего проистекает.

Точно так же кажется странным утверждение, что задача агрономической работы сводится исключительно к созиданию того, чтобы поля культивировались по всем правилам рациональной агрономии, и надо полагать, что конечная задача состоит все-таки в том, чтобы обеспечить местному населению возможно большее количество средств существования путем рационализации как его полеводства, так равно и общего уклада хозяйственной жизни.

Работая над реформой различных технических процессов, деятель общественной агрономии не должен упускать из виду хозяйственную жизнь населения в целом.

Иначе самое блестящее техническое нововведение может оказаться лишенным социальной рентабельности.

Не спорю, конечно, что для различных экономических групп населения возможность прогресса в хозяйственной деятельности будет выражена весьма различно, но это затруднение в организации агрономической работы разрешается дифференциальной программой, а отнюдь не бросанием на произвол судьбы тех хозяйств, для которых форма хозяйственного прогресса не вполне очевидна.

Я извиняюсь за некоторое отступление от прямой темы, но казалось существенно необходимым дать социальное освещение выше формулированным задачам агрономической работы.

Теперь, когда мы установили основные задачи общественной агрономии, необходимо отметить, что *для общественной агрономии* наиболее характерным моментом явится не программа, а скорее сам способ реализации этой программы.

Это не тот случай, когда крупный владелец путем обязательного приказа приводит в движение обширный штат работников земли и своею волею независимо от мнения исполнителей реализует широко продуманную и сложную схему реформы своего хозяйства.

Общественная агрономия сама хозяйства не ведет, сама своею волею и желанием никаких программ реализовать не может, и ее метод сводится к тому, чтобы путем воздействия на ум и волю хозяйствующих людей пробудить в их среде самодеятельность и помочь направить эту самодеятельность наиболее рационально.

Если мы обратимся к тем конкретным формам, в которых было организовано достижение этих задач, то мы увидим в опыте Запада и России целый ряд разнообразных организационных типов, из которых каждый ставил себе различные бли-

жайшие задачи, сообразные техническому уровню местного хозяйства и бытовому укладу местной жизни.

Общая характеристика наиболее важных из этих типов может пролить свет на природу русской участковой агрономии.

Весьма характерную картину первых шагов агрономической помощи населению на девственной почве малокультурного патриархального быта дают странствующие агрономические кафедры наиболее глухих углов Италии *.

«Нам приходится говорить на площадях, как социалистам»,— говорил нам неаполитанский агроном Дель Джудичи.

И действительно, первый шаг итальянской агрономии заключался в переносе агрономической пропаганды на рыночную площадь и базары.

Не редкость встретить итальянского агронома где-нибудь посреди деревенского базара, ораторствующего с высоты воза о качествах суперфосфата.

Это застрельщик общественной агрономии, кладущий ее фундамент.

И довольно часто местное население если и не говорит по его адресу классическую фразу: «Уезжай, брат, туда, откуда приехал», то принимает за коммивояжера торговой фирмы и провожает свистом.

Задачи агрономической пропаганды этого первичного периода весьма серьезны.

Перед агрономом находится некоторое большое количество «хозяйствующих людей», имеющих свою систему, свой организационный план, свои навыки и представления о сельском хозяйстве, людей, которым приказывать ничего нельзя и которые все предпринимают по своей воле и сообразно своему пониманию.

Приходится после глубокого анализа местного хозяйства определить те его стороны, которые наиболее легко поддаются изменению и могут дать скорый и ярко выраженный эффект.

Потом тем или иным способом обратить внимание хозяев на возможность изменения в их привычных методах работы и путем воздействия, устного или письменного, путем примера, наглядного доказательства убедить население в преимуществе нового приема над ранее практиковавшимся, доказать его большую выгодность...

Словом, заменить в головах местного населения старые представления новыми.

И кроме того, пробудить это население к активности, *дать ему эмоциональный толчок.*

Без этого эмоционального толчка никакое доказательство не будет доказательством, вся пропаганда сведется к любопытному рассказу, и общественная агрономия потеряет свою душу.

Программа деятельности и сам характер мероприятий этого периода исключительно массовые, общепонятные, нужные всем, так как дело идет не только о пропаганде технических приемов, но и о широкой пропаганде самой агрономии.

Химические удобрения, посевной материал, привоз производителей, машины и проч.

Таков первый этап агрономической работы.

Не буду останавливаться на промежуточных типах и опишу вкратце конечную форму, которую являет собою бельгийская агрономия *.

В настоящее время, когда после 20 лет работы агрономической организации сельские хозяева Бельгии приняли на своих полях и в стойлах рациональные методы и вся Бельгия покрылась глубокой сетью местных обществ, выросших из толщи местного населения и ставящих своею целью дальнейшее улучшение сельского хозяйства страны, роль агронома утратила свой вышеописанный первоначальный характер и постепенно приобрела новый.

Теперешний бельгийский агроном — это уже не пропагандист новых идей, стремящийся завоевать доверие населения, убеждающий в необходимости улучшения техники,— доверие уже завоевано, научная агрономия уже признана и не агроному приходится идти к населению, а само население идет к агроному.

Словом, выполнена задача не только первичного периода, но и все три пункта, приведенные мною в начале доклада.

Не мудрено поэтому, что на Льежском съезде по внешкольному сельскохозяйственному образованию 1905 г. упорно раздавались голоса, что агрономия уже выполнила свою миссию, ее роль сыграна, что ее нельзя рассматривать как постоянный институт и что теперь, когда надобность в ней прошла, ее нужно заменить чем-либо иным.

Действительно, местное население само, в лице своих союзов и других организаций, взяло на свои плечи дело дальнейшего углубления и расширения реформы сельского хозяйства страны, и агроном общественной службы все больше и больше превращается в советчика частного случая, в организатора общественной сельскохозяйственной жизни, в наблюдателя и исследователя новых путей.

Мне пришлось просматривать переписку агронома Льежской провинции г. Тома и довольно близко познакомиться с его работой — все это сплошь консультации, консультации и консультации на заданные частные вопросы частных хозяев.

Немногие конференции, которые теперь еще читает г. Тома, касаются узких тем текущего сельскохозяйственного момента, т. е. того же частного случая, и от программных лекций реали-

зующих общую разработанную систему агрономического воздействия, остались весьма отдаленные воспоминания.

Надо отметить к тому же, что дело внешкольного сельскохозяйственного образования всецело передано особым странствующим курсам.

А кажется, еще так недавно, лет двадцать назад, тысячами конференций и сотнями показательных участков реализовалась программа введения химических удобрений.

Теперь и эта программа, и многие другие уже давно реализованы.

Частная консультация и моральное руководство — вот последний этап института общественной агрономии.

Обращаясь к агрономии русской, мы прежде всего должны сознаться, что ее нельзя втиснуть в готовые уже рамки и разделы западно-европейских типов агрономической организации.

У нее иная история, иная сельская среда и подчас даже иные принципы, противоположные западным.

Достаточно, например, указать, что столь важное русское мероприятие, как земский склад, исполняет свои функции как *орган* агрономического воздействия на население, в то время как повсеместно в Западной Европе эти функции являются делом кооперативов, т. е. учреждений, представляющих собою *результат* агрономического воздействия.

К тому же в одних районах России агрономия делает первые робкие шаги, в других она уже прошла долгий и почетный путь.

Единственно, что можно сказать о русской агрономии вообще,— это то, что она была, есть и еще долго будет находиться в периоде программной деятельности.

Программа является важнейшей стороной ее бытия, и можно сказать, что программой определяется весь характер работ и форм организации.

В пределах этого программного периода происходит в настоящее время переход уездных форм в участковые, и нам кажется, что сущность этого переворота лежит не столько в территориальном изменении агрономического участка, сколько в изменении программы самой работы.

Необходимость меньшего района была обусловлена незаметно созревшей новой программой, отличной от программы уездной, а большой район уезда так долго держался именно потому, что сама старая уездная программа мирилась с этим районом и не требовала меньшего.

В чем же заключается программная разница?

Ответить на этот вопрос не так легко, ибо судить по писанным программам в данном случае совершенно нельзя, так как, с одной стороны, не известно, какие элементы участковых программ действительно войдут в жизнь и окажутся исполнимыми

и нужными и какие останутся на бумаге, явясь неугаданными предположениями.

К тому же многие из пунктов участковой программы являются недоделанными остатками рабочей программы уездной агрономии.

Если же мы захотели бы выяснить действительную рабочую программу участковой агрономии, то вряд ли могли бы ее определить, так как она только еще намечается, постепенно вырабатываясь практикой.

С другой стороны, писанные программы старой уездной агрономии нельзя принимать во внимание, ибо многие пункты их числились только на бумаге, не входили в действительную работу и представляли собою предвосхищение из программ участковой агрономии.

Ввиду этого мы будем говорить только о духе программ и остановим наше внимание на анализе действительной рабочей программы уездной агрономии.

Уездной агрономии выпало на долю прежде всего пропагандировать себя самое, расшевелить мозг косного крестьянства, внушить ему самую возможность новых представлений, и для этого она, так же как и первые пионеры Италии и Бельгии, начала с общих, всем понятных, всех задевающих и всех интересующих вопросов.

Успех одного из подобных дел, достигнутый в деревне Елизаветино, быстро делался известным, интересным и понятным как в деревне Судислово, так и во многих других деревнях.

Можно сказать, немного схематизируя, что уездная агрономия имела дело с населением всего уезда, вместе взятым, и ее работа направлялась на хозяйство всего этого населения, т. е. хозяйство всего уезда.

Хозяйство района, народное хозяйство, если хотите, но отнюдь не конкретные хозяйственные организмы были объектом ее внимания.

Сообразно этому экстенсивному захвату и слагались уездные программы, составляемые из элементарных, почти азбучных технических мероприятий. В уезде повсеместно царит соха — в программу вносится пункт распространения плугов; уезд страдает от вредителей — в программе меры борьбы с ними; в уезде крайне ненормальное отношение зерновой площади к кормовой — во главу угла ставится травосеяние; таким же образом в программах появляются черный пар, вспашка на зябь и пр.

Надо отметить, что этому в высшей степени способствовала тогдашняя наша неосведомленность о крестьянском хозяйстве.

Недаром же, в самом деле, первая работа русских агрономов была направлена на статистические изыскания.

Единственным источником, из которого можно было черпать нужные материалы, была основная земская статистика, разработанная на основании *массового наблюдения* и дававшая сведения только о массовом хозяйстве, хозяйстве района в целом.

Недаром г. К. Г. Маньковский говорил на Екатеринославском съезде, что:

«Прежняя общественная агрономия видела перед собою лишь общую сумму, итог того, что определяется конкретным явлением „хозяйство"».

«Перед ней был общий, довольно одноцветный тип хозяйства края, с расплывающимися контурами, на котором только кое-где блестели поставленные вехи общественно-агрономических задач».

Причем при определении этих задач «главное место отводилось *массовому* наблюдению, стиранию контуров конкретных явлений»*.

Словом, повторяю, народное хозяйство района, а не конкретный хозяйственный организм, было объектом внимания уездных программ.

Сообразно такой программе уездный агроном целыми годами уничтожает озимого червя, целые годы вводит травосеяние, пропагандирует черный пар.

Его практическая программа этим и ограничивается, и он не интересуется иными деталями хозяйства, больше, он *не может* ими интересоваться, ибо иначе не будет выполнена основная программа, главная задача уездной агрономии.

Первый период близится к концу.

Из трех задач, поставленных в начале доклада, выполнено еще очень мало, но зато в течение нескольких лет работы в толще деревни агрономия сблизилась с конкретным крестьянским хозяйством, у нее из практики нащупался целый ряд новых, часто непредвиденных частных вопросов, и само население за это время свыклось с деятелем агрономической помощи населению.

Тотчас же назревают новые задачи — агрономию нужно углубить; то тут, то там жизнь наталкивает на новые поприща работы — нужна новая программа, быть может, даже новые люди.

Зреет необходимость участковой агрономии.

Нам приходилось слышать мнения, что если для уездного агронома был нужен человек с кругозором высшего образования, то для участковой агрономии достаточно нескольких лиц со средним образованием под наблюдением одного руководителя с широким кругозором.

В этом глубокое непонимание сути участковой агрономии, и мы принадлежим к тому мнению, которое утверждает как раз наоборот, что роль участкового агронома ответственнее роли

уездного, требует большей широты умственного горизонта, больших знаний и большего умения владеть методом мысли и исследования.

Фельдшеризм менее всего терпим в участковой агрономии.

Работа уездной агрономии несложна — 2—3 пункта программы, обычно ясно и определенно разработанные.

Иное — для участкового агронома. Программа, увеличивая свое содержание, тем самым теряла общность.

Агроном, став участковым и погрузившись в действительную хозяйственную жизнь конкретных хозяйств, впервые встал лицом к лицу с отдельным хозяйственным организмом во всей его конкретности; впервые не только мог, но и был должен встать на частнохозяйственную точку зрения.

Стал оценивать чистую и валовую доходность той или иной культуры, ее значение в общем организационном плане хозяйства, начал задумываться над вопросами экономизации и использования труда, над упорядочением денежного хозяйства — впервые внимательно вгляделся в организационный план и стал размышлять о его реорганизации.

Причем надо отметить, что все эти вопросы встали так резко главным образом перед нами — северянами, так как на юге открывается гораздо больший простор для чисто технического прогресса.

Такое глубокое проникновение в пределы хозяйственного предприятия не давало возможности многого предвидеть, и потому агроному нужно было постоянное умение ориентироваться на месте, так как программа могла указать только общее направление работ, но не способы и средства выполнения, различные чуть ли не в каждом мелком районе.

Итак, если уездная агрономия стояла перед хозяйством района и поручала агроному проведение в жизнь общей поуездной программы, составленной из ряда мероприятий, основанных в лучшем случае на данных массового исследования, то участковая агрономия ставит своих работников перед конкретным хозяйством во всей его сложности, заставляя его считаться со всеми деталями организационного плана.

Что же может помочь участковому агроному в его ответственной и труднейшей задаче?

Прежде всего понимание крестьянского хозяйства, умение оценить и разобраться в конструкции его организационного плана и умение уловить его хозяйственную душу.

Кто же может дать это понимание и это умение?

Надо сознаться, что на этот вопрос нелегко найти ответ.

В отношении организационного плана русского крестьянского хозяйства, да и вообще всех экономических вопросов в пределах хозяйствующей единицы современная наука не может дать русскому агроному своих обобщений, так же как она

не дала их по поводу методов общественной агрономии.

Все, что мы имеем в этой области,— это в большинстве старые немцы: Г. Крафт, Т. Гольц и др. *

И вся их наука, объединяющаяся под именем Betriebslehre (учение о сельскохозяйственном предприятии), целиком относится к крупному хозяйству, и к тому же хозяйству немецкому, представляющему собою величину совершенно иного порядка, чем наше крестьянское полунатуральное трудовое хозяйство.

Мы склонны даже полагать, что сами основные задачи двух этих категорий хозяйств в корне различны...

В то время как немецкое капиталистическое хозяйство имеет единственную задачу — получить на вложенный в предприятие капитал возможно больший процент прибыли, в трудовом хозяйстве эта задача усложняется тем, что, кроме интересов хозяина как владельца земли и инвентаря, еще в большей степени для него выдвигаются интересы его и его семьи как работников, благодаря чему задача хозяйственной деятельности усложняется до полной формулы:

Задачей крестьянского трудового хозяйства является доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы самой семьи.

Сообразно этому учет труда является едва ли не важнейшей частью организационного плана и в самый организационный план весьма часто как необходимое звено включается выемка рабочей силы из хозяйства и продажа ее на стороне.

Причем значение промыслового заработка не ограничивается этим фактором, ибо денежный характер его накладывает решающие особенности на другие разделы плана.

Так, например, по данным вологодских бюджетов, при достаточном постоянстве абсолютной величины денежного фонда денежность скотоводства и земледелия всецело зависит от размера промыслового дохода.

Таким образом, если немецкие хозяйства являются сложными технически, то с экономической точки зрения они по сравнению с русскими крестьянскими хозяйствами представляют собою упрощенный тип.

Благодаря этому немецкие книги нам не годятся.

Куда же идти за нужными знаниями, где искать материалы для их получения?

Приходится признать, что идти за готовыми обобщениями некуда, так как науки об организационном плане трудового хозяйства не существует.

Материалы же для построения такой науки, пожалуй, имеются, и в наших руках — увеличить их количество.

Этими материалами являются наши земские, отчасти оценочные, а главным образом *бюджетные исследования.*

Я позволю себе предложить вашему вниманию примеры материала, который может быть получен бюджетной статистикой по двум весьма важным вопросам организационного плана — организации труда и организации денежного бюджета.

Полное использование трудовой активности семьи и устранение тягостного перегружения работой в известные периоды — такова основная задача организации труда. Посмотрим, как он организуется в действительности.

Перед вами учет работы, произведенной по хозяйству крестьянина В. Г. Кудряшова из деревни Судислово Волоколамского уезда, по данным бюджетного исследования 1910 г., произведенного под моим руководством для съезда льняного дела в Москве *.

Таблица 1

Рабочих дней мужских и женских в 1910 г.

Месяцы	На лен	На другие сельскохозяйственные работы	Промыслы	Месяцы	На лен	На другие сельскохозяйственные работы	Промыслы
Январь	—	—	24	I пол. июля	—	30½	—
Февраль	—	—	24	II пол. июля	—	8	—
Март	—	—	24	I пол. августа	10	9	—
I пол. апреля	—	½	12	II пол. августа	8	5	—
II пол. апреля	—	1½	12	I пол. сентября	2	4½	—
I пол. мая	3	6½	—	II пол. сентября	—	9	12
II пол. мая	2	3½	—	Октябрь	2	—	24
I пол июня	—	20½	—	Ноябрь	20	—	24
II пол. июня	—	47	—	Декабрь	20	—	24

Не входя в глубоко интересные детали этого случая весьма целесообразной организации труда, мы отметим только удачно помещенные промыслы и весьма удобное расположение работ по льноводству. Из дефектов наиболее крупный составляет перегружение конца июня, зависящее от совпадения работ по уборке клевера с сенокосами, что является одним из крупных дефектов травосеяния. Последнее обстоятельство, быть может, когда-нибудь даст почву для распространения косилок.

Введение всякой новой культуры, нового севооборота или организация промысла — все это требует оценки с точки зрения общего баланса труда, и притом труда не только людей, но и животных.

Так, например, А. Ф. Фортунатов не раз указывал, что одно из преимуществ трехполья — это «равномерность распределения для работы скота в течение лета» *.

Из сотен чрезвычайно любопытных вопросов, связанных с организацией труда, приведу одну цитату, касающуюся обоснования замены ручного труда механическим в крестьянском хозяйстве...

На Пермском совещании 1900 г. агроном Д. И. Кирсанов указал:

«Если в зимнее время труд крестьянской семьи имеет выгодное приложение, агроном принесет большую пользу распространением молотилок, освобождая значительную долю крестьянского труда для другого производительного приложения. Но если в зимнее время крестьянину нечего делать, как только молотить свой хлеб, то в распространении молотилки едва ли можно видеть что иное, кроме непроизводительной затраты и без того тощего крестьянского капитала» *.

Едва ли нужно подчеркивать то, какой важный вопрос поставлен в этих строках.

Возьмем еще один пример. При нашем постоянном избытке рабочей силы в деревне, когда выемка труда из хозяйства и продажа на стороне являются постоянным и весьма необходимым звеном организационного плана, какое важное значение приобретают такие трудоемкие культуры, как лен и картофель.

Наконец, если к учету количества труда мы приложим вопросы, касающиеся его оплаты, то станет ясным глубокое значение оценок с этой точки зрения различных видов хозяйственной деятельности.

Переходим к денежному бюджету. В современной русской деревне денежные знаки начинают играть весьма крупную роль.

Уже в таком глухом углу, как Тотемский уезд, денежная часть потребительского бюджета достигает 91 руб. на хозяйствующую семью, что составит 30,2 % всех личных расходов.

В Вологодском уезде цифры поднимаются до 149 руб. и 60,7 %. Ф. А. Щербина для 1888—1895 гг. приводил по Воронежской губернии цифры 104 р. 51 к., что составляет 41,6 % *.

Псковские данные начала XX в.— 171 руб. По моим волоколамским бюджетам денежная часть потребительского бюджета превышает 300 руб. и составляет свыше 80 % к итогу.

Не меньшее значение приобретают и хозяйственные денежные расходы. Вологжане дают цифры 69 р. 40 к. на хозяйство, что даст 33 % по всем хозяйственным расходам без учета рабочей силы.

По Волоколамскому уезду цифры еще выше.

Значение этих цифр усугубляется тем, что крестьянское хозяйство все-таки остается полунатуральным и следовательно, денежные знаки имеют для сельского населения ценность, отличную от натуральных ценностей.

Так, например, смею полагать, что многие мероприятия не будут иметь успеха только потому, что издержки на них производятся в денежной форме, а эффект, хотя и превышающий их, получается и потребляется в форме натуральной.

При слабом развитии нашего рынка организация добычи денег — задача нелегкая, и хозяйства в различных условиях по-разному ее разрешают.

Прилагаемые при сем графики оборотов материальных ценностей в хозяйстве дадут ряд вариантов[1] (см. с. 66—68).

Для агронома организация денежного дохода является весьма серьезной задачей. Принимая во внимание постоянство необходимых расходов, приходится выбирать такие денежные доходы, которые также отличались постоянством.

Колебание цен, не играющее для натурального хозяйства никакой роли, для денежного может оказаться губительным.

Правда, урожаи и цены находятся в некотором соответствии, но это только при условии, если продукт дальше местного рынка не идет.

В случае же более широких, особенно международных, рынков это соответствие падает и денежный доход десятины пишет весьма извилистую кривую.

Так, по нашим исчислениям, для некоторых губерний России колебания в денежном доходе десятины овса достигали иногда *в среднем* до 30 %; лен давал близкие цифры. Наоборот, картофель в своих колебаниях редко превышал 10 %.

Тысяча других, столь же важных вопросов раскрывается перед нами при изучении организационных планов крестьянского хозяйства.

Присматриваясь к ним, мы увидим перед собою своеобразные хозяйственные организмы, живущие по своим особенным законам жизни.

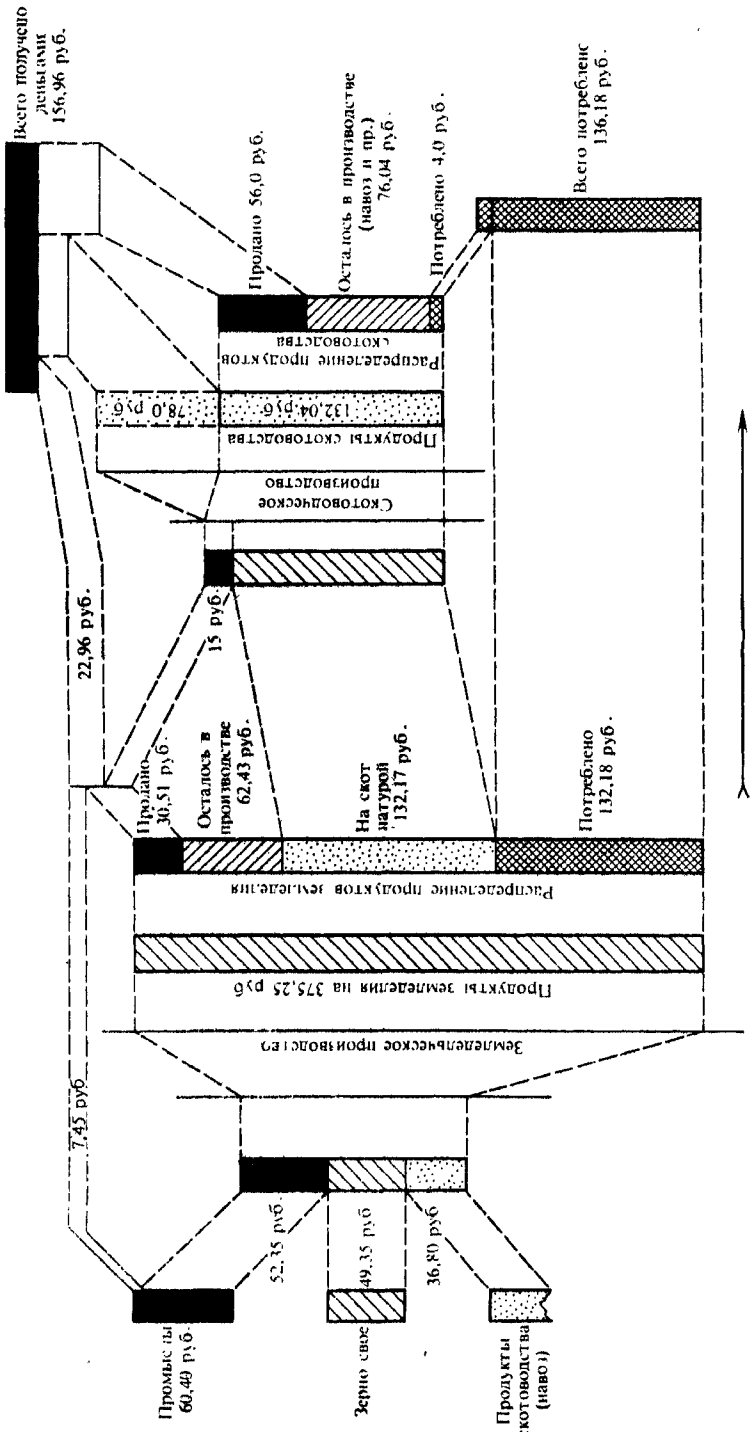
Среди этих организмов есть больные, есть расшатанные до основания...

И прежде чем оказать им ту или иную помощь в виде реформы хозяйственного уклада или врачевать его кредитом, необходимо знать, какое влияние окажет наше средство на этот организм. Надо изучить его жизнь, его естественные методы борьбы с недугами, способы эволюции и, что самое главное, надо научиться определять нерв хозяйства, важнейшие его части, важнейшие недуги. Схватить то жизненное подвижное равновесие, которое утверждает его существование!

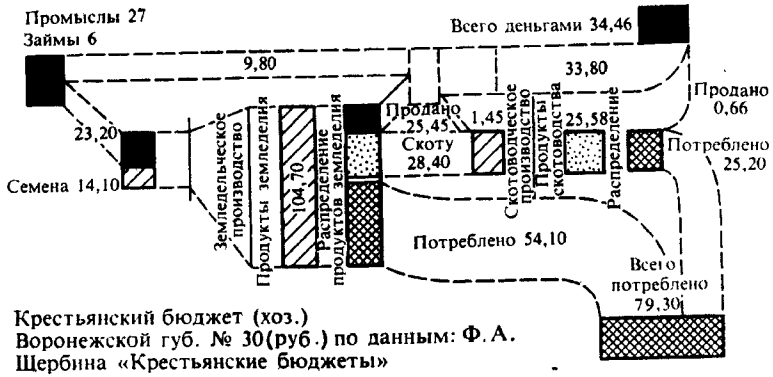
Спешу оговориться, что я, приглашая столь глубоко проникнуть в недры хозяйственных единиц, вовсе не приглашаю

---

[1] Ценности, выраженные в денежной форме, заштрихованы сплошным черным цветом.

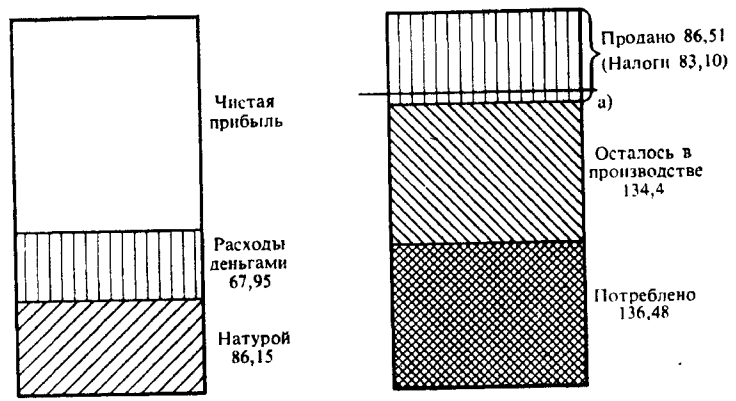

Крестьянский хозяйственный бюджет Вологодского уезда № 130 крестьянина А. В. Белова по «Материалам для оценки земель Вологодского уезда». С. 764—771.

Крестьянский бюджет (хоз.) Воронежской губ. № 30(руб.) по данным: Ф. А. Щербина «Крестьянские бюджеты»

Хозяйственный баланс Вологодского бюджета № 130(руб.)

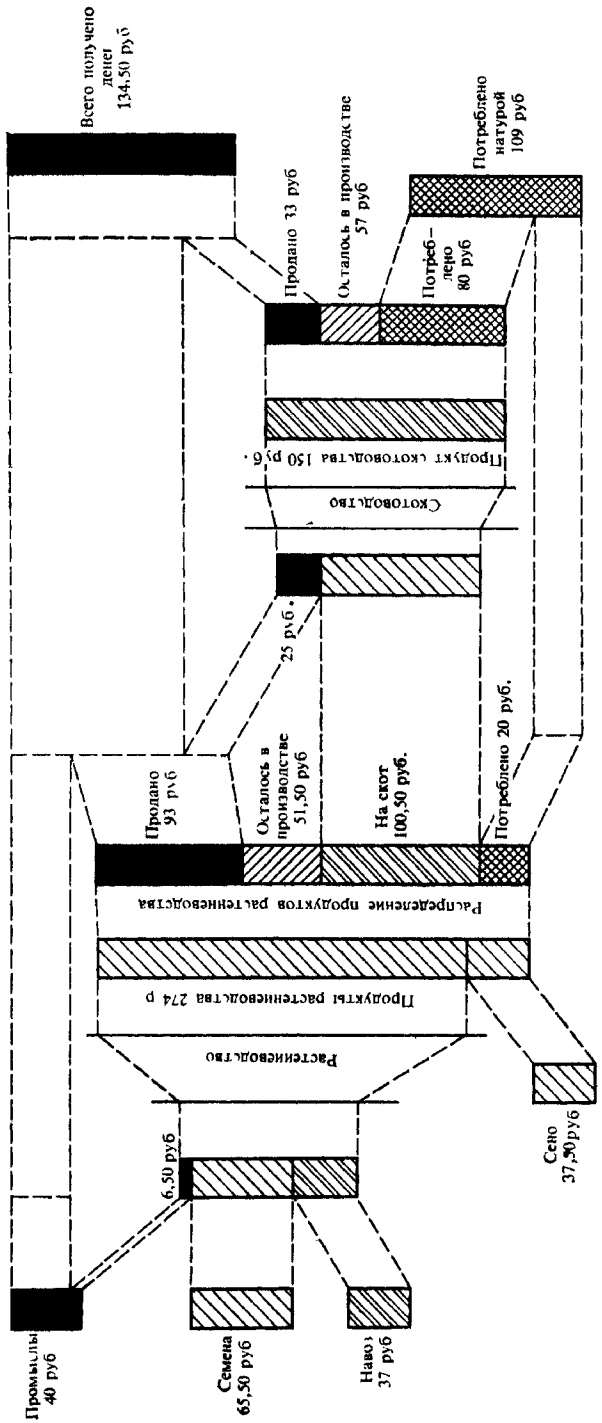
Хозяйственный баланс Воронежского бюджета № 30(руб.)

а) расстояние между чертами показывает те 3 р. 51 к., которые по уплате платежей остаются в распоряжении хозяйства;
б) расстояние между верхней чертой графика и пунктиром показывает 9 р. 53 к., которых не хватает для уплаты ареиды и налогов из средств хозяйства

тем самым агрономов заняться организацией отдельных хозяйств.

Эта задача, за которую так смело берутся некоторые землеустроительные агрономы, кажется мне утопичной! Организовать хозяйство может только человек, ведущий это хозяй-

Хозяйственный бюджет крестьянина М. Сергеева деревни Фалилеево Волоколамского уезда. 1910 г.

ство,— долгой практикой, схвативший все конкретнейшие моменты окружающих условий.

Агроном мог бы, пожалуй, дать советы, но на это у нас пока что нет нужных знаний, и помочь организовать хозяйство с пустого места мы пока не можем.

Единственно, что доступно агроному,— это помощь *частичным реформам* уже живущего, развивающегося хозяйства, но и для этого надо глубокое знание основ организационного плана и основных принципов его построения.

Можно с уверенностью сказать, что для каждого шага участковой агрономии, перед лицом которой впервые предстало конкретное крестьянское хозяйство во всей его сложности, настоятельно необходимо понимать основные устои этого хозяйства и научиться разбираться как в основах, так равно и деталях его организационного плана.

Для того чтобы облегчить в этой области работу практиков, нужно прежде всего разработать и установить основные обобщения и понятия *учения об организации трудового хозяйства.*

Нужда в этом настолько очевидна, что наука, надо полагать, не замедлит углубиться в эту девственную для нее область, и на обязанности агрономов лежит труд указать на те вопросы организационного плана, которые наиболее важны для дела агрономической помощи населению.

ТЕЗИСЫ:

1) Объектом воздействия уездной агрономии являлось хозяйство района в целом, и только участковая агрономия получила возможность обратить внимание на конкретное хозяйство и начать работать в сторону его реформы.

2) Сообразно этому для участковой агрономии существенно необходимо знание основных устоев, в частности принципов построения организационного плана трудового крестьянского хозяйства.

3) В настоящее время наука не может прийти в этом на помощь к работникам общественной агрономии, так как исследование организационного плана крестьянских хозяйств только что начинается.

4) Материалом для построения учения об организационном плане могут послужить отчасти оценочные, а главным образом *бюджетные* статистические исследования, и на обязанности самой общественной агрономии лежит указать то направление, которое должны принять эти работы.

9 февраля 1911 г.

ЭН

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ ТРУДОВОГО ХОЗЯЙСТВА[1]

1. Соотношение производства и потребления

§ 1. Трудовая хозяйственная деятельность отличается от всякой другой экономической деятельности тем, что количество ценности, поступающее при ней в обладание хозяйствующего человека, находится в соответствии с количеством затрачиваемого труда *.

Затрата же физической энергии для человеческого организма далеко не беспредельна.

После сравнительно очень небольшой траты, необходимой организму, дальнейшие затраты энергии уже требуют волевого усилия.

И чем большее количество работы реализуется в какой-нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда *.

С другой стороны, субъективная оценка ценности[2], добываемой этим предельным трудом, будет зависеть от высоты ее предельной полезности.

А так как предельная полезность понижается по мере роста суммы ценности *, поступающей в обладание хозяйствующего субъекта, то на известной высоте трудового дохода наступит момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой суммы.

[1] Публикуя настоящее исследование, автор считает своим долгом принести глубочайшую благодарность В. К. Дмитриеву, В. Я. Железнову и С. А. Первушину, советом которых автор не раз пользовался, а в особенности В. О. Борткевичу, давшему автору незаменимые математические указания.

[2] Объектом нашего анализа предполагаются хозяйства, вступившие в денежно-товарные отношения. Таким образом, продукты, изготовляемые нашими хозяйствами, потеряли качественную потребительскую окраску и носят уравнивающий абстрактный характер «ценности».

На этой точке естественного равновесия и остановится продукция работника в трудовом хозяйстве, так как всякая дальнейшая работа будет субъективно невыгодна.

Таким образом, *всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи.*

Положение это может быть весьма наглядно иллюстрировано следующим графиком (№ 1). Имеем систему координат, по оси абсцисс которой отложены суммы ценности (в руб.), вырабатываемые хозяйствующим субъектом в год.

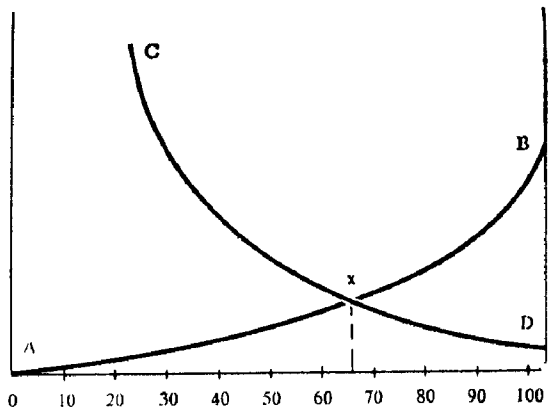

График № 1

Кривая AB указывает степень тягостности приобретения предельного рубля, отложенной на оси абсцисс суммы. Тягостность выработки десятого, двадцатого рубля ничтожна, но чем дальше, тем каждый лишний рубль, вырабатываемый работником, достается ему тяжелее.

Кривая CD изображает собою высоту предельной полезности этих рублей.

Субъективная оценка двадцатого, тридцатого рубля будет непомерно высока, но с каждым следующим увеличением общей суммы годового дохода субъективная ценность предельного рубля будет падать.

Ход изменения этой субъективной оценки рубля и даст кривую CD, которая пересечет кривую AB в точке x, соответствующей сумме годового получения в 67 руб.

На этом уровне продукции субъективная оценка рубля, добываемого предельным трудом, равняется субъективной оценке тягостности этого предельного труда. Всякий следующий рубль по своей предельной полезности будет оцениваться ниже, чем тягостность его добывания.

Обратно — всякий предыдущий рубль оценивался выше, чем усилия, направленные на его добывание, и тем стимулировал свою добычу.

Таким образом, в данном случае сумма 67 руб. является той точкой равновесия, на которой естественно остановится продукция нашего хозяйствующего человека.

§ 2. Ход кривых AB и CD определяет собою момент хозяйственного равновесия трудового хозяйства.

Выразим развитие этих кривых в виде:

$$Y_{AB}=f(x);\quad Y_{CD}=\varphi(x), \tag{1}$$

где x есть сумма годового получения, а Y — высота субъективной оценки.

Каждая из этих функций носит вполне *субъективный* характер, зависящий от личности хозяйствующего человека, и форм развития этих кривых, строго говоря, столько же, сколько хозяйствующих людей.

Единственное положение, вытекающее из природы анализируемых явлений, заключается в том, что *по мере возрастания* суммы годовой выработки субъективная оценка предельного рубля будет *всегда падать*, а тягостность его добычи — всегда *возрастать*.

Говоря иначе,

$$\varphi(x)>\varphi(x+1);\quad f(x)<f(x+1). \tag{2}$$

А из этого положения вытекает уже исследованное нами на графике следствие, что кривые могут пересечься только в одной точке, соответствующей значению x, равному x_1, при котором

$$\varphi(x_1)=f(x_1). \tag{3}$$

Причем сумма x_1 явится естественным пределом продукции, так как при всякой меньшей сумме согласно (2) будем иметь

$$\varphi(x_1-1)>\varphi(x_1);\quad f(x_1-1)<f(x_1);$$
$$\varphi(x_1-1)>f(x_1-1), \tag{4}$$

что явится стимулом к расширению продукции.

А при всяком значении x, большем нежели x_1, будем иметь

$$\varphi(x_1+1)<f(x_1+1), \tag{5}$$

каковое обстоятельство делает работу невыгодной в глазах хозяйствующего человека.

§ 3. Анализируем, какое влияние на установление хозяйственного равновесия могут оказывать изменения в развитии функции

$$Y_{AB}=f(x).$$

Согласно вышеизложенному в случае повышения производительности труда добыча предельной единицы суммы x будет менее тягостна и, следовательно, равновесие с предельной полезностью, соответствовавшее прежней степени производительности, нарушится, а новое установится на более высокой степени удовлетворения потребностей.

Эмпирический анализ этого положения, произведенный мною на швейцарских бюджетах профессора Э. Лаура, дал следующую кривую [3]:

	Оплата в своем хозяйстве одного рабочего дня хозяйствующей семьи (франков)				
	0—2,00	2,01—3,01	3,01—4,00	4,01—5,00	5,01—∞
Число хозяйств	9	13	15	7	6
Личный бюджет на одного едока	610	699	804	839	886

Из таблицы следует, что доходы под влиянием увеличения производительности труда действительно возрастают, причем, однако, скорость нарастания бюджета значительно *отстает* от скорости нарастания производительности труда.

Анализируем это обстоятельство теоретически (см. график № 2).

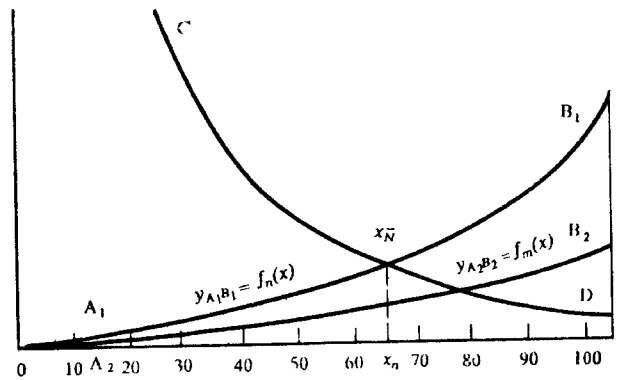

График № 2

Имеем две степени производительности труда n и m, причем n и m представляет собой сумму ценности, добываемой единицей труда.

[3] Данные относятся к тем хозяйствам, которые вели счетоводство минимум три года и относились к мелким, средним хозяйствам Цифры, легшие в основу таблиц, выписаны мною лично из сырого материала в крестьянском секретариате в Брюгге летом этого года Оплата труда — средняя за 1909 и 1910 гг, бюджет — 1910 г

Примем, что $m > n$.

Если мы возьмем какое-нибудь количество труда α, то при производительности n это количество труда дает сумму ценности $x_1 = \alpha n$*, а при производительности m даст $x_2 = \alpha m$.

Откуда имеем

$$\alpha = \frac{x_1}{n} = \frac{x_2}{m}$$

или

$$x_2 = x_1 \frac{m}{n}.$$

А так как одинаковые количества труда должны быть одинаково тягостными*, то имеем

$$f_n(x) = f_m\left(x \frac{m}{n}\right). \tag{1}$$

Предположим далее, что для производительности n хозяйственное равновесие наступило при x_n:

$$\varphi(x_n) = f_n(x_n). \tag{2}$$

Допустим теперь, что производительность труда повысилась до величины m.

Тогда тягостность добычи x_n будет равняться по (1)

$$f_m(x_n) = f_n\left(x_n : \frac{m}{n}\right).$$

А так как сообразно положению (2) в § 2

$$f_n\left(x_n : \frac{m}{n}\right) < f_n(x_n),$$

то имеем

$$f_m(x_n) < f_n(x_n);$$
$$f_m(x_n) < \varphi(x_n). \tag{3}$$

То есть имеется стимул к дальнейшему продолжению работы, и продукция работника должна *увеличиться* вплоть до некоторой суммы x_m, при которой наступит равновесие:

$$f_m(x_m) = \varphi(x_m). \tag{4}$$

Таким образом, мы можем написать два равенства:

$$\varphi(x_m) = f_m(x_m);$$
$$\varphi(x_n) = f_n(x_n).$$

А так как по положению (2) в § 2 имеем

$$\varphi(x_m) < \varphi(x_n),$$

то, следовательно, и

$$f_m(x_m) < f_n(x_n),$$

или, по положению (1)

$$f_m(x_m) < f_m\left(x_n \frac{m}{n}\right). \tag{5}$$

Следовательно, согласно положению (2) в § 2

$$x_m < x_n \frac{m}{n}, \tag{6}$$

или, деля обе части неравенства на x_n,

$$\frac{x_m}{x_n} < \frac{m}{n}, \tag{7}$$

говоря иначе, *скорость нарастания бюджета должна отставать от скорости нарастания производительности*, что мы уже и отметили на эмпирическом анализе.

Из положения (6) при делении обеих частей неравенства на m, получаем еще одно чрезвычайно важное следствие:

$$\frac{x_m}{m} < \frac{x_n}{n}^*,$$

т. е. *число единиц труда, реализуемое хозяйствующим человеком в трудовом хозяйстве, должно уменьшаться по мере увеличения производительности труда* *.

Швейцарские бюджеты благодаря своему способу опубликования не позволяют нам анализировать это обстоятельство.

Зато бюджетные данные по Волоколамскому уезду Московской губернии, в которых производился подробный учет труда, весьма резко отметили это падение [4].

	Оплата одного рабочего дня в земледелии* (руб.)			
	0,00—1,00	1,00—1,25	1,25—1,50	1,50—∞
Волоколамский уезд				
Число хозяйств	4	8	5	8
Число рабочих дней на одного едока в году . . .	114,3	100,2	93,1	90,0

К сожалению, кроме немногочисленных волоколамских бюджетов, мы не располагаем другим материалом, который бы позволял аналогичные группировки.

---

[4] Материал взят из книги Чаянов А. В. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Вып. 1. М., 1912. С. 94.

В заключение позволим себе заметить, что согласно вышесказанному для земледельческой крестьянской страны, ведущей товарное трудовое хозяйство, география высоты личного бюджета должна при прочих равных условиях повторять географию ренты, давая концентрические круги около рынков, и повторять другие законы Тюненовской схемы *.

§ 4. В предыдущем параграфе мы рассматривали влияние изменений в ходе кривой AB на момент равновесия, определяющий собою хозяйство.

Обратимся теперь к кривой CD. Последняя носит более субъективный характер, и ее изменения вытекают из самых разнообразных причин.

Причем, однако, надо отметить, что, чем ниже степень удовлетворения потребностей, тем более узки пределы возможных вариаций, ибо насущнейшие нужды определяются причинами физическими, а последние всегда более постоянны и однородны у разных людей, чем причины психические, обычно более субъективные.

Мы в своем анализе проследим случай количественного изменения потребностей, приходящихся на одного человека.

Берем случай, когда работоспособному хозяйствующему субъекту, кроме себя самого, приходится содержать еще неработоспособных домочадцев.

Его потребности как главы семьи при этом возрастут пропорционально числу и возрасту этих домочадцев, в то время как рабочие силы остаются те же.

Говоря иначе, в то время когда ход линии AB, имеющий выражение

$$Y_{AB} = f(x),$$

останется без изменений, линия CD даст новое течение C_1D_1, причем

$$Y_{C_1D_1} = \varphi_k(x) = \varphi(x : k), \tag{1}$$

где k есть отношение числа всех едоков в хозяйстве к числу работников *.

Анализируем, к каким последствиям должно привести это изменение (см. график № 3).

Имеем два значения k: —p и t, причем t>p, по положению (1) имеем

$$\varphi(x) = \varphi_p(x \cdot p) = \varphi_t(x \cdot t),$$

откуда имеем

$$\varphi_p(x) = \varphi_t\left(x \cdot \frac{t}{p}\right). \tag{2}$$

Предположим, что для $Y_{CD} = \varphi_p(x)$ хозяйственное равновесие наступает при x_p:

$$\varphi_p(x_p) = f(x_p). \tag{3}$$

Допустим теперь, что значение k увеличивается до величины t, тогда сумма x_p по своей предельной полезности будет оцениваться хозяйствующим субъектом согласно положению (2):

$$\varphi_t(x_p) = \varphi_p\left(x_p : \frac{t}{p}\right).$$

А так как $\frac{t}{p} > 1$, то по положению (2) в § 2

$$\varphi_p\left(x_p : \frac{t}{p}\right) > \varphi_p(x_p).$$

А следовательно:

$$\varphi_t(x_p) > f(x_p), \tag{4}$$

или, говоря иначе, *работник имеет стимул к дальнейшему повышению продукции, которая достигнет равновесия в* x_t, *причем* $x_t > x_p$:

$$\varphi_t(x_t) = f(x_t). \tag{5}$$

Определим отношения x_p и x_t.

Имеем:

$$\varphi_t(x_t) = f(x_t);$$

$$\varphi_p(x_p) = f(x_p).$$

А так как по положению (2) в § 2

$$f(x_t) > f(x_p),$$

то, следовательно, и

$$\varphi_t(x_t) > \varphi_p(x_p). \tag{6}$$

Или согласно положению (2)

$$\varphi_t(x_t) > \varphi_t\left(x_p \cdot \frac{t}{p}\right),$$

что по положению (2) в § 2 приводит к

$$x_t < x_p \cdot \frac{t}{p}. \tag{7}$$

А деля обе части неравенства на t, имеем

$$\frac{x_t}{t} < \frac{x_p}{p},$$

т. е. *по мере увеличения отношения k личный бюджет в расчете на одного едока должен понижаться, а следовательно, рост продукции работника должен отставать от нарастания K* *.

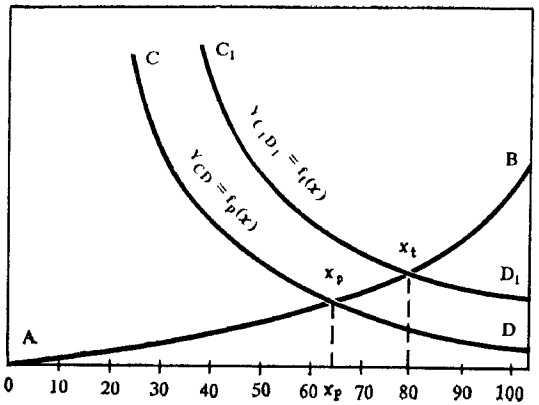

График № 3

Эмпирический анализ швейцарских бюджетов Э. Лаура дал следующую таблицу[5]:

	На одного работника приходится едоков (1911 г.)						
	1,00	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—1,75	1,76—8
Число хозяйств	33	7	12	8	9	8	11
На одного едока из личного бюджета	812	679	755	575	756	732	629
На одного работника из личного бюджета	812	764	940	1031	1146	1211	1336

Данные таблицы соответствуют вышеизложенным теоретическим выводам.

Депрессии 1-й и 2-й группы объясняются тем, что бездетные хозяйства и хозяйства с грудными ребятами находятся в особых условиях работы.

Во-первых, *работницы* вовсе не связаны семьей (детьми), а во-вторых — женщина после родов или кормя грудью не является полной работницей.

[5] Мерилом суммы x могли быть: 1) личный бюджет и 2) годичная продукция. Так как мы анализируем данные только за один год, то к учету приходилось брать ту из этих величин, которая была подвержена меньшим колебаниям во времени. Таковой оказался бюджет.

Так, например, по трем швейцарским хозяйствам, по которым были данные за 10 лет подряд, мы имели по формуле $x = \frac{\alpha_1 + \alpha_2 + \ldots + \alpha_n}{n}$ следующие нормы колеблемости:

	№ 12	№ 18	№ 29
Haushaltung	14,9 %	8,1 %	17,8 %
Arbeitsverdienst	67,5 %	22,2 %	30,6 %

§ 5. Рассмотрение русского эмпирического материала применительно к вышеизложенным положениям дает зависимости, раскрывающие глубокие отличия нашего крестьянского хозяйства от швейцарского.

Так, например, анализ влияния отношения едоки/работники дал для крупнейших бюджетных работ следующие ряды[6].

	На одного работнка приходится едоков					
	0,00—1,00	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—2,00
Вологодский уезд						
Число хозяйств в группе	31	22	19	16	19	29
На одного едока из потребительского бюджета	72,9	57,8	69,4	62,8	60,6	67,1
На одного работника из потребительского бюджета	72,9	63,9	79,1	84,4	91,7	117,9
Тотемский уезд						
Число хозяйств в группе	13	17	13	13	16	12
На одного едока из потребительского бюджета	66,2	54,3	45,5	50,5	47,3	47,2
На одного работника из потребительского бюджета	66,2	58,9	55,3	68,6	71,5	73,6
Вольский уезд						
Число хозяйств в группе	19	22	30	12	6	13
На одного едока из потребительского бюджета	75,6	54,5	49,3	55,8	51,8	51,4
На одного работника из потребительского бюджета	75,6	59,2	61,2	76,1	79,5	95,5
Воронежская губерния						
Число хозяйств в группе	15	16	43	55	33	62
На одного едока из потребительского бюджета	37,6	40,2	50,7	45,2	55,3	46,3
На одного работника из потребительского бюджета	37,6	44,6	62,2	63,4	85,0	84,9

[6] Материалами для составления таблиц послужили: Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. II, III, IV. Вологда, 1907—1909; Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900; Чаянов А. В. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. М., 1912.

	0,00—1,00	1,01—1,20	1,21—1,40	1,41—1,60	1,61—2,00
Волоколамский уезд					
Число хозяйств в группе	3	5	5	8	4
На одного едока из потребительского бюджета	102,3	92,7	96,1	104,8	113,0
Продукция одного работника	127,9	131,9	151,5	218,8	283,4

Из рассмотрения таблиц вытекает, что едок *не сокращает* своего потребления по мере увеличения отношения *едоки/работники*, а работник увеличивает свою продукцию *пропорционально* этому отношению.

А это положение находится в противоречии с выводами § 4 и возможно только в двух случаях:

1) когда $Y_{AB}=f(x)$ при значениях x от x_p до x_t остается const, т. е. когда тягостность добычи предельной единицы ценности не возрастает по мере увеличения суммы выработки, тогда имеем

$$f(x_p)=f(x_t); \tag{1}$$

$$\varphi_p(x_p)=\varphi_t(x_t);$$

$$\varphi_t\left(x_p\cdot\frac{t}{p}\right)=\varphi_t(x_t) \tag{2}$$

откуда по положению (2) § 2 имеем

$$x_p\cdot\frac{t}{p}=x_t;$$

$$\frac{x_p}{p}=\frac{x_t}{t}, \tag{3}$$

что и соответствует эмпирическим данным;

2) когда ход CD прерывист[7] и разрыв функции удовлетворяет положению

$$\varphi_p(x_p-\alpha)>f(x_p)\ldots f(x_t)>\varphi_p(x_p+\alpha), \tag{4}$$

где α — величина сколь угодно малая.

Тогда для k=t имеем

$$f(x_t)=\varphi_t(x_t)=\varphi_p\left(x_t:\frac{t}{p}\right). \tag{5}$$

[7] То есть когда после удовлетворения главнейших потребностей удовлетворение остальных имеет ценность несравненно меньшую (см по этому поводу чрезвычайно интересный доклад С. К Олексенко на Екатеринославском агрономическом съезде*) Идея объяснения наблюдавшегося эмпирического факта прерывистостью развития линии CD принадлежит В К Дмитриеву.

А так как по положению (4)

$f(x_t)=\varphi_p(x_p)$,

то согласно положению (2) § 2 имеем

$$\varphi_p(x_p)=\varphi_p\left(x_t:\frac{t}{p}\right)$$

$$x_p=x_t:\frac{t}{p} \tag{6}$$

$$\frac{x_p}{p}=\frac{x_t}{t}, \tag{7}$$

что, следовательно, также удовлетворяет эмпирическим данным.

Нижеследующие графики наглядно иллюстрируют оба эти случая (графики № 4 и № 5).

Возможны и сочетания обеих этих причин. Причем чем вообще менее будет Δ_Y в функции $Y_{AB}=f(x)$, тем может быть меньше разрыв функции $Y_{CD}=\varphi(x)$:

$A=\varphi_p(x_p-\alpha)-\varphi(x_p+\alpha)$.

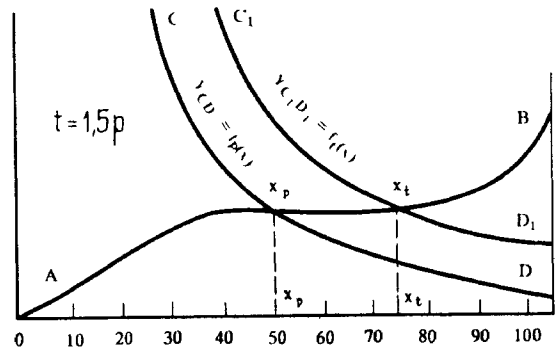

График № 4

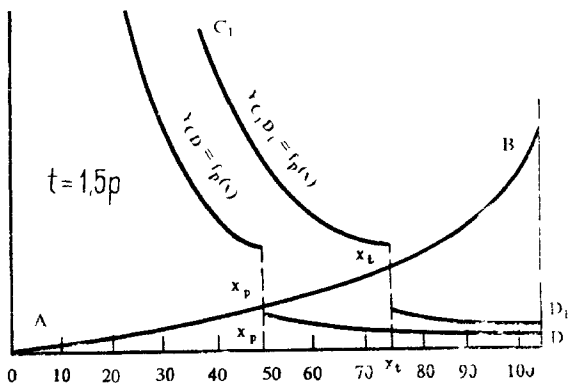

График № 5

Однако есть некоторые указания на то, что приоритет должен быть отдан второму из объяснений.

Указания эти относятся к Волоколамскому уезду и заключаются в следующем.

Согласно § 3, при увеличении производительности вместе с падением количества годового труда должен возрастать личный бюджет.

Однако эмпирические данные указывают на другое[8].

	Оплата одного рабочего дня в земледелии			
	0,00—1,00	1,00—1,25	1,26—1,50	1,51—∞
Волоколамский уезд				
Число хозяйств	4	8	5	8
Число рабочих дней на одного едока	114,0	100,2	93,1	90,0
Личный бюджет одиого едока	109,8	97,2	104,7	100,3

Таким образом, потребление не дает реакции на понижение (значительные колебания объясняются малым числом наблюденных хозяйств).

А это обстоятельство возможно только тогда, когда кривая CD имеет прерывистое развитие, причем разрыв функции удовлетворяет условию

$$\varphi(x_n-\alpha) \geqslant f_n(x_n) \ldots f_n(x_n) > \varphi(x_n+\alpha), \qquad (8)$$

так как только в этом случае для обеих степеней производительности n и m хозяйственное равновесие наступает при одной и той же сумме x_n (см. график № 6).

Только детальное эмпирическое исследование бюджета русского крестьянина может окончательно выяснить характер этого разрыва в функции $Y_{CD}=\varphi(x)$.

[8] Малочисленность волоколамских бюджетов заставляет оперировать с ними чрезвычайно осторожно и тщательно. Так, например, для того чтобы исключить влияние отиошения $\frac{\text{едоки}}{\text{работники}}$, мы исчислили число рабочих дней на едока, а не на работника.

В силу этой же малочисленности нейтральный ряд личного бюджета дал значительные колебания, которые, однако, не выходят за границы, допустимые теорией $A=\frac{m}{\sqrt{n}}$, где m — среднее квадратическое отклонение $\left(m=\sqrt{\frac{\alpha_1^2+\alpha_2^2+\ldots+\alpha_n^2}{n}}\right)$, равное в данном случае 20,6 руб., а n — число случаев в группе.

Согласно чему имеем следующие ряды отклонеиий от средней группы:

	I	II	III	IV
Число случаев	4	8	5	8
Допустимое отклонение . .	±10,3	±7,3	±9,2	±7,3
Действительное отклонение	+8,2	—4,4	+3,1	—1,3

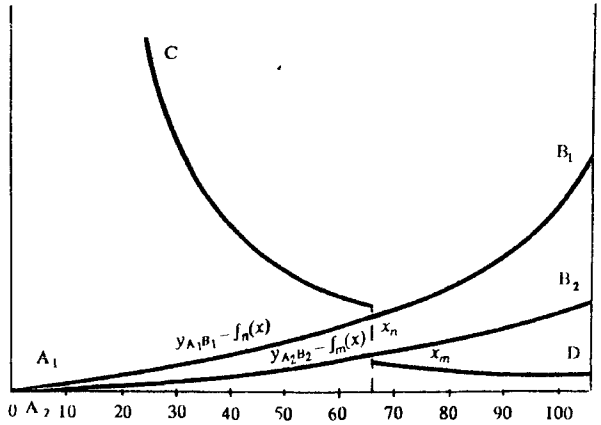

График № 6

§ 6. Совершенно противоположный характер носят итоги эмпирического анализа бюджетов хозяйствующих людей другой экономической категории — промышленных рабочих.

Так, например, из обширной немецкой работы «Erhebung von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelter Familien im Deutschen Reiche»* нами были взяты бюджетные данные, относящиеся к городу Гамбургу, которые дали следующую таблицу, анализирующую влияние отношения едоки/работники на потребление и продукцию[9].

	Отношение числа всех едоков к работникам						
	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—1,75	1,76—1,90	1,91—8
Число семей	8	18	14	9	8	6	8
На одного работиика из личного бюджета	902	953	1020	986	1071	1063	1071
На одного едока из личного бюджета	854	802	764	662	652	590	494

Или, принимая цифры первой группы за 100 и сравнивая с русскими данными,—

[9] Каждая семья состоит из мужа и жены плюс дети Нормы перевода русские Деклассировались (исключались из наблюдения — *Ред*) семьи: a) с большим нетрудовым доходом, b) с высокой квалификацией, c) со взрослыми домочадцами, помимо мужа и жены, d) с детьми, имеющими самостоятельный заработок. Город Гамбург взят как имеющий наибольшее число бюджетов

	Отношение числа всех едоков к работникам, %						
	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—1,75	1,76—1,90	1,91—∞
Вологодская губерния[10]							
Личный бюджет на одного едока	100,0	98,5	101,4	96,0	99,5	—	—
Личный бюджет на одного работника . .	100,0	108,1	126,5	134,1	158,9	—	—
Гамбург							
Личный бюджет на одного едока	100,0	93,9	89,5	77,5	76,4	69,1	58,8
Личный бюджет на одного работника	100,0	105,8	113,2	109,2	119,9	117,9	119,9

Те же данные дает следующий график № 7.

Из таблицы явствует, что наемные промышленные рабочие, продукция которых не зависит от их воли, почти не могут увеличить своего дохода свыше нормы, устанавливаемой условиями рынка труда.

Единственные доступные формы этого увеличения — заработок жены и сдача в наем части своей квартиры — поставлены в весьма узкие рамки, благодаря чему потребление едока за исключением первых групп, когда еще не исчерпаны все ресурсы, представляет собою частное от деления выработки работника на число приходящихся на него едоков *

На самостоятельном же сельскохозяйственном предприятии, где продукция определяется самим хозяйствующим человеком, мы наблюдаем совершенно иную картину.

§ 7. Таковы в самых общих чертах определяющие моменты трудового хозяйства.

Необходимо ограничить сферу их приложимости. Для этого нужно более глубоко анализировать границу между хозяйствами трудовыми и капиталистическими, в особенности хозяйства, являющиеся промежуточными типами и наряду с трудовым доходом имеющие и долю дохода нетрудового.

Каково влияние этой доли на хозяйственное равновесие?

В русских бюджетных работах давно установлен факт некоторого *повышения бюджета в высших посевных группах.*

[10] По Вологодской губернии принята к учету средняя из средних по трем уездам.

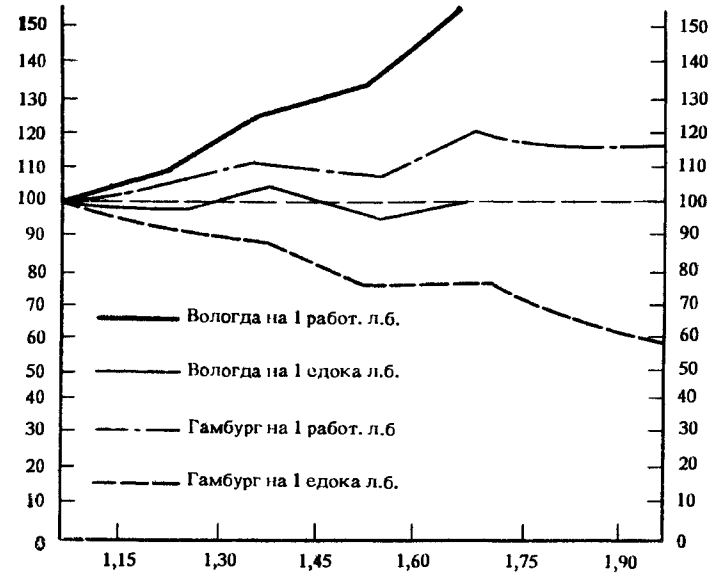

График № 7

Так, еще Ф. А. Щербина приводил следующие цифры на одну душу обоего пола[11] *.

	Группы по землевладению на одно хозяйство				
	0,0—0,1	0,1—5,0	5,1—15,0	15,1—25,0	25,1—∞ дес.
Воронежская губерния					
На одну душу обоего пола из личного бюджета приходится	33,78	32,89	32,73	34,17	40,42 руб.

Такой же характер носят и данные Волоколамского уезда.

	Группы по наделенности на одного работника			
	0,1—1,50	1,51—2,50	2,50—∞	дес.
Волоколамский уезд				
На одного едока приходится из личного бюджета	96,1	96,2	119,0	руб.

Обстоятельство это может иметь два объяснения:

1) с одной стороны, *оплата труда* в более крупных хозяйствах, построенных на более нормальной степени интенсивности по закону убывающего плодородия почвы[12], может быть

[11] Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 152.

[12] См. по этому поводу мою статью: Хозяйствующий человек в немецком земледелии//Вестник сельского хозяйства. 1912. № 37. С. 6—8 *.

выше, и наблюденный эффект может быть объяснен выводами § 3 *;

2) с другой стороны, при многоземелии могут быть налицо эксплуатация наемной рабочей силы и получение нетрудового дохода в форме прибавочной стоимости.

Так, например, по швейцарским бюджетам Э. Лаура имеем [13].

Группы	Число га на одного едока	На 100 своих рабочих дней приходится наемных	Личный бюджет одного едока (франков)
Среднее крестьянское хозяйство	3,21	51,0	706,84
Большое крестьянское хозяйство	4,82	105,6	780,14
Крупнейшие крестьянские хозяйства	7,86	133,2	802,87

Теоретически вопрос ставится таким образом, что в обычной нашей системе координат получение ценностей на всю сумму нетрудового дохода ни в какой мере не является тягостным и только с первого рубля трудовой выработки начинается рост кривой АВ, обычного трудового типа (см. график № 8).

Следовательно, сравнивая чисто трудовое хозяйство с хозяйством хотя и трудовым, но имеющим А руб. нетрудового дохода, мы будем иметь для $Y_{AB}=f(x)$ следующее равенство:

$$f_n(x)=f_A(x+A). \tag{1}$$

Отсюда аналогично § 3 будем иметь

$$f_n(x_n)\geqslant f_A(x_A), \tag{2}$$

где x_A — сумма, при которой наступает хозяйственное равновесие в случае А руб. нетрудового дохода.

Из сопоставления (1) и (2) имеем

$$f_n(x_n)\geqslant f_n(x_A-A) \tag{3}$$

или по положению (2) в § 2:

$$x_n\geqslant(x_A-A), \tag{4}$$

откуда вытекает, что при наличности доли нетрудового дохода собственный трудовой заработок (x_A—А) сокращается, а следовательно (принимая производительность и квалификацию

[13] Untersuchungen betreffend die Rentabilität der Schweiz Landwirtschaft im Erntejahr 1910/11. Bern, 1912. Первые две группы отброшены как находящиеся в условиях ненормальной интенсивности и имеющие значительную долю промыслового заработка * (В первые две группы входили, по Лауру, мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства — *Ред*.)

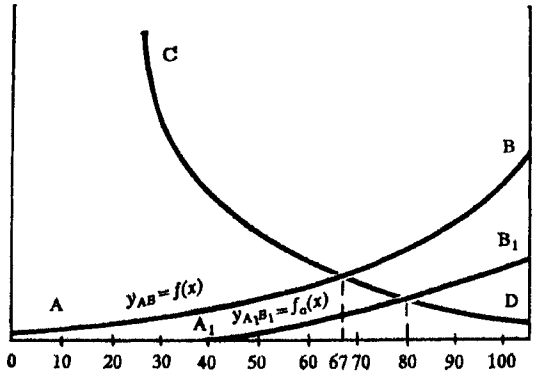

График № 8

труда — const), и масса труда в полутрудовом хозяйстве *сокращается* по сравнению с хозяйством чисто трудовым *.

Прибавляя к обеим частям неравенства по A, имеем

$$x_n+A>x_A;$$

$$A>x_A-x_n.$$

Говоря иначе, в хозяйстве полутрудовом по сравнению с чисто трудовым прибавка в суммарном доходе будет меньше, чем сумма нетрудового дохода.

Обращаемся к эмпирическим данным.

Если рост швейцарского бюджета по мере увеличения размеров хозяйства мы объясним фактом эксплуатации наемного труда, то данные вполне уложатся в рамки нашей теории.

	Процент наемного труда к своему труду		
	51,0	105,6	133,2
Свой труд на одиого работника	192,5	183,5	157,2 рабочего дня
Чужой труд на одного своего работника	98,1	193,2	209,6 рабочего дня

Принимая во внимание данные первой группы за 100 %, получим следующие ряды:

Прибавочная стоимость	100	196,9	213,5
Бюджет одного едока	100	110,5	113,6
Работа своего работника	100	95,5	81,8

Что вполне соответствует теории.

Что же касается прямой группировки по проценту наемного труда, то характер опубликования швейцарских бюджетов не дает нам возможности ее произвести.

Совершенно иную картину дает анализ русских данных в прямых группировках по проценту чужого труда.

Прежде всего для России такая группировка теоретически

мало обоснована, так как в нашей деревне весьма часто наем не преследует эксплуататорских целей: это или разрешение критических периодов, или поддержка хозяйств, слабых рабочей силой, безлошадных, или даже спекуляция на разнице в заработной плате в городе и в деревне.

Поэтому приступая к группировкам, мы заранее чувствовали под собою не совсем твердую почву.

Результат эмпирического анализа, однако, дал совершенно неожиданные итоги [14].

	Процентная доля чужого труда в земледелии		
	0,0	0,1—15,0	15,1—∞
Вологодский уезд (№ 104—136)			
Число хозяйств	15	12	6
Личный бюджет одного едока	63,6	81,2	93,6

	Процент наемного труда к своему				
	0,0	0,1—5,0	5,0—10,0	10,1—20,0	20,1—∞
Волоколамский уезд					
Число хозяйств	7	7	5	5	1
Личный бюджет одного едока	86,9	97,6	105,5	122,8	129,0

Принимая данные чисто трудового хозяйства за 100 %, а меру прибавочной стоимости за 50 %, имеем:

Вологодский уезд	I	II	III		
Рост нетрудового дохода	100,0	108,8	117,65		
Личный бюджет	100,0	127,6	147,2		
Волоколамский уезд	I	II	III	IV	V
Рост нетрудового дохода	100,0	102,5	107,5	115,0	125,0
Личный бюджет	100,0	112,3	121,5	141,4	148,5

Говоря иначе, скорость возрастания бюджета превосходит скорость нарастания нетрудового дохода, что совершенно противоречит теории.

Не менее противоречивыми являются данные по Волоколамскому уезду, относящиеся к количеству труда, которое теоретически должно падать.

	Процент наемного труда к своему			
	0,0	0,1—5,0	5,1—10,0	10,1—∞
Волоколамский уезд				
Число хозяйств	7	7	5	6
Число своих рабочих дней на одного едока	91,0	101,8	92,4	101,9

Как видно из таблицы, цифры вместо падения дают нейтральные колебания.

[14] По Вологодскому уезду в целях устранения влияния наделенности взяты исключительно только хозяйства высших посевных групп № 104—136 *

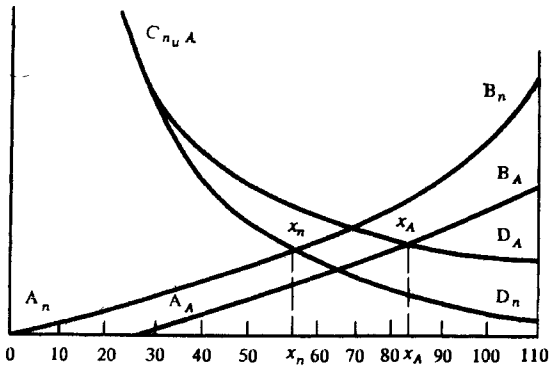

График № 9

Правда, труд может быть более легким и все тяжелые работы переданы наемникам, но все же подобное объяснение недостаточно.

Гораздо вероятнее, что параллельно ряду процента чужого труда идет какой-нибудь более мощный фактор, который стирает влияние нетрудового дохода.

Так, достаточно, например, принять, что параллельно *повышается тип потребностей*, и эти цифры легко уложатся в теоретические рамки, ибо в этом случае не только линия AB будет изменять свой ход, но также и линия CD даст другое развитие (см. график № 9).

При этом возможен случай постоянства напряжения труда, который может быть усугублен высшей оплатой труда благодаря более культурному способу ведения хозяйства.

Произвести эмпирический анализ этого обстоятельства мы в настоящее время не в состоянии, так как располагаем весьма незначительным количеством материала.

А главное — не имеем меры «культурности» хозяйств и совершенно не ориентированы в законах, на которых строится крестьянский бюджет.

Благодаря чему главной целью настоящей работы является не столько разрешение, сколько постановка вопросов о крестьянском трудовом хозяйстве, введение к исследованию, которое должно начаться с собирания эмпирического материала.

17 сентября 1912 г.

ЭН

БЮДЖЕТ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

а) Хозяйственное значение возраста крестьянской семьи

Бюджетные исследования, предпринятые статистическим отделом Губернского земства в Старобельском уезде, коснулись ста одной крестьянской семьи *.

Описанные семьи разбросаны в различных районах уезда и различны по своему размеру и составу.

Мы имеем ряд молодых семей, часто состоящих из мужа и жены, недавно выделившихся из отцовского дома; ряд семей, состоящих из супружеской пары и нескольких малолетних детей.

Многие семейства представляют собою сожительство ряда супружеских пар, связанных родством, и, наконец, мы имеем несколько умирающих старых семей, выделивших или потерявших свое потомство и состоящих из двух стариков, доживающих свой век.

Говоря иначе, перед нами все фазы развития, которые переживает семья, и мы можем ознакомиться с характером состава и размерами семьи в каждой фазе этого развития.

В последующем анализе состава семьи мы остановимся главным образом на изучении соотношения между рабочими силами семьи и ее потребительскими запросами. Постараемся выяснить, как по мере развития семьи изменяется обремененность работников семьи неработоспособными домочадцами, и проанализируем степень возможности использовать принцип сложной кооперации по мере увеличения числа работников в семье.

Причем для облегчения эмпирического анализа вкратце остановимся на теории нормального развития семьи.

Нижеследующая таблица дает в значительно упрощенном виде нормальный ход развития семьи, в которой каждый новый *выживающий* ребенок рождается на каждый третий год.

Таблица 1

Нормальное развитие семьи

Год существования семьи	Муж	Жена	1-й ребенок	2-й ребенок	3-й ребенок	4-й ребенок	5-й ребенок	6-й ребенок	7-й ребенок	8-й ребенок	9-й ребенок	Всего в семье: едоков	Всего в семье: работников	Отношение едоки/работники
1	1,0	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,8	1,8	1,00
2	1,0	0,8	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	1,9	1,8	1,06
3	1,0	0,8	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	2,1	1,8	1,17
4	1,0	0,8	0 3	—	—	—	—	—	—	—	—	2,1	1,8	1,17
5	1,0	0,8	0,3	0,1	—	—	—	—	—	—	—	2,2	1,8	1,22
6	1,0	0,8	0,3	0,3	—	—	—	—	—	—	—	2,4	1,8	1,33
7	1,0	0,8	0,3	0,3	—	—	—	—	—	—	—	2,4	1,8	1,33
8	1,0	0,8	0,3	0,3	0,1	—	—	—	—	—	—	2,5	1,8	1,39
9	1,0	0,8	0,5	0,3	0,3	—	—	—	—	—	—	2,9	1,8	1,61
10	1,0	0,8	0,5	0,3	0,3	—	—	—	—	—	—	2,9	1,8	1,61
11	1,0	0,8	0,5	0,3	0,3	0,1	—	—	—	—	—	3,0	1,8	1,66
12	1,0	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	—	—	—	3,4	1,8	1,88
13	1,0	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	—	—	—	3,4	1,8	1,88
14	1,0	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	—	—	—	—	3,5	1,8	1,94
15	1,0	0,8	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	—	—	4,1	2,5	1,64
16	1,0	0,8	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	—	—	4,1	2,5	1,64
17	1,0	0,8	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	—	—	—	4,2	2,5	1,68
18	1,0	0,8	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	—	4,8	3,2	1,50
19	1,0	0,8	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	—	4,8	3,2	1,50
20	1,0	0,8	0,9	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	—	—	5,1	3,4	1,50
21	1,0	0,8	0,9	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	5,7	4,1	1,39
22	1,0	0,8	0,9	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	—	5,7	4,1	1,39
23	1,0	0,8	0,9	0,9	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	—	6,0	4,3	1,39
24	1,0	0,8	0,9	0,9	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	6,6	5,0	1,32
25	1,0	0,8	0,9	0,9	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	—	6,6	5,0	1,32
26	1,0	0,8	0,9	0,9	0,9	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	6,9	5,2	1,32

При учете потребительских и рабочих единиц мы приняли систему вологодского бюджетного исследования, немного упростив ее и сохранив разделение по полу только для родоначальников семьи.

Сообразно этой системе мы принимаем ребенка до года равным 0,1 полной потребительской единицы (взрослый мужчина).

Ребенок от года до трех лет принимается за 0,3 полного едока, от 7 до 12 лет — за 0,5 и от 13 до 17 лет — за 0,7 полного едока.

Начиная с 18 лет второе поколение без различия пола принимается за 0,9, а для родителей сохранено вологодское деление: глава семьи считается за 1,00, а хозяйка — за 0,8 полного едока.

Рабочие коэффициенты построены в соответствии с потребительскими. Дети начиная с 13 лет приняты за полуработников

и считаются равными 0,7 полного мужского работника, взрослые учитываются по их потребительским коэффициентам.

Применительно к этой системе развитие семьи даст следующую таблицу, в которой лица, достигшие рабочего или полурабочего возраста, подчеркнуты.

Просматривая таблицу, мы видим, что по мере роста семьи начинается быстрое увеличение величины отношения едоки/работники.

На 14-й год существования семьи это отношение достигает величины 1,94.

Но уже на 15-й год в помощь к родителям поступает их первый ребенок, достигший полурабочего возраста, и отношение едоки/работники сразу падает до 1,64.

Конечно, в действительности такого резкого скачка не бывает, так как переход от неработоспособного ребенка к полуработнику происходит более постепенно, но все же несомненно, что около этого времени обремененность работников семьи едоками начинает спадать, так как с каждым годом дети принимают все большее и большее участие в работе; по нашей таблице к 26-му году существования семьи величина отношения едоки/работники спадает до 1,32.

После этого года вряд ли можно ожидать дальнейшего рождения детей.

А так как существующие дети будут подрастать, то и величина отношения едоки/работники будет стремительно падать, приближаясь к 1,0, каковую и достигнет на 37-м году существования семьи, если к этому времени никто из взрослых детей не женится, а старики не потеряют работоспособность.

В случае же если в дом войдут снохи и у них появятся дети, то в образовавшейся сложной семье снова начнется увеличение отношения едоки/работники, которое значительно возрастет от перехода родоначальников семьи в разряд неработоспособных или от выхода из семьи выделившихся сыновей или выданных замуж дочерей.

При этом, однако, трудно предположить, чтобы величина отношения едоки/работники в сложных семьях достигла такой же величины, какой она достигла на 14-м году существования молодой семьи.

Переходя к ознакомлению с эмпирическим материалом, мы должны отметить, что теоретическое развитие семьи часто нарушается непредусматриваемым нами вымиранием отдельных членов семьи, а также включением в ее состав взрослых родственников.

Последнее обстоятельство значительно понижает величину отношения едоки/работники, которая в силу этого обстоятельства в групповых средних никогда не достигает величины нашего теоретического максимума.

Не имея в нашем материале прямых данных о возрасте семей, мы можем судить о нем только косвенно по числу членов семьи.

Описанные бюджетно семьи по своим размерам распределяются на следующие группы (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение семей по их размеру

Число душ в семье	Число семей в группе	Число душ в семье	Число семей в группе
1	—	9	8
2	8	10	9
3	9	11	4
4	6	12	3
5	8	13	3
6	9	14	5
7	9	15	4
8	16	и выше	

Или, суммируя группы по три:

Число душ в семье	Число семей в группе	% к итогу
1—3	17	16,8
4—6	23	22,8
7—9	33	32,7
10—12	16	15,8
13—15	9	8,9
16 и выше	3	3,0
Всего	101	100,0

Таким образом, наибольшее количество семей приходится на группу семей, имеющих от 7 до 9 душ.

Семьи, бóльшие по размерам, являются уже сложными семьями, представляющими собою сожительство нескольких супружеских пар.

Так, например, процент молодых семей, т. е. семей, состоящих из одной супружеской пары с детьми не старше полурабочего возраста, резко падает по мере роста размеров семьи, как это видно из нижеследующей таблицы.

Просматривая наш материал, мы видим, что молодые семьи по своим размерам не превосходят восьми душ и занимают всего 27,6 % общего количества всех семей.

Таблица 3

Разделение семей на молодые и старые

Размер семьи (душ)	Молодых семей	Старых семей	Всего семей в группе	Процент молодых семей
2—3	11	6	17	64,7
4—5	8	6	14	57,2
6—7	7	11	18	38,2
8—9	2	22	24	8,3
10—11	—	13	13	—
12—13	—	6	6	—
14 и выше	—	9	9	—
Всего	28	73	101	27,6

Обращаясь к изучению состава молодых семей и сравнивая его в различных фазах развития с теоретическим составом нормальной семьи, мы получим следующую таблицу

Таблица 4

Состав молодых семей в зависимости от их размеров

Размер семьи	Бюджетная семья			Теоретическая нормальная семья		
	Число едоков	Число работников	Отношение едоки/работники	Число едоков	Число работников	Отношение едоки/работники
2	1,8	1,8	1,01	1,8	1,8	1,00
3	2,3	2,1	1,11	2,1	1,8	1,17
4	2,7	2,2	1,24	2,4	1,8	1,33
5—6	3,3	2,2	1,49	3,0	1,8	1,66
7—8	4,1	2,7	1,50	4,2	2,5	1,68

Цифры, полученные для наших бюджетных семей, дают повышенное против теоретического количество едоков и работников

Это зависит от вымирания малолетних детей, благодаря чему в малосемейных группах попадаются семьи с детьми, уже находящимися в полурабочем возрасте

Этим обстоятельством объясняется также и то, что в бюджетных цифрах величина отношения едоки/работники везде ниже теоретической

За исключением этих отклонений общий характер развития величин близок теоретическому

При 9 членах семьи старшие дети становятся взрослыми, благодаря чему по нашей терминологии семьи переходят из категории молодых в состав старых семей

Таблица 5

Состав семей (молодых и старых) в зависимости от их размера

Размер семьи	Бюджетная семья			Теоретическая семья		
	Число едоков	Число работников	Отношение едоки работники	Число едоков	Число работников	Отношение едоки/работники
2—3	2,0	1,7	1,17	1,9	1,8	1,06
4—5	3,1	2,2	1,38	2,5	1,8	1,36
6—7	4,0	2,7	1,48	3,0	1,8	1,66
8—9	5,3	3,6	1,49	4,2	2,5	1,68
10—11	6,6	4,5	1,45	6,0	4,3	1,39
12—15	6,4	5,3	1,35	7,8	6,1	1,27
14 и выше	9,6	7,0	1,36	9,6	7,9	1,21

Согласно теоретическому анализу мы должны после этого ожидать быстрого падения величины отношения едоки/работники, что и видно из прилагаемой таблицы, несмотря на затушевывающее влияние ненормальных и сложных семей

Из таблицы видно, что величина отношения едоки/работники для наших семей имеет максимум, так же как теоретическая величина при размере семьи в 8—9 душ

При этом до достижения этого максимума величина отношения едоки/работники в наших бюджетных семьях остается ниже теоретической нормы, что, как мы видели при анализе молодых семей, главным образом зависит от большего, чем норма, числа полуработников

При дальнейшем увеличении размера семьи величина отношения едоки/работники, перейдя максимум, падает медленнее, нежели это требуется теорией, что зависит отчасти от потери работоспособности главы семьи, а главным образом от образования внутри семьи новых супружеских пар, рождения детей, которые повышают величину отношения едоки/работники, что особенно наглядно видно на величиие последней группы

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем установить, что наиболее обремененными семьей являются работники средних по размеру семей, крайние же, много- и малосемейные, группы дают значительно меньшее обременение работников едоками

Поэтому при группировке по размеру отношения едоки/работники, к которой нам придется впоследствии прибегать, в последние, наиболее обремененные группы войдут семьи, средние по своим размерам, а в менее обремененные группы войдут как наиболее мелкие, так и наиболее крупные семьи, причем наиболее крупные, сложные семьи придутся на средние по обремененности группы

Таблица 6

Зависимость между отношением е/р и составом семьи

На одну семью приходится	На одного работника приходится едоков						
	1,00	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—1,75	1,76—∞
Едоков	3,1	3,1	5,3	5,8	5,8	5,0	5,8
Работников	3,1	2,9	4,2	4,3	3,8	2,9	2,6

Отсюда мы вправе ожидать, что при эмпирической группировке по отношению едоки/работники малообремененные семьи дадут *пониженный размер семьи,* все же остальные группы дадут *размер семьи, более или менее одинаковый,* так как в сильнообремененные группы войдут средние семьи, а в группах, средних по обремененности, большие семьи будут компенсироваться наличностью малых семей.

Благодаря такой равновеликости средне- и многообремененных семей по числу душ (едоков) число работников в семье должно падать по мере роста отношения едоки/работники.

Положение это вполне подтверждается нижеследующей таблицей, построенной на основании наших бюджетов.

Из рассмотрения таблицы видно, что наиболее богатой рабочей силой является средняя по обремененности группа (1,31—1,45), которая и может наиболее успешно использовать преимущества сложной кооперации.

При незначительной массе наблюдения (101 хозяйство) мы совершенно лишены возможности выяснить те причины, которыми обусловливаются тот или иной состав семьи и формы ее развития.

Для этого необходим обширный массовый материал, анализ которого в направлении выяснения законов развития семьи является одной из очередных задач нашей науки.

Теоретически можно предположить, что в семьях более зажиточных семья в общем должна увеличиваться скорее не столько в силу повышенной рождаемости, сколько в силу большей выживаемости детей в относительно лучших условиях жизни. Малоземелье и связанный с ним отход мужского населения также должны признаваться условиями, задерживающими рост семьи.

Однако высказанные положения являются не более как теоретическими предположениями, и только будущее специальное исследование сможет дать ответ на ряд вопросов, связанных с формами развития семьи, из которых важнейшим является выяснение условий, вызывающих распад семьи и выдел из нее новых семей.

Таблица 7

Размеры семьи и посевная площадь

Группы по размеру посевной площади на одно хозяйство (дес.)	На одно хозяйство приходится		То же, принимая вторую группу за 100 %	
	число душ в семье	посевная площадь на одно хозяйство	число душ в семье	посевная площадь на одно хозяйство
0,00	4,73	0,02	—	—
0,01—3,00	4,35	1,76	100	100
3,01—7,50	6,28	5,56	144	316
7,51—15,00	9,37	11,60	215	660
15,01—∞	11,41	23,09	262	1312

Поэтому мы в настоящей работе воздержимся от анализа условий развития семьи и остановимся только на одном из сопоставлений, которое в статистической литературе часто делается в связи с интересующими нас вопросами.

Я говорю о несомненной, не раз отмечаемой связи между размером семьи и размером землевладения и землепользования.

По нашим материалам, мы имеем следующее сопоставление этих рядов (см. табл. 7).

За исключением первой группы течение рядов следует признать имеющим одинаковое направление, причем ряд посевной площади развивается значительно энергичнее ряда размеров семьи.

Возрастание *каждого* из этих рядов указывает на параллельное увеличение мощности хозяйства.

Представляется интересным выяснить, имеют ли эти величины только симптоматическое значение или же какая-нибудь из них имеет и определяющее значение (см. табл. 8).

Таблица 8

Состав эксплуатируемой хозяйством пашни (дес.)

Группы по размеру посевной площади на одно хозяйство (дес.)	Пашня надельная	Пашня купленная	Всего во владении	Пашня арендованная за вычетом земель, сданных в аренду	Всего в эксплуатации пашни
0,00	1,28	—	1,28	—0,72	0,56
0,01—3,00	4,58	—	4,58	—0,75	3,83
3,01—7,50	6,14	0,34	6,48	+1,50	7,98
7,51—15,00	11,49	0,25	11,74	+5,45	17,19
15,01—∞	13,79	3,83	17,62	+14,90	32,52
В среднем	8,34	0,98	9,32	4,98	14,30

Детальный анализ состава площади землепользования показывает нам, что величина посевной площади растет главным образом за счет аренд, а потому, не являясь постоянной величиной, не может рассматриваться как величина определяющая.

Если мы откинем цифры первой группы как не ведущей земледельческого хозяйства и примем величины второй группы за 100 %, то нарастание рядов представится в следующем виде:

На одно хозяйство приходится площади посева (дес.)	Размер семьи	Пашня надельная	Пашня в собственности	Пашня в эксплуатации	Посевы
0,01—3,0	100	100	100	100	100
3,01—7,50	144	134	141	208	316
7,51—15,00	215	250	256	448	660
15,01—∞	262	301	385	849	1312

Из рассмотрения пяти параллельных рядов мы видим, что наиболее тесно связанными между собою являются ряды размера семьи и площади надельного землевладения.

Раскрыть характер этой зависимости не трудно, если мы примем во внимание еще не ослабевшее влияние уравнительного землепользования, свойственного общинной форме землевладения.

Нижеследующая таблица в этом отношении ясно указывает, как по мере роста семьи в полном соответствии с этим ростом повышается число разверсточных единиц, принадлежащих семье.

Рассмотрение таблицы указывает на значительную сохранность общинных порядков, и если мы видим некоторое падение нормы, отмечаемое в первых группах, то оно легко объясняется

Таблица 9

Наделенность крестьянских семей

Группы по размеру посевной площади на одно хозяйство (дес.)	На одно хозяйство приходится		На одного члена семьи приходится душ земельных
	душ обоего пола	душ земельных	
0,1—3,00	4,25	1,03	0,24
3,01—7,50	6,28	1,62	0,26
7,51—15,00	9,37	2,92	0,31
15,01—∞	11,41	3,08	0,27
Среднее	7,66	2,02	0,26

тем, что в их состав вошли по преимуществу молодые семьи, которые за краткий период, прошедший после переделов, успели в большей мере увеличить свои размеры, чем семьи старые.

Таким образом, связь между размером семьи и размером надела на двор мы можем признать связью причинной, в которой размер семьи играет определенную роль.

Возможно, что и связь, наблюдающаяся между размером семьи и размером аренды, имеет тот же характер.

Зависимость увеличения посевной площади от роста семьи представляется нам в следующем виде.

Выделившаяся семья получает из отцовского дома надел, пропорциональный ее силам. По мере дальнейшего роста семьи при повторных переделах она расширяет площадь своего надельного землепользования.

Параллельно росту рабочих сил семьи для нее значительно возрастает возможность использовать преимущества сложной кооперации.

Силы работника, координирующего свой труд с двумя-тремя другими работниками, возрастают настолько, что не могут быть использованы на надельной площади и допускают широкое использование аренды.

Чем большее число работников объединяет семья, тем шире возможность применения сложной кооперации и тем большая возможность расширить свою запашку за пределы надельной площади.

Кроме вышеуказанного, существует еще одно обстоятельство, позволяющее многорабочим семьям развивать значительную арендную площадь.

Малорабочая семья, имеющая маленький надел, совершенно лишена возможности использовать уборочные и иные сложные машины, так как доступная ей для обработки территория слишком мала для выгодного применения машинного труда.

По мере увеличения размеров семьи и параллельного увеличения абсолютной площади обрабатываемой территории применение машины становится уже рентабельным, силы работника, и без того умноженные сложной кооперацией, возрастают еще больше, а соответственно растет и обрабатываемая площадь.

Сама же посевная группировка представляется нам косвенной группировкой по возрасту семьи (по ее размерам), что особенно наглядно видно при детальном анализе состава семьи в посевных группах.

Так, например, нижеследующая таблица указывает, что при группировке по размеру посевной площади мы можем установить все те же законы, определяющие формы развития семьи, которые были нами теоретически установлены в начале этой главы.

Таблица 10

Состав семьи по посевным группам

Группировка семей по посевной площади на одно хозяйство (дес)	Душ в семье	Едоков	Работников	Отношение е/р	Процент молодых семей
Без посева	4,73	3,22	2,55	1,29	36,4
С посевом до 3	4,35	2,88	2,18	1,33	76,4
3,01—7,50	7,28	4,13	2,82	1,46	38,5
7,51—15,00	9,37	6,09	4,34	1,41	4,0
15,01— ∞	11,41	7,39	5,25	1,41	
Среднее	7,66	5,01	3,57	1,40	27,7

Оставляя в стороне первую группу семей, не ведущих земледельческого хозяйства, и обращаясь к анализу остальных, мы видим, что три четверти семей, входящих во вторую группу, состоят из семей молодых, из которых, наверное, значительная часть до своего выдела из отцовского дома была в четвертой и пятой группах.

В третьей группе размер семьи повышается и резко падает процент молодых семей, отношение едоки/работники все еще продолжает расти; в четвертой группе размер семьи перевалива-ет за 8 и отношение едоки/работники соответственно начинает падать.

В пятой группе молодых семей нет вовсе, семьи в большинстве представляют сожительство нескольких супружеских пар, и размер отношения едоки/работники близок к среднему.

Этот анализ окончательно убеждает нас в определяющем значении возраста семьи в посевных группировках.

Таким образом, размер посевной площади на хозяйство не является величиной, определяющей весь строй хозяйственной жизни семьи.

Несомненно, однако, что посевная площадь является хорошим *показателем* (признаком) экономической мощности хозяйства.

Помимо этого признака, показателями мощности хозяйства могут служить количество скота, валовой доход хозяйства, годичные расходы, стоимость имущества и т. п., и если мы предпочитаем всем этим, находящимся в тесной корреляции между собою признакам размер посевной площади, то это главным образом зависит от элементарности и легкой учитываемости этого признака.

В дальнейшем нам часто придется прибегать к группировке по размеру посевной площади на хозяйство, и потому нам пред-

Таблица 11

На одного работника приходится пашни

Группы по размеру посевной площади на одно хозяйство (дес)	На одного работника приходится пашни (дес)				Число работников
	надельной	купленной	ареидной	всего в эксплуатации	
0,00	0,51	—	—0,28	0,23	2,54
0,10—3,00	2,11	—	—0,34	1,77	2,18
3,01—7,50	2,12	0,12	+0,52	2,76	2,87
7,51—15,00	2,48	0,05	+1,17	3,70	4,64
15,01—∞	2,38	0,05	+2,57	5,62	5,79

ставляется необходимым анализировать возможно подробнее ее сущность.

Прежде всего мы должны подчеркнуть, что группировка эта, являясь группировкой по *территориальной крупности* хозяйств, ни в каком случае не является группировкой по размеру *земельного обеспечения семьи.*

Так, например, при расчете на одного работника условия землепользования дают следующую картину (см. табл. 11).

Как видно из таблицы, обеспеченность работника надельной землею в сеющих группах различается очень мало.

Если же мы от средних перейдем к составу каждой посевной группы, то увидим, что в каждой из них имеются представители различных степеней земельного обеспечения надельной и купчей землей.

Таблица 12

Распределение хозяйств по группам земельной обеспеченности и территориальной крупности

На одно хозяйство посевной площади (дес)	На одного работника приходится своей пашни (надельной+купленной)			Всего хозяйств
	0—2,0 дес	2,1—3,0 дес	3,1 дес и выше	
	Число хозяйств			
0,00	9	2	—	11
0,10—3,00	8	5	4	17
3,01—7,50	9	5	12	26
7,51—15,00	7	7	11	25
15,01—∞	5	5	12	22
Всего хозяйств	38	24	39	101

Таблица 13

Распределение хозяйств по группам территориальной крупности и размерам посевной площади, приходящейся на одного работника

На одно хозяйство приходится посевной площади (дес)	На одного работника приходится посевной площади (дес)			Всего хозяйств
	0—2,5	2,6—5,0	5,0—∞	
0,0	10	1	—	11
0,1—3,00	15	2	—	17
3,01—7,51	7	16	3	26
7,51—15,00	2	15	8	25
15,01—∞	—	5	16	22
Всего хозяйств	34	40	27	101

Из рассмотрения таблицы ясно, что если между земельным обеспечением и территориальной крупностью и наблюдается некоторая корреляция, то все же она настолько незначительна, что не позволяет считать эти признаки совпадающими.

В гораздо большей степени корреляции связаны размер посевной площади на хозяйство с размером ее на работника.

Но и тут корреляция не настолько значительна, чтобы признать эти признаки совпадающими.

Таким образом, в итоге предыдущего анализа нами может быть установлено, что одним из главнейших факторов, определяющих хозяйственный строй семьи, является ее возраст.

Растущая семья, используя преимущества сложной кооперации, развивает все большую и большую площадь эксплуатации, параллельно умножая свою мощь применением сложных машин *.

Из этого положения, конечно, не следует, что возраст семьи является единственным определяющим фактором хозяйственной жизни. Несомненно, размер хозяйственного имущества, качество и количество надела и купчей земли и, наконец, просто личные качества хозяина обусловливают некоторую экономическую дифференциацию крестьянской массы, но, однако, обычная посевная группировка, являющаяся, как мы показали, видоизменной группировкой по возрасту семьи, ни в коем случае не может вскрыть этой дифференциации.

Анализ последней требует более тщательных и сложных методов, разработка которых отчасти начата пензенским статистическим бюро под руководством В. Г. Громана *

Возвращаясь к нашим хозяйствам, мы должны прежде всего установить тот экономический тип хозяйственной организации, к которому они примыкают.

Таблица 14

Наемный труд в общей организации труда

Группы по размеру посевной площади на одно хозяйство (дес)	Поденные и сроковые рабочие, выраженные в годовых работниках (200 дней)	Своих работников за вычетом отсутствующих в течение года	Всего занято в хозяйстве и на промыслах труда в годовых работниках	Процент наемного труда к общей массе труда
0,00	0,03	2,51	2,54	1,2
0,01—3,00	0,00	2,18	2,18	0,0
3,01—7,50	0,05	2,82	2,87	1,7
7,51—15,00	0,31	4,33	4,64	6,7
15,01—∞	0,54	5,25	5,79	9,3
Всего	0,21	3,58	3,79	5,5

Нижеследующий анализ указывает, что в своем подавляющем большинстве они относятся к так называемому трудовому типу хозяйств, т. е. к тому типу хозяйств, в котором средства существования добываются личным трудом членов семьи и, следовательно, размер годовой выработки стоит в соответствии с массой затраченных в течение года трудовых усилий.

Из этого, конечно, не следует, что наши хозяйства совершенно не пользуются наемным трудом.

Нижеследующая таблица указывает, что наемный труд нашими хозяйствами используется, но играет в общей организации труда чрезвычайно ничтожную, вспомогательную роль.

Как видно из таблицы, только в высшей посевной группе участие наемного труда достигает 9 %. Доля же прибавочной стоимости в общих доходах хозяйствующей семьи должна играть еще более ничтожную роль.

В остальных же группах доля участия наемного труда еще незначительнее, и из всех 101 хозяйств только два-три можно с натяжкой причислить к полутрудовому типу.

Таким образом, свой собственный труд приходится считать почти единственным источником, из которого хозяйствующая

Таблица 15

Распределение хозяйств по размеру годовой продукции работника

Продукция работника (руб)	Число хозяйств в группе	То же в %
0—50,0	5	4,95
50,1—70,0	14	13,89
70,1—90,0	18	17,85
90,1—110,0	18	17,85
110,1—130,0	10	9,91
130,1—150,0	13	12,90
150,1—170,0	9	8,91
170,1—190,0	4	3,90
190,1—∞	10	9,91
Всего	101	100,00

Таблица 16

Сходство семьи в зависимости от количества едоков и работников

Число работников	Количество едоков в семье		
	0,0—4,0	4,1—6,0	6,1—∞
0—2,9	198,2	407,5	541,7
3,0—3,9	294,8	366,5	639,0
4,0—∞	238,7	427,0	531,7

семья может черпать необходимые ей средства существования.

Труд этот прилагается в различных условиях производительности, весьма существенно влияющих на размер его годовой продукции.

Таким образом, годовая продукция крестьянского работника Старобельского уезда колеблется от 40 до 200 руб.

Чем же обусловливается такая большая разница?

Подробный анализ указывает, что на размер годовой выработки влияет целый ряд причин, из которых особенное внимание заслуживает влияние запросов потребления, предъявляемых работнику со стороны его семьи.

Так, например, если мы возьмем семьи с одинаковым количеством работников, но с различным числом едоков, то годовая выработка работников будет расти параллельно увеличению количества едоков (см. табл. 17).

Еще более наглядно влияние запросов потребления обнаружится, если мы произведем группировку прямо по размеру обремененности работников семьи количеством едоков, которых им придется содержать.

Так, например, группировка по величине отношения едоки/работники дала нам следующие наглядные результаты.

Таблица 17

Влияние отношения е/р на бюджет едока и продукцию работника[1]

	На одного работника приходится едоков				
	1,00—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—∞
Бюджет едока	67,3	78,7	87,5	85,2	81,7
Продукция работника . .	68,1	99,0	118,3	128,9	156,4

[1] Под термином «продукция работника» мы понимаем годовую чистую выработку работника, поступающую на удовлетворение потребностей его семьи

Таблица 18

Влияние размера землевладения и величины отношения е/р на бюджет

На одного работника приходится своей пашни (дес.)	Из личного бюджета приходится					
	на одного едока — отношение е/р			на одного работника—отношение е/р		
	1,0—1,30	1,31—1,60	1,61—∞	1,0—1,30	1,31—1,60	1,61—∞
0,0—2,0	71,1	75,2	71,8	76,4	106,3	107,8
2,1—3,0	85,1	87,8	72,7	103,5	125,8	136,6
3,1—∞	86,3	85,9	88,7	105,1	128,6	175,8

Из таблицы видно, что в то время как бюджет едока остается на одном и том же уровне (за исключением первой группы), продукция работника определенно и резко повышается под давлением растущей обремененности едоками.

Кроме влияния размеров потребления, на размер продукции работника несомненное влияние имеет также и ряд производительных условий приложения труда.

Наибольший интерес представляет собою влияние земельных условий, которое мы анализировали в комбинации с анализом влияния величины отношения едоки/работники.

Просматривая таблицу величины продукции работника, мы видим, что на нее влияют оба анализируемых фактора, причем влияние отношения едоки/работники несколько большее, нежели влияние размера земельного обеспечения.

На бюджет же едока влияние оказал только фактор земельного обеспечения.

Интересно отметить, что значительное увличение бюджета дал переход от первой малоземельной группы ко второй, дальнейшее же увеличение землевладения показало ничтожную реакцию.

Таблица 19

Влияние отношений едоки/работники и запашка/работники на бюджет хозяйствующей семьи

На одного работника приходится пашни своей и арендованной (дес.)	Из личного бюджета приходится					
	на одного едока — отношение е/р			на одного работника — отношение е/р		
0,0—2,50	68,1	66,5	(52,5)	6,96	94,0	(78,3)
2,51—5,00	7,98	81,3	70,5	99,2	116,7	131,5
5,01—∞	83,1	103,5	97,8	110,0	148,1	196,0

Несравненно большее влияние на бюджет оказал размер общей площади запашки, как своей, так и арендованной, т. е. величина, характеризующая собою не столько земельное обеспечение, сколько общую мощность хозяйства.

Результат группировки подобен предыдущему. Но фактор «мощности хозяйства» оказал большее влияние, нежели фактор землевладения, и дал даже большую реакцию, чем отношение едоки/работники.

Подводя итоги вышеизложенным сопоставлениям, мы можем установить, что при равных производственных условиях продукция работника определяется потребительными запросами его семьи.

Из этого, однако, нельзя заключить, что в крестьянском быту Старобельского уезда существует какой-нибудь бытовой уровень благосостояния, который бы всецело определял собою строй хозяйственной жизни, так как этому положению противоречит резкое повышение бюджета едока при улучшении производительных условий.

Гораздо рациональнее предположить, что существует некоторое подвижное равновесие между запросами потребления и производительностью труда.

б) Состав семьи и землепользование

Мы установили ту тесную связь, в которой находятся потребности семьи и ее хозяйственная деятельность.

Мы установили, что размер хозяйственной деятельности, ее напряжение и ее итоги обусловливаются, с одной стороны, запросами потребления, а с другой стороны, тем, насколько благоприятные условия для приложения своего труда сумеет найти хозяйствующая семья.

Последнее обстоятельство, как мы видели, в значительной мере отражается и на высоте личного бюджета.

Таблица 20

Влияние отношений едоки/работники и своя пашня/работники на продукцию работника

На одного работника приходится своей пашни (дес.)	На одного работника приходится едоков		
	1,0—1,30	1,31—1,60	1,61—∞
	Продукция работника (руб.)		
0,0—2,0	76,4	106,3	107,8
2,1—3,0	103,5	125,8	136,6
3,1—∞	105,1	128,6	175,8

Таблица 21

На одного работника приходится пашни (дес.)

На одного работника своей пашни (дес.)	Своей пашни			Арендованной пашни		
	На одного работника едоков			На одного работника едоков		
	1,00—1,30	1,31—1,60	1,61—∞	1,00—1,30	1,31—1,60	1,61—∞
0,1—2,0	1,25	1,58	1,21	0,63	1,16	1,45
2,1—3,0	2,48	2,57	2,53	0,19	1,45	1,27
3,1—7,0	3,99	3,67	4,54	0,41	1,51	2,99
Среднее	2,57	2,61	2,76	0,41	1,37	1,60

Возникает вопрос, каким образом в условиях Старобельского уезда семьи, находящиеся в одинаковых производительных условиях, могут расширять свою продукцию под давлением расширения запросов потребления.

Мы видели уже из группировки, которую я ниже повторяю, что при одной и той же площади землевладения крестьянский работник под давлением роста обремененности его неработоспособными домочадцами соответственно повышает свою продукцию (см. табл. 20).

Как видно из таблицы, работник при одной и той же степени обеспечения своею землею сумел под давлением обремененности едоками увеличить свою продукцию более чем в 1,5 раза.

Для этого увеличения перед ним существует троякий путь: интенсификация своего хозяйства, использование возможности промыслового заработка и, наконец, расширение площади землепользования путем арендования чужих земель.

Первые два пути, которыми так охотно пользуется северный нечерноземный крестьянин, в условиях Старобельского уезда не могли быть сколько-нибудь широко использованы. Поэтому наиболее простым выходом, позволяющим хозяйству оставаться в пределах привычного экстенсивного земледелия, явилась аренда земель, и мы видим, что этот путь был широко использован старобельскими крестьянами, располагавшими значительным арендным фондом (см. табл. 21).

Выражая эти же данные в процентах арендованной пашни к пашне собственной, мы получим еще более выразительную картину (см. табл. 22).

Сравнивая средний процент нарастания аренды с развитием теоретического процента неработоспособных домочадцев, приходящихся на одного работника, мы видим близкий параллелизм.

Таблица 22

Отношение арендованной пашни к собственной

(в %)

На одного работника приходится своей пашни (дес.)	На одного работника приходится едоков		
	1,00—1,30	1,31—1,60	1,61—∞
0,1—2,0	50,4	73,4	119,9
2,1—3,0	7,6	56,4	50,2
3,1—7,0	10,3	41,1	65,9
Среднее	22,7	56,9	78,7
Неработоспособных домочадцев к числу работников	15	45	75

Однако несмотря на то, что малонаделенные хозяйства в значительно большей мере использовали арендный фонд, они все-таки не были в состоянии довести свою площадь землепользования до уровня более наделенных хозяйств

В первой главе мы уже указывали на те условия, от которых зависит возможность расширения арендной площади.

Главнейшим из этих условий следует считать экономическую мощность самого хозяйства, и главным образом наличность в нем рабочих сил.

Чем большее количество рабочих рук находится в хозяйстве, тем больше в силу использования принципа сложной кооперации каждый работник увеличивает свою хозяйственную мощность и может обрабатывать большее и большее количество земли.

Нижеследующая группировка наглядно иллюстрирует это положение.

Таблица 23

На одного работинка арендуется пашни (дес.)

На одного работника своей пашни (дес.)	Число работников в семье		
	0,1—2,0	2,1—4,0	4,1—∞
0,1—2,0	0,18	1,03	1,92
2,1 и выше	0,96	1,47	1,72
Среднее	0,57	1,25	1,82

Очевидно также, что, кроме числа работников в семье, на размер аренды влияет и наличность земли, уже находящейся в распоряжении хозяйства, как это мы установили в первой главе.

К сожалению, вопрос о влиянии состава и размера семей на аренду не может быть нами разрешен в достаточной мере полноты на таком незначительном по числу хозяйств объеме наблюдения. Но несомненно, что, если наши цифры не дают исчерпывающего ответа на поставленный вопрос, они тем не менее указывают основную тенденцию, в направлении которой этот вопрос будет решен.

Итак, главнейшим способом увеличения продукции работника под давлением запросов потребления в Старобельском уезде является путь количественного расширения земледелия путем развития аренд.

ЭН

ИЗОЦЕНЫ РЖИ 1909—1913, 1917 И 1920 гг.

(по материалам Конъюнктурного Института Петровской сельскохозяйственной Академии)

Наилучшим способом анализа пространственной организации рынка любого продукта является построение свойственной ему системы изоцен, т. е. линий, соединяющих точки поверхности, имеющие одинаковые цены на этот продукт.

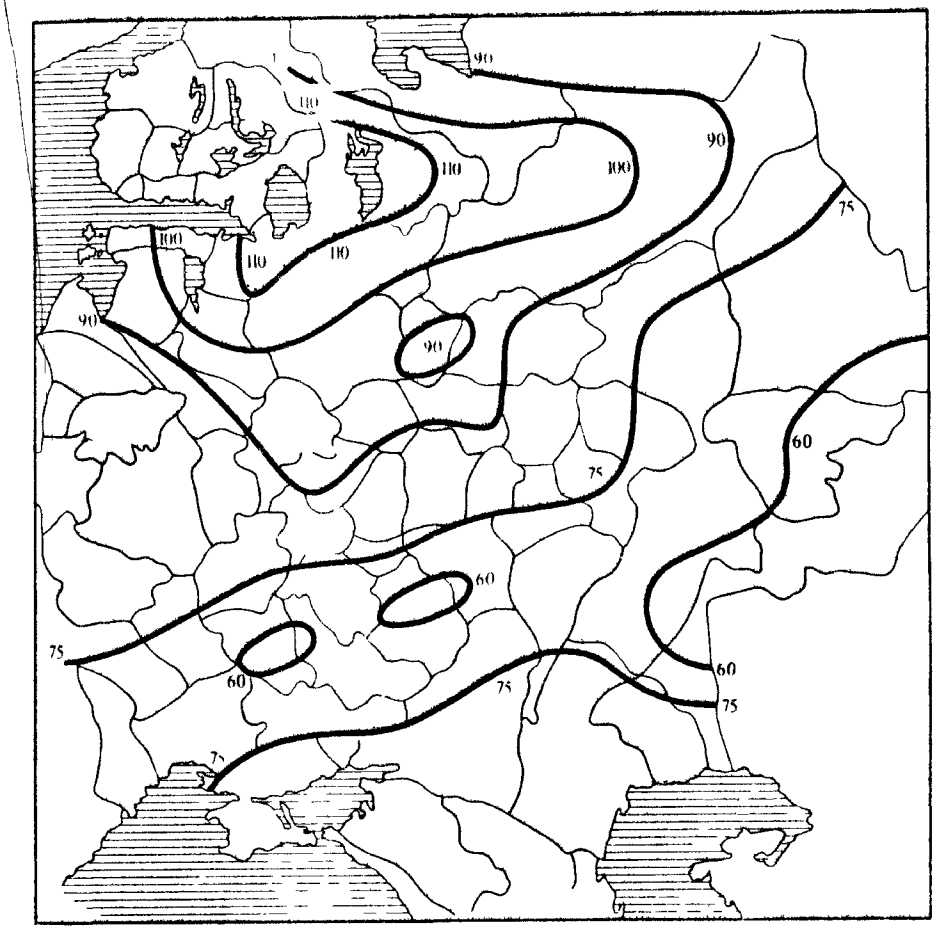
Метод построения изолиний, с таким успехом примененный Гумбольдтом для изучения температур в климатологии (изотерма), сравнительно недавно начинает применяться в отношении экономических явлений, однако первые шаги в этой области обещают новому методу изучения рыночных конъюнктур не меньший успех в деле изучения экономической погоды, чем в свое время нам дали изобары и изогиеты для изучения погоды в метеорологии *.

Небольшим примером того, что может дать этот метод, являются три прилагаемых графика изоцен ржи в Европейской России.

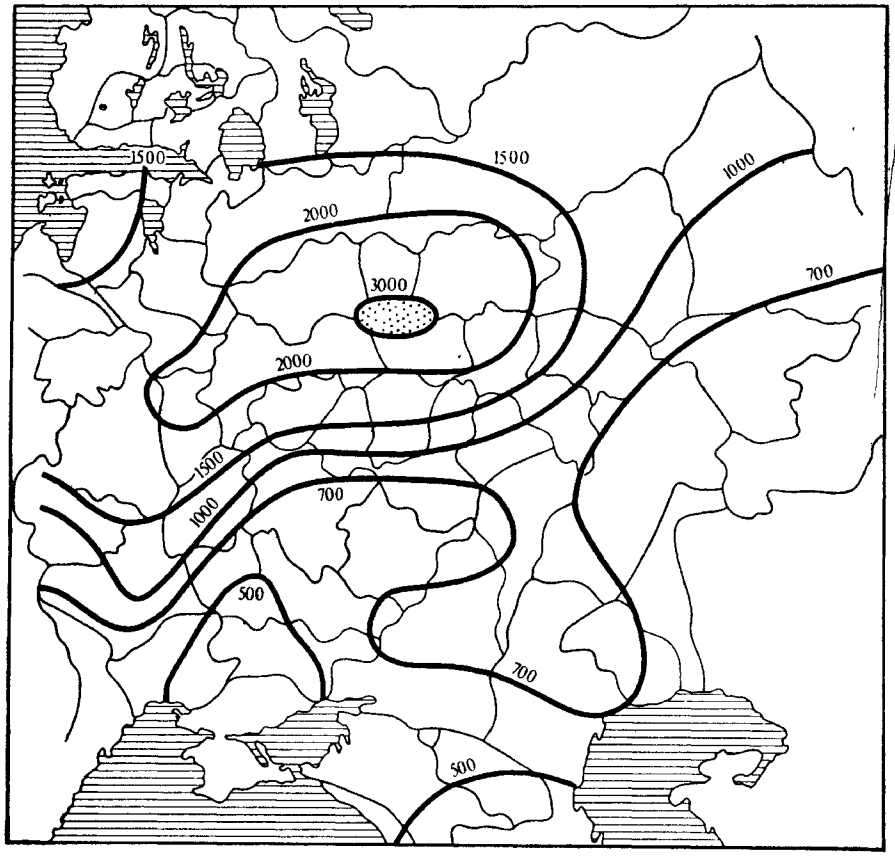
Первый из них указывает нормальное состояние экономической погоды в 1909—1913 гг., когда Россия являлась частью мирового рынка и когда спрос в виде изоцен вливался в нее через порта Балтийского и Черного морей, оставляя черноземную полосу в сфере наиболее низких цен.

Война и связанное с нею закрытие границ, изолировавшее нашу родину, изменили экономическую погоду и создали систему единого внутреннего рынка с Иваново-Вознесенским районом как диктующим центром потребления, что особенно наглядно на карте изоцен 1917 г.

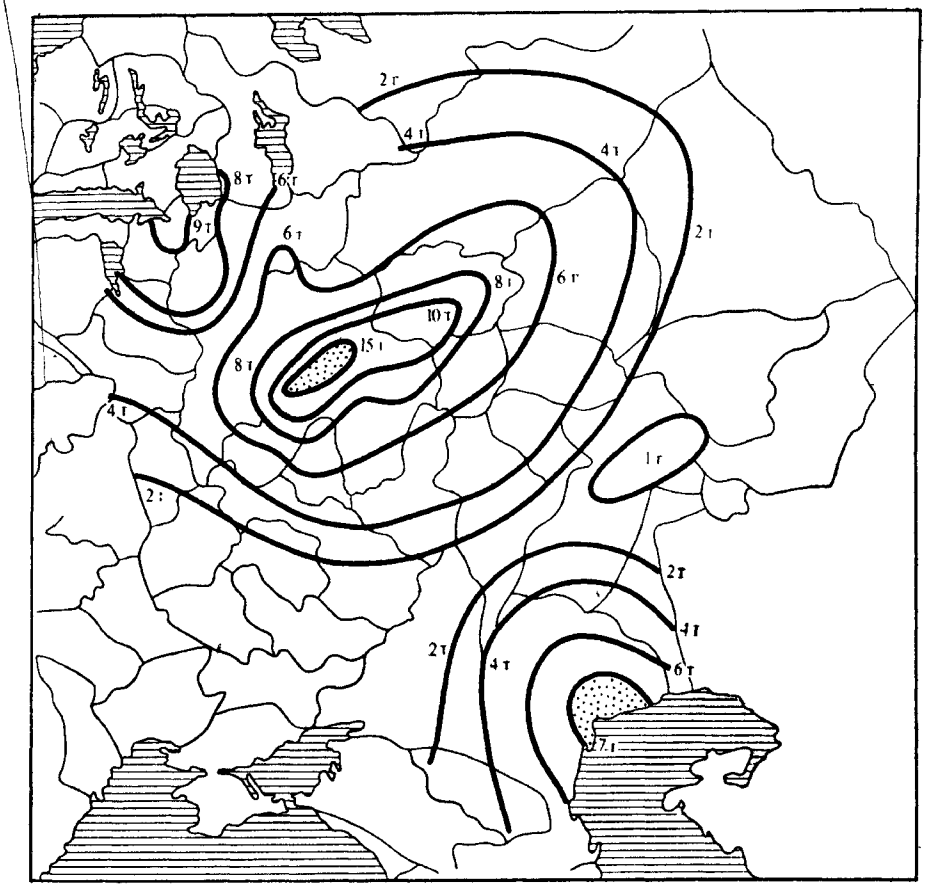
Наконец, уничтожение торговли и крайнее сжатие торговли нелегальной в 1920 г. разорвали единство хлебного рынка и ясно наметили на графике изоцен три рыночные системы,

Средние изоцены ржи 1909—1913 гг.

Изоцены ржи осенью 1917 г.

Изоцены ржи в апреле 1920 г.

а если бы мы располагали данными по Украине, то наметился бы и третий [1] определяющий центр потребления в лице Киева.

Несомненно, еще больший интерес представило бы применение метода в мировом масштабе.

[1] Очевидно речь идет о четвертой рыночной системе.— *Ред.*

ЭН

К ВОПРОСУ ТЕОРИИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ХОЗЯЙСТВА

В современной политической экономии стало обычным мыслить все экономические явления исключительно в категориях капиталистического хозяйственного уклада.

Основы нашей теории — учение об абсолютной земельной ренте, капитале, цене, а также прочие народнохозяйственные категории — сформулированы лишь в приложении к экономическому укладу, который зиждется на наемном труде и ставит своей задачей получение максимального чистого дохода (т. е. максимального уровня остающейся части валового дохода за вычетом вещественных издержек производства и заработной платы).

Все прочие (некапиталистические) типы экономических укладов считаются несущественными или находящимися в стадии отмирания; по крайней мере им отказывают в праве влиять на основополагающие явления современной экономики, и в результате они утрачивают какой-либо теоретический интерес.

Если мы и вынуждены признать это последнее утверждение, поскольку речь идет о неоспоримом господстве финансового и торгового капитала в мировых экономических отношениях и его в настоящий момент бесспорно ведущей роли в организации мировой экономики, то нам ни в коем случае не должно распространять его (это утверждение) на вообще все явления нашей народнохозяйственной жизни. Одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, безнаемных, основах

семейного хозяйства[1], для которого характерны совершенно особые мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности. Известно, что для большей части крестьянских хозяйств России, Китая, Индии и большинства неевропейских и даже многих европейских государств чужды категории наемного труда и заработной платы.

Уже поверхностный теоретический анализ хозяйственной структуры убеждает нас в том, что свойственные крестьянскому хозяйству экономические феномены не всегда вмещаются в рамки классической политэкономической * или смыкающейся с ней теории.

Но нам придется выйти еще дальше за рамки привычных понятий политической экономии, когда мы обратимся к теоретической трактовке нашего экономического прошлого.

Даже исчезнувшие в не столь далеком прошлом системы крепостного права в России и рабовладения в Америке уже ставят под сомнение применимость экономического мышления, принятого в нашей сегодняшней системе понятий (капитал, процент, абсолютная рента, заработная плата).

Заработная плата как народнохозяйственная категория в современном смысле слова, вероятнее всего, отсутствует в этих экономических укладах, а с ней неизбежно исчезает и привычное теоретическое содержание прочих категорий наших политэкономических систем, ибо рента и процент как теоретические конструкции неразрывно связаны с категорией заработной платы. С другой стороны, из наших теоретических рассуждений возникает новая, совершенно не известная нашим теоретическим системам категория — цена на раба.

В еще более трудном положении мы оказываемся перед лицом экономических укладов первобытных народов, в которых зачастую отсутствует категория рыночной цены, столь принципиально важная для нашего теоретического мышления. В этом смысле экономическая структура Римского колоната как натурального хозяйства первобытных народов полностью выходит за рамки современной экономической теории. Но в отношении эпохи Средневековья нам будет трудно при помощи имеющихся у нас в арсенале средств ответить на вопрос о процессе ценообразования, ну, например, о характере ценообразования на продукты, которые феодал взыскивает в форме натуральной подати и шлет продавать на отдаленных рынках.

Немецкой исторической школе, без сомнения, принадлежит

[1] Термины «семейное хозяйство», «трудовое хозяйство», «семейное трудовое хозяйство», «трудовое семейное хозяйство» обозначают в данной работе семью крестьянина или ремесленника, не использующую наемный труд, а только труд входящих в нее членов даже и в том случае, когда этот признак не четко выражен

исключительно высокая заслуга в описании экономических систем прошлого (в частности, германо-романских и античных народов) и их детального морфологического анализа *. Однако даже самое глубокое и точное описание как такового не в состоянии дать теорию описанного (в данном конкретном случае конкретного экономического содержания).

Но экономическая наука остро нуждается в теоретическом осмыслении нашего прошлого в экономическом плане: для каждого типа экономического уклада, частично уже нами обрисованного, должна быть создана отвечающая его своеобразию экономическая система.

Как нам кажется, соответствующее этой цели исследование, пусть даже напоминающее любительское собирательство древностей, могло бы стать весьма существенным: будучи своеобразной экономической палеонтологией, оно не только способствовало бы сравнительному анализу существующих экономических структур, но и сослужило бы хорошую службу достижению практических целей экономической политики. Ибо не только тип семейного хозяйства, точное определение понятия которого мы постараемся дать ниже, но и прочие типы укладов прошлых времен поныне представлены достаточно широко в неевропейских странах, и их теоретическое осмысление путем оформления в характерные для них категории дало бы значительно больше для изучения колониальной политики, чем, к примеру, впихивание экономики страны Замбии в прокрустово ложе экономических категорий современного манчестеризма *.

К сожалению, ни Аристотель, ни другие античные писатели не оставили нам экономической теории (в современном смысле слова) окружавшей их действительности *. Отцы церкви, современники феодализма, часто затрагивая в своих трактатах проблемы экономики, концентрировали, как известно, все внимание на этической стороне хозяйственной деятельности *. Экономическая литература России на рубеже XVII—XVIII вв., представленная именами Сильвестра, И. Т. Посошкова и А. П. Волынского, обращалась к рассмотрению частноэкономических отношений или проблем государственного управления *. Рабовладельческое хозяйство Соединенных Штатов как и экономика эпохи крепостничества в России также не оставили нам никакой единой, соответствующей их характерным структурам экономической теории *. Наше, к сожалению весьма ограниченное, знакомство с литературой Японии и Китая не позволяет сказать ничего о том, как там обстояло дело с попытками теоретически отобразить формы экономических систем прошлых времен.

Такое полное отсутствие выросших на естественной почве давних эпох теорий исчезнувших экономических укладов заставляет нас пытаться, теперь уже оглядываясь назад, реконструировать соответствующие теории.

Мы знаем, что ключом к пониманию экономической деятельности капиталистического общества является характерная для него форма расчета экономической рентабельности, согласно которому предприятие считается доходным, рентабельным и выгодным, если его валовой доход (ВД) за вычетом авансированного оборотного капитала, т. е. годовых вещественных затрат (ВЗ) и заработной платы (ЗП), дает сумму стоимости (СС), равную или превышающую процент на общий (основной и оборотный) капитал (К) предприятия, рассчитанный по действующей на данный момент процентной ставке (а):

$$ВД - (ВЗ + ЗП) \geqslant К \cdot \frac{а}{100}.$$

Все существующие положения нашей теоретической экономики гласно или молчаливо, но исходили из приведенной формулы.

Элементы этой формулы — меновая стоимость (рыночная цена) валового дохода и вещественных затрат, заработная плата и процент на капитал — все это не какие-то случайные величины частновладельческой экономики, а явления социально-экономического строя, основные национально-экономические реальности, научный анализ которых и составляет содержание и основную задачу политической экономии.

Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущие им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению.

Так, например, к экономической формации без категории цены, т. е. системе экономических единиц, по своей организации абсолютно натуральных и служащих исключительно удовлетворению собственных потребностей либо семьи, ведущей хозяйство, либо хозяйствующего коллектива, неприложима ни одна из перечисленных национально-экономических категорий в обычном смысле слова.

Так как в условиях натурально-хозяйственной структуры требования системы спроса каждой отдельной производственной единицы, являющейся одновременно и единицей потребляющей, целиком и полностью определяют хозяйственную деятельность людей, то в этом случае эта последняя носит в зна-

чительной степени качественный характер: любая потребность семьи должна быть удовлетворена из собственного хозяйства и продукт нужного качества должен быть произведен в натуральной форме.

В этом случае количество может быть учтено (измерено) только с учетом каждой отдельной потребности, и расчет этот звучит следующим образом: «хватает», «не хватает», «на столько-то и столько-то не хватает», а благодаря гибкости самих потребностей такой расчет не требует большой точности.

Таким образом, в системе натурального хозяйства не может возникнуть вопрос о сравнительной рентабельности различных затрат, к примеру вопрос о том, что рентабельнее, выгоднее — возделывать коноплю или оставить луг под сенокос, ибо конечные продукты взаимно не заменяемы и не могут поэтому иметь единого масштаба для сравнения.

В соответствии со сказанным вся экономика натурального хозяйства, ее представление об экономичности, ее понятие рентабельности, а также специфические «законы», определяющие ее социальную жизнь, как мы постараемся доказать в дальнейшем, принципиально отличаются от основополагающих понятий и принципов общепринятой экономической науки, которые обычно излагаются в курсах основ политической экономии.

Только с развитием менового и денежного хозяйства хозяйственная деятельность утрачивает свой качественный характер. Теперь на первый план выступает количественный интерес, заинтересованность в том, чтобы получить максимальное количество, которое в результате обмена может принимать любые качественные формы. При этом в процессе денежно-меновых отношений (товарность хозяйства) само количество все более теряет связь с качеством и постепенно приобретает все более абстрактный характер стоимости, оторванной от ее конкретного содержания и смысла для данных потребностей. Вступает в силу категория цены и в сочетании с другими категориями (если таковые имеются) дает ту экономическую систему, которая, как правило, только и рассматривается в политической экономии.

Такая же катастрофа ожидает обычную теоретическую систему, если из нее выпадает какая-либо иная категория, к примеру категория заработной платы. И даже если из всех возможных народнохозяйственных систем, которым эта категория чужда, мы сделаем объектом анализа ту, в которой во всей полноте представлены меновые отношения и кредит, а, следовательно, категории цены и капитала, например систему крестьянских и ремесленных семейных хозяйств, связанных меновыми и денежными отношениями, то даже и в этом случае мы легко сможем убедиться в том, что структура такого хозяйства лежит вне рамок привычной системы, политэкономических понятий, характерных для капиталистического общества.

Достаточно беглого взгляда на внутреннюю структуру семейного трудового крестьянского хозяйства, где семья, вооруженная средствами производства, прикладывает свою рабочую силу к земле и в результате года труда получает определенную массу продукции, чтобы убедиться в полной невозможности, не прибегая к категории заработной платы, привнести в ее структуру чистый доход, вытекающую из него ренту и процент на капитал как реальные экономические категории в капиталистическом смысле слова.

На самом деле крестьянин или ремесленник, который трудится в собственном хозяйстве без привлечения наемного труда, получает в результате года труда определенное количество продукции (изделий), которое, будучи обменено на рынке, создает валовой доход его хозяйства. Из валового дохода можно вычесть стоимость вещественных затрат, которая обеспечила функционирование хозяйства в течение года; в результате получим прирост стоимости натуральной продукции, произведенный семьей в течение года путем затраты собственного труда, или иначе трудовой доход.

Этот трудовой доход семьи является единственно возможной в крестьянском или ремесленном хозяйстве категорией дохода, ибо он не допускает никакого объективного расчленения. Поскольку социальный феномен «заработная плата» отсутствует, то должен отсутствовать также и социальный феномен «чистая прибыль», и, таким образом, капиталистический метод расчета рентабельности также неприложим.

К этому необходимо, конечно, добавить, что этот нерасчленимый трудовой доход не будет всегда одним и тем же для всех семейных предприятий. Он будет варьироваться в зависимости от рыночной конъюнктуры, отдаленности от рынка, степени оснащенности средствами производства, численности и состава семьи, качества земли и прочих условий производства.

Тем не менее, как мы увидим позже, дополнительный доход, полученный за счет более выгодного положения или лучшей оснащенности хозяйства средствами производства, ни по своей природе, ни по величине не идентичен абсолютной ренте и проценту на капитал, характерным для капиталистического хозяйства.

Величина трудового дохода определяется прежде всего численностью и составом трудящейся семьи, в частности числом ее трудоспособных членов, затем производительностью трудодня, и, что особенно важно, степенью напряженности рабочей силы, степенью самоэксплуатации, которая заставляет работающих вырабатывать в течение года более или менее значительное число трудодней.

Глубокое изучение обширного эмпирического материала по крестьянскому хозяйству в России и других странах дает право предполагать, что упомянутая нами степень самоэксплуатации в процессе труда определяется совершенно специфическим равновесием между уровнем удовлетворения потребностей семьи и тяжестью (обременительностью) самого труда.

На самом деле каждый следующий выработанный рубль трудового дохода семьи можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения значения, которое он имеет для потребления, для удовлетворения потребностей семьи; во-вторых, с точки зрения напряженности, тяжести прилагаемого труда, необходимого для того, чтобы выработать этот рубль.

Понятно, что по мере увеличения прибавки произведенной массы продукта субъективная оценка потребительского значения каждого следующего рубля будет снижаться, а вот тяжесть его добывания, требующего все большего напряжения сил и все более тяжелой самоэксплуатации, станет возрастать. До тех пор пока между обоими элементами оценки не наступит равновесия и напряженность труда не будет ниже в своей оценке, чем значение потребностей, ради удовлетворения которых приходится испытывать это напряжение, до тех пор семья, работающая без привлечения наемного труда, имеет полное основание продолжать свою хозяйственную деятельность. Но как только это равновесие достигнуто, продолжение трудовой деятельности становится бессмысленным, ибо каждое следующее трудовое усилие будет с точки зрения хозяина тяжелее, чем отказ от вытекающего из этого усилия экономического эффекта.

Как показывают наши собственные исследования, а также работы профессоров А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова и Б. Д. Бруцкуса, момент наступления равновесия сильно колеблется и определяется, во-первых, конкретными для каждого хозяйства условиями производства, рыночной конъюнктурой, удаленностью от рынка, которые влияют на степень тяжести труда, и, во-вторых, размером и составом семьи и неотложностью ее потребностей, которые обусловливают уровень оценки потребления*. Так, например следствием любого роста производительности труда является возможность производить то же самое количество продукции меньшими усилиями, что позволяет хозяйству повысить доход и удовлетворить потребности семьи в полном объеме. С другой стороны, наличие в хозяйстве нетрудоспособных членов семьи повышает потребительское значение каждого выработанного рубля валового дохода и побуждает к увеличению степени самоэксплуатации семейной рабочей силы, для того чтобы хоть в какой-то мере поддержать жизненный уровень семьи, которому грозит снижение в результате возросших потребностей.

Исходя из описанной выше природы основополагающих экономических постулатов, крестьянское семейное хозяйство вынуждено так использовать рыночную конъюнктуру и естественные условия производства, чтобы иметь возможность обеспечить внутреннее равновесие при максимально возможном уровне благосостояния семьи. Это достигается внедрением таких технологий в организацию производства в хозяйстве, которые обеспечивают максимальный заработок на трудодень.

Таким образом, не объективный арифметический расчет максимально возможной чистой прибыли в соответствии с особенностями народнохозяйственной конъюнктуры определяет приемлемость или неприемлемость тех или иных хозяйственных мер или процессов, а также все содержание семейного хозяйства, но внутрихозяйственное противостояние субъективных оценок, хотя и с учетом объективно данных условий конкретного хозяйства.

От предприятия, построенного по описанным выше принципам, не следует ожидать никаких экстравагантностей в отношении ведения хозяйства, ибо обычно объекты, обеспечивающие максимальный заработок на затраченный трудодень и обеспечивающие капиталистическому хозяйству максимальную прибыль, располагаются в одной плоскости. Однако эмпирические исследования свидетельствуют, что в ряде случаев структурные особенности крестьянского семейного хозяйства вынуждают крестьянина отказываться от образа действий, диктуемого обычной формулой расчета капиталистической прибыли.

Подобные различия выражены особенно четко в густонаселенных районах, где недостаток земли лишает крестьянскую семью возможности полностью реализовать свою рабочую силу в условиях оптимальных форм организации труда, т. е. таких, которые обеспечивают максимальный заработок. Для капиталистического хозяйства такие оптимальные формы организации, при которых достигается оптимальный уровень производственной интенсификации, являются обязательной нормой. Ибо в условиях дальнейшей интенсификации, согласно закону убывающего плодородия, постоянно снижается эффект от увеличения затраты труда и, следовательно, неотвратимо уменьшается чистая прибыль. Наоборот, в крестьянском хозяйстве, страдающем от малоземелья, стремление к покрытию потребностей в течение года заставляет семью прибегать даже к малорентабельной интенсификации и ценой снижения заработка на трудодень добиваться роста валового трудового дохода за год.

Так, в обследованных проф. Э. Лауром малоземельных хозяйствах Швейцарии крестьяне утраивали интенсивность. При этом они существенно теряли в заработке на единицу вы-

работки, но зато выигрывали возможность на очень ограниченном участке земли полностью использовать свою рабочую силу и прокормить семью. Таким же образом малоземельные крестьяне северной и западной России расширяют посевы льна и картофеля, часто менее рентабельные по сравнению с овсом, но за этот счет обеспечивают более высокую производительность труда и повышают валовой заработок семьи.

Другими словами, капиталистическое хозяйство может повышать интенсивность выше оптимальной лишь в том случае, если изменившаяся конъюнктура рынка сама сдвигает этот оптимум в направлении более высокой интенсивности. В семейном же трудовом хозяйстве интенсификация возможна без каких-либо рыночно-конъюнктурных изменений и только под нажимом внутрихозяйственных сил: в первую очередь вследствие неблагоприятного соотношения между размерами семьи и земельного надела. Описанные здесь особенности крестьянского семейного хозяйства, безусловно, накладывают отпечаток на всю национально-экономическую систему, если эта последняя складывается исключительно на базе семейного хозяйства и в силу этого лишена категории заработной платы.

Эта специфика выступает особенно четко при анализе ренты в условиях семейного хозяйства.

Абсолютная рента как объективная народнохозяйственная категория дохода, которая складывается из валового дохода за вычетом вещественных издержек производства, заработной платы и обычного процента на капитал, естественно, невозможна в семейном хозяйстве просто потому, что вычитаемые величины в этом случае отсутствуют *. Тем не менее для товарных семейных хозяйств обычные рентообразующие факторы, конечно, сохраняются, в том числе более высокое плодородие земли, меньшая удаленность от рынка, и продолжают все сильнее влиять на доходы и размер выработки на единицу труда.

Более глубокий анализ показывает, однако, следующее: один только неделимый трудовой доход семейного хозяйства и соответственно благополучие хозяйствующей семьи не увеличиваются в такой степени, в какой растет рента капиталистического предприятия под действием тех же факторов, ибо трудящийся крестьянин, констатируя рост производительности труда, безусловно, постарается добиться равновесия внутрихозяйственных факторов еще раньше, т. е. при меньшей степени самоэксплуатации своей рабочей силы. Он удовлетворяет потребности семьи несколько полнее в условиях меньшего напряжения ее усилий и как следствие — снижает техническую интенсивность хозяйства в целом.

Однако, по мнению А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова, эта напоминающая ренту ситуация, выражающаяся в несколько более высоком жизненном уровне, не является продолжительной, ибо территории, где такое возможно, без сомнения, привлекут поток населения из менее благополучных зон, в результате чего произойдет дальнейшее мельчание земельных наделов, что в свою очередь повлечет за собой интенсификацию крестьянского труда и соответствующее снижение благосостояния до обычного уровня *.

Если в таких условиях начнут действовать аренда и свободная продажа земли, то, естественно, цена на нее будет определяться капитализацией ренты, так как категория ренты даже в нашем нынешнем понимании этого слова, как мы только что видели, вообще отсутствует в исследуемом нами хозяйственном укладе.

Тем не менее совершенно бесспорно, что при землепользовании в условиях товарно-денежных отношений переход наделов из одних рук в другие не может происходить безвозмездно. Таким образом, перед нами встает основной вопрос экономики семейного хозяйства: чем определяется цена земли? Что может заплатить крестьянское хозяйство за землю и за сколько оно ее отдаст?

Мы сможем ответить на поставленный вопрос, если подойдем к нему, отталкиваясь от понятия специфической рентабельности, которую мы выявили для трудового семейного хозяйства. При таком подходе следует, что аренда или приобретение земли будут выгодными для крестьянской семьи только, если с ее помощью можно будет добиться равновесия в хозяйстве либо за счет более высокого, чем до сих пор, уровня жизни, либо за счет меньшего напряжения рабочей силы.

Крестьянские хозяйства, владеющие значительными наделами и, следовательно, имеющие возможность использовать всю рабочую силу семьи при оптимальном уровне интенсивности сельскохозяйственных работ, не нуждаются в аренде или покупке земли с целью ее производственного использования, и любая затрата в этом направлении представляется крестьянину нерациональной, ибо она не способствует улучшению материального благополучия семьи и ведет лишь к расходованию средств.

Для семьи же, владеющей малым наделом, на котором может быть использована лишь часть ее рабочей силы, приобретение нового объекта с целью реализации неиспользованных трудовых ресурсов представляется очень важным, так как позволяет приблизить степень интенсификации хозяйства к оптимальному уровню, а зачастую и использовать рабочее время, ранее обреченное на вынужденную потерю.

В обоих случаях увеличение заработка на выработанную единицу и, следовательно, подъем благосостояния могут быть столь значительными, что семейное хозяйство получит возможность значительную часть валового дохода, полученного

с вновь приобретенного участка, использовать на уплату аренды или покупки.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность, мы смеем даже утверждать, что крестьянское хозяйство будет готово платить за землю тем больше, чем ее у него меньше и чем оно беднее. В результате нам придется признать, что цена на землю как объективная народнохозяйственная категория зависит от сложившейся конъюнктуры земельного рынка, т. е. от степени и остроты нужды в земле среди малоземельных, а также от предложения оставшейся по каким-то причинам свободной земли.

Таким образом, в системе семейного хозяйства уровень цен на землю зависит не только от рыночной конъюнктуры сельскохозяйственных продуктов и вытекающей из нее рентабельности аграрного производства, а в еще большей степени от увеличения плотности сельского населения региона.

Исследования проф. В. А. Косинским динамики земельных и арендных цен в России, а также соответствующие работы Э. Лаура по крестьянскому хозяйству в Швейцарии свидетельствуют, что цены, которые малоземельные крестьянские хозяйства платят за землю, значительно превышают капиталистическую абсолютную ренту и могут служить эмпирическим подтверждением наших теоретических постулатов *.

Чрезвычайно интересно, что обстоятельства, связанные с другой народнохозяйственной категорией — с обычным для товарного рынка процентом на капитал, в рамках семейного предприятия проявляют себя аналогично.

Ясно, что использование капитала будет выгодным семейному хозяйству только, если в результате оно получит возможность при более высоком благосостоянии, чем прежде, обеспечить равновесие между тяжестью труда и степенью удовлетворения потребностей.

Во всех случаях, когда новые затраты капитала — будь то за счет повышения производительности труда или расширения зоны его приложения — обещают подъем благосостояния, семья готова платить на него очень высокий процент. Но, естественно, он не должен быть столь высоким, чтобы свести на нет выгоду, ожидаемую от нового приложения капитала.

Возникающие по описанной выше схеме спрос, с одной стороны, и предложение — с другой, определяют ценообразование на рынке в условиях нормального рыночного процента на ссуду.

Другими словами, согласно вышесказанному нам следует предположить, что хотя «оборот капитала» в семейном хозяйстве не дает дохода с капитала в форме некоторого особого объективно существующего вида, но зато оказывает существенное влияние на производительность труда, а тем самым и на уровень неделимого трудового дохода, а также на момент на-

ступления внутрихозяйственного равновесия. Нормальный уровень рыночного процента по ссуде определяется, однако, не целиком всем продуктивным кругооборотом капитала в стране (который, очевидно, осуществляется не по классической формуле Д — Т — Д+п), а только конъюнктурой спроса и предложения в той части национального капитала, которая находится в кредитном обращении.

Совершенно особенно происходит в семейном хозяйстве и внутрихозяйственный оборот капитала. Если семейное хозяйство не пользуется ссудным кредитом посторонних источников, то оно вынуждено удовлетворять требованию, согласно которому любая капитальная затрата на хозяйство, как при первоначальном его накоплении, так и при его воспроизводстве, не только должна сулить выгоду, но, кроме того, семья должна быть в состоянии выделить на эту затрату требуемую сумму из своего трудового дохода, что, разумеется, возможно только за счет собственного потребления.

Это, разумеется, возможно только, если потребительское значение суммы, предназначенной для производства, в глазах трудящейся семьи представляется меньшим, чем ее значение для производства [2].

Ясно, что средства для создания капитала семья сможет выделить из своего годового дохода тем легче, чем он выше. В тяжелые периоды недородов или неблагоприятной рыночной конъюнктуры бывает очень трудно при низких заработках семьи изымать какую-то часть дохода из потребления, чтобы использовать ее для создания новых капитальных стоимостей или даже просто направить на замену оборотного капитала. Согласно сказанному в национально-экономической системе трудового семейного предприятия, или, иначе, в экономической структуре общества, в котором производство реализуется в форме крестьянского или ремесленного предприятия и где полностью отсутствует институт наемного труда, существуют следующие экономические категории:

1. Единый неделимый трудовой доход семьи, реагирующий на рентообразующие факторы [3].

[2] Сравнение оценок потребительской и производственной значимости n-й единицы трудового дохода является одной из наиболее сложных проблем теории семейного трудового хозяйства. Ее подробному исследованию посвящена глава 4 моей книги «Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft» (Берлин, 1923) («Учение о крестьянском хозяйстве».— *Ред.*). В нашем анализе за масштаб значимости производства мы принимаем ту степень напряженности труда, которая должна иметь место, если n-я единица дохода не используется на создание или замену капитала.

[3] Мы включили неделимый трудовой доход семьи в число народнохозяйственных категорий, ибо он определяется не только техническими, но и целым рядом социальных факторов, в частности развитием уровня традиционных и привычных потребностей, плотностью населения и, наконец, рентообразующими факторами, характерными для данной местности.

2. Товарные цены.

3. Процесс воспроизводства средств производства (образование капитала в широком смысле слова).

4. Цены на капиталы, находящиеся в кредитном обращении.

5. Цена на землю.

Еще более необычную картину мы увидим, если усложним рассматриваемую здесь форму семейного хозяйства тем, что уберем из нее категорию рыночной цены, т. е. факт товарообмена. На первый взгляд могло бы показаться, что почти натуральное в этом случае семейное хозяйство не носит никаких признаков народнохозяйственного уклада. На самом же деле более пристальное наблюдение свидетельствует, что это вовсе не так. В социально-экономическом массиве, состоящем сплошь из интегрированных трудовых хозяйств, покрывающих свои потребности в натуральной форме, оказывается все-таки возможным проследить целый ряд социально-экономических отношений, которые упорядочивают организацию каждой отдельной натурально-хозяйственной единицы и унифицируют ее производственную структуру.

На самом деле внутренняя частнохозяйственная структура отдельных натуральных семейных предприятий здесь та же, что и там, где она включена в меновые отношения, за исключением некоторых особенностей в расчете рентабельности, о которых уже сказано в начале данной статьи. Определяющим остается здесь то же понятие рентабельности, только еще более четко выступает невозможность применения формулы рентабельности капиталистического предприятия. Здесь также определяется равновесие между степенью удовлетворения потребностей и степенью тяжести труда. Так же точно происходят здесь процессы образования и замены средств производства. И если здесь отсутствует рентообразующий фактор отдаленности рынка, то все же различия в почвенно-климатических условиях, без сомнения, вносят в натуральное хозяйство определенный связанный с рентой момент.

Наибольшее значение для структуры натурального хозяйства имеет, однако, то обстоятельство, что интенсивность сельскохозяйственного производства и его организационные формы в наибольшей степени зависят от размеров земельного надела, которым располагает трудящаяся семья, и от уровня ее потребностей, т. е. от ее внутренних факторов (численность и состав семьи, соотношение между размерами семьи и надела, используемого в сельскохозяйственном производстве).

В этой связи плотность населения и формы землепользования приобретают значение исключительно важного социального фактора, который принципиально определяет народнохозяйственный уклад. Другим, менее важным, но также существенным социальным фактором является традиционный образ жизни, связанный с привычками и обычаями и определяющий уровень потребностей, а следовательно, и напряженность рабочей силы.

Формулируя мысль иначе, можно сказать, что если представить себе некоторую территорию с натуральным крестьянским хозяйством и проанализировать этот социально-экономический массив, то можно увидеть, что, несмотря на отсутствие транспортных связей, на некоторую народнохозяйственную диссоциацию отдельных хозяйственных единиц, внутри этой территории имеет место целый ряд сложных экономических процессов, а их определяющим фактором являются демографические особенности, влияющие на плотность населения и его миграцию. Эти моменты определяют выбор системы земледелия, уровень благосостояния, а следовательно, и форму накопления капитала в каждом конкретном случае, а также возможности налогообложения населения, которое создает базу для государственной и культурной организации нации.

Независимо от демографических факторов в нашем примере выделятся области более высокого благосостояния там, где рентообразующие факторы (качество земли и т. д.) особенно сильны. Как показывают эмпирические исследования в аграрных странах с полунатуральным укладом, исключительное значение приобретает здесь почти всегда (вследствие отсутствия регулирующего действия конъюнктуры рынка и ее экономического давления) внеэкономический пресс в форме административного регулирования землепользования, а иногда и «воинствующего регулирования» миграционных волн населения.

В странах с абсолютно натуральной хозяйственной структурой мы может выделить следующие категории социально-экономического характера, определяющие устройство конкретных хозяйств:

1. Неделимый трудовой доход семьи, который определяется: а) плотностью населения, б) традиционным уровнем потребностей, в) рентообразующим воздействием более благоприятных почвенно-климатических условий.

2. Возможность капиталообразования и налогообложения населения, зависящие от уровня благосостояния.

3. Экономические меры, предпринимаемые государственной администрацией, которая регулирует землепользование и миграционные процессы путем внеэкономического воздействия.

Абсолютным антиподом системе семейного хозяйства является другой тип хозяйствования, также не содержащий категории заработной платы,— рабовладельческое хозяйство.

Различие бросается в глаза уже при первом сравнении частнохозяйственной морфологии структурных типов предприятий в том и другом случаях. Крестьянин и ремесленник явля-

ются самостоятельными хозяевами. Они самостоятельно распоряжаются и организуют производственную и прочую хозяйственную деятельность, получают в свое полное распоряжение и в полном объеме продукт своего труда соответствующей производительности, к которой их вынуждают и которую определяют потребности их семей, степень удовлетворения которых ограничивается только лишь тяжестью самого труда. Все эти моменты полностью отпадают в рабовладельческом хозяйстве.

Раб трудится в производстве, зависящем от чужой воли; он является лишь слепым орудием этой чужой воли, не имеет права на продукт своего труда, побуждается к труду только угрозой применения наказания и удовлетворяет свои потребности в зависимости от произвола рабовладельца и только в той мере, какая необходима для поддержания его (раба) работоспособности.

Для рабовладельца использование раба имеет смысл лишь постольку, поскольку после покрытия издержек производства и затрат на содержание раба у него остается прибавочный продукт, который, будучи реализован на рынке, дает объективный доход от рабовладения. Как уже было показано Г. И. Нибуром, институт рабовладения появляется в тот момент, когда развитие производительных сил человечества достигло такой стадии, когда упомянутый прибавочный продукт уже может быть произведен *.

Так как стоимость содержания рабов определяется физиологическими нормами и характером выполняемой работы и не является народнохозяйственной категорией, за которой скрываются сложные социально-экономические зависимости (как это видно на примере категории заработной платы), то раб, если абстрагироваться от этических норм патриархального жизненного уклада, которые приобретают большое значение, например, в рабовладельческом обществе мусульманского мира, так вот раб с точки зрения организации труда мало чем отличается от рабочего скота.

Изложенные здесь особенности частнохозяйственной организации рабовладельческого предприятия имеют многочисленные и для национальной экономики существенные последствия.

Из валового дохода своего предприятия после покрытия вещественных издержек производства и расходов на содержание раба рабовладельцу остается некоторая сумма дохода. Если из этой суммы вычесть обычный процент, рассчитанный на вложенный основной и оборотный капитал, а не на стоимость раба, то, очевидно, остаток следует отнести к доходу раба.

В капиталистическом обществе этот причитающийся трудящемуся остаток составил бы часть его заработной платы, которая (часть) превышает стоимость пищи, одежды и жилья, пре-

доставляемых предпринимателем. В системе же рабовладельческого хозяйства эта часть дохода, чисто экономически выработанная в процессе рабского труда, в силу положения рабовладельца присваивается им, а не рабом, и превращается в совершенно новый вид нетрудового дохода, который для рабовладельца есть цель и смысл.

Этот доход, уже более не представляющий собой чисто техническую норму (как, например, затраты на содержание раба), определяется сложной системой целого ряда социально-экономических взаимозависимостей, представляет собой народнохозяйственную категорию и образует рабовладельческую ренту, поступающую владельцу в силу права собственности. Если рабовладельческое предприятие является аграрным хозяйством, то нетрудовой доход из рабовладения будет расти одновременно с превращением менее благоприятных условий производства и транспортных возможностей в более благоприятные. Но так как раб и его производительность остаются при этом неизменными и доход рабовладельца при замене одного раба другими не снижается, то образовавшийся здесь прибавочный доход не следует связывать с рабовладением как таковым, а нужно отнести за счет земли (ибо он образовался благодаря более высокому плодородию почвы или близости земельного надела к рынку) и рассматривать как обычную дифференциальную ренту До тех пор пока сохраняется возможность на основе рабского труда получать такой же технический результат, как и на основе труда наемного, эта земельная рента будет количественно соответствовать земельной ренте капиталистического сельского хозяйства.

Таким образом, в теории рабовладельческого хозяйства могут сохраняться все социально-экономические категории капиталистического хозяйства с той только разницей, что категория наемного труда заменяется рабовладельческой рентой. Эта последняя присваивается рабовладельцем, и ее капитализированная стоимость дает цену на раба, которая является объективным рыночным феноменом.

Размер рабовладельческой р е н т ы определяется продуктивностью ее использования (определение заработной платы через производительность предельного рабочего аналогично схеме, принятой в системах англо-американских теоретиков). Сложнее представляется определение р ы н о ч н о й ц е н ы на раба. Как уже указывалось, она имеет тенденцию, с одной стороны, достигать размера капитализированной ренты предельного раба, которая является, так сказать, потребительской ценой, в то время как, с другой стороны, себестоимость «производства рабов» образует цену предложения. Здесь нам следует различать две системы рабовладельческого хозяйства:

1. Система, в которой пополнение армии рабов происходит путем доставки взрослых людей, плененных в чужих странах в ходе войн, а эксплуатация ориентирована на полный и быстрый износ рабочей силы при отсутствии расходов на воспитание детей (воспроизводство) и длительное поддержание жизни взрослых.

2. Система, в которой пополнение армии рабов происходит путем воспроизводства человеческого материала внутри семьи раба, т. е. естественным путем, что, конечно, требует затрат на воспитание потомства, а также предполагает меньшую степень эксплуатации рабочей силы рабов, в частности женщин.

В первом случае себестоимостью приобретения раба являются затраты на его пленение. Во втором — затраты на взращивание и воспитание, которые, как правило, значительно выше. В исторические периоды, благоприятствовавшие приобретению человеческого материала путем пленения противников в ходе войны, например в Древнем Риме, в античных государствах Передней Азии и даже в первые десятилетия в испанской Америке, цена по себестоимости, т. е. издержки производства человеческого материала, была очень низка и обычная капитализированная рабовладельческая рента превосходила ее во много раз. Доказательством тому является высокая рыночная цена патентов на приобретение рабов испанской короны, на основании которых в первоначальный период импорта негров в Америку выдавалось право на поимку и ввоз рабов.

Дешевизна человеческого материала позволяла расширять рабовладенне и использовать рабов при постоянном снижении производительности труда, но, естественно, лишь до того момента, когда неуклонно падающая рабовладельческая рента уравнивалась с себестоимостью приобретения. Этот момент определял рыночную цену раба и размер рабовладельческого хозяйства. В той мере, в какой скудеют источники захвата рабов в результате частых войн и разорения, все выше растет себестоимость их приобретения, все быстрее растет рыночная цена, а применение рабов, дающее низкую рабовладельческую ренту, становится нерентабельным и постепенно отмирает. В результате объем рабовладения сокращается.

Согласно всему сказанному важным обстоятельством гибели античной рабовладельческой системы можно считать то, что при переходе от приобретения рабов путем пленения в процессе войн к мирному, т. е. путем естественного воспроизводства, античное хозяйство столкнулось со столь высокой себестоимостью приобретения рабов, что она уже начала превышать капитализированную ренту.

Во всяком случае цена на раба как феномен, подчиняющийся закономерности рынка, представляет собой объективную категорию, которая определяет производство раба в частнохозяйственной системе учета. Очевидно, что с позиции частнохозяйственной рабовладельческое хозяйство выгодно лишь постольку, поскольку приобретение раба обеспечивает рабовладельцу чистый доход, не меньший, чем рабовладельческая рента, которая в данный момент существует как объективная народнохозяйственная данность и материализуется через рыночные отношения как цена за раба.

Следует еще напомнить, что рабовладение (или в более общем определении — подневольность человека в ее экономическом выражении) существует в целом ряде весьма отличных друг от друга вариантов.

Так, например, русское крепостное право в форме о б р о к а является полной противоположностью описанной выше системе рабовладения [4]. Эта форма есть совершенно особое сочетание семейного трудового хозяйства с рабовладельческим и представляет чрезвычайный теоретический интерес.

Сельскохозяйственное предприятие оброчного крестьянина было организовано в обычной для семейного трудового хозяйства форме. Трудящаяся семья всю свою рабочую силу использовала только в собственном сельскохозяйственном или какомлибо другом промысле. Однако в силу внеэкономического давления такое предприятие было вынуждено отдавать владельцу крепостной семьи определенную сумму произведенной стоимости, которая называлась «оброк» и представляла собой к р е п о с т н у ю р е н т у.

Несмотря на сходство правового положения раба и крепостного, экономические структуры рабовладельческого и крепостного хозяйств совершенно различной природы, а оброк ни качественно, ни количественно не совпадает с рабовладельческой рентой.

Хозяйство крепостного оброчного крестьянина ни в чем не отличается по своей внутренней частнохозяйственной структуре, как это уже подчеркивалось, от обычной и уже известной формы семейного трудового хозяйства.

При этом режиме семья на свой страх и риск ведет собственное хозяйство, получает в собственное распоряжение произведенный продукт, стимулируется собственными потребностями

---

[4] В русском крепостном праве различаются три вида крепостных дворовые люди, т. е. предназначенные для удовлетворения потребностей барского домашнего хозяйства самого помещика и его семейства в личных домашних услугах. Дворовые, не имевшие своего хозяйства, могли использоваться в помещичьем хозяйстве, если оно велось непосредственно в поместье; барщинные крестьяне, т. е имевшие собственное хозяйство и обязанные отрабатывать определенное число дней в неделю в помещичьем хозяйстве, работая в поле или на господском дворе; оброчные крестьяне, которые применяли свою рабочую силу в собственном аграрном хозяйстве и были обязаны выплачивать часть дохода помещику.

к затрате своей рабочей силы, а количество продукта, которое должно быть произведено, определяется специфическим для данного семейного трудового хозяйства равновесием между степенью тяжести труда и удовлетворением потребностей семьи

В данном случае вследствие внеэкономического пресса семья вынуждена так регулировать это равновесие, чтобы за счет произведенного продукта, помимо удовлетворения собственных потребностей, можно было выделить средства на уплату помещику оброка.

Из-за такой более напряженной потребности в материальной стоимости в данном типе по сравнению со свободным крестьянским хозяйством равновесие между тяжестью труда и степенью удовлетворения потребностей достигается за счет более высокой степени самоэксплуатации труда, чем в свободном крестьянском хозяйстве. При этом, однако, большее напряжение рабочей силы не позволяет создавать столько добавочного продукта, сколько необходимо на покрытие оброка, а, следовательно, часть требуемой стоимости неизбежно изымается из потребностей семьи, что влечет за собой снижение уровня благосостояния оброчной семьи по сравнению с семьей свободного крестьянина.

Выплачивая помещику оброк частично ценой ужесточения напряженности рабочей силы, частично за счет ограничения удовлетворения собственных потребностей, крепостное хозяйство создает одну национально-экономическую категорию — нетрудовой доход помещика, т. е. крепостную ренту.

Без учета выплаты этой ренты оброчное хозяйство в любом другом отношении остается обычным семейным трудовым хозяйством со всеми присущими ему и показанными выше организационными особенностями.

Если обратиться теперь к факторам, определяющим высоту оброка, то сначала необходимо рассмотреть его особую природу. Оброк, выплачиваемый под давлением внеэкономических рычагов, в его количественном отношении определяется волей помещика. Интересы его требуют доведения оброка до возможного максимума. Единственным естественным ограничением является угроза разорения крепостного хозяйства и утраты им способности к налогообложению.

Таким образом, высоту оброка можно будет считать нормальной до тех пор, пока он выплачивается за счет увеличения напряжения трудовых усилий крепостных и снижения их собственного потребления, но не за счет замены или вынужденного создания нового капитала.

Если налоговый пресс приостанавливает замену и создание нового капитала в крестьянском хозяйстве, то, оброчная система начинает подрывать собственные корни.

Разумеется, что оброчные хозяйства, находящиеся в более благоприятных рентообразующих условиях, могут выплачивать помещику и относительно более высокий оброк. Однако такое увеличение оброка следует отнести не за счет производительности труда человека, а за счет земли, и оно являет собой обычную дифференциальную земельную ренту.

В условиях свободной купли-продажи земли и крепостных работников часть оброка, образующаяся за счет земли и в свою очередь образующая земельную ренту, капитализируется и определяет цену на землю, тогда как прочая часть, создающаяся трудом крепостного и представляющая собой крепостную ренту, капитализируясь, определяет товарную цену на крепостного работника.

Не требует доказательства, что крепостная рента определяется способностью предельного крестьянина платить оброк, производя продукцию в наиболее неблагоприятных условиях, тогда как дифференциальная земельная рента определяется соответствующей разницей между способностью к налогообложению предельного крестьянина и любого другого крестьянского хозяйства.

Учитывая существенные качественные различия между образованием и формой уплаты оброка, с одной стороны, и рабовладельческой ренты — с другой, а также различия в организации производства рабовладельческого и мелкого крепостного хозяйства, нельзя ожидать, что крепостная и рабовладельческая ренты будут количественно равны.

Еще значительнее различия в ценообразовании на крепостного работника и раба. Как мы могли уже заметить, в образовании цены на раба очень существенную роль играет себестоимость его приобретения. В крестьянском крепостном хозяйстве на оброке помещик не несет никаких расходов на воспроизводство человеческого материала — причина, почему число крепостных не определяется (как это характерно для рабовладельческого хозяйства) равновесием между предельными доходами и предельной себестоимостью раба. Воспроизводство потомства, а следовательно, и численность крепостных определяют сами крепостные. Поэтому способность к налогообложению, а тем самым и рента предельного крепостного определяются некоторым данным количеством крепостных в данной стране и в данное время.

Сказанного достаточно для морфологической характеристики оброчного крестьянского хозяйства. Противопоставляя эту систему экономическому типу рабовладельческого хозяйства, наглядно убеждаешься в том, что, несмотря на некоторое внешнее сходство правового положения, эти системы принципиально различны и определяются совершенно различными экономическими зависимостями.

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ

Рабовладельческое хозяйство	Оброчное крепостное хозяйство
1. Товарные цены	1. Товарные цены
2. Авансируемый рабовладельцем капитал, циркулирующий в процессе производства в капитализированной форме (Д — Т — Д + п). Этот капитал включает также затраты на содержание раба	2. [Капитальные средства во владении крепостного (процесс производства происходит в формах трудового семейного хозяйства, см. соотв. место в работе): категория не народнохозяйственная, а только натуральная]
3. [Расходы на содержание раба: категория не народнохозяйственная, а только натуральная]	3. Неделимый трудовой доход семьи
4. Прибыль с капитала (процент)	4. Процент на ссудный капитал
5. Рабовладельческая рента	5. Оброк крепостного хозяйства
6. Цена на раба	6. Цена на крепостного
7. Дифференциальная земельная рента	7. Доход типа ренты, который получает помещик в размере оброка как результат воздействия рентообразующих факторов
8. Цена на землю	8. Цена на землю

Приведенное сравнение с достаточной наглядностью характеризует различия, присущие обоим типам хозяйств. Остается лишь добавить, что обе системы не менее различны по форме рентабельности и хозяйственного учета.

В своем понимании рентабельности владелец рабовладельческого хозяйства приближается к несколько видоизмененной формуле капиталистического расчета этого показателя. В графу затрат на место заработной платы он ставит технико-физиологически обусловленные затраты на содержание раба. Чистый доход он расчленяет на три составные: процент на капитал, абсолютная рента и рабовладельческая рента.

Иначе обстоит дело с крепостным оброчным хозяйством, специфической особенностью которого является некоторая расчлененность хозяйственного субъекта и в котором понятие рентабельности в понимании крестьянской семьи сближается с типом рентабельности трудового семейного хозяйства, в то время как система расчета рентабельности, как ее понимает крепостник — помещик и землевладелец, является типичной для ренты и выражает стремление к поиску наиболее рентабельного вложения капитала.

Исследованное здесь различие в природе оброчного и рабовладельческого хозяйства ведет к двум весьма своеобразным выводам национально-экономического порядка. То обстоятельство, что владелец оброчного крестьянина, являясь субъектом собственности и права на присвоение ренты, не является одновременно субъектом собственно производства (каким является владелец рабовладельческого хозяйства), весьма необычно проявляется в том, что оброк в сильной степени подвержен воздействию демографических факторов, от которых рабовладельческая рента совершенно не зависит.

На самом деле. В организации рабовладельческого хозяйства численность рабов всегда может быть приведена в соответствие с потребностью в труде, которая возникает в хозяйстве при оптимальной, т. е. обеспечивающей максимальную рабовладельческую ренту, степени интенсивности. Напротив, в крестьянском хозяйстве соотношение между наличной рабочей силой и размером используемой земельной площади в значительно меньшей степени поддается регулированию со стороны землевладельца и крестьян в направлении оптимума, ибо за редким исключением движение населения при крепостном режиме носит чисто натурально-элементарный характер. Поэтому здесь существует опасность относительного перенаселения, которое, как мы видели при анализе семейного трудового хозяйства, вызывает рост интенсификации выше оптимальной, снижает благосостояние населения и его способность нести налоговое бремя.

Возникает своеобразный феномен отрицательной ренты перенаселения, которая поглощает значительную часть оброка. Единственным выходом из этого положения является переселение части крепостного населения с перенаселенной земли и его использование в целях колонизации малонаселенных районов. Совершенно очевидно, что в этом случае существенно возрастает крепостная рента, которую производит переселенное население, количество которого приведено в оптимальное соотношение с площадью земли. С ростом ренты возрастает и образующаяся в результате капитализации цена на крепостного работника.

Этот рост делает переселение и колонизацию чрезвычайно выгодными как для землевладельца оброчной зоны, так и для самих затронутых этим процессом крестьян.

Завершая сравнительный анализ рабовладельческого и оброчного крепостного хозяйств, подчеркнем, что при прочих равных условиях рыночной конъюнктуры в равных исторических и природных условиях величина образовавшейся в том и другом случае ренты (рабовладельческой и крепостной) не всегда совпадает и, более того, значительно расходится. Не вдаваясь в подробный анализ этой исключительно интересной проблемы, который потребовал бы эмпирического исследования обширного материала, ограничимся лишь упоминанием, что с учетом этого различия в старой России времен крепостного права просматривались зоны преимущественно оброчного хозяйства и зоны с преимуществом хозяйств, для которых был характерен некоторый переход к барщине — форме организации хозяйства, приближающейся к рабовладельческой. Со временем эти зоны меняли свои географические границы под воздействием различ-

ных факторов, так как рабовладельческая рента то здесь, то там уступала место оброчной, зачастую превосходя первую, и, приспосабливаясь к этим изменениям, помещики переводили своих крестьян в зависимости от «конъюнктуры» с барщины на оброк, и обратно.

Большой теоретический интерес представляет анализ часто встречающегося в истории ленного владения аграрным районом с натуральным хозяйством особого вида феодального уклада, при котором несущий производительный слой — облагаемые налогом крестьяне — остается абсолютно натурально-хозяйственным и выплачивает феодальному сюзерену налоги в натуральной форме, а получатели налога — князья, графы, монастыри и т. д.— «реализуют» собранную в натуральной форме земельную и крепостную ренты на отдаленных рынках.

В этой системе, общая экономическая структура которой соответствует изученному нами типу оброчного крепостного хозяйства, особый интерес представляет ценообразование на те из продуктов, которые феодал собирает в форме натурального налога и реализует на отдаленных рынках. Факт себестоимости продукта не может играть здесь никакой роли, если не считать себестоимостью содержание внеэкономического аппарата налоговых сборщиков и контингентов для подавления волнений.

Как известно, владелец оброчных крепостных, феодального поместья весьма слабо участвует в организации производства. Продукция, составляющая его феодальную ренту, является для него величиной, представленной в натуральной форме в результате уплаты налогов верноподданным ему населением поместья, и эту величину нельзя форсировать; не рискуя, конечно же, феодал может до определенной степени изменять состав продуктов, сдаваемых подневольными в качестве натурального налога, и пытаться привести его в соответствие с рыночной конъюнктурой. Но учитывая слабую организационную гибкость крестьянского хозяйства, эта форма хозяйственной активности землевладельца также сталкивается с существенными препятствиями. Поэтому почти всегда хозяйственная деятельность феодала и его появление на рынке обречены на пассивность. Цены на его товар не связаны с его производством и диктуются только емкостью рынка сбыта. Это цены реализации некоторого количества определенных товаров.

В соответствии с этим в системе денежно-меновых отношений р е н т а, поступающая феодалу только в силу его феодального права владения, зависит не только от количества натурального налога, но и от конъюнктуры этой продукции на рынке. Колебания рыночной конъюнктуры, несмотря на постоянство количества продукции, могут влиять на ренту, а тем самым и на цену даже самого феодального владения в ту и другую сторону.

Единственно возможная хозяйственная деятельность феодала ограничивается поэтому лишь некоторыми политико-экономическими мероприятиями, которые представляются ему необходимыми, чтобы поднять благосостояние его подданных и, следовательно, их способность к налогообложению.

Кроме перечисленных пяти основных типов некапиталистической организации хозяйства, в прошлом и даже в настоящем нашей экономики имеется целый ряд других переходных и даже самостоятельных форм.

Так, в основном массиве крестьянского аграрного хозяйства мы находим вкрапления полутрудовых хозяйств — фермерского хозяйства как варианта семейного трудового хозяйства. В этом варианте наряду с рабочей силой семьи используется наемный труд, хотя и не в такой степени, чтобы придать ему капиталистический характер. В теоретическом плане наличие в этом варианте категории заработной платы должно, по-видимому, несколько изменить содержание прочих категорий трудового хозяйства, но не может полностью заменить их категориями капиталистического уклада.

Далее приходится, без сомнения, признать, что барщина периода крепостного права в России не является рабовладением в смысле негритянского рабовладения в Америке или рабовладельческих систем античного мира, хотя и сближается с ними, и что регулирующие барщину экономические закономерности не совпадают более с теми, которые выявлены нами в крепостном оброчном хозяйстве.

Невозможно также втиснуть античный ойкос целиком ни в один из типов изученных нами чисто экономических систем.

По всей вероятности, формы непрерывно развивающейся системы трестирования капиталистической промышленности и коммунального капитализма, заявившие о себе в начале XX в., также не улягутся в готовые схемы классической политической экономии и потребуют пересмотра ее положений.

Неожиданных осложнений в экономической теории следует также ожидать от быстро развивающейся на наших глазах системы сельскохозяйственных кооперативов.

И тем не менее мы предпочитаем ограничиться сказанным, ибо проделанный анализ пяти различных видов хозяйств уже достаточен, чтобы доказать неприменимость привычных категорий политической экономии ко всем случаям экономической жизни. Задачей данной краткой работы не может быть разработка исчерпывающей теории некапиталистических форм хозяйства.

Нам следует, пожалуй, допустить одно исключение, а именно для системы народного хозяйства, которая хотя и не нашла еще своего полного осуществления, привлекла уже тем не менее к себе внимание современной теоретической мысли. Мы имеем

в виду систему государственного коллективизма, или коммунизма, основы которой в разные эпохи исторического развития человеческого общества излагались в трактатах теоретиков этой системы, а позже встречаются в попытках его практического осуществления.

К сожалению, ни Маркс, ни его наиболее значительные адепты, критикуя капиталистическое общество, не попытались подробнее развить положительные основы организационной структуры социалистического хозяйства. Поэтому нам надлежит сделать попытку построить его теорию, в исходных положениях которой мы используем некоторые замечания Маркса, высказанные в «Нищете философии»*, а также работы Н. И. Бухарина и Е. С. Варги*, но в первую очередь идеи, нашедшие практическое применение в попытках коммунистического строительства в различных европейских странах в период 1918—1920 гг.

Согласно этим построениям, коммунизм представляется как народнохозяйственная система, в которой уничтожены все без остатка экономические данности капиталистического общества, все категории капиталистического хозяйства — капитал, процент на капитал, заработная плата, рента, но сохранен и даже усовершенствован весь технический производственный аппарат современной экономики.

В коммунистической экономической системе, которая должна выполнить возложенные на нее задачи, народное хозяйство задумано как единое огромное хозяйство всего народа, воля которого задает ему направление посредством государственных органов, их инструментов, и которое (хозяйство) управляется ими на основании единого хозяйственного плана, учитывающего и полностью реализующего все технические возможности, все благоприятные естественные условия.

Так как хозяйство задумано единым, обмен и деньги как объективные социальные явления отпадают[5]. Произведенные продукты перестают быть стоимостями в смысле денежно-меновых отношений. Они уже только блага, которые распределяются согласно государственному плану потребления. Вся специфическая экономика этого режима сводится к разработке государственного плана потребления и производства, а также обеспечения равновесия между ними.

Напряженность рабочей силы доводится здесь, очевидно, как в случае семейного хозяйства, до того момента, когда достигается равновесие между тяжестью труда и мерой удовлетворения потребностей общества. Момент этот, очевидно, определяют

[5] Таксы не являются ценами в системе экономического феномена, подчиняющегося собственным, свойственным только ему закономерностям.

те самые государственные органы, которые разрабатывают и согласовывают планы производства и потребления.

Так как определяемый государством уровень благосостояния каждого отдельного трудящегося не связан с производительностью его труда (с количеством созданного им продукта), то силой, стимулирующей его к труду, должно быть общественное сознание, а также государственные меры принуждения и, возможно, определенная премиальная система.

В отличие от всех изученных до сих пор народнохозяйственных систем, которые могут существовать чисто автоматически, элементарно, для поддержания и развития коммунистического экономического строя согласно государственному плану необходимы непрерывные общественные усилия, а для пресечения возникновения не предусмотренной государственным планом хозяйственной деятельности — целый ряд мер экономического и внеэкономического принуждения.

Итак, в системе государственного коммунизма не существует ни одной из народнохозяйственных категорий, типичных для рассмотренных нами экономических укладов. Исключением является чисто технический процесс производства и воспроизводства средств производства.

Нарисованная нами картина, отражающая морфологию системы, мало способствует уяснению ее динамики. Но это, по-видимому, возможно лишь при длительном изучении режима и его функционирования и не ранее того, как его идеологи и теоретики создадут стройную организационную теорию[6].

Резюмируя результаты проделанного анализа, мы приводим таблицу, которая дает наглядное представление о наличии или отсутствии той или иной категории в соответствующей хозяйственной системе.

Обобщив в таблице выделенные нами системы народнохо-

[6] Мне представляется, что нам следует подождать, пока они ответят на следующие три вопроса, разрешение которых смогло бы конкретизировать представление о механизме социалистической экономики:

1. При помощи каких методов и на каких принципах при составлении государственного плана производства и потребления определяются степень общественного напряжения рабочей силы, меры удовлетворения потребностей и необходимое равновесие между ними?

2. Чем стимулируется трудящийся к труду, чтобы диктуемую ему производственным планом производительность он не воспринимал как тягостную и практически ее добивался?

3 Какие меры могут предотвратить опасные возникновения в социалистическом обществе на основе новых производственных отношений новой классовой прослойки, которая могла бы создать такие формы распределения социального дохода, при которых режим в целом утратит присущее ему первоначально высокое идейное содержание?

Вне решения этих проблем режим социалистической экономики может быть очерчен лишь в своих общих морфологических формах*.

зяйственных категорий, на основании анализа мы можем сделать некоторые теоретические выводы.

Прежде всего примем бесспорное утверждение о том, что нынешняя капиталистическая форма хозяйства есть лишь частный случай народнохозяйственной жизни и что значимость и сущность возникшей на ее почве и посвященной ее теоретическому изучению научной дисциплины — политической экономии в ее современном виде — не могут быть распространены на другие организационные формы экономической жизни. Обобщения, которые делают современные авторы современных политэкономических теорий, порождают лишь фикцию и затемняют понимание сущности некапиталистических формирований как прошлой, так и современной экономической жизни.

Сводная таблица

Народнохозяйственные категории	Народнохозяйственные системы							
		Семейные формы				Феодальн[1]. системы		
	Капитализм	товарного хозяйства	натурального хозяйства	Рабовладельческое хозяйство	Оброчное крепостное хозяйство	Помещичье хозяйство	Крестьянское хозяйство	Коммунизм*
Цена товара	+	+	—	+	+	+	—	—
Единый неделимый трудовой доход семьи	—	+	+	—	+	—	+	—
Технический процесс производства и воспроизводства средств производства	+	+	+	+	+	—	+	+
Авансируемый предпринимателем капитал, циркулирующий по формуле Д—Т—Д+п	+	—	—	+	—	—	—	—
Процент на капитал в форме дохода рантье	+	+	—	+	+	+	—	—
Заработная плата	+	—	—	—	—	—	—	+
Рабовладельческая и соотв. крепостная рента	—	—	—	+	+	+	+	—
Цена на раба и соотв. на крепостного	—	—	—	+	+	+	—	—
Дифференциальная рента	+	+	—	+	+[2]	+[3]	—	—
Цена на землю	+	+	—	+	+	+	—	—
Государственный производственный план	—	—	—	—	—	—	—	+
Необходимые для поддержания режима внеэкономические меры принуждения	—	—	+	+	+	+	+	+

[1] Феодальное хозяйство представляет собой симбиоз натурального трудового хозяйства налогооблагаемых крестьян, с одной стороны, и феодала, продающего товар и ориентирующегося на денежно-меновые отношения, — с другой. В связи с этим ему присущи два в своем существе различных экономических субъекта и две не совпадающие в своих отдельных элементах системы народнохозяйственных категорий. Это обстоятельство заставило нас в приведенной таблице посвятить феодальному хозяйству две графы.

[2] Рента не показана здесь как особая самостоятельная категория дохода, однако рентообразующие факторы воздействуют на величину единого неделимого трудового дохода семьи

[3] Здесь рента присутствует как народнохозяйственная категория дохода, однако ее генезис отличен от генезиса ренты капиталистической системы.

Изложенные выше обстоятельства, очевидно, уже не однажды обращали на себя внимание научных кругов, и в последнее время нередко выражалась мысль о том, что было бы весьма полезно создание универсальной экономической теории, понятия и законы которой охватывали бы все возможные структуры экономической жизни человеческого общества.

Попытаемся выяснить, возможно ли построение подобной универсальной теории и может ли она служить средством научного познания.

С этой целью проведем сравнение уже изученных нами вариантов народнохозяйственных формаций и выделим общие для всех их принципы и явления, которых оказалось пять:

1. Необходимость с целью организации производства вооружить человека как рабочую силу различными средствами производства и направить на их создание и замену часть годового производственного дохода.

2. Возможность благодаря применению принципа разделения труда значительно повышать как производственно-техническую, так и понимаемую в социальном смысле производительность труда.

3. Возможность осуществлять сельскохозяйственное производство с различной степенью напряженности труда и при различном уровне удельной концентрации средств производства на единицу площади, а также путем интенсификации предприятия увеличивать массу продукции на единицу площади и рабочей силы. Следует при этом учесть, что доход увеличивается менее быстро, чем затраты труда и средств производства.

4. Рост производительности труда и массы продукции на единицу площади как следствие более плодородной земли, более благоприятного рельефа и прочих природно-климатических условий.

5. Как следствие относительно более высокой производительности труда человека возможность производить одним работником бо́льшую массу продукции, чем необходимо для поддержания его жизни, трудоспособности, воспроизводства потомства и содержания семьи. Это обстоятельство является условием всякого социального и государственного строительства.

Анализируя приведенные выше пять универсальных принципов экономической деятельности людей, легко заметить, что во всех случаях речь идет о явлениях натурально-технического порядка. Это экономика вещей в натуре.

Эти явления зачастую игнорируются экономистами-теоретиками и считаются интересными только с точки зрения производственной техники, а ведь они чрезвычайно важны. Среди хаоса послевоенных событий их значение представляется нам особенно четко после того, как сложная конструкция народнохозяйственного аппарата капиталистического общества надломилась и деньги утратили присущее им свойство быть абстрактным выражением стоимости.

В пяти приведенных нами принципах не содержится никакого элемента оценки вещей и явлений. Если такая оценка появляется и на ее основе формируется социально-экономический феномен объективной стоимости, то все вещи как бы обретают вторую сущность. Они превращаются в стоимости, а процесс производства наряду со своим натуральным приобретает также и стоимостное выражение *.

И только тогда появляются все те выявленные нами народнохозяйственные категории, которые в соответствии с социально-правовой структурой общества образуют одну из изученных нами специфических стоимостно-экономических систем народного хозяйства.

«Стоимостная» система охватывает своими категориями первоначально натуральные производственные процессы и подчиняет все специфическому для себя экономическому стоимостному учету *.

Каждая из этих систем по своей природе глубоко индивидуальна, и попытка обобщить все системы в рамках какой-либо одной общеупотребительной теории может породить лишь общие, лишенные смысла фразы вроде известных и идеально типичных «преувеличивающих» констатаций фактов, что, мол, во всех системах предприятие стремится добиться максимального эффекта при минимальных затратах и тому подобные сентенции.

Поэтому в теоретической экономике представляется более рациональным для каждого народнохозяйственного режима разрабатывать частную политическую экономию.

Единственной трудностью на этом пути является то, что в реальной экономической жизни мы очень редко встречаем какой-либо народнохозяйственный уклад в виде (пользуясь термином биологии) «чистой культуры». Экономические системы сосуществуют обычно рядом и порождают весьма сложные конгломераты.

Даже в наше время в мировое капиталистическое хозяйство вкраплены значительные массы крестьянских трудовых семейных хозяйств, а в колониях и азиатских государствах все еще распространены экономические структуры, близкие к рабовладельческим или феодальным.

Анализируя прошлое экономики, мы еще долго и часто, если не постоянно, будем свидетелями такого сосуществования форм — либо первоначального капитализма с феодальным и крепостническим, либо рабовладельческого хозяйства с крепостным и свободным трудовым семейным производством и т. д.

В этих случаях каждая система, оставаясь замкнутой в себе, будет соприкасаться с другими объективно общими народнохозяйственными элементами, которые в нашей таблице при сравнении систем совпадают. Этот контакт будет обычно иметь место на уровне рыночных товарных цен и цен на землю.

Так, например, в России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо сравнительно малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала капитализированная рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам.*

Иное дело, когда высокая земельная рента, которую давало в Англии XVIII в. крупное капиталистическое овцеводство, обусловливала ограбление крестьянского арендаторства, которое не было в состоянии обеспечить латифундистам столь же высокую ренту.

Не менее характерна замена барщины оброком, и наоборот, в различные периоды истории русского крепостного права, что каждый раз было вызвано превышением рабовладельческой ренты оброком и соответственно наоборот. И не исключено, что экономическую причину уничтожения рабовладения следует искать в том, что рента капиталистического предприятия, основанного на наемном труде, превышала сумму земельной и рабовладельческой ренты. Это, а также ряд аналогичных примеров исключают сомнения в огромном значении проблемы сосуществования различных хозяйственных систем. Ныне, когда наш мир постепенно перестает быть миром лишь европейским и когда Азия и Африка с их своеобычными экономическими формациями вступают в круг нашей жизни и культуры, мы вынуждены ориентировать наши теоретические интересы на проблемы некапиталистических экономических систем.

При этом у нас не вызывает сомнения, что будущее экономической науки состоит не в создании одной-единственной универсальной теории экономической жизни народа, а в разработке ряда теоретических систем, соответствующих как еще существующим, так и ушедшим в прошлое социально-экономическим укладам и исследующих формы их существования и эволюции.

ЭН

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА[1]

Позвольте в самых кратких чертах выдвинуть мои положения. Я специально по вопросу дифференциации только еще начинаю работать и рассматриваю этот вопрос совершенно в другой плоскости, чем он трактовался сейчас,— а именно с точки зрения производственной организации хозяйства разных социальных групп. Поэтому через 2—3 года я смогу, по всей вероятности, на основании исследовательской работы выдвинуть некоторые свои положения. А сейчас я хочу сделать только несколько общих замечаний, причем они будут относиться скорее к постановке вопроса, чем к его разрешению. У меня нет тех материалов, которые имеет Н. П. Макаров, и того большого опыта в этом вопросе, которым обладает А. Н. Челинцев.* Мое построение будет носить более дедуктивный и методологический характер.

Прежде всего о том, что в сущности представляет проблема дифференциации. С очень многими словами, особенно в области экономических наук, случилось неприятное происшествие: они перегружены смыслом. С одним словом связывается много смысловых понятий и образов. В сущности, когда один человек говорит экономический термин, он понимает его в одном смысле, а другой человек понимает в другом. Поэтому прежде чем говорить о дифференциации, нужно договориться, что это такое и какая в сущности проблема стоит перед нами. Иначе мы будем иметь перед собой целый Ноев ковчег различных образов и понятий.

Если мы обратимся к истории вопроса, то увидим, что под дифференциацией в конце XIX и начале XX в. понимался, как известно, процесс, параллельный с процессом концентрации производства в промышленности, т. е. борьба крупных, средних и мелких предприятий в условиях решающего технического

[1] Стеиограмма доклада для настоящего текста дополнена несколькими таблицами в части, трактующей о демографической дифференциации

перевеса крупных предприятий. Эти крупные предприятия постепенно вытесняли мелкие предприятия, пролетаризировали ремесленников и в конце концов реорганизовали промышленность по принципу горизонтальной концентрации крупных предприятий. Вымывание середины, разложение ремесленно-мелких предприятий и их пролетаризация — вот, следовательно, тот процесс, который подразумевался в классическом понятии дифференциации.

В этой постановке вопроса мы имеем твердое, ясное понимание проблемы и точную градацию хозяйств по их крупности. Середина постепенно вымывалась, а крупные предприятия становились все более крупными и неуклонно удерживали свои позиции. Обратно, ремесленные кадры неуклонно разоряются и в конце концов пролетаризируются и превращаются в кадры пролетариата. Эта схема совершенно ясно и точно говорит о характере изучаемого социального процесса. В условиях промышленности этот процесс имел и имеет определенное место.

С какой же точки зрения можно подходить и к сельскому хозяйству капиталистических стран. Недавно выпущенная работа П. А. Вихляева вполне правильно и отчетливо ставит этот вопрос именно в этой плоскости.* Отмечая и процесс нивелировки, и дифференциацию в разных странах Западной Европы и Америки, он разбирает вопрос о дифференциации не в пределах крестьянского хозяйства, а в пределах всего сельскохозяйственного производства в целом. Он указывает, что в некоторых странах крупные латифундии противостоят всему крестьянскому хозяйству. Средние по размерам капиталистические хозяйства вымываются историческим процессом, отдельные хозяйства из этого среднего слоя интегрируются и образуют, сливаясь, свекольную и другие латифундии.

При всем интересе такой постановки вопроса мы должны признать, что в СССР в условиях 1927 г. так вопрос ставиться не может. Перед нами в сущности стоит совершенно другая проблема. Мы не имеем ни крупных, ни средних капиталистических хозяйств в земледелии и не можем, следовательно, рассматривать вопрос в такой постановке. Понятие дифференциации, имеющее для нас актуальное значение, носит другой характер. Для того чтобы возможно глубже понять мою постановку вопроса, мы должны прежде всего вскрыть, в каких именно условиях народного хозяйства совершаются интересующие нас процессы дифференциации. Именно этот вопрос является всегда решающим для постановки всей плоскости понимания и дальнейшего анализа.

Если мы поставим перед собой задачу выяснить основные типы состояния населенности страны и расположения в ней сельскохозяйственного производства, то в большинстве случаев мы будем иметь перед собой два основных типа: с одной

стороны, все страны, где демографический состав страны и штандарт ее сельского хозяйства образовались в условиях уже товарного хозяйства.

Таковы Америка, Австралия, некоторые другие страны Нового Света и некоторые страны Западной Европы. В этих условиях мы имеем всегда совершенно определенный тип сложения штандарта сельского хозяйства.

Он всецело определяется рынком. Свойственные ему зоны отдельных систем хозяйства размещаются по изоценам. Этими системами определяется количество потребного для сельского хозяйства труда, благодаря чему население также осаждается по этим изоценам. Достаточно взять Соединенные Штаты Америки, посмотреть линию изоцен, чтобы видеть точно выраженную картину описанного порядка. Рынок создает системы сельского хозяйства в целом, население размещается сообразно требованию сельского хозяйства в рабочих руках и рассаживается совершенно точно сообразно высотам изоцен.

Другое положение мы имеем в условиях натурального хозяйства. При натуральном хозяйстве изоцены не могут существовать, а не существуя, они не могут определять собой и самого штандарта сельского хозяйства. Поэтому в условиях натурального хозяйства мы имеем другие типы сложения сельскохозяйственного производства и размещения населения.

В большинстве случаев фактором, определяющим системы хозяйства и размещение населения в странах, являются естественно-исторические условия, с одной стороны, а с другой — те исторические (часто стратегические) соображения, которые руководят эмиграционными потоками стран натурального хозяйства.

Таким образом, мы видим, что в странах натурального сельского хозяйства при равных стратегических условиях перед нами такое размещение населения и сельского хозяйства, которое дает максимумы в наиболее плодородных районах.

Предположите теперь, что некоторые страны, которые находились в условиях натурального хозяйства, переходят к системам хозяйства товарного. В результате этого перехода требуемый рынком уровень населенности не будет соответствовать густоте населения, реально уже сидящего на земле и сложившегося сообразно с естественно-историческими условиями.

Такое положение в настоящее время мы и переживаем в условиях наших советских равнин. Если вы посмотрите очень внимательно на густоту населения, на распределение его, скажем, по картам XIX в.— начала, середины и конца, то увидите, что центральное сгущение этого населения отражает натуральный тип хозяйства. Вы видите, что это население на время продолжает оставаться сгущением в тех местах, где оно сгущалось еще до развития парового транспорта.

С развитием товарных форм хозяйства на это размещение населения, сложившееся при натуральном строе, набрасывается система изоцен, определяющая условия товарного производства. Само собой понятно, что объективная степень интенсивности, объективная система хозяйства, объективная плотность населения, потребность в рабочих руках должны при переходе к товарным формам стать иными, чем те, которые были и есть в наличности.

Мною с весьма большой схематизацией была выполнена небольшая карта, где сопоставлены течения наших изоцен зерновых хлебов с размещением населения *.

Рассматривая карту, мы видим, что наиболее высокие изоцены хлебов у нас тяготеют к портам Балтийского и Черного морей, к Московскому промышленному району и к зонам неземледельческих областей (Туркестан и Крайний Север). Полоса наиболее низких цен идет по центрально-земледельческим районам и равнинам Сибири.

Приглядываясь к развитию системы изоцен, мы вправе были бы предположить, что население, если бы оно складывалось при товарном строе хозяйства, должно было бы по своей плотности соответствовать высоте изоцен.

На самом же деле размещение сельского населения, а также отчасти и штандарт сельского хозяйства все еще отражают собой условия уже изжитого натурального хозяйства, и наибольший сгусток населенности падает на Центрально-земледельческий район, т. е. на район наиболее низких изоцен Эта дисгармония и является основой для всей истории нашего хозяйства последнего столетия.

Мы видим полное несоответствие рыночных требований и реального размещения населения; именно отсюда и происходит давящее нас аграрное перенаселение центральных и юго-западных районов СССР. Именно здесь мы видим целый ряд процессов миграции, развитие кабальных форм взаимоотношений между хозяйствами. Массовое крестьянское хозяйство, перестраивающееся из натуральных форм в товарные и попадающее при этом в состояние коллизии превышения наличного состава населения над количеством рабочих рук, требуемых рыночно-оптимальными формами хозяйства, естественно теряет свою однородность и испытывает самые резкие процессы дифференциации и развитие эксплуатации отношений.

Однако эти процессы дифференциации столь же естественно не имеют ничего общего ни с борьбой крупного капиталистического хозяйства Европы и Америки с трудовыми и полутрудовыми формами его, ни даже с процессами дифференциации в Заволжье и на Кубани, ни с тем положением вещей, которое мы можем наблюдать в Московском промышленном районе, где

процессы дифференциации имеют совершенно иную природу и иные факторы.

Поэтому я полагаю, что для того чтобы правильно поставить вопрос и получить актуальные выводы, мы должны точно и детально разобраться в каждом отдельном случае, что за процессы дифференциации перед нами, расчленить их, совершенно точно установить, что же мы хотим в каждом отдельном случае изучать, как и насколько этот процесс мы можем уловить статистическими измерителями, и, наконец, поместить его в общую систему народного хозяйства изучаемой страны.

Проделывая эту работу, я считаю, что возможно разграничить целый ряд отдельных процессов, которые все могут входить в понятие дифференциации хозяйства и которые имеют совершенно различное социально-экономическое содержание.

Важнейшим из всех этих вопросов является вопрос о том, произойдет ли при переходе от полунатуральных форм нашего сельского хозяйства к формам товарным перерождение нашего основного народнохозяйственного массива крестьянского семейного хозяйства в хозяйства американского фермерского типа, построенного на полукапиталистических, полутрудовых основах? Как и с какой скоростью этот процесс протекает и можем ли мы ожидать, что в ближайший исторический период в условиях нашего Земельного кодекса и вообще нашей экономической политики этот процесс может принять широкие размеры?

Здесь вопрос идет не о крупности, а о самом социальном типе хозяйства, дело не в организации техники производства, а в организации социальной структуры этого производства. Будем ли мы иметь фермерское по типу хозяйство или не будем иметь?

Вот самый основной, самый крупный вопрос во всей проблеме дифференциации. При этой постановке все остальное имеет несколько меньшее значение, потому что если нам суждено идти по типу американского хозяйства, это обусловливает одну плоскость рассмотрения всех вообще вопросов, связанных с сельским хозяйством, а в противном случае плоскость рассмотрения должна быть совершенно иной. Потому-то я и считаю необходимым поставить во главу угла вопрос о том, дифференцируются ли наши хозяйства в плоскости кристаллизации фермерско-предпринимательских хозяйств и выделяются ли эти элементы в общей массе семейных хозяйств или нет?

Кроме этого вопроса, на фоне действия тех же основных социальных факторов мы можем проследить и другой процесс — дифференциации этого сельскохозяйственного населения в виде

отщепления от него промыслового населения, то, что было в свое время блестяще проанализировано Н. Н. Гиммер-Сухановым *.

Для населения, сидящего на самых низких изоценах в аграрно-перенаселенном состоянии, это есть вопрос о типе эволюции или в сторону частичного отхода от земледелия, или в сторону приспособления своего сельского хозяйства к новым невыгодным рыночным условиям.

Вопрос этот является не менее важным, чем предыдущий.

Помимо всего прочего, для нас исключительно важно знать, из каких социальных групп создаются резервные армии промышленного труда. При каких условиях усиливаются или ослабевают процессы этого отделения и какую связь сохраняет отошедшее от земледелия население с сельским хозяйством. В сущности говоря, здесь наиболее актуальным и общим вопросом является вопрос типа нашего пролетария в будущее десятилетие. Будем ли мы иметь в результате дифференциацию профессионального пролетария, порвавшего с земледелием, или же мы будем иметь новые кадры наших старых знакомых полукрестьян-полурабочих, которые не теряют связи с деревней. Этот вопрос исключительно народнохозяйственной значимости.

Третий момент, также связанный с проблемой дифференциации, представляет не менее большой социальный интерес. Известно, что на почве описанного нами процесса аграрного перенаселения в условиях семейного общинного хозяйства всегда создаются условия для развития кабальных форм эксплуатации в форме ростовщического кредита, в форме предоставления на кабальных условиях средств производства, а также в виде товарной эксплуатации. Нам необходимо изучить, имеет ли место этот процесс у нас, и если имеет, то каковы условия, каковы факторы, каковы размеры и каковы хозяйственные последствия этой формы эксплуатации отдельных слоев крестьянства другими слоями.

Необходимо подчеркнуть, что этот процесс совершенно другой, чем создание фермерского типа хозяйства, потому что он почти прямо предполагает отсутствие фермерского хозяйства и как раз дает наиболее пышные ростки в условиях натурального хозяйства.

Наконец, последний вопрос дифференциации крестьянского хозяйства есть вопрос дифференциации хозяйств, связанный с изменениями структуры производства, с выделением из общей массы хозяйств специального вспомогательного значения: семенных, племенных, предприятий по первичной переработке, транспортных и т. п. Здесь очень часто мы имеем дело с получением капиталистической прибавочной стоимости, но в то же время перед нами не бытовая кабальная эксплуатация, а развитие нормальных капиталистических предприятий.

В данном случае я имею в виду не локальное выделение каких-либо специальных культур, не локализацию сельскохозяйственного производства в пространстве, а расщепление процесса сельскохозяйственного производства в пределах одного и того же района, своеобразное «разделение труда» между хозяйствами. Процесс этот очень сложен, и, к сожалению, его часто смешивают с формами кабальной эксплуатации, что на самом деле далеко не всегда правильно.

Из нескольких примеров моя мысль будет ясна.

Возьмем элементарные формы свиноводства. В них мы имеем процессы случки, выращивания поросят, откорма и убоя, объединенных в одном хозяйстве. В наиболее развитых районах свиноводства в Америке эти четыре процесса распадаются на четыре типа хозяйств — мы имеем случные пункты, свиные рассадники, откормочные хозяйства и свиные бойни.

Далее, во Фландрии процесс производства льна, объединенный у нас в одном хозяйстве часто вплоть до чесания кудели, дифференцирован на семейные хозяйства, льноводные, мочальные и трепальные заведения и заведения по ческе льна.

Такого же типа организацию мы находим во многих отраслях первичной переработки, в племенном животноводстве, молотьбе, тракторах и пр.

Несомненно, что в том случае, когда эти узкоспециализировавшиеся хозяйства построены на наемном труде, развитие такого рода хозяйств есть крупный шаг в развитии деревенского капитализма. Но все же исходя из этого совершенно невозможно сваливать все эти хозяйства в одну кучу с формами кабальной эксплуатации и считать, что всякий работающий по найму тракторист или содержатель паровой молотилки или другого крупного орудия, мельник или хозяин племенного быка, работающего на случках за плату, есть представитель кабальных форм эксплуатации.

Вот те четыре процесса, которые мы должны выделить, отдельно проанализировать потому, что каждый имеет свою особую социально-экономическую сущность.

Итак, первый вопрос: создается или не создается фермерский тип хозяйства? Происходит ли перерождение самих крестьянских масс, и если создается, то под давлением каких факторов и в каком количественном масштабе?

Второй вопрос: в каких размерах создается дифференциация сельскохозяйственного населения в плоскости отхода индустриального типа?

В-третьих, как развиваются и при каких условиях кабальные формы эксплуатации?

И наконец, в-четвертых, каким образом в порядке создания отдельных монопредприятий создается дифференциация производственного типа?

Вот, по сути дела, что мы имеем перед собой и что представляет для нас актуальный интерес. Все эти четыре процесса частью уже освещены, частью будут освещены А. Н. Челинцевым, Н. П. Макаровым, Г. И. Баскиным и другими докладчиками *. Поэтому я, настаивая на их расчленении, остановлюсь только на одном вопросе, который пока еще не рассматривался и который, по моему убеждению, **не имеет актуального значения**, но забвение которого может помешать изучению четырех предыдущих.

Дело в том, что все эти четыре процесса совершаются на фоне обычных процессов дифференциации демографического (семейного) порядка, зависящей от присущей семейному хозяйству связи размеров хозяйства с размерами семьи. Это является основным фоном проблемы дифференциации и особенно выражается в посевных группировках и в размерах семьи. В сущности оно для нас не интересно. Это есть определенное, столетиями существующее положение вещей, общее свойство всякого массива крестьянских семейных хозяйств, его надо учитывать и в то же время иллюминировать (освещать.— *Ред.*), не смешивать с ним процессы дифференциации, которые я выше указал.

Еще в 1923 г. в своей работе «Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft» * я указывал, что если бы даже в крестьянской среде не существовало никакой социальной и капиталистической дифференциации, а находились бы в действии только обычные бытовые процессы развития крестьянской семьи с момента выделения из отцовского дома до момента постепенного обрастания едоками и работниками и конечного земельного раздела, начинающего новые циклы развития, то при общинном землепользовании и краткосрочных арендах это было бы достаточно для сильной дифференциации по уровню посевных группировок и скоту.

Процесс этот, происходящий благодаря взаимосвязи между размерами семьи и хозяйства, настолько важен для понимания социального строения деревни, что мы считаем необходимым остановиться на нем с особенной подробностью, тем более что другие докладчики, насколько мне известно, его вовсе не будут касаться.

Уже весьма давно, при самых первых случаях применения земскими статистиками посевных группировок, была установлена связь размеров посевной площади хозяйства и размеров семьи, связанной с этим хозяйством. Все разработки подворных исследований крестьянского хозяйства давали в этом отношении тот же самый характер связи этих двух величин. Например, опираясь на сводную работу Б. Н. Книповича *, мы можем дать следующий ряд справок этой взаимосвязи по губерниям:

Таблица 1

Группы по посевн. пл. в дес.	На одно хозяйство		Группы по посевн. пл. в дес.	На одно хозяйство	
	Дес. удобн. земли	Душ обоего пола		Дес. удобн. земли	Душ обоего пола
Вятская			**Полтавская**		
0	1,2	2,8	0	2,5	4,9
0—1	4,5	3,5	0—1	1,5	4,9
1—2½	8,9	4,4	1—2	2,5	5,1
2½—5	12,6	5,3	2—3	3,6	5,4
5—7½	16,6	6,2	3—6	5,2	6,0
7½—10	21,0	7,2	6—9	9,5	6,8
10—15	27,7	8,6	9—15	15,8	7,5
15—20	36,5	10,7	15—25	28,0	8,5
Св. 20	51,2	12,8	25—50	54,5	9,5
—	—	—	Св. 50	144,0	11,2
Владимирская			**Ярославская**		
0	0,2	3,2	0	1,4	2,8
0—3	4,9	5,3	0—1	4,8	4,1
3—6	9,4	6,6	1—2	7,3	5,1
6—9	14,2	8,3	2—3	10,5	6,0
9—12	20,1	9,8	3—4	14,4	6,9
Св. 12	31,1	12,0	Св. 4	21,2	8,6
Тульская			**Самарская**		
0	0	1,0	0	0	3,5
0—1	0,4	3,4	0—3	1,8	4,4
1—2	1,4	4,4	3—6	4,5	5,2
2—5	3,4	6,2	6—9	7,5	6,1
5—10	6,9	8,4	9—12	10,5	6,9
10—15	11,0	11,0	12—15	13,5	7,5
15—25	17,7	12,6	15—20	17,4	8,2
Св. 25	23,9	14,4	20—30	24,1	9,4
—	—	—	30—40	34,2	10,9
—	—	—	Св. 40	65,9	11,3
Калужская			**Вологодская**		
0	0	3,6	0	9,1	2,5
0—3	2,0	4,8	0—2	7,4	4,1
3—6	4,3	6,0	2—3	12,0	5,3
6—9	7,1	7,3	3—6	16,6	6,2
Св. 9	11,3	8,4	Св. 6	19,1	7,5
—	—	—	—	—	—

Прослеживая развитие функций, мы можем установить резко выраженную зависимость развития семьи и размеров площади землепользования.

Характер этой зависимости для разных районов в зависимости от различий в укладе народнохозяйственной жизни неодинаков.

Так, в северных — Вятской, Ярославской, Вологодской губерниях, там, где сильно развиты промысловые заработки, развитие площади землепользования прямо пропорционально развитию семьи; в земледельческом районе — Туле, Самаре и Полтаве — кривая землепользования по мере своего развития заметно ускоряет темп нарастания.

Однако и в том и другом случае развитие кривых-зависимости настолько закономерно, что для многих губерний может быть легко выражено математической формулой. Так, например, для Самарской губернии, если величину семьи (число душ) обозначить через x, то количество удобной земли, приходящейся на один двор, в условиях анализируемой нами группировки будет равно Y:

$$Y = 0{,}36x^2 - 0{,}52x - 2{,}6,$$

а для Вятской губернии еще проще:

$$Y = 4{,}38x - 10{,}5.$$

Нижеследующая таблица говорит нам, поскольку указанные формулы точно выражают собой течение кривых:

Таблица 2

Самарская губерния			Вятская губерния		
Число душ в семье (x)	Десятин посева на один двор (Y)		Число душ в семье (x)	Десятин посева на один двор (Y)	
	по формуле	по наблюдению		по формуле	по наблюдению
4,4	2,0	1,8	3,5	4,8	4,5
5,2	4,4	4,5	4,4	8,8	8,9
6,1	7,6	7,5	5,3	12,7	12,6
6,9	10,7	10,5	6,2	16,7	16,6
7,5	14,7	13,5	7,2	21,1	21,0
8,2	17,3	17,4	8,6	27,2	17,0
9,4	24,3	24,1	10,7	36,3	36,5
10,9	34,5	34,1			

Говоря иначе, можно считать вполне установленным, что при массовом наблюдении на крестьянском хозяйстве взаимосвязи этих двух величин они представляют собой вполне доказанный факт. Произведенное нами исчисление коэффициента силы корреляционной связи между ними дало также довольно заметную величину.

Так, например, мы имеем:

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между размерами посевной площади и числом едоков и работников крестьянской семьи

Губернии и уезды	Число едоков	Число работников
Вологодский уезд . .	0,43	0,43
Смоленская губ. . . .	0,60	0,58
Бельский уезд . . .	0,40	0,40
Старобельский уезд	0,73	0,60
Новгородская губ. . .	0,46	0,45
Киргизские хозяйства Кустанайский и Актюбинский уезды (с числом скота)	0,59	0,56

Факт связи, таким образом, устанавливается несомненный. Остается после признания факта отмеченной связи вскрыть ее содержание, т. е., говоря проще, определить, что же из этих двух взаимосвязанных элементов является причиной и что следствием — кто кого определяет. На этот вопрос, как известно, существуют две взаимно противоположные точки зрения. С одной стороны, С. Н. Прокопович и ряд других экономистов считают, что единственно определяющей величиной в данном случае является размер посевной площади, которая является величиной данной и к которой подгоняется сам состав семьи *. Крестьянская семья, предполагают они, в своем размере вполне подчинена материальным условиям своего существования и поэтому только тогда может достигнуть крупных размеров, когда обеспечена надлежащими средствами производства или в форме земли, или в форме скота и других средств производства в хозяйствах других типов.

В противоположность этой точке зрения многие из исследователей, принадлежащих к организационно-производственной школе, считали связь обратной, указывая, что в условиях общинного хозяйства и арендных форм мобилизации земли, которые были свойственны крестьянскому хозяйству, земельная площадь гораздо более подвижна, чем состав семьи, и, по всем вероятиям, указанная связь должна пониматься как зависимость распределения земельной площади от демографического развития семьи. В свое время автор настоящей статьи, анализируя Старобельский уезд, пытался обосновать это свое положение тем обстоятельством, что группировка посевной площади является в то же время, как показывает анализ демографического состава семей разных посевных групп, группировкой и по

возрасту семьи. Им было обнаружено, что процент семей, состоящих из супружеской пары и малолетних полуработников, достигнув в хозяйстве с площадью до 3 дес. 76,4, в хозяйствах с посевом от 3—7½ дес. падал до 38,5, в хозяйствах с 7½—15 дес.— 4,0, в хозяйствах свыше 15 дес. посева казался равным 0, т. е., говоря иначе, все до одного крупносеющие крестьянские хозяйства оказывались семьями большого возраста, в которых второе поколение уже вступило в работу в качестве полного работника. Там же было отмечено, что в развитие некоторых демографических элементов из одной посевной группы в другую, например, отношение числа работников и едоков, дает такие же кривые развития при посевной группировке, как и при прямой группировке по возрасту семьи *. Однако это в значительной степени решающее замечание, не развернутое, правда, на материалах других бюджетных исследований, прошло в литературе этого вопроса как-то совершенно неотмеченным и проблема и по сие время стоит со всей остротой противостояния и, понятно, ждет еще установления какого-то объективного способа разрешения. Не беря на себя в настоящем докладе задачи полного разрешения поставленного сейчас вопроса, мы тем не менее считаем возможным опубликовать здесь одну из наших новых работ, касающуюся этого вопроса.

Мы полагаем, что если бы доводы С. Н. Прокоповича были верны и действительно размер семьи определялся бы всецело материальными условиями ее существования, то эти материальные условия могли бы влиять на состав семьи главным образом путем сокращения рождаемости или увеличения смертности. Только через эти два рычага, регулирующие семейный состав, и могли выразиться эти величины, так как во всех предыдущих исследованиях под понятием семьи подразумевался состав приписных семей, включая промышленников, и потому влияние экономического фактора на размер промысловости хозяйства оставалось в стороне от поставленной нами проблемы. Поэтому, желая проверить положения С. Н. Прокоповича, высказанные им в его последней работе, направленной на критику организационно-производственной школы, мы приступили к тщательному установлению корреляционной связи между различными элементами, могущими служить измерителями объема хозяйственной деятельности: посевной площадью, количеством скота и т. п., с одной стороны, и показателем демографической динамики семьи — с другой. Так как в доступных нашему исчислению бюджетных материалах данных о рождаемости и смертности как таковых не содержалось, то мы сочли возможным взять за показатель демографической динамики процент детей до шестилетнего возраста, считая, что этот процент нам и нужен, ибо он выражает собою размер рождаемости за шесть лет за вычетом смертности детей за этот же

период времени. Полученные результаты в высшей степени интересны и даются нами в нижеследующей таблице:

Таблица 4

Коэффициенты корреляции процента детей до 6 лет в составе крестьянских семей с различными измерителями объема хозяйства (в расчете на одно хозяйство)

Губернии и уезды	Землевладение (дес.)	Посевная площадь (дес.)	Скот в переводе на крупный рогатый скот	Основной капитал (руб.)	Валовый доход	Личный бюджет
Новгородская губерния . . .	0,007	—0,10	—0,10	—0,08	—0,13	—0,16
Старобельский уезд	0,19	0,14	0,21	0,15	0,11	0,16
Киргизские хозяйства Кустанайского и Актюбинского уездов	—	—	—0,10	—0,10	—0,08	—0,09
Бельский уезд	0,00	0,12	0,11	0,00	0,07	0,05
Смоленская губерния	—0,12	—0,12	—0,18	—0,16	—0,16	—0,17

Просматривая эти в высшей степени любопытные цифры, мы можем сделать совершенно несомненные выводы, что коэффициенты корреляции между элементами демографической динамики крестьянских семей и измерителем экономической мощности хозяйства дают нам отрицательные и положительные коэффициенты корреляцин и что те и другие настолько ничтожны по своим размерам, что могут быть нами, особенно принимая противоположность знаков, совершенно точно приравнены к 0. Говоря иначе, абсолютный размер хозяйства, посевных площадей, капиталов, т. е. то, что подлежит в данном случае нашему анализу, никакого влияния на рождаемость за вычетом смертности детей не имеет. Мы не хотим обобщать нашего вывода за пределы того материала, который нами исследован, и выводить какие-либо широкие положения из приведенного нами расчета, однако считаем, что полученные нами результаты исследования в высшей степени знаменательны, тем паче что именно по этим бюджетам, как мы видели в начале статьи, мы получили хотя и не очень высокий, но все-таки заметный коэффициент корреляции между семьей и хозяйством. Отсюда мы можем сделать определенные выводы, что в пределах нами обследованных направлений связи между абсолютным размером хозяйства и абсолютным размером семьи ее следует понимать как зависимость первой от второй, а не наоборот. При страшно кропотливом исчислении корреляционных коэффициентов мы не расширили нашего исследования на более обширный материал и не будем этого делать, так как полагаем, что «обязательство представления доказательств» в данном случае лежит не на нашей стороне, а на стороне наших противников.

Во всяком случае мы считаем для себя несомненным:

1) что факт демографической дифференциации обусловливает собой дифференциацию хозяйств по посевным и иным количественным группировкам по абсолютным величинам;

2) что сама по себе демографическая дифференциация не имеет актуального значения и мы, изучая актуальные вопросы дифференциации (четыре вышеуказанных), должны всячески элиминировать ее влияние и брать для их анализа показатели, не коррелирующие с размером семьи.

Таково наше понимание пяти процессов дифференциации. Само собою понятно, что все эти пять процессов неразрывно связаны между собой, взаимно обусловливают друг друга и в разных районах и в разных фазах исторического развития дают различные формы взаимосочетания.

Однако изучая их синтетически, мы должны выделить каждый из них отдельно и для каждого найти свой наиболее эффективный измеритель и показатель.

В настоящей фазе эмпирического анализа проблемы вопрос об измерителях является важнейшим вопросом разработки проблемы дифференциации.

Поэтому только одному этому вопросу мы и посвятим конец нашего доклада, тем более что в нем существует весьма большая путаница и мало ясности и точности.

Как мы уже отметили, для изучения четырех актуальных для нас процессов социальной дифференциации мы прежде всего должны будем выдвинуть такие измерители, которые совершенно бы не коррелировали с процессами демографической дифференциации, т. е. не выражали бы собой абсолютного размера семьи или хозяйства. Сообразно этому для измерения первого процесса, т. е. процесса перерождения семейного крестьянского хозяйства в фермерские формы, нам нужно брать в качестве показателя не посевные или какие-либо им подобные группировки, а непосредственные измерители капиталистических отношений в хозяйстве. Л. Н. Крицман, В. С. Немчинов, И. Д. Верменичев, Я. А. Анисимов и К. Н. Наумов выдвинули в этом отношении синтетический коэффициент, или коэффициент пролетаристичности, или капиталистичности, хозяйства *, выводимый ими на основе суммарного учета отношений найма рабочей силы, а также найма и сдачи лошадей и инвентаря.

Группировки по этому коэффициенту дают весьма показательные результаты, однако надо признать, что они не различают при данном построении измерителя процесса образования фермерских хозяйств от процесса развития кабальных форм эксплуатации. Мы можем сказать, что, наблюдая, например, хозяйство, отдающее внаем инвентарь или рабочий скот, мы не

вправе делать вывод, что перед нами обязательно было зарождение фермерского хозяйства. Весьма может быть, что никогда фермерским оно и не будет. Часто это есть отрыжка старых кабальных форм бытовой эксплуатации. Изучая дифференциацию этих методов, мы никогда не ответим на вопрос: растут или не растут фермерские элементы в нашем крестьянском хозяйстве. Может быть так, что как раз фермерским хозяйством окажется то, которое пользуется наймом молотилок и тракторов.

Поэтому нам представляется гораздо более рациональным расчленить коэффициент В. С. Немчинова на два отдельных показателя: один — построенный по принципу учета отношений найма и другой — выражающий кабально бытовые формы эксплуатации и опирающийся, помимо учета сдачи и найма лошадей и инвентаря, на учет кредитных отношений и аренды. Притом, однако, и в этом случае возможны некоторые осложнения и путаница, во избежание которой нужно в области учета использования инвентаря и отчасти лошадей избежать смешивание кабальных форм эксплуатации с выделением особых капиталистических предприятий обслуживающего типа (наш 4-й тип дифференциации). Таким образом, интегральный Немчиновский коэффициент распадается здесь на три измерителя, каждый приспособленный для особого вида социальной дифференциации хозяйств.

Другим излюбленным измерителем при изучении дифференциации является капиталоснабженность хозяйств. Причем и автор этих строк, и другие авторы для этого пользовались при группировке нередко абсолютным размером основного капитала на хозяйство. Практика анализа показывает, что гораздо более целесообразно пользоваться размером авансируемого оборотного капитала плюс амортизация основного или даже просто ежегодными расходами на воспроизводство капитала в хозяйстве, хотя это и менее показательно благодаря обычному для мелкого хозяйства прерывистому типу восстановления основного капитала.

Последний наш третий тип дифференциации — промысловый отход от сельского хозяйства — лучше всего измерять долею промыслового заработка в валовом доходе или годовой оплате труда, или в балансе труда семьи.

Таковы мои методические замечания по вопросу об исследовании дифференциации сельского хозяйства. Как я уже говорил, в моем распоряжении нет таких больших исследований и эмпирических проработок, которыми располагают Н. П. Макаров, В. С. Немчинов, А. Н. Челинцев и другие, поэтому я совершенно воздерживаюсь от каких-либо замечаний по вопросу о современном состоянии всех четырех видов процесса дифференциации, которые мною были установлены. Надо думать, что потребуется не только уже проделанная работа, но целый ряд специальных исследований, для того чтобы подробно разобраться во всей сложности обсуждаемой нами проблемы.

Единственно, что я могу в заключение своего доклада заметить по существу,— это то, что процессы кабальной дифференциации, так же как и дифференциации демографической, представляются мне скорее пережитком натурального строя, с которым мы в течение 10 лет неизбежно будем считаться, но который в своем развитии вовсе не свидетельствует нам о развитии элементов капитализма. Что же касается процесса дифференциации по линии промыслового отхода и по линии расщепления производственных функций, то они не столько и не всегда свидетельствуют о развитии капитализма в области сельскохозяйственного производства в тесном смысле этого слова, сколько показывают развитие всего народного хозяйства в сторону более высоких ступеней капиталистической организации народного хозяйства в целом и его индустриализации, причем оба эти процесса могут протекать и не в капиталистических условиях: так, промысловый отход может иметь местом своего назначения социалистическую государственную промышленность, а расщепление организационного плана крестьянского производства может приводить к кооперативной организации некоторых отщепленных отраслей.

Поэтому наибольшее внимание должен обращать на себя первый тип нами установленной дифференциации — прямая перестройка трудовых семейных хозяйств, строящихся в бытовых формах трудопотребительского баланса, в формы фермерского хозяйства, построенного с применением наемного труда и в целях усвоения прибавочной стоимости.

Именно этот тип развития дифференциации представляет собой центр проблемы. В условиях советской экономики этот процесс, несомненно, повышающий производительность сельского хозяйства, в то же время не может рассматриваться как процесс прогрессивный, так как он неизбежно вызывает тяжелые социальные последствия в деревенской жизни, затрудняет развитие кооперативных форм концентрации сельского хозяйства — этого основного русла нашей экономической политики в земледелии.

ЭН

СЕБЕСТОИМОСТЬ САХАРНОЙ СВЕКЛЫ

Глава I.

ВВЕДЕНИЕ. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о себестоимости сахарной свеклы не является вопросом вполне новым. Поскольку регулирующие органы ставили перед собой задачу определения цен, они, естественно, должны были обращаться к вопросу о себестоимости. Мы имеем целый ряд попыток дать то или иное обоснование «нормального», «справедливого», «народнохозяйственного обоснования» уровня цен, по которому должно заготовляться свеклосахарное сырье.

Некоторые из этих попыток характеризовались стремлением обойти вопрос о себестоимости — вопрос, требующий сложных исследований и наблюдений. Пытались исходить в определении цен из конъюнктурных наблюдений рынка, стараясь сохранить своими уровнями цен ту же покупательную силу сахарной свеклы как товара, которым она обладала в условиях довоенного свободного рынка.

К области такого рода вычислений прежде всего относятся опыты И. Н. Жирковича *, который исходил из предположения, что организацнонный строй свеклопроизводящих хозяйств, а равно, очевидно, и других отраслей народного хозяйства, сохранился в том же виде, в котором он существовал до войны, так как только при этом можно было рассчитывать на сохранение тех же ценностных отношений, какие существовали до 1914 г. Несомненно, этот метод, очень простой и дающий чрезвычайно наглядное и простое обоснование цен, имеет за собой некоторые основания. Однако в то же время вряд ли мы могли бы принять его как орудие практических исчислений цен, так как в конце концов мы ни в коем случае не можем принять его предпосылку об организационной неизменности структуры свекольного хозяйства и всех других, соответствующих ему отраслей хозяйства, а с другой стороны, совершенно не видим оснований, почему и в силу каких причин покупательная сила сахарной свеклы для каждого года послереволюционного периода должна быть той же самой, какой она была в довоенное десятилетие.

В условиях вольного образования цен мы знаем, что цена берковца * свеклы, так же как и другие цены, была подвержена очень быстрым изменениям, отражавшим собой изменения производственного и рыночного окружения сахарной промышленности. А раз в условиях свободного рынка покупательная способность сахарной свеклы была в высшей степени изменчива, то у нас нет никаких оснований полагать, что она должна быть почему-то постоянной в условиях нашего регулируемого рынка, в котором изменение цен на стихийно производимый продукт как раз и является главным регулятором его производства. Поэтому, несмотря на простоту и очень большую наглядность, мы можем воспользоваться этим методом исключительно в качестве иллюстрации, поясняющей нам изменения покупательной силы центнера сахарной свеклы в зависимости от того или иного уровня цен, который мы примем как нормативный на основании тех или иных соображений.

Для реальной же рабочей, практически полезной системы цен мы должны обратиться к установлению какого-нибудь другого принципа, который мог бы быть положен в основу калькуляции. В наших условиях регулируемого рынка, а через него и регулируемого производства, таким принципом может быть то влияние, которое будут оказывать устанавливаемые уровни цен на организацию хозяйств, сеющих сахарную свеклу, и вряд ли мы ошибемся, если признаем как основной лозунг установления цен необходимость определить их уровень таким способом, при котором бы размеры сырьевой базы, питающей свеклосахарную промышленность, находились бы в полном соответствии с требованием заводов, а в случае необходимости расширились бы в той пропорции, которую требуют наши перспективные планы развития промышленности. С этой точки зрения нас совершенно могут не интересовать ни уровень благосостояния самих крестьянских семей, ни какие-либо вопросы «справедливости» или какой-нибудь «нормальности». Мы должны при этой жесткой точке зрения давать крестьянину такие цены, которые позволили бы ему сохранить свое производство или расширить его в нужных для нас размерах.

Очевидно, что это возможно только в том случае, если при наших ценах крестьянское хозяйство будет иметь возможность производить или простое воспроизводство капиталов в первом случае, или же расширенное воспроизводство капиталов — во втором. Совершенно очевидно, что если уровни цен не дают возможности крестьянскому хозяйству воспроизводить основной и оборотный капитал в своем хозяйстве, то это означает неми-

нуемое сокращение производства на следующий же операционный год.

Правда, в некоторых отдельных случаях, под давлением тяжелой экономической обстановки, государство может в своей политике цен уклониться в течение ряда лет от соблюдения этого принципа и платить заготовительные цены, не дающие сельскому хозяйству возможности произвести полностью ежегодного восстановления капитала.

Эта возможность экономически базируется на том, что хозяйства в течение некоторого времени могут работать без воспроизводства основного капитала, ведя производство на изношенном инвентаре и передержанном в браковке скоте. Благодаря этому при отсутствии других конкурирующих и более высоко оплачивающих труд культур государство может снизить уровень заготовительных цен, не вызывая этим немедленного сокращения регулируемой культуры.

Однако этот «социальный заем» у сельского хозяйства впоследствии оплачивается или ценами, обусловливающими возможность расширенного, в данном случае «восстанавливающего», воспроизводства, или же неизбежным в конце концов сокращением производства.

Поэтому если в некоторых случаях и на некоторое время политически можно отказаться от соблюдения принципа цен, обеспечивающих простое воспроизводство, то в своей основе принцип этот остается обязательной нормой экономической политики.

Этот лозунг не является поэтому ни в какой мере групповым или классовым лозунгом, но представляет собой совершенно обоснованную норму политики планового хозяйства. Для того чтобы проводить практически эту политику цен, гарантирующих воспроизводство капитала, мы, в сущности говоря, должны были бы наладить динамические наблюдения за организацией крестьянского хозяйства и, нащупывая практический уровень цен, следить за тем, чтобы при наметившейся тенденции к сокращению площади посева сахарной свеклы, сообразно ему поднимать цены, а при обнаружившемся перепроизводстве — снижать их. А пока таких барометров, которые могли бы быть поставлены только в плоскости организации динамического наблюдения за хозяйством, у нас не существует, мы должны так или иначе подойти к проблеме с помощью каких-либо косвенных показателей. Таким косвенным показателем, в значительной степени могущим иметь практическое значение, является исчисление себестоимости. Во всяком случае, как бы мы ни строили свою политику цен, мы должны всегда иметь перед собой норму себестоимости как известную контрольную величину.

Мы должны при этом разграничивать два возможных спо-

соба исчисления себестоимости: с одной стороны, мы можем подойти к нашей проблеме калькуляционно, т. е. попытаться определить так называемую нормальную себестоимость, которая исчисляется путем использования нормальных данных и статистических средних стоимостей отдельных издержек на культуру, каждую в отдельности, и получения суммарной себестоимости путем сложения этих нормативных величин отдельных издержек. Такая работа была проделана в Сахаротресте М. А. Кручинским и была опубликована в особом издании на правах рукописи *. Рукопись эта послужила началом большой полемики. В общем работа эта в пределах калькуляционного способа исчисления себестоимости могла быть признана методически правильной. Однако тот исходный эмпирический материал, с которым оперировал М. А. Кручинский, т. е. нормы урочного положения, высева, накладных расходов, амортизации и проч., к сожалению, имел весьма небольшое и шаткое обоснование. Поэтому при всей правильности методического построения исчислений конечные результаты, т. е. величина себестоимости, не могли быть признаны безапелляционно доказанными. Именно эти-то соображения и заставили Сахаротрест, с одной стороны, и наш Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономии — с другой, искать возможность более обоснованного исчисления исходных элементов для калькуляционного способа построения себестоимостей, а эти элементы, очевидно, могут быть исчислены исключительно только на базе массового наблюдения крестьянских хозяйств и учета их бюджетного оборота.

Наличие же большого массового бюджетного материала, естественно, открывало возможность перейти от калькуляционного, в сущности искусственного, подсчета себестоимости к анализу действительной себестоимости отдельных хозяйств и отдельных социальных и производственных групп их, так как современный бюджетный материал позволяет с достаточной степенью точности исчислить реальную себестоимость для каждого соответствующего хозяйства.

Анализ этих реальных себестоимостей мог дать полную возможность установить факторы, определяющие высоту себестоимости, состав ее производственных элементов и, наконец, лимиты оплаты свеклы, которые обеспечивали бы собой воспроизводство капиталов свеклопроизводящих хозяйств.

Говоря иначе, наличность обширных бюджетных материалов, сбор которых был необходим и для исчисления калькуляционной себестоимости, позволила направить исследование по другому, более надежному и более интересному руслу — анализу действительной себестоимости в конкретных хозяйствах, взятых в массовых количествах, в разных социальных и производственных группах свеклосеющей деревни.

Именно эту-то задачу поставил перед собой государственный Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономии, предпринимая обширное исследование свеклосеющих хозяйств в шести отделениях Сахаротреста. Это обширное исследование, результаты которого мы в настоящей работе приводим, было начато почти год тому назад и охватило собой около 400 хозяйств в шести отделениях Сахаротреста (из расчета по 25 хозяйств на отдельный обследованный завод). Кроме этого, для установления типичности собранных материалов по бюджетным хозяйствам нами были обследованы селения, где брались бюджетные хозяйства, 20 и более процентов хозяйств методами подворки, сравнительный анализ которой параллельно бюджетному материалу давал нам понятие о репрезентативности бюджетных данных, т. е. об отражении ими в качестве типичных данных всей массы хозяйств района.

В общем по разным отделениям Сахаротреста нами были обследованы районы следующих заводов:

Подольское отделение:	Шпиковский завод
	Антонинский завод
	Чичеринский завод
	Моевский завод[1]
Киевское отделение:	Каменский завод
	Езерянский завод
	Згуровский завод
Курское отделение:	Завод К. Либкнехта
	Ракитянский завод
Уманское отделение:	Верхнячский завод
	Томский завод
	Погребищенский завод
Харьковское отделение:	Велико-Октябрьский завод
	Парафиевский завод
	Петровский завод
	Октябрьский завод
Восточное отделение:	Рамонский завод

При тщательной критике собранного материала нами были выброшены из разработки некоторые части материала как неполно собранные или не в полной мере достоверные.

В итоге мы получили следующий состав хозяйств, могущих быть привлеченными к анализу себестоимости (см. табл. 1).

Хозяйства, описанные бюджетным методом для каждого заводского района, выбирались с таким расчетом, чтобы в своем составе захватить, с одной стороны, все степени отдаленности их местоположения от завода, а с другой — выявить все социальные группы свеклосеющей деревни и отразить в полученных

[1] В разработку по себестоимости не вошел ввиду малого количества бюджетов, собранных в районе.

Таблица 1

Число обследованных хозяйств и средняя площадь посева свеклы на одно хозяйство

Отделения Сахаротреста	Число обследованных хозяйств		Площадь свеклы на одно сеющее хозяйство	
	всего	в том числе сеющих сахариую свеклу	средняя, га	колебание, га
Киевское	74	66	0,54	0,27—1,36
Уманское	74	67	0,81	0,27—2,33
Подольское	80	60	0,66	0,15—1,10
Харьковское	83	67	0,57	0,24—2,18
Курское	54	40	0,60	0,16—1,21
Восточное	23	20	0,89	0,10—3,73
Итого . . .	388	320		

совокупностях бюджетных хозяйств в той или иной мере социальную структуру каждого района.

К сожалению, 1925 г., в отношении которого собирались наши материалы, был очень урожайным, что не могло не отразиться на некотором снижении себестоимости.

Собранные бюджетные материалы были обработаны нами по особой счетоводной системе, которая, сводя все приходы и расходы, а также все движение капитала, могла послужить исходным материалом как для общей обработки по всему хозяйству в целом, так равно и для исчисления себестоимости путем выделения счета сахарной свеклы по типу главной книги двойной итальянской бухгалтерии*.

Полученный таким образом обширный цифровой материал мог дать в полной мере исчерпывающий ответ на поставленные нами вопросы о себестоимостях.

Глава II.
МЕТОДЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СЕБЕСТОИМОСТЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ

Собрав и обработав указанные материалы, мы вплотную подошли к вопросу о методе исчисления себестоимости.

В нашем докладе, сделанном научно-техническому совету сахарной промышленности, мы намечали два пути исчисления:

1) с одной стороны, — мы хотели производить этот подсчет обычным способом, т. е. выделить счет сахарной свеклы и за-

тем приравнять себестоимость ее урожая ко всей сумме дебета ее счета и этим самым получить путем деления на урожай цифру себестоимости одного центнера;

2) с другой стороны, помимо этого обычного способа, использующего методику двойной итальянской бухгалтерии, мы предполагали возможным определить себестоимость по так называемому хозяйственному и денежному сальдо бюджета, т. е. принять, что в хозяйстве наиболее существенной и единственно важной является товарная культура сахарной свеклы, все же остальные культуры суть только вспомогательные культуры, которые не имеют самодовлеющего значения и содержатся в хозяйстве только по техническим соображениям натурального продовольствия или организации кормодобывания.

При этом втором методе мы должны были бы брать не отдельные условно выделенные счета двойной бухгалтерии, а все хозяйства в целом и из всех годичных издержек хозяйства вычесть все доходы хозяйства, помимо сахарной свеклы, а полученное при этом сальдо-кредит приравнять к себестоимости урожая свеклы. В этих условиях всякая успешная организация других отраслей выражалась бы у нас понижением себестоимости центнера сахарной свеклы, а всякая плохая организация этих отраслей и убыток по ним отражались бы повышением себестоимости свеклы.

Эта идея, в высшей степени заманчивая и, по сути дела, совершенно правильная для хозяйства, близкого к монотоварному типу, к сожалению, оказалась для нас неосуществимой практически. Учтенные нами хозяйства, во-первых, были в значительной степени полунатуральные, т. е. имели значительную часть своих общих бюджетных доходов в натуральных поступлениях зерновых по преимуществу продуктов, и, во-вторых, они оказались далеко не монотоварными. Доходы от сахарной свеклы, несмотря на свою, подчас значительную, величину, занимали небольшую часть общего валового дохода. Поэтому значение других отраслей в организации хозяйства, убытки и прибыли, от них получаемые, имели в этих хозяйствах исключительно большое влияние. Исчисляемая нами по методу сальдо себестоимость при столь малом значении свеклосахарного сектора в хозяйстве могла или возрасти до неприемлемо высоких цен, или же падать до нуля, или даже больше того — получать отрицательное количественное выражение. Это-то именно обстоятельство заставило нас, несмотря на принципиальный интерес метода сальдо, после целого ряда неудачных попыток отбросить его и заняться исключительно только более условным, но зато и более обеспеченным методом исчисления себестоимости путем выделения и обработки счета производства сахарной

свеклы в главной книге двойной итальянской бухгалтерии.

Эти счета производства сахарной свеклы были выделены нами для всех хозяйств, подвергнувшихся обработке, и по каждому из них были высчитаны искомые себестоимости, причем, однако, поскольку эти себестоимости могли быть совершенно различны от метода учета их, мы попытались предвидеть все возможные способы вычисления и все возможные идеи этих вычислений, чтобы в нашем материале исследователь и политик, определяющий уровень цен, мог найти числовые показатели, необходимые для иллюстрации и проведения его основных идей.

В настоящей книге помещены упомянутые счета сахарной свеклы для всех хозяйств, бюджеты которых были подвергнуты обработке.

Рассматривая их графы, читатель может видеть, что в дебете этих счетов содержатся следующие статьи:

1. Амортизация (построек и инвентаря) . .	А	Из общей суммы расходов А, В, С и Д на культуру сахарной свеклы начислялась доля, пропорциональная участию свеклы в валовом доходе хозяйства
2. Текущий ремонт построек	В	
3. Текущий ремонт инвентаря	С	
4. Общие расходы по хозяйству	Д	
5. Полевой инвентарь (труд, тяга и удобрения, затраченные в предыдущие годы на культуру этого года)	Е	
6. Труд (в производстве, транспорте и простоях)	Ф	
7. Тяга (в производстве, транспорте и простоях)	Ж	
8. Удобрения	И	
9. Семена	Н	
10. Прочие прямые расходы на культуру сахарной свеклы	К	
11. Расходы, связанные с контрактацией . .	Л	
12. Налоги	М	
13. Проценты на капитал	О	

Итог, подсчитанный по этим 13 разделам, давал суммарную себестоимость, а итог по 10 первым разделам давал техническую производственную себестоимость всего урожая в целом.

Принимая во внимание, что урожай культуры, помимо самой свеклы, дает еще гичу — Р (зеленую массу, могущую идти на корм скоту), мы для определения себестоимости сахарной свеклы в узком смысле, как сырья для сахарных заводов, воспользовались простым приемом учета себестоимости сопряженных культур. А именно из суммарной величины издержек производства по культуре (сумма-дебет) вычли стоимость гичи и оставшуюся сумму сочли за стоимость самой свеклы.

Таким образом, формула, по которой мы вели исчисление полной себестоимости, была

$$X = \frac{(А + В + С + Д + Е + Ф + Ж + Н + И + К + Л + М + О) - Р}{n}, \quad (1)$$

где n — урожай сахарной свеклы в хозяйстве.

Как это читатель увидит впоследствии, помимо этой «полной себестоимости», мы вычислим также и техническую производственную себестоимость, снимая с учета один за другим накладные экономические элементы (налоги, расход на контрактацию и проценты на капитал).

Таков принятый нами метод. Для того чтобы он был совершенно ясен, нужно оговорить еще некоторые из его деталей.

Мы знаем, что из всех возможных методических различий, которые могут иметь место при исчислении себестоимости по методу использования счетов по отдельным культурам, построенных по признакам двойной итальянской бухгалтерии, наибольшее значение имеют различия в оценке труда, затраченного на культуру.

Определение стоимости работы постоянных рабочих в условиях организованного хозяйства не представляет собой какого-либо затруднения, так как всегда возможно, суммировав заработную плату, реально выплаченную рабочим деньгами и натурой с харчевым довольствием, стоимостью помещения и прозодежды, определить общую стоимость содержания рабочей силы в течение года, а разделив ее на число реализованных рабочих дней, — получить стоимость одного рабочего дня. Оценка труда поденных рабочих оказывается еще более простой. Единственным спорным моментом является только вопрос о том, надлежит ли оценивать рабочий день постоянных рабочих одинаково в течение целого года или же его оценку следует видоизменить сообразно высоте стоимости поденной работы.

Гораздо более трудна оценка работы людей в трудовом крестьянском хозяйстве, которое никаких материальных затрат на работу не несет, а вкладывает свой труд в предприятие натурой. Поэтому никаких объективных счетоводных данных для определения ценности труда у нас быть не может, и мы должны прибегнуть к какой-нибудь условной оценке, если вообще хотим составить себе какое-нибудь представление о себестоимости продуктов, получаемых в трудовых крестьянских хозяйствах.

В данном случае могут быть применены три условных метода оценки работы, затраченной на различные отрасли и культуры:

а) оценка труда крестьянской семьи натурой, вложенного в учитываемую культуру, по нормам существующей в районе расположения хозяйства заработной платы;

в) оценка труда крестьянской семьи по стоимости его воспроизводства, т. е. приравнивание стоимости годового труда семьи к стоимости годового содержания этой семьи (годовому личному бюджету);

с) оценка труда крестьянской семьи по средней для данной семьи или для района оплате труда, прилагаемого к земледелию, понимая в данном случае под оплатой труда оплату его стоимостью продуктов, получаемых в результате его приложения.

Рассмотрим каждый из этих трех моментов условных оценок в отдельности.

Для вычисления, а на первый взгляд и по существу, наиболее прост и ясен первый метод — оценка по существующим заработным платам. Труд здесь оценивается так, как он котируется на рынке. Однако при более внимательном рассмотрении вопроса нетрудно убедиться, что эта ясность — кажущаяся, и метод представляет собой во многом спорную экстраполяцию из одних условий производства в совершенно другие, малосхожие с первыми.

Заработная плата не является какой-либо «естественной» категорией, вытекающей из «природы вещей». Она, как и другие народнохозяйственные категории, является социальным явлением, возникающим и определяемым кругом тех условий, которые существуют в среде ее выявления. Размеры и характер кадров наемных рабочих на вполне конкретном рынке труда и производительные условия конкретных нанимающих хозяйств — вот те резко очерченные пределы, в узких рамках которых существуют явление заработной платы и факторы, определяющие ее размеры. Какая-либо экстраполяция за пределы этого вполне конкретного круга явлений может быть сделана весьма условно.

Сообразно этому экстраполяция заработной платы на массу трудовых хозяйств может быть с некоторым правом произведена там, где в сельскохозяйственном производстве капиталистическая форма производства, основанная на наемном труде, является решительно преобладающей и где чисто трудовые хозяйства лишь вкраплены в общую массу нетрудовых предприятий.

Однако и в этих странах трудовые хозяйства оценивают свой труд независимо от уровней заработных плат и продолжают вести свое хозяйство, получая при капиталистическом исчислении себестоимость производимых ими продуктов, из года в год более высокую, чем их рыночные цены, как это можно видеть, например, на малоземельных группах швейцарского крестьянства.

В условиях же тех стран, в которых семейные крестьянские хозяйства представляют собой преобладающее большинство,

положение исследователя, помимо принципиальных затруднений, осложняется также и тем обстоятельством, что сами случаи найма являются весьма малочисленными для вывода устойчивых средних. Исследователь благодаря этому обстоятельству, желая при исчислении себестоимостей оценить труд по заработным платам, не будет иметь в своем распоряжении устойчивых исходных величин, необходимых для исчисления. Задача исследователя значительно проще, если рядом с крестьянским хозяйством существуют крупные капиталистические предприятия или совхозы в наших условиях. Однако положение остается затруднительным и при наличности широко распространенного найма, так как желая определить оценку труда, мы всегда имеем не одну, а три-четыре исходные величины стоимости труда:

1) поденная заработная плата;
2) плата сезонным рабочим;
3) плата годовым рабочим;
4) сдельная плата за выполнение разных работ.

В зависимости от того, какую из этих категорий заработных плат мы положим в основу наших исчислений, мы получим далеко не одинаковые результаты.

Принимая во внимание, что крестьянская семья остается связанной с производством в течение всего года, наиболее правильно пользоваться цифрами оплаты труда годового рабочего, деля годовую плату на число реализованных рабочих дней в году и тем самым получая стоимость одного рабочего дня. К сожалению, пользование этим приемом крайне ограничено, так как обычно мы не располагаем достаточным материалом о годовых зарплатах. Поэтому чаще всего приходится прибегать к оценкам по поденным платам, что делает метод еще более условным.

Таково положение дел с оценкой труда крестьянской семьи по заработным платам наемного труда.

Два других метода оценки труда, затраченного в трудовом хозяйстве,—а именно по воспроизводству и по средней оплате—также условны, но их крупным преимуществом является то обстоятельство, что они исчисляются по исходным данным своих крестьянских хозяйств и не требуют каких-либо экстраполяций. При методе исчисления стоимости воспроизводства рабочей силы мы должны из годового личного бюджета семьи вычесть ту часть дохода ее, которая не связана с сельским хозяйством, и остаток разделить на число рабочих дней, реализованных семьей в своем земледельческом производстве. Так, например, если годовой бюджет семьи (В) равен 460 руб., заработок ее на промыслах (Р) 150 руб., а число рабочих дней, реализованных в своем хозяйстве (n), — 250, то по этому методу стоимость

воспроизводства одного рабочего дня, затраченного в земледелии, будет равна 1 р. 24 к.

В общем виде расчет этот дает формулу

$$X = \frac{B - P}{n}, \qquad (2)$$

где X — искомая величина стоимости воспроизводства единицы труда; B — годовой бюджет семьи; n — число рабочих дней, которые семья реализует в течение года; P — неземледельческие поступления.

Критики этого метода обычно отмечают даваемые им высокие величины, что объясняется тем, что в своем бюджете крестьянская семья ассимилирует не только стоимость своего труда, но и чистую прибыль в виде ренты и процента на капитал. Мы сильно сомневаемся в наличности в крестьянском хозяйстве ренты и процента на капитал в капиталистическом смысле этого слова, но несомненно должны признать в составе крестьянского дохода элемент рентного порядка. Однако поскольку мы не вводим в учет наших себестоимостей элемента ренты, этот метод не содержит двойных учетов, но является себестоимостью с учетом рентных элементов.

Поэтому цифры, полученные при его применении, должны быть сравниваемы в нормальных условиях с себестоимостями, исчисленными путем оценки труда по зарплатам, только при условии учета в них земельной ренты.

Этот же рентный момент имеет место при оценке труда по средним оплатам его в крестьянском хозяйстве.

В чистом виде оплата труда представляет собой валовой доход за вычетом материальных издержек (считая в том числе амортизацию). Разделив эту годовую оплату труда на число рабочих дней, потребовавшихся для ее получения, мы можем исчислить оплату одного рабочего дня:

$$X = \frac{C - M}{n}, \qquad (3)$$

где X — искомая оплата одного рабочего дня; C — валовой доход земледельческого хозяйства; M — материальные издержки земледельческого хозяйства; n — число рабочих дней, которые семья реализовала в своем хозяйстве в течение года.

Для читателей, признающих существование в трудовом хозяйстве процента на капитал и земельной ренты в той же форме, как и в хозяйстве капиталистическом, формула может быть дана в редакции Э. Лаура*, который для определения оплаты трудящихся хозяйством, помимо материальных издержек, вычитает из получаемого валового дохода ренту и процент

на капитал, экстраполируя их нормы из капиталистического земледелия:

$$X = \frac{C - (M + R + P)}{n}, \quad (4)$$

где R — рента хозяйства; P — процент на обращающиеся в хозяйстве капиталы.

В нашей работе мы уклонились от последнего метода оценки ввиду неразработанности его теоретического основания и сделали параллельно две разработки, ведя одну при оценке труда по зарплатам наемных рабочих, а в другой оценивая его по стоимости воспроизводства.

Установив таким образом методику оценки труда, мы должны были разрешить и другой спорный вопрос, а именно вопрос о включении в состав себестоимости транспортных расходов, а также расходов, связанных с контрактацией, стоимостью простоя, и процентов на капитал.

В интересах наиболее полного анализа материалов все указанные элементы исчислены нами во всех возможных методических вариантах, дабы читатели нашей работы могли взять цифры сообразно их собственным взглядам на природу себестоимости, освещаемую нами со всех возможных точек зрения.

Последним спорным методическим вопросом является вопрос о включении в себестоимость величин дифференциальной ренты в том случае, когда труд оценивается по заработным платам.

В нашем исследовании мы совершенно уклонились от учета рентных моментов. С одной стороны, потому, что сам вопрос о количественном выражении рентных элементов в крестьянском хозяйстве не получил еще окончательного теоретического освещения, а с другой стороны, потому, что бюджетная методика исследования крестьянских хозяйств не дает возможности судить о сравнительных качествах земель отдельных хозяйств, а тем самым совершенно устраняется возможность кого-либо исчисления дифференциальной ренты.

Такова теоретическая основа, положенная нами в основу исчисления себестоимостей. <...>

Глава IV.
ИСЧИСЛЕНИЕ СЕБЕСТОИМОСТИ ЦЕНТНЕРА САХАРНОЙ СВЕКЛЫ

Поскольку в предыдущей главе нами были установлены средние издержки крестьянского хозяйства на культуру свеклы в расчете на один гектар, то нетрудно приступить к исчислению себестоимости и одного центнера ее.

При исчислении себестоимости центнера сахарной свеклы мы различали ее себестоимость для трех разных состояний собранного сырьевого продукта: во-первых, себестоимость свеклы франко-поле, т. е. себестоимость, которую имела сахарная свекла, посеянная, взращенная и собранная, но еще не погруженная на подводы, говоря иначе, себестоимость без издержек внутрихозяйственного и внехозяйственного транспорта.

Во-вторых, себестоимость сахарной свеклы франко-завод, т. е. себестоимость франко-поле плюс стоимость провоза сахарной свеклы до этого завода, понимая под провозом транспорт с момента погрузки на поле до момента остановки подводы, въехавшей на двор завода или сдаточного пункта. Это так называемая полная техническая себестоимость франко-завод.

В-третьих, мы приняли к учету также себестоимость свеклы франко-бурт*, т. е. себестоимость с учетом стоимости рабочего времени, потраченного крестьянами, привезшими свеклу на завод, на простой в очередях, взвешивание и отвоз возов. Само собой понятно, что эти цифры получились достаточно отличными друг от друга.

Техническая себестоимость сахарной свеклы без всяких накладных расходов на нее (франко-поле) получилась для отделений Сахаротреста в виде следующих величин франко-поле:

Таблица 19

Себестоимость сахарной свеклы франко-поле по отделениям

(в руб.)

Отделения Сахаротреста	Себестоимость 1 ц		
	наименьшая	наибольшая	средняя
Восточное	0,21	1,09	0,54
Курское	0,31	1,07	0,68
Харьковское	0,16	1,54	0,45
Уманское	0,18	1,21	0,50
Киевское	0,34	1,42	0,53
Подольское	0,31	1,18	0,60
По всем отделениям . .	0,16	1,68	0,54

Таким образом, в поотделенских средних себестоимость центнера давала, если не считать несколько оторвавшегося Курского отделения, величину, немного превышающую 50 коп. за 1 ц (франко-поле). Размах отклонений индивидуальных

отметок по хозяйствам в пределах отделений гораздо более высок, достигая по отдельным отделениям пятикратных разностей.

Та же себестоимость, но уже франко-завод, равнялась следующей величине:

Таблица 20

Себестоимость сахариой свеклы франко-завод

(в руб.)

Отделения Сахаротреста	Себестоимость 1 ц		
	наименьшая	наибольшая	средняя
Восточное	0,38	1,16	0,68
Курское	0,36	1,98	0,90
Харьковское	0,28	2,18	0,74
Уманское	0,31	1,45	0,72
Киевское	0,49	1,92	0,77
Подольское	0,33	1,32	0,76
По всем отделениям	0,28	2,18	0,76

Говоря иначе, расходы по перевозке сахарной свеклы от хозяйства, или точнее с места копки к заводу или сдаточному пункту, составили:

Таблица 21

Стоимость перевозки 1 ц сахариой свеклы

(в руб.)

Отделения Сахаротреста	Средняя стоимость перевозки
Восточное	0,14
Курское	0,22
Харьковское	0,28
Уманское	0,21
Киевское	0,24
Подольское	0,16
По всем отделениям	0,21

За исключением Восточного и Подольского отделений, по всем другим отделениям величина стоимости подвоза оказалась весьма устойчивой и колеблющейся от 22 до 28 коп. за центнер.

Вычисляя в данном случае цену сахарной свеклы франко-завод, мы исчисляем, во что она обходится крестьянину-посевщику в момент его прибытия на завод или сдаточный пункт.

Однако вслед за прибытием на завод он должен еще потерять немало времени на простой в очередях и свалку свеклы.

Учитывая эти затраты рабочего времени, мы вычислили, что себестоимость франко-бурт давала нам следующие величины:

Таблица 22

Себестоимость сахарной свеклы франко-бурт

(в руб.)

Отделения Сахаротреста	Себестоимость 1 ц		
	наименьшая	наибольшая	средняя
Восточное	0,41	1,17	0,71
Курское	0,38	2,07	0,93
Харьковское	0,31	2,53	0,80
Уманское	0,37	1,45	0,74
Киевское	0,52	1,99	0,90
Подольское	0,42	1,54	0,82
По всем отделениям	0,31	1,52	0,81

Говоря иначе, суммарные расходы по подвозу и простою по сравнению с себестоимостью франко-поле составляли:

Таблица 23

Расходы на простой и на транспорт иа 1 ц сахариой свеклы

(в руб.)

Отделения Сахаротреста	Стоимость простоя	Траиспорт+простой
Восточное	0,03	0,17
Курское	0,03	0,25
Харьковское	0,06	0,34
Уманское	0,02	0,23
Киевское	0,13	0,37
Подольское	0,07	0,21
По всем отделениям	0,05	0,27

Само собой понятно, что эти приведенные нами различия в разных способах исчисления в значительной своей части зависели от стоимости и условий траиспорта. Так, например, распределяя хозяйства по дальности их расстояния от завода, мы получаем следующее нарастание разницы между себестоимостью франко-поле и франко-завод, которое наглядно указывает на нарастание стоимости на транспортировку сахарной свеклы:

Таблица 24

Нарастание стоимости перевозок в зависимости от расстояния

(в руб.)

Расстояние до сдаточного пункта / Отделения	Стоимость перевозки 1 ц					
	по Восточному отделению	по Курскому отделению	по Харьковскому отделению	по Уманскому отделению	по Киевскому отделению	по всем отделениям
До 4,99 км	7,42	9,4	16,3	10,7	15,96	12,56
От 5 до 9,99 км	13,22	23,4	18,5	18,8	19,9	20,0
От 10 до 14,99 км	18,81	26,44	28,16	29,5	32,03	28,26
От 15 км и выше	20,40	31,16	34,62	30,04	32,48	32,58

Таким образом, принимая грубо себестоимость центнера свеклы в 50 коп. франко-поле, мы видим, что издержки на его транспортировку достигают 30 коп., или 60 % стоимости франко-поле. Говоря иначе, стоимость транспорта составляет более трети технической себестоимости свеклы.

Помимо различия в моменте определения себестоимости франко-поле, франко-завод и франко-бурт, мы в нашем анализе ввели еще некоторые различия в учете накладных издержек в себестоимостях. Все три уже исчисленные нами нормы себестоимости нами принимались как техническая себестоимость, т. е. себестоимость, зависящая от непосредственных производственных расходов хозяйства, падающих на культуру сахарной свеклы и определяющихся техникой производства и буртования, без расходов накладных, которые тратит крестьянское хозяйство на контрактацию, без учета процентов на капитал, вложенный в хозяйство, и без налогов, которые это хозяйство уплачивает.

Однако помимо этих технически обусловленных затрат, крестьянское хозяйство несет по культуре свеклы еще затраты, зависящие от экономической обстановки, в которой оно работает. Для определения полной народнохозяйственной величины себестоимости эти издержки, несомненно, должны быть также учтены.

Сообразно этому мы ввели в состав элементов себестоимости издержки, падающие на контрактацию, т. е. на расходы, связанные с заключением контракта на поставку и получение авансов, и тем увеличили размеры себестоимости хотя и не на производственную величину, но на величину, безусловно связанную с прямыми издержками хозяйства на культуру сахарной свеклы.

Затем последовательно прибавили еще к сумме себестоимости долю налогов, уплачиваемых хозяйством, и, наконец, учли

Таблица 25

Себестоимость сахарной свеклы франко-бурт

(в руб.)

Район (завод)	Себестоимость 1 ц				
	с налогом, процентом на капитал и стоимостью контрактации	с налогом и контрактацией, без процента на капитал	с налогом, процентом на капитал, без контрактации	без налога, процента на капитал, с контрактацией	без налога, процента на капитал, без контрактации
I. Восточное отделение	0,87	0,76	0,83	0,75	0,72
II. Курское отделение					
Заводы:					
1. Им. К. Либкнехта	0,98	0,89	0,96	0,96	0,85
2. Ракитянский	1,16	1,06	1,16	1,04	1,04
Среднее	1,07	0,98	1,06	0,95	0,94
III. Харьковское отделение					
Заводы:					
1. Парафиевский . . .	1,11	0,98	1,10	0,96	0,95
2. Велико-Октябрьский	1,03	0,91	1,01	0,88	0,87
3. Октябрьский	0,83	0,73	0,81	0,72	0,70
4. Петровский	0,87	0,78	0,84	0,75	0,72
Среднее	0,96	0,85	0,94	0,83	0,81
IV. Уманское отделение					
Заводы:					
1. Томский	0,84	0,73	0,83	0,71	0,70
2. Погребищенский	1,01	0,88	0,98	0,86	0,84
3. Верхнячский	0,88	0,76	0,86	0,74	0,73
Среднее	0,91	0,79	0,89	0,77	0,75
V. Киевское отделение					
Заводы:					
1. Каменский	1,05	0,92	1,03	0,88	0,86
2. Згуровский	1,05	0,94	1,04	0,92	0,92
3. Езерянский	1,08	0,97	1,07	0,94	0,94
Среднее	1,06	0,94	1,05	0,92	0,91
VI. Подольское отделение					
Заводы:					
1. Шпиковский	1,10	0,96	1,07	0,92	0,88
2. Антонинский	1,10	0,98	1,06	0,95	0,91
3. Чичеринский	0,85	0,72	0,82	0,69	0,67
Среднее по всем отделениям	0,98	0,86	0,96	0,84	0,84

себестоимость уже с прибавкой процентов на капитал, вложенный в производство.

В результате мы получили следующую суммарную себестоимость, рассчитав ее франко-бурт, т. е. себестоимость сложенных на хранение готовых продуктов на заводах или на сдаточных пунктах (см. табл. 25).

Как видно из приведенной таблицы, переход от производственной себестоимости к различным видам хозяйственной и народнохозяйственной себестоимости (без налогов) дает нам весьма разнящиеся друг от друга цифры. Само собой понятно, что в зависимости от того, будем ли мы оплачивать контрактацию, т. е. главным образом затрату труда крестьянских семей, а не материальные ценности, подлежащие материальной оплате, и будем ли мы считать нужным оплачивать проценты на капитал крестьянских хозяйств, в большинстве случаев находящийся в собственности крестьянства и не занятый, — в зависимости от всего этого мы должны будем исходить в своих дальнейших рассуждениях, связанных с обоснованием заготовительной цены, из той или иной графы нашей таблицы.

Однако какую бы из этих величин, в общем увеличивающих себестоимость на сумму около 15 коп. на центнер, мы ни брали для наших практических целей, мы теоретически можем считать, что, присоединяя издержки по контрактации к технически обусловленным расходам, мы имеет три себестоимости, принципиально отличных друг от друга.

Виды себестоимости	Состав себестоимости
A. Техническая себестоимость	Производственная себестоимость + расход на контрактацию
B. Народиохозяйственная себестоимость	A + процент на капитал
C. Частнохозяйственная себестоимость	B + налоги

Не вдаваясь пока в детальный анализ зависимости себестоимости от различных факторов, о чем будет речь в следующих главах настоящей работы, мы не можем не обратить внимание теперь же на высокий урожай, который главным образом и является причиной того, что себестоимости получились сравнительно низкие. Ниже мы приводим данные об урожаях по отдельным заводам.

Район (завод)	Урожай с 1 га, ц
Рамонский	211,08
К. Либкнехта	166,92
Ракитянский	171,34
Парафиевский	192,98
Велико-Октябрьский	194,75
Октябрьский	297,64
Петровский	263,47
Томский	183,93
Погребищенский	167,80
Верхнячский	179,21
Каменский	177,04
Згуровский	214,23
Езерянский	239,41
Шпиковский	142,8
Антонинский	162,4
Чичеринский	227,3

Эта высокая урожайность, имевшая место в год исследования, несомненно, должна была сделать несколько пониженными и исчисленные нами себестоимости сахарной свеклы. Однако нетрудно в калькуляционном порядке исходя из общих наших материалов исчислить прнближенно интересующие нас себестоимости и при других, более пониженных урожаях.

Нижеследующие таблицы, исчисленные нами для Киевского и Подольского отделений, дают эти приближенные величины себестоимости, соответствующие степеням урожайности. Исчисляя их, мы пользовались простой формулой

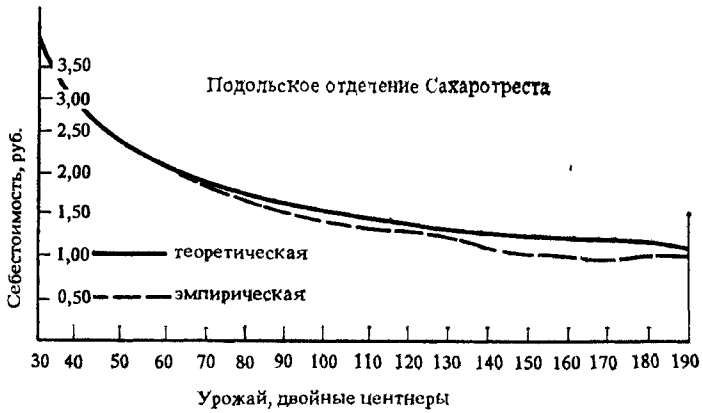
$$\frac{a}{h} + b = y,$$

где y — себестоимости; a — расходы на 1 га пропорциональноплощади; h — урожай с 1 га; b — расход пропорционально урожаю в расчете на 1 ц.

С этой теоретической кривой развития себестоимости мы можем сопоставить эмпирические группировки хозяйств по размеру урожая, исчисленного для каждой степени урожая соответственной себестоимости.

Сравнение цифр при меньшей и при большей урожайности показывает нам, что утроение урожайности вдвое уменьшает величину себестоимости. В одной из ближайших глав, говоря о факторах, определяющих высоту себестоимости, мы будем иметь возможность более детально установить значение урожайности для размеров себестоимости.

Установив, таким образом, на основе нашего обширного эмпирического материала средние себестоимости сахарной свеклы

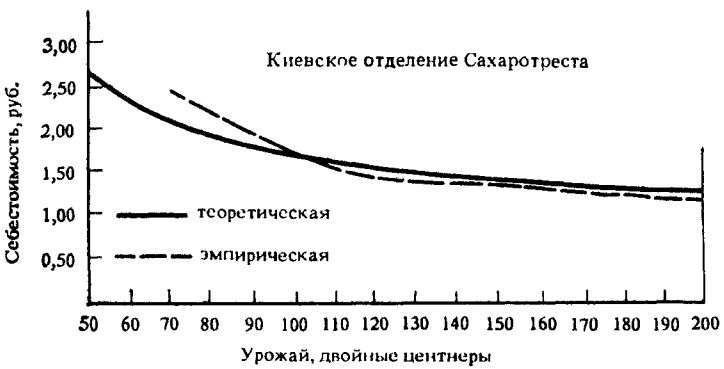

Зависимость себестоимости сахарной свеклы от размера урожая (теоретическая и эмпирическая кривые). Подольское отделение Сахаротреста

в типичных районах, входящих в состав всех отделенческих областей Сахаротреста, мы можем сопоставить получившиеся у нас результаты с теми калькуляционными исчислениями себестоимостей, которые мы имели раньше в нашей практике.

Напечатанная ниже таблица позволяет нам это сделать в отношении основной для Сахаротреста калькуляции М. А. Кручинского, напечатанной в его докладе правлению Сахаротреста, упомянутом нами в первой главе (см. табл. 26).

Приступая к сравнению цифрового материала М. А. Кручинского с результатами нашего исследования, мы должны с самого начала отметить: расчеты М. А. Кручинского по себестоимости могут быть сравнимы с работой института лишь

Зависимость себестоимости сахарной свеклы от размера урожая (теоретическая и эмпирическая кривые). Киевское отделение Сахаротреста

Таблица 26

Сравнительные данные по элементам себестоимости сахарной свеклы по материалам Научно-исследовательского института и работы Кручинского (на 1 га)

Элементы издержек	По работе Кручинского при радиусе 10,7—12,8 км. Урожай 128 ц	По материалам Института сельскохозяйственной экономии							
		Среднее по Сахаротресту	Киевское отделение				Подольское отделение		
			Каменский завод	Езерянский завод	Згуровский завод	Среднее по КОС'у	Шпиковский завод	Антонинский завод	Чиченринский завод
Общие расходы	9,84	16,07	19,33	16,19	17,2	17,58	11,16	7,96	19,58
Полевой инвентарь	—	18,85	2,38	23,51	23,97	22,96	23,70	34,68	26,07
Труд	62,39	72,76	66,06	82,52	113,27	89,73	50,59	62,7	59,29
Тяга	52,74	43,44	41,54	81,98	38,52	54,01	25,25	48,22	41,45
Семена	10,98	12,47	13,45	13,36	11,07	12,81	12,53	12,53	12,63
Удобрение	11,07	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие расходы	4,57	0,42	—	—	—	—	—	—	—
Итого расходов без процента на капитал и контрактации	153,70*	168,39	167,43	223,44	211,62	203,20	128,27	172,19	165,05
Расходы по контрактации	Не учитываются	5,04	3,57	2,20	2,01	2,56	4,21	5,58	6,04
Налоги	2,74	4,68	5,67	5,67	7,04	6,13	5,03	6,13	6,04
Проценты на капитал	Не учитываются	21,76	23,42	21,96	25,2	23,51	19,21	19,58	28,64
Среднее	153,70	195,49	194,42	247,39	238,79	229,28	151,69	197,35	199,72
При урожае 138,6 ц	150,20	—	—	—	—	—	—	—	—
При урожае 160,4 ц	154, 68	—	—	—	—	—	—	—	—

* Из этой суммы для сравнения данных надо исключить стоимость суперфосфата (10 р 40 к.), которого большинство обследованных бюджетных хозяйств не вносит.

Продолжение

Элементы издержек	По материалам Института сельскохозяйственной экономии							
	Подольское отделение	Уманское отделение				Среднее по правобережной Украине	Харьковское отделение	
	Среднее	Верхнячский завод	Томский завод	Погребищенский завод	Среднее		Великооктябрьский завод	Петровский завод
Общие расходы	12,90	15,52	16,75	17,10	16,45	15,62	19,70	21,05
Полевой инвентарь	28,18	17,69	12,31	16,68	15,56	21,59	19,73	17,80
Труд	57,46	54,92	60,95	57,90	57,97	68,37	65,21	101,16
Тяга	38,24	34,03	34,87	55,46	41,45	44,57	49,32	57,39
Семена	12,53	11,58	10,97	12,77	11,77	12,37	12,10	11,78
Удобрение	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие расходы	—	1,19	2,56	1,22	1,34	0,45	1,19	1,18
Итого расходов без процента на капитал и контрактации	155,08	138,61	142,37	165,23	148,42	168,22	171,24	218,41
Расходы по контрактации	5,21	3,44	3,16	4,45	3,68	3,82	3,45	7,45
Налоги	5,76	3,66	3,96	4,11	3,91	5,25	5,00	8,03
Проценты на капитал	21,87	21,43	21,83	19,62	20,96	22,11	22,56	27,34
Среднее	182,16	163,48	167,36	189,30	173,06	194,14	197,25	253,19
При урожае 138,6 ц	—	—	—	—	—	—	—	—
При урожае 160,4 ц	—	—	—	—	—	—	—	—

Продолжение

Элементы издержек	По материалам Института сельскохозяйственной экономии							
	Харьковское отделение			Курское отделение			Восточное отделение	
	Октябрьский завод	Парафиевский завод	Среднее	Завод им. К. Либкнехта	Ракитянский завод	Среднее	Рамонский завод	Среднее по левобережной полосе
Общие расходы	27,53	23,57	22,69	19,27	11,53	12,40	14,46	16,51
Полевой инвентарь	19,42	20,20	19,29	17,29	19,30	18,30	10,70	16,09
Труд	20,00	79,67	89,37	70,27	78,68	74,47	67,61	77,15
Тяга	56,59	54,75	54,51	36,23	32,94	34,58	37,88	42,32
Семена	12,12	13,31	12,33	12,17	12,99	12,53	12,80	12,56
Удобрение	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие расходы	1,24	2,13	1,21	—	—	—	—	0,40
Итого расходов без процента на капитал и контрактации	233,68	196,87	205,01	151,42	159,19	16,33	146,66	169,21
Расходы по контрактации	6,35	1,97	4,80	4,12	—	4,12	9,88	0,78
Налоги	5,28	4,15	5,62	3,11	3,84	3,57	3,20	4,13
Процеиты на капитал	30,77	28,04	27,18	16,74	17,38	17,06	20,86	21,40
Среднее	270,80	226,88	237,04	173,19	176,58	177,04	117,40	196,88
При урожае 138,6 ц	—	—	—	—	—	—	—	—
При урожае 160,4 ц	—	—	—	—	—	—	—	—

весьма условно и с большой оговоркой, так как в основе их лежали разные методы и главное — разные по своей природе данные. Все его расчеты произведены на определенный, нормативный урожай и определенный заданный радиус от завода.

Расчеты института, приводимые здесь, произведены по фактическому урожаю, и при различных радиусах они есть средние по хозяйствам целого района.

Расхождения с упомянутой работой при сравнении наших данных следующие:

1) в работе М. А. Кручинского совершенно не учитывался процент на капитал, который составляет в среднем до 10 % себестоимости. Не учитывались также расходы по контрактации;

2) в счет сахарной свеклы (расход и доход) занесена стоимость суперфосфата (10 р. 40 к.), которая должна быть исключена при сравнении, так как изучаемые нами хозяйства в год нашего обследования употребляли его в значительно меньших количествах, а большинство хозяйств не вносило совершенно.

Если в целях сравнимости исключить стоимость суперфосфата у М. А. Кручинского, а у нас процент на капитал и издержки по контрактации, то сумма издержек на 1 га по М. А. Кручинскому — 157 р. 59 к., средняя по бюджетам — 184 р. 38 к., разность — 26 р. 79 к.

Рассматривая эти различия по отдельным элементам превышения, мы должны отметить три обстоятельства:

а) общие расходы превышают расчеты М. А. Кручинского на 60—65 % с колебанием до 300 %;

в) налоги превышают на 59—64 %;

с) затраты труда и тяги превышают в среднем на 15—20 %, что объясняется отчасти более высоким уровнем урожайности, отмеченным нашими бюджетами.

Эта же повышенная урожайность объясняет нам, почему наши себестоимости, превышающие расчеты М. А. Кручинского на 1 га, оказались ниже его цифр в расчете на 1 ц.

Другое не менее важное сопоставление наших себестоимостей мы должны сделать в отношении тех цен, которые были реально уплачены Сахаротрестом за урожай свеклы, подвергшийся нашему бюджетному обследованию, т. е. за урожай 1925 г.

Как мы знаем, оплата сдаваемой свеклы производится Сахаротрестом, с одной стороны, деньгами, частью даваемыми в аванс, а затем натуральными авансами в виде семян, удобрений и некоторых машин.

Сводя воедино все виды этой выручки крестьян за свеклу, мы для 1925/26 г. имеем.

Общая оплата одного берковца и одного центнера крестьянской свеклы, выплаченная Сахаротрестом в 1925/26 г. равнялась:

Таблица 27

Общая оплата 1 ц крестьянской свеклы

(в руб.)

Виды оплаты \ Год и район	1925 г.		1926 г.	
	I район	II район	I район	II район
	Левобережье	Правобережье	Левобережье	Правобережье
Денежная оплата	1,95	2,10	1,95	2,10
Жом	0,06	0,06	0,075	0,09
Патока	0,05	0,05	0,05	0,05
Семена	0,18	0,18	0,18	0,18
Амортизация сеялки	0,02	0,02	0,02	0,02
Суперфосфат	0,009	0,009	0,044	0,074
Инсектисиды	0,025	0,025	0,03	0,03
За 1 берковец	2,294	2,444	2,349	2,514
За 1 ц	1,16	1,24	1,19	1,27

Таким образом, цена 1926 г. сообразно этим районам будет для наших отделений — Восточного, Курского и Харьковского — 1 р. 27 к., а для Киевского, Уманского и Подольского — 1 р. 19 к. за 1 ц.

Сопоставление с этими ценами нашей технической себестоимости, взятой без процента на капитал, а также без налогов и без учета земельной ренты, т. е. себестоимости чисто технической, дает нам следующую таблицу:

Таблица 28

Соотношение цен и технических себестоимостей

Отделения	Цена (руб.)	Себестоимость франко-бурт без налогов, без процента на капитал, с контрактацией	Коэффициент «К» — цена (средняя себестоимость)
Восточное	1,27	0,72	1,76
Курское	1,27	0,94	1,35
Харьковское	1,27	0,81	1,57
Киевское	1,19	0,91	1,31
Уманское	1,19	0,75	1,59
Подольское	1,19	0,85	1,40

Как видно, соотношение этих величин, которое мы назовем коэффициент «К», колеблется между 1,40 и 1,80, перевес цены на 40—80 % против себестоимости составляют все те виды чистого дохода, которые не учитываются нами при исчислении технических себестоимостей.

Эти нормы являются более или менее нормальными вообще для соотношения технических себестоимостей и цен, так как те же коэффициенты 1,40 и 1,70 мы встречаем в данных различных исследований по другим культурам.

Как мы видим впоследствии, эти расхождения зависят главным образом от того, что при расчете заготовительных цен мы должны ориентироваться не на средние, а на худшие из общественно необходимых к производству земель. Сообразно этому, исчисляя определяющую себестоимость, мы должны учесть получающуюся для лучших земель при такой ориентации дифференциальную ренту. Этот учет значительно повысит уровень себестоимости, но зато приблизит ее к ценам.

В наших условиях социализации земли мы можем ввести в учет ренту, только перейдя от оценки труда по зарплатам к оценке труда по воспроизводству, включающей рентные моменты.

Нижеследующая таблица наглядно показывает нам, насколько благодаря этому наши себестоимости приближаются к ценам.

Таблица 29

Соотношение себестоимости и цены 1 ц крестьянской свеклы

Отделения	Производственная себестоимость при оценке труда по воспроизводству	Стоимость контрактации	Общие частнохозяйственные себестоимости с учетом рентных элементов	Цена 1926 г.
Восточное . .	1,06	0,04	1,10	1,27
Курское . . .	1,37	0,01	1,37	1,27
Харьковское .	1,08	0,02	1,10	1,27
Уманское . . .	1,28	0,02	1,30	1,19
Киевское . . .	1,19	0,01	1,20	1,19

Сопоставляя итоги последней таблицы с итогами предыдущей, мы можем видеть, что средняя по Левобережью 1,19 не совпадает с ценой только на 5 %, а по Правобережью даже превосходит цену. <...>

Глава VII.

ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЫ И СЕБЕСТОИМОСТЬ САХАРНОЙ СВЕКЛЫ

Анализ факторов, влияющих на высоту себестоимости, заключает собой наши основные эмпирические выводы. Несмотря на их лаконичность, они вполне достаточны — если не для решения, то для освещения целого ряда вопросов, связанных с очередными задачами политики цен, сформулированными нами в начале нашей работы.

Читатель может припомнить, что мы сочли принципиально неправильным при исчислении заготовительных цен базироваться на каких-либо конъюнктурных методах исчисления.

Экономика современного состояния народного хозяйства Советского Союза настолько оглична от довоенной экономики, что представляется совершенно нелепым почему-либо полагать, что производимым теперь продуктам должны быть присущи те же ценностные эквиваленты, как и до войны. А поскольку мы при исчислении цен сахарной свеклы также вполне сознательно отказываемся от методов реконструкции процессов рыночного ценообразования и становимся на базис исчисления уровня цен по низшему пределу, гарантирующему воспроизводство капиталов свеклопроизводящих хозяйств, исходным материалом для всех построений должны быть наши данные о себестоимостях.

Однако нетрудно убедиться, что, имея даже вполне исчерпывающий материал о себестоимостях, еще далеко не так просто перейти от них к исчислению декретивных цен*, преследующих указанные нами цели.

При обнаруженном нами крайнем разнообразии себестоимости перед нами с самого начала должен встать основной вопрос, какую именно норму себестоимости положить нам в основу исчисления цен. Вполне логичным решением этого вопроса может показаться привлечение к учету средней арифметической себестоимости, несколько увеличенной на предмет «расширенного» воспроизводства капитала. Однако нетрудно показать, что последовательное проведение этого принципа расчета в течение ряда лет неминуемо привело бы к разрушению производства

Попробуем вникнуть в механизм взаимоотношений между себестоимостью и ценой в условиях обычного рынка.

Представим себе, что установленная нами кривая дисперсии хозяйства 1925/26 г. по группам технической себестоимости (без ренты) является типичной для всей сырьевой базы Сахаротреста, и постараемся уяснить себе условия производства 1 765 000 ц сахарной свеклы, которые произведут эти хозяйства, давая 100 000 ц на каждый центнер наших бюджетных хозяйств.

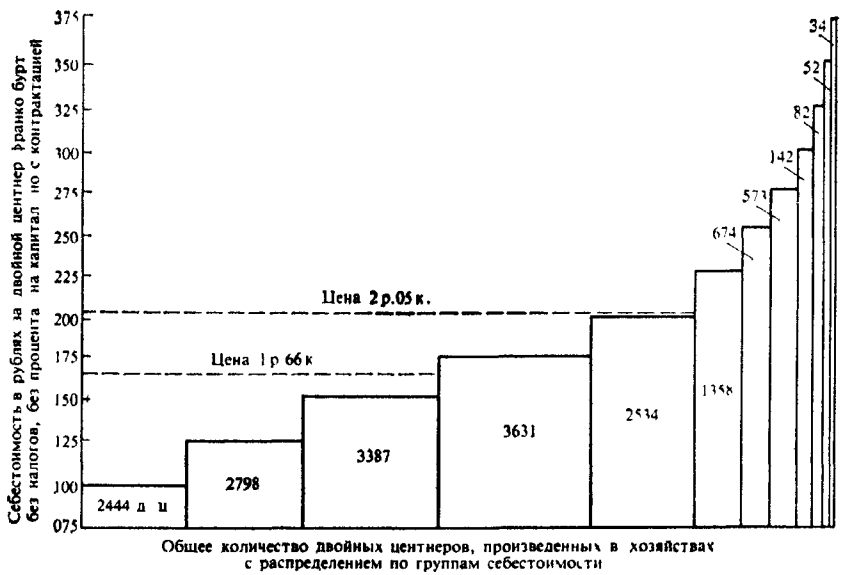
Исходя из нашей кривой дисперсии мы можем распределить

эти 1 765 000 ц производимой сахарной свеклы по группам себестоимости и определить для каждой группы как число центнеров, произведенных по свойственной ей себестоимости, так и суммарную себестоимость всего сырья по каждой группе.

Прилагаемый график, в котором по оси абсцисс отложено число центнеров производящихся хозяйствами по каждой группе себестоимости, по ординатам — высота себестоимости, а в указанных площадях выражены суммарные издержки производства сахарной свеклы по каждой группе, даст нам вполне ясное представление о производящем аппарате наших свеклосахарных районов, если мы, конечно, условно примем, что хозяйство сохраняет свои издержки, урожаи и себестоимости одинаковыми из года в год. Внимательно просмотрев график, мы можем поставить перед собой основной наш вопрос: по каким ценам должна заготовляться сахарная свекла, производимая при таком составе себестоимостей.

Средняя себестоимость двойного центнера свеклы для принятой нами кривой дисперсии 1925/26 г. составляет франко-бурт с учетом расходов по контрактации 1,66 руб.

Нетрудно видеть, что, если мы примем эту себестоимость за декретную цену и на ее основе закупим весь урожай, то только

Соотношение цен и себестоимостей сахарной свеклы в разных группах хозяйств свеклосахарных районов СССР

часть хозяйств, себестоимость свеклы которых ниже рубля, получит при этом полную оплату своих издержек и сможет произвести воспроизводство капитала в тем бóльших размерах, чем ниже будет их похозяйственная себестоимость в отношении так установленной цены. Другая же часть хозяйств образует собой вторую группу, у которой оплата по принятым ценам не только не покроет издержек, но поведет к убыткам и неизбежной ликвидации свеклосахарной культуры, в случае если принятая цена удержится и в последующие годы. При этом согласно произведенному нами в предыдущей главе анализу эта группа по преимуществу состоит из мелких хозяйств.

Отсюда ясно, что декретные цены в 1,66 руб. как постоянно действующие возможны только в том случае, если по соображениям хозяйственной политики количество свеклы, которое следует признать общественно необходимым, невелико и вполне может быть произведено первой группой хозяйств, имеющих себестоимость ниже текущей средней. В этом случае все остальные хозяйства (вторая группа) прекратят производство сахарной свеклы, и останется существовать только первая группа, могущая воспроизвести свой капитал при принятой декретной цене, которая, однако, не будет уже соответствовать средней себестоимости для существующей оставшейся массы хозяйств, а будет совпадать с себестоимостью центнера, который из всех общественно необходимых центнеров будет произведен в наихудших условиях.

Новая же средняя себестоимость для оставшейся совокупности хозяйств будет значительно ниже, и если мы подгоним к ней свою цену, то неизменно вызовем выпадение из производства новой группы относительно слабейших хозяйств.

Отсюда ясно, что в том, случае, если общественно необходимое количество свеклы превышает возможную продукцию первой группы хозяйств с себестоимостями ниже средней, то мы для получения этого общественно необходимого количества должны будем принять декретную цену выше средней себестоимости и довести ее до такого уровня, который бы оплачивал издержки и капиталовосстановление наихудших по себестоимостям хозяйств в пределах того объема производства, который гарантирует выработку установленного нами общественно необходимого количества сырья. Из сказанного совершенно очевидно, что цена заготовки нужного количества свеклы и вообще всякого сельскохозяйственного продукта должна быть выше средней для этого количества себестоимости производства.

Если мы примем существующее между ценой, оплачивающей общественно необходимый продукт, и средней себестоимостью отношение за

$$X = \frac{\text{цена (Y)}}{\text{средняя себестоимость (C)}} = K,$$

то при обратном исчислении цен (Y) будет равно $Y = CK$, где C — средняя себестоимость.

Если признать, что цены, установленные в 1926 г. Сахаротрестом для заготовки свеклы, были как раз те, которые обеспечивали восстановление капитала в тех хозяйствах, которые, находясь в наихудших условиях производства, тем не менее должны были быть включаемы в производство, так как без них нельзя было обеспечить стране общественно необходимое количество продукта, то коэффициент «К» для этого рода был равен по районам от 1,40 до 1,60, как это мы установили в конце нашей главы V.

Вышеизложенный анализ как раз и дает закономерное объяснение тому обстоятельству, что цены Сахаротреста идут выше технических себестоимостей и вполне соответствуют, как это было показано в главе V, себестоимости, исчисленной при учете элементов дифференциальной ренты (по методу оценки труда по стоимости воспроизводства).

Глава VIII.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашему исследованию себестоимости сахарной свеклы, мы можем выдвинуть некоторый ряд положений, которые кажутся нам вполне доказанными анализом материалов, находящихся в нашем распоряжении. Эти положения следующие.

1. Себестоимости сахарной свеклы, так же как и себестоимости других сельскохозяйственных продуктов, исчисляемые в отношении индивидуальных хозяйств, не являются модальной величиной, но в высшей степени отличаются друг от друга, и эти отличия зависят как от местоположения хозяйства по отношению к месту сбыта, так равно и от размеров хозяйства и форм его организации, а наиболее всего от того урожая, который получают эти хозяйства в год исследования. Наибольшие себестоимости в несколько раз (4—5) превосходят наименьшие себестоимости.

2. Себестоимости сахарной свеклы в значительной степени зависят также от того, к какой социальной группе принадлежит исследуемое хозяйство. Они наибольшие у бедняцкой группы и наименьшие у высших групп. Делая этот вывод, мы должны оговориться, что этот вопрос требует еще дополнительного исследования.

3. Несмотря на большие различия между себестоимостями, встречающимися в отдельных хозяйствах, благодаря закономерности этих различий и тому, что состав факторов остается в сельских хозяйствах более или менее постоянным, кривая дисперсии хозяйств по группам себестоимости и вытекающая отсюда средняя себестоимость для всей совокупности свеклосеющего хозяйства является достаточно устойчивой величиной, могущей быть принятой как база для исчисления заготовительных цен.

4. Эта заготовительная цена должна строиться не путем арифметических выкладок, а путем того или иного соображения политики свеклосеяния. В условиях когда в районе со свеклосеянием конкурирует какая-либо другая культура, ценообразование которой не зависит от органов, регулирующих цены, свеклосахарные цены должны строиться с таким расчетом, чтобы оплата труда сахарной культуры не была бы значительно меньше, чем оплата труда и издержек в конкурирующей культуре.

В случае если конкуренция не имеет места и в задачу органов, регулирующих свеклосеяние, входит расширение посевных площадей сахарной свеклы, цена должна давать возможность покрыть издержки не только простого воспроизводства, но и расширенного воспроизводства капитала. В случае же если в задачу регулирующего органа входит только поддержание площадей на стабильном положении, цена должна гарантировать простое воспроизводство капитала. В некоторые отдельные годы, когда по тем или иным соображениям регулирующий орган должен гарантировать дешевую сырьевую базу сахарной промышленности, цена может быть опущена и ниже вышеупомянутых норм, так как некоторое время производство может держать свою площадь, задерживая воспроизводство основного капитала. Имея в виду, однако, что впоследствии этот период должен быть компенсирован периодом более высоких заготовительных цен.

5. Во всяком случае следует считать, что цена должна покрывать собой издержки не хозяйства, находящегося в средних условиях, а того хозяйства, которое находится в худших условиях и продукция которого в то же время является все-таки общественно необходимой. Сообразно этому цена всегда должна быть выше средней себестоимости. В условиях 1925/26 г. коэффициент оплаты сахарной свеклы (отношение цены к себестоимости) равнялся 1,45. Это обстоятельство порождало явления дифференциальной ренты, с которой приходится мириться и ко-

торую нужно извлекать путем дифференциального налогового обложения, а не снижением цен

6 Для дальнейшего изучения себестоимости и главным образом уровня цены, обеспечивающей или не обеспечивающей расширенное и простое воспроизводство капитала крестьянского хозяйства, а также вопросов конкурентоспособности сахарной свеклы с другими культурами является совершенно необходимой организация систематического динамического наблюдения за гнездами крестьянских хозяйств разных социальных типов, учитываемых приходно-расходными книгами

А. ЧАЯНОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

[illegible]

ЭН

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основные идеи, излагаемые в настоящей книге, не являются совершенно новыми для читателей экономической литературы. Некоторые из них впервые были изложены автором еще в 1912 г., т. е. более 10 лет тому назад, другие постепенно оформлялись в исследовательской работе и печатались в различных статьях и работах, и наконец, в 1922 и 1923 гг. автор получил возможность свести их воедино, дополнив разработкой еще не затронутых анализом проблем, и в виде некоторого связиого целого опубликовать первоначально на немецком языке[1].

Теория, как известно, вызвала немало критических замечаний и разборов, особенно обильных за последние годы, когда целая плеяда экономистов в лице Л. Н. Литошенко, С. Н. Прокоповича, Л. Н. Крицмана, Б. Д. Бруцкуса, С. Н. Дубровского, А. А. Мануйлова, Н. Д. Кондратьева, С. Н. Базыкина и других стремилась поставить под знак вопроса многие из ее положений.

Столь разнообразный состав критиков и ожесточенность самой критики указывали нам уже на некоторую зрелость теории. Нам и нашим сотоварищам по направлению экономической мысли в настоящее время уже не приходится страдать от игнорирования наших построений, но надо всячески стремиться к обороне наших положений, выковывая под ударами столь разнообразной критики свои формулировки, отбрасывая неоправдавшие себя построения, уточняя и дополняя то, что оказалось здоровым и правильным в нашей теории.

[1] Tschajanoff A Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaf Berlin, 1923 *

К сожалению, по большей части критики использовали для своего анализа наши ранние работы, а иногда и просто популярные брошюры, написанные с необходимыми упрощениями и грубой схематизацией. Благодаря этому в критике немало недоразумений.

Последнее обстоятельство заставляет нас особенно поторопиться с опубликованием настоящей работы и считать, что только ее формулировки и положения соответствуют теперешнему состоянию теории, в отношении к которой все более ранние работы могут рассматриваться как подготовительные фазы, интересные только с точки зрения генезиса теории.

В весьма пространном «Введении» к настоящей работе автор подробно останавливается на разборе наиболее важных критических замечаний и пытается устранить создавшиеся недоразумения, часто весьма досадные. Вся же остальная «критика» отпадает с опубликованием настоящего текста сама собой как бьющая мимо цели.

Немецкий текст настоящей работы по сравнению с более ранними работами автора содержал совершенно новые главы о взаимоотношении земли, капитала и семьи, об обороте капитала в крестьянском хозяйстве и о народнохозяйственных следствиях, вытекающих из природы крестьянского хозяйства.

В настоящем русском издании к ним добавлены обширная глава об организационном плане крестьянского хозяйства и «Введение», значительно расширены последние главы и редакционно пройден весь текст.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность профессорам Л. Борткевичу, Э. Лауру, А. Веберу, М. Зерингу, О. Аухагену, а также своему переводчику на немецкий язык Ф. Шлемеру за многочисленные критические указания, принятые автором к сведению при разработке русского текста.

Барвиха, на Москве-реке.

Лето 1924 г.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

Крестьянское хозяйство уже в течение многих десятилетий является предметом самого тщательного и подробного изучения. На почве этого изучения не раз возникали острые споры, формировались особые течения экономической мысли, и надо думать, что в русской экономической литературе нельзя найти другую тему, которой бы было посвящено такое же необозримое количество книг и брошюр, представляющих собой самые разнообразные подходы к вопросу и самые различные направления мысли.

Поэтому, выступая с новой работой о крестьянском хозяйстве, совершенно необходимо ориентироваться в отношении всех ранее бывших теорий и поставленных проблем, возможно строго очертить свои задания и метод работы, так как в противном случае трудно будет избежать самых досадных недоразумений и самых неправильных толкований полученных выводов.

Эти предосторожности в свое время не были приняты во внимание исследовавшими то направление, к которому принадлежит автор, и в итоге ему приходится, прежде чем приступить к изложению результатов своей многолетней работы, потратить немало усилий на доказательство самого права на существование того направления, к которому он принадлежит, и немало времени потратить на точное оформление тех методологических основ работы, единообразное понимание которых одно может обеспечить автору, его критикам и читателю возможность говорить на одном языке.

То течение русской экономической мысли, которое получило не совсем удачное наименование «организационно-производственного направления»* и к которому вместе с автором принадлежат А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Минин, Г. А. Студенский и другие, оформилось незадолго перед войной[2] и было вызвано к жизни теми глубокими социально-экономическими изменениями, которые после революции 1905 г.[3] наметились в жизни нашей деревни.

[2] Первая мировая война 1914—1918 гг.— *Ред.*

[3] Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг.— *Ред.*

До этого времени к изучению крестьянского хозяйства подходили в полном соответствии с бывшим тогда уровнем народнохозяйственного развития как к некой полунатуральной народнохозяйственной стихии, интересовались ею как источником налоговых сборов, как внутренним рынком для фабрикантов поощряемой городской индустрии или как неиссякаемым источником дешевой рабочей силы, посылаемой в города пролетаризирующимися слоями деревни. С другой стороны, некоторые из общественно-политических течений, желая в устоях деревенской жизни найти элементы, могущие противостоять надвигающемуся «бедствию капитализма», изучали общину и формы бытовых артелей, пытаясь в них найти искомые твердыни. Однако и эти народнические исследования ставили перед собой социально-экономические проблемы, именно в этой плоскости возник и велся весь знаменитый спор народников и марксистов о судьбах земледелия, развитии в нем капитализма, о дифференциации и пролетаризации крестьянства, и, мы повторяем, иных подходов к крестьянству в то время невозможно было и ожидать.

Положение дел начинает постепенно видоизменяться, поскольку в начале текущего столетия намечается коренной перелом в самых основных устоях нашего земледелия, да и всего народного хозяйства.

Изменение мировой рыночной конъюнктуры в сторону, благоприятную для сельского хозяйства, образование в России благодаря развитию индустрии внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства, быстрое развитие рыночных отношений и товарности крестьянского хозяйства, быстрый рост торгового капитализма, неудержимый рост кооперативного движения, неуклонное нарастание всяких организаций, содействующих сельскому хозяйству, и в особенности организаций агрономической помощи населению,— все это, появляясь вполне незаметно в форме всякого рода «попыток», «начинаний» и «интересных явлений», с каждым годом нарастало все более и более *количественно*, превращалось в массовое явление, и к началу войны наша деревня уже *качественно* была мало похожа на деревню прошлого столетия.

Само собою понятно, что в дальнейшем, в советский период нашей истории, все эти процессы еще более углубились и пропасть между новым и старым стала еще более глубокой.

Для нас в этом исключительно глубоком историческом процессе в настоящий момент особенно важно было то обстоятельство, что в толще деревни появились многие тысячи агрономов и кооперативных работников, которые не только наблюдали и изучали, но по своей профессиональной работе обязаны были организовывать крестьянское хозяйство, подробно вникать в основы его организационного плана, искать и находить пути его

видоизменения и строить путем молекулярной работы новую русскую деревню.

Само собой понятно, что в этой совершенно новой для всего русского общества работе агрономы и кооператоры нередко оказывались, как в лесу, и многократно терялись. Перед нами вставало великое множество полутехнических, полуэкономических проблем, не предусмотренных никакими книгами и не рассмотренных еще никакими учеными школами.

Учет рентабельности химических удобрений в условиях русской деревни, нормы оплаты кормов, нормальный состав стада, выгодность одного и другого севооборота, экономическая оценка различных систем кормодобывания, обоснование мелкого кредита, организация труда в хозяйстве, пределы применения сельскохозяйственных машин и многое другое, в чем техника и экономика перемешивались в самых разнообразных сочетаниях.

Все эти вопросы были совершенно неотложны, так как без того или иного их разрешения, хотя бы немного грубого, было немыслимо само продолжение агрономической работы. Поэтому не мудрено, что в самых разнообразных углах нашей страны самые разнообразные авторы начали решать различные организационные вопросы сельскохозяйственного производства. Достаточно прочитать статьи местных агрономических журналов, протоколы прений уездных и губернских агрономических совещаний, отчеты агрономов и статистические сборники этих знаменательных 10-х годов нашего века, чтобы воочию увидеть подпочву организационно-производственного направления экономической мысли. Те авторы, с именами которых связывается это направление, в большинстве своем агрономы, отчасти кооператоры и статистики, если не ошибаюсь, впервые лично встретились на Московском областном агрономическом съезде 1911 г.*, и с этого года в формах жесткой междоусобной полемики постепенно выкристаллизовалось и само направление.

Главной литературной цитаделью направления был Харьковский «Агрономический Журнал»*, редактируемый К. А. Мацеевичем, где наряду со сторонниками направления работали Н. Н. Суханов, П. П. Маслов, а секретарем, если не ошибаюсь, был М. А. Ларин.

За последнее время почему-то принято считать, что научно-исследовательская работа «организационно-производственного» направления сводится к построению особой теории крестьянского хозяйства. Это одно из глубочайших заблуждений. Наша группа, отвечая на практические запросы агрономов и кооператоров, занесла в свои активы обширный круг разработанных ею тем: методы сельскохозяйственного районирования, использование статистики железнодорожных перевозок для товарной характеристики районов, счетоводный анализ крестьянских хозяйств, методика бюджетных и анкетных исследований, кропотливое

изучение специальных культур и кустарных промыслов, анализ работы учреждений мелкого кредита, монографическое описание маслодельной, картофельной, льняной и молочной кооперации, изучение эволюции организационных форм сельского хозяйства, основы водного хозяйства на орошаемых землях, установление оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, методы технического учета сельскохозяйственного производства, теория сельскохозяйственной кооперации, методика агрономической помощи населению. Таков далеко не полный круг тем, которые освещались в работах А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова, А. А. Рыбникова и других авторов направления. Теория крестьянского хозяйства была только одной из этих тем, правда, быть может, наиболее спорной, так как все остальные работы обычно не встречали критических замечаний.

Тем не менее сообразно предмету настоящей работы мы должны оставить в стороне все другие исследования школы и сконцентрировать наше внимание на присущей ей теории организации крестьянских хозяйств.

Вопрос о теоретических основах организации крестьянского хозяйства был постепенно выдвинут из горнила агрономической и кооперативной практики и поставлен первоначально в виде многочисленных отдельных недоумений и размышлений над частными организационными проблемами.

Генетически наше учение сложилось из двух русел исследовательской работы:

1. Постепенного накопления огромного эмпирического материала по вопросам организации крестьянского хозяйства, полученного частью путем обработки данных земской и государственной статистики, частью путем самостоятельных, по преимуществу бюджетных, исследований. Простое индуктивное обобщение этого материала приводило к целому ряду бесспорных эмпирических выводов, составляющих, как увидит из последующих глав читатель, две трети содержания настоящей книги.

2. Установления, также эмпирически, целого ряда фактов и зависимостей, которые не укладывались в рамки обычного представления об основах организации частнохозяйственного предприятия и требовали какого-либо специального толкования. Эти специальные объяснения и толкования, даваемые в начале в каждом конкретном случае отдельно, внесли в обычную теорию частнохозяйственного предприятия такое количество осложняющих элементов, что в конце концов оказалось более удобно обобщить их и построить особую теорию трудового семейного предприятия, несколько отличающегося по природе своей мотивации от предприятия, организованного на наемном труде. Эта гипотеза освободила теоретический анализ организации крестьянского хозяйства от многочисленных поправок, исклю-

чений и осложнений и позволила построить более или менее стройное логическое обобщение всего эмпирического материала.

Таким образом и создалось постепенно *«особое* понимание природы крестьянского хозяйства»*, с которым связано столько досадных недоразумений.

Так как из этих двух путей генезиса нашего учения об организации крестьянского хозяйства только второй имеет методологический и теоретический интерес, мы и постараемся возможно подробно и конкретно осветить его этапы.

Главнейшие факты и эмпирические зависимости, обратившие внимание на особенности в организации крестьянского хозяйства, можно свести к следующим, имевшим для развития теории решающее значение.

1. В конце прошлого столетия пермский агроном Д. И. Кирсанов, занятый распространением среди крестьян улучшенного инвентаря, наткнулся на крайние затруднения в распространении молотилок, несмотря на их крайнюю, бухгалтерски исчисленную выгодность. Главную причину этого неуспеха он видел в том, что в данном случае труд, вытесняемый машиной, в условиях зимнего времени в Пермской губернии не мог найти себе никакого приложения. Благодаря этому несомненное удешевление производства наталкивалось здесь на тот факт, что введение усовершенствованной и выгодной машины не только не увеличивало общей суммы доходов крестьянина, но уменьшало ее на величину ежегодной амортизации машины. Если согласно аналогии с организационными основами обычного частного предприятия считать, что крестьяиское хозяйство есть такое предприятие, в котором предприниматель и рабочий соединены в одном лице, то в данном случае выгода крестьянина как предпринимателя целиком погашалось его убытками как наемного рабочего, вынужденного удлинить свою сезонную безработицу.

2. Незадолго до революции 1905 г. киевский проф. В. А. Косинский написал толстую книгу, называемую «К аграрному вопросу»*, где с очень большой тщательностью и обширным материалом доказывал, что арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у наемных владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих же земель можно получить при капиталистической их эксплуатации! Около этого же времени П. П. Маслов отметил это обстоятельство в I томе своего «Аграрного вопроса»* и установил понятие «потребительской аренды», в которой под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платят за аренду земли не только ренту и весь чистый доход, но и значительную часть своей заработной платы. В данном случае опять интересы крестьянина как рабочего, бедствующего в своем хозяйстве от безработицы, пересиливают его интересы как предпринимателя. Впоследствии было показано,

что отмеченная особенность распространяется не только на арендные платы, но и на цены на землю, платимые крестьянами в размерах, значительно превышающих капитализированную ренту.

3. Такое же объяснение, как и в случае с продовольственной арендой, мы должны были дать при анализе экономических основ крестьянского льноводства и картофелеводства. Эмпирические материалы, собранные в отношении этих трудоемких культур, указывали, что часто эти культуры по сравнению, например, с овсом дают при бухгалтерском анализе очень малую чистую прибыль, а потому почти никогда не получают большого распространения в частновладельческих и крупнокрестьянских хозяйствах. Малоземельные крестьяне, теряя в размере чистой прибыли, весьма широко их разводят, так как этим получают возможность расширить объем реализуемого ими в своих хозяйствах труда и сократить сезонную безработицу.

4. Вологодские, воронежские и ряд других бюджетных исследований * указали нам обратную зависимость между земельным наделом и размером промыслового дохода. Чем меньше площадь землепользования, тем больший объем приобретает промысловая деятельность. При этом весьма интересно то, что суммарный доход от сельского хозяйства и промыслов вместе если не постоянен в различных посевных группах, то во всяком случае более постоянен, чем промысловый и сельскохозяйственные доходы в отдельности.

Говоря иначе, поскольку нам крестьянин как рабочий-предприниматель не в состоянии развить в своем хозяйстве достаточную реализацию своего труда и добыть себе достаточный, по его мнению, заработок, он бросает на время свое предприятие и превращается просто в рабочего, бегущего в чужое предприятие, спасаясь от безработицы в собственном.

5. Проф. Н. П. Никитиным в одной из работ в семинарии А. Ф. Фортунатова удалось установить, что в России в отличие от Англии заработные платы не прямо, а обратно пропорциональны ценам на хлеб*. Так как цены на хлеб определялись урожаем, то объяснение отмеченного феномена, естественно, сводилось к тому, что крестьяне как рабочие-предприниматели в годы неурожая и, следовательно, высоких цен, не имея возможности свести концы с концами за счет своих сельскохозяйственных предприятий, выбрасывали себя как рабочих на рынок труда и сбивали заработные платы массовым наплывом предложения рабочих рук.

6. Анализ бюджетных материалов по мелкокрестьянским хозяйствам Швейцарии, Вологодской, Московской, Харьковской, Новгородской и Тамбовской губерний* с несомненностью установил, что рабочая сила крестьянских семей используется ими далеко не в полной и не в одинаковой степени напряжения и

на степень этой самоэксплуатации в сильной степени влияет степень валовой производительности этого труда.

Так, например, если в зависимости от улучшения рыночной конъюнктуры или более рентного положения хозяйства каждая единица труда начинает давать бóльшую выработку, то общая выработка хозяйства, конечно, растет, но не с такой скоростью, с какой нарастает производительность единицы труда, а следовательно, число реализуемых единиц труда падает, что подтверждается и прямыми наблюдениями. В данном случае крестьянин как рабочий, воспользовавшись благоприятным положением хозяйства и своими рентными доходами, заставляет крестьянина как предпринимателя предоставить ему лучшие условия труда в смысле сокращения годового рабочего времени вопреки естественному стремлению предпринимательства расширить объем хозяйственной работы для использования удачной конъюнктуры.

Приведенный список нарушений предпринимательских правил крестьянским хозяйством, как это читатель увидит в последующих главах, может быть значительно расширен. Последние исследования установили, что все они особенно ярко выражены в районах аграрного перенаселения, материалы которых и послужили нам для наших первых работ.

Однако ввиду массового характера аграрной перенаселенности отмеченные явления имеют столь же массовый характер и могут дать достаточный материал для изучения.

Как видно из нашего попутного анализа, все эти случаи могут быть истолкованы при помощи категорий капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Для этого, однако, приходится создавать весьма сомнительную концепцию, объединяющую в лице крестьянина и предпринимателя-капиталиста, и эксплуатируемого им рабочего, впадающего в хроническую безработицу и заставляющего своего хозяина во имя своих рабочих интересов переламывать свое хозяйство и поступать предпринимательски невыгодно. Возможно, что эта фикция в интересах монизма экономического мышления и должна быть сохранена, как указывал, например, проф. А. Вебер, во время нашего с ним личного разговора по поводу немецкого издания этой книги.

Однако нам лично она кажется слишком натянутой и искусственной и к тому же практически скорее запутывающей наблюдающиеся факты, чем поясняющей их. Поэтому мы более склонны воспользоваться для теоретического истолкования наблюдавшихся организационных особенностей другой гипотезой, основанной на концепции крестьянского хозяйства как трудового семейного хозяйства, в котором семья в результате затраты годичного труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом.

Говоря иначе, мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы.

В этой скромной предпосылке в сущности и заключается вся оригинальность нашей теории организации крестьянского хозяйства, так как все остальные выводы и построения *строго логически* вытекают из этого основного предположения и увязывают весь эмпирический материал в довольно стройную систему.

В противопоставлении этих двух гипотез весь ключ вопроса: мы должны принять или концепцию фиктивного двоедушия крестьянина, объединяющего в своем лице и рабочего, и предпринимателя, или концепцию семейного хозяйства с мотивацией своей работы, аналогичной мотивации сдельщины. Ничего третьего не дано*.

Мы остановили свой выбор на втором как на гипотезе, менее эффективной и более просто поясняющей все наблюдаемые явления. Впрочем, на наш выбор в значительной степени повлияло и некоторое расширение теоретической постановки вопроса о крестьянском хозяйстве.

Концепция крестьянского хозяйства как хозяйства предпринимательского, в котором хозяин нанимает самого себя в качестве рабочего, мыслима только в условиях капиталистического строя, так как вся она состоит из капиталистических категорий. Крестьянское же хозяйство как организационная форма, а в настоящий момент оно нас только так и интересует, вполне мыслимо и в других народнохозяйственных системах, а именно в условиях крепостнически-феодальных, в условиях крестьянско-ремесленных стран и, наконец, в условиях чисто натурального быта, т. е. в условиях таких народнохозяйственных систем, в которых совершенно отсутствовали категории наемного труда и заработной платы — если не исторически, то логически.

Сообразно этому если мы хотим иметь для крестьянского трудового хозяйства одну организационную концепцию вне зависимости от того, в какую народнохозяйственную систему оно входит, то мы должны будем неизбежно остановиться на семейно-трудовом понимании его организационной сущности.

Само собой понятно, что для каждой системы народного хозяйства и даже для каждой фазы ее развития народнохозяйственная роль крестьянских хозяйств, их взаимоотношение с другими типами хозяйств, взаимоотношения и борьба крестьянства как класса с другими сосуществующими ему классами и, наконец, форма участия и доля в распределении национального

дохода будут в высшей степени различны. Но организационный склад основной ячейки крестьянского трудового семейного хозяйственного предприятия останется тот же самый, всегда в частностях видоизменяющийся и приспособляющийся к окружающей народное хозяйство обстановке, до тех пор, конечно, пока крестьянское хозяйство существует как таковое и не начало перестраиваться в другие организационные типы.

Таков генезис и такова сущность нашей теории крестьянского хозяйства *как учения об одной из организационных форм частнохозяйственного предприятия.*

Мы претендуем пока только на то, что нами было изложено, и ни на что больше: только на особую главу из курса организации хозяйства, прославленного немецкого Betriebslehre *.

И совершенно неправы те наши критики, которые, не поняв скромности наших намерений (а в этом и мы повинны несколькими чересчур громкими фразами ранних работ), обвиняют нас в исключительно дерзких покушениях, от которых мы сами достаточно далеки. Критические замечания, обычно сопутствовавшие развитию организационно-производственного направления, если не считать случайных указаний, обычно основанных на недоразумении, которые, естественно, отпадают сами собой при подробном ознакомлении с настоящей систематизированной работой, обычно сводились к пяти серьезным обвинениям.

Перечислим их все:

1) нам указывают, что организационно-производственная школа берет крестьянское хозяйство статично и рассматривает его оторванно от окружающей социально-экономической и исторической действительности, что является после новейших марксистских и иных работ наивным и грубо неправильным;

2) организационно-производственная школа не пользуется марксистским методом и по своей сущности является эпигоном австрийской школы предельной полезности*;

3) описываемого нами трудового крестьянского хозяйства с благородной трудовой мотивацией в настоящее время в природе не встречается. Все крестьянство обуреваемо предпринимательством, и фермерский тип организации земледелия — ближайший этап нашего сельского хозяйства, а поэтому практически не интересно изучать отжившие формы;

4) организационно-производственное направление совершенно игнорирует, что крестьянское хозяйство втянуто в капиталистическую систему мирового хозяйства, жестоко эксплуатируется мировым капиталом, борется с ним, само по себе не является однородным идеологическим сладеньким собранием патриархальных трудовых хозяйств, но представляет собой ряд дифференцированных групп, ведущих ожесточенную борьбу между собой;

5) организационно-производственное направление идеализирует распыленные, пропитанные мелкобуржуазным духом крестьянские хозяйства, выковывает их идеологию и тем поддерживает реакционные докапиталистические еще формы народного хозяйства.

В высшей степени просто показать, что все эти обвинения неверны и основаны на самых грубых недоразумениях. Постараемся рассмотреть каждое в отдельности.

1. Если бы мы ставили перед собой задачу дать анализ крестьянского хозяйства как народнохозяйственного явления, мы, несомненно, должны были бы рассматривать его динамически, в связи с той исторической обстановкой, в которой оно существует, и анализировать его как историческую, а не как логическую категорию.

Этой задачи мы пока что перед собой не ставим. Мы не занимаемся ни судьбами крестьянского хозяйства, ни его исторической и народнохозяйственной концепцией, ни даже историческим развитием систем хозяйства. Наша задача несоизмеримо скромнее. Мы просто стремимся понять, что собою представляет крестьянское хозяйство с организационной точки зрения, какова морфология того производственного аппарата, который называется трудовым крестьянским хозяйством. Нас интересует, как в этом аппарате достигается соразмерность частей, как достигается организационное равновесие, какова механика оборота капитала и его восстановления в частнохозяйственном смысле, каковы методы определения выгодности и рентабельности и каковы формы реакции на воздействия внешних природных и экономических факторов, принимаемых нами как данное.

При всем этом нас интересует не система крестьянского хозяйства и формы организации в их историческом развитии, а сама механика организационного процесса.

А этот организационный анализ по самой своей природе должен быть статичен, как является статичным анализ конструкций паровоза Компаунд* или какого-нибудь турбогенератора.

Нам могут сказать, что изучение морфологии не нужно для народнохозяйственного понимания крестьянского хозяйства и что эта задача не экономиста, а техника. Мы не будем спорить и согласны впредь именоваться агрономами, но, по нашему разумению, для народнохозяйственного понимания крестьянского хозяйства статическое организационно-агрономическое изучение его столь же необходимо, как и динамическое его изучение в составе всей исторически развивающейся системы народного хозяйства.

В составе каждой науки должны быть и динамические, и статические элементы. Для того чтобы понять жизнь растений, мы должны ныне изучить геоботанику, жизнь растительных

форм по ископаемым остаткам, ознакомиться с теориями Ч. Дарвина и Де-Фриса, изучить весь механизм физиологии растений. Но все это не только допускает, но и требует настоятельного и притом предварительного изучения анатомии растительной клетки и морфологии, скажем, листа.

При этом, конечно, никто не заподозрит морфолога стебля, что он на основании анализа камбиального слоя будет выводить законы распространения сложноцветных по ботаническим зонам Европы.

То же самое и в экономии. В системе К. Маркса, которого уж никак нельзя упрекнуть в пренебрежении к динамике, можно найти немало статических элементов и приемов статического анализа. Теория ценности, морфология кругообращения капитала и процессов расширенного и простого восстановления капитала статичны и сконструированы путем логического анализа для того, чтобы впоследствии употребить их как оружие для исторического динамического анализа действительности.

Говоря короче, мы *пока* разрабатываем морфологические статические элементы науки о крестьянских хозяйствах. Уже по одному этому они не могут быть противопоставлены никакой иной динамической народнохозяйственной концепции крестьянского хозяйства.

В своем современном виде они в высшей степени полезны агрономам-организаторам точно так же, как и статически сконструированные курсы организации хозяйства Т. Гольца, Ф. Ватерстрадта и Ф. Эребо полезны для организации крупных немецких хозяйств.

В дальнейшем наш морфологический анализ послужит, по всей вероятности, ценнейшим орудием для динамического анализа крестьянского хозяйства во всей сложности его исторической обстановки.

Во всех тех, правда немногих, случаях, когда экономисты организационно-производственной группы подходили к народнохозяйственным проблемам, они всегда становились на динамическую точку зрения. Достаточно прочитать книгу Н. П. Макарова «Крестьянское хозяйство и его эволюция»* или работы А. А. Рыбникова о промышленном льноводстве*, чтобы воочию убедиться в том, что они построены в плоскости сугубо динамического анализа.

2. В наших объяснениях по первому обвинению мы в некотором отношении ответили и на второе. Поскольку нашей задачей является организационный анализ производственного аппарата крестьянского хозяйства, мы тем самым неизбежно должны оставаться в пределах статических методов организационного анализа. Методы же марксистского народнохозяйственного анализа выработаны и применяются в практике не частнохозяйственных, а народнохозяйственных исследований и

в высшей степени трудно перенести их, например, в сельскохозяйственную таксацию или счетоводство, а равно и в анализ организации предприятий.

Очень многие из методов марксизма давно уже получили всеобщее признание, органически вошли в методику общественных наук, и было бы в высшей степени смешным, если бы мы обошли их, приступив к анализу крестьянского хозяйства как народнохозяйственной категории. Мы думаем, что в ближайшие же годы на примере исследования народнохозяйственных проблем мы сможем уяснить себе и другим, что́ из богатого опыта марксистской методики будет усвоено нами в практической исследовательской работе.

Несколько сложнее дело обстоит с обвинением в приверженности к «австрийскому дому»*.

Однако это обвинение скорее личного, чем школьного, характера. В состав организационно-производственного направления, как равно и в состав его критиков, входят экономисты самых разнообразных общеэкономических приверженностей, и я, например, совершенно не могу припомнить взглядов А. Н. Челинцева на проблему ценности, знаю только, что он — ярый противник закона убывающего плодородия земли. Ни у Н. П. Макарова, ни у А. А. Рыбникова, ни тем более у А. Н. Минина нет ни строчки, дающей основания заподозрить их в «австрийском грехе»*.

У автора же настоящей книги действительно встречаются выражения, и даже в настоящей книге, вроде «субъективные оценки», «предельная затрата труда» и даже «полезность предельного рубля выработки работника»*. Тут уже отпереться трудно. Однако я все-таки это обвинение считаю неправильным и, говоря словами одного французского арестанта, «будучи убийцей, вовсе не хочу, чтобы меня называли отравителем».

Гипотеза субъективного трудопотребительского баланса мною применяется для анализа внутрихозяйственных процессов и для установления природы мотивации хозяйственной деятельности крестьянской семьи. За пределами своего хозяйства, в сфере межхозяйственных отношений, крестьянское хозяйство проявляется и может проявляться только своими объективными действиями, и из массового взаимоотношения этих действий с действиями других слагающих народнохозяйственной системы и образуются объективные социальные феномены цены, ренты и пр.

В первом томе «Капитала» К. Маркс признает возможность потребительской оценки благ, но утверждает, что из нее нельзя вывести социальный феномен ценности*.

Аналогично этому я устанавливаю в хозяйственной практике крестьянского хозяйства наличность трудопотребительского баланса и его большой роли для определения объема хозяйствен-

ной деятельности семьи, но совершенно не считаю возможным выводить из этого факта всю народнохозяйственную систему.

Автор настоящей книги в отношении австрийской школы стоит приблизительно в таком же отношении, как и И. Тюнен, для которого принцип предельности также играл немалую роль.

3. Наши критики иногда указывают, что само трудовое крестьянское хозяйство, являющееся объектом нашего анализа, в настоящее время изживается как народнохозяйственное явление и для ближайших десятилетий будет представлять собой анахронизм и что даже в настоящее время в пределах исторически существующего крестьянства можно различить немало самых разнообразных образований, из которых хозяйства с трудовой основой составляют только часть, и что, наконец, сами трудовые хозяйства, поскольку они жизнеспособны, полны приобретательства и предпринимательства и при первой возможности становятся полукапиталистическими хозяйствами.

Все это, может быть, и верно или, точнее, почти верно. В историческом развитии народного хозяйства различные экономические образования то развиваются, то клонятся к упадку, а иногда и совершенно выпадают и уносятся в прошлое. Вполне возможно, что когда-нибудь изучаемые нами формы трудового крестьянского хозяйства будут существовать только в исторических хрониках и народных песнях. Исследование о судьбах крестьянского хозяйства как научно-хозяйственного образования нас в настоящее время не интересует.

Однако ясно, что в пределах ближайшего десятилетия трудовые крестьянские хозяйства остаются все-таки непреложным фактом в целом ряде стран, в том числе и в СССР, и нам, практическим деятелям сельского хозяйства, придется строить будущие формы земледелия исходя из существующих форм крестьянского хозяйства, а поэтому мы и практически заинтересованы в возможно более глубоком его изучении.

Совершенно верно, что крестьянское хозяйство неоднородно и в его составе, помимо трудовых крестьянских хозяйств, немало и полупролетарских, и полукапиталистических, вполне подходящих под описание их проф. Л. Н. Литошенко*. Однако мы и не предлагаем считать нашу организационную теорию за универсальную теорию, охватывающую все виды предприятий, именующих себя крестьянскими. Мы исследуем только *организационные формы семейного хозяйства в земледелии* и распространяем свои выводы только на этот, все еще довольно значительный народнохозяйственный массив.

Правда, Л. Н. Литошенко сомневается, что и представителям этого массива свойственна психология трудопотребительского баланса, и настойчиво предлагает считать стяжательство основной чертой крестьянской психологии*. Однако в этом случае надо условиться точно, что такое психология стяжательства

и что такое трудопотребительский баланс. Вольно же нашим критикам понимать теорию трудопотребительского баланса как сладенькое живописание российского крестьянства наподобие благонравных пейзан, всем довольных и живущих, как птицы небесные. Мы сами такого представления не имеем и склонны полагать, что каждый крестьянин не отказался бы ни от хорошего ростбифа, ни от граммофона, ни даже от пакета акций «Ойл Шелл Компани», если бы к тому представился случай. К сожалению, в массе такого случая не представляется, и каждая копейка достается крестьянской семье тяжелым напряженным трудом. А в этих обстоятельствах ей приходится отказываться не только от акций и граммофона, но подчас и от говядины.

Нам думается, что если бы Ротшильд при социальной революции в Европе сбежал бы в какую-нибудь сельскохозяйственную страну и вынужден был бы заняться крестьянским трудом, то при всей своей буржуазной приобретательской психологии он оказался бы послушным правилам поведения, установленным организационно-производственной школой.

А кроме того, приходится напомнить, как это мы уже отметили, что сама теория трудопотребительского баланса создалась не из головы теоретика, а явилась в результате наблюдения особенностей в хозяйственном поведении крестьянских масс, которые только с помощью этой гипотезы и удалось пояснить.

Тем не менее следует признать, конечно, что наши построения схематизируют жизнь и, как всякая абстрактная теория, имеют своим объектом мыслимое хозяйство, гораздо более чистое в своем типе, чем те, с которыми приходится встречаться в действительности. Впрочем, в настоящем издании мы помещаем новую обширную главу, трактующую об организационном плане крестьянского хозяйства во всей его конкретности, и читателю будет нетрудно увидеть, в какой мере в действительности проявляются отмеченные нами организационные особенности.

4. Обвинение нас в том, что мы рассматриваем крестьянское хозяйство вне связи с мировым капиталистическим оборотом, вне борьбы классов и как бы вне всех социальных и экономических особенностей, которые составляют сущность современного периода развития народного хозяйства, основано также на недоразумении и отпадает по тем же основаниям, как и обвинение нас в статичности анализа.

Все перечисленные проблемы, важность которых мы не отрицаем и необходимость тщательного изучения поддерживаем, стоят вне нашего внимания, поскольку мы имеем объектом внутренние организационные устои индивидуального семейного хозяйства, работающего в данных для него условиях.

Этот пункт критических недоразумений мы считаем едва ли не самым важным для выяснения вопроса и потому позволяем себе остановиться на нем более подробно.

Как мы уже отмечали вскользь, крестьянское хозяйство как организационный тип производящего аппарата существовало исторически и мыслимо теоретически входящим в различные народнохозяйственные системы.

С некоторыми видоизменениями своей внутренней структуры оно может составить основу натурального строя, явиться слагающей народнохозяйственного строя, состоящего из крестьянских хозяйств и семейного городского ремесленного хозяйства, стать базой феодального хозяйства, и в каждом из этих народнохозяйственных режимов крестьянское хозяйство занимает особое, не похожее в каждом отдельном случае на другие положение, по-разному связывается с другими общественными классами и по-разному ведет себя в перипетиях свойственной каждому режиму классовой борьбы.

В настоящее время почти повсеместно крестьянское хозяйство втянуто в систему капиталистического товарного рынка, во многих странах находится под влиянием кредитующего его финансового капитала и сосуществует с капиталистически организованной промышленностью, а кое-где и с земледелием *.

Со всеми этими слагаемыми современного хозяйства крестьянские предприятия находятся в весьма сложных социальных взаимоотношениях, и после работ проф. П. И. Лященко об эволюции русского сельского хозяйства и В. И. Ленина об американском хозяйстве* с большой наглядностью можно видеть, что развития капиталистического влияния и концентрации в сельском хозяйстве следует ждать не обязательно в форме зарождения и развития латифундий, но, всего вероятней, в форме торгового и финансового капитализма, захватывающего экономическую диктатуру над весьма значительными сельскохозяйственными массивами, остающимися по-прежнему в производственном отношении составленными из мелких семейно-трудовых крестьянских предприятий, в своей внутренней организации подчиняющихся законам трудопотребительского баланса.

Мы отчетливо сознаем необходимость для организационно-производственного направления показать в особых исследованиях то место, которое крестьянское хозяйство занимает в общей системе современного народного хозяйства, и дать теоретическую увязку нашей организационной концепции с основными линиями учения о народном хозяйстве и форме его развития.

В конце настоящей книги мы останавливаемся на некоторых народнохозяйственных следствиях, вытекающих, по нашему мнению, из установленной нами организационной природы крестьянского хозяйства. Однако эти замечания не претендуют на

значение народнохозяйственной теории и только подходят к ней. Они статичны и скорее характеризуют крестьянское хозяйство как народнохозяйственный материал, нежели устанавливают историческую народнохозяйственную концепцию крестьянского хозяйства. Их отношение к народнохозяйственному анализу исторически существующего хозяйства то же, как учение А. Вебера о Standort'е индустрии к изучению развития современной промышленности*.

Следующим этапом в развитии направления будет всесторонний анализ крестьянского хозяйства как народнохозяйственного явления во всей его исторической конкретности, и надо думать, что в ближайшие годы этот анализ будет выполнен кем-либо из авторов школы.

5. После всего вышесказанного в сущности излишне было бы останавливаться на пятом пункте адресованных к нам критических замечаний, тем более что на всем протяжении настоящего исследования ни слова не говорится ни о какой идеологии.

Однако памятуя то обстоятельство, что многих из наших читателей этот пункт интересует особенно и что многократно наши оппоненты указывали нам, что «важно не то, что они говорят, а то, чего они не говорят», мы считаем необходимым остановиться и на этом пункте.

Можно ли агронома, внимательно изучающего в районе своей деятельности местные весьма жалкие породы скота и формы его содержания, местные севообороты и сорта сорняков, обвинять на этом основании, что он является приверженцем трехпольного земледелия и врагом агрономического прогресса? Я думаю, что вряд ли кто-нибудь на это решится.

А можно ли экономистов, многие годы работающих над молекулярным анализом основ современного крестьянского хозяйства, на этом основании обвинять в том, что они реакционны, что они идеологи мелкобуржуазного собственнического крестьянского хозяйства, распыленного и индивидуалистического, отмежеванного от всяких общественных форм производства, что они мракобесы, отрицающие всякий агрономический прогресс и завоевания науки? Очевидно, можно! Можно даже в том случае, если критикуемые авторы состоят активными работниками кооперативного движения и руководителями агрономической помощи населению, говорю, можно потому, что некоторые из наших критиков так и поступают.

Работая в течение всей своей жизни в той или иной связи с крестьянским хозяйством, экономисты организационно-производственного направления, естественно, на многое в экономической жизни привыкли смотреть с точки зрения интересов крестьянского хозяйства. Весь вопрос, однако, в том, с точки зрения *какого* крестьянского хозяйства.

Тщательно изучая современное крестьянское хозяйство *как оно есть*, мы изучали прежде всего тот исходный материал, из которого, по нашему мнению, исторически должна в ближайшее десятилетие вырасти новая деревня, превратившая путем кооперации значительную часть своего хозяйства в формы общественно-организованного производства, деревня, индустриализированная во всех областях технической переработки, механизированная и электрифицированная, деревня, использовавшая все завоевания агрономии и техники.

Всякому практически знакомому с современным крестьянством известно, что зачаточные исходные элементы этой новой деревни уже и сейчас налицо и их постепенное количественное нарастание должно в ряду десятилетий сделать нашу деревню качественно совершенной как в экономическом, так равно и в общественном смысле. В конце настоящей книги мы с большей подробностью останавливаемся на развитии этой идеи и полагаем, что ознакомление с этими построениями раз и навсегда уничтожит всякую возможность причислять нас к противникам сельскохозяйственного прогресса и реакционным идеологам отживающих хозяйственных форм.

Все вышеизложенное с достаточной полнотой и ясностью очерчивает задание нашего исследования. Нашей задачей является организационный анализ хозяйственной деятельности крестьянской семьи, не прибегающей к найму чужой рабочей силы, располагающей некоторой земельной площадью и собственными средствами производства и иногда вынужденной затрачивать часть своих рабочих сил на внеземледельческие промыслы.

Мы начнем наше изучение с подробного рассмотрения самой биологически развивающейся семьи как кооперации рабочих и потребительских единиц и того влияния, которое свойства семьи как производящего аппарата могут оказать на ее хозяйственную деятельность. Особое внимание будет нами обращено на характер мотивации работы членов семьи и на те производственные и иные условия, которые определяют собой степень самоэксплуатации ее рабочих сил. Разобравшись в этих вопросах, мы с особой тщательностью разберем взаимоотношения и влияние на организацию хозяйства трех основных слагающих земли, капитала и труда, а вместе с тем и механизм установления хозяйственного равновесия между этими факторами. Установив таким образом основные организационные устои крестьянского хозяйства, мы весьма детально, звено за звеном, пройдем и разберем все элементы организационного плана крестьянского земледельческого предприятия и постараемся на ряде конкретных примеров показать приложение наших принципов к практической организационной работе Закончив таким образом организационный обзор крестьянского хозяйства, мы остановимся на одном исключительно важном и еще малоразработанном вопросе о формах оборота и восстановления капитала в условиях семейного хозяйства и закончим наше исследование указанием на некоторые народнохозяйственные следствия, вытекающие из организационной природы крестьянского хозяйства, не претендуя в то же время на установление народнохозяйственной концепции крестьянского хозяйства, взятого в его исторической конкретности.

Таковы наши задания. Будем надеяться, что наша работа если и не разрешит их, то во всяком случае сможет поспособствовать возможно правильной постановке самого вопроса об организационных основах крестьянского хозяйства.

ГЛАВА I

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ И ВЛИЯНИЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Приступая к изучению организации трудового хозяйства, мы неизбежно должны начать наше исследование всесторонним анализом состава и законов сложения субъекта этого хозяйства — самой хозяйствующей семьи.

Какой бы из факторов, определяющих собой организацию крестьянского хозяйства, мы ни считали главенствующим, какое бы большое значение мы ни придавали влиянию рынка, размерам землепользования, наличности средств производства и естественным условиям плодородия, мы должны будем признать, что технически организующим элементом всякого производственного процесса являются рабочие руки. А так как в семейном хозяйстве, не прибегающем к наемному труду, запас рабочей силы, ее состав и степень трудовой активности всецело определяются составом и размером семьи, то эту последнюю нельзя не принять как один из главнейших факторов организации крестьянского хозяйства.

В самом деле, семейный состав прежде всего определяет собою высший и низший пределы объема ее хозяйственной деятельности. Рабочие силы трудового хозяйства всецело определяются наличностью работоспособных членов семьи. А потому возможный наивысший предел объема хозяйства зависит от размера той работы, которую могут дать эти рабочие силы при наибольшем своем использовании и напряжении. В той же мере низший объем хозяйства определяется той суммой материальных благ, которые абсолютно необходимы для самого факта существования семьи.

Как мы увидим, эти пределы далеко не так широки и, как это будет показано ниже, в этих пределах размеры и состав семьи будут оказывать на организацию хозяйства дальнейшее влияние, не только количественное, но и качественное. Поэтому-то и является совершенно необходимым, прежде чем затрагивать какой-либо вопрос о трудовом хозяйстве, возможно полно изучить саму трудовую семью и установить те элементы

ее сложения, исходя из которых она строит свою хозяйственную деятельность.

Оставляя в стороне нами изжитые уже полуродовые, полусемейные образования и ограничиваясь только современными нам формами быта культурных стран, мы тем не менее найдем очень большое разнообразие в основных семейных устоях различных народов и слоев населения.

Несомненно прежде всего, что понятие семьи, в особенности в крестьянском быту, далеко не всегда бывает тождественно биологическому понятию, лежащему в его основе, и дополняется в своем содержании рядом осложняющих хозяйственных и бытовых элементов. Так, например, русская земская статистика, пытавшаяся при проведении подворных переписей выделить содержание этого понятия в сознании самого крестьянства, устанавливала, что, по представлению крестьян, в понятие семьи входит круг лиц, постоянно питающихся за одним столом или евших из одного горшка. По словам покойного С. М. Блеклова, во Франции крестьяне вводили в понятие семьи группу лиц, запирающихся на ночь за одним замком.

В еще большей мере мы найдем различия в размерах семьи. Во многих земледельческих районах славянских стран часто можно встретить сожительство нескольких супружеских пар, относящихся к двум или даже трем поколениям, соединенных в одну сложную патриархальную семью; с другой стороны, в целом ряде индустриализированных районов мы видим, как всякий подросший член семьи еще до своего замужества стремится отпочковаться от отчего дома и обеспечить себе хозяйственную и жизненную самостоятельность.

Однако как бы ни были разнообразны бытовые особенности семьи, основой ее все-таки остается чисто биологическое понятие супружеской пары[4], сожительствующей со своими нисходящими потомками и престарелыми представителями старшего поколения. Эта биологическая природа семьи в значительной степени определяет пределы ее размера, а главное — законы ее сложения, хотя, конечно, бытовая обстановка может внести в него немало осложнений.

Так, например, сопоставляя размеры крестьянской семьи по разным районам, мы можем отметить значительные различия между ними.

Следующая таблица среднего размера крестьянских семей, по данным земских переписей, сведенных г. Н. А. Благовещенским* в конце XIX в., дает нам в этом отношении весьма характерную картину[5].

[4] Супружеской тройки или четверки в странах полигамического строя семьи.

[5] Благовещенский Н. А. Свод статистических сборников хозяйственных сведений по земским подворным переписям. М., 1893.

Губернии	Размер крестьянской семьи		
	число семей (тыс.)	число душ обоего пола (тыс.)	на одну семью (душ)
Ленинградская	71,5	385,5	5,4
Тверская	114,7	646,7	5,6
Смоленская	97,8	573,8	5,9
Новгородская	25,6	140,3	5,5
Московская	19,3	102,4	5,3
Вятская	211,8	1238,6	5,8
Нижегородская	60,0	316,4	5,3
Пермская	59,7	307,3	5,1
Рязанская	81,3	530,2	6,5
Тамбовская	317,0	2108,6	6,6
Саратовская	295,7	1747,8	5,9
Самарская	346,1	2027,0	5,8
Орловская	113,5	732,5	6,5
Курская	294,8	1897,8	6,4
Воронежская	226,8	1569,8	6,9
Черниговская	89,7	523,1	5,8
Харьковская	20,0	114,1	5,7
Полтавская	212,9	1168,2	5,5
Екатеринославская	85,1	536,3	6,3
Херсонская	82,2	420,8	5,1
Бессарабская	37,4	168,2	4,5

Это разнообразие приобретет еще большее значение, если мы вместо учета общего числа душ, составляющих ее (семью — *Ред.*), несколько углубим наш анализ и подсчитаем рабочие силы семьи и ее потребительские единицы, приводя согласно принятым теперь в бюджетной статистике нормам различные возрастные группы, входящие в состав семьи, к полному работнику и едоку — мужчине и сопоставим, какое количество потребительских единиц (едоков) приходится в каждой семье содержать одному работнику (е/р.— *Ред.*).

Для семей, входящих в состав бюджетных описаний, которыми мы в дальнейшем будем главным образом пользоваться, мы имеем:

Район (уезды)	Душ	Едоков	Работников	е/р
Старобельский	7,7	5,1	3,6	1,40
Волоколамский	7,8	5,2	3,9	1,40
Гжатский	7,7	5,8	4,3	1,47
Поречский	7,6	5,3	3,8	1,40
Сычевский	7,0	4,9	3,7	1,38
Дорогобужский	7,7	5,2	3,9	1,35
Вологодский	6,3	3,9	3,0	1,28
Тотемский	5,9	4,0	3,1	1,28
Новгородский	6,9	4,7	3,7	1,28

Сопоставляя в приведенной таблице цифры, характеризующие размеры и состав семьи, мы не должны забывать, что перед нами средние величины, характеризующие совокупность семей, подвергнутых анализу, а не какую-либо конкретную типичную семью данного района. Достаточно более глубоко вглядеться в материал, чтобы увидеть, по крайней мере в Европейской России, где полуродовой быт уже в прошлом и патриархальные семьи встречаются редко, в любом районе самые разнообразные по размеру семьи.

Так, например, вышеприведенные средние цифры наших бюджетных исследований сложились путем соединения семей следующего состава:

Распределение числа бюджетно обследованных семей по группам по размеру семьи

	Размер семьи (в душах)												
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13 и выше	Итого семей
	Число семей в группе												
Старобельский уезд Харьковской губернии	8	9	7	8	9	9	16	8	8	5	3	12	102
Новгородская губерния	2	5	5	14	16	17	10	11	4	6	1	1	92

Вникая в причины такого разнообразия, мы должны объяснить его главным образом фактом биологического развития семьи, разбивающего всю совокупность семей на ряд групп, различных по своему возрасту, а следовательно, и по размеру, и по составу.

Среди маленьких по своему размеру семей мы имеем ряд молодых семейств, часто состоящих только из молодоженов — мужа и жены, только что выделившихся из отчего дома; ряд семей, состоящих из супружеской пары и малолетних детей; семьи созревшие, в которых второе поколение уже принимает участие в работах. Многие семьи представляют собою сожительство нескольких супружеских пар, связанных родством, и, наконец, мы имеем всегда несколько умирающих старых семей, выделивших или потерявших свое потомство и состоящих из двух стариков, доживающих свой век. Говоря иначе, перед нами все фазы развития, которые переживает семья, и для того чтобы понять состав всей совокупности семей и каждой из них в отдельности, мы неизбежно должны проследить теоретически нормальное развитие семьи и установить основы ее сложения, соответствующие различному ее возрасту.

Только беря семью во всем объеме ее развития, начиная с зарождения и кончая смертью, мы можем понять основные законы ее сложения.

Если мы примем, что у молодой, только что выделившейся семьи каждый выживающий ребенок рождается на третий год, то в дальнейшем развитии и состав семьи определится *в грубой схеме* следующей таблицей.

Возраст членов семьи в разные годы ее существования

Год существования семьи	Возраст										Число душ
	мужа	жены	детей								
			1-го	2-го	3-го	4-го	5-го	6-го	7-го	8-го	9-го	
1	25	20										2
2	26	21	1									3
3	27	22	2									3
4	28	23	3									3
5	29	24	4	1								4
6	30	25	5	2								4
7	31	26	6	3								4
8	32	27	7	4	1							5
9	33	28	8	5	2							5
10	34	29	9	6	3							5
11	35	30	10	7	4	1						6
12	36	31	11	8	5	2						6
13	37	32	12	9	6	3						6
14	38	33	13	10	7	4	1					7
15	39	34	14	11	8	5	2					7
16	40	35	15	12	9	6	3					7
17	41	36	16	13	10	7	4	1				8
18	42	37	17	14	11	8	5	2				8
19	43	38	18	15	12	9	6	3				8
20	44	39	19	16	13	10	7	4	1			9
21	45	40	20	17	14	11	8	5	2			9
22	46	41	21	18	15	12	9	6	3			9
23	47	42	22	19	16	13	10	7	4	1		10
24	48	43	23	20	17	14	11	8	5	2		10
25	49	44	24	21	18	15	12	9	6	3		10
26	50	45	25	22	19	16	13	10	7	4	1	11

Несомненно, благодаря смертности уже подросших детей или несколько большей рождаемости, чем она принята у нас, в действительности развитие семьи будет отличаться от наших величин.

Мы всегда встретим семьи, состоящие всего из трех-четырех душ, несмотря на свой пятнадцатилетний возраст; семьи часто будут распадаться до своего полного развития, цикл которого может быть и более, и менее принятых нами 25 лет. Однако тип развития нормальной, без катастроф развивающейся семьи

всегда будет подобен нами приведенному и приведенная схема достаточна для теоретической характеристики развития семей.

Так как в дальнейшем семья для нас интересна как экономическое, а не как биологическое явление, то, рассматривая нашу таблицу, мы должны выразить ее состав в различных фазах ее развития в потребительских и рабочих единицах и постараться уяснить, как по мере развития семьи изменяется соотношение рабочей силы семьи с ее потребительскими запросами и в какой мере в разные фазы этого развития оказывается возможным применение принципа сложной кооперации, так как именно эти элементы ее состава и важны для организации ее хозяйственной деятельности.

Если при учете потребительских и рабочих единиц мы примем нормы, установленные в вологодских бюджетных исследованиях, немного упростив их и сохранив разделение по полу только для родоначальников семьи, то тогда развитие семьи даст следующую таблицу, в которой члены семьи, принимающие участие в хозяйственных работах, подчеркнуты жирным шрифтом.

Год существования семьи	Супружеская пара	Дети									Всего в семье		Отношение е/р
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	едоков	работников	
1	**1,8**										1,8	1,8	1,00
2	**1,8**	0,1									1,9	1,8	1,06
3	**1,8**	0,3									2,1	1,8	1,17
4	**1,8**	0,3									2,1	1,8	1,17
5	**1,8**	0,3	0,1								2,2	1,8	1,22
6	**1,8**	0,3	0,3								2,4	1,8	1,33
7	**1,8**	0,3	0,3								2,4	1,8	1,33
8	**1,8**	0,3	0,3	0,1							2,5	1,8	1,39
9	**1,8**	0,5	0,3	0,3							2,9	1,8	1,61
10	**1,8**	0,5	0,3	0,3							2,9	1,8	1,61
11	**1,8**	0,5	0,3	0,3	0,1						3,0	1,8	1,66
12	**1,8**	0,5	0,5	0,3	0,3						3,4	1,8	1,88
13	**1,8**	0,5	0,5	0,3	0,3						3,4	1,8	1,88
14	**1,8**	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1					3,5	1,8	1,94
15	**1,8**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3					4,1	2,5	1,64
16	**1,8**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3					4,1	2,5	1,64
17	**1,8**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1				4,2	2,5	1,68
18	**1,8**	**0,7**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3				4,8	3,2	1,50
19	**1,8**	**0,7**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3				4,8	3,2	1,50
20	**1,8**	**0,9**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1			5,1	3,4	1,50
21	**1,8**	**0,9**	**0,7**	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3			5,7	4,1	1,39
22	**1,8**	**0,9**	**0,7**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3			5,7	4,1	1,39
23	**1,8**	**0,9**	**0,9**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1		6,0	4,3	1,39
24	**1,8**	**0,9**	**0,9**	**0,7**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3		6,6	5,0	1,32
25	**1,8**	**0,9**	**0,9**	**0,7**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3		6,6	5,0	1,32
26	**1,8**	**0,9**	**0,9**	**0,9**	**0,7**	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	6,9	5,2	1,32

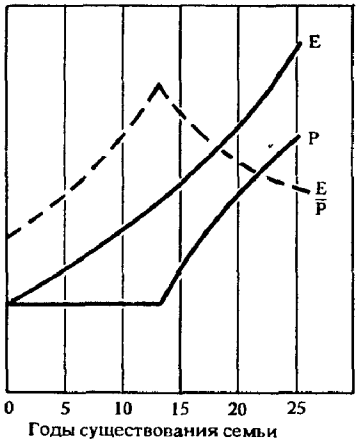

График 1

Просматривая таблицу и график, иллюстрирующий развитие основных элементов (с. 219, 220), мы видим, как в первые годы, по мере роста семьи, она отягощается все больше и больше неработоспособными домочадцами, и наблюдаем быстрое увеличение отношения числа едоков к числу работников. На 14-й год существования семьи это отношение достигает своей наибольшей величины — 1,94. Но уже на 15-й год в помощь к родителям поступает их первый ребенок, достигший полурабочего возраста, и отношение e/p сразу падает до 1,64. Конечно, в действительности такого резкого скачка не бывает, так как переход от неработоспособного ребенка к полуработнику совершается более постепенно, но все же несомненно, что около этого времени обременение работников семьи едоками начинает спадать, так как с каждым годом дети будут принимать все большее и большее участие в работе и к 26-му году существования семьи величина отношения спадет до 1,32.

Если после этого года принять, что дальнейшее деторождение у главы семейства прекратится, то в силу подрастания детей величина отношения e/p будет стремительно падать, приближаясь к единице, каковую и достигнет на 37-м году существования семьи, если никто из взрослых не женится, а старики не потеряют работоспособность.

В случае же если в дом войдут снохи и у них появятся дети, то в образовавшейся сложной семье снова начнется некоторое увеличение отношения e/p, которое значительно возрастает при переходе родоначальников семьи в разряд неработоспособных. Параллельно с отмеченными уже изменениями в составе семьи, происходящими по мере ее роста, приходится отметить нарастание по мере ее созревания числа рабочих рук, что дает им возможность применять в работе принципы сложной кооперации и тем умножать силу каждой из них. Созревшая таким образом семья в некоторый момент своего развития под влиянием каких-либо внутренних причин претерпевает катастрофу и разделяется на две или более семей, причем образовавшиеся при сем молодые семьи начинают в дальнейшем проходить вновь описанные уже нами фазы развития семьи, если они не прошли первые из них, находясь в патриархальной отчей семье.

Таким образом, *каждая семья* в зависимости от своего возраста представляет собою в отношении рабочей силы, напряжения потребностей, соотношения e/p и возможности применения принципа сложной кооперации в разные фазы своего развития совершенно различный трудовой аппарат.

Сообразно этому мы можем поставить первую проблему нашего исследования и спросить: *отражается ли на хозяйственной деятельности семьи, ведущей трудовое хозяйство, состояние этого постоянно изменяющегося аппарата, и если отражается, то как и в какой мере?*

Поскольку основным стимулом хозяйственной деятельности трудовой семьи является необходимость удовлетворить потребности ее едоков, а главнейшим средством к этому — ее рабочие руки, мы должны прежде всего ожидать, что *объем хозяйственной деятельности* семьи количественно в той или иной мере будет соответствовать этим основным элементам семейного состава.

Под термином объем хозяйственной деятельности в данном случае, а равно и на всем протяжении настоящей книги, мы будем подразумевать все виды хозяйственной деятельности семьи, как в земледелии, так равно и в промыслах во всей их совокупности. Всякий иной подход к хозяйственной деятельности семьи будет ошибочным, так как основной хозяйственной проблемой трудового хозяйства является правильная и совокупная организация своей годовой работы, стимулируемой единой потребностью семьи в покрытии своего годового бюджета, и единым желанием сбережения или капиталонакопления в случае, если условия хозяйственной работы это допускают.

Поэтому всякий анализ отраслей хозяйственной работы, например анализ сельского хозяйства крестьянской семьи в отдельности, будет производственным анализом, а отнюдь не хозяйственным. Хозяйственным же он станет только тогда, когда вопросы организации сельского хозяйства будут анализироваться в связи с проблемой всей хозяйственной деятельности семьи в целом.

Однако беря объем хозяйственной деятельности как понятие хозяйственное, мы должны были бы для его количественного измерения пользоваться элементами хозяйства, охватывающими всю его совокупность. К сожалению, благодаря дуализму крестьянской хозяйственной деятельности (земледелие и промыслы) таковые элементы очень ограничены (труд и доход), и их эмпирическое исследование началось только в самые последние годы.

Поэтому, поскольку мы хотим привлечь к решению проблемы массовый эмпирический материал, мы должны воспользоваться *как измерителем* объема хозяйственной деятельности каким-либо уже производственным элементом.

Таковым в практике сельскохозяйственной статистики обычно выдвигалась *посевная площадь*. Поскольку мы имеем дело

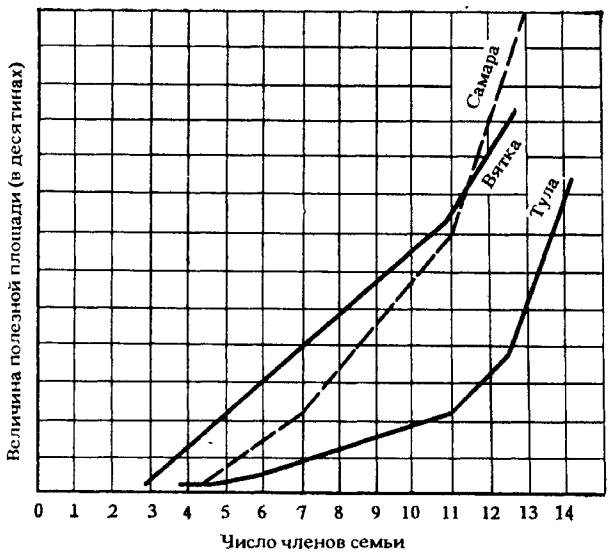

График 2

с крестьянскими хозяйствами, в которых *слабо или равномерно развиты промыслы и продуктивное промышленное скотоводство*, этот *измеритель* может быть принят к работе и может дать возможность сделать немало выводов, относясь, понятно, к ним критически и все время учитывая природу измерителя. В нашем частном случае для установления связи размеров семьи и объема хозяйственной работы мы можем принять условно посевную площадь измерителем этого последнего.

Действительно, для русских крестьянских хозяйств связь эта была уже давно отмечена первыми работниками земской статистики, приступившими к анализу подворных переписей методами группировок материала по числу голов скота, размерам запашки, посевным площадям или другим элементам хозяйства, могущим быть количественными измерителями объема хозяйственной деятельности крестьянской семьи.

Нижеследующая таблица и график, построенные нами на основании материалов сводной работы Б. Н. Книповича*, знакомят нас с характером этой связи.

Прослеживая развитие функций, мы можем установить резко выраженную зависимость развития семьи и размеров площади землепользования.

Характер этой зависимости для разных районов в зависимости от различия в укладе народнохозяйственной жизни неодинаков. Так, в северных (Вятской, Ярославской, Вологодской) губерниях, там, где сильно развиты промысловые зара-

ботки, развитие площади землепользования прямо пропорционально развитию семьи; в земледельческом районе (Туле, Самаре и Полтаве) кривая землепользования по мере своего развития заметно ускоряет темп нарастания.

Вятская губерния			Тульская губерния			Полтавская губерния			Самарская губерния		
Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство		Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство		Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство		Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство	
	десятин удобной земли	душ обоего пола		десятин удобной земли	душ обоего пола		десятин удобной земли	душ обоего пола		десятин удобной земли	душ обоего пола
0	1,2	2,8	0	0	1,0	0	2,5	4,9	0	0	3,5
0—1	4,5	3,5	0—1	0,7	3,4	0—1	1,5	4,9	0—3	1,8	4,4
1—2,5	8,9	4,4	1—2	1,4	4,4	1—2	2,5	5,1	3—6	4,5	5,2
2,5—5	12,6	5,3	2—5	3,4	6,2	2—3	3,6	5,4	6—9	7,5	6,1
5—7,5	16,6	6,2	5—10	6,9	8,4	3—6	5,7	6,0	9—12	10,5	6,9
7,5—10	21,0	7,2	10—15	11,9	11,0	6—9	9,5	6,8	12—15	13,5	7,5
10—15	27,0	8,6	15—25	17,7	12,6	9—15	15,8	7,5	15—20	17,4	8,2
15—20	36,5	10,7	Свыше 25	43,9	14,4	15—25	28,3	8,5	20—30	24,1	9,4
Свыше 20	51,2	12,8	—	—	—	25—50	54,5	9,5	30—40	34,2	10,9
—	—	—	—	—	—	Свыше 50	144,0	11,2	Свыше 40	65,9	13,1

Калужская губерния			Владимирская губерния			Ярославская губерния			Вологодская губерния		
Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство		Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство		Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство		Группы по посевной площади (дес.)	На одно хозяйство	
	десятин удобной земли	душ обоего пола		десятин удобной земли	душ обоего пола		десятин удобной земли	душ обоего пола		десятин удобной земли	душ обоего пола
0	0,2	3,2	0	0	3,6	0	1,4	2,8	0	7,1	2,5
0—3	4,9	5,3	0—3	2,0	4,8	0—1	4,6	4,1	0—2	7,4	4,1
3—6	9,4	6,6	3—6	4,3	6,0	1—2	7,3	5,1	2—3	12,0	5,3
6—9	14,2	8,3	6—9	7,1	7,3	2—3	10,5	6,0	3—6	16,6	6,2
9—12	20,1	9,8	Свыше 9	11,3	8,4	3—4	14,4	6,9	Свыше 6	19,1	7,5
Свыше 12	31,1	12,0	—	—	—	Свыше 4	21,7	8,6	—	—	—

Однако в том и другом случае развитие кривых зависимости настолько закономерно, что для многих губерний может быть легко выражено математической формулой. Так, например, для Самарской губернии, если величину семьи (число душ) обозначить через x, то количество удобной земли, приходящейся на один двор в условиях анализируемой нами группировки, будет равно y:

$$y = 0{,}36x^2 - 0{,}52x - 2{,}6,$$

а для Вятской губернии еще проще:

$$y = 4{,}38x - 10{,}5.$$

Нижеследующая таблица говорит нам, насколько указанные формулы точно выражают собою течение кривых:

Самарская губерния			Вятская губерния		
Число душ в семье (x)	Десятин посева на один двор (y)		Число душ в семье (x)	Десятин удобной земли на один двор (y)	
	по формуле	по наблюдению		по формуле	по наблюдению
4,4	2,0	1,8	3,5	4,8	4,5
5,2	4,4	4,5	4,4	8,8	8,9
6,1	7,6	7,5	5,3	12,7	12,6
6,9	10,7	10,5	6,2	16,7	16,6
7,5	14,7	13,5	7,2	21,1	21,0
8,2	17,3	17,4	8,6	27,2	27,0
9,4	24,3	24,1	10,7	36,3	36,5
10,0	34,5	34,1			

Значение приводимых нами формул не следует преувеличивать, так как они выведены на основании групповой обработки десятков тысяч хозяйств, элиминировавшей все другие факторы, кроме связанных с размерами хозяйства. Поэтому наши формулы *не могут быть применимы* к индивидуальным хозяйствам, так как там, помимо размеров семьи, посевных площадей, действует ряд других факторов, могущих сильно видоизменять соотношение исследуемых величин. Тенденцию, однако, они устанавливают определенно. Подробные изыскания С. Н. Прокоповича с несомненностью указали также, что между семьей и размерами земледельческого хозяйства существует значительная корреляционная связь, говоря иначе, и эта форма обработки материала показывает нам, что эти два явления находятся в значительной связи между собою.

Так, С. Н. Прокопович установил следующие коэффициенты корреляции для связи сельскохозяйственных доходов хозяйства с размерами семьи[6].

Для Старобельского уезда Харьковской губернии:
Валовой доход сельскохозяйственный и число работников 0,64
Валовой доход сельскохозяйственный и число едоков 0,61

Даже для исключительно промыслового Вологодского уезда, где значительная часть доходов семьи покрывается из промыслов, все-таки сельскохозяйственный доход, иногда просто подсобный к промысловому заработку, отметил значительную связь с размером семьи:

Валовой доход сельскохозяйственный и число работников 0,42
Валовой доход сельскохозяйственный и число едоков 0,41

Эти коэффициенты, конечно, ниже технической связи между производственными факторами внутри самого земледельческого хозяйства, но все же достаточны для того, чтобы факт тесной связи между размерами семьи и объемом ее хозяйственной и даже сельскохозяйственной деятельности считать статистически совершенно установленным.

Однако признавая факт этой зависимости, мы можем остановиться перед вопросом о внутреннем характере установленной связи и предположить, что не размер семьи определяет, как мы думали ранее, объем хозяйственной деятельности семьи, а, наоборот, размеры, скажем, земледельческого хозяйства определяют собою состав семьи. Говоря иначе, крестьянин обзаводится семьей сообразно размерам своего материального обеспечения.

Разрешение этой дилеммы далеко не так просто, как это может показаться с первого взгляда.

С одной стороны, немало демографических исследований европейских ученых отмечало факт зависимости рождаемости и смертности от материальных условий существования и ясно выраженный пониженный прирост в малообеспеченных слоях населения. С другой стороны, известно также, что во Франции практическое мальтузианство наиболее развито в зажиточных крестьянских кругах.

Потребуется, по всей вероятности, немало лет кропотливой исследовательской работы для окончательного разрешения этого вопроса.

По имеющимся в нашем распоряжении материалам можно думать, что вопрос этот не имеет однозначного решения. Оче-

[6] Прокопович С. Н. Производительность крестьянского хозяйства по бюджетным данным *

видно, что при низких уровнях материального обеспечения, стоящего на уровне самой возможности физического существования, материальные условия довлеют на размер семьи с определяющей силой. К такому выводу, например, пришел Н. П. Макаров, изучая Воронежские бюджеты печальной памяти 80-х годов прошлого столетия.

Этого положения вещей, однако, мы не усматриваем, поскольку дело идет о крестьянстве нынешнего столетия, стоящем на неизмеримо более высоком уровне благосостояния по сравнению с периодом 80-х годов.

В самом деле, для того чтобы это положение могло бы быть верным, совершенно необходимо, чтобы процент рождаемости в мелкохозяйственных семьях искусственно понижался бы крестьянами по сравнению с процентом рождаемости семей, обладающих большим хозяйством, или по крайней мере должно быть доказано, что в крестьянском быту детская смертность в малоземельных и средних семьях настолько выше нормы, что она даже при одинаковой рождаемости значительно сокращает состав семьи, уменьшая его вдвое и втрое по сравнению с зажиточными группами.

Оба элемента могут быть установлены статистически. Однако, к сожалению, наши регистрации рождений и смертностей не связаны с учетом обеспеченности. Сообразно чему мы примем к анализу объект, учитывающий одновременно оба интересующих нас явления, а именно наличность в семьях детей до 6-летнего возраста и их процент в отношении общего состава семьи. В этом случае мы регистрируем число рождений за 6 лет за вычетом смертей детей, родившихся за эти шесть лет. Ограничиваясь теми материалами, которые лежат перед нами, мы получим следующие процентные нормы малолетних (0—6 лет) в составе крестьянских семей по разным посевным группам:

Тотемский уезд		Новгородская губерния	
Группы по посевной площади на одно хозяйство (дес.)	Процент детей 0—6 лет к числу душ в семье	Группы по посевной площади на одно хозяйство (дес.)	Процент детей 0—6 лет к числу душ в семье
0,1—1,0	20,6	0,1—2,0	25,7
1,1—2,0	19,1	2,1—3,0	21,6
2,1—3,0	17,7	3,1—4,0	13,5
3,1—4,0	17,8	4,1 и выше	17,1
4,1—6,0	18,1		
6,1 и выше	17,1		

Такой же характер имеют цифры (комбинационного) подсчета переписи Костромской губернии 1916 г., где мы имеем процент взрослых:

Десятин посева	Мужчин	Женщин
0,1—1	37,4	52,0
1—2	39,1	52,8
2—3	43,2	55,2
3—4	45,2	55,9
4—5	46,1	56,2
5—6	46,4	56,4
6—7	47,3	55,5
7—8	47,4	54,8
8—9	48,2	55,2
9—10	47,1	54,1
10—11	46,6	56,4
11—12	48,9	53,2

Как видно из таблицы, она не может дать основания к утверждению того положения, что семьеобразующие факторы в мелкохозяйственных дворах действуют слабее, чем в многохозяйственных.

Однако мы предостерегаем читателя и от обратного вывода, который он может вывести из сопоставлений приводимых рядов. Повышенный процент малолетних детей в малосеющих группах, отводя предположение от зависимости размера семьи от величины хозяйства, зависит в то же время не от размеров посева, а от того, что посевная группировка, в сущности говоря, является в некотором отношении группировкой по возрасту семьи. Сообразно этому малосеющие группы состоят из молодых семей с большим количеством малолетних детей, а более высокие по посеву группы — из семей более старых, в которых маленькие дети уже не играют такой большой роли.

Так, например, в Новгородской губернии (по бюджетам) процент молодых семей, т. е. семей, состоящих из супружеской пары и детей, не достигших рабочего возраста, в разных посевных группах составляет:

Площадь посева	0—2 дес.	2—4 дес.	4 дес. и выше
Процент молодых семей	42,9	20,8	0,0

Еще характернее результаты дает посевная группировка в Старобельском уезде Харьковской губернии (по бюджетам):

Площадь посева	0,1—3,0 дес.	3,1—7,5 дес.	7,0—15,0 дес.	15,1 дес. и выше
Процент молодых семей	76,4	38,5	4,0	0,0

В сущности говоря, приведенные справки достаточны для некоторого разрешения поставленного нами вопроса о направлении зависимости между размером семьи и объемом хозяйственной

деятельности, так как *возраст семьи* во всяком случае не может зависеть от степени материального благосостояния.

Однако для окончательного выяснения этого основного для нашей темы вопроса мы позволим себе задержать внимание читателя, помимо статических данных, данными динамического порядка, разработка которых представляет собою одну из блестящих страниц в истории русской статистики последнего времени.

За последние перед войной годы в целом ряде губерний были произведены повторные статистические переписи, при техническом выполнении которых удалось установить генетическую связь описываемых хозяйств с теми, из которых они произошли и которые были описаны статистически 10 или 15 и даже 30 лет назад.

Эти исследования, начатые блестящей работой Н. Н. Черненкова* по Саратовской губернии, совершенно перевернули многие наши представления о крестьянском хозяйстве и установили твердые основания к характеристике природы крестьянского хозяйства.

Изучая динамику этих хозяйств и стоя на той точке зрения, что размер семьи определяется всецело ее хозяйственным состоянием, мы могли бы ожидать, что малосеющие хозяйства по прошествии 15 лет остаются такими же малосеющими, хозяйства же, обладающие крупным достатком, по-прежнему засевают большие площади и сохраняют большой семейный состав.

Однако работы Н. Н. Черненкова, А. И. Хрящевой, П. А. Вихляева, Г. А. Кущенко* и других говорят нам совершенно иное, как это можно видеть из нижеследующей аналогичной всем другим таблицы Г. А. Кущенко, сопоставляющей переписи 1882—1911 гг. по Суражскому уезду Черниговской губернии*.

Какой размер посева имели в 1911 г. хозяйства разных посевных групп 1882 г.

Группы хозяйств 1882 г (дес. посева)	Из наличных в группе 1882 г. хозяйств к 1911 г. принадлежало к группам (в процентах)					
	Группы 1911 г. по размеру посева					
	0—3	3—6	6—9	9—12	12 и выше	Всего
0—3	28,2	47,0	20,0	2,4	2,4	100,0
3—6	21,8	47,5	24,4	8,2	2,4	100,0
6—9	16,2	37,0	26,8	11,3	2,4	100,0
9—12	9,6	35,8	26,1	12,4	16,1	100,0
12 и выше	3,5	30,5	28,5	15,6	21,9	100,0

Мы видим, что значительная часть хозяйств малосеющих групп постепенно, по мере увеличения их возраста и размеров семьи, обрастала рабочими силами и, расширяя свою посевную площадь, переходила в высшие группы, расширяя тем и объем своей хозяйственной деятельности; наоборот — бывшие крупные хозяйства переходили в низшие группы, соответствующие маленьким семьям, создавшимся после раздела.

Эта картина указывает нам, что демографические процессы роста и распределения семей по их размерам в значительной мере определяют собой и распределение хозяйств по размеру их посева и скотовладения.

Сообразно этому после работ Н. Н. Черненкова, А. И. Хрящевой, П. А. Вихляева и Г. А. Кущенко в статистических кругах, говоря о различных крестьянских хозяйствах по размерам посевной площади и распределению их по разным посевным группам, начинают пользоваться термином *«демографическая дифференциация»*, устраняя этим то социальное значение, которое придавалось этой дифференциации ранее. Говоря это, мы, конечно, *не устраняем из нашего обращения понятие социальной дифференциации*, имеющей значительное распространение в нашей деревне, но, как мы увидим в одной из последующих глав, этот вид дифференциации неуловим простыми посевными группировками и его следует изучать иными методами*.

Приведенные материалы, если и не дают окончательного разрешения вопроса, требующего еще многих кропотливых и многолетних исследований, тем не менее дают нам некоторую возможность предположить, что в пределах нашего статистического материала, относящегося, кстати сказать, к районам передельной общины*, связь между размером семьи и размером земледельческого хозяйства следует скорее понимать как зависимость площади землепользования от размеров семьи, чем наоборот.

По всей вероятности, при другом аграрном режиме, менее гибком, чем передельная община, воздействия биологического фактора развития семьи на размеры землепользования не будут столь выпуклы и наглядны, как в наших материалах. Однако, как показывает, например, анализ старобельских бюджетов*, подгонка землепользования к размерам и составу семьи может делаться не только общинными переделами, но с еще большим успехом и краткосрочными арендами. В странах с режимом частной собственности на землю формой такого регулирования землепользования может быть и купля-продажа.

Однако нет никакого сомнения, что в ряде стран с режимом единонаследия, например в Южной Германии, а равно и там, где при высокой интенсивности хозяйства ферма со всеми ее землями составляет крепко спаянный производственный аппарат, давление биологического развития семьи не может оказать

никакого влияния на размеры землепользования и выражается по преимуществу в изменении соотношения своего и наемного труда, обслуживающего данный производственный аппарат, и в степени отхода своего избыточного труда на сторону.

В этом отношении очень интересны соображения проф. А. Скальвайта (г. Киль) в его пространной критике немецкого издания настоящей книги[7].

Однако если условия малогибкого аграрного режима и разрывают связь между размером семьи и размером земледельческого хозяйства, то в том случае, если хозяйство остается трудовым, это часто означает только, что площадь землепользования потеряла свою способность быть измерителем объема хозяйственной деятельности и мы должны будем искать другие измерители.

В условиях же СССР и им аналогичных мы в большинстве случаев можем уверенно говорить об этой связи даже в пределах земледелия.

Это обстоятельство должно привести нас к очень характерному заключению. В то время как всякое капиталистическое земледельческое хозяйство, определяемое в своем размере постоянной не меняющейся величиной капитала и земельной площади, может в продолжение неопределенно длинного периода (в пределе всегда) оставаться в одном и том же объеме, крестьянское хозяйство, взятое на протяжении десятилетий, в условиях, аналогичных русской действительности, постоянно меняет свой объем, следуя фазам развития семьи, и дает пульсирующую кривую своих элементов.

Однако установив на анализе групповых средних зависимость объема крестьянского хозяйства от размера и состава семьи (ясную уже из того простого соображения, высказанного нами в начале главы, что высший предел его определяется максимумом наличности рабочих сил семьи, а низший — минимумом средств существования, обеспечивающих существование семьи), мы во избежание неправильного трактования наших выводов должны подчеркнуть, что семья в каждый данный момент *не является единственным определяющим фактором размера конкретного хозяйства* и определяет его объем только в общих чертах.

Сравнительно высокие коэффициенты корреляции, установленные между этими величинами, все-таки далеко не достигают 1,00. А это одно уже указывает на существование параллельных факторов, в свою очередь давящих на изучаемую величину.

[7] Skalweit A. Die Familienwirtschaft als Grundlage für ein System der Sozialökonomie. Weltwirtschaftliches Archiv. Tübingen, 1924. B. 20. H. 2. S. 232—252.

Изучая путь строительства крестьянского хозяйства, мы должны отметить, что для претворения числа рабочих рук семьи в размеры и доходы хозяйства необходимо дополнительно определить, в какой мере смогут быть использованы эти рабочие руки, какая часть потенциального рабочего времени действительно затрачена, какова будет степень напряжения их труда или степень его самоэксплуатации, какова наличность технических средств производства, с которыми этот труд вступит в производственный процесс, и насколько в конечном итоге будет высока в зависимости от природных условий и рыночной конъюнктуры производительность этого труда.

Только сопоставив давление размера семьи с влиянием этих факторов, установив их взаимоотношения и удельный вес каждого в определении структуры и объема хозяйственной деятельности крестьянской семьи, мы можем приблизиться и к познанию природы крестьянского хозяйства.

ГЛАВА II

МЕРА САМОЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДОВЫХ СИЛ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ. ПОНЯТИЕ ВЫГОДНОСТИ В ТРУДОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Изучая по разным источникам годовую производительность крестьянского труда, мы должны прежде всего различить понятие *валовой производительности* труда и его *чистой производительности*.

Под *валовой производительностью* мы будем подразумевать все *материальные доходы,* которые получает семья в течение года как от земледелия, так равно и от других видов приложения своего труда в сельском хозяйстве и промыслах. Под *чистой же производительностью* — ту часть валовой производительности, которая остается за покрытием всех годовых издержек, связанных с восстановлением капитала * и годовыми расходами по хозяйству. Таким образом, чистая производительность труда определяется годовым приращением материальных ценностей, поступающих в распоряжение хозяйства и полученных в результате приложения годового труда, говоря иначе, годовой оплатой труда хозяйствующей семьи, затраченного в своем хозяйстве и на промыслах.

В настоящий момент мы не вникаем в народнохозяйственную природу этого дохода и не будем выяснять элементов рентного порядка, в него входящих. Мы ограничимся частнохозяйственным определением этого единого дохода крестьянской семьи, поступающего в ее распоряжение в течение года.

Ввиду многочисленных и крайне затемняющих суть дела недоразумений мы должны с особенной настойчивостью подчеркнуть, что под терминами «производительность крестьянского труда», «доходы крестьянского хозяйства» и пр. мы всегда подразумеваем совокупные доходы крестьянской семьи как от земледелия, так равно и от промыслов, за исключением всех тех случаев, конечно, где это специально оговорено.

Это обстоятельство исключительно важно для нас, так как наша теория трудового хозяйства и трудопотребительского баланса есть *теория хозяйства, или, что то же, хозяйственной деятельности трудовой семьи*, а не крестьянского земледельческого производства.

Само собою понятно, как это мы увидим из четвертой главы нашей работы, что особенности трудового хозяйства крестьянской семьи во многих случаях оказывают значительное влияние и на организацию крестьянского земледельческого производства, но в общем последнее строится, как и всякое другое производство, по принципу наименьших издержек пронзводства и тем правилам, которые вытекают из его техники. Поскольку это производство ведется в пределах трудового хозяйства, особенности его оказывают решающее влияние на определение размеров земледельческого производства, значительное влияние на степень его трудо- и капиталоинтенсивности * и организацию труда и некоторое влияние на состав производимых в хозяйстве продуктов, поскольку они потребляются в нем натурой.

В остальном, как это будет видно из последующих глав, определяющими моментами явятся рынок, естественно-исторические условия и техника.

Все это нужно иметь в виду, рассматривая производимый нами анализ хозяйственного поведения крестьянской семьи, и помнить, что, изучая производительность крестьянского хозяйства, мы в настоящей главе решаем не производственную проблему организации земледелия, а устанавливаем основы хозяйственной деятельности трудовой семьи, которая, *между прочим,* наряду с влиянием рынка, природных условий и техники оказывает немалое влияние и на организацию крестьянского сельскохозяйственного производства.

Производительность крестьянского труда интересует нас как результат общей хозяйственной деятельности семьи. Сопоставляя в этом отношении некоторые из имеющихся в нашем распоряжении материалов, мы получим следующие нормы выработки, получаемые нашими русскими крестьянскими семьями [8] (сельское хозяйство и промыслы) (см. табл., с. 234).

Таким образом, валовые доходы, обследованные в четырех приведенных нами исследованиях русских крестьянских семей *, выраженные в золотой валюте по ценам года исследования, включая сюда и денежные, и натуральные доходы, колеблются по отдельным хозяйствам от 123,5 до 3393,0 руб., а в среднем — от 402,8 до 1070,0 руб. Это та основная народнохозяйственная величина, на которой строится экономика СССР. Само собою понятно, что наблюдаемая разница во многом зависит от различий в размере семьи. Поэтому в целях сравни-

[8] Номера в скобках указывают номер хозяйства в бюджетных таблицах.

мости представляется необходимым выразить приводимые величины в расчете на одного полного годового работника (мужчину), приведя к этой сумме женский и детский труд.

Районы	Работников на среднее хозяйство	Валовая производительность (на одну семью)		
		средняя	наименьшая	наибольшая
Новгородская губерния	3,84	618,5	169,0 (№ 12)	1981,0 (№ 6)
Старобельский уезд . .	3,57	918,9	195,9 (№ 27)	3393,0 (№ 87)
Тотемский уезд . . .	3,09	402,5	123,5 (№ 8)	1141,4 (№ 69)
Волоколамский уезд . .	3,88	1070,0	373,0 (№ 23)	2172,4 (№ 7)

Продолжение

Районы	Чистая производительность (на одну семью)		
	средняя	наименьшая	наибольшая
Новгородская губерния	361,7	100,45 (№ 12)	923,08 (№ 6)
Старобельский уезд . .	529,1	91,0 (№ 27)	1544,0 (№ 87)
Тотемский уезд . . .	226,0	97,5 (№ 8)	663,3 (№ 69)
Волоколамский уезд . .	512,0	271,7 (№ 23)	1428,6 (№ 7)

Бюджеты	На одного работника получено валового дохода от сельского хозяйства и промыслов (деньгами и натурой) (руб.)
Новгородские	161,1
Старобельские	257,5
Тотемские	130,0
Волоколамские	276,1

Как видно из таблицы, даже средние порайонные величины валовой производительности резко отличаются друг от друга.

Для того чтобы дать нашим читателям более полное представление о наблюдаемых различиях в производительности крестьянского труда, мы позволим себе привести две таблицы распределения крестьянских хозяйств в пределах одного и того же бюджетного исследования по различным группам годовой бюджетной чистой производительности труда их среднего работника:

Старобельский уезд Харьковской губернии			Волоколамский уезд Московской губернии		
Годовая продукция работника (руб.)	Число хозяйств в группе	То же, %	Годовая продукция работника (руб.)	Число хозяйств в группе	То же, %
0—50	5	4,95	0—100	2	8,0
50—70	14	13,89	100—150	9	36,0
70—90	18	17,85	150—200	7	28,0
90—110	18	17,85	200—300	4	16,0
110—130	10	9,91	300—∞	3	12,0
130—150	13	12,90			
150—170	9	8,91			
170—190	4	3,90			
190—∞	10	9,91			
Всего	101	100,0	Всего	25	100,0

Совершенно очевидно, что различия в высоте годовой оплаты труда работника слагаются в зависимости от состояния двух факторов, определяющих собою его годовую производительность: с одной стороны, *степени напряжения* годовой работы, тем количеством трудовой энергии, которую сможет или захочет реализовать в течение двенадцати месяцев крестьянский работник, а с другой стороны, *производительности каждой затраченной единицы труда,* теми экономическими и техническими условиями, которые гарантируют труду тот или иной производительный эффект.

Часто самый напряженный каждодневный труд дает ничтожные годовые доходы, если он прилагается к скудным почвам и при низкой рыночной конъюнктуре для вырабатываемого продукта, и наоборот, обработка плодородных земель при повышении рыночных цен на производимые продукты дает высокие доходы при сравнительно малых затратах энергии.

Мы не можем в настоящей работе, исследующей внутрихозяйственную организацию крестьянского хозяйства, останавливаться на изучении условий, определяющих высоту производительности труда, так как они зависят не столько от внутрихозяйственных факторов, сколько от народнохозяйственных условий существования хозяйств. Плодородие почвы, выгодное положение хозяйства в отношении рынка, текущая рыночная конъюнктура, местные земельные отношения, формы организации местного рынка и характер внедрения в крестьянскую толщу торгового и финансового капитализма — вот главнейшие факторы, определяющие собою высоту производительности крестьянского труда и его оплаты.

По самому своему характеру все эти факторы лежат вне поля нашего настоящего исследования.

Остановимся поэтому на первом из двух указанных факторов — степени напряжения, или *мере самоэксплуатации* крестьянского труда.

К сожалению, изучение организации крестьянского труда начато было нашей статистикой только в последние перед войной годы, благодаря чему мы имеем в этом отношении чрезвычайно скудный материал. Однако в пределах этого материала, сопоставляя количество рабочего времени, находящегося в распоряжении крестьянской семьи в течение 365 дней астрономического года, с тем, которое она успевает вложить в производительные процессы, мы можем сделать ряд существенных выводов.

Нижеследующая таблица и графики дают нам понятие о распределении труда крестьянской семьи в течение года по разным видам его использования:

(в %)

Район	Сельское хозяйство	Промыслы	Всего по производственному труду	Домашняя работа	Неиспользованное время	Праздники	Всего
Вологодский уезд Вологодской губернии	24,7	18,1	42,8	4,4	33,8	19,8	100,0
Волоколамский уезд Московской губернии	28,6	8,2	36,8	43,2		20,0	100,0
Старобельский уезд Харьковской губернии	23,6	4,4	28,0	3,0	42,0	27,0	100,0

По расчету земских статистиков, в Мышкинском уезде Ярославской губернии неиспользованных рабочих сил оставалось на один крестьянский двор.

Группа хозяйств с посевом (дес.)	В долях годовой работы	
	мужской	женской
0—5	0,25	0,40
5—7	0,20	0,30
7—10	0,15	0,20
10—15	0,10	0,13

В несколько иных формах учет этого же явления дает нам

описание одного типичного хозяйства Тверской губернии, сделанное в 1907 г. с точностью до 1 ч[9]:

	Мужчины	Женщины
Число часов, проведенных в бодрствовании	5876	17 876
Число часов, затраченных на работу:		
в своем хозяйстве	2206	2 000
на фабрике	—	1 500
Число часов, оставшихся неиспользованными для производительного труда	3670	14 376

Мы видим, что из общего количества рабочих дней в году на сельское хозяйство в изученных нами районах крестьяне затрачивают сравнительно незначительные доли труда, всего только 25—40 %. Если даже к этому прибавить все работы промыслового характера, то и в этом случае придется признать, что крестьянский труд используется ими далеко не в полной степени, давая нормы использования не выше 50 %.

Главная причина этого, несомненно, лежит в особенностях организации труда в земледелии. В противоположность обрабатывающей промышленности, в которой трудовые процессы не связаны с каким-либо временем дня или года, бóльшая часть земледельческого процесса носит исключительно сезонный характер, а некоторые требуют особо благоприятных условий погоды, не всегда бывающих налицо.

Сообразно этому кривая напряжения труда в сельском хозяйстве всегда дает крайне неравномерное развитие.

Периоды посева, покосов, уборки и некоторые работы по специальным культурам требуют подчас исключительных скоплений массы труда в незначительные периоды времени, в то время как в другие, подчас весьма продолжительные, периоды сельскохозяйственного года земледелие не находит никаких объектов для своего труда.

Приведенный график по Волоколамскому уезду с достаточной наглядностью иллюстрирует эту мысль.

К этому нужно прибавить, что в различные *хозяйственные периоды* резко изменяется не только число рабочих дней, но и напряжение работы каждого дня. Так, например, в упомянутом уже нами Тверском хозяйстве 1907 г. средняя месячная продолжительность одного рабочего дня в часах фактической работы была:

	(ч)		(ч)
Январь	6,3	Июль	9,1
Февраль	2,8	Август	7,8
Март	4,5	Сентябрь	7,8
Апрель	6,3	Октябрь	2,1
Май	6,3	Ноябрь	3,8
Июнь	9,3	Декабрь	6,1

[9] Трудовой крестьянский год в цифрах//Нужды деревни. 1907. № 21 *,

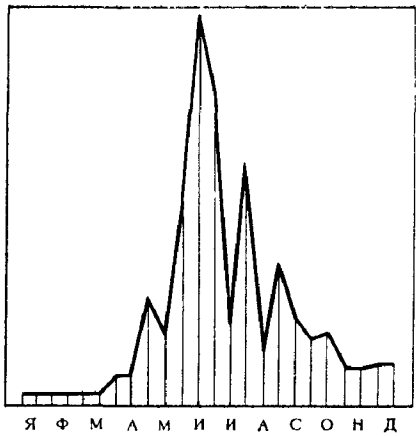

График 3. Кривая напряжения в затратах труда в Волоколамском хозяйстве № 11

График 4. Суточная продолжительность рабочего дня в разные месяцы (Тверская губерния)

Во всяком случае вывод остается один, что *в трудовом земледельческом хозяйстве нормы напряжения труда значительно ниже его полного использования.*

Хозяйствующие семьи во всех подвергнувшихся исследованию районах обладают значительными запасами неиспользованного времени. Сообразно чему нормы трудового напряжения, не будучи предельными, могут колебаться в ту или иную сторону. А. Н. Челинцев в Тамбовской губернии наблюдал колебания в использовании рабочего времени (за вычетом праздников) у мужчин от 37 до 96 %, у женщин—от 15 до 55 и у полуработников — от 8 до 40 % *.

Насколько расходятся в этом отношении крестьянские хозяйства одного и того же района, мы можем видеть по нижеследующей таблице годовых затрат труда каждым из 25 нами обследованных хозяйств Волоколамского уезда (с. 239).

Какие же факторы определяют собою уровень этого напряжения?

Для нас наибольший интерес представляет собою анализ влияния двух категорий факторов.

С одной стороны, факторов, лежащих во внутреннем строении самой семьи, из которых главное значение имеет мера давления на работников потребительских запросов их семей, а с другой — тех условий производства, которые обусловливают собою разную степень производительности труда. К сожалению, трудовые процессы очень трудно поддаются объективному учету, и в нашем распоряжении почти совершенно нет статистических материалов этого рода. Поэтому нам придется для измерения степени напряжения труда пользоваться не прямым учетом его

затрат в рабочих днях, а результатами этих затрат в виде учета годовой выработки работника, в достаточной мере условно, полагая, что каждая единица ценности получается приблизительно одинаковыми трудовыми усилиями. Впрочем, где это позволяют наши материалы, мы параллельно проверим выводы и на основании прямого учета трудовых затрат.

Влияние давления потребительских запросов семьи на продуктивность крестьянского работника было подробно изучено нами в 1912—1913 гг.*, и главные выводы наши впоследствии подтвердились рядом новейших исследований.

Для измерения давления потребительских запросов мы воспользовались коэффициентом, определяющим собою соотношение числа потребительских единиц хозяйства с числом его рабочих сил, говоря иначе, величиной отношения числа едоков к числу работников (е/р).

Волоколамский уезд. На одного работника в году приходится рабочих дней, затраченных им на работу

№ хозяйства	Затрачено рабочих дней		
	на сельское хозяйство	на промыслы	всего
1	102,2	28,0	130,2
2	99,0	0,0	99,0
3	92,4	0,0	92,4
4	104,1	50,1	151,0
5	169,5	0,0	169,5
6	85,6	0,0	85,6
7	166,7	0,0	166,7
8	176,0	0,0	176,0
9	79,5	0,0	79,5
10	71,9	50,0	121,9
11	48,5	40,9	89,4
12	73,8	58,8	132,6
13	90,0	2,0	92,0
14	125,8	0,0	125,8
15	147,1	0,0	147,1
16	174,0	42,0	216,0
17	93,8	15,2	109,0
18	168,4	35,2	203,6
19	113,4	3,2	116,6
20	68,8	10,0	78,8
21	76,0	41,8	117,8
22	117,0	31,8	148,8
23	84,5	47,2	131,7
24	89,6	23,6	113,2
25	190,9	6,5	197,4
Среднее	118,1	13,7	131,8

Группируя по высоте этого отношения бюджетного обследования хозяйства, мы получим следующие цифры годовой продукции (чистой) работника [10].

	На одного работника приходится едоков				
Старобельский уезд Харьковской губернии:					
отношение е/р	1,00—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—∞
продукция работника (руб.)	68,1	99,0	118,3	128,9	156,4
Новгородская губерния:					
отношение е/р	1,00—1,25	1,26—1,50	1,51—∞		
продукция работника (руб.)	91,56	106,95	122,64		
Вологодский уезд Вологодской губернии:					
отношение е/р	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—∞
продукция работника (руб.)	63,9	79,1	84,4	91,7	117,9
Вельский уезд Вологодской губернии:					
отношение е/р	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—∞
продукция работника (руб.)	59,2	61,2	76,1	79,5	95,5

[10] В соответствии с приведенными русскими цифрами, интересно отметить соответствующий подсчет по бюджетам города Гамбурга, заимствованным из работы «Erhebungen von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelter Familien im Deutschen Reich» (Berlin, 1909), в которых увеличение обременения работников едоками ввиду органичености возможного расширения заработка рабочего выразилось не столько в расширении его продукции, сколько в сокращении уровня потребления *.

Влияние отношения е/р на бюджет рабочих семей г. Гамбурга

е/р	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—1,75	1,76—1,90	1,91 и более
Число семей	8	18	14	9	8	6	8
На одного работника из личного бюджета	902	953	1020	986	1071	1063	1071
На одного едока из личного бюджета	854	802	764	662	652	590	494

Материалы, собранные в 1910 г. в Волоколамском уезде, где учет труда производится по каждому хозяйству в отдельности, дают нам возможность измерить влияние роста отношения е/р непосредственно на напряжение труда крестьянской семьи:

	На одного работника приходится едоков			
Отношение е/р	1,01—1,20	1,21—1,40	1,41—1,60	1,61—∞
«Продукция» работника (руб.)	131,9	151,5	218,8	283,4
На одного работника приходится рабочих дней	98,8	102,3	157,2	161,3

Таблица дает ту же картину, как и выражение напряжения труда размером годовой выработки. Просматривая таблицу, мы видим, что при прочих равных условиях крестьянский работник, стимулируемый к работе потребностями своей семьи, развивает *тем большую энергию,* чем сильнее давление этих потребностей. Мера самоэксплуатации в сильнейшей степени зависит от степени обремененности работника потребительскими запросами своей семьи. Сила влияния потребительских запросов в данном случае настолько велика, что в целом ряде районов под давлением нарастающего потребительского запроса работник развивает свою продукцию в строгом соответствии с нарастающим числом едоков и объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников.

Так, например, по Старобельскому уезду Харьковской губернии имеем следующую характерную таблицу:

Годовой доход («продукция») семьи (в руб.)

Число работников	Число едоков в семье		
	0,0—4,0	4,1—6,0	6,1—∞
0,0—2,9	198,2	407,5	541,7
3,0—3,9	294,8	366,5	639,0
4,0—∞	238,7	427,0	531,7

Однако такое исключительное определяющее влияние запросов потребления имеет место только *при прочих равных условиях.*

Более подробный анализ с несомненностью устанавливает нам, что продукцию работника, помимо запросов потребления, в значительной мере определяют и условия, в которых прилагается труд. Так, например, если мы по тому же Старобельскому уезду сопоставим давление, оказываемое на продукцию работника ростом отношения е/р, с давлением земельной обес-

печенности работника, то мы получим следующую весьма знаменательную картину:

Продукция работника в зависимости от увеличения отношения е/р и земельного обеспечения

На одного работника приходится своей пашни (дес.)	Продукция работника			Личный бюджет едока		
	Отношение е/р			Отношение е/р		
	1,00—1,30	1,31—1,60	1,61—∞	1,00—1,30	1,31—1,60	1,61—∞
0,0—2,0	76,4	106,3	107,8	71,1	75,2	71,8
2,1—3,0	103,5	125,8	136,6	85,1	87,8	72,7
3,1—∞	105,1	128,6	175,8	86,3	85,9	88,7

Как видно по нарастанию рядов, лучшие условия приложения труда дали возможность работникам значительно увеличить свою продукцию, что при неизменяющемся отношении е/р неминуемо влекло за собою и увеличение уровня благосостояния семьи и едока; причем весьма значительно и вполне закономерно, что увеличение продукции работника, вызываемое нарастанием числа едоков, не вызывает параллельного повышения уровня благосостояния, а в некоторых бюджетных исследованиях (Новгородская губерния) *даже ведет к его понижению.* Рост же годовой производительности, обусловленный улучшением условий производства, немедленно повышает и уровень благосостояния.

Целый ряд прямых группировок, произведенных по этому принципу, дает нам совершенно ясно выраженные ряды Так, например, имеем:

Новгородская губерния

Отношение $\frac{\text{посевная площадь}}{\text{едок}}$ (в десятинах)	0—0,50	0,50—1,00	1,00—∞
Личный бюджет на одну душу обоего пола	41,60	57,94	71,60
Продукция работника	77,60	105,67	132,10

Старобельский уезд Харьковской губернии

Отношение $\frac{\text{посевная площадь}}{\text{едок}}$ (в десятинах)	0—1,50	1,50—2,50	2,51—∞
Личный бюджет на одного едока	62,4	77,2	94,8
Продукция работника	80,6	115,8	151,4

Волоколамский уезд Московской губернии

Отношение $\frac{\text{посевная площадь}}{\text{едок}}$ (в десятинах)	0—1,50	1,51—2,50	2,51—∞
Личный бюджет на одного едока	96,1	96,2	119,0
Продукция работника	186,2	148,4	253,4

Вышеприведенные группировки по земельному обеспечению раскрывают нам влияние на продукцию работника наличности средств производства и расширения возможности приложения своего труда. По материалам, собранным проф. Э. Лауром на основании счетоводного учета швейцарских крестьянских хозяйств, мы можем проследить и прямое влияние увеличения производительности каждой единицы затрачиваемого труда на уровень благосостояния крестьянских семей [11]:

Оплата в своем хозяйстве одного рабочего дня (франки)	0—2	2—3	3—4	4—4	5—∞
Личный бюджет в расчете на одного едока (франки)	610	699	804	839	886

Из таблицы следует, что доходы под влиянием увеличения производительности труда возрастают значительно, причем, однако, скорость нарастания бюджета значительно *отстает* от скорости нарастания производительности труда. Последнее обстоятельство, несомненно, указывает нам, что *годовое напряжение труда под влиянием лучшей его оплаты становится меньшим,* ибо для того, чтобы оно оставалось тем же самым, совершенно необходимо, чтобы производительность годового труда (а равно и уровень благосостояния) нарастала пропорционально повышению оплаты единицы труда. Как мы увидим ниже, этот факт имеет очень важное для теоретического анализа значение.

Швейцарские бюджетные материалы, к сожалению, не дают нам возможности непосредственно измерить степень напряжения труда при разных нормах производительности его единицы.

Зато единственный материал, поддающийся такому учету,— бюджетные данные по Волоколамскому уезду Московской губернии, в котором производился подробный учет труда для каждого хозяйства,— весьма резко отметил это падение.

Оплата одного рабочего дня в земледелии (руб.)	0—1,0	1,0—1,25	1,25—1,50	1,50—∞
Число рабочих дней, реализуемых работником на одного едока в году	114,3	100,2	93,1	90,1

К сожалению, кроме Волоколамских бюджетов, мы не располагаем другими материалами, которые позволили бы произвести такую же группировку.

[11] Данные, легшие в основу исчисления этой таблицы, были выписаны мною лично из таблиц швейцарского Bauernsecretariat'a * в 1912 г и предоставлены в мое распоряжение проф Э Лауром, которому, пользуясь случаем, приношу свою глубокую благодарность.

Таким образом, изложенные нами результаты сопоставления рядов приводят нас к несомненному заключению, что энергия, развиваемая работником семейного хозяйства, стимулируется потребительскими запросами семьи и заставляет по мере увеличения их форсировать и степень самоэксплуатации крестьянского труда. С другой стороны, затраты энергии сдерживаются тягостностью самого труда, и чем тяжелее труд по сравнению со своею оплатою, тем на более низком уровне благосостояния останавливает свою работу крестьянская семья, хотя часто для достижения и этого пониженного уровня ей приходится делать большие усилия.

Говоря иначе, мы можем установить, что степень самоэксплуатации труда устанавливается некоторым соотношением между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягости труда.

Нехитрое рассуждение дает нам возможность придать этому эмпирическому выводу некоторое теоретическое обоснование.

Как мы знаем, трудовая хозяйственная деятельность отличается от всякой другой деятельности тем, что количество ценности, поступающее при ней в обладание хозяйствующего человека, находится в соответствии с количеством затрачиваемого им физического труда. Затрата же физической энергии для человеческого организма далеко не беспредельна. После сравнительно небольшой траты, необходимой организму и сопровождающейся ощущением удовольствия, дальнейшая затрата энергии уже требует волевого усилия, и чем большее количество работы реализуется человеком в какой-нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда.

С другой стороны, субъективная оценка ценности, добываемой этим предельным трудом, будет зависеть от высоты ее предельной полезности для хозяйствующей семьи. А так как предельная полезность понижается по мере роста общей суммы ценностей, поступающей в обладание хозяйствующего субъекта, то на известной высоте повышающегося трудового дохода наступает момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой этим трудом суммы.

На этой точке естественного равновесия и остается продукция работника в трудовом хозяйстве, так как всякое дальнейшее увеличение затраты труда будет субъективно невыгодным.

Таким образом, всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда семьи со степенью удовлетворения ее потребностей.

Положение это может быть весьма наглядно представлено графически.

Мы имеем систему координат, по оси абсцисс которой отложены суммы ценностей (в руб.), вырабатываемые хозяйствующим субъектом в году.

Кривая AB указывает степень тягостности приобретения предельного рубля, отложенной по оси абсцисс суммы. Тягостность выработки десятого, двадцатого рубля ничтожна, но чем дальше, тем каждый лишний рубль, вырабатываемый работником, достается ему тяжелее.

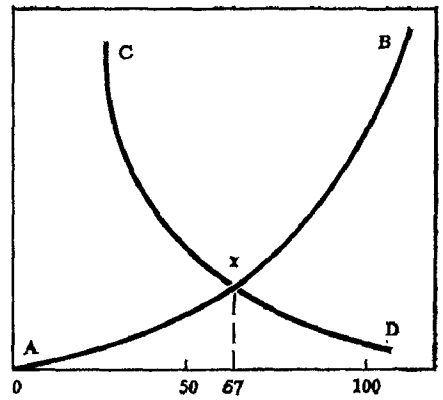

График 5

Кривая CD изображает собою высоту предельной полезности этих рублей для хозяйствующей семьи. Субъективная оценка двадцатого и тридцатого рубля будет непомерно высока, так как располагающая только этими суммами семья сможет покрыть в году только самые элементарные потребности и с огромной тяжестью для себя все же должна будет отказаться от удовлетворения остальных. Однако с каждым следующим увеличением общей суммы годового дохода субъективная оценка предельного рубля будет падать все больше и больше, так как им будут удовлетворяться менее важные в глазах семьи ее потребности.

Ход изменения этой субъективной оценки предельного рубля и дает нам течение кривой CD, которая пересечет кривую AB в точке *x*, соответствующей сумме годового получения в 67 руб. На этом уровне продукции субъективная оценка рубля, добываемого предельным трудом, равняется субъективной оценке тягостности этого труда. Всякий следующий рубль по своей предельной полезности будет оцениваться ниже, чем тягостность добывания его.

И наоборот, всякий предыдущий рубль оценивался выше, чем усилия, направленные на его добывание, и тем стимулировал продолжение работы.

Таким образом, *в данном случае* сумма 67 руб. является той точкой равновесия, на которой естественно остановится продукция нашего работника. Само собою понятно, что течение кривых AB и CD носит субъективный характер и подвержено изменениям, а каждое изменение в свою очередь изменяет и точку их пересечения, т. е. тот уровень продукции, при котором наступает равновесие между тягостностью труда и мерой удовлетворения потребностей.

Так, например, если мы предположим, что в силу увеличения цены на сельскохозяйственные продукты вдвое увеличи-

лась производительность труда, то каждый n-й руб. теперь будет добываться теми усилиями, которые ранее требовались для получения $^{n}/_{2}$-й руб.

Сообразно чему кривая AB даст пониженное течение A_1B_1 (график 6), и равновесие установится в новой точке x_1, соответствующей повышенной продукции, однако продукция повысится не вдвое, а в гораздо меньшей степени, как это очевидно из чертежа, сообразно чему и количество труда, затрачиваемого на получение этой продукции (расстояние x_1 от абсциссы), будет меньше, чем затрачивалось ранее (т. е. чем расстояние x от той же абсциссы).

Говоря иначе, в трудовом хозяйстве повышение оплаты единицы труда приводит к повышению годовой продукции и благосостояния семьи при пониженном напряжении годового труда, что вполне соответствует нашим изложенным выше эмпирическим наблюдениям.

В той же мере соответствует результатам наших группировок и эффект нарастания потребительских запросов семьи, т. е. изменение течения кривой CD (график 7).

Сообразно нарастанию отношения e/p течение кривой CD будет давать нам повышенное течение C_1D_1 и C_2D_2, так как теперь та же мера насыщения потребностей будет достигаться при условии увеличения продукции соответственно увеличению отношения e/p. А это в свою очередь приведет к новым моментам равновесия x_1 и x_2, соответствующим повышению продукции работника, получаемой ценой повышения напряжения труда на более высокую степень тягостности. Само собою понятно, что такое повышение продукции может иметь место без всяких изменений в составе семьи, просто в силу повышения уровня потребностей, например под влиянием городской культуры.

Таковы нехитрые рассуждения, утверждающие теоретически закономерность наших эмпирических выводов. Все только что приведенные нами теоретические рассуждения, падающие и пересекающиеся кривые, равновесие субъективных оценок всегда вызывали ожесточенную критику покойного А. А. Кауфмана, а ныне С. Н. Прокоповича и многих других экономистов и явились поводом к безапелляционному привлечению меня к лику эпигонов австрийской школы.

Во введении к настоящей книге мы уже имели случай касаться этого недоразумения и отмечали, что последнее обвинение было бы верно только в том случае, если бы я из отмеченного внутрихозяйственного равновесия выводил, как это делают австрийцы, полную систему народного хозяйства, чего я, однако, не делаю. Конечно, я мог бы в изложении своих взглядов отказаться от кривых и австрийской терминологии и рассказать все «своими словами», но думаю, что от этой манипуляции

никто бы не выиграл, а изложение было бы более запутано и менее четко.

Еще более досадны возражения практиков-агрономов, которые склонны всегда утверждать, что теория трудопотребительского баланса мало говорит им для решения вопроса о способах применения химических удобрений или о пользе введения ранних паров. В данном случае приходится еще раз отметить, что наша теория есть теория хозяйственной деятельности трудовой семьи, а не теория организации производства. Общие условия производства определяют собою состав и организацию отдельных производственных элементов, а нами изучаемые принципы хозяйства служат критерием того, включить или не включить крестьянской семье эти производственные элементы в состав своего хозяйства. Материалы, собранные нами в четвертой главе, подробно указывают механику этого отбора.

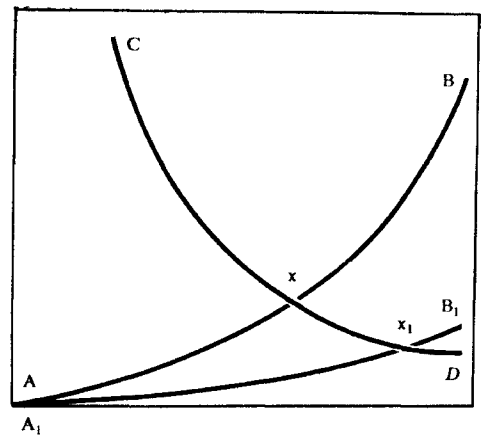

График 6

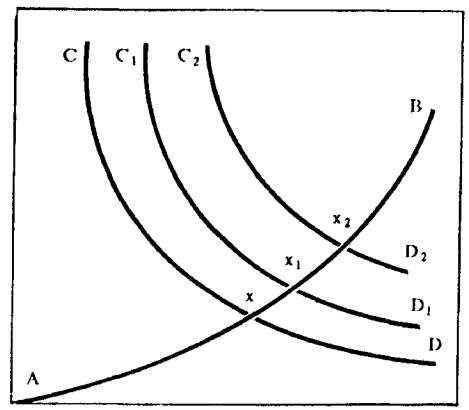

График 7

Подводя итоги всему изложенному нами о факторах, устанавливающих уровень самоэксплуатации крестьянского работника, мы можем с несомненностью определить, что, в то время как размеры капиталистического хозяйства теоретически безграничны, объем трудового хозяйства, естественно, определяется соотношением между потребительскими запросами семьи и ее рабочими силами и устанавливается на уровне сообразно производственным условиям, в которых находится хозяйствующая семья.

По русским бюджетным материалам мы можем установить следующие средние нормы чистой производительности годового работника в трудовых земледельческих хозяйствах.

	(руб.)		(руб.)
Новгородская губерния . . .	100,1	Сычевский уезд	100,6
Старобельский уезд	122,3	Дорогобужский уезд	97,2
Волоколамский уезд	140,1	Поречский уезд	115,6
Гжатский уезд	110,9	Воронежская губерния[12] . . .	68,8
Вологодский уезд	65,1	Томская губерния	66,5
Вельский уезд	69,9	Полтавская губерния	67,6
Тотемский уезд	82,2	Херсонская губерния . . .	86,0
Тобольская губерния	70,7	Елизаветпольский уезд . . .	82,1

Таков основной хозяйственный баланс, определяющий построение всего крестьянского хозяйства и его годовых доходов.

Однако в такой общей форме он не дает нам еще возможности понять, как строится в крестьянском хозяйстве конкретный хозяйственный расчет в каждом отдельном случае, как появляется в крестьянском сознании ощущение состояния основного равновесия между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягостности труда.

Говоря иначе, мы должны задать себе основной вопрос о том, не влияют ли раскрытые нами особенности крестьянского семейного хозяйства на основание устоя хозяйственного расчета и соответствует ли понятие выгодности капиталистического хозяйства, лежащее в основе учения А. Смита, Д. Рикардо и всей теперешней политической экономии, понятию выгодности семейного хозяйства.

Хозяйственный расчет капиталистического хозяйства может быть всецело выражен следующей элементарной формулой:

$$ВД - МИ - ЗП = ЧП,$$

где ВД — валовой доход; МИ — материальные издержки; ЗП — заработная плата; ЧП — чистая прибыль.

Все слагающие этой формулы — суть величины, легко выражаемые в одних и тех же поименованных единицах, скажем в рублях, и нужно несложное арифметическое действие для того, чтобы точно определить чистую прибыль, и если последняя получится выше нуля, считать хозяйство безубыточным. А если чистая прибыль в отношении капитала, вложенного в хозяйство, будет давать процент выше обычного дисконтного процента в стране, то и выгодным.

Может ли эта формула быть приложенной к семейному хозяйству?

Нетрудно убедиться в том, что этого сделать нельзя.

[12] Низкие цифры Воронежской и последующих губерний и уездов могут быть в некоторой части объяснены тем, что эти бюджетные работы выполнены до 1906 г. при сравнительно низкой конъюнктуре на продукты сельского хозяйства. Приведя их к ценам 1910-х годов, мы бы увеличили их на 10 и более процентов.

В самом деле, она оказывается пригодной к капиталистическому хозяйству потому, что в нем все четыре ее элемента выражаются в одинаковых поименованных единицах.

Для крестьянского же хозяйства только валовой доход и материальные издержки выражаются в объективных единицах ценности. Не зная категории заработной платы, семейное хозяйство может выразить свои трудовые затраты только в натуральных единицах затраченного труда, нами обозначаемого как Т.

А так как из рублей и копеек нельзя вычесть дни как таковые, то трудовые затраты не могут быть вычитаемы из материальных элементов формулы и единственно могут быть с ними сопоставлены.

(ВД — МИ), т. е. чистая производительность данной затраты труда, по определению начала этой главы, может быть субъективно признана нашей семьей удовлетворительной или хорошей по сравнению с субъективной оценкой тягостности этого самого труда:

$$(ВД - МИ) \geqq Т,$$

или же, наоборот, полученный результат будет признаваться недостаточным по сравнению с затратой труда, реализованной для его получения. Субъективная оценка труда окажется выше оценки его результата:

$$(ВД - МИ) < Т,$$

тогда данная затрата, несомненно, будет признана невыгодной [13].

Самые разнообразные факторы объективного и субъективного порядка будут влиять на установление результатов этого сопоставления.

Сопоставляя производительность затраты труда с его количеством, мы можем дать то и другое на число единиц труда, вывести объективную величину оплаты, положим, одного рабочего дня:

$$(ВД - МИ) \gtreqless Т;$$

$$\frac{ВД - МИ}{Т} \gtreqless x,$$

где x — субъективная оценка тягостности одного рабочего дня.

[13] Могут сказать, что в окружающей действительности крестьянин всегда может оценить свой труд по существующим где-нибудь поблизости заработным платам. Это неверно, потому что для крестьянина наем есть только один из возможных случаев приложения труда, и притом в большинстве случаев невыгодный. Субъективная оценка тягостности добычи предельного рубля * в своем хозяйстве бывает всегда почти ниже, чем в условиях работы по найму, так как оплата в своем хозяйстве выше заработной платы.

Причем одна и та же объективно выражаемая оплата единицы труда при одном и том же уровне будет считаться *то выгодной,* то *невыгодной* для крестьянской семьи, прежде всего *в зависимости от состояния основного равновесия между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягостности труда* *. Если в сметном учете хозяйства основное равновесие еще не достигнуто, острота непокрытых потребностей еще достаточно остра, хозяйствующая семья сильнейшим образом стимулируется к расширению своей работы и ищет приложение своему труду, мирясь с низкими уровнями его оплаты. «По нужде» крестьянин идет на самые невыгодные на первый взгляд начинания.

И наоборот, если основное равновесие вполне покрывается сметными соображениями хозяйства, то только очень высокая оплата труда может побудить крестьянина к новым работам. Таким образом, предельная (низшая из допустимых) оплата единицы труда устанавливается в зависимости от общего равновесия хозяйства и не может быть объективно определяема со стороны a priori [14].

Главным для семейного хозяйства является годовая оплата труда, а оплата его единицы — величиной производной, зависящей от того, как в целом разрешаются задачи хозяйства. Причем, конечно, норма оплат единиц труда учитывается в тех подсознательных интуитивных процессах, которые устанавливают в своих сметных соображениях момент, определяющий годовое равновесие.

Для того чтобы наши рассуждения были наглядны, мы позволим себе привести один поясняющий пример.

Предположим, что десятина овса дает 60 пудов урожая за вычетом семян, цена овса — 1 руб. за пуд, валовой доход — 60 руб., материальные издержки по культуре — 20 руб., число необходимых рабочих дней — 25, заработная плата — 1 руб.

Тогда элементы расчета будут:

Для капиталистического хозяйства		*Для семейного хозяйства*	
Валовой доход . . .	60 × 1 руб. = 60 руб.	Валовой доход . . .	60 × 1 руб. = 60 руб.
Расходы:		Расходы:	
материальные издержки	20 руб.	материальные издержки	20 руб.
заработная плата	25 руб.	Получено в оплату труда	40 руб.
Чистый доход . . .	15 руб.	Оплата одного рабочего дня	$\frac{40}{25}$ = 1,60 руб.

Для капиталистического хозяйства культура выгодна, для крестьянского хозяйства выгодна в том случае, если потребительский бюджет не может быть покрыт другими приложениями труда, дающими оплату рабочего дня выше 1,60 руб.

Предположим теперь, что цена овса упала до 60 коп за пуд.

Для капиталистического хозяйства		*Для семейного хозяйства*	
Валовой доход . .	60×0,60 = = 36,00 руб.	Валовой доход . .	60 × 0,60 = = 36,00 руб.
Расходы:		Расходы:	
материальные издержки	20,00 руб.	материальные издержки	20,00 руб.
заработная плата	25,00 руб.	Получено в оплату труда	16,00 руб.
Убыток	—9,00 руб.	Оплата одного рабочего дня	0,64 руб.

Как видно из таблицы, капиталистическое хозяйство получило бы с десятины 9 руб. чистого убытка, и культура овса стала бы для него абсолютно невыгодной, а для хозяйства крестьянского его оплата труда упала бы до 64 коп., и эта цифра была бы вполне приемлемой, если бы основное хозяйственное равновесие не могло бы быть покрыто при помощи направления труда на занятия, дающие бóльшую оплату.

Мы не будем приводить дальнейших примеров, так как и из этих немногих расчетов можно установить, что при падении рыночной конъюнктуры благодаря механизму трудового расчета отрицательные величины (убыток) появляются в крестьянском хозяйстве гораздо позже, чем в капиталистическом (откуда исключительная выживаемость и устойчивость крестьянских хозяйств), и часто условия внутреннего основного равновесия семейного хозяйства делают для него приемлемыми очень низкие оплаты единицы труда, дающие возможность существовать в условиях, обрекающих капиталистическое хозяйство на несомненную гибель.

С другой стороны, для крестьянского хозяйства, находящегося в высокорентных условиях, нередко являются неприемлемыми такие объекты приложения труда, которые выгодны хозяйству капиталистическому, но дают оплату труда более низкую сравнительно с теми, с помощью которых это крестьянское хозяйство покрывает свой бюджет.

Из сказанного более или менее ясны особенности в понимании выгодности, свойственные трудовому хозяйству.

Считаем совершенно необходимым отметить, что подобная конструкция понятия выгодности вовсе не требует от крестьянского хозяйства каких-либо экстравагантностей его хозяйственного поведения. В большинстве случаев оценка сравнительной выгодности по принципу чистого дохода дает тот же результат, как и оценка, произведенная без употребления категории заработной платы, по принципу учета высоты оплаты труда. И только в некоторых случаях, когда интересы оплаты

[14] Буквально — «из предыдущего», т. е. на основании ранее известного (лат.).— *Ред.*

годового труда начинают для крестьянского хозяйства особенно доминировать над интересами получения максимальной оплаты за каждую единицу труда, природа семейного хозяйства резко выступает наружу и крестьянское хозяйство ведет себя совершенно отлично от хозяйства капиталистического, находящегося в тех же условиях.

Условия, в которых это имеет место, в достаточной мере наблюдаемые в переживаемую нами эпоху, будут нами исчерпывающе рассмотрены в последующих главах.

Проф. Э. Лаур в своем отзыве на немецкое издание настоящей книги, указывая на наличие в Швейцарии некоторых крестьянских групп, на которые можно распространить наши принципы хозяйственного поведения, отмечает, что большинству европейского крестьянства свойствен колоссальный стимул к накоплению, к обзаведению, превозмогающий иногда запросы потребления. Несомненно, эти же стимулы, хотя и не в столь ярком виде, имеются и у многих слоев русского крестьянства.

Однако, как мы увидим ниже в главе, посвященной кругообращению [15] капитала в крестьянском хозяйстве, введение в учет процессов капиталовосстановления и капиталонакопления не противоречит нашим построениям, а только осложняет их.

[15] Круговороту.— *Ред.*

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Изложенные нами основные принципы семейного хозяйства не являются принадлежностью одного только хозяйства крестьянского. Они присущи всякому семейному трудовому хозяйству, в котором работа связана с затратой физических усилий, а заработок пропорционален этим затратам, будь то ремесленное хозяйство, хозяйство кустаря или даже просто любая хозяйственная деятельность трудовой семьи.

Крестьянское хозяйство как таковое является гораздо более узким понятием и включает в себя, *как семейное хозяйство в земледелии,* ряд осложняющих элементов, вытекающих из природы земледельческого хозяйства и облекающих выявление его семейной сущности в ряд своеобразных особенностей построения земледелия и скотоводства.

Всякое сельскохозяйственное предприятие в организационном отношении характеризуется его системой, под которой, согласно классическому определению А. П. Людоговского, следует понимать «род и способ соединения количественно и качественно земли, труда и капитала» *. Развивая это определение, мы можем для каждого земледельческого предприятия дать следующую схему основных элементов, его слагающих (рис. 8).

Для каждой системы хозяйства, учитывая местные условия, можно путем ряда организационных расчетов определить как технически наиболее целесообразное соотношение его производственных факторов, так равно и абсолютные размеры самого хозяйства, обеспечивающие наименьшую себестоимость продуктов, а следовательно, и наибольший доход.

Автор этих строк совместно с А. Л. Вайнштейном и И. Д. Лопатиным [16], сопоставляя элементы себестоимости сельскохозяйственных продуктов, уменьшающиеся по мере укрупнения хозяйства (пользование постройками и инвентарем, стоимость

[16] Оптимальные размеры сельскохозяйственного предприятия: Сб. Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. М., 1921

общих расходов и пр.), с элементами, возрастающими с ростом хозяйственной территории (внутрихозяйственный транспорт и пр.), имел случай установить, что оптимальные размеры хозяйства для залежной системы колеблются от 1500—2000 дес., для удобряемого трехполья — около 400, а для плодопеременной системы — около 150 дес.*

Само собою понятно, что как размер территории хозяйства, так равно и соотношение развертываемых на ней производственных факторов не являются единственно возможными в одном только оптимальном размере и соотношении. Можно мыслить и наблюдать в действительности немало хозяйств, где имеет место подчас значительное отклонение от этих оптимальных норм. Однако оптимальное сочетание дает наивысший доход, и всякое отклонение от него приносит хозяину понижение нормы прибыли. Причем необходимо отметить, что это понижение прибыли происходит в высшей степени постепенно, чем и объясняется экономическая возможность существования хозяйств, сильно отклоняющихся от оптимальных норм по размерам и по соотношению факторов.

В случае если для развертывания хозяйства в оптимальных размерах у его организатора не хватает достаточного количества земли, или капитала, или рабочих рук, предприятие строится в размерах меньших, сообразно фактору, находящемуся в минимуме. Однако в каких бы размерах хозяйство ни строилось, оно всегда имеет пропорциональность частей и известную закономерность их соотношения, свойственную каждой системе хозяйства, обусловленную технической целесообразно-

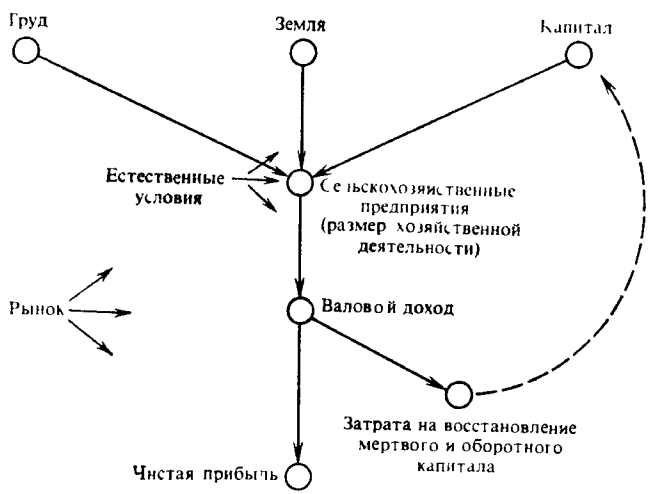

Рис. 8

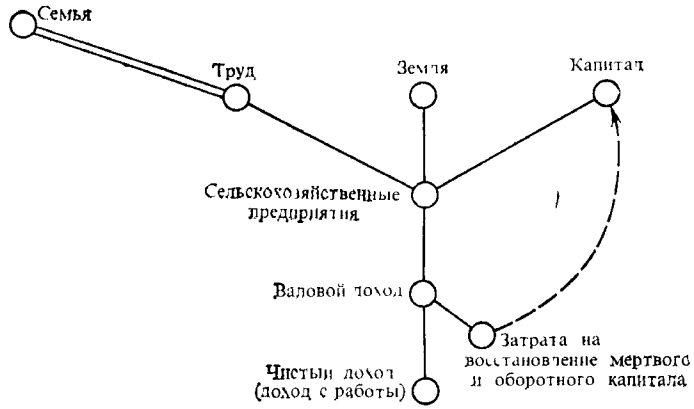

Рис. 9

стью и необходимостью. Всякое нарушение этой гармонии приводит к неизбежному и ощутительному понижению производительности затрат труда и капитала, так как выводит хозяйство из оптимального сочетания производственных факторов. Таким образом, земледельческое хозяйство может, сохраняя соразмерность частей и всегда стремясь к оптимальной величине, быть организованным фактически в самых разнообразных размерах. Это положение сохраняет свою силу в полной мере, поскольку дело идет об организации земледельческого предприятия, построенного на наемном труде.

Приступая же к организации предприятия на началах трудового семейного хозяйства, мы прежде всего сталкиваемся с тем фактором, что один из его элементов — рабочие силы оказываются фиксированными наличностью их в составе семьи. Они не могут быть по произволу увеличиваемы или уменьшаемы, и, подчиняясь необходимости целесообразного сочетания факторов, мы, естественно, должны ставить другие факторы производства в оптимальное соотношение к этому фиксированному элементу, что ставит и весь объем нашего хозяйства в достаточно узкие пределы. Отсюда наша схема приобретает следующий новый вид (см. рис. 9).

Таким образом, в схеме гармонично развиваемых органических элементов трудового сельскохозяйственного *предприятия данным* является рабочая сила семьи и сообразно ей фиксируются в обычной *между собой* технической гармонии производственные элементы хозяйства. При свободе образования необходимой площади *землепользования* и возможности иметь в своем распоряжении необходимые средства производства крестьянские хозяйства слагаются сообразно оптимальной мере самоэксплуатации рабочих сил семьи в технически оптимальную по своим размерам и соотношению частей си-

стему производственных факторов Всякое излишнее вооружение труда средствами производства или землею сверх технически оптимального уровня будет излишним обременением предприятия и не поведет к увеличению объема хозяйства, так как дальнейшее напряжение труда уже за пределы установившегося уровня его самоэксплуатации неприемлемо для семьи, а производительность его затрат благодаря увеличению капиталоинтенсивности, естественно, не может быть повышена, раз достигнутая норма *обеспечения* сама по себе является оптимальной.

Однако из этого не следует, что размер семьи, так сказать, арифметически определяет собою и размер хозяйства, и состав всех его слагающих.

Земская статистическая литература не раз отмечала случаи ясно выраженного переобременения крестьянских хозяйств то инвентарем (Волоколамский уезд), то постройками (Старобельский уезд), то рабочим скотом.

Кроме того, необходимо отметить, что весьма часто в силу постоянных или случайных причин наличность земли или средств производства оказывается ниже требуемых оптимумом и бывает недостаточной для полной реализации труда хозяйствующей семьи. Тогда естественно, что производственный элемент, наличность которого оказывается ниже нормы, требуемой технической гармонией, становится в значительной мере определяющим фактором сельскохозяйственного предприятия, и покуда хозяйству не удастся этот фактор от минимума перевести к оптимуму, объем хозяйства будет в большой мере сообразоваться с его размером.

Прилагаемая таблица, исчисленная проф. Л. Н Литошенко в сборнике «О земле» *, в достаточной мере наглядно демонстрирует это обстоятельство:

Старобельский уезд Харьковской губернии		Костромская губерния		Вельский уезд Вологодской губернии		Тамбовская губерния	
Группы хозяйств по посевной площади (дес)	Чистая производительность одного работника в сельском хозяйстве (руб)	Группы хозяйств по посевной площади (дес)	Чистая производительность одного работника в сельском хозяйстве (руб)	Группы хозяйств по посевной площади (дес)	Чистая производительность одного работника в сельском хозяйстве (руб)	Группы хозяйств по размеру удобренной пашни (дес)	Чистая сельскохозяйственная производительность на одного едока (руб.)
До 3	57	До 1	43	До 2	63	До 5	92
3—7,5	102	1—3	156	2—3	63	5—8	108
7,5—15,0	125	3—4	131	3—4	61	8—11,5	149
		4—6	135	4—6	83	11,5—18,0	120
Свыше 15	203	Свыше 6	206	Свыше 6	80	Свыше 18	275

Таблица с достаточной наглядностью показывает нам, как параллельно с увеличением и уменьшением земельного обеспечения растут и падают сельскохозяйственные доходы, могущие быть одним из измерителей объема хозяйственной деятельности.

Рассматривая эти таблицы, мы считаем необходимым отметить, что группировка произведена Л. Н Литошенко по величине посевной площади на семью, в то время как было бы более правильно группировать по отношению десятин посева ив одного работника, дабы элиминировать влияние размеров семьи на ряды цифр Однако ввиду более или менее одииаковых результатов как при той, так и при другой группировке мы ограничиваемся этими справками, приведя как пример правильной группировки нижеследующую таблицу по Новгородской губернии:

Новгородская губерния

На одного работника	На одного едока приходится посевной площади (дес)		
	выше 1,00	от 0,50 до 1,00	ниже 0,50
Валовой доход от сельского хозяйства	176,95	125,34	71,33
Хозяйственные расходы . .	111,64	67,82	44,25
Годовая оплата труда от сельского хозяйства	65,31	57,52	26,58
Основной капитал	622,32	418,52	283,61

Рассматривая приведенный материал, мы видим, как по мере недохвата земли, становящейся фактором, находящимся в минимуме, с разной степенью скорости, но неуклонно сокращается объем сельскохозяйственной деятельности по всем элементам хозяйства. Рабочие же руки хозяйствующей семьи, не нашедшие себе применения в сельском хозяйстве, устремляются, как мы увидим ниже, на промыслы и другие *внеземледельческие* заработки, чтобы достигнуть хозяйственного равновесия с потребностями семьи не только недостаточными сельскохозяйственными доходами, но и промысловыми поступлениями. При этом необходимо отметить, что объем земледельческого хозяйства по своей величине не представляет собой простой арифметической *производной* от величины эксплуатируемой территории и по мере ее развития значительно отстает от нее в скорости нарастания.

Так, если мы примем цифры посевной площади расходов и доходов хозяйства для малосеющих хозяйств за 100, то нарастание этих элементов по мере увеличения посевной площади выразится следующими величинами:

Новгородская губерния

На одного едока приходится посевной площади (дес.)	0,00—0,50	0,51—1,00	1,01 и выше
Посевная площадь на одного работника (дес.)	100	184	340
Расходы хозяйства на одного едока	100	145	200
Доходы от сельского хозяйства на одного едока	100	176	248

Впрочем, все эти явления уже давно обнаружены были сельскохозяйственной статистикой, как русской, так и европейской, с достаточной полнотой изучившей влияние на хозяйство размеров землепользования.

Гораздо более новыми для нас являются данные о влиянии величины не земледельческого обеспечения, а капиталоснабжения на строение хозяйства и его доходы, которые мы можем получить исходя из новых русских бюджетных исследований. Изучая влияния разных степеней капиталообеспеченности крестьянского хозяйства, мы тем самым будем изучать последствия, вытекающие для хозяйства из нарушения гармонии факторов, свойственной оптимуму. Мы подвергли обработке два наиболее совершенных из бюджетных исследований по Новгородской и Тамбовской губерниям и в системе комбинационных таблиц сопоставили влияние размеров семьи (число работников) и наличности у нее основного капитала (постройки, скот и инвентарь) на объем ее хозяйственной деятельности. Пользуясь этой комбинационной группировкой для изучения влияния капитала и размеров семьи, приходится помнить, что при сопоставлении указанных факторов в абсолютных цифрах на хозяйство, мы неизбежно столкнемся с тем обстоятельством, что при увеличении числа работников при одной и той же сумме капитала будет резко понижаться капиталоинтенсификация труда *, и наоборот, увеличивая размер капитала при неизменном размере семьи, будем иметь нарастание этой капиталоинтенсификации, как это видно из прилагаемых таблиц:

На одного работника приходится основного капитала

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер основного капитала семьи (руб.)				Размер основного капитала семьи (руб.)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞
0—2	187	349	—	—	154	360	—	—
2—4	122	202	355	692	120	243	385	747
4—∞	71	146	213	309	86	139	208	368

Благодаря этим различиям в капиталовооруженности таблица эта, позволяя анализировать влияние капиталоинтенсификации при постоянном составе семьи, не дает нам возможности проследить влияние на хозяйство размеров семьи при одинаковой норме капиталоинтенсивности. Указанное обстоятельство заставляет нас, произведя анализ в данной форме сопоставления, впоследствии повторить его в несколько измененном виде. Сделав вышеуказанную оговорку, мы можем теперь перейти к анализу нашего материала по существу и начнем его с выяснения влияния размеров семьи и капитала на объем сельскохозяйственного предприятия семьи, измерителем которого может явиться посевная площадь.

Влияние капитала и размера семьи на велнчину посевной площади

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер основного капитала семьи (руб.)				Размер основного капитала семьи (руб.)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—2000
	Десятин посевной площади на одно хозяйство				Десятин посевной площади на одно хозяйство			
0—2	1,7	2,1	—	—	3,4	3,6	—	—
2—4	2,3	3,3	4,5	5,1	3,1	4,6	7,7	8,1
4—∞	2,9	3,7	5,1	6,9	4,6	6,1	8,6	14,1

Рассматривая таблицу, мы видим, что семья, получая в свое обладание все большее и большее количество капитала, развивает, естественно, больший и больший объем сельской хозяйственной деятельности.

С другой стороны, таблица столь же наглядно показывает, что при одном и том же капитале по мере возрастания сил крестьянской семьи ей удается развить все больший и больший объем своего земледельческого хозяйства, покрывая трудоинтенсивностью недостаток капитала. В данном случае мы наглядно видим, что капитал не является арифметическим определителем объема хозяйства, а только одним из условий, в которых семья производит это определение.

Как мы знаем по условию группировки, по мере роста семьи при одном и том же размере капитала ее работники оказываются все в более и более худших условиях вооружения основным капиталом и, естественно, что равновесие основных хозяйственных факторов наступает при меньшем объеме хозяйственной деятельности работника, как это видно из прилагаемой таблицы.

Влияние размера семьи и основного капитала на величину посевной площади, обрабатываемой одним работником

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер капитала на одно хозяйство (руб)				Размер капитала на одно хозяйство (руб)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞
0—2	1,01	1,17	—	—	1,91	2,02	—	—
2—4	0,83	1,01	1,35	1,66	1,01	1,48	2,19	2,53
4—∞	0,56	0,75	0,89	0,98	0,94	1,23	1,56	2,38

Как мы видим, работник, попадая во все более и более худшие условия, начинает сокращать продукцию. Сопоставляя эту таблицу с таблицей, отмечавшей падение его вооруженности средствами производства, мы можем отметить, что падение посевной площади на работника совершается медленнее, чем падение его вооруженности капиталом, что наглядно можно видеть, сопоставляя течение функций и приняв для удобства величину первой группы за 100.

Число работников в семье	50—500		500—1000		1000—1500		1500—∞	
	На одного работника приходится		На одного работника приходится		На одного работника приходится		На одного работника приходится	
	капитал (руб)	посевная площадь (дес)	капитал (руб)	посевная площадь (дес.)	капитал (руб)	посевная площадь (дес.)	капитал (руб.)	посевная площадь (дес.)
Новгородская губерния								
0—2	100	100	100	100	—	—	—	—
2—4	65	82	58	87	100	100	100	100
4—∞	38	55	42	64	60	66	45	59
Тамбовская губерния								
0—2	—	—	100	100	—	—	—	—
2—4	100	100	53	73	100	100	100	100
4—∞	72	93	30	61	54	63	50	94

Таким образом, и здесь мы видим сообразно нашей теории, изложенной во второй главе, что сокращение средств производства влияет на объем хозяйства не механически, а путем воздействия на основное хозяйственное равновесие и заставляет

благодаря возрастанию тягостности труда сократить продукцию работника. А это неизбежно должно привести к понижению уровня благосостояния семьи, т. е. понизить меру удовлетворения ее потребностей (бюджет едока), несмотря на возможность использовать промысловые заработки, что мы наглядно видим в нижеследующей таблице.

Мера удовлетворения личных потребностей (бюджет едока) в зависимости от размера семьи и основного капитала

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер основного капитала семьи (руб)				Размер основного капитала семьи (руб)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞
0—2	93,5	143,0	—	—	90,0	100,1	—	—
2—4	67,8	74,9	104,1	152,9	85,8	97,2	113,9	129,2
4—∞	52,4	78,6	82,9	125,3	76,4	85,3	91,6	124,0

Таким образом, ценою понижения производительности труда годового работника и меры удовлетворения потребностей крестьянской семьи по мере ее роста удается при одном и том же капитале увеличить объем своего сельскохозяйственного предприятия.

Указанное нами понижение момента установления хозяйственного равновесия приводит к тому, что, несмотря на развитие промысловых заработков при малых сельскохозяйственных доходах, валовой доход нашей семьи следует в общем тенденциям посевной площади.

Валовой доход семьи в зависимости от размеров семьи и основного капитала

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер основного капитала семьи (руб)				Размер основного капитала семьи (руб)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞
0—2	373,5	528	—	—	347	551	—	—
2—4	434,5	542	810	1131	434	713	1295	1411
4—∞	524,0	710	999	1386	661	882	1229	2695

Влияние размера семьи и основного капитала на валовой доход работника семьи

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер основного капитала семьи (руб)				Размер основного капитала семьи (руб.)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞
0—2	216	293	—	—	192	306	—	—
2—4	154	168	244	364	140	229	420	441
4—∞	102	142	176	194	135	177	223	454

Мы видим, что валовой доход реагирует на влияние роста семьи и капитала так же, как и посевная площадь.

В отношении анализа валового дохода особенно интересно сопоставление его суммы с суммой капитала, при которой он получается:

Влияние размера семьи и основного капитала на количество валового дохода, получаемого со 100 руб. основного капитала

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер основного капитала семьи (руб)				Размер основного капитала семьи (руб.)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞
0—2	116	84	—	—	—	65	—	—
2—4	126	83	69	53	117	94	107	69
4—∞	142	96	82	63	155	126	108	124

Мы видим, что по мере роста рабочей силы семьи и относительной трудоинтенсификации хозяйства семья получает возможность из каждой единицы капитала извлекать большую и большую сумму валового дохода. С другой стороны, рассматривая горизонтальные строчки, мы видим, что по мере капиталоинтенсификации хозяйства и уменьшения его относительной трудоинтенсификации производительность затрат капитала все падает и падает.

Дабы отвести предположение, что это возрастание и это падение происходят за счет промысловых заработков, мы повторили этот же анализ в отношении размеров посевной площади, приходящейся на рубль капитала, и получили те же тенденции, хотя и менее ярко выраженные.

На 100 руб. капитала приходится десятин посевной площади

Число работников в семье	Новгородская губерния				Тамбовская губерния			
	Размер основного капитала семьи (руб.)				Размер основного капитала семьи (руб.)			
	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞	0—500	500—1000	1000—1500	1500—∞
0—2	0,54	0,33	—	—	—	0,43	—	—
2—4	0,68	0,50	0,38	0,24	0,84	0,61	0,65	0,34
4—∞	0,78	0,51	0,42	0,31	1,08	0,87	0,75	0,65

Мы видим, что подобно валовому доходу размер посевной площади, приходящейся на 100 руб. основного капитала, падает по мере увеличения капиталоинтенсивности хозяйства. Крестьянская семья путем форсирования трудоинтенсификации оказывается в состоянии тем более полно использовать находящийся в ее распоряжении капитал, чем меньше она его имеет.

Как мы уже отмечали, произведенные нами сопоставления, давая возможность исчерпывающе анализировать влияние на хозяйство его капиталоинтенсивности, мало дают для сравнительного изучения влияния роста семьи и нарастания капиталоинтенсивности.

Для анализа этого сопоставления мы придали нашим комбинационным таблицам несколько иную форму и, разбив весь материал на группы по капиталоинтенсивности хозяйства (отношение величины основного капитала к числу работников), в пределах каждой группы разбили его по размеру семьи.

В этом случае мы получили возможность по горизонталям проследить реакцию капиталоинтенсификации при постоянном составе рабочих сил семьи, а по вертикалям — влияние роста семьи при постоянном уровне капиталоинтенсивности.

Сопоставление дало следующие результаты:

Общие доходы семьи в зависимости от количества основного капитала, приходящегося на одного работника, и размеров семьи (Новгородская губерния)

Число работников в семье	Основной капитал на одного работника (руб)			
	0—100	100—200	200—300	300—∞
0—2	169	352	426	528
2—4	334	478	579	835
4—∞	523	749	923	1584

Мы видим, что рост семьи дает реакцию в высшей мере ярко выраженную, и, сопоставляя ее с развитием фактора, должны будем признать, как и следовало ожидать теоретически, что нарастание объема хозяйства идет почти пропорционально росту семьи и сильно отстает от энергии развития капиталоинтенсификации, что мы уже видели при анализе предыдущей комбинации.

В заключение нашего анализа мы рассмотрим влияние числа работников семьи и капиталоинтенсивности на обеспечение едока посевной площадью.

Посевная площадь на едока

Число работников в семье	Основной капитал на работника (руб.)			
	0—100	100—200	200—300	300—∞
0—2	0,43	0,64	0,72	0,99
2—4	0,53	0,65	0,70	1,23
4—∞	0,47	0,67	0,65	1,10

Из таблицы весьма наглядно видно, что простое увеличение семьи, не затрагивая условий хозяйственного равновесия, не оказывает никакого определенного влияния на обеспечение едока посевною площадью, в то время как увеличение капиталоинтенсивности повышает его годовую выработку, и притом сообразно теории со скоростью меньшей, чем скорость нарастания фактора.

Так, например, для размера семьи 2—4 работника мы имеем:

Вооруженность работника капиталом (руб.) . . .	0—100	100—200	200—300	300—∞
Нарастание вооруженности одного работника капиталом	100	200	325	525
Нарастание посевной площади, приходящейся на одного едока	100	122	132	232

Таковы итоги нашего эмпирического анализа, постараемся подвести итоги ему теоретически.

Установленные нами эмпирические зависимости показывают нам, что в том случае, когда в данном году в распоряжении хозяйства не имеется земли или капитала, необходимых для построения оптимального по соотношению своих размеров с размерами семьи земледельческого предприятия, оно вынуждено сообразовать объем сельскохозяйственной деятельности с этими в минимуме находящимися средствами производства.

Этот объем устанавливается не автоматически, не путем арифметического производного от элемента, находящегося в минимуме, а сложным процессом влияния ухудшения условий сельскохозяйственного производства на основное равновесие хозяйственных факторов.

Причем семья свой неиспользованный труд бросает на промысловые и иные внехозяйственные заработки и противопоставляет своим потребностям весь свой суммарный сельскохозяйственный и промысловый доход, а тягостность его добычи приводит в равновесие с мерой насыщения личных потребностей.

Поэтому все изученные нами во второй главе формы влияния состава и размера семьи на продукцию работника семьи и другие следствия, вытекающие из феномена внутрихозяйственного равновесия производственных факторов, естественно, относятся к суммарному доходу семьи, а не к его части, которой являются сельскохозяйственные доходы ее.

Наши бюджетные материалы дают довольно наглядные примеры того, как труд, не располагающий необходимыми средствами производства для полного размещения своего в земледелии, переливается в промыслы.

Так, например, по Вологодскому уезду, где был произведен подробный учет труда, мы имеем:

Рабочее время, затрачиваемое в разных посевных группах на земледелие и промыслы

(в %)

На одно хозяйство десятин посева в поле	Из рабочего года затрачено	
	на земледелие	на промыслы
0,0—0,0	10,3	41,9
0,1—1,0	21,7	22,8
1,1—2,0	23,0	21,9
2,1—3,0	26,9	19,8
3,1—6,0	28,1	13,7
6,1—10,0	41,6	11,1

Для целого ряда других исследований мы, к сожалению, не имеем учета труда и можем судить о соотношении промыслового и сельскохозяйственного доходов по его результатам, т. е. по той выработке, которую они приносят хозяйству. Результат этого анализа, как это установил, например, Ф. А. Щербина для Воронежской губернии *, получается тот же самый.

Таким образом, крестьянская семья стремится покрыть недохват сельскохозяйственных доходов промысловыми.

Однако в большинстве районов, обследованных бюджетно, это ею не достигается в полной мере. Особенно характерно это

в отношении Вологодского уезда, где при той же затрате труда промысловые хозяйства вынуждены мириться с меньшим уровнем благосостояния, как это видно из нижеследующего сопоставления:

Вологодский уезд	На одного едока тратится в год на личные потребности натурой и деньгами (в руб.) на личный бюджет
Чисто земледельческие трудовые семьи	78,3
Семьи с нанимающимися в рабочие и в услужение	56,6
Семьи с самостоятельными промышленниками (одиночками)	66,3
Семьи с промышленниками, предпринимателями, пользующимися наемным трудом	148,9

Причиною этому является то обстоятельство, что промысловые доходы Вологодского и, очевидно, других уездов дают очень низкую оплату труда и, следовательно, заработок дается с большей тягостностью труда, что неизбежно приводит к установлению основного хозяйственного равновесия на более низком уровне благосостояния [17].

Все вышеизложенное в достаточной мере освещает нам сложные процессы определения как общего, так равно и частичного сельскохозяйственного объема хозяйственной деятельности крестьянской семьи. То обстоятельство, что сельскохозяйственное предприятие и промысловая деятельность семьи связаны одной системой основного равновесия хозяйственных факторов, не позволяет рассматривать их отдельно друг от друга и заставляет нас несколько видоизменить морфологическую схему крестьянского хозяйства, установленную в начале настоящей главы, включив в нее процессы промысловой работы.

Детализируя отдельные ее звенья, мы получим следующую схему (рис. 10). Мы видим, как в результате уже изученных взаимоотношений факторов устанавливается объем сельскохозяйственной и промысловой деятельности, собирается доход каждой из них и как они, соединившись, дают тот синтетический единый трудовой доход семьи, который, сопоставляясь с ее потребностями, и дает основное хозяйственное равновесие.

Для исчерпывающего познания механизма крестьянского хозяйства представляется в высшей степени интересным уста-

[17] По Вологодскому уезду промысловый заработок за вычетом доходов от торгово-промышленных предприятий давал 48,9 коп за один рабочий день, в то время как земледелие — 59,4 коп., и даже если из его доходов вычесть все налоги и платежи,— 52,4 коп.

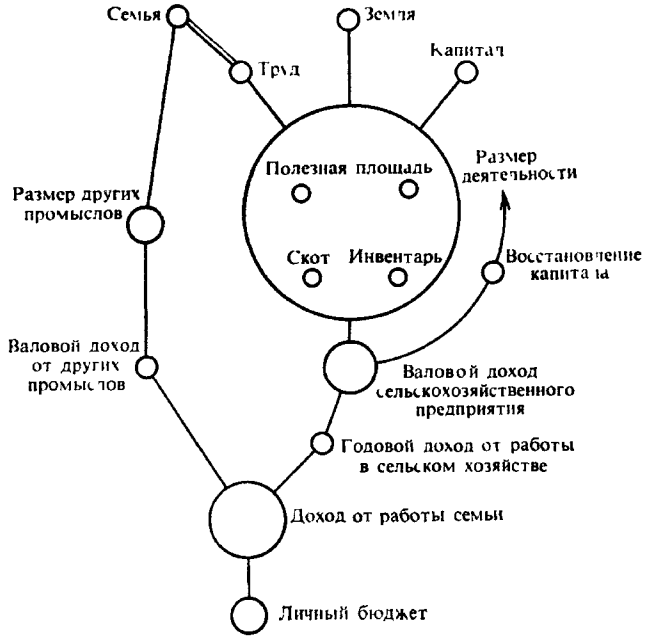

Рис. 10

новить количественно силу связи всех элементов этой системы между собою.

Благодаря работам проф. С. Н. Прокоповича, а также сотрудников Высшего Семинария сельскохозяйственной экономии и политики * А. А. Котова, Г. А. Студенского, Дзержановской, Д. И. Опарина и других мы имеем некоторые материалы для суждения о силе корреляционных связей между элементами крестьянского хозяйства.

Так, например, по работам С. Н. Прокоповича известны следующие коэффициенты корреляционной связи доходов от сельского хозяйства с другими элементами хозяйства *.

	Старобельский уезд	Вологодская губерния
Землепользование . .	0,98	0,72
Посевная площадь . .	0,93	0,77
Покос	0,47	0,62
Стоимость средств производства	0,82	0,68
Стоимость построек .	0,64	0,53
Стоимость инвентаря	0,84	0,66
Число голов скота .	0,83	0,75
Число коров	0,59	0,77
Число рабочего скота	0,76	0,46

Как видно из сопоставления коэффициентов корреляции, наиболее тесно связаны между собою такие элементы, как скот, посевная площадь, доход от сельского хозяйства, стоимость средств производства, т. е. элементы земледельческого производства, теснейшим образом обусловливающие друг друга технически и являющиеся каждый измерителем того общего им всем, что мы называем объемом хозяйственной деятельности.

Эта связь между элементами одного и того же организационного плана, являющаяся по сути своей технической, а не экономической связью, настолько тесна, как это нами указывалось еще в начале главы, что агроному В. Ф. Арнольду[18] удалось на основании обработки значительного массового материала установить даже функциональные формулы, связывающие их величины в групповых средних.

Так, например, в его херсонской работе* для связи между количеством пользовательной земли (x) и количеством рабочего скота (y) им найдена формула $y = 1{,}65 + \frac{x}{9}$. Совпадение

[18] «Общие черты агрономической техники и сельскохозяйственной экономии крестьянских хозяйств Херсонского уезда» (Херсон, 1902). Помимо херсонских материалов В. Ф. Арнольд подверг математической обработке ряд других исследований и получил ряд формул, схожих по общему типу, но резко различных по своим коэффициентам в зависимости от райоиа, к которому они относятся. Так, например, для зависимости числа коров от посевной площади им установлены следующие формулы *:

		Группы по размеру землепользоваиия					
		I	II	III	IV	V	VI
Мышкинский уезд Ярославской губернии	По формуле $y = 0{,}30 + 0{,}42x$	0,90	1,00	1,41	1,57	1,98	2,49
	В действительности	0,93	1,01	1,40	1,56	1,96	2,52
Козельский уезд Калужской губернии	По формуле $y = 0{,}60 + 0{,}15x$	0,89	1,21	1,60	2,01	2,74	—
	В действительности	0,87	1,19	1,58	2,00	2,71	—
Перемышльский уезд Калужской губернии	По формуле $y = 0{,}63 + 0{,}12x$	0,81	1,10	1,43	1,79	2,46	—
	В действительности	0,81	1,17	1,48	1,77	2,19	—
Кузнецкий уезд Саратовской губернии	По формуле $y = 0{,}60 + 0{,}56x$	0,72	0,79	0,90	1,14	1,50	—
	В действительности	0,76	0,76	0,93	1,22	1,50	—

* Арнольд В. Ф. Опыт применеиия элементарных основ аналитнческой геометрии к исследованию статистических зависимостей//Труды подсекции статистнки XI съезда естествоиспытателей и врачей. 20—30 декабря 1901. Спб., 1902. С. 6—7.

формулы с действительностью видно из нижеследующей таблицы:

Группы	По формуле	В действительности
I	6,64	7,00
II	4,34	4,29
III	3,33	3,27
IV	2,79	2,68
V	2,57	2,62
VI	2,07	2,15

Для связи ценности пользовательного скота с количеством пользовательной земли мы имеем формулу $y = (32 + 4{,}17x)$.

Группы	По формуле	В действительности
I	219 р. 36 к.	219 р. 22 к.
II	132 р. 91 к.	132 р. 31 к.
III	95 р. 13 к.	102 р. 00 к.
IV	74 р. 83 к.	92 р. 80 к.
V	66 р. 36 к.	63 р. 09 к.
VI	47 р. 98 к.	46 р. 54 к.

Стоимость же крупного мертвого инвентаря связана с количеством пользовательной земли на одну душу формулой $y = 100 + 68{,}2x$.

Группы	По формуле	В действительности
I	593 р. 81 к.	593 р. 84 к.
II	349 р. 64 к.	359 р. 69 к.
III	273 р. 23 к.	266 р. 18 к.
IV	221 р. 40 к.	230 р. 22 к.
V	185 р. 93 к.	185 р. 83 к.
VI	147 р. 74 к.	154 р. 33 к.

Все другие связи, как и следовало ожидать, благодаря множественности факторов, влияющих на доходность хозяйства, для каждого из этих факторов стоят ниже отмеченных технических связей.

Так, например, по той же работе С. Н. Прокоповича имели коэффициенты корреляционной связи дохода от сельского хозяйства со следующими исходными факторами организации крестьянского предприятия.

	Старобельский уезд	Вологодская губерния
Землевладение . . .	0,78	0,71
Число работников . .	0,64	0,42
Число едоков	0,61	0,41

Исследование крестьянского хозяйства методами анализа корреляционных связей его элементов находится, к сожалению, несмотря на ряд уже проделанных работ, в зачаточном состо-

нии, но теоретически можно предвидеть, что мы будем иметь следующий последовательный ряд хозяйственных элементов, коэффициенты корреляционной связи которых будут убывать по мере удаления их друг от друга.

Семья (работники и едоки) — личное потребление — общая продукция семьи в сельском хозяйстве и промыслах — ежегодный доход от сельского хозяйства, урожай, посевная площадь и другие технические элементы хозяйства (скот, инвентарь и пр.).

Семья, измеряемая числом едоков, и размеры личного бюджета настолько сильно коррелируют между собой, что первое ознакомление с материалами бюджетной статистики потребления привело исследователей к идее о неподвижном бытовом уровне потребления и только в последующих работах удалось установить, что некоторое подобие неподвижного уровня потребления имеет место только в тех районах и в те периоды, когда благодаря малой производительности крестьянского труда получаемые доходы едва обеспечивают физиологический минимум существования (воронежские и другие бюджеты конца XIX в.). При развитии производительности крестьянского труда и улучшении рыночной конъюнктуры степень удовлетворения потребностей отходит от физиологического минимума и под влиянием разных факторов, по преимуществу лежащих в условиях производства, являет собою некоторое большое разнообразие, но все же годовой личный бюджет продолжает в сильной степени коррелировать с размерами семьи. Переходя от личного бюджета к размерам годовой продукции семьи от земледелия и от промыслов, мы, естественно, получаем ослабление корреляционной связи с семьей, так как в сумму общей продукции, помимо фонда личного потребления, входят доходы, из которых семья производит капиталовосстановление и капиталонакопление, т. е. процессы, не в такой уж большой степени связанные с размерами семьи.

Связь с размерами семьи отдельно взятых сельскохозяйственных доходов, естественно, еще менее значительна, так как процесс разделения труда семьи между земледелием и промысловыми занятиями зависит не от абсолютных размеров семьи, а от местных народнохозяйственных условий; еще меньше должны коррелировать с семьей технические слагающие производства — посевная площадь, сила и инвентарь, так как они при одном и том же объеме хозяйственной деятельности семьи, определяемом основным внутрихозяйственным равновесием, могут сообразно различию в системе производства сочетаться в самых разнообразных отношениях. В то же время, конечно, при однообразии системы производства корреляционная связь отдельных его технических элементов должна быть близка 1,00.

Такова основная механика, с помощью которой наличные рабочие силы семьи — при данной рыночной конъюнктуре, при наличном количестве едоков семьи, земли и капитала и сообразуясь с этими последними — устанавливают объем своего сельскохозяйственного предприятия, а также и общий уровень напряжения своей трудовой работы и меру удовлетворения потребностей.

Для окончательного уяснения этого процесса нам необходимо ответить на три нижеследующих вопроса, недостаточно освещенных предыдущим анализом:

I. Мы указали, что труд семьи, не нашедший себе применения в ее земледельческом предприятии, направляется на промыслы. Представляется чрезвычайно важным установить, являются ли малоземелье и недостаток капитала единственными факторами, создающими промысловое направление крестьянского труда.

Говоря иначе, уяснить, *чем определяется количественно разделение крестьянского труда между промысловыми заработками и сельскохозяйственными работами.*

II. Мы установили, что наличный размер землевладения и капитала крестьянской семьи, если они находятся в минимуме, является во многом определяющим моментом для установления объема сельскохозяйственного предприятия.

Необходимо установить, чем определяется сама наличность земли и капитала у крестьянской семьи и не стремится ли семья развить ее от минимума к оптимуму.

III. Мы отметили, что при любом размере сельскохозяйственного предприятия агрономическое «рацио» заставляет организовать его в наиболее целесообразном соотношении технических факторов.

Необходимо уяснить себе, что в случае если земля и капитал находятся в минимуме и сообразно им организуется сельскохозяйственное предприятие крестьянской семьи, то *не оказывают ли масса труда семьи, оставшаяся за бортом этого предприятия, и масса не удовлетворяемых им потребностей какого-либо влияния на экономическую и техническую организацию самого сельскохозяйственного предприятия.*

Постараемся ответить на каждый из этих вопросов в отдельности.

I. Наше предположение, что недостаток капитала, а главным образом земли, является причиной, заставляющей иногда крестьянскую семью значительную часть своего труда выбрасывать на промыслы и другие внеземледельческие заработки, оказывается в большинстве случаев совершенно правильным, сообразно чему отход на промысловые заработки развит особенно там, где имеет место значительная густота населения.

Однако к этому положению мы должны сделать две оговорки, из которых вторая будет иметь очень существенное значение для понимания всей природы крестьянского хозяйства.

Во-первых, очень многие промыслы в своем развитии зависят от того, что распределение сельскохозяйственного труда во времени очень неравномерно и целые сезоны, например зима, являются совершенно мертвыми сезонами. Крестьянский труд в это время является свободным, и ему выгодно с очень малым напряжением, а следовательно, и малой тягостностью, ввести его путем промысловой работы в установление хозяйственного равновесия, разгружая тем летние сельскохозяйственные работы.

Прилагаемый график распределения труда во времени по одному из крестьянских хозяйств Волоколамского уезда весьма наглядно иллюстрирует эту мысль (см. рис. 11).

Во-вторых, и это является самым главным, мы имеем немало случаев, когда вовсе не недостаток в средствах производства вызывает промысловые заработки, а более высокая конъюнктура промысловой работы в смысле оплаты ею крестьянского труда по сравнению с оплатой его в земледельческом производстве.

Земская статистика по Владимирской, Московской и другим губерниям дает нам немало данных, согласно которым крестьянские хозяйства района отхожих и некоторых местных промыслов в очень малой степени используют свои наличные земледельческие средства производства.

Так, например, по Шуйскому уезду Владимирской губернии в 1804 г. мы имели по межевым данным процент пашни ко всем угодьям 44,8, а по земской регистрации 1899 г.— только 27,8 *. Причем, по словам исследователя, процесс этот продолжался и в наши дни. «Вытеснение земледелия промышленностью приводит к сокращению запашки и к полному забрасыванию ее», — пишет составитель сборника и дает цифры пустующих полос озимого клина от 3,7 % (Шуя) до 7,1 % (Вязники). Эта же картина в эту эпоху отмечалась и в Московской губернии.

В данном случае, очевидно, наличность промыслов объясняется не отсутствием земли, и вовсе не нужно иметь проницательность для того, чтобы понять эту причину. Она заключается всецело в том, что в данном случае промыслы дают значительно более высокую оплату единицы труда; при их помощи можно получать заработок с меньшей тягостностью, и семья предпочитает сводить основное хозяйственное равновесие потребления и трудовых затрат по преимуществу с помощью промысловых занятий.

Крестьянская семья в данном случае поступает со своим

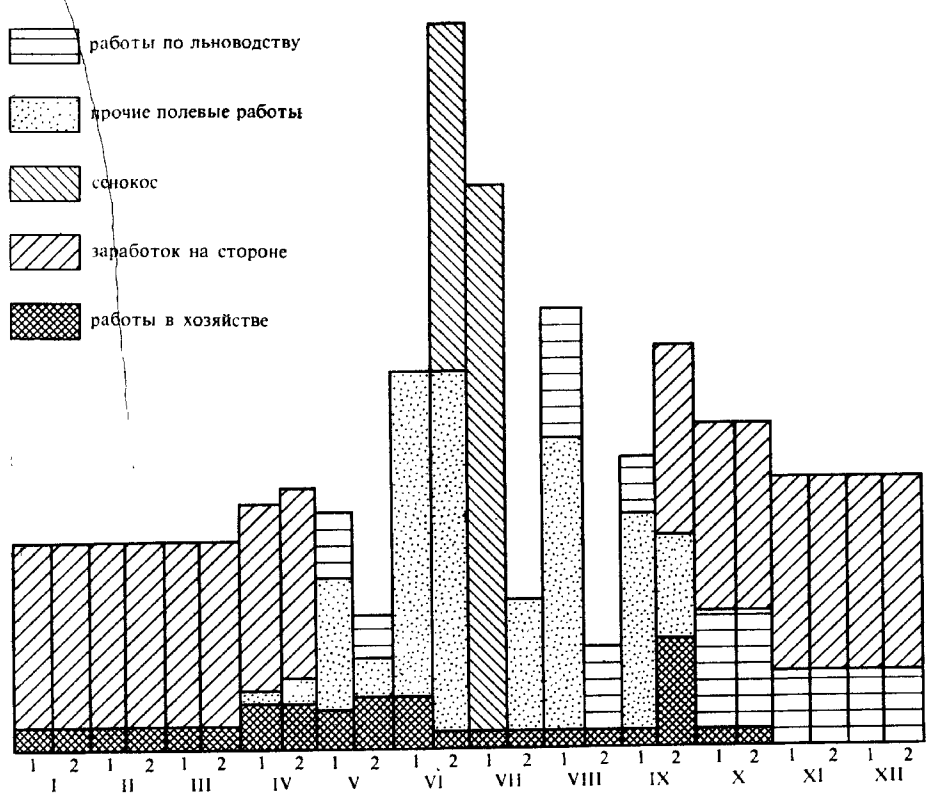

Рис. 11. Распределение работ по времени (по полумесяцам)

трудом совершенно так же, как капиталист, дающий своим капиталам то размещение, которое приносит ему наибольший чистый доход.

Покрывая свои потребности, крестьянское хозяйство стремится сделать это наиболее легко и поэтому, сообразуясь с наличными средствами производства, а также всеми другими объектами приложения труда, дает ему такое размещение, при котором были бы использованы все возможности, дающие высокую оплату. Благодаря этому крестьянская семья, идя за наивысшей оплатой единицы труда, часто оставляет неиспользованными имеющиеся в ее распоряжении земли и средства производства, раз другие формы труда обещают ей более выгодные условия [19].

[19] Единственное отличие в даином случае крестьянской семьи от предпринимателя заключается в том, что капиталист так нли иначе всегда размещает весь свой капитал целиком; крестьянская же семья никогда не использует своего труда полностью и прекращает его затрату сообразно мере иасыщения своих потребностей и устаиовлениого хозяйственного равновесия.

Ниже мы увидим, что крестьянская семья при недостатке средств производства ценою уменьшения оплаты труда может всегда расширить объем своей хозяйственной деятельности и внутри земледельческого производства.

Эта форсированная земледельческая работа с постепенно падающей нормой производительности труда в смете крестьянского хозяйства сопоставляется с возможными промысловыми заработками, которые также, конечно, располагаются в ряд по ниспадающей высоте даваемых ими оплат труда, и по сопоставлению этих двух рядов крестьянское хозяйство берет к реализации своего труда как из сельского хозяйства, так и из промыслов те возможности, которые гарантируют ему в сумме наиболее высокую оплату предельной единицы труда.

Говоря иначе, теоретически мы можем утверждать, что раздел труда крестьянской семьи между сельскохозяйственными и промысловыми заработками совершается по сопоставлению рыночной конъюнктуры этих двух отраслей народного хозяйства.

А так как соотношение этих двух конъюнктур непостоянно, то непостоянным является и соотношение между затратами труда на промыслы и в сельском хозяйстве. В годы плохой сельскохозяйственной конъюнктуры, например при неурожае, невозможность покрыть хозяйственное равновесие при помощи общих сельскохозяйственных занятий заставляет крестьянство выбрасывать на рынок труда огромное количество крестьянских рабочих рук, ищущих себе промыслового заработка, и в итоге мы имеем обычную для России и парадоксальную с точки зрения Запада картину, когда периоды высоких хлебных цен в то же время являются и периодами низких заработных плат.

В этом отношении очень большой интерес представляет работа Н. П. Никитина по Рязанской губернии, итоги которой, доложенные в семинарии проф. А. Ф. Фортунатова в Москве, с большой наглядностью демонстрировали на материале четырех десятилетий обратную пропорциональность цен на рожь и заработных плат сельскохозяйственных рабочих *.

Такой же смысл имеет и любопытное сопоставление, сделанное о соотношении вывоза хлебов и пушнины из Сибири К. К. Паас в его работе о пушном деле [20] (см. рис. 12).

Эта зависимость показывает нам, что ухудшение конъюнктуры сельского хозяйства выталкивает крестьянский труд на охотничий промысел и тем порождает повышение предложения, в свою очередь приводящее к падению цен на белку.

[20] Паас К. К. Краткий обзор пушного дела в России. М., 1915. С. 26. (Диаграмма составлена Н. Туркиным.)

Таким образом, и здесь процесс не представляется простым, но проходит через оценку двух конъюнктур [21] в горниле основного хозяйственного равновесия.

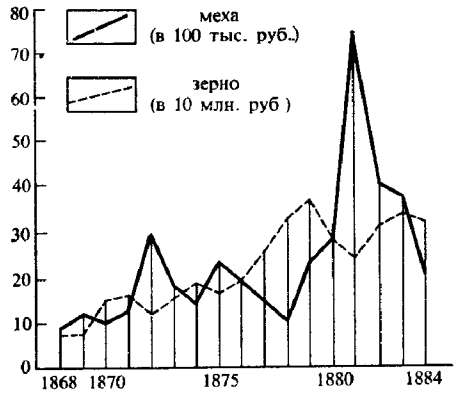

Рис. 12

II. Второй из наших вопросов — о факторах, определяющих собою наличность находящихся в распоряжении семьи земли и капитала,—настолько значителен сам по себе, что по существу требует самостоятельного рассмотрения, и ниже мы посвящаем всю пятую главу рассмотрению этой проблемы в отношении капитала.

Однако постановку этого вопроса нам совершенно необходимо сделать сейчас, дабы у читателя не сложилось представление, что размер землепользования и капитала является как deus ex machina [22] в виде априорных предпосылок крестьянского хозяйства.

Мы знаем из первой главы нашего исследования, что размеры главнейшего из факторов строения трудового хозяйства — самой хозяйствующей семьи — зависят главным образом от ее возраста и что ее рост, подчиняясь биологическим законам, в малой степени зависит от экономического состояния семьи.

Размер эксплуатируемой площади уже не обладает такой степенью свободы образования и, как мы видим в первой главе и в таблице корреляционных коэффициентов, в значительной степени зависит от размеров семьи и общей экономической мощи хозяйства. В условиях общинного землепользования это соответствие достигается путем общего и частных переделов, а в случае недостаточности этого — путем аренды. Поскольку крестьянское хозяйство стремится путем аренды привести площадь своей сельскохозяйственной эксплуатации к оптимальному соотношению с размерами семьи, мы видим из нижеследующей таблицы, построенной по материалам Старобельского бюджетного исследования и отмечающей влияние состава

[21] В сущности говоря, терминологически можно говорить об одной единой конъюнктуре целостного народного хозяйства, и если мы условно говорим о двух конъюнктурах, то точнее нужно было бы говорить о двух участках одной системы.

[22] Дословно — «как бог из машины», т. е. внезапно, неожиданно (лат.).— *Ред.*

Влияние отношения е/р на размеры аренды

На одного работника своей пашни (дес.)	На одного работника приходится едоков		
	1,00—1,30	1,31—1,60	1,61—∞
	На десятину своей пашни арендуется		
0,1—2,0	0,50	0,73	1,19
2,1—3,0	0,08	0,56	0,50
3,1—∞	0,10	0,41	0,65
Среднее	0,23	0,57	0,79
Среднее отношение е/р	1,15	1,45	1,75

семьи на размеры арендуемой площади при постоянстве своего собственного земельного фонда.

Однако лучшим доказательством постоянного стремления привести размер сельскохозяйственной территории к оптимальному соотношению с размерами семьи являются динамические исследования Н. А. Черненкова, Г. А. Кущенко, П. А. Вихляева и А. И. Хрящевой, приведенные нами уже в первой главе, которые показывают, как и по мере развития семьи она с годами перебрасывается из одной посевной группы в другую.

Хотя, конечно, общая густота населения в том или ином районе, условия первоначального наделения и пр. часто оказываются непреодолимыми препятствиями стремлению развернуть свою земельную площадь до оптимума.

Еще большие затруднения расширение земельной площади встречает в странах земельного режима так называемого единонаследия, а также в странах с интенсивным фермерским складом сельского хозяйства, где каждое сельскохозяйственное предприятие является крепко сколоченным во всех своих частях производственным аппаратом, малоподдающимся расширению и сужению. Европейская критика настоящей книги с особенной настойчивостью в лице проф. А. Скальвайта, проф. М. Зеринга и других отмечала это отличие европейского хозяйства от мною описываемого. С этим я не могу не согласиться и должен признать, что в случаях малой гибкости земельного режима соотношение земли и семьи регулируется изменением количества наемного и отдаваемого в наем труда.

В частности, крестьянское хозяйство Германии в значительной своей части привлекает к работам наемный труд и, кроме того, благодаря земельному режиму единонаследия фиксировано в своих размерах данной ему земельной площадью и построенной на ней прочной хозяйственной организацией. Только в некоторых районах южной Германии проф. А. Скальвайт отмечает те же явления в крестьянских хозяйствах, которые мною отмечены на русских материалах. (Подвижность землепользования под влиянием роста семьи, повышение цен на землю и арендных цен свыше земельной ренты и пр.)

Замечание это совершенно справедливо, и оно было мне сделано в частных письмах проф. М. Зерингом, Э. Лауром и другими, оказавшими внимание моей книге. Я сознавал отмеченное обстоятельство и во время работы над своим исследованием.

Для меня было ясно, что под одним и тем же термином «крестьянское хозяйство» в разных странах подразумевают весьма различные по своей природе хозяйственные образования. В то время как у нас в России из общей массы крестьянских хозяйств 90 % составляют чистые семейные хозяйства, в Западной Европе и Америке эта группа представляет собой ничтожную социальную величину и термин «крестьянское хозяйство» прилагается к хозяйствам полукапиталистическим.

Было мне ясно также и то, что распространенный на Западе земельный режим единонаследия не дает возможности даже чисто семейным хозяйствам выявить с достаточной наглядностью свойственные им черты.

Однако мне кажется, что все это не умаляет моих выводов и не делает мою книгу узко русской книгой. Если в Западной Европе группа частных семейных хозяйств, работающих в условиях такого земельного режима, в котором их свойства могут особенно наглядно выразиться, составляет сравнительно небольшую часть общей массы крестьянских хозяйств, то у меня есть все основания полагать, что в ряде стран Восточной Европы и особенно внеевропейских стран (в Индии, Китае, Японии и др.) эта группа хозяйств составляет весьма значительный социальный массив и ее общий удельный вес в мировом хозяйстве таков, что она вполне заслуживает особого внимания и изучения.

Кроме того, как это мы увидим в Швейцарии и Чехословакии, т. е. в самой Западной Европе, даже в крестьянских хозяйствах, зажатых режимом единонаследия, можно наблюдать некоторые элементы установленного нами хозяйственного поведения в способах определения нужной степени интенсивности.

Процессы накопления капитала в этом отношении более легки, но, как мы увидим в пятой главе, и они требуют от хозяйства некоторого напряжения.

Однако мы все же можем, предвосхищая несколько выводы пятой главы, принять, что крестьянское хозяйство, имеющее в минимуме земельную площадь и средства производства, имеет существенный стимул к развитию их до оптимума и в меру своей мощности производит это расширение, поскольку, конечно, конъюнктура сельского хозяйства не оказывается ниже конъюнктуры промыслового заработка.

Поэтому если в каждый данный год объем хозяйства определяется наличными в этом году средствами производства, то сама по себе наличность средств производства, взятая в длинных сроках, подгоняется семьей или точнее стремится быть подогнанной к объективному оптимальному объему хозяйства.

III. Мы установили, что крестьянская семья, не располагающая достаточным запасом земли и средств производства для полного использования всего своего труда в сельскохозяйственном предприятии, помещает избыток его в другой вид хозяйственной деятельности (промыслы).

Однако часто оказывается, что возможность промыслового заработка также весьма ограничена или он дает очень низкую оплату труда.

В этом случае иногда для крестьянского хозяйства оказывается выгодным нарушить оптимальное сочетание производственных элементов своего хозяйства и форсировать трудоинтенсивность своего хозяйства далеко за оптимальные пределы и, неизбежно теряя в оплате единицы своего труда, тем не менее значительно расширить валовой доход своего земледельческого предприятия и достигнуть основного равновесия тягостности труда и потребления, оставаясь в пределах сельскохозяйственной деятельности, конечно, на более низком уровне благосостояния, чем это бы имело место при наличии оптимального по своим размерам и соотношениям хозяйства.

Эта форсация трудоинтенсивности, покупающая повышение годового сельскохозяйственного дохода ценою понижения оплаты единицы труда, достигается или интенсификацией приемов обработки, или использованием более трудоемких культур и занятий.

Если мы сопоставим различные культуры с точки зрения того количества труда и валового дохода, которых требует и дает каждая десятина их, то увидим между ними большую разницу.

Так, например, имеем:

Затрата труда на одну десятину культуры льна, овса и картофеля

	Число рабочих дней на 1 дес.	Материальные издержки на 1 дес. (руб.)	Валовой доход на 1 дес. (руб.)	Валовой доход за вычетом материальных издержек (руб.)	Оплата 1 раб. дня (руб.)
Овес					
Московский уезд	24,7	14,90	66,35	51,41	2,08
Волоколамский уезд . . .	22,5	16,94	46,44	29,50	1,31
Вологодский уезд	32,2	12,99	39,71	26,72	0,83
Бронницкий уезд	20,0	14,45	44,97	30,52	1,52
Картофель					
Московский уезд	48,9	51,00	137,20	86,20	1,76
Волоколамский уезд . . .	47,2	21,37	63,75	42,38	0,90
Вологодский уезд	56,9	26,79	121,90	95,11	1,67
Бронницкий уезд	47,9	21,72	94,50	72,78	1,62
Лен					
Волоколамский уезд . . .	83,0	15,95	90,66	74,71	0,90
Вологодский уезд	88,2	13,32	93,33	80,01	0,91

Мы видим, таким образом, что замена, например, овса льном как бы вчетверо увеличивает площадь ярового поля, давая возможность на той же территории развить вчетверо больший объем труда. Точно таким же образом можем мы усилить трудоемкость наших хозяйств, введя в состав их полей посевы корнеплодов и картофеля.

Берем одно из волоколамских хозяйств, описанных нами в 1910 г., и, произведя для него выписку из переписи 1898 г., имеем следующее сопоставление:

Эффект реформы трехпольно-зернового хозяйства в клеверно-льняное

	Рожь	Овес	Картофель	Лен	Клевер	Пар
1898 г.	Работников 1,8; пашни 3,9 дес.					
Десятин посева . .	1,33	1,00	0,20	0,17	0,00	1,20
Рабочих дней . . .	40,7	22,5	9,1	14,1	0,00	0,0
Оплата труда . . .	26,80	29,50	8,11	12,10	0,00	0,00
1910 г.	Работников 2,4; пашни 3,9 дес.					
Десятин посева . .	1,00	0,00	0,15	0,83	1,00	0,92
Рабочих дней . . .	30,6	0,0	7,1	68,3	20,0	0,0
Оплата труда . . .	20,18	0,00	6,35	62,00	40,00	0,00

За 12 лет, которые разделяют два взятых момента, хозяйство претерпело коренную ломку: ввелось травосеяние, а промышленное льноводство убило культуру овса.

В итоге хозяйство в 1898 г. при 86,6 затраченного рабочего дня получило 77 р. 47 к., что дает оплату одного дня в 89,5 к.; хозяйство же в 1910 г. при 126,0 рабочего дня получило 128 р. 50 к., или по 102,0 коп. за 1 рабочий день. Но всего важнее, что, несмотря на то, что на одного работника в 1910 г. приходилось всего 1,63 дес. посева вместо 2,17 дес. в 1898 г., он смог реализовать в хозяйстве 52,5 рабочего дня вместо 48,2 затраченного в 1898 г., т. е., несмотря на земельное утеснение, увеличить использование своей трудовой энергии.

За исключением годов высокой конъюнктуры высокие по своей трудоемкости культуры дают обычно меньшую оплату труда, чем культуры более экстенсивные, и поэтому крестьянские хозяйства прибегают к ним только тогда, когда по причине земельной тесноты они не могут покрыть при оптимальной оплате труда в нужной мере своих потребностей и не имеют выгодных промыслов.

Так, например, Н. П. Макаров отметил по трем районам Костромского уезда следующее влияние земельной тесноты на развитие трудоемких культур льна и почти огородной культуры картофеля (101 рабочий день на 1 дес.) *.

Районы	На одного работника приходится десятин пашни	Процент пашни под посевами	
		льна	картофеля
Овсяно-льняной	2,6	14,0	3,9
Картофельно-льняной	2,2	16,6	27,4
Картофельный	0,9	3,5	77,9

Однако наиболее глубокими и наиболее интересными в этом отношении являются не русские, а западные исследования, произведенные Э. Лауром в Швейцарии и В. Брдликом в Чехословакии, которыми обнаружено резкое отклонение мелких хозяйств от оптимума под давлением невозможности при оптимуме свести основное хозяйственное равновесие.

Сводя результат этих исследований в краткие таблицы, имеем:

Швейцария, 1910 г.

Размер хозяйства (га)	На одного едока гектаров	Процент нанятого труда	На 1 га приходится			Валовой доход (франки)	Оплата 1 рабочего дня (франки)	Рента 1 га (франки)	Бюджет едока
			рабочих дней	материальных затрат	на 1 рабочий день материальных затрат				
0—5	1,2	7,4	147	304,9	2,07	902,0	2,90	68,0	609,9
5—10	2,1	19,4	115	212,8	1,85	777,7	3,36	77,2	638,1
10—15	3,2	30,1	89	214,9	2,51	728,1	3,62	85,4	706,3
15—30	4,8	47,5	76	183,5	2,42	610,0	3,87	85,9	779,6
30—∞	7,9	57,3	56	170,6	3,04	501,0	3,70	86,9	802,4

Несколько в иных формах обработки материалов по чешским хозяйствам имеем:

Чехословакия

Размер хозяйства (га)	На 1 га площади					
	труд в годовых работниках	стоимость работы (кроны)	валовой доход (кроны)	оплата труда (кроны)	чистая прибыль на капитал (кроны)	валовая оплата труда одного годового работника (кроны)
2—5	0,57	329	532	420	12	737
5—20	0,27	221	451	333	59	1675
20—100	0,22	170	416	305	88	1890
100 и более	0,17	138	408	265	78	2101

Изучая обе таблицы, мы можем прийти к одинаковому выводу, особенно наглядно выраженному в швейцарской работе. Крестьянское хозяйство, стесненное земельной площадью, форсирует свою трудоемкость более чем в 3 раза против оптимальной для капиталистического хозяйства, несколько увеличивает и капиталоинтенсивность хозяйства и тем почти вдвое повышает свой валовой доход; однако это получается ценою понижения оплаты единицы труда, что заставляет равновесие хозяйства установиться при пониженном уровне благосостояния.

Подобная форсация интенсивности совершенно недопустима для капиталистического хозяйства, так как при этом земельная рента с гектара падает почти в 1,5 раза.

Считаем совершенно необходимым подчеркнуть, что эти выводы получаются нами не на русских бюджетах, а на европейском материале.

При отмеченной уже нами малой подвижности земельных площадей в Западной Европе давление демографических элементов приводит не к колебаниям площади сельскохозяйственной эксплуатации, а к комбинациям с мерой интенсивности сельского хозяйства.

Для нашего понимания семейного хозяйства тот и другой способы равнозначны, и это мы бы особенно хотели подчеркнуть для наших западно-европейских критиков, склонных признавать наши построения применимыми только для русского и вообще восточного крестьянского хозяйства.

Необходимо отметить, что, помимо описанного давления на организацию хозяйств избыточного труда, смещающего уровень интенсивности с его оптимума, семейный характер предприятия сказывается в целом ряде других технических видоизменений, которые мы рассмотрим в следующей главе.

Таковы особенности, вносимые техническими условиями земледельческого производства в трудовое семейное хозяйство.

В основных чертах механика сложения экономических факторов, свойственная этому виду хозяйственной деятельности, может считаться нами установленной.

К. Риттер [23], отмечая в своей рецензии на мою книгу те же моменты, как и проф. А. Скальвайт [24], указывает на неправильность моей терминологии и говорит, что *даже чистые семейные хозяйства,* поскольку они становятся товаропроизводителями, сбывают свои продукты на капиталистический рынок и подчиняются влиянию его цен, должны именоваться хозяйствами капиталистическими, так как они составляют собой часть капиталистической народнохозяйственной системы.

В некотором отношении это может быть и верно, так как термин «капитализм» в высшей степени перегружен смыслом и может объять весьма разносторонние явления.

Однако необходимо помнить, что главная часть нашего анализа носит не народнохозяйственный, а частнохозяйственный характер и нам в организационном отношении нужно было отделить предприятия семейные от предприятий, построенных на наемном труде. Последние мы назвали капиталистическими, так как они в своей частнохозяйственной организации несут элементы капиталистических отношений. Если доктор К. Риттер найдет возможным в пределах капитализма как народнохозяйственной системы дать два различных терминологических обозначения для наемнического и ненаемнического хозяйства в частнохозяйственном смысле, то мы будем это только приветствовать. Заметим только, что семейное хозяйство мыслимо и вне капиталистической системы народного хозяйства.

Однако для многих из наших читателей за нашими графиками, сопоставлениями рядов, формулами В. Ф. Арнольда и коэффициентами корреляции до сих пор еще не вырисовываются конкретные очертания живого крестьянского хозяйства. Да и для целого ряда наших дальнейших теоретических построений нам совершенно необходимо конкретизировать наши абстрактные схемы и из кабинета статистика-экономиста, работающего с томами статистических таблиц, спуститься ближе к конкретной жизни и работе агронома-организатора.

Сообразно этому следующую нашу главу мы посвящаем более или менее детальному анализу конкретных вопросов организации индивидуального крестьянского хозяйства.

---

[23] Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, 1924. B. 122. H. 5. S. 680—683*.

[24] Skalweit A. Op. cit. S. 232.

ГЛАВА IV

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Одним из наиболее обычных и досадных затруднений в деле понимания крестьянского хозяйства является свойственный нам статистический способ его восприятия и мышления.

1,78 лошади, сопоставляемые с 8,34 душ обоего пола, 26,15 % безлошадных, падение ряда средних величин скотовладения (в переводе на крупные) в зависимости от повышения процента грамотности и другие им подобные понятия — вот те образы и представления, в которых русская экономическая наука привыкла мыслить объект нашего исследования.

А тем не менее мы совершенно уверенно можем полагать, что мыслить так производящий аппарат крестьянского хозяйства — все равно что описывать строение современной паровой машины говоря, что она состоит из 39 % Fe, 31 % Cu, 16 % H_2O и 14 % органических веществ различного состава.

Достаточно хотя бы на некоторое время перейти от столбцов цифр «Сборников статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству — ской губернии» к конкретной практической работе в среде живых крестьянских хозяйств, дабы с несомненностью убедиться, что для понимания крестьянского хозяйства необходимо овладеть не только итогами группировок по посевной площади и коэффициентами корреляционных связей его элементов (характеризующих главным образом не строение крестьянского предприятия как такового, а обширные совокупности крестьянских хозяйств), но главным образом охватить его живые организационные идеи, механизм индивидуального хозяйственного организма, являющегося «субъективным телеологическим единством рациональной экономической деятельности, т. е. хозяйствования».

Говоря короче, мы только тогда поймем до конца основы и природу крестьянского хозяйства, когда превратим его в наших построениях из объекта наблюдения в субъект, творящий свое бытие, и постараемся уяснить себе те внутренние соображения и причины, по которым слагает оно организационный план своего производства и осуществляет его в жизни.

Русские критики наших ранних работ обычно с особенной настойчивостью называют нашу теорию *потребительской* теорией крестьянского хозяйства и противопоставляют ее приобретательскому пониманию хозяйства.

В этом или глубокое непонимание, или желание из полемических соображений придать нашим взглядам явно искаженное изображение.

Всякое хозяйство, и в том числе крестьянское, является приобретательским хозяйством, предприятием, стремящимся к максимуму дохода. В хозяйстве, построенном на наемном труде, это стремление к беспредельному расширению ограничивается наличностью капитала и при увеличении оного практически беспредельно.

В хозяйстве же семейном оно, помимо наличного капитала, выраженного в средствах производства, ограничивается рабочими силами семьи и нарастающей тягостностью труда при форсации его напряжения. Выражением механизма этого ограничения потребительских стремлений крестьянской семьи и является анализируемый нами трудопотребительский баланс.

При высокой производительности труда крестьянская семья, естественно, будет стремиться не только к покрытию своих личных потребностей, но и к расширенному воспроизводству капиталов своего хозяйства и к накоплению капитала вообще.

Конечно, говоря о крестьянском хозяйстве, в настоящее время еще не приходится мыслить себе в натуре его организационный план как осознанное и письменно изложенное построение со всеми таблицами и картами, переписанное в большую тетрать in folio[25]. Однако столь же несомненно, что, подобно тому как мольеровский Журден сорок лет говорил прозой, сам не подозревая этого, наш крестьянин сотни лет ведет свое хозяйство по определенным объективно существующим планам, быть может, субъективно не вполне осознавая их.

Поскольку сама выгодность или невыгодность того или иного хозяйственного начинания в крестьянском хозяйстве решается не путем арифметического исчисления доходов и затрат, а чаще всего интуитивным ощущением хозяйственной приемлемости или неприемлемости этого начинания, постольку и построение организационного плана крестьянского хозяйства в настоящее время осуществляется не путем системы связанных логических построений и расчетов, а устанавливается по силе преемственности, подражания, опыта и многолетнего, часто подсознательного, *отбора* удачных методов хозяйственной работы.

[25] В переводе с латинского — крупный формат печатного издания, «фолиант».— *Ред.*

Поэтому наши дальнейшие логические построения мы вовсе не стремимся выдать за априорные рассуждения крестьянина, организующего свое хозяйство, но мыслим их себе скорей как метод апостериорного[26] организационного осознания нашего объекта и только надеемся, что со временем, при развитии работ нашей общественной агрономии, некоторые из наших апостериорных соображений сделаются и практическими методами, которыми будут пользоваться наши крестьяне для практического устроения своих хозяйств.

Познавательный характер наших дальнейших рассуждений освобождает нас от полного и исчерпывающего расчета всей структуры хозяйства и позволяет ограничиться только некоторыми организационными соображениями общего характера, необходимыми нам или для более глубокого понимания уже изложенного в предыдущих главах, или для глав последующих. Поэтому мы и не стремимся дать руководство для практического составления организационных планов, а предлагаем главным образом подчеркнуть те технические по преимуществу связи и нормы, которые связывают между собой отдельные элементы хозяйства и будут необходимы нам для понимания экономических явлений, возникающих на их базе.

Из сказанного нами в предыдущих главах ясно, что хозяйственная семья крестьянина, приступая к организации производства, стремится в конечном итоге в наиболее полной мере удовлетворить свои потребности и обеспечить процессом восстановления капитала дальнейшую устойчивость своего хозяйства с наименьшей для себя затратой энергии, для чего стремится обеспечить такие приложения своему труду, которые бы обеспечили наивысшую из всех возможных оплату каждой его единицы.

Каждое крестьянское хозяйство является составной частью общей народнохозяйственной системы и определяется теми статическими и динамическими факторами, которые свойственны текущей фазе ее развития. Несомненно, что вне общего народнохозяйственного анализа мы не можем до конца понять природу ни одного частнохозяйственного предприятия. Однако, с другой стороны, и для понимания устоев любого частного предприятия, и для уяснения самих народнохозяйственных процессов совершенно необходимо возможно глубоко уяснить себе механизм работы того хозяйственного аппарата, который, подчиняясь давлению народнохозяйственных факторов, организует внутри себя производственный процесс и сам в свою очередь вместе с себе подобными оказывает влияние на все народнохозяйственное целое. Изучение строения этого аппарата и

[26] От латинского «a posteriori» (буквально — из последующего) — знание, получаемое из опыта.— *Ред.*

механизма его работы, совершаемой в пределах установленного организационного плана, и является нашей задачей.

Без глубокого познания этой аппаратуры мы никогда не поймем до конца, как крестьянское хозяйство воспринимает давление народнохозяйственных факторов и как реагирует оно на это давление.

Хозяйствующая семья использует в этом отношении все доступные ее силам возможности своего естественно-исторического положения и той рыночной конъюнктуры, в которой оно существует.

А так как в различных районах сочетание природных и рыночных условий крайне разнообразно, то мы, изучая организационную структуру крестьянских хозяйств, естественно, столкнемся с еще большим разнообразием типов и видов их строения, так как природные и народнохозяйственные различия района осложняются для отдельных хозяйств еще различиями в семейном составе, землевладении и наличности капиталов.

Среди этих различий в организационном плане хозяйств наиболее основным, определяющим собой весь характер структуры хозяйства, является степень связности этого хозяйства с рынком, развитие в нем товарного производства.

В настоящей главе мы не ставим своей задачей выяснить причины, заставляющие крестьянские хозяйства расширять или суживать товарные элементы производства. Развитие рынка в полунатуральной земледельческой стране представляет собой одну из наиболее сложных проблем учения о народнохозяйственной эволюции и потому выходит за пределы нашего исследования, покуда мы ограничиваемся частнохозяйственным организационным анализом.

Поэтому, изучая в настоящей главе крестьянское хозяйство с частнохозяйственной точки зрения, мы берем ту или иную степень денежности его как *данное,* полагая, что окружающие его условия не дают ему возможности с выгодой развить товарное производство в большей мере, чем это имело место.

Имеющиеся в нашем распоряжении бюджетные материалы дают нам возможность установить следующие уровни денежности (товарности) для разных районов России.

Для того чтобы понять, что представляют из себя различия в мере развития денежно-товарных элементов с организационной точки зрения, мы позволяем себе сопоставить два характерных в этом отношении хозяйства — почти натуральное тотемское и высокоденежное льняное волоколамское хозяйство.

Берем земский статистический сборник по Тотемскому уезду Вологодской губернии *, одному из наиболее глухих и натуральных углов нашего Отечества, и выписываем итоговые графы бюджетных таблиц, относящиеся к наиболее многосею-

Денежные и натуральные приходы и расходы крестьянского хозяйства

Название уезда	Приходы				Расходы			
	натурой	деньгами	всего	процент денежности	натурой	деньгами	всего	процент денежности
Волоколамский . .	670,0	528,1	1198,1	44,2	554,9	500,1	1055,0	47,3
Гжатский	451,9	247,0	713,9	34,4	463,2	251,1	714,3	35,2
Поречский	621,0	198,6	819,7	24,2	628,0	198,6	826,7	24,0
Сычевский	485,5	288,2	773,7	37,3	488,0	284,1	767,1	37,0
Дорогобужский . .	650,1	180,3	830,4	21,7	610,2	213,4	853,6	25,0
Старобельский . .	568,1	442,0	1010,1	43,7	498,0	436,5	934,6	47,7
Вологодский . . .	238,5	209,6	548,1	38,3	238,7	217,7	556,4	39,1
Вельский	361,2	121,9	438,1	27,8	317,0	123,5	440,5	58,0

щей группе хозяйств. Затем сопоставим полученные средние цифры с рядовым волоколамским хозяйством, наудачу взятым нами из 25 бюджетных монографий 1910 г.

Таблица с первого взгляда позволяет установить существенные различия.

Просматривая таблицу, мы видим, что процент денежных расходов в общей сумме потребительского бюджета для тотемских хозяйств равен всего 22,0, в то время как в волоколамском хозяйстве он достигает 61,1.

Говоря иначе, тотемское почти натуральное крестьянское хозяйство представляет собой изолированный хозяйственный аппарат, малосвязанный социальными и экономическим связями с внешним миром. И наоборот, волоколамское крестьянское хозяйство уже втянуто в мировой хозяйственный оборот и живет не только своими, им самим вырабатываемыми продуктами, но и долей общего национального дохода, выполняя часть работы общего национального народнохозяйственного аппарата.

Естественно, что такое строение денежного хозяйства не могло не отразиться на организации его производства. Многочисленные статьи потребительского бюджета, покрываемые в Тотемском уезде натурой, требуют от хозяйства сложной организации, дающей 32 вида продуктов. В Волоколамском же уезде 10 натурально покрываемых статей бюджета позволяют весьма упростить строение хозяйственной организации (см. табл., с. 288).

О сравнительной сложности хозяйственного устройства обоих изучаемых хозяйств можно судить отчасти из нижеследующей таблицы (см. табл., с. 289).

Строение потребительского бюджета в натуральном и денежном хозяйствах (расходы натурой и деньгами)

Потреблено на сумму	Тотемский уезд		Волоколамский уезд	
	Натурой	Деньгами	Натурой	Деньгами
Ржи	58,5	—	26,0	40,0
Ячменя	13,3	—	—	—
Пшеницы	9,5	0,6	—	7,5
Овса	4,4	0,1	5,0	—
Солода	3,9	—	—	—
Круп	7,8	—	—	13,5
Гороха	3,8	—	—	—
Картофеля	5,8	—	12,0	—
Капусты	0,3	0,0	—	—
Огурцов	0,1	—	—	11,0
Лука	1,3	0,0	1,0	—
Прочих овощей	1,7	—	—	—
Масла постного	2,2	1,0	18,8	—
Грибов	4,1	—	—	—
Ягод	2,3	—	—	—
Уплачено за помол	—	3,6	—	4,5
Говядины	3,9	1,2	—	6,0
Телятины	1,8	—	20,0	—
Баранины	3,9	—	—	—
Свинины	6,8	1,4	—	5,0
Яиц	5,2	0,0	0,5	—
Молока и молочных продуктов	51,3	—	150,0	—
Птицы	0,2	—	0,5	—
Рыбы	2,1	4,5	—	10,0
Соли	—	1,8	—	2,0
Приправ	—	0,6	—	16,8
Чая и сахара	—	11,8	—	50,0
Табака	—	0,3	—	—
Алкоголя	3,5	6,1	—	21,0
Хмеля	0,1	0,5	—	—
Одежды	4,3	10,8	—	145,0
Ушло на игры	0,0	0,3	—	3,0
Перепряли льна	4,0	—	—	—
Шерсти	2,5	—	—	—
Овчин	1,2	—	—	—
Мыла	—	1,1	—	12,0
На освещение	—	1,9	—	4,0
Дров	8,6	3,6	20,0	50,0
Утвари	0,0	1,8	—	2,0
На духовные потребности	—	4,8	—	4,5
Всего	218,4	57,8	253,0	497,8
	276,2		750,8	
Процеиты	70,1	20,9	33,7	66,3
	100,0		100,0	

Натуральные и денежные приходы тотемского и волоколамского хозяйств

	Тотемский уезд		Волоколамский уезд	
	Натурой	Деньгами	Натурой	Деньгами
Рожь	74,4	6,5	27,0	—
Ячмень	21,7	—	—	—
Пшеница	12,5	0,7	—	—
Овес	59,5	19,4	55,0	—
Картофель	7,5	—	18,0	—
Лен (семя)	2,1	0,8	25,0	140,0
Лен (волокно)	5,6	3,3	—	306,0
Горох	4,3	—	—	—
Капуста	0,3	—	—	—
Огурцы	0,1	—	—	—
Лук	1,2	—	1,0	—
Другие овощи	1,7	—	—	—
Говядина	4,0	—	—	—
Телятина	2,1	—	20,0	—
Баранина	3,9	—	—	—
Свинина	6,8	—	—	—
Молоко и молочные продукты	52,1	7,6	150,0	—
Кожи и шерсть	5,8	0,5	1,0	7,5
Продуктивное птицеводство	0,6	0,6	1,0	—
Всего	266,1	39,4	298,0	453,5
Промыслы	—	48,9	—	85,0

Таким образом, в тотемском хозяйстве 87,0 % всего дохода потребляется в хозяйстве натурой и в своем производстве определяется — и качественно, и количественно — запросами потребления.

В хозяйстве же Волоколамском только 39,6 % производимого приготовляются для непосредственного потребления семьи, остальные же 60,4 % выбрасываются на рынок и обслуживают семейное потребление только в том смысле, что они дают возможность приобрести нужные предметы на полученную за них денежную выручку.

Хозяйства других районов дают нам различные нормы товарности, занимающие середину между рассмотренными крайними типами.

Хозяйства товарного типа отличаются от натуральных хозяйств, помимо уже рассмотренного нами значительного упрощения своего организационного плана, еще и существенными различиями в характере хозяйственных расчетов.

В хозяйстве натуральном деятельность хозяйствующего человека направлялась целым рядом отдельных потребительских запросов и носила во многом *качественную* окраску. Нужно

было доставить для потребления семьи такие-то и такие продукты, именно такие, а не другие.

Количество могло измеряться только по отношению к величине каждой обслуживаемой потребности в отдельности: «хватит», «не хватит» и на много ли «не хватит». А благодаря эластичности самих потребителей подобное измерение не могло иметь большой точности.

Поэтому в натуральном хозяйстве не могло возникнуть вопроса, например, о том, что *выгоднее* — посевы ржи или сенокосы, так как они были незаменяемы друг другом и потому не имели общего масштаба для сравнения. Значение получаемого сена измерялось по отношению к нужде в кормах, а значение ржи — по отношению к продовольствию семьи. Можно даже утверждать, что сенокосы тем более ценились, чем хуже они были и чем больше труда требовалось для добычи каждого пуда сена.

Совершенно иной характер приобретают задания хозяйству, как только оно вступает в денежно-товарный оборот. Хозяйственная деятельность сбрасывает качественную окраску. Потребности могут теперь быть удовлетворяемы покупными продуктами, на первый план выступает интерес «количественный»— *получение наибольшего количества*, которое, будучи обменено, может принять любую «качественную» форму, нужную для покрытия потребности семьи. По мере развития денежности получаемое «количество» все более и более освобождается от «качества» и начинает носить абстрактный характер «ценности».

При широко развитом товарообмене для хозяйствующей семьи безразлично, на что направлять свой труд, лишь бы только он был в наиболее полной мере использован и хорошо оплачен рынком стоимостью добытых им продуктов.

А так как высота оплаты труда, вложенного в различные продукты, в конце концов определяется состоянием рынка, то само собой понятно, что организация хозяйства при натуральном строе, устанавливаемая во всех своих деталях потребительскими запросами семьи, начинает по мере развития товарности хозяйства все более и более подчиняться влиянию рыночной конъюнктуры в отношении *состава* хозяйства, сохраняя давление запросов потребления только на определение общего *объема* хозяйства.

Таков внутренний организационно-хозяйственный смысл перехода от натурального сложения хозяйства к денежно-товарному.

Хозяйство освобождается от «качественного» воздействия запросов потребления и, превратившись в товарное производство, постоянно приспособляемое к изменяющейся рыночной конъюнктуре, получает возможность значительно увеличить количество добываемых им ценностей и оплату своего труда.

Так, например, И. Н. Жиркович [27] на основании материалов волоколамских бюджетов устанавливает следующий эффект развития товарности хозяйства:

Денежные поступления от сельского хозяйства на одного работника	Величина условно чистого дохода (в руб. на работника в группах хозяйств по числу десятин землепользования на одного работника)		
	0,0—2,5	2,5—5,0	Свыше 5,0
0—60 руб.	50	69	—
60—120 руб.	144	134	110
Свыше 120 руб. . .	—	204	154

Читатель, внимательно проштудировавший первые главы нашего исследования, мог с ясностью видеть, что объектом нашего анализа является как раз такое втянувшееся в товарный оборот хозяйство, и если мы говорим о потребительском его характере, то подразумеваем под этим влияние потребительских запросов на установление основного равновесия трудового хозяйства, а вовсе не качественное влияние потребления на структуру хозяйства, которое имеет место в хозяйстве натуральном и сохраняется весьма мало в изучаемых нами хозяйствах, перешедших к денежно-товарному производству. Сохраняется только то, чему является выгодным придать натуральную форму.

Товарность валовых доходов отдельных культур и отраслей хозяйства (в %)

	Волоколамский уезд	Гжатский уезд	Поречский уезд	Сычевский уезд	Дорогобужский уезд
Рожь { Зерно	4,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Рожь { Солома	0,0	0,0	6,0	0,7	2,4
Овес { Солома	10,5	0,0	3,8	0,0	0,0
Овес { Зерно	1,2	0,0	7,2	0,0	0,9
Картофель	1,2	0,0	1,2	0,2	3,8
Лен { Волокно	99,5	100,0	85,3	97,2	79,5
Лен { Семя	51,7	64,8	58,9	62,4	56,6
Овощи	10,0	0,0	0,9	0,0	1,1
Сено { клеверное	1,9	—	—	3,7	0,0
Сено { луговое	1,3	0,2	4,1	6,7	0,4
Молоко	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0
Мясо	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

[27] Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 5—6. С. 21. См. там же таблицы по вологодским бюджетам о зависимости условно чистого дохода от размера денежных поступлений на 1 дес. землепользования.

Обычно это, сообразно району и типам хозяйств — овощи, картофель, молоко, мясо, овес и некоторые другие зерновые.

Благодаря своему соприкосновению с рынком хозяйство получает возможность выбрасывать из своего организационного плана все те малоотходные отрасли производства, в которых продукт получается в своем хозяйстве с большими усилиями, чем те, которые требуются для получения его рыночного эквивалента в других, более доходных видах хозяйственной деятельности.

В организационном плане остается только то, *что или дает высокую оплату труда, или является по техническим соображениям незаменимым элементом производства.*

В различных почвенных и климатических условиях производства и при различных состояниях местной рыночной конъюнктуры сочетания производственных элементов будут в высшей степени различными. В непосредственной близости от крупных промышленных центров мы встретимся с хозяйствами, форсирующими производство свежего молока или овощей, далее, на песках мы увидим хозяйства с большими посевами картофеля, а на суглинках — льна, на северных обильных кормовых площадях мы столкнемся с экспортным маслоделием, и в сфере влияния портов, на глубоких черноземах, —с экстенсивной зерновой продукцией.

При неизменном типе крестьянского *хозяйства*, основы которого нами были проанализированы в предыдущих главах, мы всегда встретимся в нем с самыми разнообразными системами сельскохозяйственного *производства.*

Желая осознать закономерность сложения этих хозяйственных образований, мы можем просмотреть звено за звеном весь их организационный план, пользуясь обычными методами организационных расчетов, разработанными немецкими школами Т. Гольца и Ф. Эребо *, и внося в них некоторые дополнения и изменения, вызываемые особенностями трудового хозяйства.

Классическим приемом составления организационного плана является установление такой последовательности организационных соображений и вычислений, при которой каждый последующий этап организации мог бы с достаточной полнотой быть построен на тех данных и цифрах, которые получены в результате работы по предыдущим этапам организации.

Для того чтобы рассмотреть организационный план крестьянского хозяйства во всех его деталях, нам необходимо рассмотреть последовательный ряд организационных соображений, приноровленный нами к особенностям хозяйства семейного.

I. Выбор направления хозяйства на основании того информационного материала, который имеется о доходности отдельных культур, методов земледелия и скотоводства, принятых и могущих быть примененными в данном районе.

II. Организация отдельных отраслей крестьянского хозяйства и вспомогательные расчеты.

1. Учет трудовых сил семьи и ее потребительских запросов.
2. Учет землевладения и возможного землепользования.
3. Организация полевого хозяйства.
4. Организация тяги (рабочих лошадей)
5. Организация кормодобывания.
6. Организация продуктивного скотоводства.
7. Организация удобрения.
8. Организация огородничества, садоводства и прочих сельскохозяйственных отраслей.
9. Организация территории в натуре.
10. Учет всех работ в сельском хозяйстве.
11. Организация инвентаря.
12. Организация технических производств, кустарных и отхожих промыслов.
13. Организация построек.
14. Организация капитала и оборота денег.

III. Проверочные балансы.

1. Баланс и организация труда.
2. Смета и исчисление доходности.

Как будет видно из дальнейшего, перечисленные нами организационные проблемы расположены в порядке, более или менее соответствующем последовательности организационных рассуждений. Может быть предложена, конечно, и другая последовательность.

Однако практика показывает, что какую бы последовательность мы ни приняли, всегда, разрабатывая любой из организационных разделов, приходится учитывать более или менее предположительно и все другие и часто, пройдя целый ряд первых разделов организации, встречать затруднения и возвращаться снова к первоначальному разделу, начиная работу снова. И только путем постепенного, повторного уточнения расчетов можно в конце концов сбалансировать в целостную систему все отрасли хозяйства.

Читатели, знакомые с методами построения организационных планов в капиталистическом земледелии, могут отметить значительную близость нашего построения, скажем, к системе Т. Гольца и не найдут в ней, на первый взгляд, ничего специфически свойственного трудовому хозяйству.

Поэтому мы, приступая к постатейному рассмотрению организационного плана, с особенной настойчивостью обращаем внимание читателей на характер наших дальнейших рассуждений, так как особенности организации крестьянского хозяйства заключаются не в последовательности хода рассуждений, а в тех критериях, при помощи которых эти рассуждения производятся.

I. УЧЕТ ТРУДОВЫХ СИЛ СЕМЬИ И ЕЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЗАПРОСОВ

Хозяйствующая семья является для нас первоначальной исходной величиной для построения хозяйства, тем заказчиком, на запросы которого хозяйство должно отвечать, и тем рабочим аппаратом, силами которого оно строится.

Во избежание недоразумений мы считаем необходимым еще и еще раз повторить, что создаваемые семьей формы хозяйства и производства в весьма большой степени предопределяются теми объективными народнохозяйственными и естественными условиями, в которых существует крестьянское хозяйство, но сам объем хозяйственной работы и механизм сложения хозяйства по преимуществу исходят от семьи, учитывающей все другие элементы хозяйственной обстановки.

Состав семьи и сложение ее рабочих сил в разные фазы ее развития весьма обстоятельно рассмотрены нами в первой главе, и нам незачем повторять их здесь. Поэтому мы ограничиваемся краткой справкой о количественном выражении тех потребительских запросов, которые являются основным стимулом в хозяйственной деятельности трудовой семьи, и о степени их эластичности.

Нижеследующая таблица, заимствованная нами из работы С. А. Клепикова *, дает нам понятие об основном слагаемом крестьянского личного бюджета — действительных нормах потребления различных видов пищи.

Потребление крестьянских семей в расчете на одного едока-мужчину в год (пудов)

Губернии	Зерновые продукты, мука, крупы, бобовые	Картофель	Овощи и фрукты	Масло растительное	Сахар	Мясо и рыба	Молоко, сметана и творог	Масло коровье (пуды)	Яйца
Вятская	28,5	4,7	4,5	0,06	0,13	1,08	17,6	—	0,16
Вологодская	20,3	7,4	2,0	0,08	0,38	1,29	13,8	0,09	0,06
Олонецкая	29,0	10,3	3,0	0,24	0,40	7,74	16,0	0,34	0,05
Новгородская	26,8	10,5	4,2	0,14	0,45	1,39	15,5	0,11	0,11
Костромская	19,3	6,0	4,6	0,23	0,42	0,84	10,1	0,12	0,14
Московская	17,1	15,5	3,7	0,40	0,44	1,91	18,1	0,21	0,04
Калужская	17,7	11,3	5,9	0,25	0,34	2,00	—	0,01	0,00
Тульская	21,3	27,8	7,0	0,23	0,34	2,19	11,6	0,06	0,15
Пензенская	21,1	15,0	3,4	0,19	0,20	2,01	10,0	0,10	0,14
Тамбовская	21,1	15,7	6,9	—	—	1,74	17,3	0,02	—
Харьковская	23,1	7,2	3,2	0,26	0,12	3,14	3,5	0,10	0,16
Полтавская	19,7	14,3	8,4	0,19	0,20	3,24	7,4	—	0,09
Херсонская	34,5	10,8	3,2	0,27	0,18	2,84	0,1	—	0,10
В среднем	23,14	12,1	4,6	0,19	0,28	2,45	13,7	0,10	0,09

Как видно из таблицы, состав крестьянской пищи в достаточной степени устойчив и дает резкие различия только в таких продуктах, которые являются в той или иной мере продуктами «роскоши». В гораздо большей степени различными являются нормы потребления одежды и других слагаемых личного бюджета, как это видно из нижеследующей таблицы.

На одного едока в среднем тратится в год

	На одежду (в руб.)	Мыла (в фунтах)	На освещение (в руб.)
Новгородская губерния	10,5	3,3	0,60
Старобельский уезд	21,15	—	0,60
Волоколамский уезд	24,94	9,8	1,12
Гжатский уезд	9,99	6,5	1,36
Поречский уезд	6,40	2,8	0,67
Сычевский уезд	7,78	3,8	1,01
Дорогобужский уезд	5,61	2,5	0,55
Вологодский уезд	12,73	3,9	1,04
Тотемский уезд	4,74	2,1	0,57

Разница в эластичности, установленная нами при сопоставлении отдельных слагаемых личного бюджета по районам, с еще большей выпуклостью проявляется при сопоставлении хозяйств с различной степенью зажиточности.

Так, например, имеем по Вологодскому уезду следующие примеры сжатия потребления под давлением понижения уровня благосостояния:

Всего на личные потребности расходуется на одного едока в год	В том числе расходуется на одного едока в год (руб.)		
	на растительную пищу	на водку, чай, сахар, табак и т. п.	на одежду
Свыше 90 руб.	34,60	18,00	88,35
70—90 руб.	31,20	10,64	66,42
50—70 руб.	25,10	7,81	50,97
Меньше 50 руб.	20,60	5,05	35,37

Сводя воедино все расходы на личные потребности и выражая их в переводе на одного едока, мы имеем следующие нормы, являющиеся основными величинами при построении организации хозяйства.

На одного едока тратится на личные потребности натурой и деньгами в год (в руб.)

Волоколамский уезд Московской губернии	100,1
Новгородская губерния	76,6
Старобельский уезд Харьковской губернии	87,3
Гжатский уезд Смоленской губернии	75,4
Поречский уезд Смоленской губернии	82,5
Сычевский уезд Смоленской губернии	72,9
Дорогобужский уезд Смоленской губернии	72,0
Вологодский уезд Вологодской губернии	64,1
Тотемский уезд Вологодской губернии	51,8

Пользуясь этими величинами, приходится не забывать, что они не представляют собой чего-либо неподвижного, но могут, как мы видим, колебаться в весьма широких пределах, причем увеличение этих норм зависит не только от расширения доходов и вызванного им увеличения бюджета, но и от расширения самих потребностей под влиянием проникновения элементов повышенной городской культуры в деревню.

В этом случае, помимо количественного нарастания бюджета, изменяется и его строение, как это видно из прилагаемого анализа влияния повышения процента денежности хозяйства и повышения его промысловости.

Так, имеем по Старобельскому уезду Харьковской губернии:

На одного едока расходуется на:	Процент денежности валового дохода на одного едока (в руб.)		
	0—50%	50—75%	75% и выше
Хлеб	25,9	23,3	20,3
Одежду	20,4	20,80	26,0
Водку	0,71	0,77	1,27
Чай, сахар	0,85	0,84	1,82

Еще резче влияние денежности хозяйства на тип потребления можно отметить в северной промысловой деревне. Так, например, по льняному району Московской и Смоленской губерний имеем следующую таблицу о нормах расхода одного едока на одежду.

Годичные расходы на одного едока на одежду в льняном районе Московской и Смоленской губерний

Бюджет едока (руб.) \ Денежность личного бюджета (%)	1—40	40—50	50—100
0—70	5,60	5,80	6,04
70,1—80,0	5,85	9,05	18,81
80,1—90,0	6,85	11,12	22,50
90,1 и выше	8,77	19,40	34,75

Как мы видим, в районах товарного хозяйства, а главное — в районах промысловых, под давлением проникающего в устои жизни деревни нового городского быта и круга новых городских потребностей сложение потребления и его уровня подвергаются весьма значительным изменениям.

Необходимо помнить, что приводимые нами нормы потребления представляют собой именно нормы реального потребления, а вовсе не количественное выражение самих потребностей как таковых. Потребность в каком-либо продукте личного потребления, вообще говоря, не может быть выражена какой-либо одной цифрой, и если она, вообще говоря, может получить цифровое выражение, то в виде целой шкалы норм потребления, соответствующей постепенному насыщению потребности и ее затуханию.

Сообразно сказанному приводимые нами нормы не являются количественным выражением какого-либо «бытового уровня потребления», которым нас постоянно попрекают, а представляют собою те степени насыщения потребностей, которые соответствуют тем моментам внутрихозяйственного равновесия, которое было изучено нами в предыдущих главах. Отсюда ясно, что приводимые нами уровни потребления зависят не только от строя потребностей изучаемых семей, но и от строя и условий их производственной работы.

Таким образом, подводя итоги сказанному, мы можем установить, что размер личного бюджета в расчете на одного едока колеблется около 70—100 руб., что в расчете на среднюю семью даст 500—800 руб. годового бюджета.

Эту-то сумму примерно и должна дать для достижения основного хозяйственного равновесия крестьянской семье ее хозяйственная деятельность сверх доходов, необходимых для восстановления капитала, обращающегося в производстве. При этом, как мы увидим ниже, сам уровень благосостояния семьи зависит не столько от развития потребностей, сколько от производственных условий приложения труда крестьянской семьи.

II. УЧЕТ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ВОЗМОЖНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Организационный план земледельческого хозяйства, построенного на наемном труде, принимает организацию территории как исходный, определяющий момент в устроении хозяйства, и хотя окончательно завершает этот раздел организационного плана уже в соответствии с постановкой других разделов, однако свободно может брать его как исходный пункт своих рассуждений.

В семейном же хозяйстве, где данной величиной является не земля, а трудовые и потребительские элементы семьи, вопросы организации территории, естественно, не могут иметь такого же значения.

В странах, где земельный режим в порядке закона, или обычая единонаследия, или же в форме производственного окостенения хозяйственных аппаратов делает землепользование малоподвижным, мы и в семейных хозяйствах встречаемся с определяющим значением земельной территории. Дисгармония же между рабочими силами семьи и эксплуатируемой территорией регулируется или наймом рабочей силы и отходом на сторону, или же комбинациями со степенью интенсивности хозяйства, отводящими ее от рыночно-оптимального уровня.

В странах же, где земельный режим делает земельную площадь крайне мобильной, определяющее значение «наличной» территории сходит на нет.

Общинные переделы, долгосрочные и краткосрочные аренды и (для стран, где еще существует частная собственность на землю) купля-продажа позволяют в достаточной степени подгонять размеры землепользования к требованиям хозяйства.

Одной из хороших иллюстраций этому является установленное нами для Старобельского уезда влияние семейного состава на размеры аренды, как это можно видеть из таблицы, уже однажды нами цитированной [28].

На одного работника приходится арендованной пашни

На одного работника приходится своей пашни (дес.)	На одного работника приходится едоков		
	1,00—1,30	1,31—1,60	1,61—∞
0,1—2,0	0,63	1,16	1,45
2,1—3,0	0,19	1,45	1,27
3,1—7,0	0,41	1,51	2,99
Среднее	0,41	1,37	1,60

Просматривая таблицу, мы видим, как под давлением увеличивающегося обременения работников едоками в хозяйстве послушно нарастает площадь аренды.

Однако лучшим подтверждением неустойчивости земельных площадей крестьянского хозяйства являются результаты уже цитированных нами работ Н. Н. Черненкова, П. А. Вихляева, А. И. Хрящевой и Г. А. Кущенко * о динамике крестьянского хозяйства, построенной на основе сопоставления повторных переписей и указывающей весьма наглядно, в какой малой доле крестьянские хозяйства сохраняют свои старые земельные площади даже в сравнительно малые периоды 10—15 лет (см. с. 228).

[28] См. с. 276.— *Ред.*

Поэтому если мы считаем необходимым и для организатора крестьянского хозяйства начинать свои организационные соображения с земли, то берем ее не как определяющее исходное «данное», а как весьма важный исходный материал, с которым мы неизбежно должны считаться в дальнейших наших построениях.

Приступая к организации хозяйства, мы, естественно, должны учесть наличность земельной территории в распоряжении хозяйства и ее расположение, качество почв, рельеф, наличность абсолютно луговых и абсолютно выгонных пространств, т. е. тех, которые по условию влажности или рельефа не могут быть иначе эксплуатируемы. Кроме того, является необходимым выяснить те арендные возможности, которые находятся в распоряжении хозяйства.

Все эти сведения совершенно необходимы при построении дальнейших разделов организационного плана хозяйства, хотя бы мы и не брали землю как исходный материал хозяйственного строительства.

Окончив в главных разделах организацию хозяйства, мы снова в разделе вернемся к организации территории в землеустроительном смысле этого слова.

До рассмотрения этого раздела мы и откладываем все вопросы технической организации территории.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕВОГО ХОЗЯЙСТВА

Производя учет основных элементов, слагающих трудовое хозяйство,— семьи и земли, мы можем перейти и к организации самого хозяйства, его полеводства, луговодства, скотоводства и других отраслей.

Свои построения организатор должен, естественно, начинать с устроения той отрасли, которая является доминирующей в составе его доходов. Для молочного пригородного района это будет крупнорогатое скотоводство, для огородных районов — огородничество.

Так как для подавляющего количества русских хозяйств важнейшей отраслью является полеводство, мы и кладем его в основу наших рассуждений.

Для того чтобы организовать полевое хозяйство, нам необходимо найти наилучшую систему полевого хозяйства, т. е.:

1) выбрать культуры и формы их эксплуатации, дающие наиболее высокую и наиболее устойчивую оплату труда. При

этом надлежит выбирать не только товарные культуры, но и культуры, покрывающие потребности семьи натурой, если это натуральное покрытие будет выгодней, чем приобретение этих продуктов на рынке за счет расширения товарной площади. Учитывая выгодность товарных культур, следует, как справедливо указывает А. К. Филипповский *, принимать во внимание и стоимость товарооборота, т. е. накладные, натуральные и денежные издержки, связанные с продажей и покупкой товаров;

2) связать их вместе с другими вспомогательными культурами в такое соотношение и в такой севооборот, который бы не истощил почвы и восстанавливал бы ее плодородие;

3) произвести установление севооборота и соотношение культур с таким расчетом, чтобы они давали наиболее удобное распределение труда в течение года, т. е. располагали бы его равномерно, без чрезмерных скоплений в критические периоды и без вынужденной безработицы в другие сезоны;

4) установив сообразно вышеизложенным заданиям наилучшую систему полевого хозяйства, нам надлежит применительно к нашей хозяйственной семье и ее рабочим силам определить желательный для нее *размер* (объем) полевого хозяйства (запашки).

Имея в своем распоряжении сведения об урожайности отдельных культур, потребных для них затратах труда и капитала, а также данные о состоянии рыночной конъюнктуры района нашего хозяйства и путей сообщения, нетрудно выяснить, какая из культур и в какой форме эксплуатации дает наибольшую оплату труда и тем является наиболее желательной для хозяйства.

Наша бюджетная литература дает нам возможность установить нормы такой оплаты по некоторым из районов, как это видно из прилагаемой таблицы:

Оплата стоимостью продукта за вычетом материальных издержек одного рабочего дня

(в коп.)

Уезды	Рожь	Овес	Лен	Клевер	Средняя оплата одного рабочего дня
Старобельский	—	—	—	—	133,0
Волоколамский	84,6	109,6	157,1	256,0	138,0
Гжатский	45,1	—	110,1	–	137,0
Поречский	54,3	63,7	115,7	—	123,0
Сычевский	63,8	94,3	115,2	672,0	156,0
Дорогобужский	71,0	106,9	97,0	507,5	147,0
Вологодский	87,0	83,0	91,0	--	86,0

Приведенные нормы оплаты труда весьма разнообразны по культурам и по районам, не в меньшей мере они разнообразны и по времени.

Нетрудно проследить и факторы этого разнообразия. Сюда прежде всего относятся почва и климатические условия, влияющие на урожай, и формы обработки.

Достаточно проследить, как влияют, хотя бы по исследованиям по Саратовской губернии, разряды почв, чтобы убедиться в значении этого фактора.

Не меньше, если не больше имеет значение и положение хозяйства относительно рынка, т. е. те пути сообщения, которые их связывают между собой.

Так, например, проф. Ф. Ватерштрадт в своей работе «Die Rentabelität der Wirtschaftssysteme nach Thünens isolirtem Staat und in unserer Zeit» (Berlin, 1909) исходя из конкретного материала исчисляет влияние расстояния от рынка (железнодорожное сообщение) для четырех хозяйств (по 250 га каждое) со следующими системами хозяйства.

I. Плодопеременное хозяйство со свеклой и разведением рогатого скота (80 коров).

II. Кормовое хозяйство с усиленным разведением рогатого скота (160 коров).

III. Хозяйство с постоянными естественными пастбищами.

IV. Свекловичное хозяйство (26 % площади под сахарной свеклой).

По исчислению проф. Ф. Ватерштрадта, чистый доход этих хозяйств в зависимости от степени плодородия будет *следующим образом изменяться с расстоянием от места сбыта.*

Чистый доход хозяйства в 250 га (в тыс. марок)

Расстояние от рынка по железной дороге (в км)	1-я степень плодородия				3-я степень плодородия			
	Система хозяйства				Система хозяйства			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
0	45,7	42,4	42,7	50,1	20,6	20,9	24,9	20,6
25	41,6	39,2	39,7	44,5	17,3	18,2	22,4	16,1
50	39,3	37,1	37,8	41,5	15,4	16,5	20,8	13,6
75	36,2	34,8	35,7	37,3	13,0	14,6	19,1	10,3
100	34,2	32,9	33,8	34,6	11,5	13,0	17,6	8,2
200	23,6	21,1	22,6	21,6	6,2	9,9	14,9	2,1
300	18,0	18,9	21,2	13,8	1,4	7,4	12,9	—4,5
400	12,5	17,1	19,9	6,3	—3,3	5,1	11,1	—10,8

Рассматривая таблицу, относящуюся к 1-й *высшей* степени плодородия, мы видим, что при расстоянии от рынка, не превышающем 100 км, первенство по доходности держит хозяйство IV типа; на расстояниях более отдаленных — до 250 км — первенство переходит к хозяйствам I типа, а при отдаленности 300 км и выше начинает главенствовать III тип. При плодородии более низком (3-я степень) картина меняется, и III тип хозяйства преобладает все время.

Еще большее значение, по исчислениям Ф. Ватерштратда, имеет расстояние хозяйства от станции железной дороги.

Не менее интересны результаты исследования одного из самых выдающихся русских статистиков Г. И. Баскина крестьянских хозяйств юга Самарской губернии в отношении влияния на них расстояния от места сбыта продуктов (изложенные в обработке А. Н. Челинцева) *.

Расстояние до пунктов сбыта (в км)	В процентах к посеву		На 100 дес посева шт. свиней
	земли под залежью	пара	
0	24,0	3,6	4,2
0—25	27,4	1,0	2,7
25—50	39,7	0,3	2,8
50—100		0,1	2,5
100 и более	283,5	0,0	0,5

Таковы факторы, обусловливающие пространственные различия, различия же во времени зависят от высоты урожайности и уровней цен.

Насколько велики колебания этого рода, можно видеть из следующих расчетов.

Десятина льна в период 1900—1910 гг. в Волоколамском уезде в зависимости от этих факторов дала следующие нормы оплаты труда:

	Годы				
	1901	1902	1903	1904	1905
Урожай 1 дес. (пуды) .	18,9	25,8	18,1	20,0	20,3
Цены (коп. за пуд) . .	400	295	491	418	405
Валовой доход 1 дес. (руб.)	75,6	76,1	88,7	83,5	82,1

Продолжение

	Годы					Сред.
	1906	1907	1908	1909	1910	
Урожай 1 дес. (пуды) .	32,2	25,3	14,9	17,5	14,2	20,8
Цены (коп. за пуд) . .	120	302	328	415	460	393
Валовой доход 1 дес. (руб.)	135,0	77,9	48,9	72,5	65,3	80,6

Если за этот период урожайность оставалась бы той же, все время, скажем, 20 пудов льна с десятины, то под влиянием одних изменений цен мы получим следующие колебания валового дохода:

	Годы				
	1901	1902	1903	1904	1905
Валовой доход с 1 дес. при постоянном урожае в 20 пудов . .	89,0	59,0	98,2	83,6	81,0

Продолжение

	Годы					Сред.
	1906	1907	1908	1909	1910	
Валовой доход с 1 дес. при постоянном урожае в 20 пудов . .	84,0	60,4	65,6	83,0	92,0	78,7

А если бы цена все время пребывала на уровне 400 коп. за пуд, величина валового дохода в зависимости от колебаний урожаев дала бы следующий ряд:

	Годы				
	1901	1902	1903	1904	1905
Валовой доход с 1 дес. при постоянной цене в 4,0 руб. за 1 пуд. .	75,6	103,2	72,4	80,0	81,2

Продолжение

	Годы					Сред
	1906	1907	1908	1909	1910	
Валовой доход с 1 дес. при постоянной цене в 4 руб. за 1 пуд . .	128,8	102,2	59,6	70,0	56,8	83,6

Исчисляя для каждого из приведенных рядов среднее арифметическое отклонение показателей отдельных лет от общей средней, мы получим следующие коэффициенты колебания каждого ряда:

Мера неустойчивости урожая с десятины	20,6 %
Мера неустойчивости цены пуда льна	13,0 %
Мера неустойчивости валового дохода с десятины . . .	16,6 %

Мы видим, что наиболее устойчивыми оказались цены, что объясняется тем, что они для льна определяются не одним каким-либо уездом и его урожаем, а всей мировой совокупностью льняной продукции. Однако (ввиду почти монопольного положения довоенной России на мировом рынке) эти цены в некоторой степени были обратно пропорциональны русским урожаям, благодаря чему они сглаживали колебания валового дохода по сравнению с колебаниями подесятинных урожаев.

В данном случае льняной рынок, несмотря на его мировое значение для русского льноводства, мог считаться местным рынком, так как он почти всецело определялся русскими урожаями.

Во всех продуктах местного рынка, где колебания цен связаны и противоположны колебаниям урожаев, колебания оплаты труда и дохода вообще будут менее резки, чем колебания цен и урожаев в отдельности. Для продуктов же более широкого рынка (мирового), для которого местные цены, определяемые мировым урожаем, совершенно не связаны с урожаями местными, мы имеем несовпадение этих колебаний и часто неустойчивость ряда дохода, превосходящую неустойчивость ряда цен и урожаев.

Так, например, если мы возьмем для Полтавской губернии средние колебания урожая, цен и валовых доходов для ржи как продукта местного рынка и яровой пшеницы как продукта мирового рынка, то получим следующие величины меры неустойчивости.

	Меры неустойчивости (среднее отклонение от средних)		
	урожая с десятины	цены	валового дохода
Рожь	33,4 %	26,0 %	15,4 %
Яровая пшеница	31,1 %	19,1 %	32,6 %

Просматривая таблицу, мы видим, что, несмотря на большое колебание ржаных урожаев и цен на рожь, валовой доход от нее устойчивее, чем валовой доход культуры мирового рынка — пшеницы.

Все отмеченные явления этих годовых колебаний, несомненно, нужно учитывать при расчете выгодности отдельных культур, однако еще более интересны для нас не годичные, а более длинные колебания конъюнктуры.

Для нас является важным главным образом то, что под влиянием длительных изменений рыночной конъюнктуры совершенно видоизменяется сравнительная выгодность культур, и часто то, что давало очень большие барыши, выпадало впоследствии из севооборота как совершенно невыгодная культура.

Наши конъюнктурные институты, наблюдающие состояние рынка и часто предвидящие его колебания, должны в будущем взять на себя постоянное наблюдение за сравнительным анализом вероятных рентабельностей различных культур и тем давать указания практическим работникам земледелия для выбора годичного направления своей хозяйственной работы.

Справка о сравнительной ожидаемой доходности различных яровых для нас, практических организаторов земледелия, неизмеримо важнее всякого рода конъюнктурных барометров и индексов по 20 или 60 товарам, чего, к сожалению, сами работники конъюнктурных институтов еще недостаточно усвоили.

Таковы условия, при которых наше хозяйство сообразно своим почвенным, климатическим и рыночным данным может выбрать для себя наиболее выгодные культуры.

Для реализации их в полевом хозяйстве необходимо подвергнуть их агрономическому анализу и поместить в ту или иную систему севооборота и восстановления плодородия почвы.

Было бы с нашей стороны наивным пытаться на этих страницах изложить основные законы современной агрономии.

Для нас достаточно знать, что за исключением очень редкого числа исключений повторение на одном и том же месте, из года в год, культуры одного и того же растения невозможно, так как оно вызовет так называемое «утомление» почвы в отношении этого посева, истощает необходимые именно для этой культуры питательные соки, насыщает почву токсинами, т. е. выделениями растения, вредно действующими на его культуру, и проч. Поэтому с агрономической точки зрения является со-

вершенно необходимым чередовать культуры, причем многочисленные агрономические опыты устанавливают наиболее благоприятную последовательность культур.

Так, нам известно, что в северном районе лен очень хорошо удается по клеверу, что корнеплоды обеспечивают последующую культуру зерновых и т. п.

Все эти наблюдения и научные правила приводят к системе известных севооборотов, гарантирующих наиболее устойчивую и высокую степень плодородия почвы.

Определив наиболее выгодные для нас с экономической точки зрения культуры и культуры, необходимые для покрытия некоторых натуральных нужд хозяйства (корма и проч.), мы должны связать их между собой в известную систему севооборота, часто дополняя их вспомогательными культурами, не очень выгодными с точки зрения оплаты труда, но необходимыми по агрономическим соображениям.

Встречающиеся формы сочетания различных культур в высшей степени разнообразны. Различные теоретики организации хозяйства обычно сводят их к ряду типичных *систем полевого хозяйства,* отличающихся друг от друга главным образом применяемыми ими методами восстановления плодородия почвы.

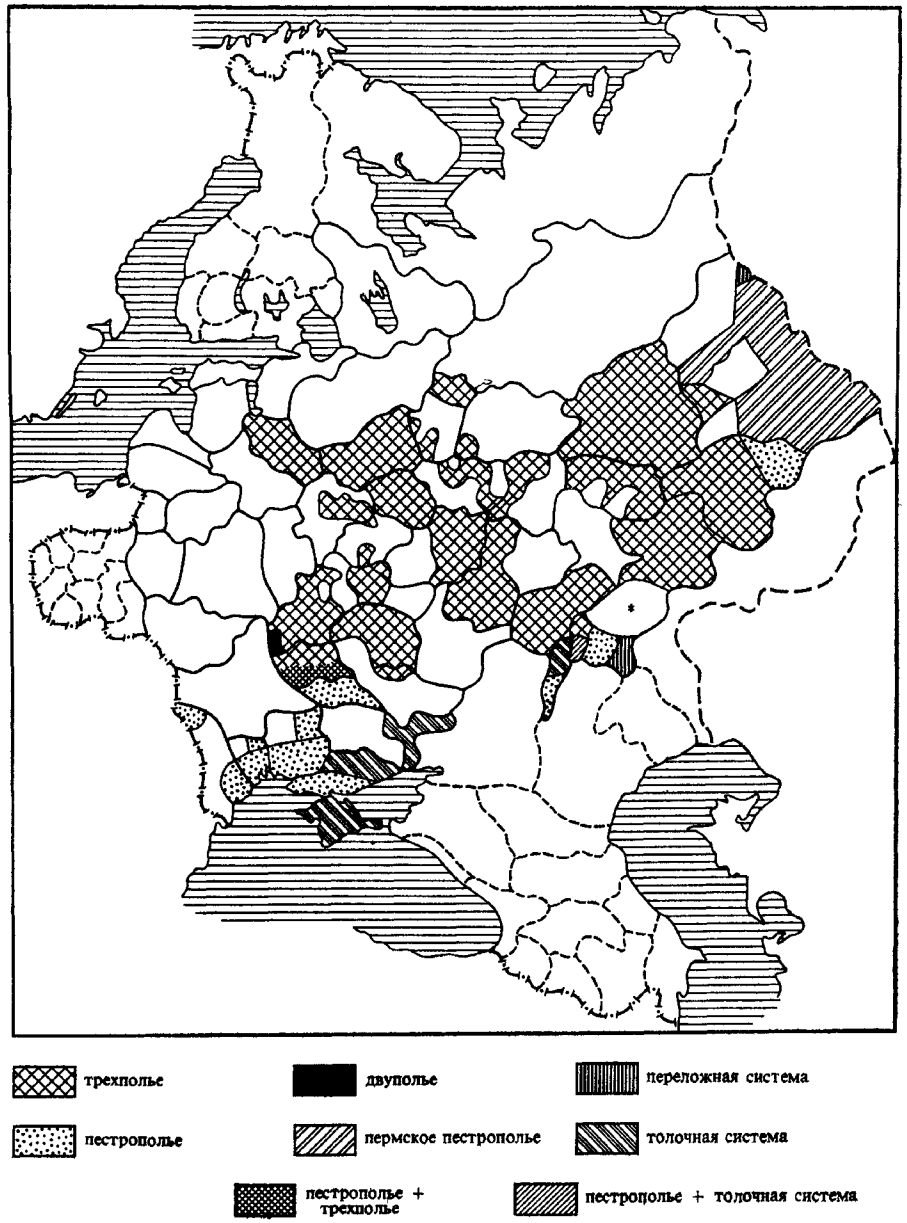
Исследуя в одной из наших ранних работ (1911 г.) различные виды систем полевого хозяйства, встречающиеся в пределах России*, мы имели возможность, пользуясь огромной библиотекой проф. А. Ф. Фортунатова, свести все местные исследования, статистические и агрономические, к 6 типам: 1) трехполье, 2) двуполье, 3) пестрополье, 4) пермское пестрополье, 5) переложная система и 6) разные виды толочных систем.

Нижеследующая картограмма дает нам понятие о распределении указанных систем согласно нашей сводке по территории бывшей Европейской России к началу XX в.

При разработке означенной картограммы все системы полевого хозяйства нами были разделены на следующие перечисленные выше основные типы.

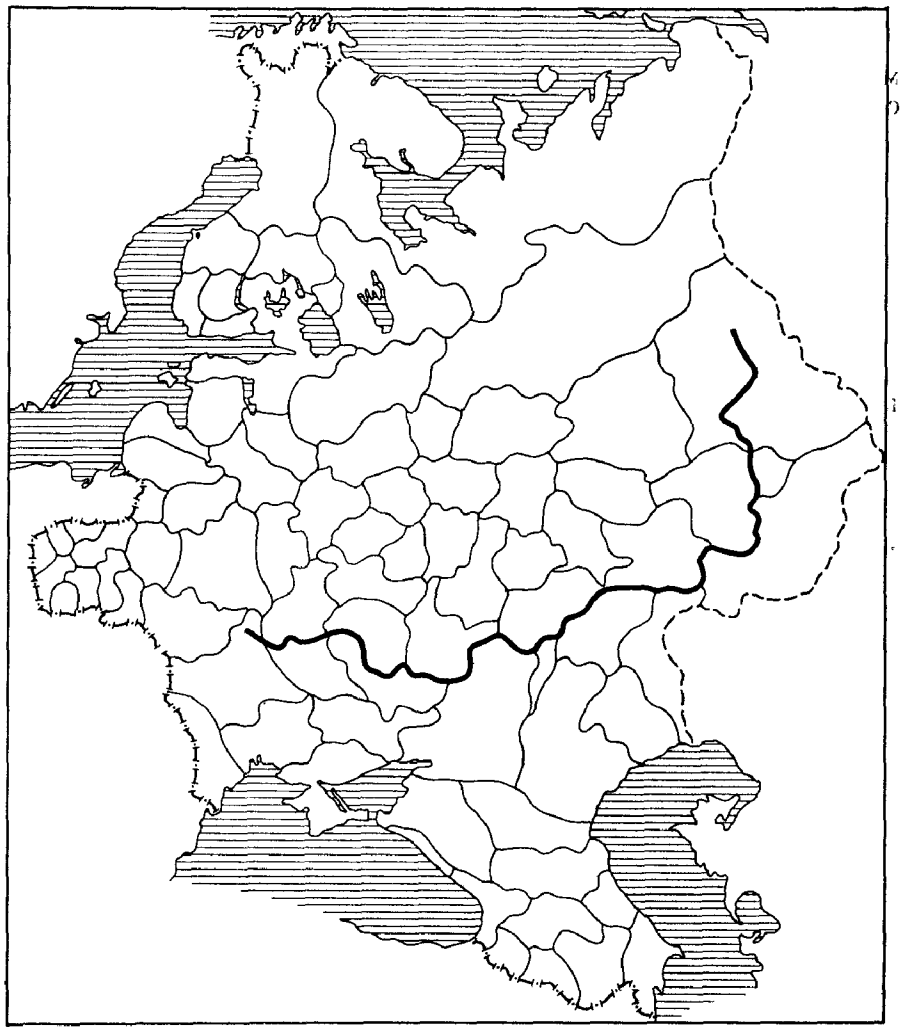
1. Трехполье. В данном случае под трехпольем понимался не столько классический *севооборот* пар — озимь — ярь, сколько сам хозяйственный строй полеводства трехпольной России, т. е. деление пашни на общие для всех хозяев переходящие клинья, обязательность толоки, словом, *общинная* трехпольная система полевого хозяйства. Нам на основании кропотливых исследований удалось установить южную границу преобладания понимаемой в этом смысле трехпольной системы, которая и показана на нижеследующей картограмме (см. с. 308).

Сюда, таким образом, включены трехпольные хозяйства с севооборотом пар — ярь с угловым травосеянием, а с другой стороны, исключены случаи трехпольного севооборота пар — озимь — ярь на одном и двух полях или же на нескольких, не-

* В Николаевском уезде смесь трехполья, двуполья, пестрополья и толочной системы.

Системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к концу XIX в. по данным земской статистики и публикациям агрономов

Вероятная граница (южная) преобладания трехполья на крестьянских полях России к концу XIX в.

зависимых между собой и не связанных с соседними обязательностью клина (пермское пестрополье). Трехпольно-залежные севообороты сибирского типа, т. е. перелог, по которому 3—4 раза оборачивают трехпольный севооборот, а потом снова забрасывают в многолетнюю залежь, я также не счел возможным включить в этот раздел.

2. **Двуполье** — это севооборот пар — озимь или пар — ярь на двух полях с обязательной толокой, по общему строю близкий к трехполью.

3. **Пестрополье.** В этот раздел входят все системы, характеризующиеся тем, что отдельные поля хозяйства не находятся между собой в какой-либо связи и совершенно самостоятельно совершают свой цикл посевов, иногда в виде беспорядочного посева хлеба по хлебу, иногда же обладая элементами некоторой периодичности, вплоть до включения толоки через известные промежутки лет. Из этой группы мы сочли удобным выделить так называемое пермское *пестрополье*, в котором периодичность носит определенный выдержанный характер и сводится к обычному трехпольному и четырехпольному севооборотам и отличается от соответствующих систем только тем, что каждый кусок земли идет совершенно самостоятельно, вне всякой зависимости от других. Пространственная система, таким образом, отсутствует и наблюдается только временная.

4. **Переложная система.** Этот раздел состоит из систем, в которых исключительное пользование залежью как методом восстановления плодородия принуждает земли, находящиеся под пашней, *переходить в другие категории угодий:* степь, лес и пр. Период залежи здесь намного превышает период пашни, и одним из определяющих моментов этой системы является тот факт, что срок поднятия залежи определяется не по времени, проведенному землей без посева, а сообразно ее *«спелости»*, о чем судят по растительному покрову. Строго говоря, эта система близка к установленному нами типу пестрополья, так как, имея временную последовательность (систему), она не имеет пространственной. Однако факт перехода земель из одной категории угодий в другие заставляет нас выделить ее в самостоятельный раздел.

5. **Толочная система** *. Эта группа весьма обширна по числу самых разнообразных форм и носит чисто искусственный характер. Ее определяющими признаками служат наличность двух и более годичной толоки и главным образом присутствие наряду с временной последовательностью также и некоторых элементов пространственной системы, связывающей между собой отдельные поля хозяйства.

За истекшее двадцатилетие в географии систем полевого хозяйства, естественно, наметились некоторые перемены.

Прежде всего в подмосковном районе и во всех западных губерниях с исключительной быстротой развернулись и продолжают развертываться так называемые травопольные системы полеводства, т. е. системы, в которых при сохранении пара как одного из методов восстановления плодородия почвы в севооборот вводятся посевы однолетних или многолетних трав, которые придают севообороту характер полупеременного, восстанавливают структуру поля и, кроме того, при наличии в травяной смеси бобовых дают прямое обогащение почв азотом.

Во многих районах, особенно в свекловичных районах Украины, а гнездами и в других губерниях, в состав наших систем полевого хозяйства вошли и настоящие плодопеременные системы без пара, которые знакомят нас с посевом корнеплодов.

Подобное подразделение несколько отличается от обычного, и поэтому мы считаем себя вправе сказать несколько слов о всей классификационной системе в целом и ее мотивах. Смеем полагать, что каждая система, как и вообще всякая теория, есть вещь искусственная и ее значение всегда только временное, педагогическое, имеющее целью дать возможность мыслящему уму с возможно меньшей затратой сил охватить всю совокупность фактического материала и возможно ясно ее мыслить. Ввиду этого классификационных систем может быть великое множество, все они «верны», и весь вопрос в том, какая из них проще и удобнее. Лично мы придаем большое значение *целевой* оценке систем, т. е. оцениваем всякую систему в зависимости от того, насколько она удобна в видах той или иной цели, допуская, что для различных целей имеющийся материал можно группировать в различные системы.

Принимая это во внимание, мы должны были для классификации сырого, *еще не вполне изученного* материала остановиться на системе, опирающейся на конкретные, легко устанавливаемые признаки (морфологического характера), и главным образом постараться избежать внесения в построение системы хоть какого-либо следа теории-гипотезы исторического, географического или какого другого содержания, т. е. того, что должно явиться во всяком случае последней стадией работы, последней условностью, но отнюдь не ставиться априори.

Группируя сырой материал, я не счел себя вправе воспользоваться так называемыми «историческими» системами, столь у нас распространенными. Во-первых, потому, что этим вносилась бы априорная посылка об определенной исторической последовательности систем. А во-вторых, потому, что существующие «исторические» системы с *исторической точки зрения* представляют собой наигрубейшие упрощения хода развития систем полевого хозяйства и в сущности являются также морфологическими системами, с плохой морфологической разработкой вдобавок.

Возьмем для анализа обычный ряд А. П. Людоговского *: 1) переложная, 2) зерновая, 3) улучшенная зерновая, 4) плодосменная, 5) вольная. Для России он не имеет никакого *исторического* значения. Так, наше южное пестрополье с посевами растения по растению часто сообразно требованиям рынка, строго говоря, должно быть отнесено к 5-й вольной системе, а между тем в условиях русской действительности пестрополье, например, Саратовской губернии следует непосредственно за

перелогом, а в Полтавской — предшествует трехполью и, наконец, в Курской — возникает на развалинах последнего. Залежные системы, которые, очевидно, надо отнести к отделу переложных, как предшествуют пестрополью, так равно и следуют за ним, и нередки случаи, когда они возникают на развалинах трехполья (Черниговская и Владимирская губернии).

В пределах рассмотренных нами систем полевого хозяйства возможны различные виды чередования культур или севооборота. Их разнообразие настолько велико, что кропотливый исследователь мог бы по поводу их написать целое большое многотомное исследование. К сожалению, такая работа проделана в свое время А. С. Ермоловым * только в отношении по преимуществу крупных помещичьих хозяйств.

Крестьянские же севообороты еще ждут своего исследования, и конечно, в пределах настоящей книги мы не можем ставить перед собой задачи такого свода.

Поэтому, говоря о севооборотах и желая на них выяснить особенности сельских хозяйств, мы ограничимся только рассмотрением наших северных травопольных севооборотов.

Первой формой клеверосеяния в крестьянском хозяйстве является так называемое угловое травосеяние.

Наиболее распространенным типом этой формы травосеяния является случай, когда в озимом поле один или два яруса выделяются и засеиваются под рожь клевером; на следующий год на этих участках теперь уже ярового поля будет укос клевера первого года.

На третий год клеверные участки оказываются в паровом поле и огораживаются от потрав.

На четвертый год обычно клевер оставляют и берут в озимом поле укос клевера третьего года, засеивая другую часть этого же поля клевером под рожь.

На пятый год участки из-под клевера поступают под лен.

Так как клевер при этой форме травосеяния высевается в озимое поле ежегодно, то севооборот примет следующий вид:

Севооборот углового травосеяния[29]

Поля	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год	5-й год	6-й год
I	$О^{К_0}$	$Я^{К_1}$	$П^{К_2}$	$О^{К_3}_{К_0}$	$Я^{Л}_{К_1}$	$П_{К_2}$
II	Я	П	$О^{К_0}$	$Я^{К_1}$	$П^{К_2}$	$О^{К_3}_{К_0}$
III	П	$О^{К_0}$	$Я^{К_1}$	$П^{К_2}$	$О^{К_3}_{К_0}$	$Я^{Л}_{К_1}$

Как видно из таблицы по 5-му и 6-му годам, когда севооборот уже установился, каждый год во всех трех полях имеется

[29] О означает озимое поле, Я — яровое, П — пар, Л — лен, $К_0$ — клевер под покровным растением, $К_1$ — клевер первого года укоса и т. д.

по участку клеверного покоса и часть ярового поля занята *льном по клеверищу*.

Севооборот этот следует признать очень гибким и удобным, если он лишен регулярности, но зато хозяин всегда может в нем, не нарушая чередования культур, по своему желанию соизмерять кормовую площадь.

От этого севооборота легко перейти к уже правильному шестипольному севообороту — стоит только ежегодно засеивать *не произвольную часть* озимого клевером, а ровно *половину*.

Тогда каждое из полей трехполья расколется на два, и мы будем иметь шестипольный севооборот с шестилетним чередованием растений:

Шестипольный севооборот I типа

$ОК_0 — К_1 — К_2 — К_3 — Я — П/ОК_0$ и т. д.

Севооборот этот встречается крайне редко, так как он слишком сокращает зерновую площадь и, развивая площадь под клевером до 50 %, вызывает слишком частое возвращение клевера на старое место, что приводит к клевероутомлению.

Поэтому клевер третий ($К_3$) сохраняется в севообороте только там, где есть большой рыночный спрос на сено из тимофеевки; обычно же вместо клевера третьего помещают лен и получают излюбленный волоколамский севооборот.

Шестипольный севооборот II типа.

$ОК_0 — К_1 — К_2 — Л — Я — П/ОК_0$ и т. д.

Этот севооборот, давая значительную кормовую площадь (33 %), позволяет столь же значительно развить яровые, доводя лен по клеверу до $^1/_6$ всего поля. При этом сокращаются пар и озимые, но в существовании последних хозяйство мало заинтересовано, так как своего хлеба все равно хватает только на полгода, а труд, приложенный к ржаной культуре, как мы видели из первой лекции, имеет по сравнению с другими культурами минимальную оплату.

Поэтому севооборот этот пользуется очень большой популярностью и редко бывает сбит, чего нельзя сказать об излюбленном агрономами ярославском севообороте.

Ярославский севооборот, как известно, представляет собой четырехпольный севооборот с восьмипольным чередованием, которое рассчитано так, чтобы ежегодно иметь одно поле под рожью, одно под клевером, одно под яровыми и одно под паром.

Нижеследующая таблица дает понятие о чередовании культуры в этом довольно сложном севообороте.

Ярославский четырехпольный севооборот

Поля	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год	5-й год	6-й год	7-й год	8-й год
I	$ОК_0$	$К_1$	$К_2$	Я	П	О	Я	П
II	Я	П	$ОК_0$	$К_1$	$К_2$	Я	П	О
III	П	О	Я	П	$ОК_0$	$К_1$	$К_2$	Я
IV	$К_2$	Я	П	О	Я	П	$ОК_0$	$К_1$

Как видно из этой таблицы, в этом севообороте клевер сеется через год и держится на покосе два года, благодаря чему клеверища поступают под яровые также не ежегодно, а через год.

Это обстоятельство очень неудобно в льноводном хозяйстве, так как в годы, когда яровые приходятся по мякоти (из-под ржи), лен удается плохо, а в те годы, когда разрабатывается клеверище, часть его должна отойти под овес и картофель и, следовательно, пропасть для льноводства.

В силу этого, несмотря на свои преимущества (гармоничное соотношение озими, яри и пара, близкое к трехполью, малое число полей и т. п.), севооборот этот неудобен для районов льноводства.

К тому же он настолько сложен, что малейшее отступление от него приводит к страшной путанице, которую бывает трудно исправить, а отступления случаются сплошь и рядом: то забудут подсеять клевер и пустят вместо клевера первое яровое, а чаще просто позарятся на третий год укоса клевера. В итоге получается полная неразбериха.

В Волоколамском уезде именно этот севооборот сбивается наиболее часто, и в 1910 г. $^2/_3$ селений с ярославским севооборотом его уже сбили окончательно.

В несколько лучших условиях находится то же восьмилетнее чередование, но помещенное на 8 же полях,— это так называемое шиповское волоколамское восьмиполье.

Волоколамский восьмипольный севооборот

$ОК_0 — К_1 — К_2 — Я — П — О — Я — П.$

Несмотря на свое название, севооборот этот в Волоколамском уезде распространен очень мало, хотя и дает возможность ежегодно иметь лен по клеверищу.

Я не буду останавливаться на встречающихся в крестьянских хозяйствах 7-польных, 9-польных и 5-польных севооборотах при 10-летнем чередовании, так как они отличаются от приведенных только тем, что клевер держится в них для покоса не два, а три года, и опишу в заключение один любопытный севооборот, составленный крестьянами деревни Холмец того же Волоколамского уезда *.

Севооборот этот 8-польный, причем каждая пара полей связана особым циклом чередований посевов. В отличие от преды-

дущих севооборотов в этом фигурирует новое звено — *выгон*, который мы обозначили через В.

Поля	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год	5-й год	6-й год	7-й год	8-й год	9-й год
1	$ОК_0$	$К_1$	$К_2$	В	О	Я	П	В	$ОК_0$
2	О	Я	П		$ОК_0$	$К_1$	$К_2$		О
3	В	$ОК_0$	$К_1$	$К_2$	В	О	Я	П	В
4		О	Я	П		$ОК_0$	$К_1$	$К_2$	
5	П	В	$ОК_0$	$К_1$	$К_2$	В	О	Я	П
6	$К_2$		О	Я	П		$ОК_0$	$К_1$	$К_2$
7	Я	П	В	$О_0К_0$	$К_1$	$К_2$	В	О	Я
8	$К_1$	$К_2$		О	Я	П		$ОК_0$	$К_1$

Из рассмотрения таблицы видно, что ежегодно $^1/_4$ поля бывает под озимыми, $^1/_4$ — под выгоном и $^1/_8$ — под яровыми.

Севооборот этот представляет собой полную противоположность типично-яровому волоколамскому 6-полью II типа и является превосходным скотоводческим севооборотом, так как клевер третий и двухлетняя залежь образуют собой идеальный обильный выгон, после обработки которого скот перегоняется на пар первого года, к тому времени обильно порастающий травой.

К несчастью, посевы льна, производимые крестьянами Холмеца, по их словам, удаются плохо, и вряд ли этот севооборот получит большое распространение в льноводных местностях.

Еще более интересны в выгодном отношении совершенно новые по своему основному принципу крестьянские севообороты, выдвигаемые за самое последнее время А. Г. Дояренко * на опытном поле Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Опытное поле академии упорно и успешно работало над ранними парами, дающими ощутительный прирост урожайности, однако несмотря на эти очевидные доходы, ранние пары не применялись в крестьянском хозяйстве по причине отсутствия выгонов, на которые можно было бы перевести скот с поднятого в мае или апреле пара. Поскольку перед опытным полем встала задача найти место для выгона, оно нашло выход в создании обильной выгонной площади в особых, занятых выгонными

Распределение затрат труда в рабочих днях на разные

I дек.	Январь	Февраль	Март	Апрель		Май		Июнь	
				1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.
Ржи	—	—	—	—	—	—	—	15,3	3,1
Овса	—	—	—	—	3,6	3,6	—	—	—
Картофеля	—	—	—	—	3,5	21,4	3,3	—	—
Льна	10,5	—	—	—	2,9	5,0	—	—	—

смесями парах и особенно в пожнивных и допосевных выгонных культурах, которые, подсеиваясь по межам под рожь, по снятии жатвы дают густой и низкий травостой, который используется как выгон в течение всей осени и затем весной, вплоть до посевов поздней картошки. Таковы приемы создания кормовой площади и ее силосования с другими элементами полевого хозяйства.

Помимо севооборотов, которые, как мы видели, с весьма большой гибкостью дают техническое разрешение тех экономических заданий, которые ставят перед семейным хозяйством природные условия, рыночная конъюнктура и внутрихозяйственные факторы, для характеристики принятой системы полеводства имеет значение *степень напряжения тех факторов культуры,* которые составляют собой содержание сельскохозяйственной деятельности человека.

Методы обработки почвы, уход за культурами и даже уборка могут быть изменяемы в смысле своей трудо- и капиталоинтенсивности. Например, та же самая культура картофеля может быть осуществлена с затратой 40 и 120 рабочих дней и соответственной высотой урожая; десятина пара может быть удобрена и 1000, и 3000 пудов навоза и т. д.

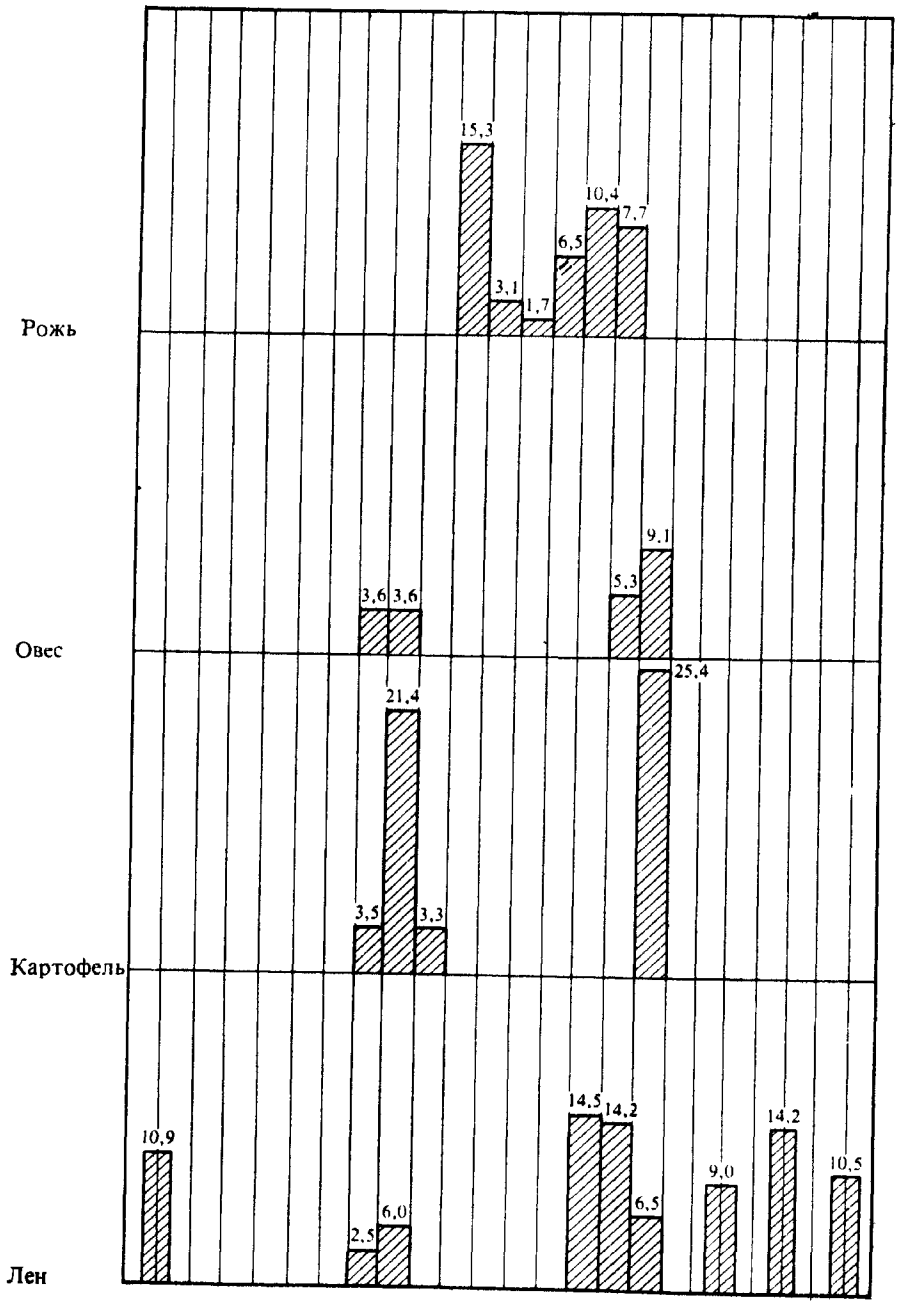
Степень напряжения факторов культуры в каждом хозяйстве устанавливается сообразно уровню цен и местных природных условий. Как мы видели из конца третьей главы, внутрихозяйственные факторы семейного предприятия в высшей степени влияют на определение этой степени напряжения, за то заставляя ее повышаться сверх тех оптимальных уровней, которые устанавливаются в хозяйствах, построенных на наемном труде.

К сожалению, эмпирические исследования техники земледельческого производства настолько незначительны, что мы не в состоянии даже с достаточной полнотой иллюстрировать эти положения.

Определив наиболее выгодные культуры и увязав их с агрономической точки зрения в рациональный севооборот, мы

культуры по полумесяцам в Волоколамском уезде

Июль		Август		Сентябрь		Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.				
1,7	6,5	10,4	7,7	—	—	—	—	—	45,0
—	—	—	5,3	9,1	—	—	—	—	21,6
—	—	—	—	25,4	—	—	—	—	58,2
—	—	14,5	14,2	6,5	—	8,8	14,2	10,5	87,2

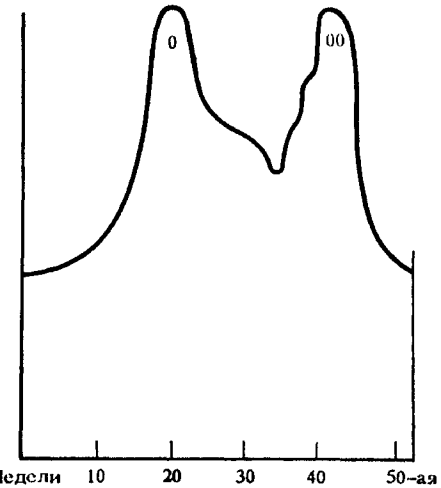

Распределение затрат труда в рабочих днях на разные культуры по полумесяцам в Волоколамском уезде

должны проконтролировать этот севооборот с точки зрения организации труда во времени.

В отношении организации труда каждая культура имеет свои индивидуальные черты, и напряжение труда падает для них на разные сроки. Таблица (см. с. 314—315) и график (см. с. 316), исчисленные нами для Волоколамского уезда, дают в этом отношении довольно наглядную картину.

Как видно из распределения работ во времени, рожь является по преимуществу культурой летней, картофель и особенно зерновые яровые весенне — осенними, лен же в отличие от других развивает затрату энергии зимой на первичную переработку волокна.

Количество рабочих на 100 га в течение 52 недель года в свекольном хозяйстве Нижней Австрии (0 — посадка свеклы; 00 — уборка свеклы)

Задачей крестьянского хозяйства является составить свое полевое хозяйство из таких культур и в таких пропорциях, дабы критические моменты, свойственные их организации труда, не совпадали и общее по хозяйству напряжение труда было бы более или менее равномерно. В этом отношении задания трудового хозяйства резко отличаются от хозяйства капиталистического, которое критические моменты организации труда разрешает при помощи временного, очень часто пришлого труда и потому не только не заинтересовано в возможно равномерном распределении его в течение года, но даже стремится сделать его принципиально неравномерным и приурочить наибольшие массивы труда к периодам дешевых заработных плат. Исследования ряда австрийских хозяйств дают нам характерные примеры распределения труда во времени, один из которых мы приводим.

Ясно, что подобный тип развития кривой напряжения труда для крестьянского хозяйства представляется совершенно немыслимым, так как в критические периоды хозяйствующая семья сбивалась бы с ног, а в течение всего остального года находилась бы в состоянии безработицы. Поэтому мы видим в крестьянских хозяйствах более равномерный тип распределения труда, как это видно из прилагаемого графика волоколамского хозяйства (см. с. 316).

Установив, таким образом, путем ряда повторных расчетов наиболее совершенную для данного района и данной рыночной

конъюнктуры систему полевого хозяйства и внеся в нее необходимые поправки, если таковые необходимы для специфических особенностей именно данного хозяйства, мы должны перейти к установлению объема полевого хозяйства исходя из рабочих сил семьи и наличных условий землепользования.

Вопрос этот, как мы знаем, в конце концов решается изученным нами равновесием внутрихозяйственных факторов, однако нами могут быть даны его объективные наивысшие и наименьшие пределы, так называемые трудовая и потребительская нормы.

Изучению тех и других в свое время немало было посвящено внимания в нашей аграрной литературе. Из обширной литературы вопроса наиболее интересными представляются нам работы Н. П. Макарова, который в своем докладе второму съезду Лиги Аграрных Реформ в 1917 г. подвел итоги всем предыдущим работам *.

Под трудовыми нормами в данном случае принимается то количество запашки, которое использует все рабочие силы семьи при нормальной степени их напряжения. Для определения этой величины необходимо взять кривую напряжения труда для установленного нами севооборота и анализировать, с каким количеством десятин справится наша семья в период наибольшего напряжения труда.

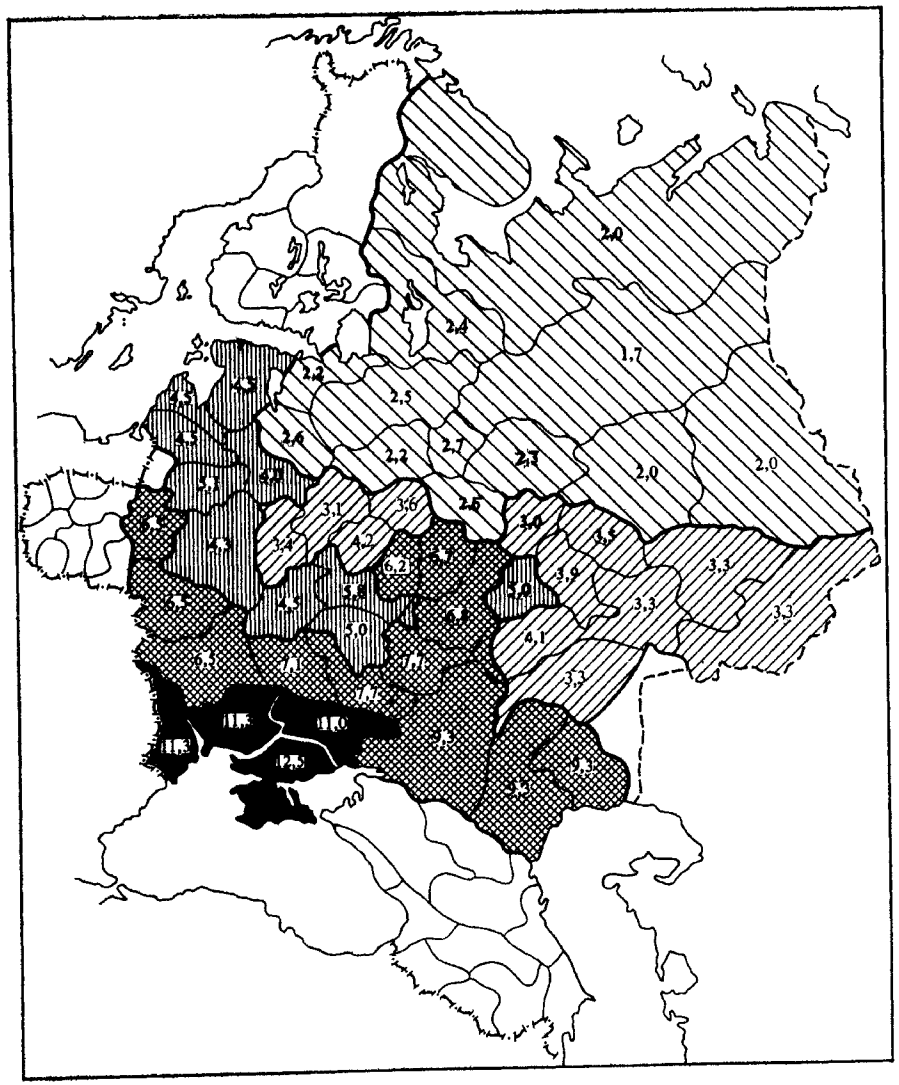
Если этим периодом считать время уборки урожая, то нижеследующая картограмма, построенная Н. П. Макаровым, дает приблизительное представление о трудовой норме посева зерновых хлебов.

Значительная разница между севером и югом объясняется различием в технике (серп, коса, жатка и пр.).

К площади посева зерновых надлежит прибавить соответственно установленному севообороту второстепенные культуры, дающие максимум напряжения труда в другие периоды, и тогда в сумме мы получим посевную площадь, определяющую собой размеры полевого хозяйства.

Если условия землепользования не дают возможности развить в полной мере исчисленную таким образом площадь, то ее приходится определять, сообразуясь с ними, и путем пересмотра состава культур и методов технической обработки несколько интенсифицировать хозяйство, дабы ценою данного понижения оплаты единицы труда дать возможность и на сокращенной площади развить в значительной полноте рабочие силы семьи.

Потребительская норма, имеющая большое значение при аграрных проблемах, для нас особого значения не имеет в виду значительного развития промыслов в русском крестьянском хозяйстве. Однако если понимать ее как ту площадь полевого хозяйства, при которой крестьянская семья сможет покрыть

свои потребности до степени, соответствующей низшему из наблюдаемых бытовых уровней потребления или другим уровням благосостояния, то, согласно работам того же Н. П. Макарова, мы будем иметь для среднего по размерам хозяйства центральной полосы Тамбовской губернии:

Трудовые нормы посева зерновых по Н. П. Макарову

Фактическое землепользование семьи	9,8
Потребительская норма:	
средний уровень потребления	9,8
высший уровень потребления	12,8

Трудовая норма при использовании в сельском хозяйстве времени, уходящего на промыслы:	
всего	15,7
1/2	12,8
1/4	11,3

Для Вологодского уезда имеем:

Фактическое землепользование	7,8
Потребительская норма:	
средний уровень потребления	6,0
повышенный уровень потребления	7,9
высший уровень потребления	10,6
Трудовая норма при полном использовании на сельское хозяйство и всего промыслового времени	10,0

Сопоставления Н. П. Макарова особенно интересны тем, что они наглядно показывают, что предельная трудовая норма не может дать крестьянину того высокого уровня потребления, который наблюдается у наиболее зажиточных слоев деревни и базируется на квалифицированных промыслах или нетрудовых доходах.

ТЯГА

Законченный нами расчет полевых культур дает нам основания для исчисления необходимой в хозяйстве тяги, так как 9/10 нужды в ней падает на полевое хозяйство.

Так, например, по Старобельскому уезду имеем:

Затрачено рабочих дней лошади	(в %)
На полеводство	92,7
На луговодство	2,3
На лес	1,0
На огород	4,0
Всего по хозяйству	100,0

На севере несколько большее количество затрачивается конной работы на луга и лес, однако более точных подсчетов мы не имеем.

Не ставя своей целью дать практическое руководство по организации крестьянских хозяйств, мы не будем разбирать на этих страницах все возможные виды тяги и ограничимся только расчетом тяги конной как наиболее распространенной.

Расчет потребного количества лошадей ведется так же, как и определение трудовой нормы землепользования по критическому периоду в организации труда. Только ход рассуждений здесь обратный.

Исчисляя трудовую норму, мы брали возможное напряжение труда семьи в течение всего критического периода и вычисляли, с какой площадью этот труд сможет справиться; при расчете же тяги площадь является данной, и мы должны раз-

решить вопрос, какое количество лошадей необходимо, чтобы справиться с данной посевной площадью в критический период напряжения труда лошади.

Деля массу необходимой конной работы на норму производительности труда лошади, мы получаем искомую цифру, которую и дополняем до целого числа.

Для Волоколамского уезда имеем (см. также диаграмму, с. 324):

Затраты рабочих дней лошади на одну десятину посева

	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Ноябрь — декабрь	Всего
Ржи	0,2	0,4	11,9	2,6	10,5	0,3	0,9	26,8
Овса	2,2	7,5	—	—	1,0	2,0	0,3	13,0
Льна	5,4	7,8	—	—	3,1	1,8	2,6	20,7
Картофеля	2,6	13,4	2,6	—	—	6,1	—	24,7
Клевера	—	—	1,0	3,4	0,1	0,3	—	4,8

Вполне естественно, что при таком методе установления размеров необходимой тяги количество лошадей в хозяйстве должно быть более или менее строго пропорционально посевной площади хозяйства.

Так, например, имеем для Старобельского уезда:

Посевная площадь и рабочий скот

Посевная площадь на одно хозяйство (дес.)	На одно хозяйство приходится		На одну десятину приходится голов
	десятин посева	голов рабочего скота в переводе на рабочую лошадь	
0,01—3,00	1,76	0,59	0,33
3,01—7,50	5,56	1,89	0,34
7,51—15,00	11,60	4,32	0,37
15,01—∞	23,09	7,08	0,31
	9,62	3,18	0,33

Таким образом, в Старобельском уезде на одну лощадь приходится 3,00 дес. посева; для других районов имеем: Волоколамский уезд — 2,6 дес. посева, Гжатский уезд — 2,5, Поречский уезд — 3,2, Сычевский уезд — 3,3 и Дорогобужский уезд — 2,4 дес. посева.

Зависимость количества лошадей от критического периода в организации их труда и крайне неравномерное распределение их труда во времени приводят к тому, что бо́льшую часть

Затрачивается рабочих дней лошади на одно хозяйство

	Январь	Февраль	Март	Апрель		Май		Июнь		Июль		Август		Сентябрь		Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
				1-я п	2-я п	1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.	1-я п.	2-я п.				
Посевы:																			
ржи	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	—	16	—	—	—	—	—	—	38
овса	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
льна	—	—	—	—	8	8	—	—	—	—	—	—	6	—	—	1	—	—	23
картофеля . . .	—	—	—	—	0,5	2	—	0,5	0,5	—	—	—	—	1	—	—	—	—	4,5
клевера	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Сенокосы лугов . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	4
Возка дров	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	12
Другие хозяйственные работы . . .	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Наем в другие хозяйства	20	—	—	—	—	—	—	—	2	6	—	—	1	—	—	—	—	8	37
Выезды семьи . . .	6	6	6	6	2	2	2	4	—	2	2	1	2	2	6	6	6	8	69
Всего . . .	26	6	6	6	10,5	12	5	4,5	24,5	8	8	17	9	3	6	7	6	28	192,5

года лошадь крестьянского хозяйства не имеет работы и вообще используется очень мало. Вышеприведенная таблица распределения конской работы в льноклеверном хозяйстве Ивана Кокушкина в деревне Новоселки Серединской волости Волоколамского уезда дает нам наглядную картину использования 2 лошадей хозяйства (см. также диаграмму, с. 325).

Из таблицы наглядно видно, что, несмотря на малое использование лошадей, Иван Кокушкин не может обойтись одной лошадью, так как во второй половине июня и первой половине августа потребность его в упряжной силе превышает силы одной лошади, полагая их в 12 рабочих дней в полумесяц.

Сопоставляя указанные цифры с данными по другим районам, мы имеем:

На одну лошадь приходится работ по хозяйству

	Всего рабочих дней в году	Процент использования	На 1 дес. пашни рабочих дней лошади	На 100 рабочих дней людей приходится рабочих дней лошади
Волоколамский . .	48,6	16,6	12,3	29,3
Гжатский	48,6	13,3	14,8	27,1
Поречский	79,6	21,8	12,6	31,2
Сычевский	67,6	18,5	7,8	32,2
Дорогобужский . .	68,5	18,8	12,5	25,2

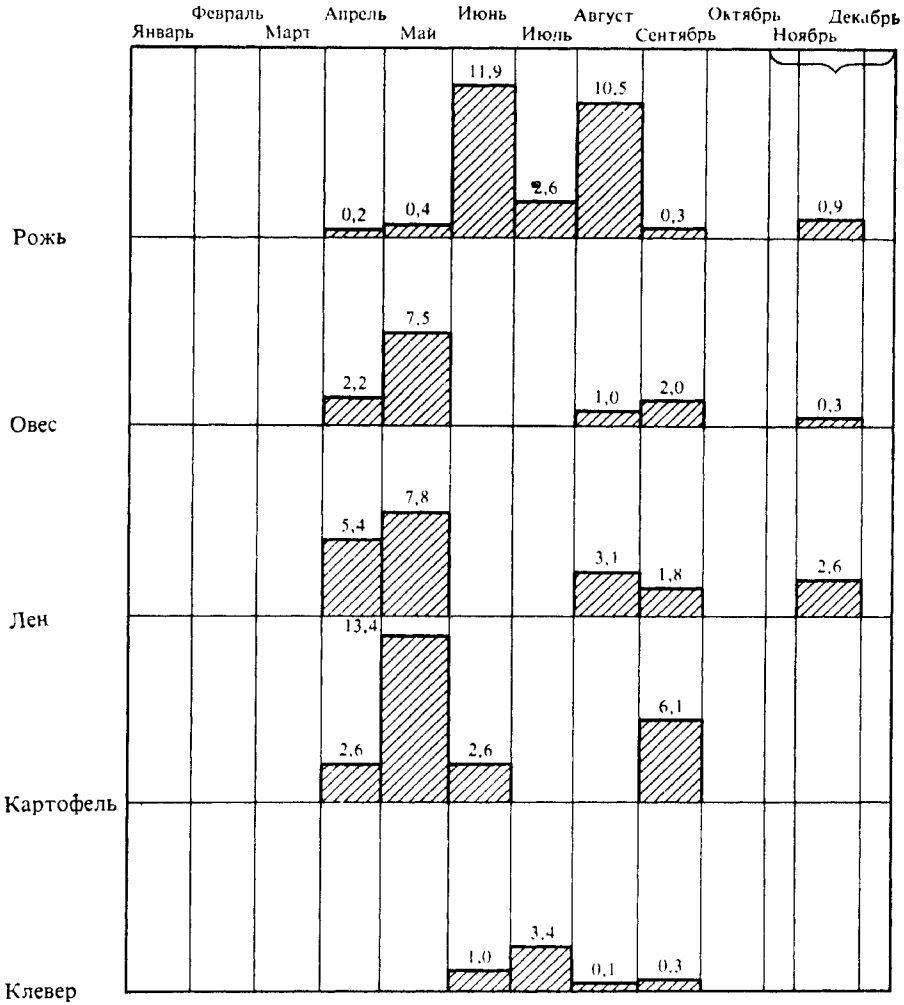
Это малое использование лошадей показывает нам, что, несмотря на сенное кормление, русская крестьянская лошадь мало сношена, долго служит и имеет в общем малый коэффициент падежа.

Малый коэффициент использования лошади приводит к тому, что тяга обходится нашему крестьянскому хозяйству недешево.

Так, по Волоколамскому уезду имеем следующий счет рабочих лошадей для среднего крестьянского хозяйства с 2,52 лошади.

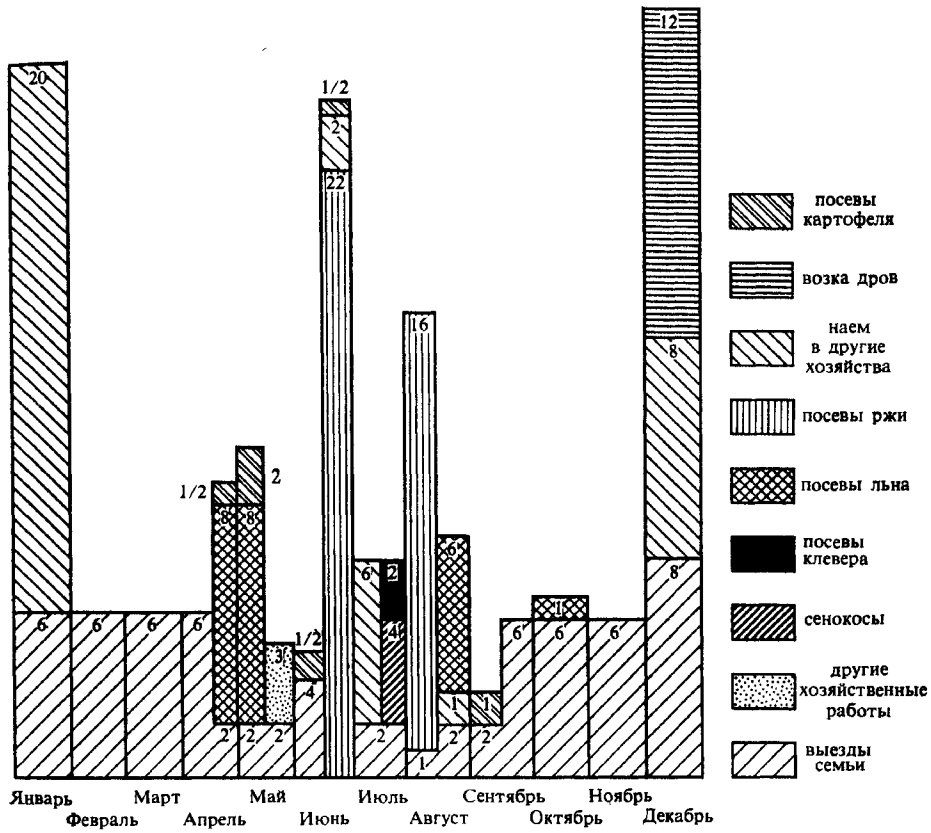
Дебет		**Кредит**	
Стоимость лошадей в начале года	113,10	Стоимость лошадей в конце года	125,75
Куплено лошадей в течение года	6,70	Навоз (1818,6 пуда) . . .	12,76
Доля общих расходов . .	18,89	Получено за навоз . . .	15,93
Работа по уходу за лошадьми	11,94	Работы в своем хозяйстве (104,6 дня по полеводству, 5,1 — по лугу, 19,7 — по общим работам и 52,0 — по обслуживанию семьи) обошлись хозяйству . .	124,34
Корма	120,67		
Прочие расходы	7,45		
Всего . . .	278,75	Всего . . .	278,78

Следовательно, 1 рабочий день лошади обошелся в 68,5 коп.

Затрата рабочих дней лошади на 1 дес. посева по месяцам

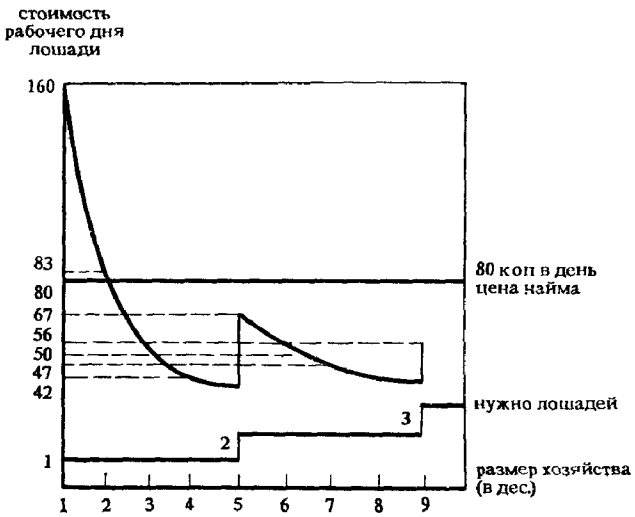
Само собой понятно, что при дальнейшем уменьшении использования лошади стоимость ее содержания, делимая на все меньшее и меньшее число рабочих дней, приводит к такой высокой стоимости тяги, что крестьянам становится невозможным содержать лошадь и выгоднее ее нанимать, хотя бы и за очень высокую плату. Так, при 30 рабочих днях лошади на десятину и 50 руб. стоимости содержания лошади имеем стоимость рабочего дня (см.: табл., с. 325; график, с. 326):

Затрачивается рабочих дней лошади на одно хозяйство

Размер хозяйства (дес.)	Нужно лошадей	Стоимость 1 рабочего дня лошади (коп.)	Убыток или прибыль по сравнению с наймом по цене 80 коп. за день
1	Одна	160	—80
2	»	83	—3
3	»	50	+30
4	»	42	+38
5	Две	67	+13
6	»	56	+24
7	»	47	+33
8	»	42	+38
9	Три	56	+24

Эти цифры и дают нам экономическое обоснование так сказать рациональной безлошадности.

Стоимость рабочего дня лошади

Несомненно, что во многих случаях состояние безлошадности объясняется тем, что крестьянин, у которого пала или украдена лошадь, не имеет возможности выделить из своих скудных доходов такого количества денег, которое необходимо для приобретения новой лошади.

Однако для малосильных хозяйств крестьянской семьи просто невыгодно иметь лошадь, и они предпочитают ее нанимать, часто вместе с работником.

На этой почве иногда случаются, например в Вологодской губернии, любопытные случаи, когда полупролетаризированная семья является в качестве нанимателя зажиточного крестьянина, который в данном случае является рабочим, не только получающим полную оплату своего труда, но и берущим долю с оплаты труда своего хозяина.

КОРМОДОБЫВАНИЕ

Окончив расчет рабочего скота, мы не можем перейти к организации продуктивного скотоводства без предварительного исчисления кормовых ресурсов хозяйства.

Как это ни покажется странным для читателя-неагронома, организация кормодобывания является едва ли не центральным пунктом организации хозяйства.

Нет ни одной отрасли хозяйства, которая так или иначе не была бы связана с организацией кормов, одни — как поставщики кормовых средств (луг, выгон, полеводство, домоводство), другие — как потребители скормленных кормовых запасов.

Поэтому всякое изменение в организации любой отрасли хозяйства в той или иной степени отражается и на организации кормодобывания, а часто через него и на других отраслях организационного плана. Так, например, в литературе неоднократно отмечалось разлагающее влияние льняной культуры в трехпольном крестьянском хозяйстве, выражающееся в том, что введение льна в состав трехпольного хозяйства, где кормодобывание базируется по преимуществу на яровых соломах, сокращало этот кормовой фонд, сокращая тем самым скотоводство и производство навоза и в силу понижения удобрения приводя к истощению почвы.

Практически в пределах русского крестьянского хозяйства кормодобывание строится по двум типам расчета различно:

1) при избытке естественных кормовых запасов;
2) при резко выраженном недостатке их.

В первом случае, когда в хозяйстве имеются огромные скопы яровых солом (экстенсивно-зерновое хозяйство юго-востока), естественных выгонов (Сибирь и северо-восток Европейской России) или в изобилии поступают отбросы технических производств (районы свеклосахарного и винокуренного производств), проблема кормов сводится к проблеме наиболее полного их использования той или иной формой продуктивного скотоводства.

Тут не кормодобывание строится по необходимому скоту, а, наоборот, скот строится по естественно получаемым кормам. Одной из форм использования массы тяжелых гуменных кормов и технических отбросов является переход от конной на воловую тягу и организация мясорабочего скотоводства.

Однако в большинстве русских губерний мы встречаемся с прямо противоположным типом расчета, обусловливаемым наличностью кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормовыми ресурсами хозяйства.

Небольшой расчет, который, помимо всего прочего, является контрольным расчетом для всех ранее рассмотренных разделов организационного плана, легко укажет нам на положение вещей в большей части крестьянских хозяйств Европейской России.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ТРЕХПОЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

I. Обычная крестьянская семья состоит из 6 душ, что, приравнивая детей по потреблению к взрослым, равно 3,5 полного взрослого едока.

II. Для 3,5 едока нужно в год по 20 пудов хлеба на едока, что составит на семью — $20 \times 3{,}5 = 70$ пудов.

III. Для чего при урожае с 1 дес. 50 пудов (за вычетом семян) необходимо иметь — $70 : 50 = 1{,}4$ дес. посева ржи (озимой).

IV. При трехполье это будет соответствовать 1,4 дес. озими + 1,4 дес. яровых + 1,4 дес. пара, или всего 4,2 дес. пашни.

V. Для обработки 2,8 дес. посева хозяйство должно иметь одну лошадь (одна лошадь может обслужить до 4 дес. посева).

VI. Для 1,4 дес. пара при обычном крестьянском увале в 1500 пудов навоза на 1 дес. необходимо иметь $1500 \times 1{,}4 = 2100$ пудов навоза.

VII. Одна средняя голова крупного скота при нормальном крестьянском кормлении дает около 500 пудов навоза. Таким образом, для получения 2100 пудов навоза нужно иметь 4,2 головы крупного рогатого скота, что соответствует, например, следующему составу стада: 1 лошадь, 2 коровы, 2 головы мелкого скота.

VIII. Для зимнего содержания этого скота при 180 днях постоя в стойле, нужно по 125 пудов сена на голову, что составит — $4{,}2 \times 125 = 525$ пудов сена.

IX. При среднем по России урожае лугов в 100 пудов для получения этого количества сена необходимо $525 \times 100 = 5{,}25$ дес. луга, что составит на 1 дес. пашни 1,24 дес. Вся же хозяйственная площадь (пашня, луг) будет равна 9,45 дес. или с усадьбой 10 дес.

X. Если же мы примем урожай лугов за 90 пудов, что более соответствует нашим суходольным лугам, то отношение $\frac{\text{луг}}{\text{пашня}}$ будет равно 1,40.

Однако далеко не везде крестьянские хозяйства могут иметь такое изобилие лугов; у нас на севере России только в Вологодской губернии находятся селения, где на каждую десятину пашни приходится свыше десятины луговой земли.

В остальных местах благодаря земельному утеснению приходится луга распахивать и добычу кормов переносить на пашню, сообразно чему изменяется и конец нашего расчета. Положим, что у нас 1,4 дес. ярового поля, целая десятина засевается овсом, который дает с десятины 70 пудов корма.

Полагая, что 10 пудов овсяной соломы идет за 6 пудов сена, мы получим замену соломенным урожаем лугового сена, и нам

в хозяйстве нашем нужно будет не 525 пудов его, а всего только 466 пудов, что потребует 4,66 дес. луга.

Тогда отношение луга к пашне будет таково, что в наших селениях на 10 дес. пашни будет приходиться 11 дес. луга, а общая площадь под лугом и пашней в хозяйстве будет не 9,45, а 8,86 дес.

Если малоземелье не позволяет хозяйству нашему иметь и такое количество земли, то придется сократить количество скота и ослабить удобрение полей или же, что лучше, часть полей засеивать травами.

Настолько серьезные затруднения в кормодобывании мы встречаем при организации потребительского хозяйства. Само собою понятно, что эти затруднения многократно увеличиваются, поскольку мы поставим своей задачей развить скотоводство как товарную промышленную отрасль хозяйства и будем пытаться повысить развитием интенсивности хозяйства уровень благосостояния крестьянских семей.

Три прилагаемые далее таблицы в достаточной мере указывают нам на разнообразие и напряжение, с какими крестьянское хозяйство в разных обстоятельствах справляется с задачей получения кормов (см. также диаграмму, с. 332).

Прежде всего посмотрим, как строится кормодобывание в трехпольном хозяйстве, обильно снабженном лугами; примером такого хозяйства мы можем считать среднее хозяйство Вологодского уезда, которое имеет:

Пашни	3,7 дес.
Луга	6,1 дес.
Пашни и луга	9,8 дес.
Скота:	
лошадей	0,9 головы
коров	2,1 головы
мелкого скота	2,4 головы
птицы	3 штуки
Всего в переводе на крупный	3,6 головы
Израсходовано на содержание скота:	
сена лугового	499,0 пуда
соломы (яровой и озимой)	93,0 пуда
мякины	26,2 пуда
присыпки	6,1 пуда
зерна	24,0 пуда
Всего	648,3 пуда

Таким образом, несмотря на то что хозяйство имеет на каждую десятину пашни более 1½ дес. луга, хозяйство смогло держать менее 4 голов крупного скота, что объясняется плохими урожаями сена, получаемого с северных суходольных лугов, и очень продолжительным стойловым содержанием в долгую северную зиму.

Однако если количество кормов, собранных вологодским хозяйством, невелико, то их качество очень высоко, так как грубые соломистые корма составляют менее ⅕ всех кормов.

Совершенно иначе складывается кормовой запас в южном трехпольном хозяйстве Воронежской губернии, где почти все земли распаханы под пашни и которое имеет:

Пашни	10,1 дес.
Луга	1,2 дес.
Пашни и луга	11,3 дес.
Скота:	
лошадей	1,6 головы
волов	1,0 головы
коров	1,2 головы
мелкого скота	16,0 головы
Всего в переводе на крупный	7,8 головы
Израсходовано на содержание скота:	
сена лугового	108,8 пуда
соломы (озимой и яровой)	594,0 пуда
мякины	143,0 пуда
присыпки	34,4 пуда
зерна	40,0 пуда
Всего	921,1 пуда

При малом сроке зимнего стойлового содержания (140 дней против 180 в Вологде) эти запасы, в 1,5 раза превышающие вологодские, позволяют содержать в 2 раза большее количество скота. Зато качество корма не может быть названо хорошим, так как ¾ его составляют грубые корма, чем объясняется бóльшая смертность скота нашего юга и большее количество мелкого скота. Кормодобывание перенесено здесь почти целиком на пашню и построено на использовании отбросов полевого урожая.

Совершенно другое видим мы в клеверных хозяйствах Волоколамского уезда, где благодаря клеверу хозяйство создает себе исключительно обильные кормовые запасы.

Волоколамское хозяйство имеет:

Пашни	7,1 дес.
Луга	2,2 дес.
Пашни и луга	3,3 дес.
Скота:	
лошадей	2,5 головы
коров	2,4 головы
мелкого скота	3,5 головы
Всего в переводе на крупный	6,1 головы
Израсходовано на содержание скота:	
сена лугового	298,4 пуда
сена клеверного	429,0 пуда
соломы озимой	271,0 пуда
соломы яровой	92,0 пуда
зерна	56,6 пуда
жмыха	6,2 пуда
Итого	1153,3 пуда

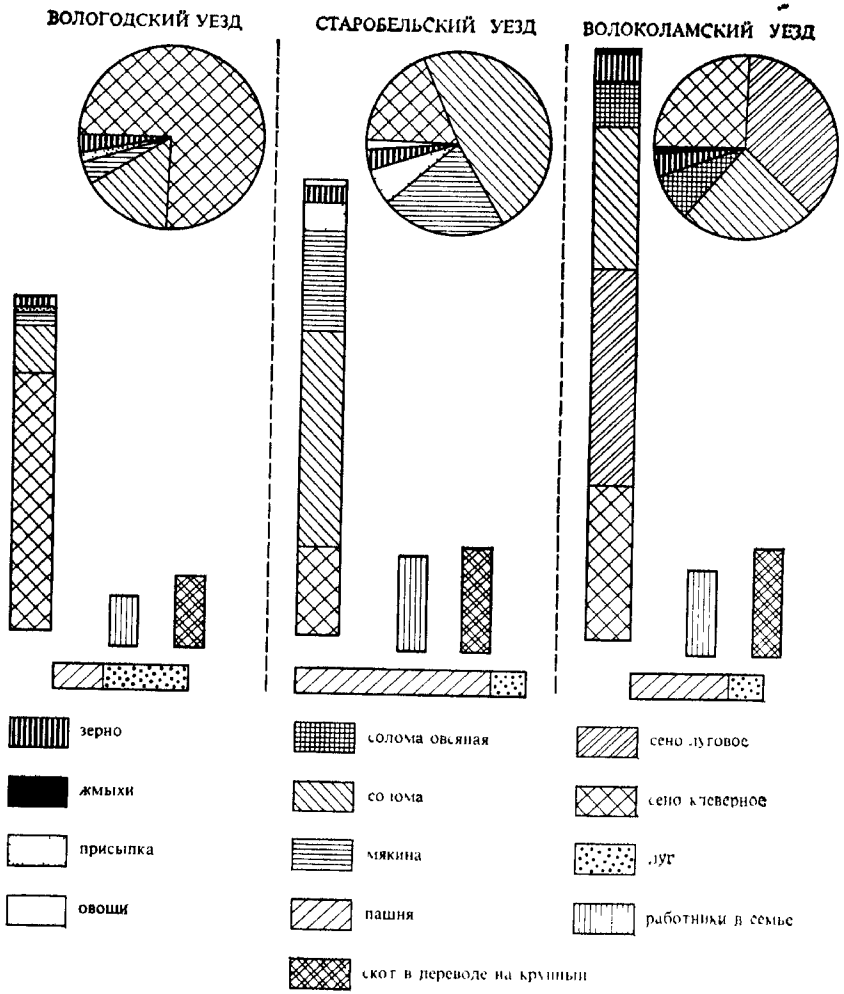
Просматривая таблицу, мы видим, что благодаря введению клевера Волоколамское хозяйство, не увеличивая площади лугов, создало себе обильные и прекрасные по качеству кормовые запасы.

Насколько хорошие результаты приносит хозяйству введение травосеяния, мы можем судить по следующей небольшой таблице, составленной московскими статистиками и описывающей, какие изменения происходят в скотоводстве после более или менее продолжительного травосеяния.

Влияние травосеяния на крестьянское хозяйство

	На 100 дворов приходится лошадей	Средний вес живой коровы	Средний удой коровы в год
Селение без травосеяния	115	16 пуд. 24 ф.	98 ведер
Селения, сеющие травы от 1 до 3 лет	115	17 пуд. 16 ф.	111 ведер
Селения, сеющие травы от 3 до 13 лет	126	19 пуд. 32 ф.	113 ведер
Селения, сеющие травы более 13 лет	129	19 пуд. 12 ф.	123 ведра

Мы видим, как по мере укрепления травосеяния и сопутствующего ему улучшения кормовых запасов хозяйства значительно увеличивается количество лошадей. В хозяйствах крестьян, приступивших к травосеянию, растет средний вес коровы и стремительно поднимается ее удойность, прирастающая через 13 лет клеверосеяния на 30 %. Таковы обильные плоды, прино-

Организация кормодобывания

симые введением травосеяния. Однако хозяин наш, желающий по-новому устроить свое хозяйство, не может остановиться на увеличении количества кормов в своем хозяйстве; для него немаловажно также улучшение качества этих кормов.

Как видно из таблиц, кормовые ресурсы хозяйств крайне ограничены и предоставляют весьма малый простор для развития продуктивного скотоводства, требующего для своего развития особых мер.

В приведенном примере кормовой эффект травосеяния особенно нагляден; в районах, где условия делают особенно выгодным развитие молочного или свиного хозяйства, кормовые запасы усиливаются или введением в сенооборот кормовых клубно-корнеплодов, или покупкой концентрированных кормов (жмыха и отрубей).

В еще более тяжелых условиях находится в России вопрос о летнем выпасе. Недостаток сухого корма, помимо всех других соображений, делает переход нашего скотоводства к стойловому содержанию маловероятным — отсутствие хороших выгонов заставляет использовать для выгона скота все угодья, дающие хоть какой-нибудь кормовой запас. Крестьянский скот с огромным вредом для хозяйства пасется на угодьях, лугах до заказа, в лесу, в паровом поле, в лугах по их скосе и по жнивью, разрушая своими ногами структуру почвы и причиняя неимоверные убытки лесному хозяйству.

Некоторые собранные нами статистические справки дают следующую малоотрадную картину.

Вологодская губерния Тотемский уезд: мы имеем в среднем за несколько лет, что начинают гонять: 24 дня — по пару, 2-х третным лугам на пашне, на лугах до заказов, на яровом поле до посева (типичное русское использование), это составит 17 % всего времени. Следующие 60 дней — 14 % всего времени — гоняют по специальному выгону и лесу; далее 19 дней — 13 % времени — гоняют на полях по озимому жнивью и по отаве (лугов). Далее 42 дня, до постановки в стойле, т. е. 29 % всего времени, гоняют по пустошам, жнивью яровых и лесу. Всего 100 % времени, а дней — 145.

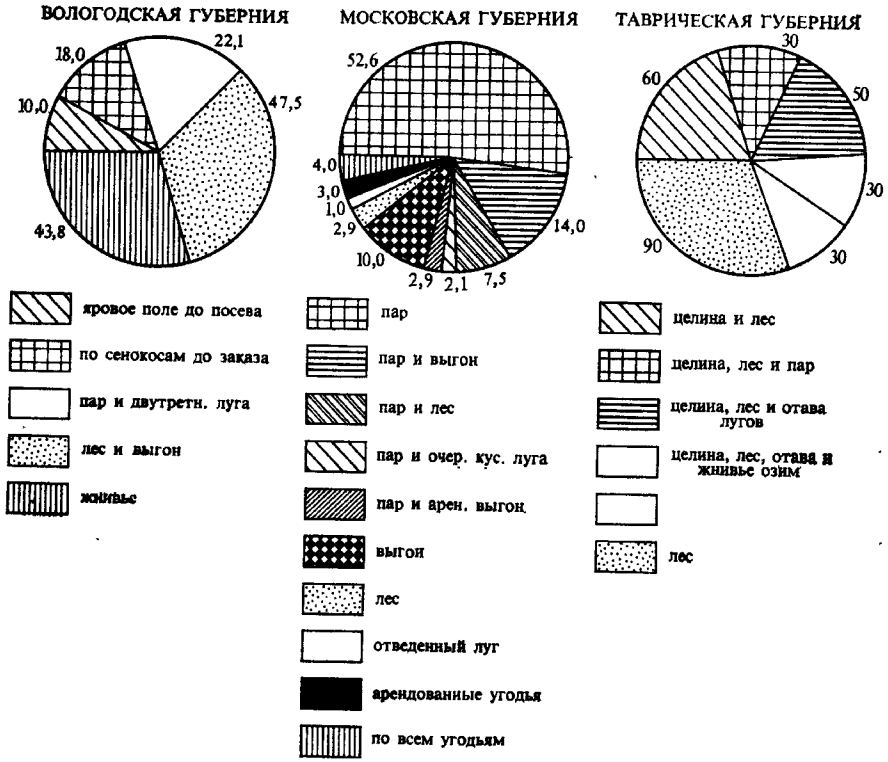
Все использование, по подсчетам, равно на голову — 64 пуда сена. Таким образом, мы видим, что специальный выгон служит для пастьбы лишь 40 % всего времени и то наполовину с лесом. Это данные для севера Вологодской губернии. Теперь приведем данные по Вологодскому уезду.

Среднее за 5 лет (в днях)

Яровое поле до посева	10,9	Тип тот же, выгон фигурирует очень мало времени как выгон
По сенокосам до заказа	18,0	
Пар и двутретние луга	22,1	
Лес и выгон	47,5	
Жнивье	43,8	
Всего . . .	152,2	

Московская губерния. Данные за 1912 г.

1-й период. 18-го апреля был выгон скота, появление зелени было 2 мая, следовательно, 14 дней был мертвый период, скот надо было прикармливать дома, он только ходил по полю, но не кормился от поля, до 20 мая он пасся на заливных лугах до заказа.

Распределение времени годового выпаса по угодьям

2-й период. В качестве выгона используется пастьба различная по разным деревням (всего 730 деревень):

	(% селений)
Пар	50,4
Пар и выгон	14,0
Пар и лес	7,5
Пар и очередн. кус. луга	2,1
Пар и арендованный выгои	2,9
Выгон	10,0
Лес	2,9
Отведеиный луг	1,0
Арендоваиные угодья	3,0
По всем угодьям	4,0

Из этой таблицы мы видим, что используются главным образом пар, а затем лес и около 20 % служит специальный выгон.

Теперь обратимся на крайний юг к Таврической губернии, где под выгон идет (в днях):

Целина и лес	60
Целина, лес и пар	30
Целина, лес и отава лугов	50
Целина, лес, отава и жнивье озим.	30
Целина и лес	30
Лес	90

Если даже принять целину за выгон, то и тут лес, пар, отава и жнивье используются как выгон.

Как видно, для выгона в жертву приносится все, и это в еще большей степени делает кормовой вопрос основным и наиболее острым вопросом нашего агрономического мышления.

ПРОДУКТИВНОЕ СКОТОВОДСТВО

Примерный расчет кормов, произведенный нами в предыдущем разделе главы, в то же время определяет собой и количественные возможности для продуктивного скотоводства. Характер кормовых запасов хозяйства, рыночные условия и, наконец, наличность рабочей силы людей и потребности в тяге и навозе — вот те факторы, которыми определяется тип скотоводства.

Проф. А. Н. Челинцев, много внимания посвятивший изучению скотоводства *, отметил, что в районах интенсивного хозяйства очень большое развитие получает свиноводство; и наоборот, в экстенсивных хозяйствах с качественно плохими кормовыми запасами — овцеводство, благодаря чему перелом интенсивности скотоводства вполне может явиться отношением числа свиней к числу овец.

Что же касается крупного рогатого скота, то из трех возможных направлений его *рабочемясное*, базирующееся на использовании большого количества гуменных остатков или технических отбросов, характеризуется естественно бо́льшим процентом волов.

Из двух других наиболее интенсивное *молочное* направление обусловливает в составе стад большой процент коров (по А. Н. Челинцеву — до 75 %), в то время как *мясное*, формирующее нагульный мясной скот, естественно дает значительное понижение процента коровности.

Само собой понятно, что в каждом из перечисленных типов организационные основы продуктивного скотоводства носят совершенно отличный характер.

Рассмотрение их во всем многообразии возможных форм потребовало бы от нас десятки, если не сотни, страниц. Поэтому мы, подходя к организационным построениям исключительно для освещения их с точки зрения стоящих перед нами общеэкономических проблем, остановим свое внимание только на двух моментах:

1. На изучении состава стад и движении этого состава во времени, дабы на этом примере проследить взаимоотношения

технического и экономического моментов в определении форм капитала в сельскохозяйственном предприятии.

2. На изучении общего годового оборота скотоводства, дабы ознакомить читателя с производящим аппаратом крестьянского хозяйства в области животноводства.

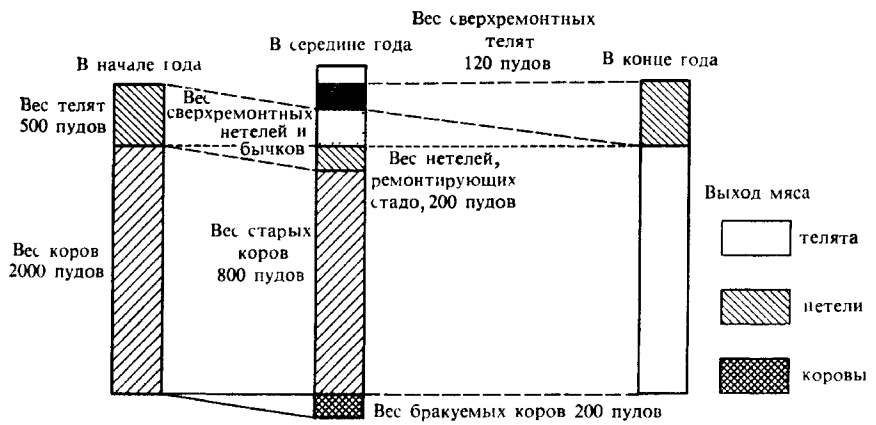
Для ответа на первый вопрос мы прежде всего должны будем остановиться на теоретическом анализе развития стад.

Примем размер стада в 1925 г. в 100 коров весом по 20 пудов каждая и 50 годовалых телят весом по 10 пудов, в течение года 10 коров за старостью будут подлежать браковке и 80 коров дадут по одному теленку.

Очевидно, для того чтобы стадо и в конце года оставалось в том же составе, необходимо, чтобы в течение года 10 нетелей перешли в состав коров, заменяя собой выбывших, а 50 из новорожденных телят составили собой будущих годовалых телок — эти 60 голов составят собой *ремонтный молодняк*, необходимый для поддержания стада в том же составе.

Все же остальное количество молодняка в виде 40 нетелей и бычков и 30 телят представят собой сверхремонтный молодняк, могущий без ущерба для стада идти под нож или на продажу вместе с выбраковываемыми 10 коровами и составить собой доход хозяйства.

Выражая коров и молодняк не в числе голов, а в пудах живого веса, мы можем представить развитие стада в нижеследующем графике:

Рассмотрев описанный механизм развития стада, мы можем видеть и способы его регулирования. Очевидно, для органического нарастания стада достаточно из состава молодняка бóльшую долю, чем обычная норма, причислять к составу ремонтного и, сократив выход мяса на рынок, уже на следующий год получить прирост основных кадров (голов.— *Ред.*) стада.

Этот прием не может быть применен только в том случае, если молодняк будет выбит настолько, что его не хватит даже для обычного ремонта. Ясно, что в этом случае процессу нарастания взрослого кадрового стада должно предшествовать накопление кадров молодняка.

Несомненно, что для единичного хозяйства, обладающего не 100, а 23 коровами, рассмотренные процессы не будут столь очевидными, но их характер и смысл будут те же.

Две нижеследующие таблицы дают нам возможность сопоставить наш теоретический расчет с фактами действительности.

Состав и движение капитала, вложенного в скот

(в руб.)

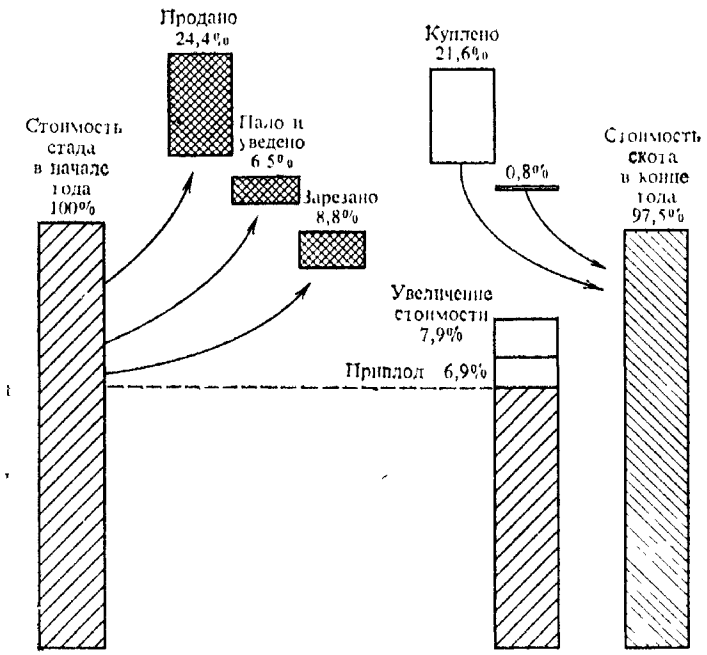
Группы по размеру посева на одно хозяйство	Стоимость скота в начале года	Продано на сумму	Пало и уведено	Зарезано	Куплено на сумму	Увеличена стоимость в течение года	Приплод на сумму	Получено натурой со стороны	Стоимость скота в конце года
0,00	19,9	10,4	0,7	4,3	12,2	1,5	1,7	—	19,9
0,01—3,00	50,2	40,1	0,7	2,7	42,2	3,2	1,6	0,5	54,2
3,01—7,50	228,8	71,7	22,6	22,4	68,1	28,4	17,4	0,3	226,9
7,51—15,00	539,0	138,1	31,8	49,0	123,7	31,2	33,9	0,1	519,0
15,01—∞	961,0	184,6	59,5	79,2	145,9	69,3	69,9	14,2	937,0
Среднее . . .	412,4	100,7	26,8	36,1	88,9	32,4	28,6	3,3	402,0

Внимательное рассмотрение таблицы указывает нам, что исследованный нами год сложился весьма неблагоприятно для скотовладения старобельских хозяйств и привел к заметному сокращению стоимости стада. Причем означенное сокращение может объясняться как высоким процентом падежа, так равно и значительным перевесом продаж скота над покупкой; выражая средние по всем хозяйствам величины в процентах к стоимости скота в начале года, мы получим следующий учет движения капиталов в скоте в течение года.

Стоимость стада и ее изменения в течение года на одно среднее хозяйство в процентах к стоимости стада в начале года[30]

	(в %)
Стоимость стада в начале года	100,0
Куплено скота на сумму	21,6
Получено натурой со стороны	0,8
Приплод	6,9
Увеличение в стоимости животных	7,9
Продано на сумму	24,4
Пало и уведено	6,5
Зарезано	8,8
Стоимость скота в конце года	97,5

[30] Сюда входит увеличение стоимости выросших животных, а также всякие другие изменения в стоимости животных, обнаруженные при сопоставлении оценок начала и конца года.

Стоимость стада и ее изменения в течение года на одно среднее хозяйство в процентах к стоимости стада в начале года

При сравнении полученных данных с исследованиями других районов мы можем отметить повышенный процент падежа и пониженный процент приплода.

Крупнейшим отличием таблицы от нашей схемы является, помимо органического роста, еще и наличность покупок скота, совершаемая притом в таких размерах, которые указывают на значительную подвижность этого вида капитала крестьянского хозяйства: действительно, как мы увидим ниже, скот является наиболее подвижным из составляющих основной капитал элементов крестьянского хозяйства, ибо он реализуется на рынке легко и без больших потерь в цене.

Благодаря этому скот часто принимает характер запасного капитала, и в годы урожаев крестьяне запускают в свои стада большое количество молодняка, с тем чтобы в годы заминок с него же и начать реализацию этого запасного фонда.

Проф. А. Н. Челинцев, исследовавший соотношение между ценами на мясо и на корма, пришел к совершенно парадоксальному на первый взгляд выводу, утверждающему, что эти цены обратно пропорциональны, т. е. чем дороже корма, тем дешевле мясо *.

Отмеченное нами значение скота как своеобразного запасного капитала вполне может раскрыть эту кажущуюся несообразность.

В годы урожаев и сравнительного благополучия крестьянские хозяйства не имеют, во-первых, стимулов к ликвидации своего молодняка, а во-вторых, начинают увеличивать наличность скота, в который обращают свои сбережения и который очень легко может содержаться на дешевых кормах.

И наоборот, в годы бескормицы и высоких цен на зерно и сено хозяйства имеют нужду в реализации своего запасного капитала, содержание которого к тому же не окупается, и не бывают в состоянии содержать так много скота. Наступает бешеная и массовая реализация, роняющая цены до невероятных размеров; известно, например, что в голодный 1921 г. в Нижнем Поволжье мясо стоило дешевле хлеба.

Весьма интересна в этом отношении картина влияния урожаев на реализацию скота такого мясного района, как бывшая Область Войска Донского, по анализу проф. А. Н. Челинцева в его книге «Теоретические основания организации крестьянского хозяйства», сведенная нами в таблицу *:

Годы с урожаем (пуды)	Средний годовой вывод за год отмеченного урожая и последующий за ним (тыс. голов)
0—30	114,1
30—60	70,1
60 и выше	61,7

Рассмотрев, таким образом, сложение состава стада, мы можем перейти к хозяйственному обороту скотоводства.

Крупное рогатое скотоводство по своей природе может преследовать шесть целей:

1) продажу сверхремонтного молодняка как племенного материала;

2) продажу ремонтного стада и молодняка на мясо;

3) то же с предварительным откормом, а молодняка в большем возрасте;

4) работу волов и коров как рабочего скота;

5) изготовление навоза как удобрения;

6) молочное хозяйство и реализацию молока.

Для северной России наиболее распространенным типом является соединение 2-го, 5-го и 6-го заданий, причем 6-е задание становится главным и определяющим, дающим всему хозяйству уклон товарно-молочного производства.

Чаще же, однако, мы имеем перед собой навозное скотоводство с натуральным потреблением молока и попутной реализацией сверхремонтного молодняка.

Этот распространенный тип, соединенный с потребительным свиноводством и овцеводством, очень наглядно виден из прилагаемого счета продуктивного скотоводства среднего волоколамского хозяйства (с. 341).

Рассмотрение счета дает нам ясное понятие о жалком состоянии скотоводства: мизерное натуральное начинание, дающее, при условных бухгалтерских оценках, значительный убыток в 8,3 % к обороту; скотоводство не только не приносит почти никакого денежного дохода, но требует от хозяйства еще достаточных приплат. При трудовом же учете хозяйства труд, прилагаемый к хозяйству, не получает никакой оплаты.

Совершенно в ином виде представится нам развитое молочное скотоводство вологодского и других районов товарного молочного хозяйства, где оно и качественно, и количественно занимает значительно более заметное место.

Само собой понятно, что для достижения хорошего результата в скотоводстве нужна не только хорошая техника и организация дела, но не в меньшем, если не в большем, размере и рыночная конъюнктура, существующая для этой отрасли хозяйства.

Достаточно, например, в том же самом волоколамском хозяйстве цене ведра молока подняться с 50 коп. до 1 руб., как волоколамское молочное скотоводство стало бы доходным, расширилось бы и улучшило бы свою технику, что и имело место для ряда сел, лежащих вблизи железной дороги и охваченных развитием маслодельной кооперации.

Последним и в то же время важнейшим для нас вопросом животноводства является вопрос о его размерах и соотношениях с полеводством.

До сих пор мы определяли его исходя из имеющегося в наличии кормового базиса. Однако это педагогически нам необходимое допущение неверно или, точнее, очень условно, так как в любом хозяйстве размеры кормового фонда могут быть сужены или значительно форсированы при той же самой площади.

Одно и то же крестьянское хозяйство может иметь и одну, и две, и три головы крупного скота — в зависимости от обстоятельств.

Так как в каждом хозяйстве имеются гуменные остатки, кухонные отбросы и сено абсолютно луговых пространств, то каждое из них имеет некоторый побочно получаемый кормовой запас, состоящий из трудно реализуемых на рынке товаров и достаточный для содержания, помимо рабочего скота, еще одной по крайней мере головы скота продуктивного, совершенно

Счет продуктивного скотоводства

Из кредита счета	Дебет	Руб.	Руб.	Кредит	Руб.	В дебет счета
Капитала	Стоимость скота в начале года	155,40		Стоимость скота в конце года	144,15	Капитала
Кассы	Куплено скота в течение года	12,09		Продано скота в течение года	32,70	Кассы
Построек	За пользование постройками	7,54		Получено продуктов натурой:		176,85	Запасов
Общий расход	Доля общих расходов	6,77		молока 178,9 ведра	89,60	
Рабочих	За работу людей	23,79		мяса 6,2 пуда	35,74	
Запасов	Скормлено кормов натурой и подстилки	126,16		кожи	0,48	
				шерсти 9,9 фунта	3,36	
Кассы	Скормлено кормов купленных	10,83		навоза 1808,6 пуда	12,73	
Кассы	Расходы на пастушное и лечение	8,16				
			350,74	Продано продуктов:		141,91	Кассы
				молока 0,4 ведра	0,80	
				кожи	0,84	
				шерсти	1,00	
						2,4	
				Сальдо счета (убыток)		321,40	Сальдо
						29,34	
			350,74			350,74	

необходимого для производства навоза и представляющего наиболее выгодную форму использования побочных продуктов в виде переработки их в молоко, хотя бы для потребления семьи.

Эти головы скота и эти продукты (навоз и молоко) получаются хозяйствующей семьей с минимальными усилиями, почти что даром. Однако ресурсы хозяйства позволяют при несколько большем напряжении получить кормовую базу еще на одну голову, для чего нужно будет позаботиться о покосах, более тщательно собрать кормовые средства, может быть, приарендовать покос или подкупить немного сена; в этом случае, конечно, добываемые кормовые единицы не будут даровыми, но их цена все же не может быть очень высока.

Форсируя свои возможности далее, вводя кормовой клин в виде травосеяния или корнеплодов, создавая искусственные луга или выгоны, закупая концентрированные корма и переводя скот на стойловое содержание, хозяйство, конечно, может еще более увеличить свою кормовую базу и получить возможность содержать и третью, и четвертую, и, быть может, даже пятую корову, если, конечно, на уход за ними и дойку будет хватать рабочих рук семьи.

Эта форсация кормодобывания становится возможной, поскольку рыночная конъюнктура оплачивает повышение стоимости кормового семени.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ РАЗДЕЛЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПЛАНА

При рассмотрении организации полеводства, тяги и продуктивного животноводства нами с достаточной полнотой рассмотрены почти все основные вопросы организации производственных отраслей хозяйства. Так как в нашу задачу не входит составление руководства для организации хозяйства, то мы этим и ограничимся и вовсе не затронем организацию удобрения, огородничества, садоводства, побочных отраслей и проч. и сосредоточим все свое внимание на тех его элементах, в которых особенно наглядно могут выразиться установленные нами особенности крестьянского хозяйства.

В этих целях мы остановимся на:

а) организации территории;

б) организации труда;

в) организации инвентаря;

г) организации построек;

д) организации капиталов и денежного оборота, которые дадут нам возможность легко конкретизировать выводы предыдущих глав и собрать материал для последующих.

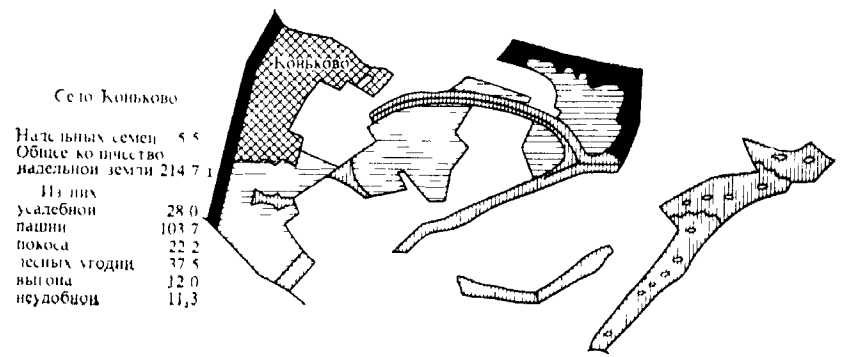
ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ

При организации крестьянских хозяйств почти всегда приходится считаться с исключительно плохим расположением их территории: исключительная чересполосность, длинноземелье и распыленность пахотных и луговых земель крестьянского двора нередко достигают совершенно гомерических размеров.

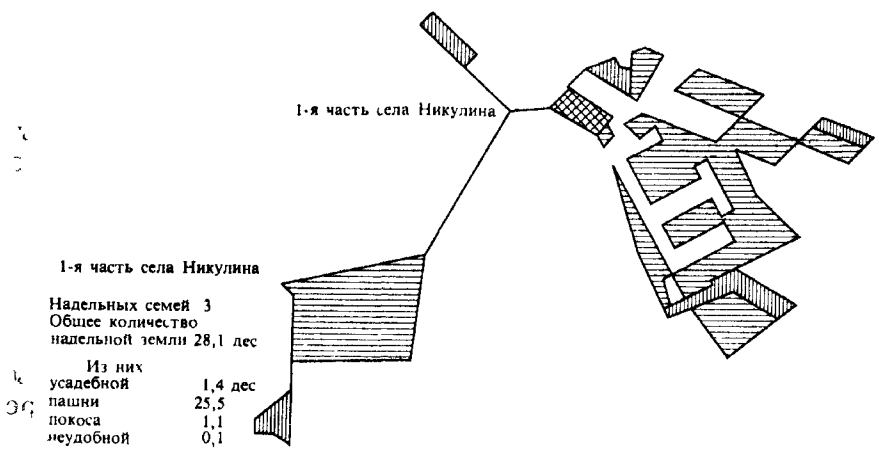
Виной тому являются отчасти чрезвычайно чересполосные выделы земель крестьянским общинам при реформе 1861 г., а главным образом общинно-уравнительные методы земельных переделов с их разбивкой земель на однокачественные клины и выдел из каждого клина по полосе чуть ли не каждому члену общины.

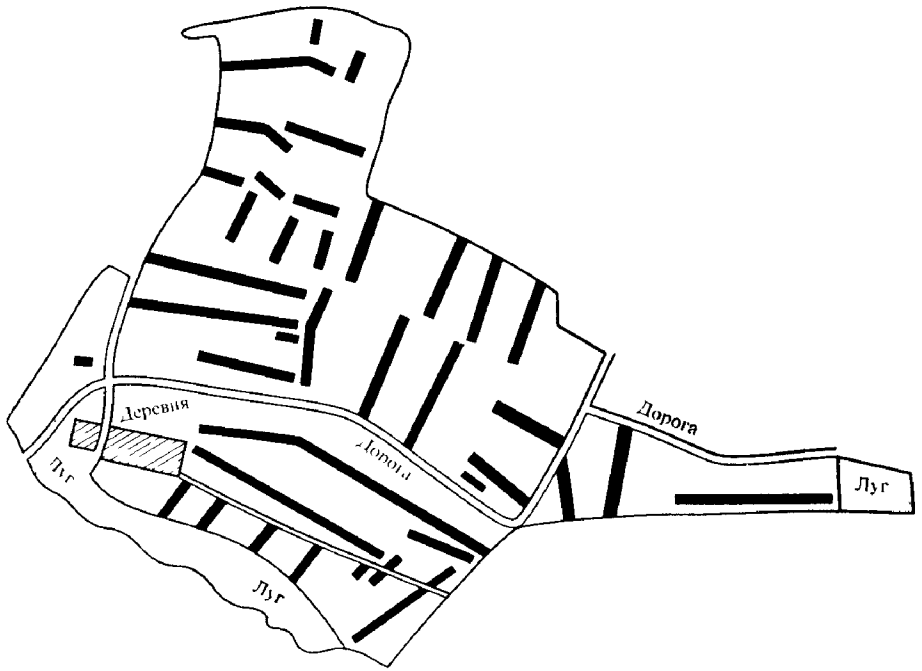
О характере выдела земель общинам при освобождении крестьян можно судить хотя бы по нижеследующему плану

СЕЛО КОНЬКОВО
МОСКОВСКОГО УЕЗДА ЗЮЗИНСКОЙ ВОЛОСТИ

1-Я ЧАСТЬ СЕЛА НИКУЛИНА
БРОННИЦКОГО УЕЗДА САЛТЫКОВСКОЙ ВОЛОСТИ

угодий селений Коньково и Никулино, описываемых П. А. Вихляевым в его книге о земледелии Московской губернии.

Конечно, приведенный план представляет собой земельное неустройство в несколько гипертрофированном виде, однако и при сравнительно хорошем расположении земель общины в целом организация территории отдельного крестьянского двора в подавляющем большинстве случаев бывает малоудовлетворительной.

Прилагаемая карта землепользования одного из крестьян Волоколамского уезда может быть признана весьма типичным примером расположения пашни в условиях общинно-передельного землепользования.

В значительном числе случаев организация территории крестьянских хозяйств бывает еще менее удовлетворительна, и земской статистике известен, например, случай одного крестьянского двора Рязанской губернии, у которого 4-десятинный надел был распылен более чем в 200 полос.

Необходимо оговориться, что подобная распыленность не представляет собой принадлежности только общинного землепользования, в весьма значительном размере встречается она и при старом индивидуальном подворном землепользовании Западной Европы. Так, например, доктор В. Хербст [31], исследовавший землеустройство 19 рядовых хозяйств Германии в окрестностях Веймара, размером от 50 до 60 га, нашел, что только одно из них имело землю менее чем в 5 кусках.

[31] Herbst W. Guts-und Betriebsverhältnisse bäuerlichen Güter. Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1908 B. 37. S. 381.

Элементы их землеустройства можно выразить следующей таблицей.

Организация землепользования		Среднее расстояние поля от усадьбы		Расстояние от усадьбы до самого дальнего куска	
Число кусков	Число хозяйств	Среднее расстояние (км)	Число хозяйств	Максимальное расстояние (км)	Число хозяйств
1—4	1				
5—9	9	0,5—0,1	4	0,5—5,0	13
10—14	7	1,1—2,0	9	5,1—10,0	4
15—19	—	2,1—3,0	4	10,1 и выше	2
20 и выше	2	3,1 и выше	2		

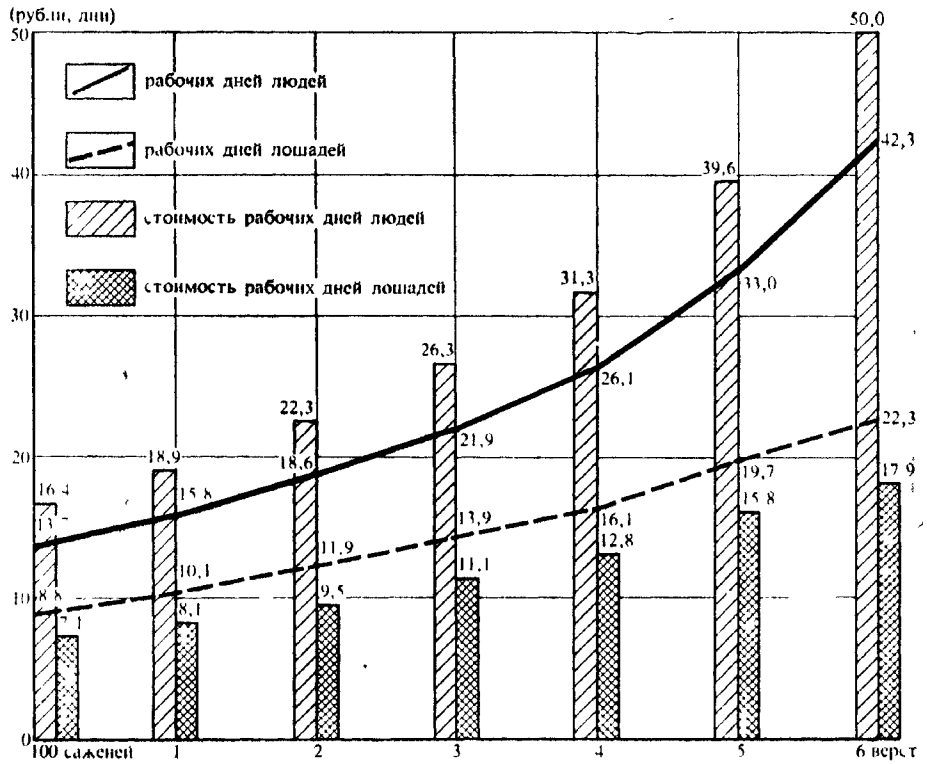
Как видно из таблицы, степень землеустроенности рассматриваемых немецких хозяйств также нельзя признать образцовой.

Подобная распыленность земель и огромные размеры среднего расстояния полей от усадьбы, оставляя крестьянское хозяйство при всех недостатках хозяйства мелкого в отношении использования средств производства тяги и проч., в то же время сообщают ему и все недостатки самых крупнейших хозяйств, награждая его непомерно высокими издержками внутрихозяйственного транспорта.

Что это значит в хозяйственном отношении, можно судить по нижеследующей таблице, указывающей нарастание издержек по эксплуатации одной десятины овса в зависимости от отдаленности этой десятины от усадьбы и соответствующего нарастания переходов и переделов.

Стоимость работ по одной десятине овса в зависимости от расстояния

Расстояние поля от усадьбы	Работа людей		Работа лошадей		Всего
	Рабочих дней	Стоимость (руб.)	Рабочих дней	Стоимость (руб.)	Стоимость (руб.)
0	13,5	16,2	8,5	6,8	23,0
100 саженей	13,7	16,4	8,8	7,1	23,5
1 верста	15,8	18,9	10,1	8,1	27,0
2 версты	18,6	22,3	11,9	9,5	31,8
3 версты	21,9	26,3	13,9	11,1	37,4
4 версты	26,1	31,3	16,1	12,8	44,1
5 верст	33,0	39,6	19,7	15,8	55,9
6 верст	42,3	50,0	22,3	17,9	68,7

Стоимость работ на одной десятине овса в зависимости от расстояния

Приведенные цифры еще более усугубляются в отношении культур, требующих большего удобрения, пропашной обработки или дающих подобно корнеклубнеплодам очень мало транспортабельный продукт.

Сообразно изложенному улучшения в организации территории являются едва ли не наиболее необходимыми и наиболее важными из сельскохозяйственных мероприятий, а землеустройство — одной из основных отраслей экономической политики всех аграрных стран.

Однако в настоящей работе методы землеустройства и получаемые им эффекты нас интересовать не могут. Это предмет трактатов по аграрной политике; зато исключительный интерес для познания природы трудового хозяйства представляют собой некоторые применяемые им методы хозяйничанья на распыленных и разнообразно отдаленных участках земли. Прежде всего крестьянское хозяйство для разных поясов отдаленности устанавливает различные методы хозяйствования.

Самые отдаленные куски оно часто просто забрасывает, на очень отдаленных ведет хозяйство заездами, выезжая на несколько дней с ночевками на посев и уборку, просто отдаленные эксплуатирует особым экстенсивным, часто хищническим, «запольным» севооборотом, на более же доступных ведет правильное и сравнительно интенсивное хозяйство.

Однако и в пределах единого полевого хозяйства ближайших земель нередко сказывается разница как в обработке, уходе за растениями, так главным образом в силе унавоживания.

Этот спектр интенсивности обработки по мере отдаленности от усадьбы делает в высшей степени эластичной меру интенсивности эксплуатации одного и того же земельного надела, который при разной мере напряжения и тягостности труда крестьянской семьи будет давать самые разнообразные выходы продуктов.

Под давлением внутрихозяйственных факторов семья может все далее и далее от усадьбы отодвигать более интенсивные формы хозяйства, и мы не сомневаемся, что назревшие исследования запольных севооборотов и методы их обработки во многом могут обогатить наше познание крестьянского хозяйства.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Очертив организацию отраслей сельского хозяйства и нужды внутрихозяйственного транспорта, мы можем подвести итоги всем затратам труда в нашем крестьянском хозяйстве и рассмотреть его организацию.

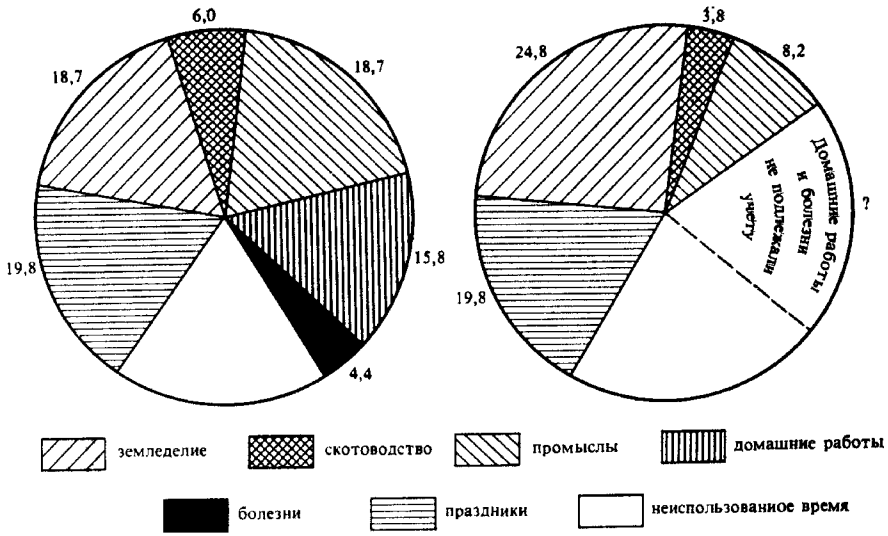
Мы уже знаем, что крестьянская семья далеко не в полной мере использует имеющееся в ее распоряжении рабочее время,— отчасти благодаря сезонности сельскохозяйственных работ и вынужденному отсутствию их в глухие периоды года, а отчасти и потому, что, покрыв некоторой долей трудовых усилий свои потребности и достигнув внутреннего хозяйственного равновесия, крестьянская семья в дальнейшем уже не имеет стимулов в работе.

Прилагаемый график (с. 348) дает весьма наглядное представление о распределении годового труда в льноводном хозяйстве.

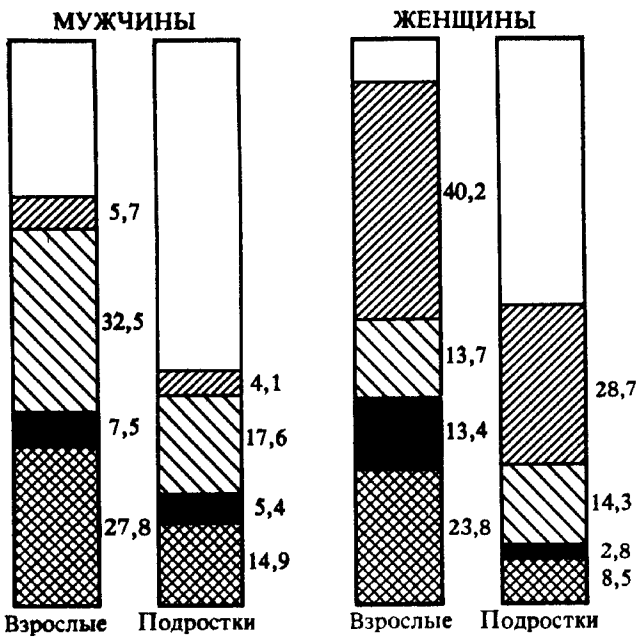
Мы видим, что только $^1/_4$ рабочих дней тратится на земледелие, считая в том числе и сенокосные, и все полевые работы, включая сюда как мятье, так и трепанье льна.

Очень значительное количество рабочего времени уходит на промыслы и домашние работы

Время, отводимое праздникам, как мы видим на рисунке, мало отличается от того времени, которое тратится на земледелие.

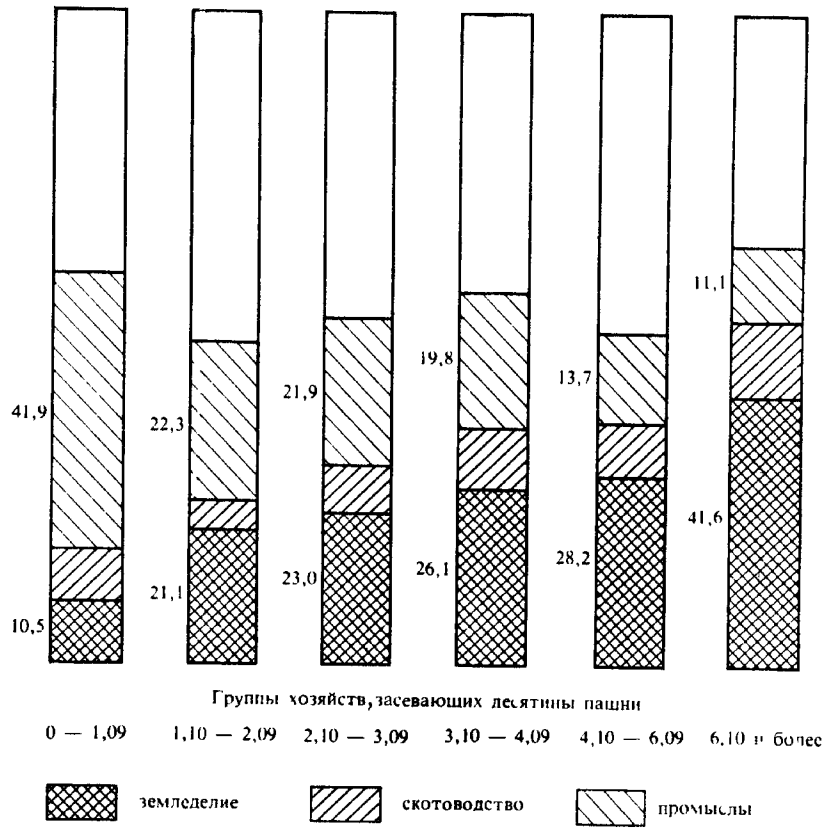

Распределение годовой работы по отраслям хозяйства Волоколамского и Вологодского уездов

Распределение труда по полу и возрасту в Волоколамском уезде [32]

[32] Экспликация по предыдущему графику.

Состав труда в хозяйствах различных посевных групп

Вологодские данные дают нам возможность не только выяснить общее распределение работ, но и посмотреть в отдельности, как работают мужчины и женщины, мальчики и девочки.

Из графика мы видим, что бóльшая часть работы мужчины падает на промыслы и земледелие. Труд женщины прилагается преимущественно на домашние работы.

Женщина вообще трудится больше, чем мужчина, но ее работы не такие тяжелые.

Подростки уделяют работе меньшее количество дней, чем взрослые; распределение же их труда по отраслям хозяйства соответствует их полу: мальчики больше заняты в земледелии, девочки уделяют много рабочих дней домашней работе.

Интересно распределение труда в зависимости от размера землепользования.

Так, по данным вологодского исследования мы можем построить вышеприведенную диаграмму.

Интересно отметить, что напряжение труда во всех группах остается то же самое и рост землепользования вызывает только увеличение работ по хозяйству за счет промыслов, которые заметно сокращаются.

Мы спешим еще раз напомнить читателю, что далеко не во всех случаях размер земельного обеспечения является причиной подобного распределения, нередки случаи, когда оно обусловливается сопоставлением выгодности культур земледелия и промысловой работы.

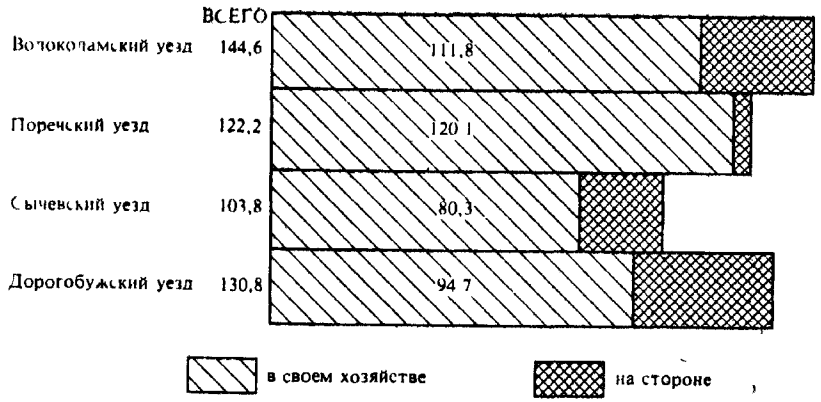
Таковы самые общие данные об организации труда, которыми располагает наша статистика.

Обратимся к более детальному его изучению в нашем волоколамском хозяйстве, где крестьянская семья вместе со сроковыми рабочими * реализует в своем хозяйстве 384,53 рабочего дня, что составит на одного работника 111,8 дня в год, а считая промыслы и наем на сельскохозяйственные работы,— 144,5 дня.

На одну десятину удобной земли затрачивается 27,3 рабочего дня, а на 100 руб. капитала — 28,2 рабочего дня.

Распределение работы по отраслям хозяйства в рабочих днях полного работника в Волоколамском уезде

	Своей и сроковых рабочих	Нанятой поденной	Всего	В % к своему хозяйству
Полеводство	301,25	30,97	332,22	79,7
В том числе рожь	75,56	4,49	80,05	19,1
Овес	24,08	1,60	25,68	6,2
Лен	155,99	13,94	179,93	43,0
Картофель	16,57	0,50	16,97	4,3
Клевер	29,05	0,54	29,59	7,1
Луговодство	30,70	—	30,70	7,4
Огородничество	6,00	—	6,00	1,4
Лошади	13,30	0,40	13,70	3,3
Продуктивный скот	26,50	1,00	27,60	6,6
Общественные работы	6,78	—	6,78	1,69
Всего по хозяйству	384,53	32,37	416,90	100,0
Кроме того, занимались на сельскохозяйственные работы	221,5	—	21,52	—
Промыслы	87,56	—	87,56	—
Всего	493,61	32,37	525,98	—
Рабочих дней в году	1255,0	—	—	—

На одного работника затрачено рабочих дней

Сопоставляя волоколамские цифры с цифрами других льноводных районов, мы получим:

Уезды	На одного работника затрачено рабочих дней в своем хозяйстве	На одного работника затрачено рабочих дней в своем хозяйстве и на стороне	На 1 дес. пашни приходится рабочих дней по полеводству
Волоколамский	111,8	144,6	36,6
Гжатский	70,7	35,9	43,2
Поречский	120,1	122,2	38,8
Сычевский	80,1	103,8	24,8
Дорогобужский	94,7	130,8	39,5

Такова организация труда в крестьянских хозяйствах СССР.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕРТВОГО ИНВЕНТАРЯ

Если оставить в стороне совершенно необходимый для хозяйства транспортный инвентарь — телегу и сани, то все остальные сельскохозяйственные орудия и машины, ныне распространенные в земледелии, могут быть заменены ручной работой, вооруженной элементарными инструментами вроде кирки, лопаты и пр.

Поэтому, говоря о сельскохозяйственных машинах и орудиях, мы прежде всего должны установить, почему и при каких условиях они выгодны и вступают в работу.

Как известно, эти причины двух родов:

1) машины, создавая огромную экономию в труде, тем удешевляют стоимость работы;

2) машины дают более высокое качество работы и тем увеличивают доход хозяйства.

Рассмотрим оба эти элемента.

О том, какое сокращение в затратах работ дает применение машин, может весьма наглядно свидетельствовать следующий расчет затрат труда при экстенсивном озимом посеве без применения навозного удобрения, произведенный И. Д. Лопатиным *.

При ручной работе (в днях)

1. Обработка почвы на глубиину в 2 вершка при помощи сохи или одноконного плуга	2
2. Боронование пашии в 3 следа вслед за вспашкой	1/3
3. Вторая перепашка на прежнюю глубиину теми же орудиями	2
4. Боронование в 2 следа вслед за двойкой	1/3
5. Посев семян руками вразброс } 6. Запашка семян при помощи сохи }	2
7. Боронование в 3 следа вслед за вспашкой семян	1/3
8. Уборка хлеба косой с вязкой снопов и укладка копен	6
9. Перевозка 10 копен с поля на гумно с укладкой в скирды при среднем расстоянии в 1 вершок или 10 оборотов на 1 копиу	1
10. Молотьба 10 копен цепами	6
11. Очистка зерна (50 пудов) на ветру лопатой	2
12. Сортирование 10 пудов семян для посева	1
Всего	23 1/3

При машинной работе (в днях)

1. Вспашка двухконным плугом на глубину 4 вершка	2
2. Боронование вслед за вспашкой	0,5
3. Вторая перепашка иа глубину не свыше 2 вершков многокорпусным плугом или культиватором конным	0,7
4. Боронование после хороших культиваторов не требуется	—
5. Предполагаемое рыхление пашии культиватором и легкой бороной	0,7
6. Посев при помощи рядовой сеялки с заделкой семян	0,3
7. Боронование вслед за сеялкой не требуется	—
8. Уборка хлеба при помощи сиоповязки	0,3
9. Перевозка 20 копен при погрузке арбы 4 конными в 5 оборотов	0,5
10. Молотьба 20 копен на паровой молотилке	2,0
11. Очистка зерна на веялке производится силой той же паровой молотилки	—
12. Сортирование зерна к посеву	—
Всего	7

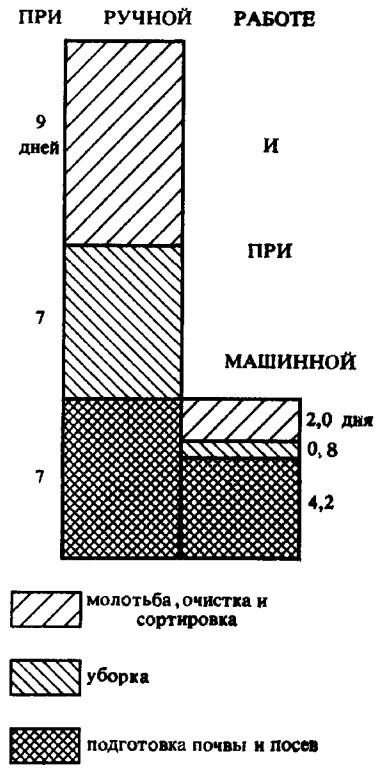
Рассматривая приведенные сопоставления, необходимо, однако, иметь в виду, что экономия в затратах работы сама по себе еще не является решающим моментом, так как она сопровождается увеличением хозяйственных расходов на амортизацию и содержание машин, и определяя стоимость машинной работы, мы должны учесть оба эти элемента.

Разные авторы в своих курсах сельскохозяйственной экономии и специальных работах давали нам различные формулы учета этой стоимости.

Так, например, проф. В. Г. Бажаев в своем курсе сельскохозяйственной экономии[33] дает для исчисления стоимости рабочего дня сельскохозяйственной машины формулу

$$x = a + b + c + d + \frac{e + B}{m},$$

где x — искомая стоимость рабочего дня машины; a — дневная стоимость пешей работы при машине; b — дневная стоимость конной работы при машине; c — стоимость смазки; d — стоимость топлива (если машина приводится в движение механическим двигателем); e — ежегодное отчисление на ремонт и амортизацию машины; B — процент на затраченный на покупку машины капитал; m — число дней работы машины в году.

Затраты труда

Такого же характера формулы дают и другие авторы, придавая им несколько иной внешний вид. Так, например, один из моих предшественников по кафедре, профессор Петровской академии К. А. Вернер в своем курсе[34] дает следующую редакцию формулы для исчисления стоимости одного рабочего дня машины:

$$w = \frac{p}{m} + (x + y + z),$$

где $p = 4{,}5\ \%$ годовых с капитала в машине + процент погашения ремонта и риска (страхового) в течение года; m — число дней действительной работы машины; x — стоимость дневного топлива и смазки; y — стоимость ручного труда при машине в течение дня; z — стоимость дневной упряжной работы, употребляемой при машине для движения ее или подвоза материалов.

[33] Конспект курса по сельскохозяйственной экономии, прочитаиного проф. В. Г. Бажаевым в Киевском политехиическом иистиуте в 1903—04 гг. 3-е изд. Киев, 1913. С. 128.

[34] Вернер К. А. Сельскохозяйственная экономия. Курс, читанный в Московском сельскохозяйственном институте М., 1901. С. 356.

Несколько иное содержание имеет формула, предложенная нами исходя из работ французского экономиста Ф. Бесю *. В отличие от формулы В. Г. Бажаева и К. А. Вернера она прежде всего исчисляет не на рабочий день машины, а на единицу полезного эффекта работы машины (десятину земли, 100 пудов обмолоченного зерна и проч.); а затем в нее вводится количественное выражение улучшения или ухудшения качества машинной работы по сравнению с ручной.

Обозначим через величину A те годовые расходы на машину, которые имеют место независимо от того, работает машина или остается без употребления, т. е. расходы на амортизацию, процент на капитал, вложенный в машину, и страховые премии.

Затем через величину B обозначим эксплуатационные расходы машинного труда в расчете на один день работы машины, т. е. заработную плату рабочих при машине, стоимость тяги и стоимость смазки и ремонта.

Тогда стоимость работы машины в один день будет выражаться величиной

$$x=\frac{A}{n}+B$$

где n — число дней в году, в течение которых машина была в работе.

Из формулы ясно, что стоимость одного дня машинной работы должна быть тем меньше, чем больше величина n, говоря иначе, чем полней используется машина.

Для того чтобы узнать стоимость работы машины в расчете на одну десятину, необходимо разделить полученную величину дневной работы на число десятин, которые машина обслуживает в одии день.

Если производительность машины в день равна величине k дес., то стоимость машинной работы на 1 дес. будет равняться

$$y=\frac{A}{n\cdot k}+\frac{B}{k}.$$

А так как машина часто выполняет только часть работы, оставляя остальную часть ручному труду (например, работа жнеек требует ручной работы вязальщика), то, обозначив стоимость этой оставшейся ручной работы на 1 дес. через C, получим окончательное выражение стоимости работы машины на 1 дес.:

$$y=\frac{A}{n\cdot k}+\frac{B}{k}+C.$$

Если теперь мы обозначим стоимость ручной работы на 1 дес. через величину R, то можем утверждать, что замена ручного труда машинным выгодна, если

$$R\leqq\frac{A}{n\cdot k}+\frac{B}{k}+C.$$

Постараемся вникнуть в условия, необходимые для такого неравенства.

В правой части неравенства величины A, B, C и k зависят от стоимости и качества машины и от высоты заработных плат и представляют собой достаточно устойчивые и постоянные величины.

Наибольшей изменчивостью отличается величина n, т. е. число дней, в которые машина может быть использована.

Величина эта зависит от той площади, которой располагает хозяйство, и в нашей формуле величина $n\cdot k=S$ представляет собой прямое выражение этой определяющей площади.

При уменьшении площади использования (S) расходы на амортизацию и процент на капитал (A) падают на меньшее число десятин, и стоимость машинной обработки благодаря этому может значительно возрасти и превысить обычную стоимость ручной работы.

Для того чтобы определить предельный размер территории, при котором возможно применение машины, т. е. при котором машинная работа по своей стоимости равняется ручной работе, мы должны в нашей формуле обозначить искомую величину через S и написать следующее равенство:

$$R=\frac{A}{S}+\frac{B}{k}+C,$$

откуда имеем

$$S=\frac{A}{R-\left(\frac{B}{k}+C\right)}.$$

Очевидно, если реально эксплуатируемая площадь более этой величины, то стоимость машинной обработки ниже стоимости ручной обработки; если меньше,— то она выше.

Поясним наши теоретические выкладки на конкретном примере работы косилки.

Предположим, что ее производительность 3,5 дес. в день, стоимость — 200 руб., а основные элементы нашей формулы слагаются следующим образом:

Величина A

4 % на капитал	8 руб.
Амортизация (10 лет)	20 руб.
Всего величина A	28 руб.

Величина B

Заработная плата рабочего	1 руб.
Стоимость тяги (2 лошади)	1 р. 50 к.
Смазка и ремонт	1 руб.
Всего величина B	3 р. 50 к.

Величина C равна нулю, так как косьба механизируется целиком.

Для ручного скоса 1 дес. в день требуются три косаря. Платя им по 1 руб. в день, получим стоимость ручной уборки — 3 руб.

Предположим, что в хозяйстве нашем 70 дес. луга. Тогда согласно нашей формуле имеем стоимость машинной уборки одной десятины:

$$\frac{28}{70}+\frac{3{,}50}{3{,}5}=1\text{р. }40\text{к.}$$

Таким образом, при 70 дес. луга механическая уборка более чем вдвое выгоднее ручной.

Постараемся определить согласно нашей формуле ту минимальную площадь, при которой экономически возможно применение косилки.

Имеем

$$\frac{28}{3{,}00-\frac{3{,}50}{3{,}5}}=14\text{ дес.}$$

Таким образом, механизация косьбы возможна только в хозяйствах, имеющих не менее 14 дес. луга.

Так, например, предположим хозяйство с 7 дес. луга. Для него стоимость механической уборки 1 дес. покоса будет

$$\frac{28}{7}+\frac{3{,}50}{3{,}5}=5\text{ руб.,}$$

т. е. на 2 руб. дороже, нежели ручная уборка.

Во всех предыдущих построениях и расчетах нами принималось, что качество выполняемой сельскохозяйственной работы остается при механизации тем же самым, как и при ручной обработке. Однако действительность противоречит этому. Мы знаем, что при посеве рядовой сеялкой, помимо экономии труда, мы получаем экономию посевного материала, сберегающего 6—8 пудов семян на 1 дес.; а кроме того, благодаря рядовому посеву повышается урожайность хлеба. Мы знаем также, что благодаря ускорению молотьбы хлебов при обмолоте молотилкой меньшее количество зерна поедается мышами, хотя солома из-под молотилки выходит хуже, чем из-под цепа; знаем мы также, что применение борон Валькура и Ранделя * не только ускоряет работу, но и повышает урожайность, и т. п.

Очевидно, мы должны ввести в нашу формулу момент качественного эффекта, выразив его, конечно, в рублях. Принимая улучшение качества работы при машинизации[35] (или ухудшение) в размере M руб. на 1 дес., мы будем иметь стоимость машинной работы по сравнению с ручной в виде

$$R=\frac{A}{S}+\frac{B}{k}+C-M,$$

откуда предельная площадь рентабельного применения машины:

$$S=\frac{A}{(R+M)-\left(\frac{B}{k}+C\right)}.$$

Для ряда машин (рядовой сеялки, ранделя и пр.) высчитанная таким образом площадь будет меньше, чем при расчете, оставляющем без внимания качество.

Такова теория применения машин в земледелии.

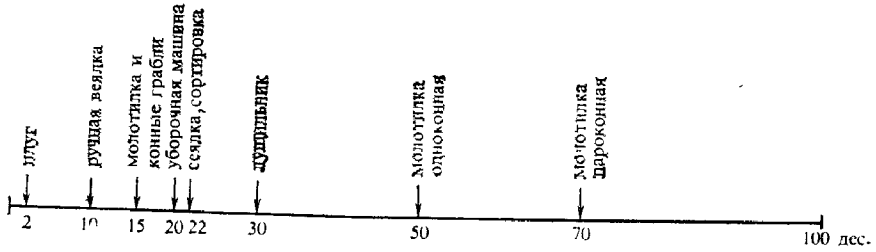
Рассмотренными обстоятельствами объясняется общеизвестный факт уменьшения пользования машинами по мере сокращения размеров хозяйства.

И. Д. Лопатин, произведя расчет для трехпольного хозяйства, дает такую последовательность рентабельного вступления отдельных сельскохозяйственных машин и орудий по мере расширения размера запашки *.

При размере запашки (дес.)	Вступают в работу
2	плуг
10	ручная веялка
15	молотилка, конные грабли
20	уборочная машина
22	сеялка, сортировка
30	лущильник
50	молотилка одноконная
70	молотилка пароконная
400	молотилка паровая

Благодаря такому последовательному вступлению сельскохозяйственных машин в работу подесятинная стоимость машин и, следовательно, их амортизация в мелких хозяйствах будут

[35] Механизации.— *Ред.*

Последовательность вступления сельскохозяйственных машин по мере расширения запашки

незначительны и, нарастая по мере увеличения их набора, они достигнут максимума при 50 дес. в момент вступления в работу сеялки, после чего по мере более полного использования машин они снизятся и при полном использовании их в дальнейшем сделаются величинами постоянными.

В полном соответствии с изложенными теоретическими построениями происходит распределение сельскохозяйственных машин между хозяйствами и в действительности.

Так, например, в Германии по переписи 1907 г. отношение хозяйств, пользующихся машинами, к общему количеству всех хозяйств дало следующую таблицу (в %):

Влияние размеров хозяйства на распространение сельскохозяйственных машин

Размер хозяйств, га	Процент хозяйств, пользующихся машинами
0—0,5	0,9
0,5—2,0	8,9
2,0—5,0	32,4
5,0—20,0	72,5
20,0—100,0	92,0
100,0 и выше	97,5

Однако необходимо указать, что вышеизложенная формула представляет собой закон только для предприятий капиталистически организованных. Идеи, лежащие в основе организации трудового хозяйства, весьма часто вносят в этот закон существенные поправки.

Так, например, на юге России в настоящее время в крестьянском хозяйстве получили широкое распространение жатки и даже сноповязалки, причем эти машины эксплуатируются хозяйствами на столь незначительных по своим размерам территориях, что согласно нашим формулам работа машин не может быть выгодной.

Поэтому причины их широкого распространения следует искать в данном случае не в их выгодности, а в особенностях трудового хозяйства.

Одной из задач трудового хозяйства, отличающей его от хозяйства капиталистически организованного, является возможно равномерное распределение труда во времени.

Поэтому крестьянские хозяйства обычно чрезвычайно страдают от свойственной многим культурам неравномерности в организации труда во времени.

Страдный период, представляющий собой максимум напряжения труда, определяет тем самым и размер площади, доступный к эксплуатации.

Если созревшая пшеница может стоять на корню, не осыпаясь, положим, $1^1/_2$ недели, то очевидно, что размеры посевов крестьянского хозяйства определяются той площадью, которую семья в состоянии убрать в течение этих полутора недель.

Это ограничение площади эксплуатации чрезвычайно невыгодно отражается на других периодах года, так как в течение их семья не может на этой ограниченной площади использовать всю свою рабочую силу и страдает избыточностью свободного труда, не имеющего приложения.

Стремясь расширить пределы эксплуатируемой площади, крестьянство юга России иногда засеивает свои поля такими сортами пшеницы, которые могут долго стоять на корню, не осыпаясь (например, белотуркой).

Высевая белотурку взамен других, более выгодных сортов, крестьянское хозяйство тем самым получает уменьшение «чистой доходности» с десятины, но зато получает возможность расширить свое землепользование и тем увеличить свой валовой доход.

Такое же значение имеет и применение уборочных машин на малых площадях, на которых они не могут окупиться.

Так, например, по данным земской статистики Старобельского уезда Харьковской губернии[36], на уборку 1 дес. тратится 4,3 рабочего дня.

Урочное положение одной десятины пшеницы

	(в рабочих днях)
Вспашка	3,6
Сев и заделка	1,7
Полка	4,4
Уборка	4,3
Возка	1,9
Молотьба	3,6
Веяние	1,9
Всего . . .	21,4

[36] Материалы для оценки земель Харьковской губернии. Старобельский уезд. Вып. III. Доходность крестьянской пашни. Харьков, 1907. С. 94—109.

Предположим, что мы имеем семью с двумя работниками и возможную продолжительность уборочного периода в 10 дней; тогда максимальная площадь, которую семья может убрать своими силами, будет

$$\frac{20}{4{,}3} = 4{,}65 \text{ дес.}$$

А так как десятина требует всего 21,4 рабочего дня и дает за вычетом семян 29 р. 10 к. валового дохода, то наша хозяйствующая семья сможет всего реализовать 94,8 рабочего дня. (по 47,4 рабочего дня на работника в год) и получить приращение средств существования на сумму всего 139,3 руб.

Применяя же уборочную машину, хозяйство может более чем вдвое расширить площадь эксплуатации и, засеивая, положим, 10 дес., будет иметь возможность реализовать около 200 рабочих дней в год и получит 291,6 руб. валового дохода.

Вычитая из этой суммы 30 руб. на амортизацию и ремонт машины, мы получим сумму в 261,6 руб., т. е. более чем на 100 руб. превышающую добычу при ручном труде.

Такое значительное приращение средств существования представляет огромную выгоду для трудового хозяйства, несмотря на то, что при бухгалтерском расчете применение жнейки на 10 дес., несомненно, убыточно.

Таким образом, мы видим, что особенности трудового хозяйства при условии широкого земельного простора расширяют возможность пользования машиной.

Таково значение машины в трудовом хозяйстве в деле разрешения критических периодов напряжения труда; совершенно иной характер имеет машинизация труда в периоды его слабой напряженности.

Так, например, на пермском совещании 1900 г. агроном Д. И. Кирсанов сказал: «Если в зимнее время труд крестьянской семьи имеет выгодное приложение, агроном принесет бо́льшую пользу распространением молотилок, освобождая значительную долю крестьянского труда для другого производительного приложения. Но если в зимнее время крестьянину нечего делать, как только молотить свой хлеб, то в распространении молотилки едва ли можно видеть что иное, кроме непроизводительной затраты и без того тощего крестьянского капитала» *.

Д. И. Кирсанов чрезвычайно удачно указывает нам случай, при котором задачи трудового хозяйства становятся в антагонизм с машинизацией труда, несмотря на высокую, быть может, бухгалтерскую выгодность машинной работы.

Таковы в самых общих чертах значение и предел применимости машины в капиталистическом и трудовом хозяйствах.

ПОСТРОЙКИ

Расчет построек для всякого хозяйства является в высшей степени простой задачей. Учтя количество скота, инвентаря и выходы получаемых продуктов в расчете на высокие урожаи, нетрудно определить квадратуру или даже кубатуру крытого пространства, необходимую хозяйству для хранения средств производства и получаемых продуктов.

По нашим исчислениям, произведенным по материалам Старобельского уезда, на 1 дес. пашни приходилось 3,1 кв. саженей хозяйственных построек, не включая в их состав избу, в которой живет хозяйствующая семья. В зависимости от размера хозяйства эта величина изменяется, и хозяйства более крупные, в большей мере использующие свои постройки и возводящие их более высокими, обходятся меньшей нормой квадратур.

Так, например, по Старобельскому уезду имеем:

Группы хозяйств по размеру посевной площади (дес.)	На 1 дес. кв. саж. поля приходится хозяйственных построек
0,01—3,0	5,2
3,01—7,50	4,4
7,51—15,00	2,7
15,01 — и выше	2,5

Стоимость пользования построек (амортизация и ремонт) на 1 дес. обходилась, например, в Волоколамском уезде в 4,32 руб.

Главной особенностью в организации построек крестьянского хозяйства является то обстоятельство, что постройки как наиболее долголетний вид средств производства чаще других приходят в несоответствие с общим объемом хозяйства, видоизменяющимся с возрастом семьи, семейными разделами и проч.

Этим во многом объясняется «перегруженность» постройками молодых, только что выделившихся хозяйств, получивших при выделе на свое маленькое хозяйство сарай или амбар, рассчитанные на площади гораздо большего отчего хозяйства.

ОРГАНИЗАЦИЯ КАПИТАЛА

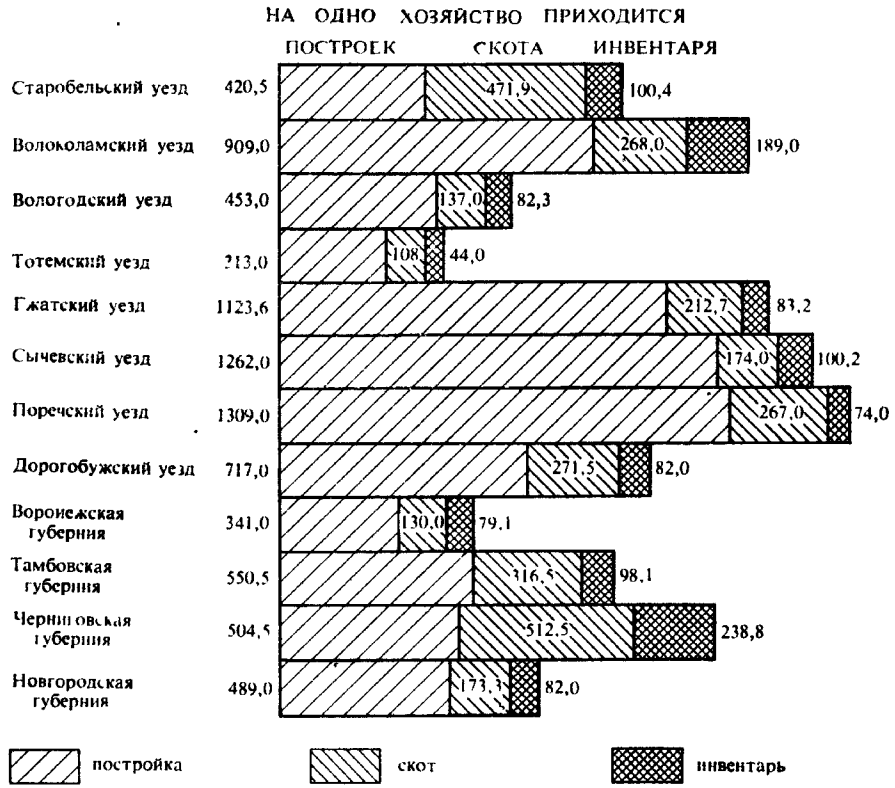
Оценивая стоимость построек, скота и инвентаря и сводя эти оценки воедино, мы получим для русских крестьянских хозяйств нижеследующий размер и состав основного капитала.

Стоимость орудий производства* крестьянского хозяйства в расчете на одно хозяйство (руб.)

Уезды	На одно хозяйство приходится			
	постройки	скот	инвентарь	всего
Старобельский уезд Харьковской губернии . .	420,5	471,2	100,4	993,6
Волоколамский уезд Московской губернии . .	909,0	268,0	189,0	1365,6
Вологодский уезд Вологодской губернии . .	453,0	137,0	82,3	672,3
Тотемский уезд Вологодской губернии . . .	313,9	108,9	44,1	466,9
Гжатский уезд Смоленской губернии . . .	1123,6	212,7	83,2	1419,5
Сычевский уезд Смоленской губернии . . .	1262,0	174,0	100,2	1536,2
Поречский уезд Смоленской губернии . . .	1309,0	267,0	74,0	1650,6
Дорогобужский уезд Смоленской губернии . .	717,0	271,5	82,0	1070,6
Воронежская губерния	341,0	130,2	79,1	652,2
Тамбовская губерния . .	550,5	316,5	98,1	965,1
Черниговская губерния	504,5	512,5	238,8	1255,8
Новгородская губерния	489,0	173,3	82,0	500,3

Таким образом, основной капитал средней крестьянской семьи колеблется между 500 и 1500 руб. в зависимости от района. Сопоставляя эти цифры с числом работников и площадью посева, мы получим следующую справку:

Уезды	Из общей стоимости приходится на 1 дес. посева (руб.)	На одного работника приходится всего (руб.)
Старобельский уезд Харьковской губернии	103,4	278,1
Волоколамский уезд Московской губернии	229,7	352,0
Вологодский уезд Вологодской губернии	257,8	221,6
Тотемский уезд Вологодской губернии	126,3	148,5
Гжатскнй уезд Смоленской губернии	330,1	327,5
Сычевский уезд Смоленской губернии	256,3	420,6
Поречский уезд Смоленской губернии	275,0	429,9
Дорогобужский уезд Смоленской губернии	237,8	278,2
Воронежская губерния	68,2	164,5
Тамбовская губерния	148,3	243,8
Черниговская губерния	153,2	452,5
Новгородская губерния	148,4	198,9

Стоимость орудий производства крестьянского хозяйства в расчете на одно хозяйство (руб.)

Для того чтобы от общих норм наличности основного капитала перейти к его обороту и сопоставить его годичное движение с размерами капитала оборотного, нам необходимо уяснить, какие суммы крестьянское хозяйство должно затрачивать на восстановление снашиваемого основного капитала и его поддержание ремонтом.

Наши бюджетные работы определяют нормы этих затрат:

	(в %)	(в руб.) около
Для построек	5—6	50
Для инвентаря	18—25	30

Для скота мы примем возможность самовосстановления.

О размерах потребного оборотного капитала мы можем судить по составу хозяйственных расходов на семена, корма, аренды и проч., которые составят по Старобельскому уезду на среднее хозяйство 359,44 руб., а по Волоколамскому — 536,36 руб.

Тогда процесс капиталооборота и капиталовосстановления для среднего крестьянского хозяйства может быть принят, положим, следующим образом:

(в руб.)

Начальные элементы	Валовой доход	Распределение
Труд 3,5 работников Основной капитал 1200 Оборотный капитал 500	1100	Восстановление основного капитала 80 Восстановление оборотного капитала 500 Оплата труда семьи 520

520 руб. годовой чистой выработки семьи составляет около 150 руб. на одного работника, или около 1,30 руб. оплаты одного рабочего дня.

Сопоставляя эти цифры с действительной оплатой труда в сельском хозяйстве разных районов, мы имеем:

Старобельский уезд	1,33
Волоколамский уезд	1,38
Гжатский уезд	1,37
Поречский уезд	1,23
Сычевский уезд	1,56
Дорогобужский уезд	1,47
Швейцарские бюджеты проф. Э. Лаура	1,52

Неожиданная близость оплаты труда швейцарского крестьянина к русским данным не может нас смущать и не противоречит более высокому уровню благосостояния швейцарской крестьянской семьи, происходящему не от высокой оплаты единицы труда, а от возможности и уменья в большей мере использовать рабочий год в смысле реализации большего количества рабочих дней, а главным образом от усвоения капиталистической прибыли от того наемного труда, который эксплуатируется в большей части швейцарских хозяйств.

Вышеизложенными организационными соображениями мы и заканчиваем нашу затянувшуюся главу, полагая их достаточными для конкретизации наших несколько абстрактных теоретических выводов и разбора проблем дальнейших глав.

ГЛАВА V

КАПИТАЛ В ТРУДОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Изложенные нами основные правила сложения организационного плана крестьянского хозяйства дают нам значительный материал для суждения об организации средств производства в изучаемых нами хозяйствах. Мы знаем теперь технически необходимые нормы обеспечения хозяйств разными видами средств производства, нормы снашивания и нормы восстановления их, а также соотношения стоимостей построек, инвентаря, скота и проч.

Однако необходимо признать, что, устанавливая указанные соотношения, мы в сущности до сих пор не выходили за пределы технического анализа.

Постройки, скот и сельскохозяйственные машины нами изучались именно как постройки, скот и сельскохозяйственные машины и, даже говоря об их *стоимостях*, мы в сущности говорили о стоимости их текущего оборудования, а не о капитале в смысле *абстрактной* суммы ценностей, совершающей производственный кругооборот в хозяйстве.

Теперь, зная технические условия работы средств производства и их стоимости, мы можем перейти к наиболее важным из проблем нашего исследования — процессу образования и восстановления капитала крестьянского хозяйства как суммы ценностей, отделяемой семьею от личного потребления и авансируемой на производительные цели.

Мы называем проблему о капитале в трудовом хозяйстве наиболее важной из всего нашего исследования потому, что, развивая теорию крестьянского хозяйства как хозяйства, в корне отличного по своей природе от хозяйства капиталистического, мы можем считать свою задачу выполненной только тогда, когда окажемся в состоянии вполне отчетливо установить, что капитал как таковой в трудовом хозяйстве подчиняется иным законам кругообращения и играет иную роль в сложении хозяйства, чем на капиталистических предприятиях.

Из материала, обработанного нами в третьей и четвертой главах настоящего исследования, нами установлен ряд положений, уже с несомненностью говорящих о несколько иной

роли капитала в трудовом хозяйстве, чем та, которую играет он на капиталистических предприятиях.

Так, например, мы знаем, что объекты хозяйственной деятельности и количество труда, реализуемое в крестьянском хозяйстве, определяются не столько размерами имеющегося у предпринимателя капитала, сколько размерами семьи и равновесием, устанавливающимся между мерой удовлетворения ее потребностей и мерой тягостности ее труда. Правда, та или другая наличность капитала, изменяя условия приложения труда, в значительной мере влияет на установление этого равновесия, но влияет она в качестве одного из условий, *косвенно*, а не как главный фактор.

Во-вторых, мы знаем также, что для крестьянского хозяйства, находящегося в условиях относительного мало- или многоземелия, соотношение элементов производства, в частности земли и капитала, не соответствует капиталистически оптимальному, обеспечивающему наивысший процент на вложенный в предприятие капитал. Часто крестьянское хозяйство, стремясь повысить свой общий годовой доход, затрачивает на единицу площади форсированное количество труда и *капитала,* далеко превосходящее норму оптимума и при бухгалтерском расчете доходности дающее малый процент прибыли или вовсе ее не дающее.

Наконец, в-третьих, мы видим, что при одном и том же капитале крестьянская семья, увеличивая трудоемкость хозяйства, может значительно повысить как объем хозяйства, так равно и его валовой доход, опять-таки ценою понижения оплаты единицы труда и бухгалтерской чистой прибыли.

Произведенных наблюдений в сущности уже достаточно, чтобы ответить на отрицательную часть нашего вопроса и признать, что в крестьянском хозяйстве капитал не всегда играет ту же роль, как в хозяйстве капиталистическом, и распоряжение им может преследовать другие цели и происходить в других формах.

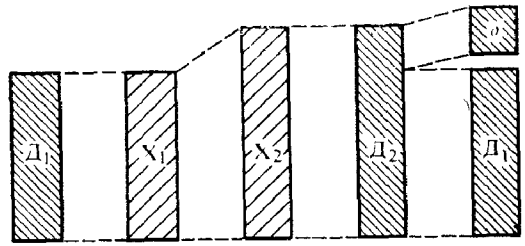
Постараемся выяснить, каковы же эти цели и каковы особые формы использования капитала.

Прежде всего постараемся возможно точнее поставить самый вопрос, дабы полученные нами ответы не допускали превратного толкования, и для этого вникнем в морфологию капиталообращения на трудовом и капиталистическом предприятиях и построим себе схематическую модель этого обращения.

Морфологическая схема круговращения (кругооборота.— *Ред.*) капитала на капиталистическом предприятии установлена еще в известной формуле К. Маркса *:

$$Д—Т—Д+д$$

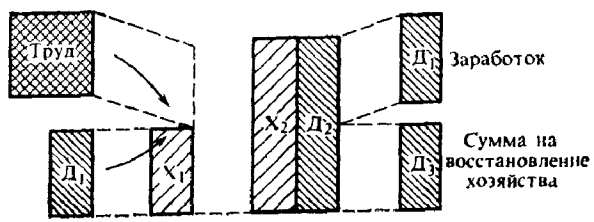
и может быть нами графически развернута следующим образом:

Мы видим, как авансируемый капитал вкладывается в элементы производства (землю, инвентарь, труд и пр.), которые, совершив производственный цикл и реализуясь в деньги, дают валовой доход. Из валового дохода прежде всего восстанавливается авансированный капитал, и все, что остается за покрытием аванса, составляет чистую прибыль предприятия. Эта последняя составляет задачу хозяйства, и поэтому элементам производства дается такое сочетание, которое при данных уровнях цен является оптимальным и обеспечивает наибольшее превышение валового дохода над авансируемым капиталом.

Анализируя природу трудового хозяйства, мы легко можем установить, что свойственная ему морфологическая схема кругообращения капитала будет несколько иная, так как семья, помимо капитала, авансирует в производство и свой труд.

Рассматривая схему, мы видим, что труд и капитал, авансируемые крестьянской семьей, образуют сочетание производственных факторов (труда, земли, инвентаря и пр.), которые в результате производственного процесса дают валовой доход. Из этого валового дохода для поддержания хозяйства в прежнем объеме часть ценностей должна быть затрачена на восстановление авансированного капитала до исходного уровня и на его расширенное воспроизводство в случае расширения семьею объема ее хозяйственной деятельности, все же остальное направляется на удовлетворение обычных потребностей семьи, или, иначе, на воспроизводство рабочей силы.

Сопоставляя обе схемы между собою, мы видим, что для капиталистического предпринимателя сумма ценностей, служащая для восстановления рабочей силы, с его частнохозяйственной точки зрения ничем не отличается от других частей авансируемого на предприятие капитала и определяется объективной народнохозяйственной категорией заработной платы и числом рабочих, потребным для данного объема хозяйства, в свою очередь определяемого общим размером капитала предпринимателя.

В хозяйстве же трудовом, поскольку оно им и остается, сумма ценностей, служащая для восстановления рабочей силы, есть личный бюджет предпринимателя, определяемый размерами семьи и той степенью насыщения их потребностей, которую удается реализовать в зависимости от целого ряда наличных условий, которые синтезируются в том внутрихозяйственном равновесии, которое, как мы знаем, определяет собою общий объем хозяйственной деятельности семьи.

Отсюда казалось бы, что размер капитала, а следовательно, и размер годичного авансирования на капиталовосстановление должен слагаться сообразно техническим требованиям, исходя из того объема хозяйственной деятельности, который устанавливается вышеупомянутым равновесием.

Однако в то же время мы знаем, что само основное хозяйственное равновесие, определяющее объем хозяйственной деятельности семьи, в значительной мере зависит от степени вооруженности труда капиталом, говоря иначе, от размера авансируемого вместе с трудом капитала. Получается на первый взгляд логический порочный круг.

Разрешая его, мы и подходим к постановке нашей центральной проблемы.

Какова связь или, точнее, каковы взаимоотношения между авансируемым, или, что то же, ежегодно восстанавливаемым, капиталом и основным хозяйственным равновесием тягостности труда и потребностей семьи, устанавливающим объем годовой выработки?*

Было бы наивно считать их связь между собою как одностороннюю зависимость одного из них от другого. Мы имеем перед собою две взаимосвязанные группы явлений, образующих единую систему путем установления равновесия между слагаемыми обеих групп.

Раскрытие механизма установления этого равновесия и является задачей настоящей главы. Причем насколько в прошлом мы с достаточной полнотой устанавливали влияние капитала в разной степени его *напряжения* на производство и на основное хозяйственное равновесие, постольку сейчас мы обратим наше главное внимание на *происхождение* самого капитала, на факторы, обусловливающие его размеры, а также на процессы капиталовосстановления и капиталообразования.

Говоря проще, мы должны определить, при каких условиях крестьянская семья, сведя свое хозяйственное равновесие в данном году, сможет в то же время полностью восстановить затраченный на производство материальный капитал, при каких она не сможет это сделать и как, сводя свое внутрихозяйственное равновесие, она сможет произвести расширенное воспроизводство своего материального капитала.

Или иначе: какие факторы обусловливают собою в каждый данный год раздел валового дохода крестьянской семьи между расходами на капиталообразование и на восстановление рабочей силы, принимая во внимание, что последние не регулируются нормами заработных плат.

Постараемся прежде всего подвести итоги тому эмпирическому материалу, который находится в нашем распоряжении, и тем эмпирическим выводам, к которым может привести разработка этого материала. Так как наиболее важным для нас является изучение оборота капитала, и главным образом процессов капиталовосстановления и капиталообразования, то мы прежде всего на них и обратим свое внимание и постараемся проанализировать на собранном нами бюджетном материале состав и движение так называемых «хозяйственных расходов», выражающих собою упомянутые процессы.

Говоря «хозяйственные расходы», мы под этим термином подразумеваем все расходы операционного года (натурой и деньгами), имеющие назначение не потребительское, а производственное. Вполне сознательно объединяем в их общей сумме как расходы оборотного характера (на семена, корм и проч.), так и расходы по восстановлению и образованию основного капитала (возведение и ремонт построек и даже покупку земли), так как и те, и другие в одинаковой мере представляют собою капитал, авансируемый на производство.

Нижеследующая таблица знакомит нас с довоенным составом этих расходов для более или менее типичных северного и южного хозяйств Европейской России (см. табл., с. 370).

Сопоставляя хозяйственные расходы с расходами на личные потребности, мы получим следующую характерную таблицу, в которой, помимо данных по Старобельскому уезду и Новгородской губернии, мы прибавили некоторые другие материалы.

Различия, наблюдаемые между районами в соотношениях величин личных и хозяйственных расходов, объясняются различиями структуры хозяйственной деятельности. В северных районах в хозяйственной деятельности крестьян едва ли не важнейшую роль играют промыслы, поэтому объем сельского хозяйства и абсолютно, и соотносительно личному бюджету будет

	Старобельский уезд		Новгородская губерния	
	На 1 хозяйство в руб.	То же в %	На 1 хозяйство в руб.	То же в %
Ареида земли	30,92	5,7	3,84	1,6
Возведение и ремонт построек	21,97	4,1	5,25	2,0
Приобретение и ремонт инвентаря	26,39	4,9	10,86	4,3
Покупка земли и скота	111,79	20,6	7,25	3,0
Заработная плата наемным рабочим	5,43	1,0	5,81	2,3
Налоги и платежи	12,54	2,3	11,89	4,8
Содержание скота и птицы	135,46	43,4	134,10	53,3
Семена	50,40	9,3	36,20	14,6
Удобрения	0,00	0,0	13,70	5,5
Прочее	47,34	8,7	21,80	8,6
	542,24	100,0	250,70	100,0

На одно хозяйство приходится расходов на личные хозяйственные потребности

Бюджеты	Расходы на каждое хозяйство (руб.)			Расходы на хозяйственные потребности (%)	На 100 руб. расходов на личные потребности приходится расходов на хозяйственные потребности (руб.)
	личные	На потребности хозяйств	Всего		
Новгородские	375,11	250,70	625,81	40,0	66,9
Старобельские	470,78	542,24	1013,02	53,5	115,1
Волоколамские	497,20	557,50	1054,70	52,8	112,0
Тотемские	201,50	176,30	377,80	46,8	87,6

значительно меньшим, чем на юге; кроме того, значительные изменения может внести и мера капиталоинтенсивности принятой системы хозяйства.

Внимательно изучая бюджетные материалы различных районов, можно, по всей вероятности, отметить немало и других территориальных различий.

Такова общая справка о соотношении личных и хозяйственных расходов.

Постараемся теперь проанализировать их взаимоотношения между собой.

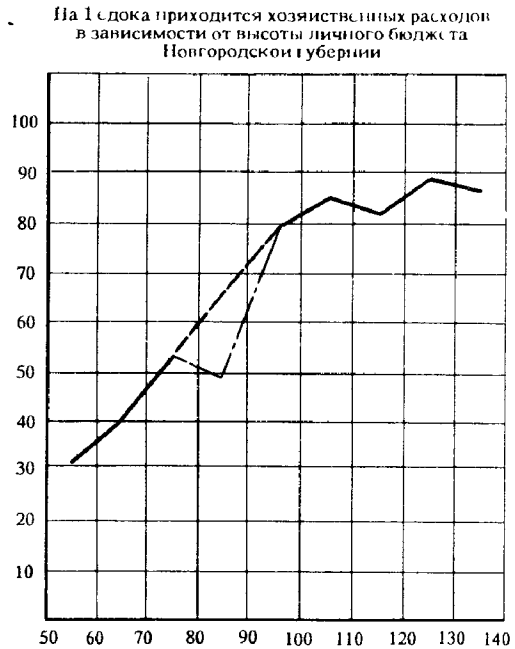
Прежде всего постараемся проследить, как изменяется величина каждого из них по мере нарастания доходности *.

Особенно отчетливую картину зависимости между высотою дохода и распределением его между личными и хозяйственными расходами дает нам нижеследующая группировка бюджетных материалов Новгородской губернии по высоте личного бюджета едока.

Новгородские бюджеты (в руб.)

На одного едока приходится из личного бюджета	Бюджет едока	Хозяйственные расходы в расчете на одного едока	На 100 руб личных расходов приходится хозяйственных расходов	На одного едока основного капитала
	Рубли			
0,0—49,9	44,5	27,0	60,8	58,3
50,0—59,9	55,2	31,9	57,8	72,9
60,0—69,9	64,7	40,2	64,7	114,8
70,0—79,9	73,3	53,7	73,3	132,1
80,0—89,9	84,5	49,3	—	153,0
90,0—99,9	95,6	79,2	82,8	242,4
100,0—109,9	105,9	85,0	80,3	257,0
110,0—119,9	113,9	81,6	71,7	227,3
120,0—129,9	126,0	88,9	70,5	335,0
130,0—∞	172,4	86,6	50,2	361,0

Проследим развитие анализируемых величин на графике.

Прослеживая течение кривой, мы видим, как одновременно с нарастанием уровня благосостояния новгородское крестьян-

ское хозяйство все больше и больше повышает свою капиталоинтенсивность, пока не достигает уровня хозяйственных расходов около 80 руб. на едока, после чего размер авансов на капиталообразование далее не увеличивается, колеблясь около этой суммы, а относительное значение хозяйственных расходов падает.

Это наблюдение, которое за последнее время, помимо нас, было сделано и другими экономистами (А. Л. Вайнштейн, Г. А. Студенский и др.), дает нам основание предполагать, что в организационной практике крестьянского хозяйства существует известный предел рационального вооружения рабочей силы средствами производства. Всякое увеличение вооруженности работника капиталом до этого предела очевидно способствует повышению производительности труда. Достигнув отмеченного предела, вооруженность достигает своего оптимума и дает возможность рабочим силам развивать все свои производственные возможности. В дальнейшем уже никакое новое нарастание капиталоинтенсивности хозяйства (если оно не сопровождает собою перемену в технике, конечно) не сможет повысить производительность труда и изменить основное равновесие внутрихозяйственных факторов.

Таков первый эмпирический вывод, который дает нам рассмотрение процессов капиталообразования. Однако, изучая таблицу, мы можем сделать и другой, для нас еще более важный.

Просматривая приведенные таблицу и график, мы видим, что хозяйственные расходы, т. е. сумма, затрачиваемая из годовой выработки на восстановление капитала, развиваются параллельно развитию уровня личного бюджета, причем поскольку капиталоинтенсивность хозяйства еще не достигла своего оптимума, скорость нарастания затрат на восстановление капитала в большинстве случаев превосходит скорость нарастания личного бюджета.

Наблюдая эту связь, мы вправе сделать предположение, что затраты на восстановление капитала неразрывно связаны в своем определении с установлением уровня потребительского бюджета и так или иначе *входят в уже изученную нами систему основного хозяйственного равновесия между тягостностью затрат труда и мерой насыщения потребностей хозяйствующей семьи.*

Мы видим, что при низком уровне личного бюджета процесс капиталообразования или даже просто капиталовосстановления не может иметь места в сколько-нибудь значительном размере.

Острота неудовлетворенных элементарных потребностей еще настолько сильна, что не допускает мысли об ограничении потребления путем выделения сколько-нибудь значительной суммы на капиталообразование, и только постепенно, по мере того, как увеличение производительности труда позволяет расширять

личный бюджет и покрывать одну за другой главнейшие потребности семьи, хозяин получает возможность все большую и большую часть своих доходов направлять на капиталовосстановление и капиталообразование.

Говоря иначе, в семейном хозяйстве авансирование средств на восстановление и образование капиталов хозяйства, производимое из одного и того же бюджета, увязано с процессом удовлетворения личных потребностей, и размер авансируемых на хозяйство средств стоит всякий раз в зависимости от степени удовлетворения этих последних.

Последняя формулировка является, конечно, чрезвычайно упрощенной схемой, необходимой для подчеркивания нашей мысли, однако, как мы увидим ниже, более глубокий анализ покажет нам, что она в известном смысле совершенно правильна.

Зависимость размеров капиталоинтенсификации хозяйства от уровня благосостояния семьи мы могли отметить еще в 1913 г., когда при разработке бюджетного материала по крестьянским хозяйствам Старобельского уезда Харьковской губернии наткнулись неожиданно на некоторую связь размеров капитала с факторами, слагающими личный бюджет хозяйствующей семьи.

На одного едока прнходится коров и лошадей в зависимости от высоты земельного обеспечения и высоты личного бюджета

На одного едока приходится пашни (дес.)	Высота личного бюджета едока			
	0—70,0	70,1—90,0	90,1—∞	Среднее
	Число коров на одного едока			
0—2,0	0,11	0,17	0,13	0,14
2,1—3,0	0,20	0,26	0,44	0,30
3,1—∞	0,11	0,30	0,26	0,22
Среднее	0,14	0,24	0,28	—
	Число лошадей на одного едока			
0—2,0	0,14	0,17	0,26	0,19
2,1—3,0	0,26	0,20	0,22	0,22
3,1—∞	0,11	0,20	0,29	0,30
Среднее	0,17	0,19	0,24	—

Уже эта таблица с несомненностью подчеркивала отмеченную особенность в сложении капиталов трудового хозяйства.

Строгие критики, просматривая сопоставляемые нами статистические ряды и признавая установленной зависимость между высотою личного бюджета семьи и размером хозяйственных расходов, могут отвергнуть целиком наше понимание этой связи

и предположить просто-напросто, что вращающийся в крестьянском хозяйстве капитал, восстанавливая сам себя, дает для каждого своего размера автоматически соответствующий уровень благосостояния семьи и никакое внутрихозяйственное равновесие тут ни при чем.

Несмотря на всю наивность такого рода замечания, его делали нам весьма часто.

В сущности говоря, мы могли бы ответить простым вопросом: почему же, раз личный бюджет есть величина подчиненная, хозяйствующая семья, получив в результате хозяйственного года * определенный валовой доход, не стремится довести процесс капиталообразования до оптимума, гарантирующего ей наивысший доход, почему она иногда вынуждена ограничиваться только восстановлением явно недостаточного капитала, а подчас и вовсе задерживать восстановительный процесс? Раз степень покрытия потребностей есть величина производная, то что же тогда бронирует рубли личного бюджета от зачисления их в фонды расширенного восстановления капитала?

Для нас ответ на этот вопрос ясен. Если уровень дохода этого года определился в большей зависимости от размеров авансированного в течение операционного года * материального капитала, то распределение этого дохода, и прежде всего распределение его на личное и хозяйственное потребление, будет находиться в свою очередь в зависимости от основного равновесия внутрихозяйственных факторов, имеющего место в настоящий момент и намечаемого в будущем. Ни один из элементов семейного хозяйства не является свободным, все они находятся во взаимодействии и в своих размерах взаимно определяют друг друга.

Никакого другого объяснения нельзя дать тому затуханию и возрождению капиталовосстановительного процесса, который мы наглядно видим в нашей деревне в эпоху удачных и неудачных урожаев и рыночных конъюнктур.

Однако несомненно, что для уточнения нашего анализа и наглядного установления направления связи мы должны поставить наш анализ так, чтобы его результаты не давали возможности двойного толкования.

Прежде всего, раз мы утверждаем зависимость процесса капиталообразования от момента внутрихозяйственного равновесия, мы должны показать его зависимость от самого механизма этого равновесия.

Так, например, поскольку процесс капиталообразования обусловливается общим равновесием внутрихозяйственных факторов, на них не могут не влиять условия, влияющие на само это равновесие. Одним из таких факторов является, как мы знаем, размер отношения числа едоков к числу работников семьи. Посмотрим, как реагируют на этот фактор процессы капиталообразования. Для изучения его влияния разделяем каждую из групп предыдущей группировки на две подгруппы — первую с отношением е/р ниже среднего и вторую с отношением выше среднего — и, подсчитав итоги по подгруппам, получаем:

Расход на хозяйственные потребности на 1 едока по Новгородской губернии

Личные расходы на 1 едока (руб.)	Подгруппа, где е/р ниже среднего	Подгруппа, где е/р выше среднего
0,0—49,9	28,5	25,1
50,0—59,9	35,5	27,8
60,0—69,9	42,5	37,4
70,0—79,9	59,4	48,7
80,0—89,9	48,0	50,6
90,0—99,9	84,6	74,3
100,0—119,9	64,0	98,2
120,0—∞	89,7	86,7

Мы видим почти по всем группам, как под давлением увеличения обремененности семьи едоками возрастает потребительское значение рублей дохода и хозяйство может авансировать относительно меньшее количество капитала.

Необходимо при этом отметить, что другие бюджетные материалы не дают столь яркой реакции, как новгородские, как, впрочем, не дают ее и в отношении влияния отношения е/р на бюджет едока, что мною было уже отмечено в 1912 г. в очерках по теории трудового хозяйства и на что особое внимание обращал покойный В. К. Дмитриев *. Зато сумма хозяйственных расходов, исчисленная на одного работника, всегда дает нам резко выраженный ряд, т. е. по Новгородской губернии мы имеем:

Отношение е/р	На 1 работника приходится хозяйственных расходов (руб.)
1,0—1,25	59,61
1,26—1,50	73,85
1,51 — ∞	82,55

Такой же характер реакции имеется и по другим исследованиям, как это видно из нижеследующей таблицы (см. с. 376).

Рассматриваемые ряды не оставляют никакого сомнения в том, что размер авансов на воспроизводство материального капитала подчиняется давлению состава семьи, и ясно, что обратного влияния авансирования капитала на состав семьи в данном случае быть не может.

Влияние отношения е/р на процесс капиталовосстановления

	Отношение числа едоков к числу работников				
	1,01—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—∞
	На одного работника хозяйственных расходов				
Харьковская губерния	110,8	207,9	286,5	318,6	348,0
Тамбовская губерния .	93,1	155,4	165,0	136,3	215,3
Смоленская губерния .	148,9	154,4	197,4	194,5	237,0
Вологодский уезд . .	56,1	59,2	91,5	81,5	101,0

В этом примере, более чем где-либо, ясна зависимость процесса капиталообразования от момента внутрихозяйственного равновесия.

Однако несмотря на всю убедительность предыдущих сопоставлений, для нас представляло значительный интерес произвести такое сопоставление групп, в котором подчеркивалось бы прямое влияние высоты личного бюджета на размер хозяйственных расходов и в то же время исключалось бы обратное влияние размеров сельскохозяйственного дохода на высоту личных расходов. Сопоставление такого рода было нам необходимо для того, чтобы окончательно отвести отмеченное уже нами предположение о существовании грубой прямой зависимости личного бюджета от объема хозяйственной деятельности, определяемой *наличными* средствами производства. (Взгляд, к сожалению, довольно распространенный среди широких кругов.)

Такого рода сопоставление в отношении высокопромысловых новгородских хозяйств было нами найдено в виде построения комбинационной таблицы по уровню сельскохозяйственного дохода на едока и по уровню личного бюджета, которые в Новгороде благодаря наличию промысловых поступлений не совпадали.

Сопоставление дало следующий результат:

Размер расходов на хозяйственные потребности в зависимости от высоты личного бюджета и сельскохозяйственного дохода (новгородские бюджеты)

Хозяйство по высоте личного бюджета едока	Размеры сельскохозяйственных доходов на одного едока		
	0—69,9 руб.	70,0—99,9 руб.	100,0—∞
	Хозяйственные расходы на одного едока		
Низшие	27,1	41,2	60,8
Средние	31,8	47,4	77,2
Высшие	43,6	53,5	94,5

Таблица весьма выразительно показывает, что при одном и том же размере сельскохозяйственного дохода в зависимости от высоты личного бюджета весьма сильно изменяется и размер авансируемого на производство капитала.

Так как разница в высоте личного бюджета при одном и том же уровне сельскохозяйственных доходов могла получиться исключительно от большего или меньшего развития промысловых поступлений, то мы произвели и прямую группировку по промысловости хозяйств, получив следующую в высшей степени характерную таблицу:

Влияние промысловости хозяйства и размера доходов от сельского хозяйства на высоту хозяйственных расходов (новгородские бюджеты)

(в руб.)

Доход от сельского хозяйства на одного едока	На одного едока			
	Хозяйственных расходов		основного капитала	
	малопромысловые хозяйства	многопромысловые хозяйства	малопромысловые хозяйства	многопромысловые хозяйства
30,0—39,9	25,8	20,7	30,5	42,9
40,0—49,9	20,6	30,9	59,3	74,7
50,0—59,9	27,6	34,1	112,4	94,3
60,0—69,9	40,0	42,6	84,1	130,2
70,0—79,9	41,0	40,3	107,2	148,8
80,0—89,9	43,8	48,3	114,2	195,3
90,0—99,9	55,6	56,4	183,8	182,1
100,0—109,9	53,1	63,5	111,7	173,7
110,0—129,9	47,8	78,3	116,8	355,9
130,0—139,9	81,7	84,6	195,0	235,0
140,0—∞	104,2	100,7	380,5	311,5

Как видно из таблицы, из 11 групп в 8 промысловость вызвала реакцию увеличения хозяйственных расходов на одного едока. Этот на первый взгляд парадоксальный вывод объясняется тем, что в условиях данной группировки промысловость означает повышенную норму личного бюджета, которая и приводит к неизбежному повышению авансируемого капитала.

Приведенные нами эмпирические выводы, устанавливающие несомненную зависимость процессов капиталообразования и капиталовосстановления от основного равновесия внутрихозяйственных факторов семейного предприятия, заставляют нас раскрыть отмеченные зависимости и теоретически.

Как мы видим ниже, весьма простого круга рассуждений будет достаточно для того, чтобы процессы капиталовосстановления внести в систему многократно анализированного нами равновесия между мерой тягостности труда и мерой насыщения потребностей.

Проблему, подлежащую нашему анализу, можно разделить на два самостоятельных вопроса.

1. Какое влияние на установление равновесия оказывают в семейном хозяйстве капитал и разные степени капиталоинтенсивности этого хозяйства?

2. Какое влияние основное равновесие внутрихозяйственных факторов семейного хозяйства имеет на процесс авансирования средств (капитала) в производственный оборот этого хозяйства?

Остановим наше внимание прежде всего на первом вопросе.

Возьмем обычный для нашего анализа график этого равновесия, где оно определяется пересечением кривой нарастающей тягостности труда AB и кривой насыщения потребностей *CD*. Для того чтобы выяснить связь капиталоинтенсивности хозяйства с моментом равновесия кривых, мы должны выяснить, какое влияние на течение этих кривых, каждой в отдельности, оказывают наличность и разная степень напряжения процесса капиталообразования.

Всякое увеличение капиталоинтенсивности, или, что то же, степени вооруженности семьи средствами производства, вызовет, в том случае, конечно, если оно целесообразно, увеличение производительности рабочих сил семьи. При этом повышение производительности может быть двоякого типа: 1. Увеличение капитала хозяйства может привести к повышению производительности всех затрат труда в хозяйстве, что в применении к нашему графику будет означать, что каждая данная сумма валового дохода хозяйства будет благодаря повышению капиталоинтенсивности хозяйства доставаться семье с меньшим напряжением труда, чем это имело место ранее. Графически это приведет к более пониженному течению линии AB, как это и показано на графике 1, где кривая A_1B_1 соответствует степени капиталоинтенсивности.

2. Увеличение капитала хозяйства может, не приводя к общему повышению производительности труда, дать положительный эффект в какой-нибудь одной отрасли хозяйства. В этом случае, очевидно, добыча большей части валового дохода будет доставаться хозяйству с той же степенью тягостности, как и раньше, и только часть годового дохода будет добыта с меньшим напряжением труда. Графически для развития линии AB это будет означать, что на значительном протяжении она сохранит старое течение и только с некоторого момента, соответствующего вступлению нового капитала, она даст пониженное течение, как это отмечено нами на графике 2.

Таким образом, целесообразное увеличение капиталоинтенсивности хозяйства в отношении развития кривой нарастания тягостности труда приводит к полному или частичному понижению ее течения.

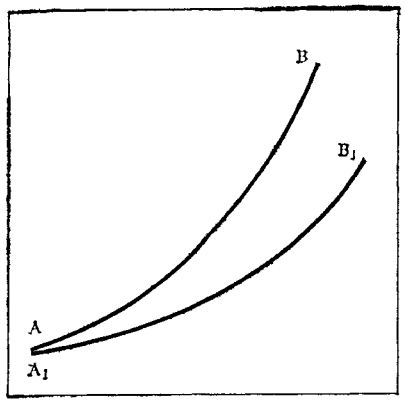

График 1

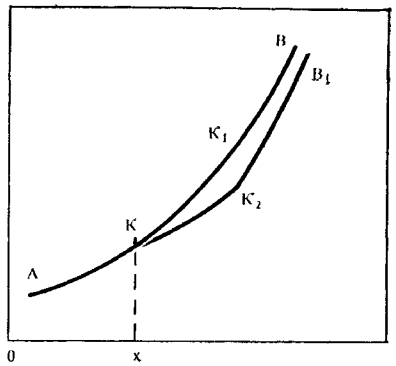

График 2

Однако наблюдение за повышением валовой производительности труда еще недостаточно для суждения о влиянии разных степеней капиталоинтенсивности на момент установления внутрихозяйственного равновесия. Необходимо узнать, какое влияние оказывает увеличение капиталоинтенсивности на течение кривой насыщения потребности (*CD*).

Всякое авансирование капитала является направлением средств, находящихся в распоряжении хозяина, на производственные издержки вместо личного потребления, т. е. сокращением этого последнего.

Даже в том случае, а мы для простоты анализа этот случай и принимаем, если авансирование капитала делается за счет *занятого* капитала, погашение в конце года взятой ссуды будет означать собой вычет части валового дохода для целей непотребительского порядка. Поэтому всякое увеличение капиталоинтенсивности хозяйства означает собою, что из каждой данной суммы валового дохода все меньшая часть будет направляема на удовлетворение личных потребностей. Говоря иначе, каждая данная сумма валового дохода при увеличении капиталоинтенсивности будет давать меньшую степень насыщения потребностей, что графически приведет к повышению течения линии *CD*, как это нами показано на графике 3, и даст нам ряд новых течений C_1D_1, C_2D_2, C_3D_3 и C_4D_4.

Если мы теперь сопоставим между собою старые течения линий AB и CD, имевшие место до затраты новой суммы материальных ценностей на производство, с их новым течением A_1B_1 и C_1D_1, то, естественно, увидим, что новое течение линий приводит и к новому моменту равновесия (x_1) (график 4).

Ясно, что анализируемое применение капитала будет приемлемо для нашего хозяйства только в том случае, когда новое равновесие установится

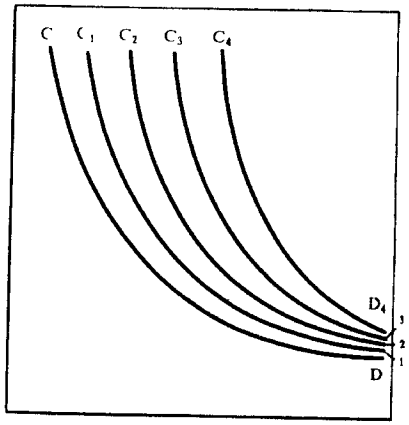

График 3

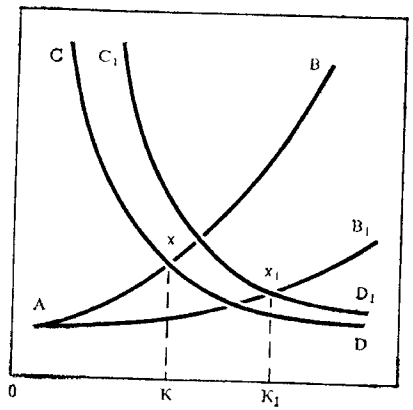

График 4

при меньшей тягостности предельной затраты труда при большей мере насыщения потребностей.

В графике 5 это условие и имеет место.

И, наоборот, новая затрата капитала будет с точки зрения трудового хозяйства *невыгодной*, коль скоро она, несмотря на увеличение валового дохода, приведет к *увеличению тягостности предельной затраты труда, к уменьшению степени удовлетворения потребностей.*

График 5 дает нам сопоставление выгодного и невыгодного применения одной и той же суммы капитала.

Во втором случае невыгодного приложения капитала приращение производительности труда было настолько незначительным, что не могло покрыть собою крупного вычета из доходов хозяйства.

Таково участие процесса капиталовосстановления в общей системе установления основного хозяйственного равновесия трудового хозяйства.

А так как ни одного крестьянского хозяйства не существует без той или иной затраты капитала, то графики, принятые нами во второй главе, являются упрощенными, так как они исходят из предположения, что хозяйственные расходы семьи равны нулю, что мы во избежание недоразумений и считаем необходимым сейчас оговорить.

Для того чтобы возможно нагляднее показать, насколько условия капиталовосстановления в трудовых хозяйствах отличаются от таковых же в капиталистическом хозяйстве, мы позволяем себе привести анализ двух примеров, давно уже известных в сельскохозяйственной литературе, но не проанализированных еще теоретически.

I. Многократно цитированный А. Ф. Фортунатовым и другими авторами пермский агроном Д. И. Кирсанов, докладывая

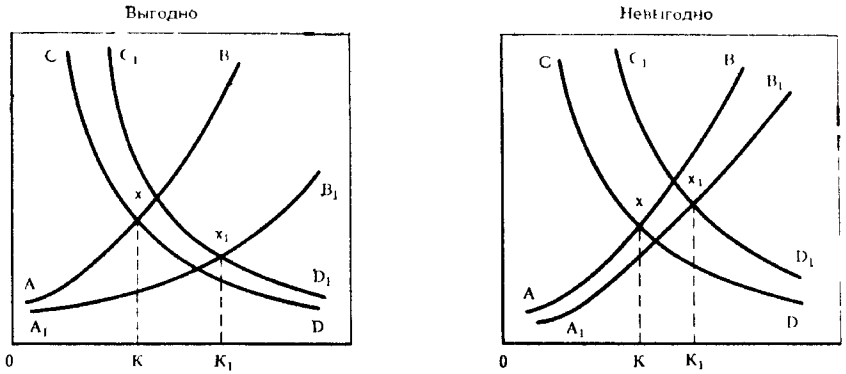

График 5

пермскому сельскохозяйственному съезду о работе агрономических организаций по распространению сельскохозяйственных машин, отмечает большие затруднения в распространении молотилок в районах, где отсутствуют зимние промыслы и население, кроме молотьбы, ничем другим заниматься не может. Введение молотилки, правда, облегчит работу и освободит очень много рабочих рук, говорит Д. И. Кирсанов, но так как эти рабочие руки не смогут найти себе никакого другого приложения труда, то это ни на копейку не увеличит дохода крестьянской семьи, стоимость же молотилки представит собою значительный вычет из скудного крестьянского бюджета.

Пользуясь методом нашего графического анализа, мы можем построить эффект Кирсановской молотилки исходя из предположения, что она не влияет на понижение тягостности предельных затрат труда, но понижает тягостность труда некоторых средних по тягостности затрат, которые не влияют на установление равновесия хозяйственных факторов.

Тогда графически приобретение молотилки даст следующий эффект в течении кривых AB и CD (график 6).

Молотилка — течение линии AM_1B приводит к течению AM_2B, причем это изменение не влияет на дальнейшее течение линии AB. Изменение в течении линии CD и переход к течению C_1D_1 дает новый момент равновесия, ухудшающий тягостность труда и уменьшающий степень удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи.

II. Еще интереснее второй пример из области наших юго-восточных наблюдений, отмечающий, что мелкие хозяйства Дона и Кубани часто вводят в работу уборочные машины на таких площадях, на которых они заведомо окупиться не смогут.

Причина этого лежит в том, что созревший хлеб держится в колосе всего 4—5 дней и семья без применения машины может успеть убрать значительно меньшее количество полей, чем

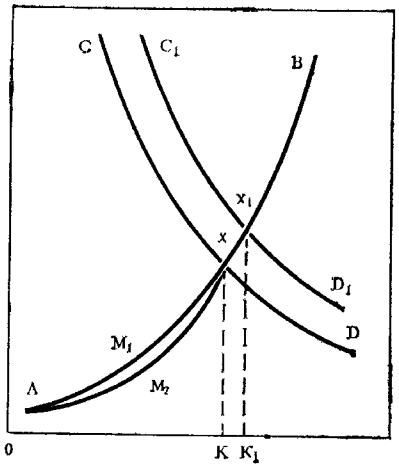

График 6

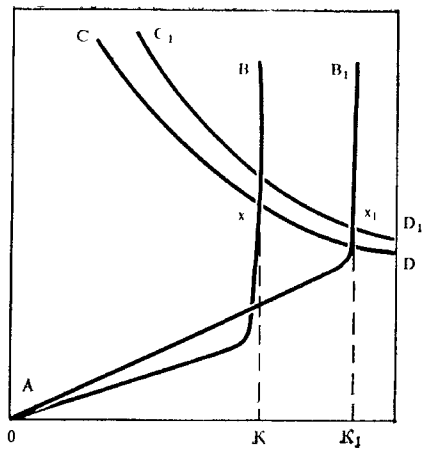

График 7

то, которое она могла бы засеять и обработать. А так как уборка, подобно Кирсановской молотилке, является также не предельной по тягостности работой, то понижение оплаты труда благодаря убыточности машинной работы возмещается расширением объема хозяйства и приводит к более благоприятному моменту равновесия, как это видно по графику 7.

Резкий перегиб кривых AB и AB_1 зависит от того, что, кроме посева яровых, все остальные сельскохозяйственные действия дают несравненно меньшую оплату труда. Поэтому приобретение уборочной машины, немного понижая оплату труда по уборке пшеницы, дает в то же время возможность расширить объем этой, несравненно более других выгодной работы, ранее связанной с критическим периодом жатвы.

Сказанного совершенно достаточно для того, чтобы понять механизм, определяющий выгодность или невыгодность того или иного приложения капитала в трудовом хозяйстве. Само собою понятно, что при возможности, правда почти никогда не встречающейся, использовать беспроцентный и неограниченный кредит крестьянская семья доведет количество обслуживающего ее капитала до степени оптимального вооружения своих рабочих рук средствами производства, которая экономически и технически будет соответствовать семейному составу и даст максимальную оплату годового труда при минимальном напряжении его.

Для того чтобы яснее представить себе установление этой оптимальной меры капиталоинтенсивности хозяйства, воспользуемся вновь нашим графическим методом и посмотрим, как установятся моменты равновесия при различных степенях капиталоинтенсивности хозяйства. Берем хозяйственную работу се-

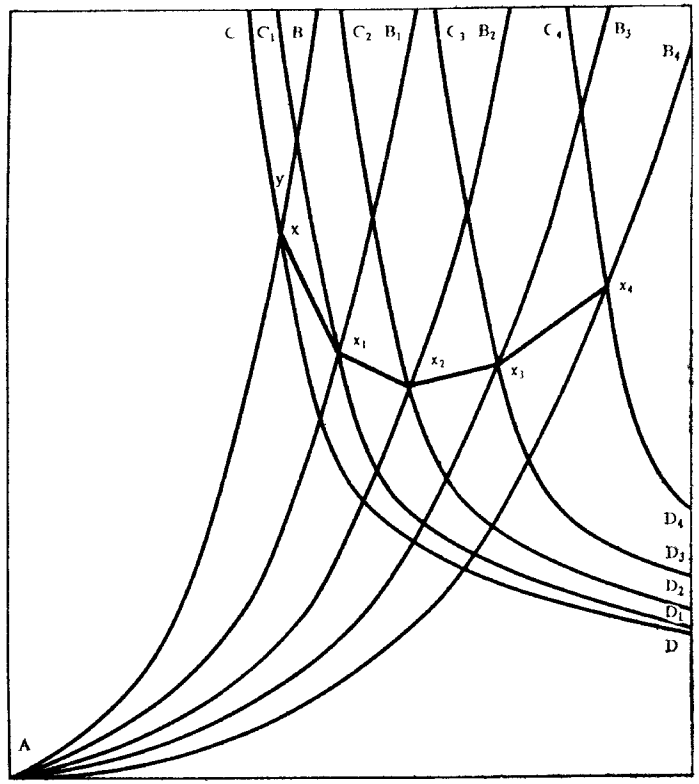

График 8

мьи без всякого капитала, каковой соответствуют по графику 8 развитие линии тягостности труда AB и мера насыщения потребности CD, и 4 возможные степени капиталоинтенсивности всего хозяйства в целом, которым соответствует течение линий:

I—C_1D_1 и A_1B_1; II—C_2D_2 и A_2B_2; III—C_3D_3 и A_3B_3 и IV—C_4D_4 и A_4B_4.

Рассматривая график 8, мы видим, что, увеличивая капиталоинтенсивность хозяйства с 0-й на 1-ю степень и с 1-й на 2-ю степень, мы повышаем уровень благосостояния хозяйства, так как эффект интенсивности в смысле понижения тягостности труда превышает собою стоимость затраты.

Однако эта третья степень интенсивности является уже оптимальной ее степенью, так как при дальнейшей интенсификации вычеты из личного бюджета на затраты по интенсификации становятся столь ощутимыми, что не могут быть компенсированы продолжающимся падением тягостности труда.

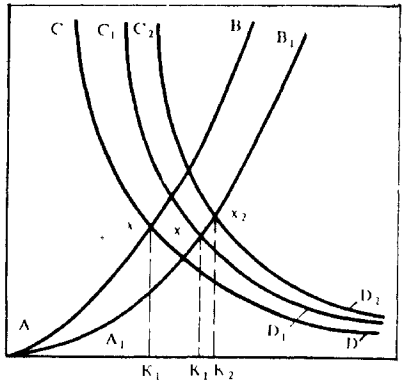

График 9

Анализированный нами график построен исходя из предположения безвозмездности кредита.

В том случае, если кредит, оказываемый нашему хозяйству, из беспроцентного превращается в возмездный, схема определения оптимума остается в основе та же, только изменится течение линий C_1D_1 в C_2D_2 и т. д. и все они дадут более повышенное течение, так как из дохода нужно будет брать не только восстанавливаемый, авансированный ранее капитал, но и проценты по нему. При этом условии многие приложения капитала могут стать невыгодными, как это мы можем видеть из прилагаемого примера на графике 9.

Поэтому всякая возмездность в пользовании капиталом понизит степень оптимальной капиталоинтенсивности хозяйства и тем более, чем более высокий процент приходится уплачивать хозяйству по займам.

Как бы то ни было, степень капиталоинтенсивности крестьянского хозяйства будет всегда тяготеть к оптимальной соответствующей объективной обстановке. А коль скоро этот оптимум будет достигнут и дальнейшее увеличение капиталоинтенсивности уже будет невыгодно для хозяйствующей семьи, свободные средства ее или будут идти на увеличение личного бюджета, или же откладываться в виде сбережений и получать назначение не трудового, а капиталистического порядка.

Таковы условия капиталообразования и капиталовосстановления при наличности беспроцентного и процентного кредитов.

Некоторые из наших критиков, оспаривающие необходимость применения гипотезы трудопотребительского анализа для истолкования явлений семейного хозяйства, указывали нам, что в данном случае возможность или невозможность применения той или иной затраты капитала может быть сформулирована весьма просто и объективно. «Если применение капитала даст прирост чистой годовой выработки работника крестьянской семьи, затрата будет признана выгодной и при наличии средств будет осуществлена».

В ответ на это мы с полным основанием можем сказать, что именно этот псевдообъективно поставленный вопрос крестьянин не сможет решить без субъективного взвешивания на весах столь раздражающего наших критиков внутрихозяйственного равновесия.

Постараемся на двух примерах пояснить сказанное сопоставлениями с возможным поведением капиталистического хозяйства. Предположим, что в районе хозяйства имеется очень выгодный для эксплуатации арендный фонд значительных размеров.

Капиталистическое хозяйство, располагающее средствами, будет эксплуатировать этот фонд в возможно бо́льших размерах, покуда не наткнется или на технические затруднения, или на то, что за дальностью расстояния и возрастающей стоимостью транспорта расширение площади арендного пользования окажется объективно невыгодным.

Очевидно, что трудовое хозяйство, несмотря на объективную выгоду аренды 50 и 100 дес., ограничит свою аренду всего несколькими десятинами, и притом тем количеством, при котором будет сводиться трудопотребительский баланс, ибо каждая десятина, не теряя своей объективной выгодности, субъективно означает увеличение тягостности труда просто в силу увеличения его годовой массы. И смею уверить моих критиков, что никакими объективными расчетами и моментами невозможно установить тот предел, до которого будут использованы арендные возможности и доведен размер капитала, необходимого для платы за аренду и для эксплуатации хозяйства.

Точно таким же образом при стойловом содержании скота количество коров, а следовательно, и капитала в них и в обслуживающих их средствах производства будет установлено в капиталистическом хозяйстве объективной невыгодностью дальнейшего расширения стада, а в семейном хозяйстве — тем количеством коров, при котором уход за последней из них будет столь же тягостен, сколь тягостен был бы отказ от удовлетворения тех потребностей, которые могут удовлетворяться на доходы с этой «предельной» коровы.

Единственно, где объективный расчет может дать некоторый результат, это в случаях замены одних средств производства другими, более совершенными и дорогими, а следовательно, требующими повышения капиталоинтенсивности хозяйства. Однако и в этом случае новое приложение капитала неизбежно отразится на общем балансе и сможет сократить или расширить объем хозяйственной работы семьи как раз не в тех отраслях хозяйства, куда вкладывается капитал. Нередко, впрочем, как это мы видели с примером пермской молотилки и кубанской жатки, момент основного равновесия осложняет собою вопрос о выгодности и приемлемости частичных затрат капитала на улучшение хозяйства.

Для определения же общей абсолютной суммы капитала, зависящей вообще от объема хозяйства, момент равновесия является решающим.

Произведенный нами анализ в полиой мере отвечает на первый из поставленных нами вопросов — о влиянии степени капиталоинтенсивности на установление момента равновесия внутрихозяйственных факторов — и раскрывает нам теоретический смысл эмпирически установленного нами уровня оптимальной вооруженности хозяйствующей семьи капиталом.

Теперь мы можем перейти и ко второму из поставленных нами вопросов — к вопросу о влиянии состояния внутрихозяйственного равновесия на процесс капиталообразования и капиталовосстановления. Как мы видим из эмпирического анализа, хозяйства не всегда могут довести процесс капиталообразования до уровня, гарантирующего им оптимальные размеры капиталоинтенсивности, и должны работать при недостаточной вооруженности своего труда средствами производства и сводить внутрихозяйственное равновесие на пониженном уровне благосостояния.

Эмпирические материалы при этом указывают, как мы знаем, что в среднем крестьянской семье удается увеличить в своем хозяйстве процесс капиталообразоваиия только параллельно с повышением личного бюджета, т. е. только в том случае, когда в силу тех или иных причин (повышение рыночной конъюнктуры или выгодных промысловых заработков) повысятся валовые доходы хозяйства.

Постараемся вникнуть теоретически в мотивы такого хозяйственного поведения.

Крестьянская семья в результате своей годовой работы получает, положим, 1000 руб. валового дохода натурой и деньгами. Какая часть из этой суммы будет направлена на потребительские нужды и какая пойдет на хозяйственные затраты? Этот вопрос является одним из самых сложных вопросов организации крестьянского хозяйства.

Каждый рубль из этой тысячи может получить и потребительское, и хозяйственное назначение. Совершенно ясно, что семья, для того чтобы существовать, должна значительную часть этого дохода затратить на свои потребительские нужды.

По мере насыщения потребностей потребительская оценка каждого направляемого к расходу рубля будет падать, но как бы она ни была мала, по всем вероятиям, в любой год крестьянская семья могла бы найти потребительское назначение всему своему годовому доходу.

Препятствием к этому является настоятельная необходимость для дальнейшего существования хозяйства авансировать часть валового дохода на восстановление оборотного капитала и сношенной части основного. Каждая хозяйствующая семья отчетливо понимает значение этих хозяйственных затрат и по многолетнему опыту своему знает, что сокращение ее хозяйственного вооружения в ближайшем же году потребует от нее

большего напряжения труда и, несмотря на это, приведет к понижению уровня благосостояния. Точно так же она ясно понимает возможность будущего улучшения своего состояния в случае усиления процесса капиталообразования. Говоря иначе, производственное назначение каждого рубля может оцениваться ей с точки зрения того уровня благосостояния в будущем году, которое, по ее предположениям, связано с той или иной степенью капиталовосстановления в настоящем году.

Для этой формы оценки рублей, получающих производственное назначение, мы можем исходя из нашего предыдущего анализа найти и графическое выражение.

Рассматривая влияние на внутрихозяйственное равновесие различных размеров авансируемого капитала, взятого в ссуду и подлежащего после хозяйственного оборота возврату, мы установили на графике 8 (с. 383) для каждого размера авансируемого капитала соответствующую ему степень насыщения потребностей, устанавливаемую внутрихозяйственным равновесием.

Если теперь мы отложим на оси общий размер авансируемого капитала, а по ординатам — величины субъективных оценок той меры насыщаемости потребностей, которая соответствует каждому размеру авансирования, то мы получим кривую субъективных оценок рублей, последовательно направляемых на процессы капиталонакопления с точки зрения их будущего потребительского эффекта (линия KM на графике 10 на с. 388).

Этим мы находим мерило для оценки производственного назначения рублей, соизмеримое с обычным мерилом оценки их потребительского иазначения (линия CD).

Сопоставим обе кривые для раздела принятого нами валового дохода в 1000 руб., причем развитие функций потребительского значения последовательных затрат будем вести справа налево (линия CD графика 10).

Тогда имеем следующую систему кривых, дающих пересечение в точке *x*, которая соответствует расходу 600 руб. на личные потребности и 400 руб. на хозяйственные (см. график 10).

Сопоставляя течение обоих кривых, мы можем проследить психологию крестьянской семьи, решающей основной вопрос своего хозяйственного поведения: *на каком уровне ей следует остановить свое потребление, для того чтобы обеспечить в будущие годы достаточный уровень своего благосостояния?*

Если семья пожелает фиксировать свое благосостояние в будущие годы на том же уровне, на котором она установит свое потребление в данном году, а это следует принять как норму, то, очевидно, ей нужно ассигновать на хозяйственные потребности сумму, соответствующую моменту пересечения, или, что то же, равновесия наших кривых, что имеет место на нашем графике при 400 руб. хозяйственных расходов.

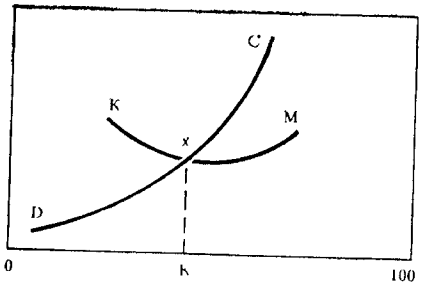

График 10

Ясно, что при всякой меньшей затрате семья, улучшив свое потребление в текущем году, в будущем году сведет хозяйственный баланс при значительно более тягостном напряжении труда и меньшей мере насыщения потребности, как это ясно из течения кривых для всякой суммы, меньшей 400 руб.

Если же семья пожелает в будущие годы повысить свое благосостояние против того уровня, которое может она стабилизировать с этого же года, то ей необходимо пойти на некоторое понижение своего благосостояния в этом году и этой ценой, увеличив вооружение своего труда капиталом, обеспечить повышение своего благосостояния в будущем. Мы не имеем эмпирического материала для суждения о процессах капиталонакопления за ряд лет в пределах одного и того же хозяйства и потому воздерживаемся от дальнейшего углубления нашего анализа.

Будет осторожнее принять, хотя это и не всегда соответствует бытовой действительности, что раздел наличного дохода устанавливается на равновесии производственных и потребительских оценок, или, что точнее, на желании сохранить постоянный уровень благосостояний.

Приняв это условное положение, мы легко сможем дать теоретическое освещение наблюдавшемуся нами явлению роста капиталообразования при повышении валовых доходов и его параллелизма с ростом личного бюджета.

В самом деле, наш анализ механизма раздела валового дохода на хозяйственное и потребительское назначение графически был приноровлен к размеру валового дохода, равному 1000 руб. При меньших суммах дохода, например при 700 руб., течение встречных кривых естественно несколько изменится, так как встречное развитие кривой DC потребительских оценок начнется не с 1000-го, а с 700-го рубля и даст в отношении кривой производственных оценок повышенное течение и момент равновесия при значительно меньшем ассигновании на потребительские нужды, как это видно на графике 11.

Нижеследующая система двух графиков показывает нам, как при построении кривых оценок потребительского назначения (DC) отдельно для каждой суммы валового дохода мы можем установить раздел валового дохода на потребительские и хозяйственные расходы для любой его высоты и выразить его графически в уже совершенно объективных величинах.

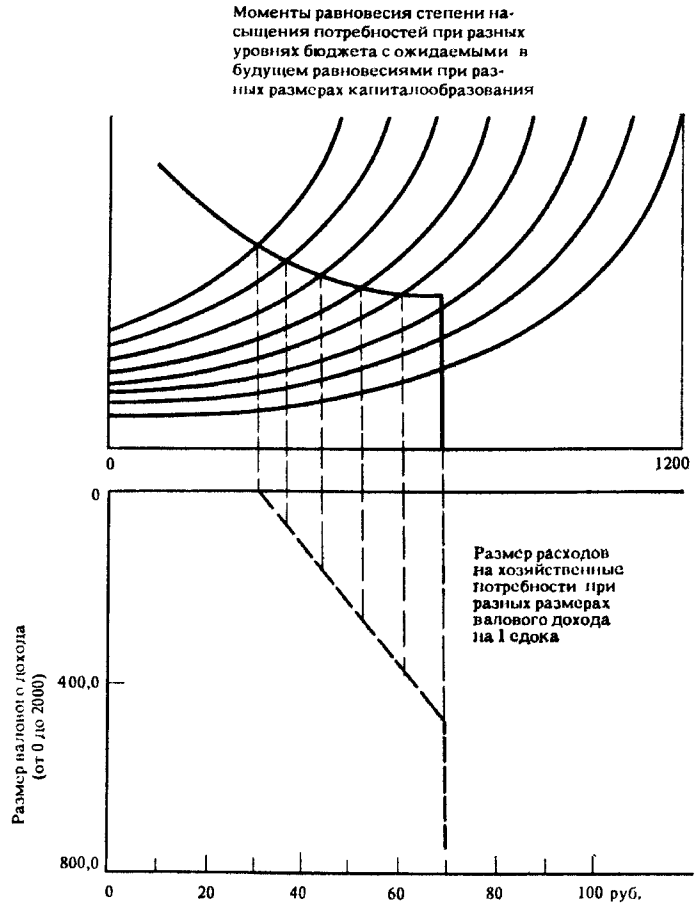

График 11

Таков механизм отщепления процессов капиталообразования от продовольственного потребления валовых доходов. Наш теоретический анализ вскрывает его только в самых общих чертах, но и полученных результатов достаточно для того, чтобы видеть значительное отличие процесса от обычного типа капиталистического обращения капитала по формуле Д—Т—Д+∂.

Здесь, в русском издании настоящего исследования, мне надлежит сделать некоторое отступление и остановить внимание читателя на некоторых своих размышлениях по поводу только что изложенного.

Весь теоретический анализ основ, на которых строится процесс капиталовосстановления и капиталонакопления в семейном хозяйстве, мною выражен в форме анализа равновесий между субъективными оценками разных явлений внутрихозяйственного

порядка. Мера удовлетворения потребностей, предельная затрата рабочей силы, кривая моментов равновесия, смещение кривых, построенных на условных, не поддающихся точному измерению величинах, и прочий арсенал понятий и методов, мною употребленных, настолько непривычны для русского читателя, что я, облекая свою теорию в эти формы изложения, сильно рискую не найти с ним общего языка. Переписав набело текст своего исследования и перечитав написанное, я даже одно время думал совсем опустить это сложное и трудное для понимания место своего исследования. Пытался изложить его, не прибегая к сложным кривым и условным величинам. Однако попытки эти не увенчались успехом, так как основной объект моего анализа — трудопотребительный баланс семейного хозяйства — ни в каких объективно конечных величинах выражен быть не может, а выбросить анализ взаимоотношения этого баланса с процессами капиталообразования было совершенно невозможно, так как без него все теоретическое содержание второй главы настоящего исследования было бы и неполно, и даже прямо неверно.

Поэтому я решил, основательно переработав, правда, оставить и в русском издании те теоретические рассуждения, которые были в немецком, тем более что они представляли собою только дальнейшее развитие и усложнение того, что уже содержалось в смысле метода анализа во второй главе.

Единственно, что я счел необходимым,— это снабдить свои рассуждения некоторыми разъяснениями.

Многие из моих читателей, прочтя без должного внимания мои теоретические формулы, могут по созвучию терминологии причислить меня к лику австрийской школы и этим ограничить свое внимание к настоящему исследованию.

Я протестовал уже против этого во введении к настоящей работе и считаю уместным остановиться на этом вопросе еще раз. Школа предельной полезности, многие заслуги которой перед экономической наукой я не отрицаю, стремилась вывести из субъективных оценок полезности предметов *всю* систему народного хозяйства, и в этом была ее главная ошибка.

Я этого не делаю, весь мой анализ до сего момента был анализом *внутрихозяйственных процессов*, я стремился выяснить, как *с частнохозяйственной точки зрения* организован производящий аппарат семейного земледельческого хозяйства, как реагирует он на то или иное воздействие давящих на него народнохозяйственных факторов, как определяется его объем и как протекают в нем процессы капиталообразования.

Мне, как это представляется, удалось показать, что в своем хозяйственном поведении семейное хозяйство, лишенное категории заработной платы, и по способу своего хозяйственного расчета, и по мотивации работы отличается от хозяйства, построенного на наемном труде, и что процесс кругообращения капитала происходит в нем несколько иначе, чем в обычном капиталистическом хозяйстве, где этот круговорот (кругооборот. — *Ред.*) с таким блеском проанализирован во II томе «Капитала».

Так как при отсутствии категории заработной платы я не мог применить к оценке внутрихозяйственных явлений объективный ценностный расчет определения чистой прибыли из разности валового дохода и материальных издержек, то мне пришлось ввести в анализ гипотезу трудопотребительного баланса как некоторую модель, заменяющую собой хозяйственное сознание трудовой семьи или, точнее, ее руководителя.

Мне удалось показать, что с помощью так сконструированного аппарата крестьянское хозяйство может определить объем своей хозяйственной работы, реагировать на все народнохозяйственные факторы — на колебание цен, на улучшение техники производства, на повышение плодородия и другие рентообразующие факторы и, наконец, может производить закономерно процессы капиталовосстановления и капиталонакопления и оборачивать внутри себя заемный капитал. Говоря короче, существовать в условиях современного товарного строя народного хозяйства.

Мы видели, что хозяйственное поведение так сконструированного аппарата во многих случаях было тождественно аппаратам, построенным на наемном труде, в некоторых же случаях, по преимуществу в случаях аграрного перенаселения, резко отличным.

Возможность благодаря нашей теории понять природу этих отличий в хозяйственном поведении и составляет в наших глазах ценность наших построений. Поэтому вполне прав был фрейбургский проф. К. Диль, который в отзыве на немецкое издание нашей книги писал, что забвение этих отличий семейного хозяйства и экстраполяция на него экономики А. Смита и Д. Рикардо привели англичан в их индийской хозяйственной политике к ряду тяжелых ошибок.

Теперь, поскольку нами теоретически скоиструирован хозяйственный аппарат семейного хозяйства, нам надлежит ввести его в систему современного народного хозяйства со свойственной ему гегемонией капиталистических отношений и уяснить, в какой мере разные факторы этого строя будут влиять на наш аппарат и в какой мере массовые процессы, совершаемые в пределах хозяйственного массива, слагающие которого построены по типу нашего аппарата, будут сами оказывать влияние на существующую систему народного хозяйства.

В обоих случаях, конечно, связь между аппаратом семейного хозяйства и народным хозяйством будет держаться не субъективными оценками, а теми вполне объективными хозяйственными ценностными величинами, которые получаются в резуль-

тате проанализированного нами семейного производства или служат его предпосылками.

Говоря иначе, всякого рода субъективные оценки и равновесия, проанализированные нами *как таковые*, из недр семейного хозяйства на поверхность не покажутся, и вовне оно будет представлено такими же объективными величинами, как и всякое иное.

Крестьянское хозяйство может воздержаться от покупки предмета, субъективная оценка которого для него будет ниже рыночной цены, но если оно его купит, то будет платить за него такими же рублями, как соседнее чисто капиталистическое предприятие.

Однако, как это мы постараемся показать в последующих главах, семейное хозяйство в силу особенности внутреннего сложения своего хозяйственного аппарата имеет ряд объективных особенностей в народнохозяйственном отношении как в пределах массива семейных хозяйств, так равно и в своем влиянии на другие слагающие системы народного хозяйства.

Ниже мы попытаемся вскрыть эти народнохозяйственные следствия, вытекающие из природы внутрихозяйственной организации семейного хозяйства.

Вот в этих-то частях нашей работы, и *только* в этих, мы и можем сойтись или разойтись в своих выводах со школой предельной полезности, марксистами-ортодоксами, марксистами-ревизионистами, неоклассиками, англоамериканцами и другими направлениями в разработке теории народного хозяйства.

В сущности говоря, каждая из этих теорий для того, чтобы быть универсальной, должна обнять своими построениями те особенности хозяйственного поведения семейных хозяйств, которые вскрыты нами эмпирически, и, пожалуй, даже нашу внутрихозяйственную организационную концепцию.

Во всяком случае, наше учение о строении аппарата семейного хозяйства само по себе не противоречит ни одной из теоретических систем народного хозяйства и только требует от них некоторого творческого напряжения для своей аперцепции (восприятия. — *Ред.*).*

Так, например, поскольку семейное хозяйство существует в пределах народного хозяйства с гегемонией капиталистических отношений, поскольку оно втянуто в товарное производство и является мелким товаропроизводителем, продает и покупает по ценам, установленным в порядке торгового капитализма, и поскольку вращающиеся в нем капиталы представляют собою в конце концов занятый им банковский капитал, наше хозяйство со всеми свойственными ему особенностями (и, может быть, именно в силу этих своих особенностей) делается объектом самой безудержной капиталистической эксплуатации и неотъемлемой частью капиталистического строя. И, например,

марксистскому автору для уяснения особенностей этой формы эксплуатации нужно будет принять во внимание особенности природы крестьянского хозяйства, нами установленные, тем более что сам К. Маркс, говоря о ренте в крестьянском парцеллярном хозяйстве, уже отметил многие из устанавливаемых нами положений.[37]

Впрочем, наше отступление от прямого развития темы слишком затянулось, и мы, оканчивая его, должны будем все же вернуться к вопросу кругообращения капитала в крестьянском хозяйстве.

Нам кажется, что наш анализ влияния внутрихозяйственного равновесия на процесс капиталообращения в семейном хозяйстве может дать нам основание для формулирования следующих положений.

1. При каждом данном уровне техники и условиях данной рыночной конъюнктуры всякая трудовая семья, располагающая возможностью регулировать площадь своего землепользования, может повышать производительность своего труда, увеличивая капиталоинтенсивность своего хозяйства до известного оптимального для этой семьи уровня. Всякая форсация капиталоинтенсивности за пределы этого оптимального уровня поведет к усилению тягостности труда и даже к падению его оплаты, так как, с одной стороны, повышение расходов на восстановление снашиваемого капитала будет погашать полезный эффект дальнейшей капиталоинтенсификации, а с другой — хозяйственная реализация этого капитала потребует от хозяйствующей семьи бóльшего напряжения труда, чем это допускается равновесием внутрихозяйственных факторов хозяйства.

2. Далеко не все семейные хозяйства работают при оптимальной капиталоинтенсивности. Многие из них ведут хозяйство с пониженной капиталообеспеченностью и получают пониженную оплату труда. Часто семьи эти, несмотря на полное стремление довести капиталы своего хозяйства до оптимальных размеров, сделать этого не могут, так как процесс капиталовосстановления, связанный известным равновесием с процессом удовлетворения личных потребностей, не может достичь размеров, гарантирующих расширенное воспроизводство капитала.

3. Вообще процессы капиталообразования и капиталовосстановления увязаны в некоторое равновесие с другими процессами семейного хозяйства (напряжением труда, удовлетворением личных потребностей и пр.) и в своей силе зависят от развития этих последних. В малоудачные хозяйственные годы процесс капиталовосстановления угасает вместе со снижением личного бюджета и повышением уровня самоэксплуатации, рабочих сил семьи, в хорошие годы он ведет к расширенному вос-

[37] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 375. — *Ред.**

производству капитала вместе с повышением уровня личного потребления и понижением напряжения труда.

Таковы главнейшие основы строения и оборотов капитала в семейном хозяйстве.

Ввиду исключительного народнохозяйственного значения процессов капиталообразования для аграрных крестьянских стран мы не сомневаемся, что дальнейшее изучение этих процессов стоит на ближайшей очереди и должно начаться прежде всего с собирания эмпирического материала.

Заканчивая этим главу о капитале в трудовом хозяйстве, мы заканчиваем тем самым и первую часть нашего исследования, посвященную сложению индивидуального трудового хозяйства в земледелии.

Все изложенное представляет собой итоги почти двадцатилетней работы ряда русских экономистов, имеющих в своем распоряжении исключительные по богатству материалы, собранные полувековой работой русской земской статистики, и в настоящем систематизированном виде дает нам более или менее законченное очертание теории крестьянского хозяйства.

Однако, оценивая уже пройденный путь, мы еще раз повторяем, что нами заложена только основа дальнейшей, более глубокой работы, даны руководящие идеи к целому ряду эмпирических исследований, и надо надеяться, что следующему поколению экономистов удастся в полной мере и на значительно большем объеме материала развить учение об организации индивидуального крестьянского хозяйства.

ГЛАВА VI

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СЛЕДСТВИЯ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ХОЗЯЙСТВА

На протяжении пяти предыдущих глав мы весьма тщательно и, может быть, даже с некоторой надоедливостью для читателя стремились подчеркнуть, что ведем наш анализ в частнохозяйственной плоскости, т. е. в плоскости изучения внутренних процессов работы хозяйствеиного аппарата крестьянской семьи.

Само собою понятно, что сконструированный нами теоретически аппарат трудового хозяйства не мог мыслиться нами висящим в безвоздушном пространстве. Мы приняли наше хозяйство как хозяйство товарное и, следовательно, входящее в порядке кредитного и товарного оборота в некоторую сосуществующую с ним систему народного хозяйства.

Доктор К. Риттер, один из критиков немецкого издания настоящей книги, признавая отмеченные нами особенности внутренней организации семейных предприятий, в то же время считает необходимым сохранить за ним термин капиталистического хозяйства [38], так как оно, входя в капиталистическую систему современного народного хозяйства, составляет собою только часть его и, продавая и покупая товары по ценам капиталистического рынка, уплачивая за занятые капиталы обычные банковские проценты и потрясаясь всеми кризисами и депрессиями капиталистической системы, оно тем самым с народнохозяйственной точки зрения есть только вариант или фаза современного капитализма.

На такой же примерно точке зрения стоит и кильский проф. А. Скальвайт [39].

Мы ничего не имеем против такой концепции, и, в сущности говоря, все содержание пяти предыдущих глав вполне может уместиться в ее лоне за некоторыми терминологическими поправками. И если мы с особенной настойчивостью противопоставляли и будем противопоставлять семейное хозяйство капи-

[38] Ritter K. Op. cit. S. 680.
[39] Skalweit A. Op. cit. S. 232

талистическому, то делали это в плоскости организационно-производственной, противопоставляя трудовое хозяйство хозяйству, построенному на труде наемных рабочих. В этом отношении это два совершенно различных хозяйственных аппарата, по-разному реагирующие на одни и те же экономические факторы.

В народнохозяйственном же отношении в настоящее время они оба являются составляющими одной и той же народнохозяйственной системы, и биение ее пульса в равной мере, хотя и по-разному, ощущается и тем, и другим.

Весь вопрос заключается только в том, как слагается эта единая народнохозяйственная система, которую мы согласны считать системой капиталистической ввиду свойственной ей гегемонии капиталистических отношений *.

Или точнее: есть ли разница в строении и работе народнохозяйственного аппарата в том случае, когда в его составе аппараты семейного типа единичны, и в том, когда подавляющая часть продуктов сельского хозяйства производится в пределах этих аппаратов?

Для того чтобы избежать обвинения в статичности, я согласен даже отредактировать этот вопрос иначе: имеется ли разница в сложении и работе народнохозяйственного аппарата (в ценообразовании, распределении доходов, географии производства и пр.) между той фазой развития капитализма, в которой семейные предприятия количественно составляют значительную часть производства, и той его фазой, в которой они потеряли всякое значение?

По нашему мнению, эти различия существуют и заключаются они в том, что большие народнохозяйственные массивы семейных хозяйств, в общем всегда пассивных, будучи втянуты в капиталистическую систему народного хозяйства и приведены в подчинение организующим центрам капитализма, начинают сами оказывать свое влияние на них особенностями своего хозяйственного поведения, и это влияние подчас и в некоторых отраслях начинает приобретать определяющее значение.

Говоря иначе, современная фаза капитализма, в которой бóльшая часть промышленности и торговли построена на аппаратах, эксплуатирующих наемный труд, а значительная часть сельского хозяйства — на аппаратах семейного хозяйства, неизбежно должна отражать на себе влияние и того, и другого типа хозяйственной деятельности.

Теоретически учение о народном хозяйстве от Д. Рикардо и до наших дней строилось дедуктивно, исходя из мотивации и методов хозяйственного расчета homo economicus'a [40], работающего в качестве капиталиста-предпринимателя, строящего свое предприятие на наемном труде *.

[40] Хозяйствующий человек (лат.).— *Ред.*

В действительности оказывается, что этот классический homo economicus часто сидит не на месте предпринимателя, а в качестве организатора семейного производства.

Поэтому система теоретической экономии, сконструированная исходя из предпринимательской работы homo economicus'a в качестве капиталиста, ясно односторонняя и недостаточна для познания экономической действительности во всей ее реальной сложности.

Какие же осложнения в теоретическую систему народного хозяйства может внести частичная пересадка homo economicus'a из одного качества в другое?

Для того чтобы ответить на этот вопрос и возможно ярче оттенить могущие произойти отклонения, лучше всего было бы повторить теоретическую ошибку современных экономистов, но только в обратном порядке, т. е. принять, что все homo economicus'ы без изъятия сидят в качестве организаторов семейного хозяйства и что наемного труда и «работодателей» в природе не существует и система народного хозяйства складывается из взаимоотношения этих семейных хозяйств.

В теперешних условиях такое предположение кажется немного странным, но для целого ряда минувших эпох, предшествующих зарождению и развитию капитализма, такая конструкция могла быть более близкой, чем концепция, положим, А. Смита [41].

Для нас такая система имела бы немалое аналитическое значение и представляла бы в отношении к теперешней теоретической экономии то же, что геометрия Лобачевского к геометрии Евклида. У Лобачевского выпадала аксиома параллельных линий, у нас — категория заработной платы.

Мы, однако, не считаем себя в силе и в праве занимать читателя изложением такой системы экономики чистой культуры трудовых хозяйств [42] и остановимся только на анализе некоторых народнохозяйственных следствий, вытекающих из организационных особенностей семейного хозяйства и имеющих весьма актуальное значение в реальной жизни.

Так, только располагая теоретически вполне и отчетливо установленным пониманием народнохозяйственных категорий трудового семейного хозяйства, мы окажемся в состоянии подойти к освещению тех запутанных и сложных явлений в области зе-

[41] Недаром первую формулировку трудопотребительского баланса мы встречаем еще в притчах Соломона (глава XVI, стих 26), где сказано: «Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к *тому* рот его» *.

[42] Некоторый опыт в этом отношении нами сделан в статье «Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssystem» в 3-й тетради 51-го тома «Archiv Für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» за 1923 год *

мельных цен, сложения рынка сельскохозяйственных продуктов, развертывания промышленных кризисов в земледельческих странах и, наконец, штандорта (размещения. — *Ред.*) сельского хозяйства, невозможность обычного капиталистического истолкования которых уже показана В. А. Косинским, А. Н. Челинцевым, С. А. Первушиным, Н. П. Макаровым и другими экономистами последнего времени.

Первой из проблем, стоящих на этом пути, является проблема ренты в трудовом хозяйстве, поставленная А. Н. Челинцевым в его экономическом этюде, отвечающем на вопрос заглавия «Существует ли рента в трудовом хозяйстве», и еще ранее проф. С. Н. Булгаковым и марксистами-ревизионистами, а отчасти даже и самим К. Марксом. Как известно, работа А. Н. Челинцева приходит к выводу, что никакой ренты крестьянское хозяйство не получает и степень рентности того или иного местоположения хозяйства или качества его земель сказывается только на повышении или понижении уровня потребления хозяйствующей семьи.

Однако, по нашему мнению, тот рентный момент, который, согласно А. Н. Челинцеву, выражается в крестьянском хозяйстве в повышении уровня потребления, требует для своего полного уяснения гораздо более глубокой теоретической разработки, чем простая ссылка на повышенное потребление, так как согласно нашему предыдущему анализу сам факт повышения уровня потребления тем самым уже является фактом понижения в напряжении труда и увеличения капиталообразующей силы хозяйства, т. е. представляет собою явление, гораздо более сложное.

Прежде всего, что такое *рента* как народнохозяйственное явление? Согласно обычному школьному определению *«рента есть часть дохода, которую предприниматель уплачивает собственнику земли за пользование этой последней»*. То есть, говоря иначе, перед нами реальное социально-экономическое явление, существующее в определенных условиях общественных отношений, возникших на почве сельскохозяйственного производства, и ими (этими отношениями) регулируемое.

Именно это явление и ничего больше служило объектом анализа Д. Рикардо и других англичан.

Это понятие часто переносилось и на анализ доходов хозяйства, ведущегося на земле предпринимателя, в том смысле, что из состава чистого дохода выделяли бухгалтерски, и притом всегда крайне условными методами, ту часть этого дохода, которую хозяйство могло или должно было бы платить за эту землю в случае, если бы она была бы в чужой собственности. «Рента» в этом случае была счетным «таксационным» понятием, зависящим от арифметики счетовода, а отнюдь не реальным социально-экономическим явлением, зависящим от движения об-

щественных взаимоотношений. Наиболее блестяще это было показано проф. Ф. Эребо в его последней работе об оценках земли, в которой он доказал невозможность таксировать (оценивать. — *Ред.*) земельные участки исходя из бухгалтерских исчислений чистой прибыли и «ренты»[43].

Единственной реальностью такого хозяйства является лишь чистый доход предприятия, выражаемый в годичном приросте материальных ценностей в хозяйстве.

Исчисление же «ренты», часто весьма необходимое и полезное, имеет такое же отношение к *общественно-экономическому явлению ренты,* как таксационные оценки продуктов, совершающих натуральный оборот в хозяйстве, к явлению рыночной цены.

Точно таким же образом в отношении семейного хозяйства полной социально-экономической реальностью будут те арендные цены, которые крестьянское хозяйство будет выплачивать за арендуемые им земли. Однако, как мы увидим ниже, ни генезис этих цен, ни их уровень, как это показали многочисленные эмпирические исследования, не будут совпадать с арендными ценами, уплачиваемыми хозяйствами, организованными на наемном труде[44].

Однако при отсутствии в семейном хозяйстве, взятом в его чистых формах, категории заработной платы как величины, объективно даваемой хозяйству, эту «арендную плату» вывести даже исчислительно из доходов семейного хозяйства представляется совершенно невозможным.

Единственными народнохозяйственными реальностями в системе семейного хозяйства являются: 1) валовой доход семейного хозяйства, 2) суммы, затрачиваемые из него на воспроизводство капитала, 3) личный бюджет семьи и 4) ее сбережения, не вложенные в свое хозяйство. Все эти четыре величины вполне реальны, и поскольку они имеют ценностный характер, они суть социально-экономические явления, зависящие от сложной системы общественных отношений и часто определяемые в большей мере котировками лондонской биржи, чем местными дождиками.

Нашей задачей в деле народнохозяйственного анализа крестьянского хозяйства и должно являться изучение влияния разных народнохозяйственных факторов на эти процессы капиталовосстановления и капиталонакопления крестьянского хозяйства и на уровень его благосостояния.

---

[43] Aereboe Fr. Die Beurteilung von Landgütern und Grundstücken. Berlin, 1921.

[44] К. Маркс, отмечая это обстоятельство, писал «... это рента лишь номинально, не рента как самостоятельная категория в противоположность заработной плате и прибыли» (Маркс К., Энгельс Ф Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 375.— *Ред.*).

Сообразно изложенному вопрос о ренте в крестьянском хозяйстве, поскольку объектом нашего анализа не являются арендные платы, уплачиваемые крестьянскими хозяйствами, должен сводиться не к исчислению какой-либо подесятинной нормы «нетрудового дохода», именуемого земельной рентой, а к тщательному изучению того влияния, которое рентообразующие факторы оказывают в крестьянском хозяйстве на три вышеотмеченные реальные категории семейного хозяйства — капиталообразование, уровень напряжения труда и личный бюджет крестьянских семей.

Говоря иначе, если мы имеем какой-либо участок земли, благодаря своему плодородию и близости к рынку находящийся в хороших рентных условиях, то мы будем иметь перед собою следующие четыре подхода к анализу ренты.

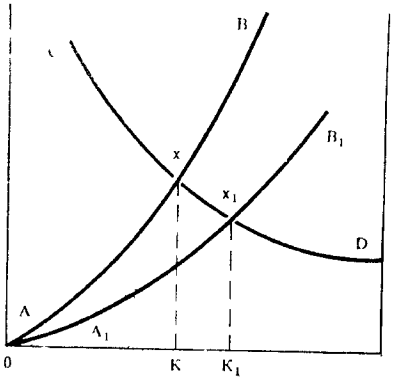
	Социально-экономический анализ	Таксационно-бухгалтерский анализ
1. Землю обрабатывает предприниматель-капиталист, арендующий ее у землевладельца	Анализ сводится к выяснению того механизма, с помощью которого рыночные цены, плодородие земли и другие рентообразующие факторы влияют на высоту платимых арендных плат	—
2. Землю обрабатывает предприниматель-капиталист, владеющий этой землей	Анализ сводится к выяснению влияния рентообразующих факторов на величину чистого дохода	Исчисление ренты делается путем вычитания из чистого дохода процента на капитал, получающийся остаток принимается за ренту и, как правило, редко совпадает с реальными арендными ценами и уровнями банковских процентов с цен на землю
3. Землю обрабатывает семейное хозяйство, арендуя ее у землевладельца	Анализ сводится к выяснению механизма, с помощью которого на высоту арендных плат влияют, с одной стороны, вышеперечисленные рентообразующие факторы, а с другой — густота населения и строение его, доходов. Высота арендных плат в этом третьем случае может не совпадать с арендными платами в первом случае	—
4. Землю обрабатывает семейное хозяйство, владеющее этой землей.	Анализ должен сводиться к выяснению влияния рентообразующих факторов на капиталообразование, напряжение труда и повышение уровня благосостояния семейных хозяйств в разных условиях семейного состава и землеобеспечения. Разница между материальными доходами двух хозяйств, находящихся в разных условиях рентности, отнесенных к десятине, не обязательно будет совпадать с высотою арендных плат, платимых за эти земли семейными и капиталистическими хозяйствами, и таксационно исчисленными рентами капиталистического хозяйства	Невозможно выдвинуть исходя из материалов хозяйств четвертого типа никаких таксаторских методов для исчисления тех арендных плат, которые в аналогичных условиях были бы уплачены хозяйствами третьего типа. С помощью ряда условных приемов, оценивая труд семьи по заработным платам и проч., можно, конечно, вычислить «капиталистическую ренту» так, как это делается для второго типа. Однако эти упражнения, часто весьма полезные, например для раскладки податных сборов и т. п. надобностей, в которых можно работать с относительными величинами невысокой точности, *никакого социально-экономического смысла содержать в себе не будут*

Для конструирования теории рентных элементов в трудовом земледельческом хозяйстве нам представляется необходимым проследить, какой эффект в нем имеют обычные рентообразующие факторы, создающие и количественно определяющие собою дифференциальную ренту капиталистического земледелия.

Ясно, что для крестьянского хозяйства как лучшее качество полей, так равно и более благоприятное положение хозяйства в отношении рынка принесет или понижение материальных затрат и трудовых усилий для получения того же валового дохода, или же повышение этого дохода при тех же материальных затратах и трудовых усилиях.

Для трудового хозяйства в обоих случаях это будет означать увеличение оплаты единицы труда в более рентных условиях и приведет к установлению нового равновесия между мерой тягостности труда и мерой удовлетворения потребностей, как это показано на знакомом уже нам по своему типу графике (см. с. 402), где линия AB_1 обозначает собою тягостность труда в условиях повышенной рентности.

Перед нами обычная для трудового хозяйства картина повышения производительности единицы труда, в данном случае происшедшего благодаря переходу от малорентного к более рентному участку земли, такая же, какую мы наблюдаем

в случаях применения новых машин, повышения рыночной конъюнктуры и других примеров нашей второй главы.

Говоря иначе, переход нашего семейства к работам на земле с большей рентабельностью затрат труда и капитала не приносит ей никакого нового *нетрудового* источника дохода, а просто создает лучшие условия для приложения труда, равно как переход на землю, дающий при капиталистической эксплуатации отрицательную ренту, не будет означать собою для трудового хозяйства убытка в капиталистическом смысле этого слова, т. е. уменьшения обращаемой в хозяйстве суммы ценностей, а даст только ухудшение условий приложения труда и соответственно может изменить равновесие основных внутрихозяйственных факторов хозяйства.

При этом согласно изложенному нами во второй главе прирост потребления и вообще доходов семьи при переходе ее к работам на высокорентные земли не будет даже количественно соответствовать приросту капиталистической ренты при таковом же переходе, так как мы знаем (с. 243), что при повышении производительности труда момент нового внутрихозяйственного равновесия устанавливается на уровне продукции, отстающей в своей скорости нарастания от скорости нарастания производительности. Хозяйство, покрыв свои потребности повышенными поступлениями с высокорентных приложений труда, сможет сократить общую массу своих трудовых усилий и выбросить из своего организационного плана занятия, дающие сравнительно малую оплату труда.

Как мы знаем, хорошим примером этого является рост продукции работника швейцарских крестьянских хозяйств под влиянием все увеличивающейся рентабельности приложения труда. Нижеследующая таблица повторяет эти уже известные нам цифры в несколько измененном виде.

Влияние повышения рентности на уровень благосостояния крестьянских семей

	Оплата одного рабочего дня в своем хозяйстве (франки)				
	0—2	2—3	3—4	4—5	5 и выше
Расходы на личные потребности на одного едока .	610	699	804	839	886
То же принимая 1 группу за 100	100	114	132	137	145
Рост оплаты, принимая 1 группу за 100	100	166	233	300	366

Поэтому если даже чисто бухгалтерски и арифметически вычесть из новых доходов доходы старые и разность разделить на число десятин, то получившиеся величины не будут соответствовать разнице капиталистических рент этих земель.

Даже больше того. Если мы совершенно вопреки организационным началам трудового хозяйства выдернем из всего хозяйства одну десятину, оценим труд хозяйствующей семьи по уровням заработных плат и учтем баланс этой изолированной десятины методами капиталистической бухгалтерии, то прирост бухгалтерского «чистого дохода» с нее будет иной, чем в капиталистическом хозяйстве, так как в большинстве случаев трудовое хозяйство будет согласно своему расчету выгодности доводить степень интенсивности культуры до другого уровня, чем хозяйство капиталистическое.

Особенно интересным примером этого являются уже известные нам учеты швейцарских хозяйств, произведенные проф. Э. Лауром по всем правилам капиталистической бухгалтерии. В его итоговой таблице мы имеем:

Мера интенсивности и земельная рента в крестьянских хозяйствах Швейцарии по исследованию Э. Лаура (1910 г.)

Группа хозяйств по землепользованию (га)	Мера интенсивности. На 1 га приходится		Земельная рента на 1 га (франки)	На одного едока приходится (га)
	рабочих дней	валового дохода		
До 5	147	902,04	68,0	1,21
5—10	115	777,70	77,2	2,06
10—15	89	728,10	85,4	3,21
15—30	76	610,03	85,4	4,82
30 и выше	56	500,99	86,9	7,86

Мы видим, что земельная рента трех многосеющих групп, построенных на наемном труде, дает почти одинаковую величину — около 85 франков на 1 га; хозяйства же трудового типа, находящиеся в состоянии малоземелья, не могут свести своего баланса при оптимальном уровне интенсивности и вынуждены форсировать интенсивность, повышая этим валовой доход, но роняя бухгалтерски исчисляемую «ренту».

Некоторое влияние на снижение ренты в мелких парцеллярных хозяйствах оказывает и их техническая слабость.

Таким образом, рентообразующие факторы имеют совершенно различный количественный эффект в трудовом и капиталистическом хозяйстве. Однако для нашего теоретического анализа гораздо важнее не это количественное несовпадение, а глубочайшие различия в самой природе двух явлений,

порождаемых рентообразующими факторами: капиталистической ренты, с одной стороны, и повышения производительности труда — с другой.

Не приходится забывать, как это уже мы отметили, что Д. Рикардо, разрабатывая теорию ренты, имел объектом анализа вполне определенный социально-экономический феномен, а именно долю нетрудового дохода фермера-предпринимателя, работающего на наемном труде, уплачиваемую им собственнику земли.

Этот феномен представлял собою явление, вполне ясно определившееся народнохозяйственными категориями (заработной платой, процентом на капитал и рыночными ценами) и совершенно немыслимое вне той народнохозяйственной системы, как вообще немыслимо в изолированном состоянии любое капиталистическое хозяйство.

Повышение же производительности труда крестьянского хозяйства и вытекающие из этого последствия в виде повышения уровня потребления и силы капиталообразования зависят, помимо технических условий производства, только от одной категории народнохозяйственного порядка — рыночной цены и совершенно не реагируют и не могут реагировать на другие — заработную плату, процент на капитал и проч. Кроме того, трудовые хозяйства могут мыслиться нами совершенно натуральными, тогда все же разница в качестве полей сохранит силу рентообразующего фактора и приведет к тому, что хозяйства, находящиеся в лучших рентных условиях, будут вне влияния каких-либо народнохозяйственных категорий иметь согласно природе своего внутреннего трудового сложения повышенный уровень потребления, бóльшую силу капиталообразования и меньшую степень напряжения труда.

Говоря иначе, рентный элемент трудового хозяйства может мыслиться вне всяких народнохозяйственных категорий, являющихся необходимым условием для понятия капиталистической ренты и для самого факта существования капиталистического хозяйства.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, мы можем признать, что рентообразующие факторы, порождающие в капиталистическом хозяйстве явления земельной ренты как особого вида нетрудового дохода, в хозяйствах семейных и трудовых вызывают повышение уровня потребления, увеличение силы капиталообразования и ослабляют меру напряжения труда. Причем сумма повышения потребления и капиталонакопления не будет количественно совпадать с размерами капиталистической ренты этих же земель и в значительной степени будет зависеть от субъективных особенностей в сложении каждого хозяйства и общей плотности населения района.

Непосредственно к вопросу о ренте *примыкает* связанная с нею в капиталистическом хозяйстве проблема *цены на землю*.

Эта проблема для нас особенно важна, потому что там, где земля имеет рыночный товарооборот, свойственная трудовому хозяйству народнохозяйственная категория цены на землю сталкивается на *едином* земельном рынке с соответствующей категорией капиталистического хозяйства, и здесь мы впервые будем наблюдать коллизию между двумя системами народного хозяйства и сможем проанализировать механизм установления равнодействующей.

Для хозяйства капиталистического вопрос о цене на землю с большей ясностью решается формулой, согласно которой цена на землю есть земельная рента, капитализируемая из обычного рыночного процента на капитал.

Для трудового хозяйства такого рода построение совершенно невозможно за отсутствием в ней ренты как обособленного реально существующего дохода.

Поэтому проблема может быть нами в отношении крестьянского хозяйства поставлена только в своем первоначальном виде в форме вопроса: какую цену может и будет платить крестьянское хозяйство за землю?

Для разрешения этого вопроса начнем наш анализ с выяснения механизма образования арендных плат и постараемся употребить тот же ход рассуждения, который мы применили в предыдущей главе при изучении роли капитала в семейном производстве.

Ясно, что трудовое крестьянское хозяйство будет считать аренду какого-либо участка земли выгодной постольку, поскольку оно сможет при помощи этой аренды свести свой внутренний баланс при более благоприятном моменте равновесия между тягостностью труда и мерой удовлетворения потребностей, чем при отсутствии этой аренды.

Для этого необходимо, чтобы труд, прилагаемый к арендованным землям, получил на них (за вычетом из доходов арендной платы) такую оплату, которая была бы выше предельной оплаты, имевшей место при установлении равновесия внутрихозяйственных факторов без данной аренды.

Графически мы будем иметь построение, тождественное тем, которыми мы пользовались при установлении рентабельности того или иного применения капитала.

На графике 12 кривые AB и CD и точка X обозначают установление равновесия без применения анализируемого случая аренды, кривая AMB_1 указывает на то изменение, которое вносит в развитие производительности труда применение аренды, кривые C_1D_1 и C_2D_2 указывают течения линий субъективных оценок предельного рубля дохода, первая — за

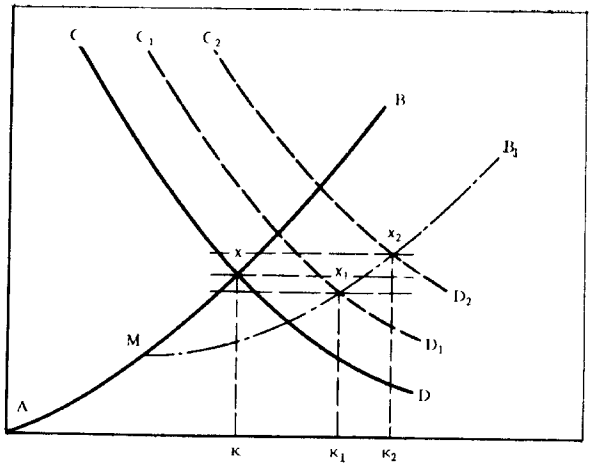

График 12

вычетом 20 руб. арендной платы, вторая — при вычете за ту же арендуемую землю 40 руб. арендной платы.

Как видно из графика, аренда данного участка при арендной плате в 20 руб. будет выгодна, так как при этом момент равновесия наступит при высшем уровне удовлетворения потребностей ($x_1k_1 < xk$), а при арендной плате в 40 руб. аренда будет неприемлема для семьи, так как при этом баланс сведется при более тяжелом моменте равновесия внутрихозяйственных факторов ($x_2k_2 > xk$). Говоря иначе, наше хозяйство сможет заплатить за землю 20 руб. арендной платы, но для него бессмысленно будет платить 40 руб.

Сообразно этому в районах широкого земельного простора, где чистая оплата труда в крестьянских хозяйствах не ниже заработной платы и хозяйства строятся в оптимальных уровнях интенсивности, крестьянское хозяйство, если оно и будет прибегать к аренде, не будет платить арендных плат более высоких, чем хозяйства капиталистические, а, всего вернее, будет брать землю только по платам более низким.

Однако в перенаселенных районах крестьянское хозяйство для покрытия своего внутреннего равновесия принуждено форсировать уровень интенсификации своего хозяйства значительно выше оптимального, и там, где оплата единицы труда в обычных отраслях крестьянского хозяйства стоит ниже заработных плат капиталистического хозяйства, там крестьянское хозяйство почтет для себя выгодным уплатить арендную плату значительно более высокую, чем капиталистическая рента, и тем оставить себе оплату труда более низкую, чем заработная плата капиталистических хозяйств. Однако при резкой земельной тесноте эти, сообразно термину П. П. Маслова, «голодные аренды» могут все-таки улучшить момент внутреннего равновесия крестьянского хозяйства *.

Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия.

Так, например, по Воронежской губернии имеем [45]:

Уезды	Средняя арендная плата за десятину озимого (руб.)	Средняя чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве (руб.)	Разница (руб.)
Воронежский	19,97	8,26	11,71
Задонский	16,20	5,03	11,17
Землянский	20,59	8,27	12,32
Нижнедевицкий	20,75	6,32	14,43
Коротоякский	19,41	2,72	16,63
Бобровский	18,87	7,67	11,20
Новохоперский	19,25	6,51	12,74
Богучарский	8,88	3,85	5,03
Павловский	13,20	6,27	6,93
Острогожский	14,70	2,49	12,21
Бирючский	17,72	2,54	15,18
Валуйский	12,79	3,74	9,05
Среднее	16,80	5,30	11,30

Совершенно аналогичный по своей природе процесс оценок определяет для крестьянского хозяйства и те суммы, которые он может платить за покупаемые земли, с той только разницей, что ввиду значительности суммы, подлежащей уплате, процесс расчета растягивается на несколько лет и нередко сопровождается сознательным понижением уровня потребления.

Установленная нами природа оценки крестьянским хозяйством арендуемых и приобретаемых земель исходя из предельной оплаты труда и ее повышения при установлении нового равновесия внутрихозяйственных факторов, создающегося после введения в хозяйство этих новых земель, приводит нас к парадоксальному выводу, что в перенаселенных районах наиболее высокие цены за землю и аренду будут платить наиболее бедные крестьянские семьи. Это, впрочем, вполне соответствует действительности и в свое время было отмечено еще

[45] Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии Период III (с 1 июня по 1 ноября 1904 г.) Воронеж, 1905. С. 77.

в III томе «Капитала» К. Маркса [46], взгляды которого на земельную ренту в парцеллярном крестьянском хозяйстве и на уплачиваемые им арендные цены весьма близки к этим построениям.

Хорошей иллюстрацией к этому положению является таблица того же проф. Э. Лаура в отношении швейцарских хозяйств, приводимая нами ниже:

Группа по землепользованию (га)	Мера интенсивности хозяйств		Капитализированная «рента» на 1 га (франки)	Покупная цена по инвентарным записям за 1 га (франки)
	Число рабочих дней на 1 га	Валовой доход на 1 га		
I. До 5	147	902,0	1697	2988
II. 5—10	115	777,7	1930	2458
III. 10—15	89	728,1	2134	2216
IV 15—30	76	610,0	2144	2145
V. 30 и выше	56	500,1	2171	1541

Как это видно из колонн сопоставляемых цифр, трудовые хозяйства I и II групп, вынужденные благодаря относительному малоземелью интенсифицировать свое хозяйство выше оптимального уровня и тем значительно понизить бухгалтерскую «ренту», в то же время явились (в полном соответствии с нашей теорией) плательщиками наиболее высоких земельных цен.

Такова природа оценки земель, свойственная трудовому хозяйству.

Постараемся установить характер и результаты коллизии, в которую вступает на едином поземельном рынке этот принцип оценки с обычной капиталистической ценою на землю, возникающей из капитализированной ренты.

В районах абсолютного избытка земель и даже тех, где плотность населения будет соответствовать оптимальной мере интенсивности земледелия, в сущности никакой почвы для коллизии и быть не может.

В районах же перенаселенных по мере нарастания хозяйств, находящихся в состоянии относительного малоземелья, появляется все большее и большее количество покупателей и арендаторов, могущих платить выше капиталистических цен. Вначале это не влияет на единую цену капиталистического рынка, и покупки трудовых хозяйств проходят в порядке случайных спорадических сделок, но постепенно они приобретают все большее значение, и в конце концов оценка трудовых хозяйств становится определяющим моментом рынка, отметая в сторону цену капиталистического происхождения. При этом, конечно, трудовые хозяйства являются победителями не только в установлении уровня рыночной цены, но и в борьбе за землю — начинается резко выраженный переход земель от капиталистического земледелия к трудовому.

[46] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 367. — *Ред.*

Прекрасной иллюстрацией к этому является распродажа крестьянам частновладельческих земель в России в конце XIX и начале XX в., столь блестяще проанализированная В. Косинским в его исследовании «К Аграрному вопросу» *. Из земель, полученных частными землевладельцами в 1861 г., они владели в 1877 г. 87 %, в 1887 г.—76, в 1897 г.—65, в 1905 г.—52, в 1916 г.—41 %, причем и из этого количества $^2/_3$ находилось в арендном землепользовании крестьян.

И, наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство, используя сдвиг рыночной конъюнктуры, оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее. Хороший пример этого явления — распространение шерстного овцеводства в Англии XVIII в.

Заканчивая описание влияния природы трудового хозяйства на народнохозяйственную категорию земельной цены и условия земельного оборота, мы можем отметить в высшей степени интересный случай проявления особенностей трудового хозяйства в расчете выгодности всякого рода земельных мелиораций.

Для капиталистически организованного сельскохозяйственного предприятия приемлемость того или иного случая возможной мелиорации земель определяется тем, что прирост *земельной ренты* мелиорируемого участка, происходящий вследствие произведенной мелиорации, является в отношении к мелиоративному капиталу более высоким или по крайней мере равным обычному в стране проценту на капитал.

Очевидно, что для капиталистического хозяйства являются совершенно неосуществимыми мелиорации, дающие прирост ренты ниже обычного капиталистического дохода на требуемый для мелиорации капитал, и столь же очевидно, что все эти соображения совершенно неприменимы в отношении мелиораций трудового крестьянского хозяйства уже по одному тому, что оно не знает категории капиталистической ренты.

Точно так же, как и вопрос об аренде и покупке земли, вопрос о выгодности мелиораций будет решаться семейным хозяйством в зависимости от того, какое влияние эта мелиорация может оказать на установление внутрихозяйственного равновесия между тягостностью труда и мерой удовлетворения потребностей. В условиях относительного малоземелья

семья, нуждающаяся в расширении объема своей хозяйственной деятельности, будет производить многие мелиорации, невыгодные и недоступные капиталистическому хозяйству, точно так же, как она уплачивает за землю и ее аренду цены, значительно превышающие *капиталистическую ренту* этих земель.

Говоря иначе, в трудовых хозяйствах перенаселенных районов пределы мелиораций значительно шире, чем в хозяйствах, капиталистически организованных. Было бы, конечно, в высшей степени трудно количественно выразить эти более расширенные пределы, свойственные трудовому хозяйству. Мы склонны полагать, что вообще этот уровень, как и многое другое в трудовом хозяйстве, нельзя установить априори какими-либо объективными расчетами. Он зависит от степени обеспечения хозяйствующих семей средствами существования, от количеств избыточного труда, от возможности или невозможности других способов расширения сферы приложения своего труда и прочих условий, трудно или вовсе не поддающихся априорному учету.

Единственной объективной величиной, на которую могут опереться наши расчеты, являются, по нашему мнению, местные цены на землю[47], и в частности цены на те угодья, для образования которых и производятся мелиорации. Ибо производство коренных улучшений, точно так же как и приобретение новых земель, представляет собою расширение поля приложения труда путем увеличения площади удобных земель. Несомненно, трудовое хозяйство не будет производить, например, осушение заболоченного луга, если стоимость этой работы выше, нежели цены, по которым можно купить луговые земли в окрестности. С другой стороны, если трудовое хозяйство, ищущее расширить поле приложения своего труда, покупает новые земли по ценам высшим, чем капитализированная рента, то так же несомненно, что для него выгодны всякие расширения удобной площади путем коренных улучшений собственных, лежащих втуне за их непригодностью земель, раз стоимость этих мелиораций ниже продажной цены на землю, хотя бы ожидаемое при сем бухгалтерски исчисляемое повышение «ренты» было бы ниже нормального процента на затрачиваемый капитал.

Впрочем, как мы уже отметили в пятой главе настоящей работы, крестьянское хозяйство мало считается с уровнем рыночного процента на капитал не только в отношении приложения капитала к мелиорациям, но и вообще во всех случаях приложения капитала. Поэтому в крестьянских хозяйствах нередко можно встретить гораздо большую капиталоинтенсификацию хозяйства, чем в оптимально построенном капиталистическом предприятии, причем, однако, обычно эта капиталоинтенсификация сопровождает и обусловливает собою еще более форсированную трудоинтенсификацию земледелия.

[47] В странах товарного оборота земель (очевидно, автор имел в виду те страны, где земля находится в частной собственности — *Ред.*)

Другой особенностью крестьянского хозяйства, вытекающей из природы свойственного ему оборота капиталов, является его способность уплачивать очень высокие проценты по занятым капиталам. Однако в противоположность земельному рынку это не приводит к каким-либо народнохозяйственным последствиям и не влияет на мировой учетный процент, так как объем кредитного оборота крестьянского хозяйства микроскопически мал по сравнению с оборотами банковского и других форм кредита. Поэтому единственным народнохозяйственным последствием этой печальной способности может считаться явление деревенского ростовщичества, некогда свирепствовавшего во всех крестьянских странах и далеко не изжитого еще и теперь.

В гораздо большей степени, чем финансист, с трудовым крестьянским хозяйством должен считаться исследователь рыночных цен на сырье и пищевые продукты сельскохозяйственного происхождения.

Значительная по своему объему часть их производится в пределах трудового хозяйства, и, что еще важнее, для многих видов продуктов в пределах трудового хозяйства производятся предельные определяющие цену единицы продукта.

С особенной наглядностью это проявляется в специфических продуктах перенаселенных районов — льне, конопле, подсолнухе, табаке и проч., в которых, как мы знаем из предыдущего, трудоемкость и высокий валовой доход настолько привлекают крестьянские хозяйства, что они мирятся с очень низкой оплатой единицы труда в этих культурах. В результате чего на эти продукты создается столь низкая рыночная конъюнктура, что они становятся совершенно невыгодными для капиталистического хозяйства и выпадают из его организационного плана. Особенно характерна в этом отношении культура льна на волокно, более 90 % которой до войны высевалось на крестьянских полях.

Помимо указанных продуктов трудоемких культур, немало и других, отражающих на себе своеобразие природы трудового хозяйства.

О сибирских ценах на белку, обратно пропорциональных ценам на хлеб, мы уже говорили.

Столь же своеобразно, как удалось это показать А. Н. Челинцеву в его работе о направлениях крупного рогатого скотоводства, строятся для многих районов и цены на мясо, часто обратно пропорциональные своей себестоимости.

Проф. А. Н. Челинцеву удалось показать, что в годы высоких урожаев кормов крестьяне запускают на зиму очень большое количество скота, благодаря чему предложение скота, особенно молодняка, к убою падает, чем и вызывается рост цен на мясо; и наоборот, в годы бескормицы и дорогого сена крестьяне, не имеющие возможности прокормить свой скот, стремятся ликвидировать его по каким угодно ценам, в результате чего цены на мясо подчас становятся дешевле цен на хлеб, как это мы могли наблюдать в России в голодных районах 1921 г.*

Вообще говоря, влияние особенностей трудового крестьянского хозяйства на процесс *ценообразования и структуру товарных рынков,* а также на природу и течение так называемых *народнохозяйственных кризисов* представляет собою исключительно интересную тему для самостоятельного исследования, и в этой совершенно не изученной области исследователя могут ждать такие неожиданные открытия, которые могут заставить пересмотреть основные устои существующей теории.

Таковы, поскольку это позволяет учесть современное состояние нашей молодой науки, народнохозяйственные последствия своеобразного понимания выгодности и других особенностей частнохозяйственных основ трудового крестьянского хозяйства.

Еще в конце XIX в. К. Маркс, анализируя генезис капиталистической земельной ренты, отмечал значительные отличия парцеллярного крестьянского хозяйства от капиталистического земледелия и, утверждая, что в этом парцеллярном хозяйстве «производство... в очень большой мере удовлетворяет собственным потребностям и совершенно независимо от регулирования общей нормой прибыли»[48], сделал ряд выводов, близких нашим замечаниям.

Однако ни он, ни последующие экономисты не развили в достаточной мере эти замечания.

Как мы видели из содержания настоящей главы, эти народнохозяйственные последствия влекут за собою значительные теоретические выводы, заставляют в отношении трудового крестьянского хозяйства пересмотреть такие основные теоретические устои, как теория ренты, учения о ценах на землю, расчет мелиораций, учение о проценте на капитал и формах его оборота, и обещают при дальнейшем углублении исследования значительно осложнить учение о ценообразующих факторах.

При этом необходимо, однако, отметить, что в действительной жизни, где система трудового хозяйства сосуществует с народнохозяйственной системой капитализма, она оказывает также огромное влияние и на категорию заработной платы капиталистической системы.

В крестьянских аграрных странах, где недостаточно развит вполне выкристаллизовавшийся профессионально чистый пролетариат, крестьянство представляет собою неисчерпаемый источник, из которого городская индустрия черпает свои трудовые кадры.

Предложение же труда со стороны деревни, как мы это видели по работе Н. П. Никитина *, находится в прямой зависимости от того, насколько крестьянские семьи могут сводить свои внутренние балансы при помощи только сельскохозяйственных доходов.

В годы высоких сельскохозяйственных доходов деревня не имеет стимула к выбрасыванию своего труда на рынок, и наоборот, она обременяет его в годы сельскохозяйственной депрессии, роняя и поднимая заработную плату в соответствии с внутренними процессами крестьянского хозяйства. Говоря иначе, *в данном случае* система трудового хозяйства не только свободна от регулирующего влияния категории заработной платы, но и, наоборот, именно через эту категорию оно подчиняет всю систему сопутствующей ей системы капиталистического хозяйства своему внутреннему равновесию между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягостности труда.

В еще большей мере, конечно, особенности семейного хозяйства выступают при определении хозяйственного содержания самих крестьянских хозяйств, а тем самым и хозяйственной географии сельского хозяйства. Вопрос о размещении земледелия является сам по себе настолько большой темой, что мы воздерживаемся от ее разработки в настоящей работе и отметим только, что в районах аграрного перенаселения, как это можно видеть из предыдущих глав, мы неизбежно должны столкнуться с развитием трудоемких культур, трудоинтенсификации хозяйств, высокими ценами на землю и арендными платами, низкими заработными платами и развитием внеземледельческих промыслов.

Как мы уже указывали, все сделанные нами народнохозяйственные замечания по своему содержанию статичны и отрывочны. Однако несомненно, что всякий исследователь крестьянского хозяйства как народнохозяйственного явления в его исторической динамике должен обратить на них самое серьезное внимание и использовать многократно для понимания изучаемых им динамических явлений.

[48] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 375.— *Ред*

ГЛАВА VII

СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ОДНО ИЗ СЛАГАЮЩИХ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ВОЗМОЖНЫЕ ФОРМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Наше исследование приближается к своему концу. Мы с большой подробностью рассмотрели хозяйственную деятельность отдельной крестьянской семьи, проанализировали механизм того внутреннего равновесия внутрихозяйственных факторов, которое придает «телеологическое единство» ее хозяйству, и, наконец, выяснили те особенности в сложении земельной ренты, процента на капитал и ценообразования, которые вытекают из особенностей хозяйственного поведения трудовой крестьянской семьи.

Теперь нам надлежит рассмотреть последний вопрос — вопрос о месте семейного хозяйства в системе современного народного хозяйства, о свойствах его как социально-экономического целого, его связях с системой капиталистического хозяйства и формах взаимоотношений с нею и, наконец, попытаться уяснить себе возможные формы дальнейшего развития крестьянского хозяйства.

Этот круг вопросов, как и можно было ожидать в условиях нашего времени, вызывает всегда наиболее острый интерес к себе и наиболее резкую полемику. Поэтому мы позволили себе развить эту заключительную главу нашего исследования значительно шире, чем она была напечатана в немецком издании, и остановились с особенным вниманием на формах возможного будущего, чего в немецком издании мы совсем не делали.

Нас обычно обвиняют в том, что все наши построения статичны, и в том, что мы склонны идеализировать мелкобуржуазную стихию современного крестьянства и считать ее в ее теперешнем виде чуть ли не идеалом хозяйственной организации земледелия. Надо надеяться, что настоящая глава сумеет рассеять оба эти обвинения. Наш анализ во всех шести предыдущих главах был статичен потому, что им анализировались проблемы статического порядка. Теперь, описав сначала место семейного хозяйства в системе народного хозяйства также, если хотите, статически, мы постараемся показать формы его динамического развития во всей сложности современной хозяйственной обстановки.

Далее, в нашем анализе выводы о высокой сопротивляемости трудовых хозяйств и их исторической устойчивости принимали за идеализацию. Когда мы говорили о существующем, нас считали говорящими о должном. Это обязывает нас с особенным вниманием остановиться на анализе тех возможных форм будущего развития крестьянских хозяйств, которые, по нашему мнению, должны считаться прогрессивными и в направлении которых мы должны развивать свою экономическую политику.

Причем, однако, и в этой главе мы *начнем* с описания существующего, и притом опять в порядке статистического анализа.

Первое, с чего нам придется в данном случае начать,— это рассмотрение того, как из отдельных хозяйств, находящихся в разных возрастах своего семейного развития, слагается социальный массив крестьянских хозяйств, а также и те социальные связи, которые соединяют отдельные хозяйства в некоторое социальное целое. Говоря иначе, с изучения морфологии крестьянского хозяйства как социального пласта.

Статистическое исследование русских крестьянских хозяйств, начатое более полувека тому назад, при первых же своих шагах наткнулось на очень большую разнородность в составе крестьянских хозяйств и повсеместно отметило в своих регистрациях наличность наряду с мелкими средних и даже сравнительно крупных крестьянских сельскохозяйственных предприятий.

В сводной работе Б. Н. Книповича *, которую мы уже имели случай цитировать, сведены в этом отношении результаты значительного количества земскостатистических переписей, и нижеследующая таблица довольно обстоятельно может нас познакомить с распределением состава крестьянских хозяйств по группам различных размеров посевной площади по признаку, который может быть принят одним из показателей размеров хозяйства [49] (см. с. 416).

Просматривая таблицу, мы можем видеть с большой степенью наглядности, что крестьянское хозяйство в массе представляет собою довольно пеструю смесь мелких, средних и крупных сельскохозяйственных предприятий.

[49] В сущности посевная площадь является показателем *земледельческого производства*; для характеристики *хозяйства* лучше было бы взять валовой доход или сумму капиталов, но для этого у нас нет материалов

Екатеринославский уезд	Процент хозяйств	Самарский уезд	Процент хозяйств	Полтавская губерния	Процент хозяйств
Безземельные	4,9	Без посева	11,8	Без посева	3,1
Имеющие до 1 дес	3,2	С посевом до 1 дес.	17,9	С посевом до 1 дес.	8,5
1—3	11,2	3—6	21,1	1—2	13,1
3—5	19,5	6—9	14,6	2—3	12,3
5—10	35,2	9—12	10,2	3—6	29,4
10—15	15,3	12—15	6,8	6—9	15,7
15—20	5,1	15—20	6,8	9—15	11,6
20—25	1,5	20—30	6,8	15—25	4,4
25 и выше	4,1	30—40	2,2	25—50	1,6
		40 и выше	2,6	50 и выше	0,3
	100,0		100,0		100,0

Воронежская губерния	Процент хозяйств	Тульская губерния	Процент хозяйств	Калужская губерния	Процент хозяйств
Без посева	7,60	Без посева	15,7	Без посева	4,5
С посевом до 1 дес.	2,27	С посевом до 1 дес.	9,1	С посевом до 3 дес.	27,6
1—5	43,33	1—2	15,5	3—6	42,1
5—10	30,98	2—5	32,4	6—9	16,8
10—20	13,58	5—10	21,4	9—12	5,6
20—40	1,92	10—15	4,4	12 и выше	3,4
40 и выше	0,32	15—25	1,3		
		25 и более	0,2		
	100,00		100,0		100,0

Владимирская губерния	Процент хозяйств	Вологодская губерния	Процент хозяйств	Пермская губерния	Процент хозяйств
Без посева	26,6	Без посева	6,2	Без посева	2,6
С посевом до 3 дес.	27,5	С посевом до 2 дес.	36,9	С посевом до 5 дес.	75,7
3—6	36,2	2—3	28,4	5—10	17,7
6—9	8,0	3—6	26,9	10—15	3,3
9 и выше	1,7	6 и выше	1,6	15 и выше	0,7
	100,0		100,0		100,0

Сопоставляя между собою различные районы, мы должны будем отметить, что степень этой неоднородности в одних выражена больше, а в других меньше. Однако какую бы совокупность крестьянских хозяйств мы ни взяли, тип кривой распределения будет носить в общем одинаковый характер.

Сопоставляя наши цифры с дошедшими до нас подсчетами крестьянских хозяйств в XVIII и XIX вв., мы убеждаемся, что обнаруженная нами неоднородность не представляет собою явления, свойственного только текущей исторической эпохе, но в равной мере наблюдалось и в весьма отдаленные времена.

Так, по составлению данных Румянцевской переписи Черниговской губернии 1767 г. и земской статистической переписи 1883 г. мы имеем следующее сопоставление.

Из 100 крестьянских хозяйств имели мужчин-работников (членов семьи) (%)

Год	Число работников					Всего семей
	0	1	2	3	4	
1767	7,8	55,1	24,4	8,0	4,7	100,0
1883	8,2	61,1	24,1	6,2	1,1	100,0

Еще не так давно эту отмеченную нами неоднородность в размере крестьянских хозяйств были склонны приписывать всецело динамическому процессу социального разложения крестьянства, т. е. постепенной концентрации производства в руках крупных крестьянских хозяйств, подготовляющих почву для дальнейшей чисто капиталистической концентрации и параллельной ей пролетаризации мелких и средних слоев крестьянства.

Несомненно, некоторые элементы такой социальной дифференциации имеют место в нашей деревне, но более тщательный анализ состава крестьянских хозяйств показывает, что явление неоднородности их не в полной степени может объясняться процессом социальной дифференциации и зависит не только от развития динамического процесса, но в значительной степени и от вытекающего из природы крестьянского хозяйства влияния демографических факторов.

Словом, мы вправе предполагать, что обнаруженная нами неоднородность в составе крестьянских хозяйств не есть проявление исторического процесса недавнего времени, но является во многом производной из самой природы крестьянского хозяйства.

Нетрудно дать этому и теоретическое освещение. В первой главе нашей работы мы весьма подробно рассмотрели развитие отдельной крестьянской семьи. Если теперь, положив в основу принятую нами теоретическую схему развития семьи и приняв, что в силу прироста населения и вымирания число семей каждого более старшего возраста будет отличаться от числа семей предыдущего возраста и что семья, достигнув к 25 годам зрелости, остается еще 8 лет не разделенной и имеет в своем составе по две молодые семьи, мы получим

следующий теоретический состав массовой совокупности крестьянских семей по их размеру:

Размер семьи (душ)	0—3	4—6	7—9	10 и выше
Число семей в группе (%)	20,5	35,5	29,8	14,2

Согласно изложенному нами в предыдущих главах такого демографического состава вполне достаточно для того, чтобы создать значительную дифференциацию в размерах сельскохозяйственных предприятий даже при прочих равных условиях.

Для сравнений нашего теоретического состава с составом семей, наблюдающихся в действительности, мы можем привести цифры, относящиеся к Старобельскому исследованию:

Размер семьи (душ)	0—3	4—6	7—9	10 и выше
Число семей в группе (%)	16,8	22,8	32,7	27,7

Некоторые различия между теоретической кривой распределения хозяйств по посевным группам и тем, что наблюдается в действительности, зависят, во-первых, от того, что размеры посевной площади хозяйства, как мы знаем, определяются не только демографическими факторами и, помимо расслоения, обусловливаемого различиями возраста семей, мы имеем и некоторые элементы экономической дифференциации, а также тем, что сам демографический процесс нарастания семей, положенный нами в основу исчисления, в действительности протекает гораздо более сложно, чем это принято было в нашей упрощенной схеме.

К счастью для нас, ряд выдающихся русских статистиков во главе с Н. Н. Черненковым, А. И. Хрящевой и П. А. Вихляевым с исчерпывающей полнотой исследовали интересующее нас явление в отношении ряда районов Европейской России, и мы можем исследовать поставленную проблему не только путем априорных построений, но и путем апостериорного анализа эмпирического материала.

Уже цитированные нами неоднократно работы Н. Н. Черненкова, П. А. Вихляева, А. И. Хрящевой и Г. А. Кущенко, сопоставляющие между собой данные повторных переписей крестьянских хозяйств, методологически отличались от всех аналогичных сопоставлений в русской и западно-европейской статистике тем, что, произведя сопоставление двух различных лет, они производили сравнение не огульных общих итогов каждого года, а прослеживали отдельно судьбу каждой группы хозяйств, а в последних работах даже каждого хозяйства за протекший между переписями период времени.

Результаты такого рода сопоставления показали, что в толще крестьянства прежде всего происходит ряд весьма

сложных и переплетающихся между собою демографических процессов.

Вернувшись на место исследования через 15—30 лет после первоначальной переписи, статистики прежде всего должны были констатировать, что некоторая часть хозяйств просто перестала существовать — вымерла, другая — переселилась из района исследования в другие места, наконец, значительная часть распалась путем семейных разделов на два или на три самостоятельных хозяйства и только часть сохранилась в целости от предшествующей переписи.

Указанные процессы очень наглядно можно проследить на нижеследующей таблице, заимствуемой из работы Г. А. Кущенко по Суражскому уезду Черниговской губернии *, данными которого мы будем пользоваться и в последующем анализе, так как, совпадая с другими работами, исследование Г. А. Кущенко дает наиболее выпуклые итоги, так как сопоставляет между собою переписи, разделенные тремя десятками лет.

Суражский уезд. Из 100 хозяйств 1882 г. к 1911 г.

Группа хозяйств 1882 г по размеру посевной площади (дес)	Вымерло	Переселилось	Разделилось	Не делилось	Процент исчезнувших хозяйств
0—3	32,5	19,4	6,2	41,9	51,9
3—6	10,4	22,2	15,4	52,0	32,6
6—9	4,2	19,9	26,1	49,8	24,1
9—12	3,5	15,6	35,1	45,8	19,1
12 и выше	1,7	7,1	57,6	33,6	8,8

Рассматривая таблицу, мы видим, что за тридцать лет изучаемые хозяйства претерпели самые разнообразные судьбы, и только три четверти их сохранили свое индивидуальное бытие в пределах района исследования. Хозяйства мелкие в значительной своей части переселились, распались, а частью ушли из сельского хозяйства, хозяйства же крупные и наиболее старые проявили бóльшую оседлость, но зато в большей своей половине дошли до полного созревания и распались на ряд новых хозяйств.

Оставляя в стороне переселившиеся и переставшие существовать хозяйства, мы, углубляя наш анализ, должны будем отметить, что хозяйства, в целом или в своих частях пережившие 30-летний период, претерпели немалые изменения в хозяйственном отношении: некоторые, по преимуществу молодые, укрепили свое хозяйственное положение и расширили свой объем, другие, главным образом крупные старые хозяй-

ства, наоборот, ослабли и перешли в более низкие хозяйственные группы.

Так, например, для хозяйств, не делившихся за весь 30-летний период (с 1882 по 1911 г.), мы имеем следующую таблицу, в которой под термином «увеличившие свою посевную площадь» мы принимаем хозяйства, перешедшие за исследуемый период в высшие посевные группы, а под термином «уменьшившие посевную площадь» — хозяйства, через 30 лет попавшие в более низкие группы по посеву *.

Суражский уезд. Из 100 неделившихся с 1882 г. хозяйств к 1911 г. было:

Группы по размеру посевной площади (дес.)	Сохранивших ту же посевную площадь	Увеличивших посевную площадь	Уменьшивших посевную площадь	Итого
0—3	28,4	71,6	—	100,0
3—6	50,0	39,0	11,0	100,0
6—9	33,4	30,7	36,9	100,0
9—12	22,0	34,0	44,9	100,0
12 и выше	41,4	—	58,0	100,0

Еще более характерную картину имеем мы для судеб разделившихся хозяйств, наблюдая, в какую группу попадают хозяйства, получившиеся в результате семейного раздела.

Суражский уезд. Из 100 разделившихся с 1882 г. хозяйств в 1911 г. по сравнению с 1882 г. было:

Группа по размеру посевной площади (дес.)	Сохранивших ту же посевную площадь	Увеличивших посевную площадь	Уменьшивших посевную площадь	Итого
0—3	27,8	72,8	—	100,0
3—6	43,6	18,0	38,4	100,0
6—9	21,5	11,2	67,3	100,0
9—12	7,0	5,7	87,3	100,0
12 и выше	17,4	—	84,6	100,0

Просматривая обе таблицы, мы прежде всего видим у малосеющих, особенно у неделившихся хозяйств резко выраженный процесс экономического роста, и наоборот, у хозяйств, бывших в 1882 г. крупными, наблюдается еще более наглядный процесс распада и ослабления экономической силы, особенно у хозяйств разделившихся.

Особенно наглядно эти два потока — восходящий и нисходящий — мы видим из нижеследующей итоговой таблицы исследования Г. А. Кущенко *.

Группа хозяйств 1882 г.	Из наличных в группе хозяйств 1882 г. в 1911 г. принадлежало к группам (%)					Итого
	0—3	3—6	6—9	9—12	12 и выше	
0—3	**28,2**	47,0	20,0	2,4	2,4	100,0
3—6	21,8	**47,5**	20,4	8,2	2,4	100,0
6—9	16,2	37,0	**26,8**	11,3	8,7	100,0
9—12	9,3	35,8	26,1	**12,4**	16,1	100,0
12 и выше	3,5	30,5	28,5	15,6	**21,9**	100,0

Перед нами раскрывается сложная картина динамики состава крестьянских хозяйств.

Малосеющая группа проявляет гигантскую силу роста и почти $^3/_4$ своих хозяйств перебрасывает за 30 лет в более высокие посевные группы, с другой стороны, обе многосеющие в 1882 г. группы дают ярко выраженную картину ослабления и распада.

Перед нами два мощных потока, из которых один, в котором главным образом участвуют неделившиеся молодые малосеющие хозяйства,— поток восходящий, расширяющий под давлением роста семей объем входящих в его состав хозяйств, и другой — поток, ниспадающий в значительной своей части в силу семейных разделов сложных старых семей.

То, что обнаруженная нами по Суражскому уезду картина не является случайностью, могут подтвердить аналогичные *итоговые* таблицы по другим районам, где при проведении повторных переписей прослеживали судьбы отдельных хозяйств.

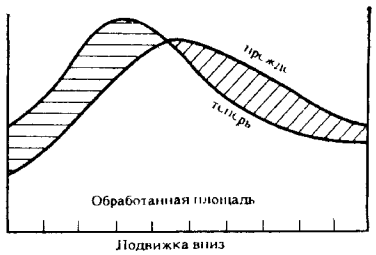
Так, имеем работы П. А. Вихляева по Московской губернии [50] и А. И. Хрящевой по Тульской губернии [51].

В таблицах как по Московской, так равно и по Тульской губернии мы видим те же два социальных потока — один восходящий, а другой, противоположный ему,— нисходящий *. По сравнению с Суражским уездом они выражены слабее, так как промежуток между переписями в Москве и Туле был значительно более короток.

Вдумываясь в изучаемые процессы, мы должны, конечно, признать, что эти потоки обусловливаются не только демографическими процессами роста и распада семей. Хозяйства могут увеличиваться и уменьшаться и при неизменном составе семьи под влиянием *чисто экономических причин.* Кроме того,

[50] Вихляев П А. Влияние травосеяния на некоторые стороны крестьянского хозяйства. Вып. 5. Травосеяние и полевые культуры. Исследование. Таблицы. М., 1914. С. 14—15, 21—23; Вып. 6. Крестьянское землевладение при полевом травосеянии. Исследование. Таблицы. М., 1914. С. 13—16.

[51] Хрящева А. И. Сборник статистико-экономических сведений по Епифанскому уезду Тульской губернии. Тула, 1913. С. 18.

хорошая и плохая народнохозяйственные конъюнктуры могут в значительной степени облегчить или затруднить семье развить ее хозяйство в соответствии с собственным ростом. Однако все же совершенно несомненно, что демографические причины играют в рассмотренной динамике первенствующую роль.

В результате взаимоотношения двух взаимно противоположных социальных потоков в каждый данный момент устанавливается текущий состав крестьянских хозяйств, дающий при распределении их по посевным группам уже рассмотренные нами по материалам Б. Н. Книповича кривые распределения.

Если оба потока взаимно уравновешены, то, несмотря на то, что отдельные хозяйства в большом количестве будут переходить из группы в группу, численное соотношение групп будет оставаться неизменным и при огульном сопоставлении только итогов двух разделенных между собою большим промежутком времени переписей мы получим картину полного статического покоя. Несмотря на то что в состав групп будут входить совершенно иные хозяйства, группы как таковые останутся такими же и степень неоднородности состава, или, как раньше говорили, дифференциации крестьянских хозяйств, будет при повторной регистрации той же, как и при начальной.

Однако чаще общая хозяйственная конъюнктура района, уровни цен, земельное утеснение и прочее выводят изучаемые нами социальные потоки из состояния взаимного равновесия, и тогда один из них начинает временно преобладать над другими, и через несколько лет в соотношении групп происходит заметное изменение.

Так, например, если под влиянием тяжелой хозяйственной обстановки рост хозяйства молодых семей будет задерживаться, а процесс распада усилится, мы увидим, как это показано на вышеприведенном графике, прирост наличности хозяйств в низших группах, это будет так называемая, согласно определению Н. П. Огановского, «общая подвижка книзу», т. е. понижение общего уровня благосостояния *.

Примером этого может как раз явиться итог исследования Г. А. Кущенко в отношении распределения суражских хозяйств по посевной площади *.

Процент суражских хозяйств по посевным группам

	До 3 дес.	3,1—6,0	6,1—9,0	9,1—12,0	12,1 и выше	Всего
1882 г.	10,8	34,5	25,9	13,5	15,3	100,0
1911 г.	13,2	38,6	25,0	11,2	11,0	100,0
Изменения в % к 1882 г.	+31,5	+12,0	—3,5	—17,0	—28,0	—

И наоборот, если благоприятная экономическая конъюнктура будет способствовать быстрому росту молодых развивающихся хозяйств и даст возможность этому процессу получить преобладание над процессом распада, то по истечении незначительного срока можно будет отметить уже ясно обозначившееся нарастание высших экономических групп за счет сокращения средних. В этом случае, графически изображенном нами, мы будем иметь, пользуясь термином Н. П. Огановского, «общую подвижку кверху» *.

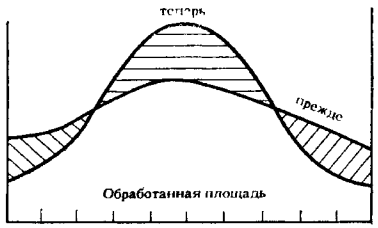
Подчас сопоставление двух регистраций вскрывает нам более сложный круг явлений, чем простое преобладание одного социального потока над другим.

Так, например, процесс роста может преобладать среди молодых семей, переходящих из низших экономических групп в средние, и в то же время ему будет сопутствовать процесс интенсивного раздела и упадка старых крупных семей. Тогда мы будем иметь при сравнении двух регистраций уменьшение крайних групп и значительное нарастание групп средних, как это видно из прилагаемого графика «нивелировка» и таблицы того же Г. А. Кущенко в отношении конского состава тех же суражских хозяйств *.

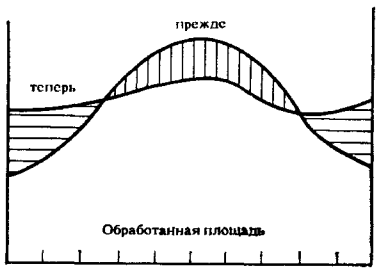
Суражский уезд. Процент наличных хозяйств

	Без рабочего скота	С 1 головой рабочего скота	С 2 головами рабочего скота	С 3 головами рабочего скота	С 4 головами рабочего скота	С 5 и более головами рабочего скота
1882 г.	10,6	27,7	29,8	14,2	9,1	8,6
1911 г.	9,6	24,6	40,1	15,9	6,6	3,2
Изменения в % к 1882 г.	—9,5	—11,0	+34,6	+12,0	—27,9	—62,8

И наоборот, резкий экономический кризис может сильно ослабить рост молодых развивающихся хозяйств и в то же

Нивелировка

Дифференциация

время выявить бóльшую устойчивость старых многорабочих и многосеющих дворов.

В результате мы будем иметь при сравнении двух переписей развитие низших и высших групп за счет групп средних, как это показано на вышепомещенном графике и чему мы имеем немало примеров из истории русского крестьянского хозяйства печальной памяти конца XIX в. Этот процесс Н. П. Огановским обозначается термином «дифференциация» *, и нижеследующая таблица по Екатеринославской губернии может дать хороший пример данного типа динамики в составе крестьянского хозяйства:

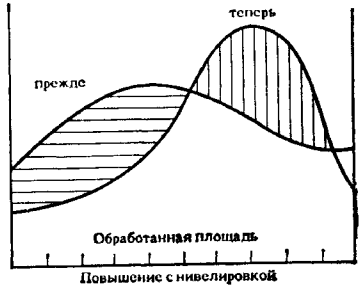
Процент дворов

	1883 г	1901 г	+ или —
Без посева	4,6	6,8	+47,8
С посевом:			
до 5 дес.	19,3	15,7	—18,7
5—10 дес.	28,7	28,0	—2,5
10—20 дес.	35,1	29,8	—15,2
20—50 дес.	11,6	17,6	+51,7
Свыше 50 дес	0,7	2,1	+200,0

Наконец, мы можем иметь и еще более сложные системы развития в социальном составе, и в результате взаимоотношения обоих потоков мы можем, как показано на графике

Распределение крестьянских хозяйств

Площадь посева (дес.) / Годы исследования	Без посева	0—1	1—2	2—4	4—6
1917	11,5	10,3	18,4	28,9	14,7
1919	6,6	18,0	24,9	29,3	12,4

Повышение с нивелировкой

(см. с. 425), получить подвижку кверху, сопровождаемую нивелировкой, и подвижку книзу, сопутствуемую дифференциацией, и т. п.

Хорошим примером резко выраженной нивелировки, сопровождаемой всеобщей подвижкой книзу, является, согласно исследованию А. И. Хрящевой, ныне пережитый нами во время войны и революции период в развитии нашего русского крестьянского хозяйства *.

Как видно из таблицы (см. с. 424—425), перед нами картина исчезновения зажиточного и беднейшего слоев деревни на фоне ее общего обнищания.

Изложенное с достаточной ясностью устанавливает нам механизм динамики социального состава крестьянства, и мы настоятельно советуем нашим читателям проштудировать цитированные работы Н. Н. Черненкова, П. А. Вихляева, А. И. Хрящевой и Г. А. Кущенко, вписавших одну из блестящих страниц в историю русской статистики.

После появления перечисленных работ в русских экономических кругах *неоднородности* крестьянских хозяйств, обнаруживаемой посевными и иными количественного характера экономическими группировками, стали придавать несколько иное значение и присвоили этому процессу название «демографической дифференциации», подчеркивая этим, что главной причиной различий в размерах хозяйств являются демографические процессы роста семей под влиянием увеличения их возраста, а не социальные моменты капитализации и пролетаризации крестьянских хозяйств, как мы полагали это раньше.

Считаем, однако, совершенно необходимым отметить, что хотя эта «демографическая дифференциация» и потеряла для нас свой социальный привкус, она тем самым приобретает для нас исключительное производственное значение. Как мы не раз пытались показать при анализе организационного плана, размер сельскохозяйственных предприятий как производственного

в 25 губерниях России по площади посева (%)

6—8	8—10	10—15	15—22	22 и выше	Всего
7,4	3,8	3,9	0,8	0,3	100,0
5,2	2,1	1,4	0,1	0,0	100,0

аппарата оказывает существеннейшее влияние на их организацию, не выводя его за пределы обычного семейного трудового хозяйства.

Тип построек и состав инвентаря, организация тягловой силы, мера использования этих средств производства, особенно организация труда мало- и многосемейных хозяйств, даже состав культур, денежность их, а подчас и общее направление хозяйства — все это, как мы видели [52], весьма гибко отражает на себе размер трудового хозяйства.

Именно поэтому еще до революции наиболее чуткие из агрономов выдвинули идею дифференциальной агрономической программы, которая, помимо учета полупролетаризированных и полукапиталистических хозяйств, должна была дифференцировать рекомендуемые улучшения в пределах разной крупности трудовых хозяйств разных фаз их развития.

Не меньшее значение такой дифференцированный подход имеет и для кооперативной практики, и для практики мелкого кредита, и почти для всех видов экономической работы в деревне. К сожалению, в этой производственной плоскости проблема дифференциации еще только начинает исследоваться [53], и глубокий анализ ее, очевидно, дело будущего.

Однако из того, что различия в размерах посевных площадей крестьянских хозяйств мы склонны теперь трактовать исходя из демографических причин, а не социальных, вовсе нельзя делать вывода, что в нашем крестьянстве нет доподлинной социальной дифференциации, отличающей хозяйства друг от друга не по количеству, а по качеству.

Простое обывательское наблюдение жизни деревни устанавливает нам наличность в ней элементов «капиталистической эксплуатации», и мы полагаем, что процесс пролетаризации деревни, с одной стороны, и некоторое развитие элементов капиталистической формы производства — с другой, несомненно, имеют там место. Однако эти социальные процессы, по нашему мнению, следует искать не путем посевных и им подобных группировок, а прямым анализом капиталистических моментов в организации производства, т. е. устанавливая наличность в хозяйствах наемного труда, привлекаемого не в помощь к своему, а как база для получения нетрудовых доходов, а также наличность кабальных аренд и ростовщического кредита.

---

[52] См. с 235, 242, 257, 280, 281.

[53] Сотрудники Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии Г. А. Студенский, С. Г. Ужанский, Ф. А. Цылько, Ю. И. Вильдо, Я. А. Анисимов, И. Д. Верменичев и К. И. Наумов летом 1924 и 1925 гг провели в этой плоскости ряд экспедиций, разработка материалов которых, несомненно, прольет немало света на этот вопрос *

Там, где для такого рода экономических образований создается подходящая народнохозяйственная обстановка, эти формы неизбежно и появляются. Как мы знаем, в большинстве стран Западной Европы и Америки весьма распространенным типом крестьянского хозяйства как раз и являются полутрудовые полукапиталистические «фермерские» предприятия.

Так, например, по исследованиям швейцарских хозяйств, производимым ежегодно под руководством проф. Э. Лаура, на основании разработки бухгалтерских записей, мы имеем следующую таблицу:

Распределение хозяйств по площади землепользования (га)	Процентное распределение затраченного в хозяйстве труда		Из общей суммы учтенных хозяйств хозяйства этого размера составляют (%)
	членов семьи	наемных рабочих	
До 5	92,6	7,4	14,1
5—10	80,6	19,4	40,7
10—15	69,9	30,1	22,5
15—30	52,5	47,5	15,7
30 и выше	42,7	57,3	7,0
Среднее	68,3	31,7	100

На основании материалов сельскохозяйственной статистики мы могли бы установить удельный вес трудового и капиталистического земледелия в разных странах и почти всюду отметили бы наряду с чисто трудовыми хозяйствами также и несомненные капиталистические образования.

В России этот тип хозяйства получил в крестьянской среде сравнительно малое распространение. Специальный учет крестьянских хозяйств, пользующихся наемным трудом, произведенный В. Г. Громаном по разным уездам Пензенской губернии, дал нам для этих хозяйств скромный процент 3—5. *

По данным Старобельского бюджетного исследования мы имеем процент наемного труда для земледельческих хозяйств 9,9, а для всей хозяйственной деятельности семьи (с промыслами) — 5,5.

Г. А. Кущенко в своем сопоставлении переписей Суражского уезда 1882 и 1911 гг. дает следующую очень интересную таблицу *:

Группа хозяйств (дес.)	Процент хозяйств, нанимавших годовых и срочных рабочих (%)		На одно нанимавшее хозяйство приходилось батраков	
	1882 г	1911 г.	1882 г	1911 г.
0—3,0	1,3	0,4	1,0	1,0
3,1—6,0	1,2	1,5	1,0	1,0
6,1—9,0	2,1	3,3	1,1	1,2
9,1—12,0	3,0	5,0	1,3	1,1
12,1 и выше	7,1	6,9	1,2	1,3
Среднее	2,6	2,7	1,2	1,2

Таким образом, в пределах русского крестьянства социальная дифференциация находится еще в зачаточном состоянии, и мы не беремся судить, поскольку полутрудовое полукапиталистическое хозяйство «фермерского» типа сможет расширить свои позиции при теперешней тяге русского крестьянства к хуторам. Надо надеяться, что трудовое хозяйство, усиленное своими кооперативными организациями, сможет отстоять свои позиции, как в былое время отстаивало их от хозяйств крупнокапиталистического типа.

Впрочем, как совершенно справедливо указал П. А. Вихляев в своем последнем докладе научно-исследовательскому институту экономических наук, при анализе развития капиталистического земледелия нужно исследовать процессы дифференциации не только крестьянского хозяйства, а всех земледельческих хозяйств, вместе взятых *. Рассматривая процесс в этом объеме, мы для дореволюционной России наглядно видели процесс капиталистической дифференциации, так как средние и мелкопоместные хозяйства, являвшиеся остатком крепостной эпохи, быстро таяли, а их земли захватывались или мелкими крестьянскими хозяйствами или крупными типично предпринимательскими хозяйствами, соединенными часто с промышленной переработкой сельскохозяйственных продуктов.

Однако хотя это и выходит за пределы нашей темы, мы должны подчеркнуть, что если элементы капиталистической организации производства и не получили в среде русского крестьянства сколько-нибудь значительного развития, то пролетаризация части крестьянства в густонаселенных районах шла перед революцией весьма быстрым темпом, нося явно индустриальный характер и представляя собою вполне закономерный отлив сельского населения в промышленные и городские центры.

Впрочем, для нас, изучающих трудовое хозяйство в земледелии, затронутые нами темы, несмотря на их исключительно

острый и злободневный народнохозяйственный интерес, представляют значительное отклонение в сторону, пресекая которое, нам надлежит вернуться к основным темам нашего исследования.

Для нас важно то, что процесс демографической дифференциации, зависящий от биологического роста семей, по сути дела, не нов и, в сущности говоря, статичен.

Динамические процессы сельскохозяйственной пролетаризации и концентрации производства в формах создания крупных сельскохозяйственных производств, работающих на наемном труде, развиваются во всем мире, и в СССР в частности, далеко не с такой быстротой, как это ожидалось в конце XIX в. Полоса пронесшихся аграрных революций даже укрепила как будто бы позиции мелких хозяйств. Тем не менее для каждого работающего в области сельского хозяйства ясно, что буквально на наших глазах сельское хозяйство мира, а в том числе и наше, больше и больше втягивается в общий оборот мирового хозяйства и центры капиталистического хозяйства все больше и больше подчиняют его своему руководству.

Говоря иначе, если *в производственном отношении* в видимых формах организации новых крупных предприятий процесс концентрации в сельском хозяйстве и мало выражен, то *в хозяйственном отношении* капитализм как народнохозяйственная система делает весьма большие завоевания в сельском хозяйстве.

В каких же формах это совершается? Где те социальные нити, которые связывают хозяйство Сидора Карпова, затерявшееся в пермских лесах, с лондонскими банками и заставляют его испытывать на себе влияние биения пульса лондонской биржи.

Новейшие исследования развития капитализма в земледелии, в особенности же работы В. И. Ленина об американском сельском хозяйстве *, а отчасти и Р. Гильфердинга о финансовом капитале *, П. И. Лященко о торговом капитализме в России * и других, указывают нам, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных производств, построенных на базе наемного труда. Повторяя этапы развития промышленного капитализма, сельское хозяйство, выходя из форм полунатурального бытия, попадает под власть торгового капитализма, который подчас в форме весьма крупных торговых предприятий вовлекает в сферу своего влияния массы распыленных крестьянских хозяйств и, овладев связями этих мелких товаропроизводителей с рынком, хозяйственно подчиняет их своему влиянию и, развивая систему кабального кредита, превращает организа-

цию сельскохозяйственного производства чуть ли не в особый вид раздаточной конторы, построенной на «системе выжимания пота». Достаточно в этом отношении припомнить те примеры капиталистической эксплуатации, которые московская хлопковая фирма Кнопа применяла к сартам-хлопководам *, закупая еще весною их урожай, выдавая задатки на продовольствие и кредитуя семенами и средствами производства.

Именно эти-то торговые связи, превращающие натуральное изолированное семейное хозяйство в хозяйство мелкого товаропроизводителя, всегда являются первым орудием, организующим распыленные крестьянские хозяйства, и пролагает первые пути проникновения в деревню капиталистических отношений.

Через эти связи каждое мелкое крестьянское предприятие делается органической частью мирового хозяйства, испытывает на себе влияние развития мировой народнохозяйственной жизни, властно направляется в своей организации требованиями капиталистического мирового хозяйства и в свою очередь вместе с миллионами себе подобных влияет на всю систему мирового хозяйства.

Весьма малоизученная система местного сельского базара, на котором крестьянин реализует свой урожай и закупает нужные ему предметы и вокруг которого кристаллизуются все экономические отношения деревни, представляет собою первичную ячейку этого народнохозяйственного организма.

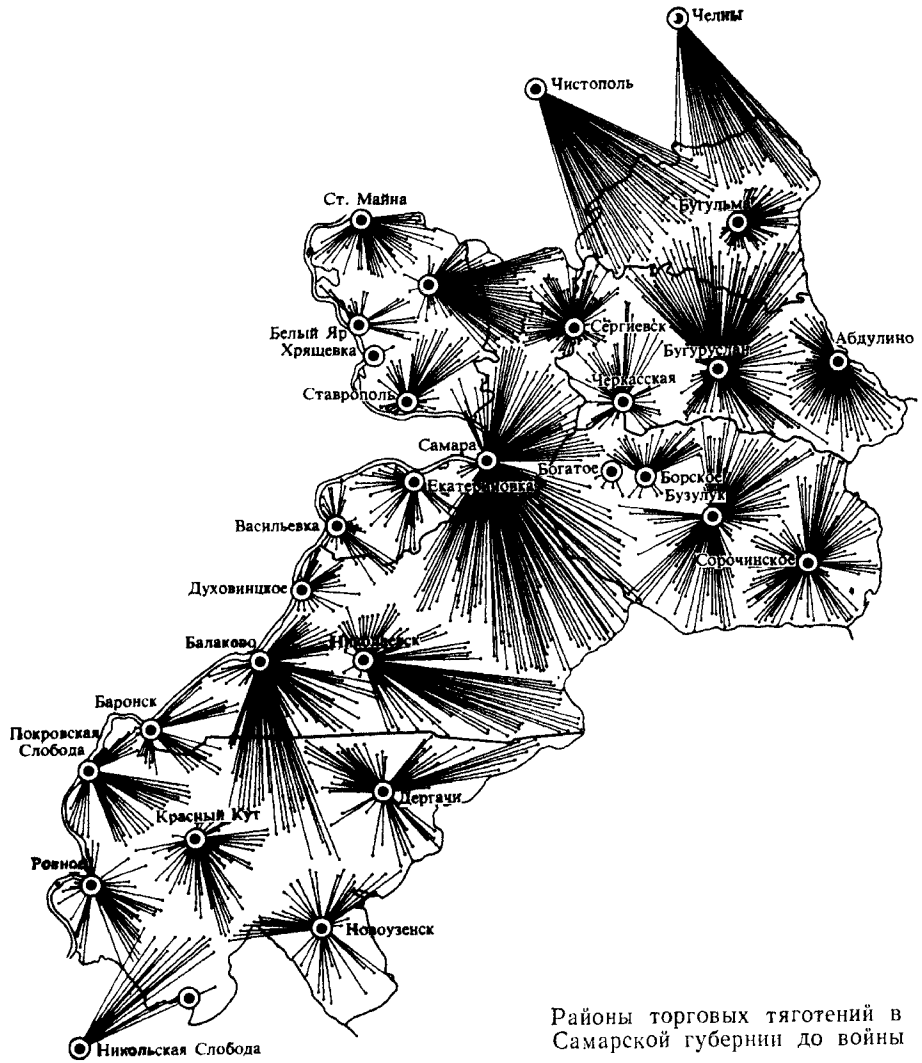
Русские статистические работы последних лет, изучающие так называемые районы торговых тяготений, с большой мерой наглядности выделили эти первичные неделимые народного хозяйства, слагающиеся по произволу экономической жизни и путей сообщения, вне зависимости от естественно-исторических районов и административных границ.

Так, например, П. А. Вихляев установил в 1915 г. для нужд продовольственного дела своеобразную систему торгового тяготения отдельных деревень Московской губернии в отношении к закупке хлеба.

Г. И. Баскин проделал аналогичную работу для селений Самарской губернии в отношении их к сбыту хлеба и дал прилагаемую карту * (с. 431).

Наблюдение местной жизни показывает, что базарный пункт является для района своего тяготения сосредоточением всей местной торговой, кооперативной, деловой и даже духовной жизни, так как личные связи жителей района тяготения объединяются тем же базаром, где они неизменно встречают друг друга.

Базары в свою очередь тяготеют к тому или иному центру более крупной оптовой торговли и строят прочными связями

Районы торговых тяготений в Самарской губернии до войны

торгового аппарата из распыленных крестьянских хозяйств некоторое народнохозяйственное целое.

Изучая строение торгового аппарата для рынков сбыта различных сельскохозяйственных продуктов, мы можем отметить пять основных ступеней товарного пути сельскохозяйственных продуктов:

I. Распыленный по отдельным производителям товар собирается рядом скупщиков и прасолов и концентрируется в их руках.

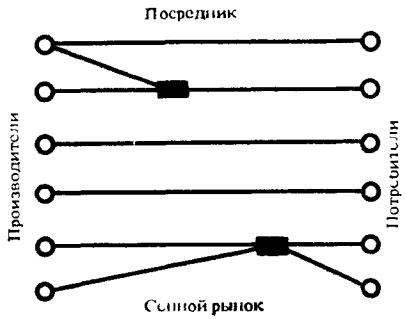

Рис. 1

II. Собранный скупщиками товар подвергается грубой сортировке и перевозится из мест сборки в местные центры оптовой торговли.

III. В оптовых центрах товар подвергается сортировке и распределению по направлениям дальнейшего движения.

IV. Собранный в центре и рассортированный товар перевозится в местные потребительские оптовые центры.

V. Из местных оптовых центров товар с помощью торгового распределительного аппарата (местных лавочников и других торговцев) поступает к распределителю.

Такова общая схема, применительно к каждому товару она резко видоизменяется и приобретает индивидуальные характерные черты.

Так, например, если мы возьмем такой продукт, как сено, то организацию его рынка следует считать чрезвычайно упрощенной.

Бóльшая часть товара непосредственно переходит от производителя к потребителю, и если в доставке сена на городские рынки и существуют посредники, то все же число их ограничено.

Графическое изображение сенного рынка даст нам очень простую схему (см. рис. 1).

Совершенно иную картину дает нам сбыт мяса, например на мясной рынок города Москвы в его довоенных формах.

Мясной скот, откормленный в помещичьих или крестьянских хозяйствах, скупался на месте гуртовщиками или прасолами, затем привозился последними в Москву на очередную площадку.

На площадке скот переходил в руки крупных торговцев — комиссионеров. На московском рынке означенные «комиссионеры» являлись почти полными хозяевами рынка.

Комиссионеры перепродавали скот так называемым *быкобойцам,* которые убивали животных на бойне и, разделив быка на мясную тушу, кожу и голье, направляли на желатиновые и другие утилизационные заводы, а мясо — крупным и мелким мясникам и на консервные фабрики.

Таким образом, организация рынка мяса является очень сложной и в графическом виде дает довольно запутанную схему.

Еще более сложную картину дают кожи, лен, хлопок и другие подобные им товары.

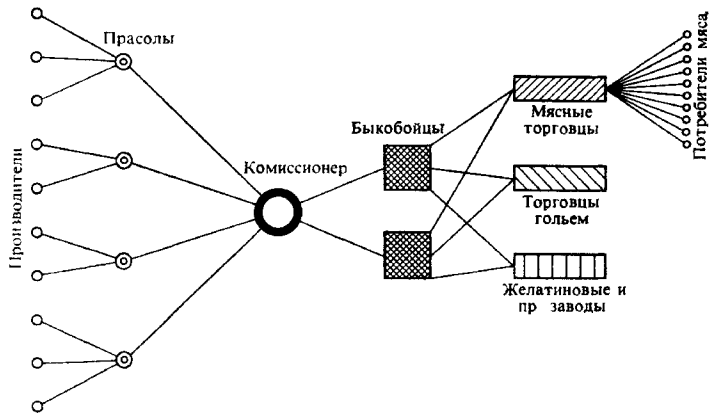

Рис 2 Московский рынок мяса

При этом необходимо отметить, что для многих продуктов пути следования товаров оказываются различными для разных рынков. Так, изучая строение льняного рынка, мы прежде всего должны отметить большую разницу между западными льняными районами, продающими за границу, и восточными, обслуживающими внутренний спрос.

На западе значительно большее число посредников, рыночные отношения сложнее и запутаннее. Схематически западный тип довоенной рыночной организации и движения товара можно представить следующим графиком (с. 434).

Лен, привезенный крестьянином на базар, попадает в руки мелких скупщиков, которые, производя грубую сортировку товара, перепродают его местным городским торговцам или агентам иностранных экспортных контор, которые самостоятельно или через посредников переправляют его за границу. Попавший в Западную Европу товар иногда еще раз переходит из рук в руки и попадает в конце концов на льнопрядильни.

Описанный аппарат захватывает сотнями тысяч своих разветвлений всю толщу крестьянских хозяйств и, оставляя их производственно свободными, хозяйственно овладевает ими всецело.

Доходы, уровень благосостояния, сила капиталообразования какого-нибудь гжатского льнопроизводящего хозяйства начинают в высшей мере зависеть от чисто капиталистических отношений Западной Европы, а подчас и от условий финансирования прядилен Белфаста американскими банками.

Нередко торговый аппарат, заинтересованный в стандартности собираемого товара, начинает активно вмешиваться и в организацию самого производства, ставя свои технические условия, выдавая семенной материал и удобрения, обусловливая севооборот и превращая своих клиентов в технических выпол-

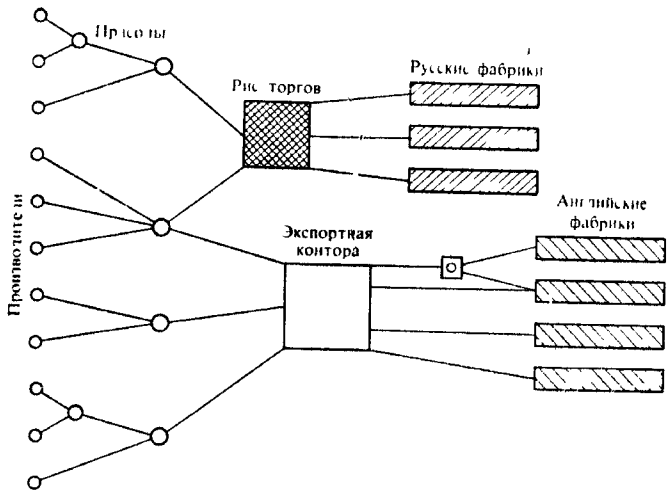

Рис. 3. Рынок льна (западные губернии)

нителей своих предначертаний и своего хозяйственного плана. Характерным примером такого рода образований у нас были плантаторские посевы свеклы на крестьянских полях по договорам с сахарными заводами или подрядчиками. Овладев путями сбыта и создав себе сырьевую базу, деревенский капитализм начинает проникать и в самое производство, отщепляя от крестьянского хозяйства отдельные отрасли, по преимуществу в области первичной переработки сельскохозяйственного сырья и вообще отраслей, связанных с механическими процессами. Переезжающие предпринимательские паровые молотилки на юге России, мелкие маслодельные заводики Сибири в конце XIX в., мастерские по льнообработке во Франции и кое-где у нас в льняных губерниях дают этому наглядные примеры.

Если к этому прибавить в наиболее развитых капиталистических странах, как, например, в Северной Америке, широко развитый ипотечный кредит, финансирование хозяйств в оборотный капитал, диктующую роль капитала, вложенного в транспортные, элеваторные, ирригационные и иные предприятия, то перед нами раскроются новые формы проникновения капитализма в земледелие, превращающие фермера в рабочую силу, работающую с чужими средствами производства, а земледелие, несмотря на видимую распыленность и самостоятельность мелких товаропроизводителей,— в систему хозяйства, капиталистически концентрированную в ряд крупнейших предприятий и входящую через них в сферу контроля высших форм финансового капитализма. Недаром, по исчислению проф. Н. П. Макарова, из доходов фермерского хозяйства, реализуемых на оптовых биржах Америки, только 35 % идет

фермеру, а остальные 65 % усваивает железнодорожный, элеваторный, ирригационный, финансовый и торговый капитал *.

По сравнению с этой вертикальной капиталистической концентрацией маленькой деталью являлся бы переход хозяйств от 10-гектарного размера к размерам в 100 или 500 га и соответственному переходу значительной части фермеров от полупролетарского положения к явно пролетарскому.

И если эта деталь не имеет места, то, очевидно, потому, что капиталистическая эксплуатация приносит большие проценты именно в форме вертикальной, а не горизонтальной концентрации, перекладывая к тому же риск предприятия в значительной доле с владельца капитала на фермера.

Описанная форма концентрации сельскохозяйственного производства свойственна почти всем молодым земледельческим странам, ведущим массовое производство однотипных продуктов на далекие, по преимуществу экспортные, рынки.

Иногда эта вертикальная концентрация сообразно сложившейся народнохозяйственной обстановке принимает не капиталистические, а кооперативные или смешанные формы. В этом случае контроль над системой торговых, элеваторных, мелиорационных, кредитных и перерабатывающих сырье предприятий, концентрирующих и руководящих процессом сельскохозяйственного производства, частью или целиком принадлежит не держателям капитала, а организованным мелким товаропроизводителям, вложившим в предприятия свои капиталы или же сумевшим создать капиталы общественные.

Возникновение и развитие кооперативных элементов в процессе вертикальной концентрации сельского хозяйства становятся возможными только в известных фазах самого процесса и при обязательной предпосылке относительной слабости местного капитала. В данном случае мы умышленно подчеркиваем слово «относительной», так как эта относительная слабость местных предпринимателей-капиталистов может получиться не только в силу их собственной абсолютной слабости, но также и в силу, с одной стороны, зажиточности самого крестьянского хозяйства (Дания), а с другой стороны, ввиду того что за кооперативными элементами могут стоять финансирующие их ресурсы государства или крупного экспортного или индустриального капитала, нуждающегося в нефальсифицированном сырье.

Наглядным примером этого процесса является развитие Сибирской маслодельной кооперации.

В конце XIX в., после проведения великого сибирского железнодорожного пути, в Западной Сибири сложилась на базе обильных кормовых угодий чрезвычайно выгодная конъюнктура для развития экспортного маслоделия.

В районе Курганского, Ишимского и других округов появляются один за другим мелкие предприниматели, вскоре

покрывшие район небольшими маслодельными заводами и тем начавшие в капиталистических формах процесс вертикальной концентрации западно-сибирского сельского хозяйства. Сибирское маслоделие, созданное мелким грюндером, сняло в течение десятилетия сливки с благоприятной конъюнктуры и наткнулось на жестокий кризис из-за чрезмерного количества понастроенных заводов и их ожесточенной конкуренции как из-за молочной базы, так равно и при реализации масла. Державшись ряд лет не столько доходами от масла, сколько прибылями от заводских лавок и расчета товарами за забор молока, эти заводы влачили жалкое существование и начали один за другим закрываться.

Для крестьянских хозяйств, уже перестроившихся в товарные молочные формы, это закрытие угрожало тяжелыми убытками, и, не желая возвращаться к формам натурального быта, они с исторической неизбежностью должны были поставить перед собою вопрос о взятии закрывающихся заводов в свои крестьянские руки на артельных началах.

Появившиеся таким образом кооперативные заводы выделились качеством своего товара над фальсифицированным предпринимательским маслом и получили в своем развитии финансовую поддержку торгового капитала в лице датских и английских экспортных фирм, имевших в Кургане и других городах свои сибирские конторы, и быстро вытеснили частного предпринимателя из сферы производства масла.

Таким образом, концентрация сибирского маслоделия, начатая мелким промышленным капиталом, продолжается при поддержке крупного торгового капитала в кооперативных формах и, быстро вырастая, вскоре порывает свою связь с экспортным торговым капиталом. Сибирский союз маслодельных артелей сам выходит на лондонский рынок и, опираясь на банковский кредит, освобождается от всякого влияния торгового капитала.

В несколько иных формах, но в том же типе динамики и так же проходя различные фазы связи с капиталистическими группами, развивались до войны и другие виды сельскохозяйственной кооперации.

Сказанного совершенно достаточно для того, чтобы понять сущность сельскохозяйственной кооперации как глубокого процесса вертикальной концентрации сельского хозяйства. Причем необходимо отметить, что в кооперативных формах процесс этот идет гораздо глубже, чем в формах капиталистических, так как кооперативным формам концентрации крестьянин сам передает такие отрасли своего хозяйства, которые капитализму никогда не удается оторвать от крестьянских хозяйств в процессе борьбы.

Таково наше понимание вертикальной концентрации сельскохозяйственного производства в условиях капиталистического общества — концентрации, проникающей как в чисто капиталистических, так равно и в кооперативных формах.

Изложив это понимание, мы подошли к основному, самому главному и самому важному из вопросов о судьбах нашего сельского хозяйства.

Всем известно, что основным фактом нашего народного хозяйства является то обстоятельство, что республика наша является земледельческой страной, в которой более половины национального дохода получается от земледелия и скотоводства.

Сообразно этому наше сельское хозяйство представляет собою мощный народнохозяйственный фактор, во многом определяющий собою народное хозяйство СССР.

Однако в отличие от обрабатывающей промышленности, горного дела и транспорта, главнейшие отрасли которых в нашей республике концентрированы в крупнейшие предприятия, находящиеся в управлении или под контролем государственных органов, социально-экономическая структура земледельческого хозяйства представляет собою стихию 18,5 млн. распыленных мелких крестьянских хозяйств, развивающихся под давлением стихийных факторов и малоподдающихся какому-либо регулированию.

Если мы не хотим, вообще говоря, рисковать устойчивостью и маневренной гибкостью самой системы государственного капитализма, мы не можем оставить главнейшую отрасль нашего народного хозяйства в состоянии стихийных форм развития. Поскольку наше земледелие будет носить стихийный характер, мы должны будем всегда принимать как данное и наш внутренний спрос, и запасы сырья — как количественно, так равно и качественно. Это означает также и отказ от свободы планового строительства и в обрабатывающей промышленности.

Несомненно, что ряд мероприятий общей экономической политики в областях транспортной, таможенной, налоговой и других может оказывать подчас очень сильное косвенное влияние на строительство и развитие крестьянских хозяйств, однако для задач государственного капитализма этого влияния недостаточно, и мы должны стремиться к прямому организационному овладению стихийным крестьянским хозяйством.

Имея перед собою это исходное положение, мы должны признать, что основным и наиболее сложным вопросом нашей системы государственного капитализма является вопрос о том, какими методами мы можем увязать эту крестьянскую стихию в общую систему государственного капитализма и, подчинив регулирующему влиянию государственных центров, ввести в общую систему нашего государственного планового хозяйства.

При разработке этих методов мы должны, однако, учиты-

вать и то обстоятельство, что основной идеей самой системы государственного капитализма является признание ее переходной формой к законченной социалистической организации народного хозяйства.

Сообразно этому, увязывая нашими мероприятиями крестьянскую стихию и организуя ее в общую систему планового хозяйства СССР, мы должны иметь в виду и эту конечную цель и вводнть в будущую организацию земледелия такие элементы, дальнейшее развитие которых *перерастало бы самое систему государственного капитализма и могло бы быть основой для будущей социалистической системы народного хозяйства.*

Таков самый важный вопрос современной фазы развития нашего народного хозяйства и самая актуальная проблема экономической политики СССР.

В настоящее время в этом вопросе уже не существует двух мнений, и все организаторы сельского хозяйства уверенно полагают, что главнейшими методами в работе по реорганизации нашего земледелия явятся методы вертикальной концентрации. Мы с этим не можем не согласиться, однако для вполне сознательного решения должны уяснить себе:

1) какие внутренние изменения должны произойти в процессах вертикальной концентрации земледелия, и в частности в ее кооперативных формах, при замене режима капиталистического общества режимом переходной системы государственного капитализма и впоследствии режимом социалистической организации производства;

2) нужны ли нам в нашей сегодняшней организационной работе над крестьянским хозяйством методы вертикальной концентрации в качестве актуального орудия экономической политики и в каких формах.

Не нужно большого труда для того, чтобы ответить на второй из поставленных вопросов.

Поскольку организационное овладение процессами сельскохозяйственного производства возможно только при замене распыленного крестьянского хозяйства формами производства концентрированного, мы должны всячески развивать те процессы деревенской жизни, которые ведут к этой концентрации.

Путь горизонтальной концентрации, с которым обычно связывают у нас представление о крупной форме производства в земледелии, в стране мелкого крестьянского хозяйства исторически должен мыслиться в формах стихийной дифференциации крестьянских хозяйств, т. е. образования из беднейшей части их пролетарских кадров, выпадения середняков и концентрации производства в зажиточных группах, строящих его на капиталистических началах и на привлечении наемного труда.

Этот процесс, как обычно полагают, должен был бы при своем развитии привести к постепенному созданию крупных и

технически достаточно хорошо организованных хозяйств, которые в известный момент сложения социалистического хозяйства предполагались быть национализированными и образовать собою систему «фабрик зерна и мяса».

Само собою понятно, что в условиях советской деревенской политики, при наличии нашего земельного кодекса и вообще режима национализации земель этот путь отпадает совершенно. Исторически развитие пролетаризации крестьянства ни в коем разе не может входить в состав элементов советской политики. В процессе революции мы не только не могли концентрировать в производственные крупные единицы распыленные земли, но и исторически вынуждены были, наоборот, распылить значительную часть земельного фонда старых крупных хозяйств.

Сообразно этому единственной формой горизонтальной концентрации, которая в настоящее время может иметь место и фактически происходит, является концентрация крестьянских земель в крупные производственные единицы в формах всякого рода сельскохозяйственных коллективов, в виде сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земель, поскольку, конечно, они создаются на крестьянских землях, а не на базе принятия в эксплуатацию старого имения.

Процесс этот протекает в значительных размерах, но все же не имеет и не может иметь того массового размера, на котором можно было бы строить всю политику концентрации сельскохозяйственного производства. Поэтому главнейшей формой проведения концентрации в области крестьянских хозяйств может быть только путь концентрации вертикальной, и притом в ее кооперативных формах, так как только в кооперативных формах она окажется связанной органически с сельскохозяйственным производством и сможет получить надлежащий по глубине захват.

Иначе говоря, единственно возможный в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана — это путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий.

Изложенное понимание сельскохозяйственной кооперации придает ей значение едва ли не единственного метода вовлечения нашего сельского хозяйства в систему государственного капитализма.

А это в настоящее время представляет собою основную нашу задачу.

Сельскохозяйственная кооперация возникла у нас задолго до революции. Она существовала и существует в ряде капита-

листических стран. Однако и у нас до революции, и во всех капиталистических странах она представляла собою не более как приспособление мелких товаропроизводителей к условиям капиталистического общества, не более как оружие в борьбе за существование. Никакого нового общественного строя она не представляла и не могла представлять.

Положение вещей совершенно изменяется, поскольку вместо обстановки капиталистического общества система сельскохозяйственной кооперации с ее общественными капиталами, высокой концентрацией производства при плановом характере работы попадает в условия социалистического общества или по крайней мере существующей у нас системы государственного капитализма.

В этом случае именно благодаря высокой вертикальной концентрации и централизации кооперативной системы она в лице своих центров смыкается с руководящими органами государственного хозяйства и из простого орудия мелких товаропроизводителей, созданного ими в борьбе за существование в капиталистическом обществе, превращается в одну из главных слагающих социалистической системы производства.

Говоря иначе, из технического орудия социальной группы или даже класса она превращается в одну из основ хозяйственного уклада нового общества.

Это понимание народнохозяйственного значения сельскохозяйственной кооперации в сущности предопределяет собою основные линии нашей земледельческой политики.

Однако принимая в отношении к сельскому хозяйству программу вертикальной концентрации в ее кооперативных формах и стремясь через систему кооперативных объединений и союзов установить непосредственную связь каждого крестьянского хозяйства с центральными органами государственного капитализма и тем вовлечь его в общее русло планового хозяйства, мы должны предвидеть значительную продолжительность этого процесса.

Подобно последовательным фазам развития капитализма от первоначальных форм элементарного торгового капитализма и мануфактуры к фабрике и трестированию всей индустрии, государственный капитализм, развивающийся в отношении сельского хозяйства в кооперативных формах, неминуемо должен пройти ряд последовательных фаз своего исторического развития.

Начинаясь обычно с объединения мелких производителей в области заготовки средств производства земледелия, кооперация весьма скоро переходит к организации кооперативного сбыта сельскохозяйственных продуктов, развертывая его в формах гигантских союзов, объединяющих сотни тысяч мелких производителей. Поскольку операции этого посреднического

типа приобретают надлежащий размах и прочность, на их базе слагается хорошо работающий и сильный кооперативный аппарат и, что особенно важно, происходит по аналогии с развитием капитализма первоначальное накопление кооперативного капитала. В этой фазе развития сельскохозяйственная кооперация под давлением требований рынка с исторической необходимостью развертывается в сторону организации при сбытовых операциях первичной переработки сельскохозяйственного сырья (кооперация маслодельная, картофелетерочная, консервная, льнотрепальная и проч.), выделяет соответствующие отрасли из крестьянского хозяйства и, индустриализируя деревню, тем овладевает всеми командующими позициями деревенского хозяйства. В наших условиях благодаря содействию государства и государственному кредитованию эти процессы развития ускоряются и могут происходить одновременно и взаимно переплетаясь.

Кооперировав сбыт и техническую переработку, сельскохозяйственная кооперация тем самым производит концентрацию и организацию сельскохозяйственного производства в новых и высших формах, заставляя мелкого производителя видоизменять организационный план своего хозяйства сообразно политике кооперативного сбыта и переработки, улучшать свою технику и переходить к усовершенствованным методам земледелия и скотоводства, обеспечивающим стандартность продукта, подвергая его тщательной сортировке, переработке, упаковке, консервированию сообразно требованиям мирового рынка.

Однако, добившись этого успеха, кооперация неизбежно развивает достигнутый успех далее, в сторону еще большего захвата производственных отраслей крестьянского хозяйства (машинные товарищества, случные пункты, контрольные и племенные союзы, совместная обработка, мелиорация и проч.), причем часть покрытия расходов по этим производственным видам кооперации производится и принципиально должна производиться за счет прибылей по сбыту, закупке и кредиту.

При параллельном развитии электрификации, технических установок всякого рода, системы складочных и общественных помещений, сети усовершенствованных дорог и кооперативного кредита элементы общественного капитала и общественного хозяйства количественно нарастают настолько, что вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного кооперативного хозяйства, построенную на базе обобществления капитала и оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения.

Таково происхождение новых форм земледелия, построенного по принципу вертикальной концентрации. В своем насто-

ящем положении кооперативное движение в разных районах находится в различных фазах своего постепенного развития и в то же время, как в некоторых губерниях СССР, мы видим перед собою только первые зачатки сбытовой и закупочной кооперации. Такие районы, как знаменитая Шунгенская волость, Боровичско-Валдайский район, Великие Соли, Бурцево и Курово Московской губернии, дают нам примеры глубочайшего проникновения элементов кооперативной концентрации в самую толщу сельскохозяйственного производства и сбыта.

Вот те формы эволюции крестьянского хозяйства как народнохозяйственного пласта, на путь которых оно уже ступило и чистоту которых должно всемерно блюсти, если не желает, чтобы вертикальная концентрация сельскохозяйственного производства пошла по капиталистическому варианту, с неизбежностью приводящему к тягчайшим формам капиталистической эксплуатации.

Просматривая описываемую нами эволюцию крестьянских хозяйств, мы должны, конечно, проследить и те изменения, которые по мере обобществления отдельных звеньев организационного плана должны совершиться в основных устоях семейного хозяйства, в механизме внутрихозяйственного равновесия и в свойственном ему процессе капиталообразования.

По всем вероятиям, в первых фазах развития кооперации эти изменения не будут особенно велики, но несомненно, что по мере количественного нарастания в нашей деревне элементов общественного хозяйства мы столкнемся с развитием новой хозяйственной психологии и ожидаемая нами эволюция земледелия во многом явится постепенным отрицанием тех основ семейного хозяйства, которые установлены были в нашем исследовании в отношении крестьянского хозяйства нашего времени.

КОММЕНТАРИИ

УЧАСТКОВАЯ АГРОНОМИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Работа была представлена А. В. Чаяновым в виде доклада на Московском областном съезде деятелей агрономической помощи населению в 1911 г. В ней поддерживается и развивается идея, высказанная А. Ф. Фортунатовым и другими русскими теоретиками агрономического дела, о необходимости перехода от уездной агрономии к участковой. Агроном приближался, таким образом, к крестьянину, оказываясь вынужденным вникать во все тонкости семейного хозяйства. Но Чаянов идет дальше Фортунатова. Он не просто выдвигает лозунг участковой агрономии, но и придает ей конкретную цель — разработку организационного плана крестьянского хозяйства. Концепция организационного плана была разработана немецкой школой Betriebslehre в лице Т. Гольца, Г. Крафта и других; это была по сути одна из первых попыток обосновать крестьянское самоуправление, «самопланирование». Однако она была выработана немецкими учеными на примере капиталистических предприятий. Между тем, как указывал Чаянов, крестьянское семейно-трудовое хозяйство имело свои специфические особенности, отличающие его от капиталистического фермерства.

Таким образом, в докладе 23-летнего ученого нашли отражение три главных опорных пункта его будущей теории семейно-трудового хозяйства: улучшения в крестьянском труде, организационный план, особая мотивация семейного хозяйства.

с. 52

* Имеется в виду первый московский съезд деятелей агрономической помощи местному хозяйству, проходивший 10—19 февраля 1901 г.

* Фортунатов А. Ф. Задачи деятельности русских местных агрономов// Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству (10—19 февраля 1901 г.). М., 1901. С. 5. (страницы указаны по докладу Фортунатова).

с. 53

* По всей вероятности, А. В. Чаянов подразумевает фразу профессора И. А. Стебута о том, что «сельскохозяйственная школа может только подготовлять своих воспитанников к практической деятельности, но не может выпускать практических деятелей» (Стебут И. А. Избранные сочинения: В 2 т. М., 1957. Т. II. С. 540).

* См., напр.: Тейтель А. В. Элементы участковой агрономии. Спб., 1909; Сокальский Л. П. Общественная агрономия и наши агрономические учебные

заведения. Одесса, 1905; Маньковский К. Г. О ближайших задачах участковой агрономии//Труды областного съезда представителей земств и сельских хозяев Юга России. Екатеринослав, 1910. Т. II.

* Чаянов А. В. Внешкольное сельскохозяйственное образование в Бельгии//Вестник сельского хозяйства. 1909. № 41. С. 7. О впечатлениях Чаянова об организации общественной агрономии в Бельгии см. также: Он же. Письма из сельскохозяйственной Бельгии//Там же. № 33, 36, 40, 41, 42, 45; Он же. Сельскохозяйственный кредит в Бельгии//Там же. 1910. № 6, 7, 10, 11, 15, 16—17; Он же. Страхование скота в Бельгии// Там. же. № 37—41.

с. 54

* Сокальский Л. П. Объекты агрономического воздействия//Труды областного съезда представителей земств и сельских хозяев Юга России. Екатеринослав, 1910. Т. III. С. 647.

* Там же, с. 647.

с. 56

* Чаянов А. В. Странствующие кафедры в Италии//Вестник сельского хозяйства. 1908. № 33. С. 6—7; № 34. С. 8—10; Он же. Кооперация в сельском хозяйстве Италии. М., 1909.

с. 57

* См. примечание к с. 53.

с. 60

* Маньковский К. Г. О ближайших задачах участковой агрономии// Труды областного съезда представителей земств и сельских хозяев Юга России. Екатеринослав, 1910. Т. II. С. 423—424.

с. 62

* См. Kraft G. Lehrbuch der Landwirtschaft auf wissenschaftlicher und praktischer Grundlage. Berlin, 1904. B. 4. «Betriebslehre»; Гольц Т. Оценка земель и имений. Вып. 1. Цели и виды таксации земель: Пер. с нем. О. Хауке. М.,1905; Он же. Сельскохозяйственное счетоводство. 3-е изд.: Пер. с нем. В. Брунста/Под. ред. и с прим. А. Ф. Фортунатова. М., 1925.

с. 63

* Подсчеты производились по данным, приведенным в книге: Чаянов А. В. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Вып. 1. М., 1912. С. 16, 64—65, 100—103.

* Фортунатов А. Ф. Конспект по сельскохозяйственной экономии и статистике М., 1904. С. 165.

с. 64

* Кирсанов Д. И. Общие основания деятельности ирбитского уездного агронома//Труды совещания председателей уездных земских управ и состава губернской управы с участием агрономов по вопросу о реорганизации земского агрономического института Пермской губернии (20—23 марта 1900 г.). Пермь, 1900. С. 65.

* Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 135.

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ ТРУДОВОГО ХОЗЯЙСТВА. ВЫП 1. СООТНОШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Впервые была опубликована в 1912 г. в журнале «Труды Московского общества сельского хозяйства» /вып. 52/, затем вышла отдельным изданием (Чаянов А. В. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 1. Соотношение производства и потребления. М., 1912. С. 1—24). Работа была написана в Париже, во время зарубежной командировки, когда 24-летний автор находился под сильным влиянием школ предельной полезности и предельной производительности. Главной целью книги, как заявлял А. В. Чаянов, было «не столько разрешение, сколько постановка вопросов о крестьянском трудовом хозяйстве». Эту задачу автору отчасти удалось решить. Однако брошюра грешит чрезмерной математизацией теории, преувеличивает влияние коэффициента «едоки/работники» на высоту крестьянского бюджета, пестрит произвольными предположениями, которые автор сам же и опровергает. Впоследствии А. В. Чаянов преодолел эти недостатки, учтя критические замечания С. Н. Прокоповича, С. А. Первушина и других экономистов. Работа представляет собой начальный этап выработки его взглядов на семейно-трудовое хозяйство, подготовившнй его монографию «Организация крестьянского хозяйства» и заострившнй внимание науки на проблемах равновесия производства и потребления в крестьянских хозяйствах.

с. 70

* Здесь не принимаются во внимание качественные аспекты трудовой деятельности, характер применяемых средств производства и другие факторы.

* Автор использует статический метод анализа, рассматривая затраты в относительно небольшой промежуток времени, например в течение рабочего дня. При динамическом подходе этот постулат не выполняется.

* Здесь также подразумеваются ограниченный промежуток времени и сопоставление по взаимозаменяемым видам продукта для каждого субъекта. При переходе к диинамической точке зрения и включении в набор разнородных продуктов картина меняется.

с. 74

* В оригинале: $x_1 = \alpha m$.

* Имеется в виду оценка однокачественного труда с точки зрения каждого данного хозяйствующего субъекта. При разнородных видах труда для разных субъектов возникает иной механизм сопоставления тягостности затрат и количества труда.

с. 75

* В оригинале $\frac{x_n}{m} < \frac{x_n}{m}$.

* Это положение в некотором смысле тавтологично: по мере увеличения пронзводительностн труда падает его количество, приходящееся на единицу продукта, или, наоборот, возрастает объем продукта, созданного в единицу времени при данных затратах живого труда.

* Данные по оплате 1 раб. дня в полеводстве н луговодстве для работника вообще взяты из книги: Чаянов А. В. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Вып. 1. С. 138—187.

с. 76

* Это положение действительно лишь по отношению к отдельно взятому рынку, рассматриваемому в границах абстрактного изолированного государства (по Тюнеиу). В реальной действнтельности рынки «накладываются» друг на друга. К тому же фактор местоположения по отношению к рынку не оказывает столь сильного влияния на высоту личных бюджетов, как факторы плодородия, обеспеченности скотом и техникой, производительности и пр.

* Здесь А В. Чаянов впервые вводит коэффициент «едоки/работники», с помощью которого он пытается объяснить размеры семейных крестьянских бюджетов и объем душевого потреблення. Этот подход справедливо критиковался С. Н Прокоповичем и другими экономистами. Впоследствии А. В Чаянов перешел к многофакторной модели образования крестьянских доходов, а коэффициент стал трактовать как меру наделенности хозяйств рабочей силой.

с. 77

* Это положеиие ясно без доказательств· чем выше доля едоков и ниже доля работников, тем меньше суммарная выработка хозяйств, скромнее и лнчный бюджет.

с. 80

* В своем докладе С К. Олексенко свел вопрос к тому, что «существующий низкий уровень крестьянского хозяйства находится в полном соответствии с низким уровнем общей культуры русской деревни», который в свою очередь объяснялся, по мнению Олексенко, общинным строем и оторванностью деревни от «культурных классов» государства Подобный подход, однако, не учитывая особенности общинной жизни села, игнорировал объективные условия, в которых жило русское крестьянство, принижал его роль в развитии русской культуры и государственности, искажал специфику его духовно-нравственной жизни. Вместе с тем сама постановка вопроса о связи семейных бюджетов с уровнем культуры населения была весьма плодотворной (Олексенко С. К. О зависимости успеха агрономических мероприятий от уровня общей культуры иаселения//Труды областного съезда представителей земств и сельских хозяев Юга России. Екатеринослав, 1910. С. 35—50.

с. 83

* Erhebung von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelter Familien im Deutschen Reiche. Berlin, 1909. Zweiter Teil. S. 62—92.

с. 84

* А. В. Чаяиов здесь упрощает ситуацию. Наемные рабочие имеют возможность увеличивать свой доход и за счет повышения интенсивности труда, работы в выходные, участия в прибылях, переходов на другие предприятия и т. д.

с. 85

* В работе приводятся данные крестьянских бюджетов Воронежской губернии о личных и хозяйственных расходах на душу лиц обоего пола в крестьянском хозяйстве. Разница между этими двумя видами потребностей оказывалась тем значительнее, чем беднее группа.

* По концепции А. В. Чаянова, капиталистическое хозяйство, стремившееся к максимальной прнбыли, достигало такого уровня интенсивности труда, при котором возникал избыток рабочей силы, а занятая рабочая снла оплачивалась по законам рынка труда. Крестьянское хозяйство, ориентированное на удовлетворение потребностей семьи и равномерное распределеиие труда ее членов, повышало интенсивиость выше обычной, что приводило к падению оплаты труда на единицу площади (1 га) или на единицу продукции (1 ц).

Что же касается закона убывающей производительности труда, то он понимался А. В. Чаяновым не в политэкономическом, а в агрономическом плане, в тесной связи с законами оптимума и минимума. Согласно закону оптимума максимальный эффект сельскохозяйственной продукции наступал тогда, когда все факторы плодородия находились в гармоничном отношении друг к другу По закону минимума степень урожайности устанавливалась сообразно фактору, находящемуся в миимуме. Наконец, закон убывающего плодородия — точнее его было бы назвать законом убывающего ПРИРОСТА плодородия — гласил, что по мере поступательного роста количества фактора от минимума к оптимуму эффект каждой новой прибавки становнлся все меньше.

с. 86

* А. В. Чаянов предполагает, что в крупных хозяйствах производительность труда оказывается более высокой, следовательно, кривая производительности опускалась (с A_1B_1 до A_1B_2), и равновесие устанавливалось на более высокой степени удовлетворения потребностей.

с. 87

* Этот вывод автора покоится не только на явном допущении о постоянстве производительности труда и его квалификации (что явно протнворечит фактам), но и иа скрытой предпосылке о неизменности уровня потребления: последняя аксиома опровергается автором чуть ниже. Но важно учесть и другое. При переходе от трудового к нетрудовому хозяйству меняется и критерий оптимизации производства: от ориентации на удовлетворение потребностей семьи к стремлению получить максимальную прибыль. Все эти моменты будут затронуты А. В. Чаяновым в работах 20-х годов.

с. 88

* С точки зрения репрезентативности выбора такой прием кажется весьма сомнительным.

БЮДЖЕТ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Статья опубликована в сборнике «Очерки по экономике трудового сельского хозяйства» (М., 1924. С. 76—93). В ней А. В. Чаянов подводит итоги бюджетных исследований 101 крестьянского хозяйства Старобельского уезда Харьковской губернии, предпринятых губернским земством накаиуне первой мировой войны. В статье обосновывается идея циклических изменений отношения «едоки/работники»: постепенное его иарастание с рождением новых детей, достижение максимума, а затем медленное падение при последовательном вступлении молодых людей в трудовую деятельность, достнжение минимума, а затем сиова возрастание и т. д. Хотя А. В. Чаянов, а впоследствии и его критики назвали это «демографическими измеиениями» состава крестьянской семьи, подобный цикл имел социально-экономическое содержание. Фактически он означал периодические колебания в наделенности крестьянской семьи собствеиной рабочей силой. А. В. Чаянов прослеживал связь

этого показателя с размером землепользования, землевладения, арендой, применением наемного труда, выработкой продукции, преувеличивая иногда значение этого коэффициента.

с. 90

* См. подробнее: Бюджеты крестьян Старобельского уезда/Под ред. А. В. Чаянова. Харьков, 1915; Чаянов А. В. Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии. М., 1915. Т I. История бюджетных исследований.

с. 102

* Здесь проявляется недооценка А. В. Чаяновым роли средств производства как фактора дифференцнации крестьянского хозяйства: ведь применение машин может в значительной степени компенсировать недостаток в рабочей силе малых семей.

* Результаты переписей крестьянских хозяйств, сделаиных под руководством В. Г. Громана, были опубликованы в сборнике: Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии 1909—1913 гг./Под общим руководством В. Г. Громана. Серия III. Исследование земельных имуществ. Часть II. Подворная перепнсь крестьянского хозяйства. Пенза, 1923.

ИЗОЦЕНЫ РЖИ 1909—1913, 1917 и 1920 гг.

Статья опубликована сначала в периодической печати, а затем в сборнике: Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. Л.—М., 1924. С. 150—152. В ней А. В. Чаянов развивает метод так называемых «изолиний», примеиявшихся немецким естествоиспытателем и географом А. Гумбольдтом для изучения климата. В экономической теории этим методом одним из первых стал пользоваться немецкий экономнст Энгельбрехт в начале XX в. А. В. Чаянов творчески использовал его для анализа размещения товарных крестьянских хозяйств и их дифференциации (см. О дифференциации крестьянских хозяйств//Настоящее издание. С. 144)

с. 110

* Изолинии — линии равного значения какой-либо величины на географической карте, вертикальном разрезе илн графике.

К ВОПРОСУ ТЕОРИИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ХОЗЯЙСТВА

Статья была опубликована в Германии на немецком языке. См. Tschajanow A. Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme.— Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1924. B. 51. H. 3. S. 577—613. В русском переводе печатается впервые. Сегодня представляет интерес в основном по двум причинам.

Во-первых, в ней делается попытка построить на основе системного метода «метатеорню» экономических систем. Подобная проблема была весьма актуальной в 20-е годы, когда в СССР имелись пять укладов. Примечательно, что А. В. Чаянов делает вывод о возможности их сосуществования и взаимодействия через рынок и цены, прнчем не только в страновом, но и во всемнрном плане.

Во-вторых, статья определяет место семейно-трудового уклада в ряду экономических систем. Он должеи был, по мысли ученого, стать основой консолидации прогрессивных некапиталистических систем. Под этим углом

зрения А. В. Чаянов встраивает в «метатеорию» экономических систем теорию некапиталистических укладов.

с. 115

* Говоря о «классической политэкономии», А. В. Чаянов имеет в виду классическую буржуазную политэкономию, и прежде всего в лице А. Смита и Д. Рикардо.

с. 116

* Имеются в виду работы представителей как старой исторической школы (В. Рошера, Б.Гильдербраида, К. Книса), так и новой исторической школы (Г. Шмоллера, Л. Брентано, К. Бюхера и др.). Этн ученые много работали над проблемами докапиталистических систем и на этой основе пытались выработать их пернодизацию. Гильдербранд выделял три стадни развития — натуральное, денежное и кредитное хозяйство; Бюхер различал ступеии домашнего, городского и народного хозяйства и т. д. Сделав серьезный вклад в разработку конкретных экономнческих проблем общинного строя, рабства и феодализма, историческая школа опиралась на узкоэмпирический метод, допускала произвольиость классификации экономических систем, грешила переносом категорий капитализма в докапиталистические формации. Преодоление этих противоречий А. В. Чаянов видел в соединении теоретического и эмпирического подходов и в построении «метатеории» экономических систем.

* Манчестеризм, манчестерская школа — направление экономической мысли, возникшее в конце 30-х годов XIX в. в Манчестере (Великобритания). Идеологами манчестеризма были английские экономисты и политические деятели Р. Кобден и Дж. Брайт. Они выступали за полную свободу предпринимательства, отмену хлебных пошлин и неограниченное развитие рыночного механизма. Для А. В. Чаянова идеология манчестеризма воплощала одну из иаиболее апологетических теорий капитализма. Особенио опасным он считал механический перенос этих концепций иа экоиомику докапиталистических обществ.

* Здесь проявляется известиая недооценка А. В. Чаяиовым античной экономической мысли. Платон, Аристотель, Ксенофоит и другие античные писатели явнлись родоначальниками экономической теории, в их работах содержатся оригинальиые мысли о природе труда, товара, стоимости, денег и т. д. Эти мыслители дали весьма глубокий для своего времеии анализ окружавшей их экономической действительности, в том числе рабства как хозяйственной системы.

* Этический момент был действительно главеиствующим в построениях отцов церкви. Одиако в их произведениях можно найти и самые разнообразиые размышления о чисто экономических явлениях: труде, распределении, обмене, потреблеиин и т. д. Отцы церкви разрабатывали и вопросы экономической политики государства, в частиости благотворительиости (см. Зейпель Г. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви: Пер. с нем. с предисловием С. Н. Булгакова. Спб., 1913).

* Священник Сильвестр, советник Ивана Грозного, был автором особой редакции «Домостроя» (середииа XVI в.); И. Т. Посошков вошел в историю экономической мысли как создатель «Книги о скудости и богатстве» (1724 г.); А. П. Волынский, государственный деятель и дипломат первой половины XVIII в, подготовил «Инструкцию дворецкому Ивану Немчинову» (1724 г.) (см. также именной указатель). Три названиых автора наиболее полно воплотили русскую экономическую мысль середиины XVI — начала XVIII в., особое внимание уделив аграрным проблемам семейного хозяйства (см. Чаянов А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века//Крцимовски Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927. С. 199—239).

* Здесь А. В. Чаянов неточен. В конце XVIII — первой половине XIX в. в России появилось много оригинальных экономических концепций крепостнического хозяйства. Часть авторов высказывалась в пользу модернизированного помещичьего хозяйства (Е. Ф. Канкрин, С. М. Усов, А. И. Бутовский, Д. П. Шелехов и др.), другие выступали с его критикой и требованиями отмены (А. И. Куницын, М. А. Балугьянский, декабристы) (см. История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 2. М., 1958. Гл. 2, 7—9, 12).

с. 120

* См. подробнее: Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 125; Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. Т. I; Бруцкус Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Пг., 1924. С. 189—205. В отличие от семейно-трудовой теории концепция Б. Д. Бруцкуса приписывала крестьянскому хозяйству не только мотив удовлетворения потребностей, но и стремление накопить наибольший доход. Причем именно с этим последним моментом Б. Д. Бруцкус связывал перспективы развития крестьянского хозяйства: «Проникновение крестьянства хрематистическим (стяжательским.— *Ред.*) духом есть предпосылка благоприятного развития народного хозяйства» (Бруцкус Б. Д. Указ. соч. С. 198).

с. 122

* В этом определении автор фактически «суммирует» абсолютную и дифференциальную ренты. Первая определяется, как известно, разностью рыночной стоимости и общественной цены производства, а вторая — разностью общественной и индивидуальной цен производства.

с. 123

* См. подробнее: Челинцев А. Н. Есть ли рента в крестьянском хозяйстве? М., 1918. С. 9—11; Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. Т. I. С. 84. Анализ и критика взглядов А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова на ренту в крестьянском хозяйстве даны Г. С. Студенским (Студенский Г. С. Рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения. М., 1925. С. 11—18).

с. 124

* В. А. Косинский действительно отмечал влияние малоземелья на арендные цены, однако подчеркивал, что наибольшую аренду платят не безземельные и многоземельные дворы, а те дворы, норма наделенности землей которых близка к средней. Но главное обстоятельство более высокой «конкурентоспособности» крестьянского арендатора заключалось в природе некапиталистического хозяйства: аренда обеспечивала прибавление к прежнему доходу крестьянина как наемного работника (заработной плате) прибавочного продукта (ренты и прибыли) (Косинский В. А. К аграрному вопросу. Вып. 1. Крестьянское и помещичье хозяйство. Одесса, 1906. Гл. V и VIII).

с. 128

* Нибур Г. И. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. М., 1907. С. 189, 191, 231—233, 264, 282—283. Строго говоря, Г. И. Нибур не пользовался категорией «прибавочный продукт». Экономические причины возникновения рабства он видел в замещении тяжелого физического труда, стимулировании торговли и промышленности, пополнении армии, охоте и рыболовстве и т. д. В редких случаях он, правда, указывает, что выгодность рабства растет тогда, когда продукты труда раба превышают его насущные потребности.

с. 138

* В этой работе К. Маркс подчеркивал, что при коммунизме «количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета». Планомерность «будет достигаться посредством соглашения, основанного на отношении суммы производительных сил к сумме существующих потребностей». К. Маркс также упоминал об отказе от «индивидуального обмена» и «ниспровержении конкуренции». Фактически здесь было дано одно из первых обоснований безденежного, натурально-хозяйственного строя будущего общества (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 97, 101, 107—108, 164).

* Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 63, 65—67, 71—72, 85—87, 102, 118—119, 134—135, 140—141; Варга Е. С. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. М., 1922. С. 55, 63—65, 88—94, 100—104, 113—114. В работах Н. И. Бухарина и Е. С. Варги содержится одно из первых в советской и мировой экономической литературе обоснование командно-административной системы управления хозяйством. Авторы выступают в пользу превращения всех предприятий в отделения единого производственного центра, всеобщей трудовой повинности, огосударствления профсоюзов и кооперации, милитаризации производства, перехода к натуральному обмену и пайкам, применения вооруженного насилия к непролетарским слоям, превращения интеллигенции в слуг государства и проч. Многие из этих «рекомендаций» генетически восходят к идеям Л. Д. Троцкого (Троцкий Л. Д. Труд, дисциплина и порядок. Пг., 1918. С. 9 и далее). Е. Варга прямо ссылается на эту книгу.

с. 139

* Справедливости ради следует сказать о том, что в свое время А. В. Чаянов сам отдал дань поискам системы «трудовых эквивалентов», которую он защищал в полемике с Е. С. Варгой и С. Г. Струмилиным. Реальное функционирование экономики в годы военного коммунизма, однако, убедило его в невозможности найти безденежные, нетоварные соизмерители и стимулы труда. Это и подчеркнуто им в первых двух пунктах примечания. Что же касается третьего пункта, то в нем содержится прозрачный намек на опасность зарождения номенклатуры как особой социальной прослойки и превращения бюрократического аппарата во всесильного монополиста.

с. 140

* Под коммунизмом автор понимает натурально-хозяйственную систему безденежного производства и обмена, основанную на государственном плане и внеэкономических методах принуждения

с. 142

* Это — один из самых важных пунктов концепции Чаянова. «Раздвоение сущностей» экономических категорий на современном языке означало бы различение технико-экономической и социально-экономической природы хозяйственных явлений, натуральной и стоимостной форм продуктов труда.

* Здесь и на последующих страницах А. В. Чаянов подходит к центральному моменту — обоснованию теории многоукладной экономики на основе системного метода. Приведенная им ранее таблица позволяет не только сопоставить различные хозяйственные уклады, но и поставить вопрос об их взаимодействии через рынок и цены.

с. 143

* См. сноску на работу В. А. Косинского (примечание к с. 124).

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Статья была опубликована в журнале «Пути сельского хозяйства» (1927. № 5. С. 101—121). Она представляет собой переработанный А. В. Чаяновым текст его доклада, сделанного в ходе дискуссии по вопросам дифференциации крестьянства. Дискуссия была организована в начале 1927 г. в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономии (НИИСХЭ). В ней приняли участие, помимо А. В. Чаянова, Н. П. Макаров, Г. И. Баскин, А. Н. Челинцев, Н. Д. Кондратьев и др. Статья характеризует взгляды А. В. Чаянова на сущность и формы дифференциации (подробнее см. настоящее издание, с. 39—49).

с. 144

* Макаров Н. П. Дифференциация крестьянского хозяйства//Пути сельского хозяйства. 1927. № 4. С. 101—113; Челинцев А. Н. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства//Там же. С. 114—135.

с. 145

* Вихляев П. А. Дифференциация земледельческих предприятий в условиях мирового сельского хозяйства. М., 1926.

с. 147

* Чаянов А. В. Изоцены ржи 1909—1913, 1917 и 1920 гг. (см. настоящее издание. С. 110).

с. 149

* См. Суханов Н. Н. К теории развития аграрных отношений//Русское богатство. 1910. № 12. С. 106—107; Он же. Из итогов последнего ценза Северо-Американских Соединенных Штатов//Заветы. 1913. № 6. С. 39—62. Опираясь на данные американской статистики, Н. Н. Суханов делает попытку доказать, что капиталистические хозяйства вытесняются трудовыми крестьянскими хозяйствами. Он также рассматривает роль промыслов в сельском хозяйстве США, процессы пролетаризации крестьянства и образования резервной армии труда для промышленного капитала. Взгляды Н. Н. Суханова были подвергнуты критике В. И. Лениным в статье «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 129—227).

с. 151

* Челинцев А. Н. Указ. соч.//Пути сельского хозяйства. 1927. № 4. С. 114—135; Макаров Н. П. Указ. соч.//Там же. С. 101—113; Баскин Г. И. Влияние урожаев на дифференциацию сельского хозяйства//Там же. С. 96—100.

* Tschajanoff A. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Berlin, 1923 (Чаянов А. Учение о крестьянском хозяйстве. Берлин, 1923).

* Книпович Б. Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. Спб., 1912. С. 37, 46, 61, 66, 72, 77, 81, 86; см. также настоящее издание, с. 222.

с. 154

* Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924. С. 38—44, 99—103. В этой работе подвергнут критике ряд основных положений из книги А. В. Чаянова «Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft». Berlin, 1923. В настоящей статье А. В. Чаянов отвечает на критику С. Н. Прокоповича.

с. 155

* Бюджеты крестьян Старобельского уезда/Под ред. А. В. Чаянова. Харьков, 1915. С. 12—13.

с. 157

* Кричман Л. Н. Классовое расслоение советской деревни. М., 1926. С. 31—33; Немчинов В. С. К вопросу о статистическом изучении классового расслоения деревни//Избранные произведения: В 6 т. М., 1967. Т. 1. С. 44—62; Он же. О социально-экономических группировках крестьянских хозяйств//Там же. С. 63—84; Анисимов Я. А., Вермеичев И. Д., Наумов К. Н. Производственная характеристика крестьянских хозяйств в различных социальных группах. М., 1927. С. 35—41.

СЕБЕСТОИМОСТЬ САХАРНОЙ СВЕКЛЫ

Настоящая работа была выполнена А. В. Чаяновым по заданию Сахаротреста: в ней должны были получить отражение вопросы исчисления себестоимости сахарной свеклы и формирования на ее основе указных цен. Однако эта работа вышла далеко за пределы поставленной темы. В ней нашли отражение общие теоретические аспекты формирования себестонмости и цен на сельскохозяйственные продукты, производимые в крестьянских хозяйствах. Принципиальной особенностью метода А. В. Чаянова было определение им себестонмости не по зарплатам, а по величине личного годового бюджета крестьянина с учетом рентной составляющей годового дохода. Цены при этом должны были соответствовать, как полагал автор, худшим условиям сельскохозяйственного воспроизводства (сравн. табл. 27, 28, 29). Такой подход вступал в непримиримое противоречие с практикой ценового демпинга на сельскохозяйственную продукцию в стране в конце 20-х годов, имевшей самые тяжелые последствия для судеб крестьянства в начале последующего десятилетия.

В настоящем издании работа А. В. Чаянова дана не полностью: опущены некоторые цифровые расчеты, не влияющие на конечные выводы исследования. Перепечатывается с издания: Чаянов А. В. Себестоимость сахарной свеклы. М., 1928. С. 7—17; 37—48; 71—75.

с. 160

* См. Жиркович И. Н. Основные иден построения крестьянских индексов. М., 1926.

с. 161

* Берковец — русская мера массы (веса) = 10 пудам (163,8 кг).

с. 163

* Статья М. А. Кручинского «Себестоимость крестьянской свеклы и норма ее оплаты в сахарной промышленности» была отпечатана Сахаротре-

стом на стеклографе и разослана заинтересованным организациям с отзывом А. В. Чаянова.

с. 165

* Метод двойной бухгалтерии (или двойной записи), представляет собой способ учета произведенных хозяйственных операций, при котором каждая операция фиксируется в дебете одного и кредите другого счета, при этом совокупность всех счетов называется «главной книгой» (см. подробнее: Гонтарева И. И. Счетоводный анализ крестьянского хозяйства. М., 1928. С. 21 и далее).

с. 171

* См. Лаур Э. Экономия сельского хозяйства. М., 1925. С. 172.

с. 173

* Бурт — простейшее хранилище сельскохозяйственных продуктов, уложенных на поверхность земли или в неглубокий котлован и укрытых соломой, опилками, торфом и сверху землей.

с. 187

* Декретивные (декретные, указные) цены — цены, устанавливаемые государством на определенные виды сельскохозяйственной продукции. В 1926—1930 гг. декретивные цены формировались волевым образом на уровне, не обеспечивающем расширенное воспроизводство некоторых культур (см. подробнее: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917—1963). М., 1964. С. 112—132).

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Монография представляет собой расширенный и дополненный вариант книги «Учение о крестьянском хозяйстве», изданной в Берлине в 1923 г. на немецком языке. Русский вариант книги включал также материалы, собранные Чаяновым в процессе подготовки брошюры «Организация северного крестьянского хозяйства» (1918 г.). Ядро новой книги составляет, без сомнения, обоснование некапиталистической природы семейного крестьянского хозяйства, не имеющего категории заработной платы и преследующего специфические социально-экономические цели — удовлетворение потребностей семьи, равномерное распределение работ в течение года. Чаянов убедительно доказывает, что семейно-трудовое хозяйство обладает большей устойчивостью, выживаемостью, чем хозяйство, основанное на наемном труде, поскольку способно мириться с временным понижением продажных цен, а также склонно выплачивать более высокие арендные платы, чем капиталистические предприниматели. Важно подчеркнуть, что теория самоуправляемого некапиталистического предприятия, разработанная Чаяновым на примере крестьянской семьи, имеет непреходящее значение для анализа и других коллективных форм организации производства — кооперативных, арендных, акционерных и проч.

Весьма интересны места книги, посвященные анализу организационного плана крестьянского хозяйства. Здесь подробно и на большом статистическом материале исследуются труд, средства производства, земля, скот и другие моменты производственной деятельности крестьянина. Но Чаянов рассматривает не только внутреннюю «морфологию» семейно-трудовой деятельности, но и ее место в общем строе народного хозяйства. Заключительные положения книги органически увязывают крестьянское хозяйство с кооперацией, образуя переходный мостик к следующей работе автора — монографии «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1927 г.).

с. 194

* Чаянов А. В. Учение о крестьянском хозяйстве. Берлин, 1923.

с. 196

* О происхождении, истории и значении «организационно-производственного направления» в развитии русской аграрно-экономической мысли см. подробнее: Чаянов А. В. Основные линии развития русской сельско-хозяйственной мысли за два века//Крцимовски Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927. С. 233—239; Он же. Наука об организации сельского хозяйства за десять лет Советской власти//Пути сельского хозяйства. 1927. № 10. С. 105—108; Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920.

с. 198

* Московский областной агрономический съезд состоялся 21—28 февраля 1911 г. в Москве. Работа проходила по шести секциям, где рассматривались вопросы агрономической организации, распространения сельскохозяйственных знаний, кооперации, опытного дела, статистики. А. В. Чаянов выступил с двумя докладами: «Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства» и «К вопросу о реформе страхования скота в России». С докладами также выступили Л. Н. Литошенко, А. И. Манухин, К. А. Мацеевич и др. В работе съезда приняли участие П. А. Вихляев, Б. Д. Бруцкус, А. Н. Минин и др. См. подробнее: Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21—28 февраля 1911 года. Т. 1. Материалы по I и II секциям (доклады и журналы заседаний). М., 1911. С. 35—48.

* Харьковский «Агрономический журнал» издавался Харьковским обществом сельского хозяйства с 1913 по 1917 г. под редакцией агрономов С. М. Кузнецова (1913—1915 гг.) и К. А. Мацеевича (1916—1917 гг.). В работе журнала принимали участие Н. Н. Суханов, П. П. Маслов, Б. Д. Бруцкус, Н. П. Огановский, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев и др. На страницах журнала опубликованы следующие работы А. В. Чаянова: Потребление и производство сельскохозяйственных продуктов во Франции (1913. № 1, 4); Экономическая сторона мелиораций в крестьянском хозяйстве (1914. № 1); К вопросу о восстановлении сельского хозяйства в местностях, разрушенных войной (1915. № 1); Проблема населения в изолированном государстве-острове (1915. № 2); Из истории наших бюджетных исследований (1916. № 1; 1917. № 1); Аграрный вопрос (1917. № 1).

с. 200

* Взгляд на крестьянское хозяйство как на целостный хозяйственный организм, имеющий свои собственные закономерности, отличающие его от капиталистического предприятия. Главные особенности крестьянского хозяйства заключаются, по Чаянову, в том, что оно нацелено на удовлетворение потребностей своих членов, а не на получение прибыли, и основано на их личном труде, а не на наемной рабочей силе. Участники такого хозяйства совмещают в своем лице хозяина и работника.

* Косинский В. А. К аграрному вопросу. Киев, 1906. С. 191—193, 247—307.

* Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. Спб., 1908. С. 243—247, 265—267, 279. В своей книге автор в равной степени использует термины «продовольственная аренда» и «потребительская аренда».

с. 201

* Имеются в виду книги: Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. II. Вып. 1. Пг.— М., 1907; Щербина А. Ф. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. В дальнейшем при анализе таблиц сноски будут даваться только на опубликованные источники. Если источник таблицы не указывается, это означает, что информация взята из личной библиотеки ученого, библиотек А. Ф. Фортунатова и других аграрников, от Э. Лаура и тех ученых, с которыми А. В. Чаянов встречался во время зарубежных командировок.

* Никитин Н. П. Производство сельскохозяйственных продуктов в Раненбургском уезде Рязанской губернии. Рязань, 1919. С. 29

* Подробнее см. главу II настоящей работы.

с. 203

* Строго говоря, никакого противоречия между этими концепциями нет, поскольку они относятся к разным типам крестьянских хозяйств. Первая подразумевает крупное фермерское хозяйство, владелец которого нанимает рабочих, выступая преимущественно в роли предпринимателя. Именно этот тип хозяйства подразумевался А. Вебером, а из русских экономистов — Л. Н. Литошенко, писавшим о «двух душах крестьянского хозяйства» (Литошенко Л. Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 35—46). Другая концепция, сторонником которой выступал А. В. Чаянов, относилась к мелкому и среднему хозяйству, которое велось одной или несколькими крестьянскими семьями ради непосредственных средств существования. Здесь «обе души» крестьянина сливались воедино, поскольку производитель выступал владельцем не чужой, а собственной рабочей силы. Привитие сельским работникам обоих этих качеств А. В. Чаянов считал средством борьбы с «раскрестьяниванием». Правда, он был склонен недооценивать влияние, которое оказывал капиталистический уклад на семейное хозяйство. В этой связи К. Маркс отмечал, что «подобного рода форма производства, не соответствующая капиталистическому способу производства, может быть подведена — и до известной степени не без основания — под капиталистические формы дохода...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 369—371, 447—448).

с. 204

* Betriebslehre (буквально: учение о предприятии — нем.) — теория организации капиталистического сельскохозяйственного предприятия, изложенная в работах немецких экономистов-аграрников Т. Гольца, Ф. Эребо (Аэребоэ), Ф. Ватерштрадта и швейцарского экономиста Э. Лаура в начале XX в. А. В. Чаянов и другие представители организационно-производственной школы кардинально переработали это учение для нужд некапиталистического крестьянского хозяйства, основанного на личном труде. Основные труды его создателей были переведены на русский язык (Гольц Т. Оценка земель и имений. Вып. 1. Цели и виды таксации земель: Пер. с нем. О. А. Хауке. М., 1905; Он же. Сельскохозяйственное счетоводство. 3-е изд.: Пер. с нем. В. Э. Брунста/Под ред. и с прим. А. Ф. Фортунатова. М., 1925; Аэребоэ Ф. Основы сельскохозяйственной экономии: Пер. с нем./Под ред. Б. Д. Бруцкуса. Спб., 1912; Лаур Е. Введение в экономию сельского хозяйства: Пер. с нем. А. К. Солдатова. Предисл. С. С. Базыкина. М., 1925 и др.).

с. 205

* Тип паровоза, использовавшегося на железных дорогах, в том числе и русских, в конце XIX в.

с. 206

* Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920.

* Рыбников А. А. Очерки развития крестьянского промышленного льноводства нечерноземной России. Кострома, 1912; Он же. Промышленное льноводство, условия и формы его развития. М., 1914.

с. 207

* «Австрийский грех», «Австрийский дом» — иронические названия австрийской школы предельной полезности (К. Менгер, Ф. Визер, Э. Бем-Баверк и др.). В своих ранних работах (1909—1913 гг.), написанных под впечатлением поездок в Германию, Швейцарию и Италию, А. В. Чаянов попытался применить их постулаты для обоснования трудовой природы крестьянского хозяйства. Вскоре, однако, он отказался от этого, целиком перейдя на содержательное исследование крестьянских хозяйств и используя маржинальный анализ и аппарат кривых безразличия лишь для построения частных экономико-математических моделей. Все основные категории австрийской школы были переработаны им в духе организационно-производственной теории. В отличие от австрийцев, выводящих из субъективных оценок полезности всю систему народного хозяйства, А. В. Чаянов применяет эти категории к трудовому предприятию, в котором отсутствуют категории прибыли и заработной платы и потому становится невозможным объективный ценностный расчет затрат и результатов.

* «Субъективные оценки», «предельная затрата труда», «полезность предельного рубля выработки работника» — термины австрийской школы, переработанные А. В. Чаяновым и использованные им для выявления отличий семейного хозяйства от капиталистического. В капиталистическом хозяйстве, указывает автор, все показатели выражались в одних и тех же объективных единицах — рублях; таковы валовой доход, материальные издержки, зарплата, прибыль, процент, рента. В семейном крестьянском хозяйстве только валовой доход и материальные издержки выражались в стоимостных измерителях, тогда как «тягостность» и полезность своего труда крестьяне оценивали в основном субъективно: длительностью труда (в часах рабочего времени), его интенсивностью и напряженностью, мерой удовлетворения потребностей своей семьи и т. д. Понятно, что сопоставление всех этих показателей оказывалось, строго говоря, невозможным, а если и происходило, то носило условный, внутрихозяйственный, субъективный (точнее семейный) характер. Однако А. В. Чаянов был все-таки вынужден прибегнуть к подобным выкладкам отчасти для показа специфики трудового хозяйства, отчасти из соображений большей наглядности выводов.

* Здесь, очевидно, А. В. Чаянов имеет в виду то место в «Капитале», где К. Маркс говорит о разной природе двух факторов товара — стоимости и потребительной стоимости: «...меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительских стоимостей». Маркс подчеркивает далее, что «меновая стоимость явилась нам как нечто независимое от ... потребительной стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 46—47).

с. 208

* Речь идет о работе Л. Н. Литошенко «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства» (М., 1923. С. 36—37).

* Там же. С. 42—43.

с. 210

* В этой связи уместно вспомнить полемику В. И. Ленина и Н. И. Бухарина о мелкотоварном хозяйстве при принятии программы партии на

VIII съезде РКП(б) в 1919 г. При обсуждении Программы Н. И. Бухарин предложил исключить пункты о капитализме, о мелком товарном производстве и ограничиться характеристикой чистого империализма, который он считал особой формацией. Такой подход игнорировал роль среднего крестьянства. В. И. Ленин показал, что средний крестьянин есть «мелкий товаропроизводитель», играющий огромную роль в экономике России первых послереволюционных лет. В этой связи В. И. Ленин поставил перед съездом задачу «не только особенно подчеркнуть наше уступчивое отношение к среднему крестьянству, но и подумать о целом ряде возможно более конкретных мер, непосредственно хоть что-нибудь дающих средиему крестьянству» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 151—156, 162—163).

* Имеются в виду книга П. И. Лященко об истории сельского хозяйства в России (Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка. Спб., 1908) и работа В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 129—227).

с. 211

* Учение о Standort'е (буквально: о месте расположения — нем.) — теория размещения промышленных предприятий, выдвинутая немецким экономистом А. Вебером. Определяющим для предприятий капиталистической индустрии Вебер считал стремление предпринимателя минимизировать транспортные издержки, затраты на оплату живого труда и расстояние от других предприятий. См. Weber A. Über den Standort der Industrie. Tübingen, 1909. (Вебер А. Теория размещения промышленности. М.— Л., 1926). Анализ теории «штандорта» дан в работе: Рыбников А. А. Основные вопросы экономической географии. М., 1930. Гл. III—IV.

с. 215

* Благовещенский Н. А. Свод статистических сборников хозяйственных сведений по земским подворным переписям. М., 1893. С. 4—5, 16—17, 28—29, 40—41, 52—53, 62—63, 76—77, 88—89, 98—99, 100—101, 112—113

с. 222

* Книпович Б. Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. Спб., 1912. С. 37, 46, 61, 66, 72, 77, 81, 86.

с. 225

* Статья С. Н. Прокоповича «Производительность крестьянского хозяйства по данным бюджетных исследований» опубликована в «The Russian Economist»//Journal of the Russian Economic Association. London, 1923. January—June. Vol. III. № 9. P. 3319—3332 (Записки русского экономического общества в Лондоне).

с. 228

* Черненков Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Саратов, 1900. Второе издание этой работы вышло в 1905 г., третье — в 1918 г.

* Черненков Н. Н. Указ. соч.; Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911. Епифанский уезд. Тула, 1916; Вихляев П. А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып. 1—10. М., 1912—1917; Кущенко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской области по двум переписям 1882—1911 гг. Чернигов, 1916. С. 11.

с. 229

* См. также помещенную в настоящем издании работу А. В. Чаянова «О дифференциации крестьянского хозяйства» (с. 144).

* «Передельная община» — распространенный способ ведения хозяйства в России, предполагавший периодическое восстановление земельной общинной уравнительности землепользования, постоянно нарушаемой изменениями в семейном составе и численности дворов общинников. Различают частичный передел — изменение землепользования отдельных дворов, общий передел — изменение землепользования всех дворов общины и переверстку — принудительный обмен равноценными участками в целях уменьшения чересполосицы.

* Дан в работе «Бюджеты крестьян Старобельского уезда» (Харьков, 1916), текстовую часть к которой написал А. В. Чаянов.

с. 232

* Понятие «капитал», взятое А. В. Чаяновым из буржуазной политической экономии, носит у него принципиально иной характер. Под капиталом в трудовом хозяйстве он понимал денежное выражение материально-вещественных факторов производства: техники, построек, скота, семян и проч. Поскольку земля не входила в товарный оборот, а наемная рабочая сила в трудовых хозяйствах почти не применялась, денежные суммы, необходимые для возмещения затрат живого труда, в капитал не превращались, а приобретали характер личных расходов, расходов на потребление. Категория «капитал» у А. В. Чаянова близка современному понятию «фонды».

с. 233

* Трудоинтенсивность (трудовооруженность, трудообеспеченность) — показатель, используемый А. В. Чаяновым для характеристики затрат труда в семейных хозяйствах. Выражался числом работников, приходящихся на определенную сумму основного капитала или на одну десятину пахотной земли.

Капиталоинтенсивность (капиталовооруженность, капиталообеспеченность) — категория, используемая автором для характеристики объема основного капитала, расходов на капитал или хозяйственных расходов, приходящихся на одного работника, одного едока или одну десятину пахотной земли. Соответствует современному понятию «фондовооруженность».

* См. примечание к с. 228.

с. 237

* Настоящий материал представляет собой редакционную статью, подготовленную по данным А. Д. Первова.

с. 238

* Челинцев А. Н. Опыт изучения организации крестьянского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919. С. 252.

с. 239

* См. Чаянов А. В. Влияние состава и величины крестьянской семьи на ее хозяйственную деятельность. Спб., 1912; Он же. Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1912—1913. Вып. 1, 2.

с. 240

* На с. 62—92 указанной работы содержатся исходные данные по бюджетам. Подсчет произведен автором.

с. 243

* Bauernsecretariat (буквально: крестьяиский секретариат — нем.) — головиая организация Швейцарского крестьянского союза. Резиденция в г. Брюгге.

с. 249

* «Субъективная оценка тягостности добычи предельного рубля» — см. примечание к с. 207.

с. 250

* «Мера тягостиости труда» — см. примечаиие к с. 207.

с. 253

* Людоговский А. П. Осиовы сельскохозяйствеииой экономии и сельскохозяйственного счетоводства. Спб., 1875. С. 77.

с. 254

* Чаянов А. В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий//Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономии и политики. Вып. 7. Проблемы землеустройства. М., 1922. С. 5—82; Вайнштейн А. Л. Математическое исчисление среднего расстояния поля от усадьбы при различной коифигурации площади землепользования в разном местоположении усадьбы//Там же. С. 83—106; Лопатин И. Д. Влияние размеров хозяйства иа состав и стоимость машинопользования//Там же. С. 117—155.

с. 256

* Литошенко Л. Н. Ограничеиие дробимости крестьянских хозяйств// О земле. Вып. 1. М., 1921. С. 92.

с. 258

* Капиталоинтеисификация труда — категория, введеиная А. В. Чаяновым для обозначения процесса увеличения капиталоинтенсивиости, т. е. роста объема осиовиого капитала иа одиого работиика (см. также примечание к с. 233).

с. 265

* Щербина Ф. А. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: Статистические материалы подворной переписи по губернии. Вороиеж, 1897. С. 381.

с. 267

* Высший семинарий сельскохозяйствеиной экономии и политики был организован и работал при кафедре сельскохозяйственной экономии и политики Тимирязевской (бывшей Петровской) сельскохозяйствеииой академии в 1919—1922 гг. Первый проект такого семинара был разработан А. В. Чаяновым, А. Н. Челинцевым, Н. П. Макаровым, А. А. Рыбниковым летом 1917 г. Под его эгидой выходили труды, в которых публиковались работы по оптимальным размерам сельскохозяйственных предприятий, другим проблемам. В 1922 г. был реорганизован в первый в стране Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономии и политики (НИИСХЭ), директором которого стал А. В. Чаянов. См. подробнее: Чаянов А. В. Высший семинар с.-х. экономии и политики при Петровской сельскохозяйственной академии//Вестник сельского хозяйства. 1919. № 27—30. С. 20—22.

* Прокопович С. Н. Производительность крестьянского хозяйства по данным бюджетных исследоваиий//The Russian Economist. January — June. 1923. № 9. P. 3323.

с. 268

* Арнольд В. Ф. Общие черты агрономической техники и сельскохозяйственной экономии крестьянских хозяйств Херсонского уезда. Херсои, 1902. С. 21, 25, 31.

с. 272

* Материалы для оценки земли Владимирской губернии. Т. X. Вып. II. Владнмир-на-Клязьме, 1905. С. 14.

с. 274

* Никитин Н. П. Производство сельскохозяйствеиных продуктов в Раиенбургском уезде Рязанской губернии. Рязань, 1919. С. 29.

с. 280

* Макаров Н. П. Новая кооперация в сельском хозяйстве и картофелекрахмальное производство. Кострома, 1911. С. 3, 7, 10.

с. 282

* Ritter K. Tschajanoff A. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Berlin, 1923//Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, 1924. B. 122. H. 5. S. 680.

с. 286

* Материалы для оцеики земель Вологодской губернии. Т. III. Тотемский уезд. Вып. 1.

с. 292

* Имеется в виду иаправление в немецкой аграрно-экономической науке, известное под названием Betriebslehre — теория оргаиизации сельскохозяйственного предприятия (см. примечаиие к с. 204).

с. 294

* Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. М., 1920. С. 27, 35, 37.

с. 298

* См. примечаиие к с. 228.

с. 300

* Филипповский А. К. Организация крестьянского хозяйства. Киев, 1928. С. 17—19, 22.

с. 302

* Баскин Г. И. Критическая оценка материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи и система ее разработки. Самара, 1916. С. 61, 63; Челинцев А. Н. Теоретические основания крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 65.

с. 306

* Чаянов А. В. Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских полях России к началу XX века//Сельское хозяйство и лесоводство. 1910. № 8. С. 691—710. Из этой статьи взяты картограммы, которые автор воспроизводит на с. 307—308.

с. 309

* Толока — пастьба скота на паровом поле для удобрения этого поля. Отсюда «толочный севооборот», т. е. включающий толоку.

с. 310

* Людоговский А. П. Указ. соч. С. 242—266.

с. 311

* Ермолов А. С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. Спб., 1879. А. В. Чаянов высоко оценивал эту книгу, называя ее «одним из китов» русской аграрной литературы. Он отмечал также, что ее значение «выходит далеко за пределы русской науки и недаром Эребо в предисловии к своей основной книге по организации сельского хозяйства указывает на Ермолова как на одного из своих главных учителей» (Чаянов А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века//Крцимовски Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927. С. 232—233).

с. 313

* Деревня Холмец — ныне поселок Холмец Шаховского района Московской области.

с. 314

* Дояренко А. Г. Новый травяно-корнеплодный севооборот (пятиполье)//Вестник сельского хозяйства. 1920. № 3. С. 6—10; Он же. Севообороты в крестьянском хозяйстве. М., 1923. С. 9—12.

с. 318

* Макаров Н. П. Нормы обеспечения сельского населения землей//Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. Вып. II. Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. С. 15—18.

В марте 1917 г. Вольное экономическое общество сельского хозяйства и некоторые другие организации образовали так называемую Лигу аграрных реформ. Создатели Лиги видели ее задачу в преобразовании сельского хозяйства на принципах «трудового кооперативно-крестьянского хозяйства». Состоялось три съезда Лиги. Первый съезд обсудил организационные вопросы, второй поставил проблему аграрной реформы. А. В. Чаянов сделал на этом съезде доклад «О деятельности Лиги и планах ее дальнейшей работы» (там же. С. 7—8). Кроме Н. П. Макарова и А. В. Чаянова, на этом съезде выступали А. Н. Челинцев, Н. П. Огановский, А. А. Рыбников, Б. Д. Бруцкус и др.

с. 335

* Челинцев А. Н. Теоретические основаиия организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 33—39.

с. 338

* Челинцев А. Н. Направление крупно-рогатого скотоводства в России в связи с вопросом поставки мяса в армию и развитием скотоводства. М., 1916. С. 28—35. В диаграммах № 12, 13 автор показывает, что при хорошем урожае цены на корма падали, крестьяне увеличивали поголовье стада, забой сокращался и говядина дорожала. Наоборот, с ростом цен на корма крестьяне забивали скот на мясо и говядина дешевела. Отсюда следовал важный вывод: с ростом себестоимости мясо временно дешевело, и наоборот (см. примечание к с. 412).

с. 339

* Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 27—28. Здесь подытоживается анализ, сделанный в работе 1916 г. о направлениях крупно-рогатого скотоводства в России (см. примечание к с 338).

с. 350

* Рабочие, нанятые на определенный срок, в отличие от поденных рабочих.

с. 352

* Лопатин И. Д. Влияние размеров хозяйств на состав и стоимость машинопользования//Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономии и политики. Вып. 7. Проблемы землеустройства. М., 1922. С. 125—126. В первом случае автор определяет общее число дней, затрачиваемых на одну десятину озимого посева при ручной работе, а во втором случае — то же самое, но при условии применения машин, приводимых в действие конной или паровой тягой.

с. 354

* Becu Fr. Le travail agricole et la condition des ouviers agricoles dans le Department du Pas-de-Calais, 1909. Эта же формула со сноской на источник рассматривается в ранней работе автора: Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. С. 160—164.

с. 357

* Борона Валькура — обыкновенная борона; борона Раиделя (ранделъ) — дисковая борона.

* Лопатин И. Д. Указ. соч.//Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономии и политики Вып. 7. Проблемы землеустройства. М., 1922 С. 134—151.

с. 360

* Труды совещания председателей уездных земских управ и состава губернской управы с участием агрономов по вопросу о реорганизации земского агрономического института Пермской губернии (20—23 марта 1900 г.). Доклад управляющего фермой Ирбитского уездного земства агронома Д. И. Кирсанова «Общие основания деятельности Ирбитского уездного агронома» (Пермь, 1900. С. 65).

с. 362

* Как видно из таблицы, под термином «орудия производства» А. В. Чаянов понимал, выражаясь современным языком, средства труда в крестьянском хозяйстве: постройки, скот, инвентарь.

с. 366

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 49—56.

с. 368

* «Тягостность» труда (см. примечание к с. 207).

с. 370

* Здесь под доходностью А. В. Чаянов понимает объем доходной части крестьянского бюджета. Соответственно выражение «нарастание доходности» принимает у него вид группировки крестьянских семейных бюджетов по увеличению их доходной части.

с. 374

* Хозяйственный год по терминологии А. В. Чаянова — это период оборота капитала, в конце которого происходит возмещение авансированных средств (оборотного капитала).

* Операционный год — понятие, эквивалентное хозяйственному году.

с. 375

* Чаянов А. В. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 1. М., 1912. С. 8—16. А. В. Чаянов обращает внимание на разницу в бюджетах швейцарских крестьян (по Э. Лауру) и русских крестьян (по собственным исследованиям Волоколамского уезда). В первом случае рост отношения «едоки/работники» сопровождался сокращением бюджетных расходов на едока, во втором случае такого сокращения не наблюдалось. Ученый объяснил это относительно более быстрым насыщением их насущных потребностей, после чего рост объема потребления приостанавливался. Известный русский экономист-математик В. К. Дмитриев, консультировавший А. В. Чаянова, проиллюстрировал этот факт крутым падением (разрывом) линии СД в модели равновесия потребностей СД и затрат АВ. Подобный факт говорил о том, что потребление в семейно-трудовых хозяйствах зависело не от показателя e/p, а от массы других факторов: производственных мощностей, размеров наделов, способов «сложения» потребительского бюджета и т. д. На некоторых из них А. В. Чаянов останавливается более подробно в книге «Организация крестьянского хозяйства», пересматривая свои ранние взгляды.

с. 392

* Апперцепция (от лат. ad — к и perceptio — восприятие). Используя этот термин, А. В. Чаянов предлагал экономистам глубже осознать специфику семейного крестьянского хозяйства и включить эту категорию в свои концепции.

с. 393

* Автор приводит следующее место из III тома «Капитала» К. Маркса: «...При парцеллярном хозяйстве и мелкой земельной собственности... производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 375).

с. 396

* Экономику СССР в период новой экономической политики А. В. Чаянов называет системой государственного капитализма. Такую систему он считал переходной формой к законченной социалистической организации народного хозяйства.

* Homo economicus (хозяйствующий человек — лат.). Представление о человеке как о рационально мыслящем субъекте, максимизирующем свою выгоду, было развито в работах представителей английской буржуазной политической экономии (А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля), которые возводили законы капитализма в ранг вечных законов, а образ капиталиста-предпринимателя, эксплуатирующего наемный труд в целях получения наибольшей прибыли, отождествляли с хозяйствующим человеком вообще. В XX в. этот подход был пересмотрен рядом крупных экономистов, обратившх внимание на недопустимость одностороннего, вульгарно-меркантилистского взгляда на хозяйствующего человека (Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 64, 531—535; Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1979. С. 172—177). Теория семейно-трудового хозяйства наносила сильный удар по этой доктрине, поскольку рассматривала хозяйствующего человека не как стяжателя, а во всем богатстве его трудовой деятельности — как семьянина, хозяина и работника. Система А. В. Чаянова обосновывала и иную хозяйственную мотивацию крестьянина — не на максимизацию прибыли, а на удовлетворение потребностей своей семьи.

с. 397

* Ссылку А. В. Чаянова на библейскую притчу можно расценить скорее как литературный прием, нежели как серьезный довод в пользу авторской концепции. Последняя стронтся, как мы помним, на выявлении не только физических, но и духовных потребностей крестьянина, и не только его личных, но и членов семьи.

* Tschajanow A. Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtshaftssystem.— Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitic. Tübingen, 1924. B. 51. H. 3. S. 577—613.

с. 407

* Маслов П. П. Аграрный вопрос в России (Условия развития сельского хозяйства в России). Т. 1. 2-е изд. Спб., 1905. С. 236—240, 257—268.

с. 408

* К. Маркс отмечал, что на крестьянских парцеллах хозяйство ведется «ради непосредственных средств существования», причем преобладает элемент

живого труда, вследствие чего стоимость выше цены производства, а цена производства выше рыночной цены. «Здесь одна из причин того, что в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром...». Далее К. Маркс подчеркивает, что даже в тех случаях, когда парцеллярное хозяйство ведется на арендованной земле, арендная плата в несравненно большей мере, чем при каких бы то ни было других отношениях, «заключает в себе часть прибыли и даже вычет из заработной платы...». В таких условиях цена земли повышается независимо от ставки процента, а часто вместе с ней в силу превышения спроса на земельную собственность над предложением. За землю, продаваемую парцеллами, часто получают гораздо более высокую цену, чем при продаже крупными массивами, «так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 370—376).

с. 409

* Косинский В. А. К аграрному вопросу. Вып. II. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Часть 1. Земельная задолженность. Киев, 1917. С. 428—449 (приложение, табл. I—V); Он же. Основные тенденции мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Мобилизация земельной собственности. Прага, 1925. С. 209—240.

с. 412

* Челинцев А. Н. Направление крупно-рогатого скотоводства в России в связи с вопросом поставки мяса в армию и развитием скотоводства. М., 1916. С. 28—35 (см. также примечание к с. 338).

с. 413

* Никитин Н. П. Производство сельскохозяйственных продуктов в Ранненбургском уезде Рязанской губернии. Рязань, 1919. С. 26—30; Он же. Основы экономии сельского хозяйства. М.— Л., 1923. С. 53—64, 113—117.

с. 415

* Кипович Б. Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. Спб., 1912. С. 27, 36, 46, 55, 61, 66, 72, 81, 91. А. В. Чаянов допускает две неточности при цитировании Киповича: первые две колонки должны быть озаглавлены «Екатеринославская губерния» и «Самарская губерния». Следует также отметить, что у Б. Н. Киповича приводятся выборочные данные для Екатеринославской губернии — по Екатеринославскому уезду, для Самарской губернии — по Николаевскому, для Полтавской — по всем уездам, для Воронежской — по 5 уездам, для Тульской — по Епифановскому, для Калужской — по 3 уездам, для Владимирской — по Шуйскому, для Вологодской — по Грязовецкому, для Пермской — по Чердынскому.

с. 419

* Кущенко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской области по двум переписям 1882 и 1911 гг. Чернигов, 1916. С. 8.

с. 420

* Кущенко Г. А. Указ. соч. С. 11.
* Там же.

с. 421

* П. А. Вихляев, А. И. Хрящева, а вслед за ними и А. В. Чаянов обнаруживают две взаимосвязанные тенденции развития крестьянских хозяйств Московской губернии с 1898/99 по 1910 г.: процесс роста крестьянских семей и процесс семейных разделов. В статистике они отражались как рост удельного веса крупных хозяйств, с одной стороны, и как усиление роли «маломощных» семей — с другой. В целом авторы зафиксировали преобладание второй тенденции — общее передвижение в сторону малоземелья и возросшее значение хозяйств, имевших участки от 5 до 15 десятин. Назывались и причины этого: аграрные реформы Столыпина 1906—1910 гг., усиление миграции крестьянства и т. д.

с. 422

* Огановский Н. П. Закономерность аграрной революции. Т. II. Саратов, 1911. С. 471. Автор различал четыре типа эволюции крестьянских хозяйств: подвижку вверх (возрастание веса верхних слоев за счет нижних), подвижку вниз (обратный процесс), нивелировку (рост средних групп за счет крайних) и дифференциацию (обратный процесс).
* Кущенко Г. А. Указ. соч. С. 10.

с. 423

* Огановский Н. П. Указ. соч. С. 471.
* Кущенко Г. А. Указ. соч. С. 17.

с. 424

* Огановский Н. П. Указ. соч. С. 471.

с. 425

* Разбивка крестьянских наделов по площади посевов делалась А. И. Хрящевой на массивах 22 и 24 губерний РСФСР (Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. К XIII съезду РКП(б). М., 1924. С. 53—54; Она же. Крестьянство в войне и революции: Статистико-экономические очерки А. Хрящевой. М., 1921. С. 33—34).

с. 426

* Некоторые результаты этих исследований были опубликованы через два года после выхода в свет книги А. В. Чаянова (см. Анисимов А. Я., Верменичев И. Д., Наумов К. И. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М.— Л., 1927).

с. 427

* Результаты переписей крестьянских хозяйств, сделанных под руководством В. Г. Громана, опубликованы в сборнике: Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии. 1909—1913 гг./Под общим руководством В. Г. Громана. Серия III. Исследование земельных имуществ. Часть II. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Пенза, 1923.
* Кущенко Г. А. Указ. соч. С. 24.

с. 428

* Вихляев П. А. Дифференциация земледельческих предприятий в условиях мирового сельского хозяйства: Доклад и прения. М., 1926. С. 7—10.

В докладе, прочитанном в 1924 г., указывается, что при изучении путей развития сельского хозяйства нельзя ограничиваться анализом групповой дифференциации крестьянских хозяйств, а необходимо выявлять более устойчивую территориально-производственную и рыночную дифференциацию, возникающую как вследствие перемещения центров земледелия и рынков сбыта, так и вследствие изменения специализации земледелия и животноводства. В докладе особо подчеркнуто воздействие мирового рынка на дифференциацию крестьянских хозяйств, производящих продукцию на экспорт.

с. 429

* Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 27. С. 129, 227. Развитие капиталистических отношений в земледелии США в 1900—1910 гг. проявлялось, по Ленину, в переходе от натурального хозяйства к торговому, в повышении роли «торговых» культур (овощей, фруктов и пр.), падении числа земельных собственников, распространении аренды, росте значения молочных ферм, расширении прослойки безлошадного крестьянства, усилении фермерской задолженности и проч.

* Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. 4-е изд. М., 1924. С. 403—409. Гильфердинг подмечает разнообразные пути, по которым финансовый капитал проникает в сельское хозяйство, подчиняя себе крестьянство: развитие рынков рабочей силы, обескровливающих деревню, союз с крупным землевладением, развитие отраслей промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственные продукты, привлечение банков к скупке земель, активизация ипотечных операций и многое другое.

* Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка. Спб., 1908. С. 27—41, 111—127, 128—135. Автор исследовал борьбу земледельческих и торговых интересов в петровскую эпоху, начало торгового предпринимательства в сельском хозяйстве XIX в., влияние сельскохозяйственного рынка и железных дорог на разложение помещичьего хозяйства и усиление товарности крестьянских хозяйств.

с. 430

* Сарты — дореволюционное название оседлой части узбеков. В настоящее время употребляется только в научной литературе.

* Баскин Г. И. Нормы доходности пашни//Сб. избранных трудов Г. И. Баскина по Самарской губернии. Юбилейное издание. Вып. VI. Самара, 1925. С. 59—60, 102 (картограмма «Рынки и районы их притяжения»). Впервые эта статья была опубликована в сборнике «Материалы по установлению норм доходности земель и лесов Самарской губернии Николаевский и Бузулукский уезды» (Самара, 1912). Там же приведены обширные статистические таблицы, опущенные при перепечатке статьи в юбилейном издании трудов Г. И. Баскина. На картограмме «Рынки и районы их притяжения» даны зоны влияния Самары и других аграрных рынков губернии. Теоретическое обоснование эта схема получает в «дистанционном принципе» — выдвинутой им концепции влияния рынка, плотности населения города и пространственного фактора на организацию крестьянских хозяйств (их доходы, севообороты, состав стада и т. д.). А. В. Чаянов высоко оценивал статистические работы Г. И. Баскина, его вклад в методы сельскохозяйственного районирования.

с. 435

* Макаров Н. П. Зерновое хозяйство Северной Америки. М., 1924. С. 136—139. Необходимо уточнить, что в указанные 65 % Н. П. Макаров включал не только прибыль на капитал, но и зарплату рабочих, обеспечивающих перевозку, хранение, переработку и сбыт сельскохозяйственных продуктов.

ЭН

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Анисимов Яков Анисимович (1897—?) — экономист-аграрник, преподаватель Тимирязевской сельскохозяйственной академии[1] и Московского межевого института. В 1927 г. совместно с И. Верменичевым и К. Наумовым опубликовал работу, посвященную характеристике социальных групп в российском крестьянстве (под руководством А. Чаянова). В 30-х годах руководил Научно-исследовательским совхозным институтом, разрабатывал методику составления государственных племенных книг герефордского скота.

Арнольд Владимир Федорович (1872—?) — экономист и статистик, разделял позиции либеральных народников. Окончил Петровскую академию. С 1896 по 1899 г. заведовал сельскохозяйственным бюро Херсонского уездного земства; затем два года возглавлял статистический отдел Харьковского губернского земства, где выполнил исследование по Змиевскому уезду. В своей работе «Политико-экономические этюды» (1904) Арнольд применил методы экономико-математического анализа для обоснования преимуществ мелкого крестьянского хозяйства перед капиталистическим. Широко пользовался уравнениями корреляции и регрессии для поиска факторов, определяющих производительность крестьянского труда и доходы семейных хозяйств.

Аухаген Отто Георг (1869—1945) — немецкий экономист-аграрник. Учился в Геттингене, Берлине и Страсбурге, где получил ученую степень в 1894 г. В 1906 г.— ординарный профессор в сельскохозяйственном институте в Берлине. В 1900—1906 гг. работал сельскохозяйственным экспертом в немецком посольстве в Петербурге, а в 1927—1930 гг. в том же качестве — в Москве. В 1911—1913 гг. руководил научными поездками немецких ученых по России. Аухаген особенно выделялся своими работами в области аграрной политики и разработкой проблем русской экономики и сельского хозяйства. Он написал предисловие к изданной в 1923 г. в Берлине книге А. В. Чаянова об организации крестьянского хозяйства.

Бажаев Владимир Гаврилович (1865—1916) — агроном, экономист. Работал в Московской губернии, содействуя введению правильного травопольного

[1] До 1889 г. это учебное заведение имело название Петровская земледельческая и лесная академия, в 1890—1894 гг.— Петровская сельскохозяйственная академия, в 1894—1917 гг.— Московский сельскохозяйственный институт, в 1917—1923 гг.— опять Петровская сельскохозяйственная академия, с 1923 г. и по наши дни — это Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева. В нашем именном указателе для краткости используются два названия: Петровская академия (до 1923 г.) и Тимирязевская академия (после 1923 г.).

севооборота в крестьянских хозяйствах С. 1903 г.— профессор сельскохозяйственной экономии и статистики Киевского политехнического институтa, где подготовил и опубликовал ряд учебных пособий, в том числе по экономике сельского хозяйства.

Баскин Григорий Иванович (1866—?) — один из виднейших статистиков народнического направления. Учился в Петровской академии. Работать в области статистики начал с 1890 г. Работая с 1898 г. в Пермском земстве, провел ряд оценочных работ и подворные переписи по всем уездам губернии. В 1910 г. поступил в Самарское земство на должность заведующего оценочно-статистическим отделением губернской управы, реорганизованным после Октябрьской революции в Губернское статистическое бюро. Ему принадлежит ряд методологических работ по статистике и районированию. Автор ценных статистических сборников по Пермской и Самарской губерниям. Вошел в историю статистико-экономической науки благодаря своему «дистанционному методу» — анализу влияния пространственного фактора на все стороны крестьянского хозяйства: севообороты, товарность, доходность, ренту и т. д. Разработал оригинальную методику количественного определения земельной ренты и ставок рентного обложения.

Благовещенский Николай Андреевич (1859—?) — курский земский статистик. Составил сборник сведений о крестьянском хозяйстве, обобщив данные земских подворных переписей конца XIX в. После Октябрьской революции работал в Курском губернском статистическом бюро.

Блеклов Степан Михайлович (1860—1913) — публицист и земский статистик. По окончании в 1885 г. естественного отделения Московского университета работал в Полтавском, Тверском, Орловском (1894—1896) и Таврическом (1900—1901) земствах, занимаясь статистикой В 1896—1905 гг. был гласным Тульского земства и Тульской городской думы В 1902 г. поступил статистиком в Московскую городскую управу, но был отстранен от городской и земской службы администрацией. За участие в организации Всероссийского крестьянского союза был в ноябре 1905 г. арестован. После нескольких месяцев тюрьмы в 1906 г. уехал за границу. Публиковался в «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Правде», в 1905—1906 гг.— в газетах народнического направления «Сын отечества», «Наши дни», «Северная Россия».

Борткевич Владислав Иосифович (Ладислав Осипович) (1868—1931) — экономист и статистик. Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1901 г.— профессор Берлинского университета, где преподавал математическую статистику и родственные с ней дисциплины. Большое значение для экономической науки начала XX в. имели его работы по теории статистики, устойчивости статистических рядов, исчислению вероятностей, проблемам демографии и страхового дела. Неоднократно консультировал А. В. Чаянова и других русских экономистов по проблемам экономико-математического анализа крестьянского хозяйства.

Брдлик Владислав (1879—1945) — чешский экономист, аграрник. Работал директором Информационного института, входил в правление Национального банка Чехословакии. Автор ряда работ по развитию сельского хозяйства (свекловодство), один из составителей чешской энциклопедии сельского хозяйства. Занимался социально-экономическими основами аграрной реформы в Чехословакии в 1919—1920 гг Являлся иностранным членом Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии (НИИСХЭ).

Бруцкус Бер Давидович (1878—1938) — экономист и агроном. В 1898 г. окончил Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства. С 1908 г. преподавал в Петербургском сельскохозяйственном институте. Стремился теоретически обосновать и оправдать аграрную политику Столыпина, доказать ее соответствие интересам трудового крестьянства и всего народного хозяйства в целом, критиковал народников, недооценивавших, по его мнению, благие последствия «проникновения крестьянского хозяйства

хрематистическим (стяжательским) духом», отстаивал преимущества проникнутого этим духом мелкого крестьянского хозяйства перед крупным помещичьим. Бруцкус пытался в своих работах доказать несостоятельность экономической системы, в которой отсутствует жажда обогащения у «экономических организаторов». С 1922 г. в эмиграции.

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — русский экономист, философ, теолог. В 90-е годы XIX в. Булгаков — легальный марксист. В 1900 г. выпустил двухтомный труд «Капитализм и земледелие», в котором поставил под вопрос действие закона концентрации производства в сельском хозяйстве, рассмотрел некоторые преимущества мелкого крестьянского хозяйства перед крупным, проанализировал причины устойчивости семейных хозяйств, выступил с распределительной версией источника земельной ренты. С 1922 г. в эмиграции. В последние годы занимался созданием христианской экономической теории.

Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — партийный и государственный деятель, экономист, публицист

Вайнштейн Альберт Львович (1892—1970) — экономист, доктор экономических наук (1961), профессор (1962). Окончил физико-математический факультет Московского университета (1914). В 20-х годах вел исследования в области экономической статистики, решал задачи по оптимизации сельскохозяйственного производства (в том числе под руководством А. В. Чаянова). В дальнейшем изучал проблемы национального дохода, применял математические методы в экономическом анализе. Работал в Конъюнктурном институте при Наркомфине СССР. В 60-е годы работал в ЦЭМИ АН СССР.

Варга Евгений Самуилович (1879—1964) — советский экономист В 1918 г.— профессор политической экономии Будапештского университета. После падения Венгерской советской республики (1919) эмигрировал в СССР. В начале 20-х годов пытался дать обоснование командно-административной системы управления экономикой в годы военного коммунизма. Занимался проблемами хозяйственного учета при социализме, дал отзывы на работы А. В. Чаянова, посвященные этой тематике. Впоследствии целиком посвятил себя изучению политической экономии капитализма. В 1927—1947 гг. возглавлял Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

Ватерштрадт Фридрих (1872—1914) — немецкий экономист-аграрник, автор трудов по экономике сельского хозяйства. Исследовал рентабельность сельскохозяйственной деятельности, используя методологию И. Тюнена. В 1912 г. предложил свою концепцию экономики крестьянского хозяйства.

Вебер Альфред (1868—1958) — немецкий экономист и соцнолог. Профессор экономики и социологии в Праге (1904—1907) и Гейдельберге (1907—1958) Занимался преимущественно проблемами истории и социологии культуры, вопросами размещения промышленности. Определяющим для размещения (штандорта) промышленных предприятий при капитализме считал стремление к наименьшим издержкам на транспорт, в пункты с наиболее дешевой рабочей силой, в центры скопления других предприятий.

Вермеичев Иван Дмитриевич (1899—?) — экономист-аграрник, преподаватель Тимирязевской академии и Института народного хозяйства (20-е годы). Ученик А. В. Чаянова, под его руководством проделал большую работу по описанию и классификации крестьянских хозяйств Самарской и Московской губерний. Впоследствии отрекся от своего учителя, а в 1928—1930 гг. опубликовал ряд статей, порочащих представителей организационно-производственной школы.

Вернер Константин Антонович (1850—1902) — земский статистик и агроном. Учился в Петровской академии. В 1880—1889 гг. работал в статистическом бюро Московской и Таврической земской управы. При обработке статистических данных по Таврической губернии им был впервые применен прием группировки крестьянских хозяйств по величине посева. Руководитель сельскохозяйственной статистики при Министерстве земледелия (1893—1895). В 1885—1901 гг. заведовал кафедрой сельскохозяйственной экономии Пет-

ровской академии, где в 1894—1901 гг. вел также курс сельскохозяйственной статистики.

Вильдо Юлий Иосифович (1900—1926) — экономист-аграрник. После окончания Тимирязевской академии в 1924 г. работал в НИИСХЭ, выступал с лекциями на кооперативных курсах Центросоюза. В 1925 г. был сотрудником Госплана РСФСР. Выполняя поручение управления Сахаротреста, провел совместно с Ф. Цылько и С. Ужанским обследование свеклосеющих хозяйств, результаты которого были опубликованы уже после его смерти в 1927 г.

Вихляев Пантелеймон Алексеевич (1869—1928) — статистик народнического направления. Товарищ министра земледелия во Временном правительстве. С 1918 г. занимал ряд ответственных должностей в статистических органах, работал в ЦСУ, профессор в нескольких высших учебных заведеннях Москвы. В 1919 г. стал одним из организаторов статистического отделения 1-го Московского государственного университета. В 1920—1928 гг. заведовал кафедрой статистики Петровской (Тимирязевской) академии, обладал обширными знаниями в области статистики крестьянского хозяйства и ярким популяризаторским талантом. Эти качества получили отражение в составленных Вихляевым учебниках статистики и работах по экономике крестьянского хозяйства Московской губернии.

Гильфердинг Рудольф (1877—1941) — один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик австромарксизма. В своем главном труде «Финансовый капитал» (1910) Гильфердинг сделал одну из первых попыток дать научное объяснение новым явлениям капитализма, связанным с его вступлением в стадию империализма. В статьях и выступлениях 20-х годов он выдвинул теории «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии». Исследовал методы проникновения финансового капитала в сельское хозяйство, формы концентрации крестьянских хозяйств.

Гольц Теодор Александр (1836—1905) — немецкий экономист, агроном, идеолог крупных сельскохозяйственных предприятий, основанных на наемном труде. Был профессором и директором сельскохозяйственных институтов в Кенигсберге и Иене (1885). Публиковал работы по сельскохозяйственной истории Германии, аграрному вопросу, использованию рабочей силы в сельском хозяйстве. Вскрыл отрицательные социальные последствия механизации сельского хозяйства при капитализме и оттока крестьян в города. Был одним из основателей школы Betriebslehre (учения о предприятии), внес большой вклад в теорию капиталистического аграрного счетоводства.

Диль Карл (1864—1943) — немецкий экономист. Учился в Берлине, Иене и Галле, где в 1888 г. получил ученую степень, а в 1890 г. защитил докторскую диссертацию. В юности занимался теориями французского социалиста Прудона, позже разрабатывал экономические и социальные вопросы социализма, коммунизма и анархизма, считался одним из крупных авторитетов по этим вопросам на Западе в 20—30-х годах. Тогда же Диль создает обширную теоретическую систему национальной политической экономии. Был знаком с русской аграрно-экономической литературой 20-х годов, написал рецензию на книгу А. В. Чаянова о крестьянском хозяйстве.

Дмитриев Владимир Карпович (1868—1913) — экономист-математик и статистик, представитель математической школы в политической экономии. Сделал попытку объединить трудовую теорию ценности и теорию предельной полезности. Разрабатывая концепцию цены, предложил систему уравнений, оказавшую влияние на формирование метода межотраслевого баланса в 20-е годы, на таблицы «затраты-выпуск» В. Леонтьева. Оказывал помощь Чаянову в разработке математической стороны теории семейно-трудового крестьянского хозяйства.

Дояренко Алексей Григорьевич (1874—1950) — агроном, агрофизик, педагог-новатор. Окончил Петербургский университет и Петровскую академию. С 1905 г. главный редактор «Вестника сельского хозяйства», а с 1924 г. «Научно-агрономического журнала». В 1918 г. при опытном поле академии

организовал «Практический курс полеводства», в основу которого положил сочетание лекций и практических занятий для крестьян Московской области. Был репрессирован в 1930 г., в заключении написал «Письма о науке будущего». В дальнейшем продолжал научно-агрономическую работу в Вятке и Саратове. Реабилитирован в 1987 г.

Дубровский Сергей Митрофанович (1900—1970) — историк-экономист. В 1924—1927 гг.— профессор Тимирязевской академии по кафедре истории аграрных отношений, в 1925—1927 гг.— декан экономического факультета той же академии. Был одним из организаторов Международного аграрного института, с 1925 г.— заместитель директора и член президиума Крестьянского Интернационала. Выступал с политической критикой концепций Чаянова и других представителей организационно-производственной школы. Один из организаторов журнала «На аграрном фронте». С конца 50-х годов работал в Институте истории АН СССР.

Ермолов Алексей Сергеевич (1846—1917) — государственный деятель России, ученый-аграрник. В 1892—1905 гг. возглавлял Министерство государственных имуществ. Занимался развитием сельскохозяйственного образования, поддержанием кустарной промышленности и культивированием минеральных вод. Наибольшую известность получила его книга «Организация полевого хозяйства» (1879), в которой были предложены оригинальные решения проблемы севооборотов в крестьянском хозяйстве. Книга была известна не только в России, но и в Германии, оказала влияние на формирование взглядов Ф. Эребо и других представителей школы Betriebslehre. Создал уникальный 4-томный труд о народных сельскохозяйственных представлениях, обычаях и верованиях (1901—1905).

Жиркович Иван Никитович (1894—?) — экономист-аграрник, доцент Тимирязевской академии, заведующий секцией Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, научный сотрудник НИИСХЭ. Исследовал семейное крестьянское хозяйство по материалам бюджетных обследований картофелеводческих хозяйств. Предложил оригинальный метод построения индексов цен на продукцию крестьянских хозяйств.

Зеринг Макс (1857—1925) — немецкий экономист, профессор в Бонне (1885) и в Берлине (1889—1925). Убежденный сторонник мелкого крестьянского хозяйства, энергично проводил свои идеи в руководящих германской аграрной политикой правительственных органах. Особенно значительна его роль в защите и проведении мероприятий в области внутренней колонизации, а также в подготовке специального законодательства о крестьянском единонаследии. Считался знатоком русских аграрных отношений и участвовал в научной поездке германских ученых в 1912 г. с целью ознакомления с положением русской деревни после разрушения общины.

Кауфман Александр Аркадьевич (1864—1919) — экономист и статистик. В трактовке аграрного вопроса исходил из мальтузианских посылок о наступлении «земельного утеснения» в силу естественного прироста населения. Считал, что никакое расширение крестьянского землевладения не может радикально улучшить положение крестьян. В 1917 г. принимал активное участие в работе Главного земельного комитета по составлению проекта буржуазной аграрной реформы. Выступал против конфискации помещичьей земли, но за выкуп части помещичьих имений «по справедливой оценке» на основе рыночной стоимости земли. Автор крупного труда по теории статистики. После Октябрьской революции принимал участие в работе центральных статистических учреждений.

Кирсанов Даниил Иванович (годы жизни не установлены) — агроном, заведующий фермой Ирбитского уезда Пермской губернии, директор Кологривского сельскохозяйственного технического училища им. Ф. В. Чижова (1913). Опубликовал ряд статей в сборниках Пермского земства, в том числе по скотоводству и промышленному маслоделию в крестьянском хозяйстве, устройству и работе Ирбитской фермы и т. д. Известность получил как автор доклада об основаниях агрономической деятельности на Совещании председателей уездных земских управ Пермской губернии в 1900 г. В нем

впервые поставил вопрос о специфике экономической мотивации крестьянского хозяйства. Положения этого доклада впоследствии многократно цитировались Фортунатовым, Чаяновым и др., получив в литературе название «эффект кирсановской молотилки».

Клепиков Сократ Александрович (1895—1978) — книговед, экономист. Активную научную деятельность начал после Февральской революции 1917 г. Сотрудничал с Лигой аграрных реформ, составил атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу, первое издание которого вышло под редакцией А. В. Чаянова. После Октябрьской революции работал в системе ВСНХ. Выпустил справочник по питанию русского крестьянства, где проследил динамику норм потребления главных пищевых продуктов в деревне. Впоследствии подготовил еще несколько справочников для ВСНХ. Работал во Всесоюзной книжной палате, Библиотеке им. В. И. Ленина, Государственном литературном музее, занимаясь редкой книгой, иллюстрациями, водяными знаками и т. д. Мировую известность принесли ему работы в области филиграни и штемпелей, истории книги.

Книпович Борис Николаевич (1890—1924) — экономист, статистик. Окончил юридический факультет Петербургского университета. После Февральской революции 1917 г.— в Министерстве земледелия. Принимал участие в создании сборника «Опыт исчисления народного хозяйства» (1918). В 1917—1924 гг. работал в Наркомземе, с 1922 г. занимался планированием. Одновременно преподавал в высших учебных заведениях. Занимался проблемами дифференциации русского крестьянства, районирования сельского хозяйства. Разработанные им принципы сельскохозяйственного районирования послужили одной из основ административного и территориального деления РСФСР.

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892—1938) — видный экономист, аграрник, статистик. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1915). В 1917 г. участвовал в разработке буржуазной аграрной реформы в Главном земельном комитете. Товарищ министра продовольствия во Временном правительстве (октябрь 1917). После Октябрьской революции — профессор Тимирязевской академии, директор Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, работал в Центральном товариществе льноводов. Под его руководством разработан план развития сельского хозяйства 1923—1928 гг. Активно сотрудничал с Чаяновым, хотя и расходился с ним во взглядах на пути преобразования сельского хозяйства.

Косинский Владимир Андреевич (1866—?) — экономист и статистик. В 1904—1909 гг.— профессор Новороссийского университета в Одессе, позднее — Киевского политехнического института. С политико-экономических позиций разрабатывал теорию аграрного вопроса, тенденции в мобилизации земельной собственности. Выдвинул концепцию «раскапитализации» крупной земельной собственности и перехода земли в руки трудовых семейных хозяйств. В 1918 г.— товарищ министра труда в правительстве гетмана Скоропадского, вскоре эмигрировал на Запад, где продолжил исследования аграрного вопроса в России. Был одним из родоначальников теории семейно-трудового крестьянского хозяйства.

Котов Андрей Антонович (1892—?) — экономист-географ. Работал преподавателем Института народного хозяйства, сотрудником НИИ землеустройства и переселения. Ставил и решал проблемы экономико-географического районирования сельского хозяйства, колонизации Сибири, упорядочения конъюнктуры аграрных рынков. Занимался проблемами экономики овцеводства и мясного скотоводства.

Кричман Лев Натанович (1890—1938) — советский экономист. Окончил химическое отделение Цюрихского университета. После Октябрьской революции — на руководящих должностях в государственном аппарате; в 1920—1921 гг.— председатель Комиссии использования при ВСНХ. С 1928 г. заместитель председателя Комиссии по изучению аграрной революции в России, с 1923 г. член президиума Коммунистической академии и организатор ее аграрной секции, с 1928 г. директор Аграрного института, в 1926—

1929 гг.— ответственный редактор журнала «На аграрном фронте». Систематически выступал против теории Чаянова и семейно-трудовой школы. Ратовал за обоснование трехзвенной схемы дифференциации крестьянства (бедняк — середняк — кулак), ставшей одной из основ политики раскрестьянивания в 1929—1933 гг.

Кручинский Михаил Александрович (1894—?) — агроном, экономист. В 1920—1921 гг.— начальник Главного управления коннозаводства и коневодства (ГУКОНА) Наркомзема, в 1924—1941 и 1947—1959 гг. преподавал, занимался научной работой в области сельского хозяйства. Исследовал мелкий сельскохозяйственный кредит, экономику сельскохозяйственного машиностроения на Урале, пути повышения урожайности сахарной свеклы.

Кущенко Георгий Александрович (1878—?) — экономист и статистик. До революции развил метод динамического анализа крестьянских хозяйств, используя материалы переписи 1882 и 1911 гг. в Суражском уезде Черниговской губернии. Развил метод сельскохозяйственных балансов в применении к сельскому хозяйству Крыма.

Ларин (Лурье) Михаил Зальманович (1882—1932) — деятель революционного движения, советский экономист. До Октябрьской революции участвовал в профсоюзном движении. После Октябрьской революции работал в комитетах и комиссиях ВСНХ, выступал вместе с В. П. Милютиным за полное огосударствление кооперации, слияние ее руководящих органов с Наркомпродом. В период нэпа публиковал работы по крестьянскому хозяйству и частному капиталу в СССР.

Лаур Эриест Фердинанд (1871—1964) — швейцарский экономист. Учился в Цюрихском политехникуме и Лейпцигском университете. В 1898 г. председатель Швейцарского крестьянского союза и руководитель Швейцарского крестьянского секретариата. Один из организаторов так называемого черного крестьянского интернационала (1923—1924). В своей теории и практике организации сельского хозяйства ориентировался на зажиточное крестьянское хозяйство. Создал систему сельскохозяйственного счетоводства применительно к ведению зажиточного крестьянского хозяйства, в том числе с применением наемной рабочей силы.

Литошенко Лев Николаевич (1886—1936) — экономист. Окончил экономическое отделение юридического факультета МГУ (1909). После 1917 г. профессор Петровской (Тимирязевской) академии, работал в ЦСУ, НИИСХЭ. Выступал против концепции потребительского характера крестьянских хозяйств, определял природу крестьянского хозяйства как «приобретательскую». Занимаясь крестьянскими бюджетами за 1922—1923 гг., впервые дал оценку важнейших групп потребителей и товаров в сельском хозяйстве. Совместно с П. И. Поповым руководил работой по составлению первого в мире межотраслевого баланса на 1923/24 г. Репрессирован в 1930 г., реабилитирован в 1987 г.

Лопатин Иван Дионисьевич (1887—?) — агроном, доцент Тимирязевской академии и Института народного хозяйства. Сотрудничал с НИИСХЭ, публиковался в бюллетене этого института по проблемам применения машин в сельском хозяйстве. Впоследствии принял участие в обсуждении проблем крупных сельскохозяйственных предприятий.

Людоговский Алексей Петрович (1840—1932) — агроном, экономист. Был профессором сельскохозяйственной экономии в Петровской академии, где в 1870—1876 гг. возглавлял кафедру сельскохозяйственной экономии. Автор работы «Основы сельскохозяйственной экономии и сельско-хозяйственного счетоводства» (1875), долгое время служившей единственным руководством по этому вопросу для русских работников сельского хозяйства. Вместе с И. Стебутом составил «Настольную книгу для русских сельских хозяев» (1875).

Лященко Петр Иванович (1876—1955) — экономист, историк народного хозяйства России и СССР. В 1899 г. окончил Петербургский университет по специальности «сельское хозяйство», здесь же читал лекции в 1903—1908 гг. по экономике сельского хозяйства. В 1908 г. защитил магистерскую диссер-

тацию «Очерки аграрной эволюции России», где проследил пути проникновения торгового капитала в сельское хозяйство, условия образования рынка в деревне конца XIX — начала XX в. В 1922—1926 гг. работал в Наркомземе, в различных научных учреждениях, член редколлегий аграрных журналов. Создал капитальные труды по истории народного хозяйства России и СССР, где большое внимание уделил аграрной проблематике.

Макаров Николай Павлович (1887—1980) — экономист-аграрник, доктор экономических наук (1956). Окончил экономическое отделение юридического факультета МГУ (1911). В 1920—1924 гг. изучал проблемы экономики, организации и технологии сельскохозяйственного производства в США и Западной Европе. С 1924 г. профессор Тимирязевской академии. Принадлежал к организационно-производственной школе. Участвовал в бюджетных обследованиях, в выработке их методологии, занимался историей кооперации, собрал значительный материал по экономике крестьянского хозяйства. Автор учебника «Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий» (1963) и др. В 1930 г. репрессирован, реабилитирован в 1987 г.

Маиуйлов Александр Аполлонович (1861—1929) — экономист, доктор экономических наук (1901), профессор. В 1883 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса). В начале своей научной деятельности разделял трудовую теорию стоимости, однако после революции 1905—1907 гг. перешел на позиции теории предельной полезности и психологической школы. В 1917 г. был министром просвещения Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал, но вскоре возвратился и сотрудничал с Советской властью. Участвовал в реформе правописания (1918). С 1924 г. член правления Государственного банка, преподавал в вузах.

Маньковский Константин Григорьевич (годы жизни не установлены) — экономист, агроном. Окончил в 1898 г. Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства, работал на опытном поле Полтавского губернского земства, был членом Харьковского общества сельского хозяйства. В 1910 г. принял участие в съезде представителей земств и сельских хозяев Юга России в Екатеринославе, где выступил с сообщением о задачах участковой агрономии. В прениях по его докладу принял участие Чаянов.

Маслов Петр Павлович (1867—1946) — экономист, историк, специалист в области аграрных отношений. Учился в Харьковском ветеринарном институте. В 1894 г. изучал политическую экономию в Венском университете. После II съезда РСДРП (1903) Маслов примкнул к меньшевикам, выдвинул программу муниципализации земли, которую отстаивал на IV съезде (1906), выступал против программы национализации земли. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности, вел педагогическую и научную работу; профессор МГУ, автор многих работ по политэкономии социализма, аграрной теории, истории крестьянства в России.

Мацеевич Константин Андрианович (годы жизни не установлны) — экономист, агроном, публицист. Выпускник Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства (1900). Работал в харьковских сельскохозяйственных журналах. Был сотрудником «Хлебороба», затем — заведующим редакцией «Агрономического журнала», в котором опубликовал несколько своих статей А. Чаянов.

Минин Александр Никифорович (1881—1943) — экономист, агроном, деятель кооперативного движения, один из активных сторонников организационно-производственной школы, ближайший сподвижник А. В. Чаянова. С 1910 г. работал агрономом в Харьковской, Черниговской и Московской губерниях. В 1913 г. предложил метод добровольной «кооперативной коллективизации» беднейших крестьянских хозяйств в их конкуренции с крупными хозяйствами. В 1918—1920 гг. был членом президиума Всероссийского совета кооперативных съездов, много писал по проблемам кооперации в журнале «Кооперативная жизнь» и других изданиях. С 1920 г. профессор Воронежского сельскохозяйственного института. Предлагал различные способы оценки дифференциации крестьянских хозяйств. В 1930 г. репрессирован, реабилитирован в 1987 г.

Наумов Константин Ильич (1897—?) — экономист-аграрник. Заведовал отделом коллективного земледелия ЦСУ РСФСР. Участвовал в разработке принципов группировки крестьянских хозяйств по социальному признаку (совместно с Я. Анисимовым и И. Верменичевым). Уточнял способы контроля качества полевых работ в колхозах. Подготовил ряд публикаций по проблемам улучшения культурных пастбищ, совершенствования луговодства.

Нибур Герман Иеремия (годы жизни не установлены) — английский историк и этнограф конца XIX — начала XX в. В России стал известен благодаря своему труду о рабстве как системе хозяйства. Работу перевел с английского языка на русский и дважды издал в России (1902—1907) известный этнограф А. Н. Максимов. В книге содержится богатейший фактический материал по первобытному и рабовладельческому быту коренных народностей Африки, Америки, Австралии. На этой основе автор делает попытку соединить возможности экономического анализа с достижениями этнографии и антропологии.

Никитин Николай Павлович (1893—?) — экономист-аграрник, экономист-географ. Был профессором Московского зоотехнического института и Института народного хозяйства, действительным членом НИИ землеустройства и переселения. Активно участвовал в семинарах проф. А. Ф. Фортунатова. Разрабатывал теорию сельскохозяйственной экономии, экономики животноводства. Исследуя Ранненбургский кредитный кооператив Рязанской губернии, выдвинул проекты организации кредитной кооперации. Дал научный анализ материалов бюджетных переписей крестьянства начала XX в. (совместно с Н. И. Костровым и А. А. Эмме).

Огановский Николай Петрович (1874—?) — экономист-аграрник. Окончил Петербургский университет (1897). После Февральской революции участвовал в разработке проекта аграрной реформы. После Октябрьской революции работал в Сибцентросоюзе и Наркомземе, Наркомторге. Огановский — автор многих трудов по аграрным проблемам, в которых выступал как сторонник теории устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, некапиталистического характера аграрной эволюции. Согласно его концепции, поступательный ход аграрной эволюции вел к децентрализации производства и полной победе мелкого крестьянского хозяйства. В работах Огановского имеется большой фактический и статистический материал по аграрной истории России

Олексенко Сысой Каллиникович (годы жизни не установлены) — экономист, агроном, садовод. В первом десятилетии XX в. опубликовал ряд работ, посвященных крестьянству Бердичевского уезда Таврической губернии, в которых затронул вопросы обычного права при общинном землевладении, общественных переделов крестьянских посевов, значения паровой обработки земли для полевого хозяйства, теории и практики садоводства. В 1910 г. принял участие в съезде представителей земств и сельских хозяев Юга России (Екатеринослав), где сделал интересный доклад о зависимости успеха агрономических мероприятий от уровня общей культуры сельского населения. Доклад привлек внимание А. Чаянова.

Опарин Дмитрий Иванович (1891—1980) — экономист. В 20-х годах — член общеэкономической секции РАНИОН, сотрудник ряда экономических учреждений. Участвовал в работе Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, анализировал закономерности рыночной конъюнктуры, строил теорию обмена.

Паас К. К. (годы жизни не установлены) — сотрудник департамента земледелия в первые десятилетия XX в. Сделал обзор пушного дела в России (1915) (книга вышла под редакцией и с предисловием А. Чаянова).

Первушин Сергей Алексеевич (1888—1966) — экономист, статистик, доктор экономических наук (1948), профессор (1918). В 1910 г. окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета. С 1913 г. на научно-педагогической работе. В ранний период научной дея-

тельности занимался проблемами крестьянского хозяйства, методологией бюджетных исследований семейных предприятий в деревне. Совместно с Чаяновым разработал приходно-расходную книжку, учитывающую не только денежный, но и натуральный оборот ценностей в крестьянском хозяйстве. Критиковал очерки Чаянова по теории семейно-трудового хозяйства. После Великой Отечественной войны работал заведующим кафедрой экономики промышленности в Московском институте цветных металлов и золота и в ЦСУ СССР, занимаясь вопросами ценообразования, конъюнктуры.

Посошков Иван Тихонович (1652—1726) — мыслитель и экономист. Родился в семье ремесленника. Занимался ремеслами, стал купцом, в конце жизни приобрел имение. В своем главном сочинении — «Книге о скудости и богатстве» (1724), предназначавшейся Петру I,— изложил обширный проект реформ, направленных на улучшение экономического и политического устройства России. Впервые дал трактовку так называемого «невещественного богатства» — праведных законов, правды, любви, духовности, грамотности и проч. Одним из первых в русской экономической литературе дал оценку крестьянскому хозяйству, наметил принципы определения крестьянских повинностей и платежей, предлагал царю взять под свою защиту земледельцев, оградив их от помещичьего произвола. В августе 1725 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где вскоре и умер.

Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955) — экономист, политический деятель и публицист. Окончил Брюссельский университет (1899). Во Временном правительстве — министр торговли и промышленности, министр продовольствия. Имел работы, посвященные теории и практике рабочего движения в России и на Западе, бюджетам петербургских рабочих, развитию социалистической мысли во Франции. В канун первой мировой войны обращался к аграрным проблемам, сельскохозяйственным кризисам и мероприятиям русского правительства в этой области; активно разрабатывал проблемы теории кооперативного движения в России. В 1922 г был выслан за пределы страны. В эмиграции начал вплотную заниматься статистикой крестьянского хозяйства: выпустил труд «Крестьянское хозяйство» (1924), где критиковал книгу А. Чаянова о крестьянском хозяйстве (1923). В более поздних работах анализировал ход и последствия коллективизации и индустриализации в СССР.

Риттер Курт (1894—?) — немецкий экономист-аграрник, профессор, заведующий кафедрой аграрной политики Университета им. Гумбольдта в Берлине, член академии сельскохозяйственных наук ГДР. В 20-х и 30-х годах изучал международную торговлю продуктами сельского хозяйства, сельскохозяйственную кооперацию, германскую аграрную политику и ее кризис. После второй мировой войны, живя в ГДР, выпустил теоретический курс аграрной экономии.

Рыбников Александр Александрович (1877—1940?) — русский экономист и статистик. Занимался проблемами ремесленной и кустарной промышленности, промысловой кооперации, вопросами экономики и организации крестьянских хозяйств, изучал процесс перестройки натурального хозяйства в товарное, влияние рынка на организацию производства, труда, специализацию крестьянских хозяйств, развитие кооперации. Серию статистико-экономических работ посвятил развитию в России льноводства. В период Временного правительства был членом Совета Главного земельного комитета, принимал участие в выработке проекта аграрной реформы. После Октябрьской революции, в 20-х годах профессор Петровской (Тимирязевской) академии. Принимал участие в работе сельскохозяйственной секции Госплана. В 1930 г. репрессирован. Реабилитирован в 1987 г.

Сильвестр (?—ок. 1566) — древнерусский писатель, священник Благовещенского собора с конца 40-х годов XVI в., наставник Ивана Грозного в первый период его царствования. Член избранной Рады Автор особой редакции «Домостроя» и многочисленных посланий к сыну Анфиму и другим лицам. В «Домострое» Сильвестру удалось свести воедино правила «домового строения» городского семейного хозяйства потребительского типа, создать идеал домохозяина, следующего определенным нравственным требованиям и обеспечивающего высокоэффективное удовлетворение хозяйственных интересов семьи. Чаянов высоко ценил Сильвестра как одного из родоначальников теории семейного хозяйства.

Скальвайт Аугуст (1879—1960) — немецкий экономист, профессор университета в Киле. В 20-е годы опубликовал капитальный труд по теории и практике аграрной политики в Германии. Издал рецензию на книгу А. В. Чаянова «Ученне о крестьянском хозяйстве».

Сокальский Леонид Петрович (годы жизни не установлены) — земский агроном. В 1897 г. закончил Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства, был секретарем Харьковского общества сельского хозяйства. Одним из первых разрабатывал проекты общественной агрономии (1905), предлагал активизировать мелиорационную работу земской агрономии Юга России. В 1910 г. принял участие в съезде представителей земств и сельских хозяев Юга России в Екатеринославе, где выступил с докладом об объемах агрономической помощи населению. Участвовал в съезде по упорядочению хлебной торговли на Юге России.

Студенский Геннадий Александрович (1898—1930?) — русский экономист-аграрник. Окончил Пензенскую духовную семинарию, в 1918—1921 гг. учился в Петровской академии, в 1921—1923 гг. вел научно-исследовательскую работу при кафедре сельскохозяйственной экономии, а позже в НИИСХЭ. Выступал по проблемам теории крестьянского хозяйства, теории земельной ренты в трудовом хозяйстве, методики бюджетных исследований, организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий и т. д. Был репрессирован, покончил жизнь самоубийством предположительно в 1930 г., реабилитирован в 1987 г.

Суханов Н. (псевдоним; настоящие фамилия и имя — **Гиммер Николай Николаевич**) (1882—1940) — экономист-аграрник и публицист. Учился в Высшей школе общественных наук в Париже (1902), с 1903 г.— в Московском университете. После Октябрьской революции работал экономистом в различных научных учреждениях. Выступал с концепцией «разложения капитализма в земледелии», доказывая ее с помощью положения о конкуренции «индустриального» и «аграрного» капиталов, в результате которой происходит отлив капиталов и рабочей силы в промышленность, а в земледелии господствующим становится мелкое трудовое крестьянское хозяйство. В 1931 г. был осужден по процессу так называемой «контрреволюционной меньшевистской организации».

Туркин Н. В. (годы жизни не установлены) — публицист, редактор «Охотничьей газеты» и журнала «Природа и охота», издаваемых в начале XX в. В 1915 г. предложил учредить особое отделение заведующего охотой при Министерстве земледелия. Составил несколько диаграмм по статистике охотиного промысла, материалами которых пользовались К. Паас и А. Чаянов.

Тюнен Иоганн Генрих (1783—1850) — немецкий экономист, теоретик экономики сельского хозяйства. Исследуя влияние местоположения земельных участков на доходность и организацию сельского хозяйства, вопросы дифференциальной ренты, цены и заработной платы, пришел к выводу, что наиболее рентабельной должна быть такая организация сельского хозяйства, при которой степень его интенсификации соответствовала бы близости рынка. Искусственное абстрагирование от изменений, происходящих в производстве, выдвижение на первый план рынка как решающего фактора предопределили слабость его теоретических положений. Однако его скрупулезный количественный анализ пространственного фактора в сельском хозяйстве и сегодня представляет значительный интерес.

Ужанский Савелий Герасимович (1900—?) — экономист-аграрник. Преподавал во 2-м МГУ, Тимирязевской академии и Академии коммунистического воспитания, состоял членом аграрной секции Коммунистической академии. В центре его научных интересов были проблемы эволюции и прогресса сельского хозяйства, вопросы деревенской кооперации. Выпустил брошюру о крестьянском хозяйстве в связи с проблемой свеклосеяния (совместно

с Ю. И. Вильдо). Известный интерес до сих пор представляют сделанные им обзоры книг по сельскохозяйственной экономии.

Филиппповский Александр Константинович (годы жизни не установлены) — экономист, профессор, преподаватель ряда высших учебных заведений Киева. Еще в 1911 г. дал анализ влияния техники обработки почвы на урожай хлебов, а в 1914 г. предложил рецепты рационального возделывания картофеля в крестьянском хозяйстве. В 20-х годах составил программы полеводства для Киевской сельскохозяйственной опытной станции. Автор обширного курса по организации крестьянского хозяйства (1928).

Фортунатов Алексей Федорович (1856—1925) — экономист, статистик, экономикогеограф, агроном. Окончил Петровскую академию (1881), Медико-хирургическую академию. В 1884—1894 и 1902—1925 гг. в Петровской академии преподавал сельскохозяйственную статистику, в 1902—1910 гг. заведовал там же кафедрой сельскохозяйственной экономии. Был учителем А. В. Чаянова, многих других экономистов-аграрников, занимавшихся проблемами организации крестьянского хозяйства. Автор учебника «Сельскохозяйственная статистика» (6-е изд., 1925). В 1896 г. опубликовал первый исторический обзор опытов разделения России на экономические районы. Важное значение имели библиографические обзоры, особенно итоговые ежегодные обзоры земских статистических изданий. Оказал значительное влияние на развитие общественной агрономической деятельности в России, сельскохозяйственной статистики.

Хрящева Анна Ивановна (1868—1934) — статистик. До революции публиковала и комментировала материалы по оценке земель Тульской губернии. Руководила разработкой методологии переписей населения 1916—1917 гг., проводимых Петроградским отделом переписей. После революции сосредоточила внимание на выявлении классов и групп в крестьянстве и критике методов сельскохозяйственных переписей, проводимых в начале 20-х годов. Предложила новые методы оценки социальной эволюции крестьянских хозяйств. В 1918—1926 гг. была заведующей отделом сельскохозяйственной переписи ЦСУ.

Цылько Федор Андреевич (1894—?) — экономист-аграрник. Член правления НИИСХЭ и заведующий кооперативным кабинетом того же института. Преподавал в Московском межевом институте и Институте народного хозяйства. Участвовал в обследовании свеклосеющих хозяйств (совместно с Ю. Вильдо и С. Ужанским), занимался проблемами деревенской кооперации. В 30-е годы участвовал в разработке пятилетних планов развития сельского хозяйства, выступая за сплошную коллективизацию и ускорение ее темпов.

Челинцев Александр Николаевич (1874—1962) — экономист-аграрник, один из главных представителей организационно-производственного направления русской сельскохозяйственной мысли, ближайший сподвижник Чаянова. Окончил Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства. В 1917 г. участвовал в разработке аграрной реформы Временного правительства. Преподавал в Тимирязевской академии, работал в НИИСХЭ (1925—1929). В 1913—1919 гг. проводил бюджетные обследования крестьянских хозяйств. Научные интересы Челинцева лежали в области не только теоретических вопросов организации крестьянского хозяйства, но и практических сторон агрономии, счетоводства, районирования, планирования в сельском хозяйстве. До революции пришел к важному выводу о влиянии плотности населения на строй крестьянского хозяйства и его размещение, проследил закономерности ценообразования на мясо. После 1917 г. он работал над теорией организации крестьянского хозяйства, проблемами кооперации, дифференциацией крестьянства, семейно-трудовой теорией. В 1930 г. репрессирован, реабилитирован в 1987 г.

Черненков Николай Николаевич (1863—?) — статистик, служил в Орловском, Московском, Саратовском и Тверском земствах. Участвовал в работе аграрной комиссии кадетской партии. В своей главной книге «К характеристике крестьянского хозяйства» (1905) обобщает данные динамических переписей крестьянских хозяйств начала XX в., трактует крестьянское хозяйство как особый потребительско-трудовой хозяйственный организм, подробно рассматривает важнейшие организационно-хозяйственные стороны крестьянского двора. Являлся одним из предшественников организационно-производственной школы.

Щербина Федор Андреевич (1849—1936) — земский статистик, народник, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1904). Образование получил в Петровской академии и Новороссийском университете. Основоположник русской бюджетной статистики. Впервые в России произвел бюджетные исследования крестьянских хозяйств Воронежской губернии. Его труд «Крестьянские бюджеты» долгое время служил методологической основой анализа потребления крестьян и рабочих. Щербине принадлежат также ряд исторических исследований и публицистические статьи по вопросам земельной общины, артельного движения, крестьянского быта и др.

Эребо (Аэребоэ) Фридрих (1865—1942) — видный немецкий экономист-аграрник, один из основателей школы Betriebslehre, специалист в области аграрной политики. Начинал работать в Иене под руководством Т. Гольца. Совершил множество научных поездок по Европе и за ее пределами, приобрел богатый опыт знакомства с разнообразными формами ведения крестьянского хозяйства. В противоположность бытовавшему тогда методу расчлененного рассмотрения крестьянского хозяйства предложил рассматривать его как целостный хозяйственный организм. Занимался вопросами народного образования на селе. Был иностранным членом Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии (НИИСХЭ).

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

* 1. Рецензия на русский перевод книги Эльцбахера «Анархизм»//Вятская жизнь. 1906. № 133.

2. Странствующие кафедры в Италии//Вестн. сел. хоз-ва. 1908. № 33. С. 6—7; № 34. С. 8—10.

3. Кооперация в сельском хозяйстве Италии. М., 1909. 20 с.

4. Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии: (Докл. соединенному заседанию Ком. скотоводства и Ком. о сел. ссудосберегат. и пром. т-вах). Б. м., 1909. 44 с.

5. Письма из сельскохозяйственной Бельгии//Вестн. сел. хоз-ва. 1909. № 33. С. 8—11; № 36. С. 7—10; № 40. С. 7—9; № 41. С. 11—14; № 45. С. 7—10.

6. Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века//Сел. хоз-во и лесоводство. 1910. № 8. С. 691—710.

7. Сельскохозяйственный кредит в Бельгии: (Из докл. Комитета о сел. ссудосбергат. и пром. тов-вах)//Вестн. сел. хоз-ва. М., 1910, № 6, С. 11—13; № 7. С. 9—11; № 10. С. 8—11; № 11. С. 11—13; № 15. С. 9—11; № 16, 17. С. 17—18.

8. Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии//Тр. Моск. об-ва сел. хоз-ва. 1910. Вып. 44. С. 269—312.

То же: Вестн. сел. хоз-ва. 1910. № 23—26.

9. Страхование скота в Бельгии//Вести. сел. хоз-ва. 1910. № 37. С. 4—7; № 38. С. 11—12; № 39. С. 13—16; № 40. С. 12—14; № 41. С. 12—14.

10. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства. М., 1911.

То же: Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21—28 февраля 1911 г. Т. 1. 1 секция. М., 1911. С. 35—48; Вестн. сел. хоз-ва. 1911. № 13, 14.

11. К вопросу о значении льна в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной полосы России. М., 1911.

* 12. О положении льноводства в крестьянском хозяйстве нечерноземной России//Русские Ведомости. 1911. № 3.

13. К вопросу о реформе страхования скота в России//Труды Московского областного съезда деятелей агрономической подсекции помощи населению 21—28 февраля 1911 г. М., 1911. Т. 2. 3 подсекция. С. 25, 58—64, 208.

То же: Животноводство. Спб., 1911. № 5. С. 10—20.

14. Некоторые данные о значении культуры картофеля в крестьянском хозяйстве нечерноземной России//Вестн. сел. хоз-ва. 1911. № 40. С. 8—11; № 41. С. 15—19; № 42. С. 9—11.

15. Итоги Московского Областного Агрономического съезда//Вестн. сел. хоз-ва. 1911. № 12. С. 17—19; № 13. С. 12—14; № 15—16. С. 15—17.

[1] За основу была взята опубликованная библиография трудов А. В. Чаянова (см. Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев. Указатель литературы. М.: ИНИОН, 1988). Звездочками отмечены источники, обнаруженные рабочей группой в процессе подготовки настоящего издания, а также работы, переизданные в 1988—1989 гг.

16. Влияние состава и величины крестьянской семьи на ее хозяйственную деятельность. Спб. 1912, 12 с.: диагр. Отт. из: Тр. Вольного экономического общества. 1912. Т. 1. Кн. 1—2. С. 1—12.

17. Кооперативное страхование скота. Харьков, 1912. 79 с.: прил.

То же: Кооп. жизнь. 1913. № 17—18. С. 8—15.

18. Некоторые данные о значении культуры картофеля в крестьянском хозяйстве нечерноземной России//Тр. Моск. об-ва сел. хоз-ва. 1912. Вып. 52. С. 47—77.

19. Из области методологии бюджетных исследований: (По поводу критич. работ Первушина С. А.)//Вестн. сел. хоз-ва. 1912. № 48. С. 3—6.

Помещен так же ответ С. Первушина. С. 6—7.

20. Несколько слов об устройстве хозяйства//Изв. Моск. губ. земской управы. 1912. Вып. 9. С. 7—10.

То же: Журн. земледельца. 1912. № 8—9. С. 6—8.

21. Как питается, как одевается и как живет русский крестьянин//Журн. земледельца. 1912. № 12. С. 3—11.

22. Организация труда в немецких свеклосахарных хозяйствах//Хоз-во. 1912. № 48. С. 1565—1572.

23. Страхование скота//Журн. земледельца. 1912. № 2. С. 23—25.

24. Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянского хозяйства Московской губернии. М., 1912. 71 с.: табл.

Рец.: Черненков Б.//Заветы. Спб., 1913. № 8. С. 196—201.

Рецензия относится также к работам, помещенным под № 23—27.

25. Хозяйствующий человек в немецком земледелии. М., 1912. 38 с. Отт. из журн.: Вестн. сел. хоз-ва. 1912. № 35—37.

26. Крестьянское хозяйство в Швейцарии. 1912. 24 с. Отт. из журн.: Вестн. сел. хоз-ва. М., 1912. № 32—34.

27. К вопросу об организации счетоводства в крестьянских хозяйствах// Вестн. сел. хоз-ва. 1912. № 25. С. 3—5; № 26. С. 9—12.

28. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. М., 1912—1913. Т. 1. Табл. Вып. 1—2.

Вып. 1. Волоколамский уезд. 1912. XXV. 199 с.

Вып. 2. Смоленская губерния. 1913. III. 211 с.

Рец.: Первушин С.//Вестн. Европы. 1912. Кн. 4. С. 396—398.

29. Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1912—1913. Вып. 1—2.

Вып. 1. Соотношение производства и потребления. 1912. 24 с. Отт. на Тр. Моск. об-ва сел. хоз-ва. 1912. Вып. 52: прил.

Вып. 2. Основы сложения потребительского бюджета. 1913. 91 с. Библиогр.: с. 73—91.

30. Организация льноводных хозяйств Московской и Смоленской губерний по данным специальных экспедиций. М., 1913. 13 с.

31. Потребление и производство сельскохозяйственных продуктов во Франции. Харьков, 1913. 26 с. Отт. из Агрон. журн. 1913. № 1, 5, 9, 10.

32. Страхование скота во Франции. М., 1913. 29 с.: граф.

* 33. К вопросу о страховании скота//Русские ведомости. М., 1913. № 197.

* 33а. Доходы и расходы крестьян Московской губернии//Кооп. жизнь. 1913. № 7—8.

34. Экономическая сторона мелиораций в крестьянском хозяйстве. М.: Т-во типогр. А. И. Мамонтова, 1913. 10 с.: табл. диагр.

35. Кооперативные вопросы на общеземском съезде по страхованию скота//Кооп. жизнь. 1913. № 19—20. С. 20—21.

36. Кормовые нормы в русском крестьянском хозяйстве//Среднерусское хозяйство. 1913. № 11. С. 309—311.

37. Общеземский съезд по страхованию скота (с 27 авг. по 1 сент. 1913 г. в Москве)//Вестн. сел. хоз-ва. 1913. № 39. С. 4—6.

38. Мера точности бюджетных данных: (Ответ С. А. Первушину)//Вестн. сел. хоз-ва. 1913. № 2. С. 11—14.

39. К вопросу о подготовке агрономов: (По поводу работ Семинария

обществ. агрономии при Моск. с.-х. ин-те). М., 1914. 23 с. Отт. из журн.: Вестн. сел. хоз-ва. 1914. № 27—29.

* 40. Общество скотоводов за границей 15.01.1914//1-ый сборник библиотеки кооп. жизни, М., 1914.

41. Место льна в организованном плане крестьянского хозяйства. Б. м., 1914. 26 с.

42. Война и крестьянское хозяйство. М.: Кушнерев, 1914. 16 с.

43. Союзы скотоводов во Франции. М.: Т-во типогр. А. И. Мамонтова, 1914. 26 с. Отт. из журн.: Вестн. животноводства. 1914. № 1, 2.

* 44. Методы разработки бюджетных данных, примененных в Волоколамском и Смоленском бюджетных исследованиях. (Доклад в статистическом отделении общества им. А. И. Чупрова. 20.10.1913)//Статистический вестник. 1914. № 1—2.

45. Экономические очерки//Земледельч. газ. 1914. № 2, 5, 8, 10, 11, 12, 21.

46. Кризис льняного дела//Вестн. льняного дела. 1914, № 6. С. 1—3.

47. Мероприятия московских общественных учреждений в области льняной торговли за период военных действий//Земледельч. газ. 1914. № 49.

48. Общественно-агрономические задачи в льняном деле//Вестн. льняного дела. 1914. № 6. С. 15—18.

49. К вопросу о народном благосостоянии в Европе//Современник. 1914. № 8. С. 78—82.

50. Экономическая сторона мелиораций в крестьянском хозяйстве//Агрон. журн. 1914. Кн. 1. С. 43—51.

Из доклада 1-му Северному мелиорационному съезду.

51. Крестьянские кооперативно-счетоводные курсы//Кооп. жизнь. 1914. № 23. С. 409—414.

52. О книгах по сельскохозяйственному счетоводству//Вестн. сел. хоз-ва. 1914. № 17. С. 14—16.

53. О некоторых книгах по таксации и организации с.-х. предприятия// Вестн. сел. хоз-ва. 1914. № 1. С. 26—28.

54. Бюджеты крестьян Старобельского уезда/Под ред. Чаянова А. В. Харьков: Харьк. зем. управа. 1915. С. 2, 130, 159, 24: табл., прил. Текстовая часть Чаянова А. В. С. 1—130 2-й паг.

55. Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии. М., 1915. Т. 1. Введение. История бюджет. исследований. 113 с. Библиогр.: с. 105—113.

56. Краткий курс кооперации: Лекции, чит. на старообрядч. с.-х. курсах в Москве. 1913. М.: Друг земли, 1915. 73 с.: ил.

* 57. Сельскохозяйственная помощь населению//Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 7-е изд. М., 1915. Т. 38.

58. Должен ли земский агроном работать в кооперативах? М., 1915. 7 с. Отт. из журн.: Кооп. жизнь. 1915. № 1—6, 4—8.

59. Необходимость кооперативного изучения рынков//Вестн. кооп. союзов. 1915. № 1. С. 12—17.

60. О посевах льна в 1915 г.//Вестн. льняного дела. 1915. № 1. С. 3—4. По поводу этой статьи см.: Магницкий С.//Там же. 1915. № 3. С. 1—3.

61. Основные условия успеха кооперативного сбыта сельскохозяйственных продуктов//Вестн кооп. союзов. 1915. № 4. С. 231—234; № 5. С. 284—290.

62. Кормовой вопрос в России//Земледельч. газ. 1915. № 11, 12, 21.

63. Может ли война повлиять на изменение организационных основ русского крестьянского хозяйства?//Вестн. сел. хоз-ва. 1915. № 1. С. 5—7; № 16. С. 6—8.

64. Кормовой вопрос в льняном хозяйстве//Вестн. льняного дела. М., 1915. № 9. С. 10—14.

65. К вопросу о восстановлении сельского хозяйства в местностях, разрушенных войной//Агрон. журн. 1915. Кн. 1. С. 22—26.

66. Проблема населения в изолированном Государстве-Острове//Агрон. журн. 1915. Кн. 2. С. 42—56.

67. Паас К. Краткий обзор пушного дела в России/Под ред. Чаянова А. В. М., 1915. 141 с.: табл. (Материалы по вопросам пуш. дела: Вып. 1).

68. Союзное строительство кооперативов в России//Кооп. жизнь. 1916. № 7. С. 305—309.

69. Льняной рынок и его состояние в 1915 и 1916 годах. М., 1916. 29 с. табл., картогр., схем.

70. Методы изложения предметов. М., 1916. 32 с.

71. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. М., 1916. Вып. 1. Нормы продовольствия сел. населения России по данным бюджет. исслед./Сост. под рук. и ред. Чаянова А. В. 88 с.: прил., табл., картогр.

72. Материалы по вопросам организации продовольственного дела/Под общ. ред. Чаянова А. и Макарова Н. М., 1917—1918. Вып. 1—8.

73. Высшие кооперативные курсы//Русские ведомости. 1916. № 140.

74. Центральное товарищество льноводов//Русские ведомости. 1916. № 199.

* 75. Аграрный вопрос//Агрон. журн. 1917. № 1.

* 76. Пора уже подумать об организации продовольственной кампании 1917—1918 года//Русские ведомости. 1917. № 34. С. 5—6.

77. Что такое аграрный вопрос? М.: Универсальная б-ка. 1917. 64 с.

* 77а. К постановке аграрного вопроса//Власть народа. 1917, № 5.

78. Продовольственный вопрос: Лекции, читан. на курсах по подготовке работников по культ.-просвет. деятельности при Сов. студ. депутатов в апреле 1917 г. М.: Сов. студ. депутатов, 1917. 54 с.

* 79. Продовольственный кризис//Власть народа. 1917. № 2. С. 2.

* 80. Земельный вопрос или вопрос аграрный?//Власть народа. 1917. № 18. С. 2.

* 81. Всероссийский продовольственный съезд//Власть народа. 1917. № 20. С. 2.

* 82. Пора подумать об уборке урожая//Власть народа. 1917. № 46. С. 1

* 83. Земля и ее обобществление//Власть народа. 1917. № 27, 29.

* 84. Петроградский кошмар (впечатление очевидца)//Власть народа. 1917. № 59. С. 1.

* 85. Возмездно или безвозмездно//Власть народа. 1917. № 68.

86. Основные условия успеха кооперативного сбыта продуктов сельского хозяйства. М., 1917. 23 с.

87. К постановке аграрного вопроса//Вестн. сел. хоз-ва. 1917. № 12—13. С. 4—5.

Изложение прений по докладу//Вестн. сел. хоз-ва. 1917. № 43—44. С. 21—22.

88. Регистрация и учет общественно-экономических работ//Вест. сел. хоз-ва. 1917. № 43—44. С. 7—10.

89. Третий Всероссийский съезд Лиги аграрных реформ//Вестн. сел. хоз-ва. М., 1917. № 45—46. С. 3.

То же: Русские ведомости. М., 1917. № 249. С. 2.

* 90. Чрезвычайный Всероссийский кооперативный съезд. Вечернее заседание 12 сентября. Доклад А. В. Чаянова//Власть народа. № 117.

* 91. К кооперативному съезду (письмо в редакцию)//Власть народа. 1917. № 118. С. 6.

* 92. Чрезвычайный Всероссийский кооперативный съезд. Доклад А. В. Чаянова//Власть народа. 1917. № 134. С. 3.

* 93. Съезд Лиги аграрных реформ//Власть народа. 1917. № 164. С. 3.

* 94. III съезд Лиги аграрных реформ//Власть народа. 1917 № 176, 177. С. 2.

95. Статистический справочник по аграрному вопросу/Сост. Аграр. отд-нием Экон. отд. Всерос. земск. союза. М.: Универсальная б-ка, 1917. Вып. 1—2.

Вып. 1. Землевладение и землепользование/Под ред. Огановского Н. П. и Чаянова А. В. 31 с.

Вып. 2. Сел. хоз-во. Ч. 2. Крест. хоз-во и мировая торговля продуктами сел. хоз-ва/Под ред. Артюхова Я. С. и Чаянова А. В. 48 с.

96. Клепиков С. А. Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу/ Под общ. ред. Чаянова А. В. М.: Универсальная б-ка, 1917. 40 с.

97. Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М., 1917. 178 с.: ил., табл., диаграм., схем.

98. Капиталы крестьянского хозяйства и его кредитования при аграрной реформе. М., 1918. 32 с.: карт., табл.

99. Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль: Ярослав. кред. союз кооперативов, 1918. 123 с.: табл.

100. Очерки по теории водного хозяйства. М.: Моск. тов. книгоизд-во по вопросам с.-х. экономии и политики. 1918 (на обл.: 1917 г.). 25 с.

То же//Вестн. сел. хоз-ва. 1917. № 49—50, 51—52.

101. Памятка льновода-кооператора. М.: Центр. тов-во льноводов. 1918. 24 с.: диагр.

102. Природа крестьянского хозяйства и земельный режим//Природа крестьянского хозяйства и земельный режим: Труды III Всерос. съезда Лиги аграр. реформ. М., 1918. Вып. 1. С. 1—10. 2-й паг.

То же//Вестн. сел. хоз-ва. 1918. № 1—2. С. 13—14; № 3—4. С. 10—11.

103. Центральное товарищество льноводов и льняная кооперация//Вестн. кооп. союзов. 1918. № 1. С. 77—104.

* 104. Аграрная реформа революции семнадцатого года//Власть народа. 1918. № 1.

* 105. Сколько будет стоить аграрная реформа//Власть народа. 1918. № 14.

* 106. Новые обязанности русской демократии//Власть народа. 1918. № 25.

107. Современное состояние льняного дела в России//Вестн. льняного дела. М., 1918. № 1—3. С. 1—3.

108. Национализация внешней торговли и льняной экспорт//Вест. льняного дела. М., 1918. № 4—6. С. 8—9.

109. Труды 2-го Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 19—27 дек. 1918 г.: Стеногр. отчет. М., 1919. VII. 421 с.

Доклад А. В. Чаянова о сельскохозяйственной кооперации. С. 303—310.

110. Спорные вопросы кооперативного строительства//Кооп. жизнь. 1918. № 1. С. 14—18.

111. Кому должно принадлежать кооперативное производство//Кооп. жизнь. 1918. № 2. С. 6—10.

112. В. Анисимов, А. Чаянов. Письмо в редакцию//Свобода России. 1918. № 2. С. 5.

113. Крестьянская кооперация и твердые цены//Кооп. жизнь. 1918. № 4—5. С. 1—2.

* 113а. Е. П. Житенев: (некролог)//Наша Родина. 1918. № 11.

114. Кооперация и политика//Кооп. жизнь. 1918. № 8—9. С. 4—10.

* 115. Кооперация и художественная культура//Рабочий мир. 1918.

116. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации (1-е изд.) М., 1919. 343 с.: ил.

117. Трудовые земледельческие артели или интегральная сельскохозяйственная кооперация//Вестн. сел. хоз-ва. 1919. № 1—4. С. 12—14; № 5—6. С. 7—8.

118. Возможное будущее русской общественной агрономии. М., 1919. 16 с. Отт. из журн.: Вестн. сел. хоз-ва. 1919. № 43—52.

119. Высший семинар с.-х. экономии и политики при Петровской с.-х. академии//Вестн. сел. хоз-ва. 1919. № 27—30. С. 19—22.

120. Очередные задачи крестьянской кооперации//Кооп. жизнь. 1919. № 1—2—3. С. 4—6.

121. Спорные вопросы кооперативного строительства//Кооп. жизнь. 1919. № 1—2—3. С. 8—11.

122. Кооперация как предприятие и кооперация как движение//Кооп. жизнь. 1919. № 7—8—9. С. 1—4.

123. Кооперация и художественная культура России//Кооперация и искусство. 1919. С. 11—16.

124. Больной вопрос высшего образования//Высшая школа. 1919. № 1. С. 56—58.

125. Методы высшего образования//Высшая школа. 1919. № 2. С. 1—6; № 3—4. С. 3—11.

126. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии (Кремнев Иван)/С предисл. Орловского П. (Воровского В.) М.; Гос. изд-во, 1920. Ч. I. XIV, 61 с.

* 127. III Всероссийский съезд Совнархозов: Речь тов. Чаянова//Экон. жизнь. 1920. № 18. С. 2.

128. Субстанция ценности и система трудовых эквивалентов//Экон. жизнь. 1920. № 247.

129. Проблема хозяйственного учета в социалистическом государстве// Экон. жизнь. 1920. № 225, 231.

По поводу данной статьи см.: Струмилин С.//Там же. № 237, 284, 290; Варга Е.//Там же. № 259.

130. Государственный коллективизм и крестьянская кооперация//Кооп. жизнь. 1920. № 1—2. С. 6—12.

131. Клепиков С. А. Питание русского крестьянства//Под ред. и со вступит. статьей Чаянова А. В. М., 1920. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. XXIV. 52 с.: граф., табл. (Материалы по изучению массового потребления. Вып. 2).

* 132. Галерея деятелей МОСХ//Московское общество сельского хозяйства. М., 1921.

133. Экономические основы культуры картофеля. М., 1921. 23 с. (Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. Вып. 4).

134. Опыты изучения изолированного государства//Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. М., 1921. Вып. 1. С. 1—36.

135. Номографические элементы экономической географии//Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. М., 1921. Вып. 1. С. 65—74.

136. Понятие выгодности социалистического хозяйства: (Опыт построения безденеж. учета сов. хоз-в)//Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. М., 1921. № 2. Методы бездеиежного учета хоз. предприятий. С. 5—76.

137. С экспедицией Народного комиссариата земледелия//Наше хозяйство. 1921. № 3—4. С. 8—9.

О сельском хозяйстве Тутаевского уезда.

138. Значение сельскохозяйственной кооперации в плановой работе земорганов//Сборник статей и материалов по сельскохозяйственной кооперации. М., 1921. С. 35—38.

139. Никитин Н. П. Сельскохозяйственное районирование Московской губернии (На обл.: Разделение Московской губернии на сельскохозяйственные районы)//Общ. ред. и введение Чаянова А. В. М.: Гос. изд-во, 1921. 160 с.; 40 карт. и табл. (Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. Вып. 6).

140. Потребление г. Москвы в 1919 году//Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. М., 1921. Вып. 3.

141. История бюджетных исследований//Совместно со Студенским Г. Изд. 2-е, доп. М., 1922. IX, 133 с. Библиогр.: С. 125—133.

142. Организация кооперативного сбыта. 2-е изд., доп. М., 1922. 90 с.

143. Теоретические этюды военно-революционной экономики России: (По материалам Конъюнктур. ин-та Петров. с.-х. акад.)//Сел. и лесное хоз-во. 1922. № 3—4. С. 64—67.

144. Оптимальные размеры земледельческих хозяйств//Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. М., 1922. Вып. 7. С. 5—82.

Рец.: Базыкин С.//Сел. и лесное хозяйство. 1922. № 9—10. С. 5—82; Крицман Л.//Вестн. Соц. акад. 1923. № 3. С. 401—406.

145. Основы сельскохозяйственной политики: (тезисы)//Труды 3-го Всероссийского съезда агрономов в Москве М., 1922. С. 13—14

146. Статистический справочник по аграрному вопросу/Под ред. Клепикова С. А. и Чаянова А. В. М.; Новая деревня, 1922. Вып. 3. Сельское хозяйство. 1918—1920. 32 с.

147. Современное состояние льняного рынка и возможные перспективы сбыта русских льнов. Лондон: Загран. упр. Центросоюза, 1923. 23 с.

148 Основные идеи и методы работы общественной агрономин. Изд. 3-е. М.: Новая деревня, 1924. 129, III с.: днагр.

Изд.: 1-е — 1918 г.; 2-е — 1922 г.

Рец.: Шорыгин Д.//Вестн. сел. хоз-ва. 1918. № 9—10; С. 22—23; Фабрикант А. О.//Сел. и лесное хоз-во. 1922. № 5—6. С. 198—199.

149. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства/Предисл. Крицмана Л. М.: Новая деревня, 1924. (На обл.: 1923). 16, 4, 153 с.: черт.

1-е изд.: 1922 г.

Отдельные главы книги помещены в журн.: Сел. и лесное хозяйство. 1923. Май — июль. С. 43—68; предисловие помещено также в Вестн. Ком. Акад. 1924. Кн. 7. С. 152—172.

150. Спорные вопросы кооперативного строительства//Вестн. с.-х. кооперации. 1924. № 4. С. 3—5.

151. Проблема финансирования кооперации//Вестн. с.-х. кооперации. 1924. № 5—6. С. 14—16.

152. К вопросу о финансировании с.-х. кооперации//Вестн. финансов. 1924. № 12. С. 72—77.

153. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1925. III, 215 с.: черт., диагр.

154. Сельскохозяйственная таксация: Основные идеи и методы ценностных вычислений в сельском хозяйстве. М.: Новая деревня, 1925. 187 с. (Из работ каб. с.-х. таксации и счетоводства н.-и. ин-та с.-х. экономии).

Рец.: Кузницкий С.//Экон. стр-во. 1925. № 9—10. С. 90—91.

155. Краткий курс кооперации. 4-е изд. М.; Кооп. изд-во, 1925. 78 с.

156. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем: Путеводитель по Тимиряз. с.-х. академии. М.: Новая деревня, 1925. 87 с.: ил., плак.

157. Желательные формы финансирования кооперативных заготовок сельскохозяйственного сырья//Экон. обозрение. 1925. № 2. С. 46—55.

158. Здоровые и болезненные явления в развитии кооперативных финансов//Вестн. с.-х. кооперации. 1925. № 3. С. 7—10.

159. Методы количественного учета эффекта землеустройства: Сб. статей/Под ред. Чаянова А. М., 1925. 151 с. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии; Вып. 17).

Из содерж.: Методы количественного определения эффекта землеустройства. С. 4—34; Издержки внутрихозяйственного транспорта и определение среднего расстояния полей от усадеб. С. 35—61.

160. К вопросу об организации мелкого сельского кредита//Экон. обозрение. 1925. № 1. С. 64—78.

161. Проблема трактора в сельском хозяйстве СССР//Экон. обозрение. 1925. № 5. С. 41—55.

162. Сельскохозяйственная кооперация как форма организации сельскохозяйственного производства СССР//Экон. обозрение. 1925. № 6. С. 58—67.

163. О санировании балансов сельскохозяйственной кооперации//Вестн. с.-х. кооперации. 1925. № 4. С. 20—23.

164. К вопросу о восстановлении сырьевой базы пивоваренного производства. Ежегодник. 1925. Т. 1. Секция пивоваров. С. 59—66.

165. Местные комбинаты по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов//Сельское хозяйство на путях восстановления. 1925. С. 732—752: граф.

166. Алексей Федорович Фортунатов: (некролог)//Вестн. статистики. 1925. Кн. 21. № 4—6. С. V—VIII.

167. 60-летний юбилей Фридриха Аэребоэ//Пути сел. хоз-ва. 1925. № 3. С. 173—175.

168. Гонтарева М. И., Лебедев В. И. Лабораторные занятия по организации сельскохозяйственных предприятий и ценностным вычислениям в сельском хозяйстве/Под рук. Чаянова А. В. М., 1925. 175 с. (С.-х. акад.).

169. Памяти Б. Н. Книповича//Книпович Б. Н. Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. С. V—VI.

170. Экономическне основы полевой культуры корнеплодов и трав/Совместно с Тумановскнм С. Н. 2-е изд. М.: Новый агроном, 1926. 119 с.: граф. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии; Вып. 21).

171. Проблемы урожая: Сб. статей/Под ред. Чаянова А. М.: Экон. жизнь, 1926. (2). III. 338 с.: табл., схем. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии. Вып. 16).

Из содерж.: Проблема урожая и опыты ее разрешения в развитии русской научной мысли. С. 5—50.

172. Новейшие течения в области экономических наук на Западе: (По материалам библиотеки н.-и. ин-та с.-х. экономии)//Пути сел. хоз-ва. 1926. № 10(16). С. 167—172.

173. Как организовать крестьянское хозяйство в нечерноземной полосе. М.: Гос. изд-во, 1926. 46 с.

174. Сельское хозяйство СССР//Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. М., 1926. Т. 41. Ч. 2. С. 1—41.

175. С. . . . Доклад. проф. А. В. Чаянова в Хлопковой секции ОСВОКа о водной ренте//Хлопковое дело. 1926. № 11—12. С. 903—904.

Краткое изложение доклада и прений.

176. Григорьев В. Н. Предметный указатель материалов в земскостатистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. М.: ЦСУ СССР, 1926. Вып. 1. V. 338 с.: прил. (Из работ кабинета с.-х. статистики при н.-и. нн-те с.-х. экономии. Вып. 16).

Предисловие и редактирование схемы А. В. Чаянова.

177. Овчинников Ю. Е. Организация страхования скота (с предисл. Чаянова А. В.). М.— Л.: Книгосоюз, 1926. 144 с.

* 178. История Высшей сельскохозяйственной школы в Петровском-Разумовском//Тимирязевка. 1927. № 9—18.

179. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. Изд. 2-е, заново перераб. и доп. М.: Книгосоюз, 1927. VII. 338 с.

180. Основные проблемы финансирования с.-х. кооперации//Финансы и нар. хоз-во. 1927. № 13(21). С. 8—10.

181. Методы таксационных вычислений в сельском хозяйстве/Совместно с Кратиновым В. Р. М., 1927. 137 с.: ил. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии: Вып. 23).

182. К вопросу о себестоимости хлопка-сырца в хозяйствах Средней Азии. М.: Промиздат, 1927. 30 с. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии: Вып. 32).

То же: Вопросы хлопковой экономии. М.— Л., 1927. С. 5—31.

183. О дифференциации крестьянского хозяйства//Пути сел. хоз-ва. 1927. № 5. С. 109—121.

От редакции: Дополнение к статье Чаянова А. В.//Там же. С. 121—122.

184. Краткий обзор центров экономической мысли в области сельского хозяйства в Европе и других странах//Бюл. н.-и. ин-та с.-х. экономии. 1927. № 1—2. С. 53—61.

185. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века//Крцимовски Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927. С. 199—239.

Рец.: Зак И.//Историк-марксист. М., 1928. Т. 8. С. 222—225.

186. Наука об организации сельского хозяйства за десять лет Советской власти//Пути сел. хоз-ва. 1927. № 10(28). С. 105—108.

187. Количественный учет эффекта землеустройства//Бюл. н.-и. ин-та с.-х. экономии. 1927. № 1—2. С. 83—85.

Обзор работ.

188. Организация коллективного хозяйства//Справочная книга агронома. М., 1927. Т. 1. С. 190—209.

189. К вопросу о засухоустойчивости крестьянских хозяйств Нижнего Поволжья//С.-х. жизнь. 1927. № 23. С. 5.

190. Профессор Николай Николаевич Худяков: (некролог)//Пути сел. хоз-ва. 1927. № 6—7. С. 3—4.

191. (Рецензия)//Бюл. гос. н.-и. ин-та с.-х. экономии. 1927. № 1—2. С. 83—85.

Рец. на кн.: Алеевский А. Н. Опыт практического определения экономического эффекта землеустройства. Тула, 1927.

192. Анисимов Я., Верменичев И., Наумов К. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп: Табл. счетовод. анализ 60 крестьян. хоз-в льняного р-на Волоколам. уезда Моск. губ./ Под общим рук. и ред. Чаянова А. В. М.: Моск. раб., 1927. Т. 1. 458 с.: табл. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии: Вып. 24).

Рец.: Сулковский М.//На аграр. фронте. 1928. № 2. С. 135—137.

193. Горецкий Г. И., Малышев С. М., Рыбников А. А. Экономическое влияние Москвы на организацию сельского хозяйства области: опыты профильных исслед. М.—Л., 1927. 127 с. Предисловие Чаянова А. В. С. 5—11.

194. Шуваев К. В. От вымирания к возрождению. М.: Новая деревня, 1927. 382 с.

Введение Чаянова А. В.

195. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах: 1917—1927/Под ред. Чаянова А. В. М.: ЦСУ СССР, 1927. 514 с.

196. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. 3-е изд. М.: Новая деревня, 1928. 92 с. (Из работ н.-и. ин-та. с.-х. экономии).

Рец.: Сулковский М.//На аграр. фронте. 1928. № 4. С. 45—49.

197. Методы составления организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий в условиях советской экономики//Бюл. гос. н.-и. ин-та с.-х. экономии. 1928. № 1—4. С. 5—14.

198. Себестоимость сахарной свеклы. М.: Правление Сахаротреста, 1928. С. 76, 132.: табл. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии. Вып. 43).

199. Экономика сельского хозяйства как основа построения программ опытных учреждений. М.: Новая деревня, 1929. 70 с. Отт. из сб.: Сельскохозяйственное опытное дело Наркомзема РСФСР в программах и планах на 1927/28—1931/32 гг. М., 1928.

Рец.: Иванов Г.//Соц. реконструкция сел. хоз-ва 1931. № 3. С. 197—199.

200. Эволюция идеи о совхозах//Совхоз. 1928. № 9—10. С. 45—52.

201. Институт сельскохозяйственной экономии в Оксфорде//Бюл. гос. н.-и. ин-та с.-х. экономии. 1928. № 1—4. С. 118—120.

202. Возможное будущее сельского хозяйства//Жизнь и техника будущего: Социальные и науч.-техн. утопии. М.—Л., 1928. С. 260—285.

203. Гонтарева И. И. Счетоводный анализ крестьянского хозяйства. М.: Новый агроном, 1928. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии. Вып. 30).

Вступительная статья Чаянова А. В.

204. Бюджетные исследования: История и методы. М.: Новый агроном, 1929. 331 с. (Тр. н.-и. ин.-та с.-х. экономии. Вып. 47).

205. Воспоминания о Н. Н. Худякове//Сборник научных работ и воспоминаний, посвященных памяти профессора Н. Н. Худякова. М., 1929.

206. Себестоимость сырьевых культур//Себестоимость продуктов сельского хозяйства. М., 1929. С. 118—142.

207. Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия//Экон. обозрение. 1929. № 9. С. 39—51.

То же: Вестн. с.-х. науки. 1988. № 1. С. 8—16.

208. Техническая организация зерновых фабрик//Экон. обозрение. 1929. № 12. С. 95—101.

209. От классовой крестьянской кооперации к социалистической реконструкции сельского хозяйства//Экон. жизнь. 1929. № 38.

210. Организация крупных льнотравопольных совхозов//Совхоз. 1929. № 6. С. 33—35.

Краткое изложение доклада А. В. Чаянова в Наркомторге СССР.

211. Крестьянское свеклосеяние Центрально-Черноземной области: (Бюджеты крестьян свеклосеющих хоз-в по Курскому р-ну). М.: НТУ ВСНХ СССР, 1929. XXXII. 151 с. (Тр. н.-и. ин-та с.-х. экономии: Вып. 49).

Материалы экспедиции 1928 г. под руководством А. В. Чаянова, он же автор методического введения. С. III—XXIII.

212. Письмо в редакцию//С.-х. газ. 1929. № 237.

213. К вопросу о проектировании крупных совхозов//Совхоз. 1930. № 11. С. 4—8.

В порядке обсуждения.

214. Технико-экономические вопросы строительства социалистического земледелия//Научн. слово. М.—Л., 1930. № 4. С. 3—15.

* 215. О судьбах неонародничества//С.-х. газ. 1930. 16 января.

* 216. Новые кадры нового земледелия//Соц. земледелие. 1930. 1 мая.

* 217. Возможен ли сельскохозяйственный гипромез (К вопросу о проектировании совхозов)//С.-х. газ. 1930. 28 января.

218. Краткий курс кооперации. Томск, 1988.

219. L'état actuel de l'économie et de la statistique agricole en Russie// Revue d'économie politique. Paris. 1928. N 1. P. 82—96.

220. Gegenwartiger Stand der landwirtschaftlichen Ökonomik in Russland// Schmollers Jahrbuch. 1922. Jahr. 46. S. 731.

221. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau von Alexander Tschajanow... Unter Mitwirkung des Verfassers aus dem russischen übersetzt von Friedrich Schlomer. Mit eine Vorwort von dr. Otto Auhagen... Berlin: P. Parey. 1923. S. 2, 132: illus. Literaturangaben: S. 131—132.

222. Die neueste Entwicklung der Agrarökonomik in Russland//Archiv für Socialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1923, Bd. 50, H. 1. S. 238—245.

223. Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme// Archiv für Sozialwissenshaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1924. Bd. 51, H. 3. S. 577—613.

224. Die Sozialagronomie ihre Grundgedanken und Arbeitsmethoden. Berlin: P. Parey, 1924. V. 111. 96 S.: ill.

225. Zur Frage der Bedeutung der Familienwirtschaft im Gesamtaufbau der Volkswirtschaft//Weltwirtschaftliches Archiv. Tübingen, 1925. Bd. 22. H. 1. S. 1—5. (B p.: Literatur).

226. Die Landwirtschaft des Sowjetbundes: ihre geograph. wirtschaftl., und soziale Bedeutung. Berlin, 1926. 40 S.

227. Die volkswirtschaftliche Bedeutung der landwirtschaftlichen Genossenschaften//Weltwirtschaftliches Archiv. Tübingen, 1926. Bd. 24. H. 2. S. 275—298.

228. Agricultural economics in Russia//Journal of farm economics. Menasha, 1928. Vol. 10, N 1. P. 543—549.

229. Die optimalen Betriebsgrossen in der Landwirtschaft. Mit e. Studie ub d. Messung d. Nutzeffektes v. Rationalisierungen d. Betriebsflache. Berlin: P. Parey, 1930. V. 111, 98 S.

230. The organizathion and development of agricultural economics in Russia//Journal of farm economics. Menasha, 1930. Vol. 12. N 3. P. 270—277.

231. Oeuvres choisies de A. V. Čajanov/Textes réunis et publ. par B. Kerblay.—[Wakefield/Yourkschire/] etc.: SR. publ. etc. 1967. /Etudes sur l'histoire, l'économie et la sociologie des pays slaves. École pratique des hautes études

Sorbonne. VI-e sect.: sciences écon. et sociales; 13/ Текст на рус. яз., факс. Vol. 1—8.

232. La organización de la unidad económica campesina. Buenos Aires: Ediciones Nueva Visión, 1974. 342 p.: graphs. map./Collecctión teorica a investigacion en ciencias sociales/.

233. The theory of peasant economy/Ed. by D. Thorner. Homewood, 1966. XXV. 317 p.

234. A. V. Chayanov on the theory of peasant economy/ed. by D. Thorner, B. Kerblay, R. E. F. Smith/With a Foreword by T. Shanin... Madison, Wisconsin: The Univ. of Wisconsin Press. 1986. 316 p. То же. Manchester: Manchester Univ. Press. 1987, 305 p.

235. Лелина книжка. М., 1912. 31 с.

236. Московские собрания картин сто лет назад. М., 1917. 16 с.

237. История Миюсской площади: (К истории Ун-та нм. А. Л. Шанявского)//Вестн. шанявцев. 1918. 16 с.: план.

238. История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М: Романтическая повесть, написанная Ботаником Х и иллюстрированная антропологом А. М., 1919.

239. Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей: Романтическая повесть, написанная Ботаником Х, иллюстрированная Фитопатологом У. М., 1921. 64 с.

240. Обманщики: Трагедия в 3 актах и 9 сценах, написанная Ботаником Х. Сергиев: Изд. авт., 1921. 31 с.

* 241. Московские собрания картин сто лет назад//Среди коллекционеров. 1922. № 1—4.

* 242. Собирательство в старой Москве. Собрания XVI и XVII вв.//Среди коллекционеров. 1922. № 1.

* 243. Цены русского фарфора в 1919, 1920 и 1921 годах (Экономический этюд)//Среди коллекционеров. 1921. № 4.

244. Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека: Романтическая повесть, написанная Ботаником Х и на этот раз никем не иллюстрированная. Берлин: Геликон, 1923. 46 с.

245. Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х и иллюстрированные фитопатологом У. М., 1924. 106 с.

246. Старая западная гравюра: Краткое руководство для музейной работы/С предисл. Романова Н. И. М., 1926.

247. Юлия, или встречи под Новодевичем: Романтическая повесть, написанная московским ботаником Х и иллюстрированная А. Кравченко. М.: Книгосоюз, 1928. 56 с.

* 248. Венецианское зеркало: Повести/Вступ. статья и прим. В. Б. Муравьева. М.: Современник, 1989. 236 с. («Из наследия»).

* 249. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии (Кремнев Иван)//Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 1—5.

* 250. Карта Москвы XVII века А. В. Чаянова//Архиктектура и строительство Москвы. 1988. № 9.

* 251. Письмо А. В. Чаянова В. М. Молотову. 6 октября 1927 г.//Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.

* 252. Чаянов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран. 6 октября 1927 г.//Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.

* 253. Краткий курс кооперации. Томск: Кн. изд-во, 1988. 71 с., с портр.

* 254. Избранные произведения/Сост. Е. В. Серова. М.: Моск. рабочий, 1989. 368 с.

* 255. Романтические повести/Сост. М. О. Чудакова и Р. М. Янгиров. М.: Правда, 1989 (б-ка «Огонек», № 28).

ЭН

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5

Краткий биографический очерк 6
А. В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства 26

Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства 52
Очерки по теории трудового хозяйства 70
Бюджет крестьянского хозяйства 90
Изоцены ржи 1909—1913, 1917 и 1920 гг. 110
К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства 114
О дифференциации крестьянского хозяйства 144
Себестоимость сахарной свеклы 160

Организация крестьянского хозяйства 194

Предисловие 194
Введение 196
Глава I. **Крестьянская семья и влияние ее развития на хозяйственную деятельность** 214
Глава II. **Мера самоэксплуатации трудовых сил крестьянской семьи. Понятие выгодности в трудовом хозяйстве** 232
Глава III. **Основные принципы организации крестьянского хозяйства** . 253
Глава IV. **Организационный план крестьянского хозяйства** 283
Глава V. **Капитал в трудовом хозяйстве** 365
Глава VI. **Народнохозяйственные следствия, вытекающие из организационных особенностей семейного хозяйства** 395
Глава VII. **Семейное хозяйство как одно из слагающих системы народного хозяйства и возможные формы его развития** 414

Комментарии 443
Именной указатель 469
Библиография 482

Чаянов А. В.

Ч32 Крестьянское хозяйство: Избранные труды/ Редкол. сер.: Л. И. Абалкин (пред.) и др.— М.: Экономика, 1989.— 492 с.— (Экон. наследие).— ISBN 5—282—00835—1

Центральное место в книге занимает монография «Организация крестьянского хозяйства» (М., 1925). Впервые на русском языке публикуется статья «К вопросу о некапиталистических системах хозяйства», изданная в 1925 г. в Германии. В сборнике представлены другие статьи А. В. Чаянова, посвященные проблемам дифференциации крестьянского хозяйства, исчислению себестоимости сельскохозяйственных продуктов, организации производства семейного крестьянского хозяйства.

Для научных работников, преподавателей экономических дисциплин и лиц, интересующихся вопросами экономики и организации сельскохозяйственного производства, историей экономической мысли

Ч $\frac{0602000000—146}{011(01)—89}$ КБ—51—7—88 ББК 65.02

Научная

ЧАЯНОВ Александр Васильевич

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Зав. редакцией **Б. А. Мясоедов**
Техн. редакторы **Г. В. Привезенцева, А. А. Благовещенская**
Худож. редактор **В. П. Рафальский**
Корректор **А. С. Рогозина**

ИБ № 3469

Сдано в набор 28.02.89. Подписано в печать 09.11.89. Формат 60×88¹/₁₆. Бумага журнальная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,38/30,38 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л. 33,35. Тираж 25 000 экз. (1-й завод 1—10 000 экз.). Зак. 491. Цена 2 р. 10 к. Изд. № 6837.

Издательство «Экономика», 121864, Москва, Г-59, Бережковская наб., 6.

Ленинградская типография № 4 ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Государственного комитета СССР по печати. 191126, Ленинград, Социалистическая ул., 14.